Александр Дугин

Конспирология

Конспирология — веселая наука постмодерна

Конспирология (по-английски «conspirology» или the «conspiracy theory») представляет собой весьма причудливое явление, которое приобрело особый размах именно сегодня, в эпоху постмодерна, с его тягой к экстравагантным и диспропорциональным построениям, к абсурду, к наложению друг на друга различных контекстов, к ироничному осмеянию духа Просвещения, рационального и позитивистского отношения к истории, политике, культуре, искусству.

Вера в заговор, оккультные силы и могущественные тайные организации, в «невидимую руку» и «мировую закулису», незримо управляющую ходом истории и подчиняющую народы и государства злой воле законспирированных «тайных господ», существовала в человечестве всегда. В этом смысле, современная конспирология продолжает вечную тему мифов о «темных силах», о «происках дьявола», о «кознях сатаны и его прислужников», что являлось и является важнейшей и необходимой частью всех мировых религий. Но классические представления о «дьяволе» и «его приспешниках» в религиозном контексте подчиняются строгой логике соответствующих богословских систем, тесно связаны с общей моделью догматов и принципов, и в этом смысле в них нет ничего особенно «странного» и «причудливого». Религиозная демонология это столь же строгая и догматически структурированная область религии, как и все остальные аспекты веры (одновременно можно сказать, что и столь же произвольная — основанная на откровении, которое надо принимать в целом и некритически). В свою очередь, современная конспирология интересна как раз тем, что традиционные «демонологические» и «эсхатологические» мотивы располагаются здесь вне строго определенного религиозного контекста, прикладываются к сугубо современным и пострелигиозным явлениям, и она не пользуется никаким ясным и строго определенным методом. Отсюда очаровательный хаос и пленительная бредовость конспирологических построений: каждый конспиролог приглашается к творческой игре в выстраивании мозаики самых различных гипотез, самых экстравагантных догадок, самых абсурдных подозрений по собственному вкусу и с нарочитым смешением контекстов. Именно эта свобода обращения с разрозненными и чаще всего на редкость нелепыми осколками традиционных демонологий, оформленных на современный манер, делает конспирологию характерным признаком постмодернистического стиля. Как постмодернизм в своей ироничной игре легко соединяет несоединимое — рационализм и мифы, современное и традиционное, тоталитарное и либеральное, осмысленное и бессмысленное, так и конспирология действует без правил и законов: здесь все может случиться, и самая невероятная гипотеза — например, о том, что Америкой правят инопланетяне, вступившие в заговор с секретными отделами ЦРУ и главой Федеральной резервной системы — вполне может быть направлением самых тщательных расследований, объединяющих толпы страстных конспирологов, которые тратят время, деньги, силы и нервы для сбора подтверждающих это фактов и аргументов.

Конечно, в отличие от художников-постмодернистов конспирологи чаще всего искренне верят в свои занятия и idées fixes, у них нет и следа иронии или цинизма, они копошатся в лабиринтах своего причудливого бреда с полной серьезностью и угрюмым упрямством. Но в этом они не столько отстают от постмодернистов, сколько опережают их — именно до такой пост-ироничной серьезности и должны дойти художники постмодерна, если они будут двигаться по общему вектору этого стиля все дальше и дальше. Если модерн со своей позитивной шкалой ценностей и цивилизационным проектом, действительно, исчерпан (как они утверждают), то места для истории более не остается, и игра с разрозненными хаотическими фрагментами «закончившейся истории» без всякой систематизации или упорядочивающей логики, приобретает характер серьезного скитания по граням инфернальной ленты Мебиуса — без конца и начала.

Если в 60-х — 80-х годах прошлого века конспирология была уделом маргинальных чудаков и желтейших «таблоидов», в 90-е она стала явлением массовой культуры. Прорыв

начался с сериала «X-files» («Секретные досье»), где агенты спецслужб Малдер и Скалли расследовали все виды возможных «заговоров» и «вторжений», иллюстрируя бесконечный набор конспирологических фантазий. «The truth is out there» — гласит девиз «X-files», «правда не здесь», «правда сокрыта». Это есть первый жест конспирологического отношения к миру. Это значит, «нас обманывают», и, следовательно, «надо докопаться до истины, какой бы она ни была». «Очевидно, что истина, до которой надо докапываться, должна быть какой-то сногсшибательной — иначе не интересно и не было бы резона ее скрывать», — рассуждают конспирологи. Поэтому начинать надо с самых сильных гипотез — например, «миром правит тайный нацистский орден с централом в Антарктиде; его агенты — во всех правительствах и международных организациях». Вот это, действительно, следует скрывать. А расследовать смертельно опасно. Так каждый конспиролог сам становится агентом Малдером или его коллегой Скалли. И рутина скучной, мещанской, обывательской жизни мгновенно наполняется новым смыслом.

Блестящее резюме конспирологии дано в фильме «Теория заговора», вышедшем в 1997 году (режиссер Ричард Доннер, в главных ролях Мэл Гибсон и Джулия Робертс). Здесь главный герой, водитель такси, вначале предстает законченным шизофреником с манией преследования, одержимым навязчивыми бредовыми идеями. Позднее, однако, выясняется, что все его экстравагантные гипотезы отражают истинную реальность, что только он и прав, а все «нормальные» окружающие его люди глубоко заблуждаются. «The truth is out there», — утверждает главный герой, и не только находит эту «правду», но и убеждает в ней других.

Так темы конспирологии вышли на большой экран, стали составляющей частью современной массовой культуры. Стремительно выросли тиражи различных конспирологических исследований: люди покупают их миллионами, независимо от того, каким бредом полны брошюры. Конспирология постепенно становится легитимным стилем, своего рода модой. И есть основания считать, что это не просто краткосрочное увлечение, но устойчивая социологическая тенденция.

С точки зрения постмодерна, речь идет не просто об открытии конспирологами каких-то объективных закономерностей, ранее скрытых. Отнюдь, нет. Речь идет о том, что размыт сам образ мира, сформированный в эпоху модерна — с его представлениями о том, что есть и чего нет, с его верой в устойчивость «физической и механической картины мира», с его убежденностью в объективности мира и рационалистической просветительской программой. И из «щелей» разлагающегося модерна проступает иной мир — вытесненный, причудливый, сновиденческий, экстравагантный, хаотичный. В этом мире возможно то, что невозможно в модерне, в нем есть то, чего в модерне нет и быть не может. В нем нелепость рядоположена с безусловной истиной, а случайный обрывок перевешивает целостную систему. Конспиролог своей убежденностью завораживает саму реальность, которая если и сопротивляется ему, то отнюдь не так, как ранее — в позитивистском цикле. Реальности, по большому счету, почти все равно, что о ней думают люди, а так как мир не более, чем представление (Schein, как сказал бы Гегель), то упорно настаивающие на своем конспирологи (в ситуации, когда никто вокруг ни на чем особенно не настаивает) подчиняют себе реальность. И мы смотрим по ТВ передачу о «стержнях», эфемерных неопознанных летающих объектах особой остроконечной формы, запечатленных случайно на нескольких фотоснимках любителей. Эта передача не ставит задачи кого-то убедить, но с каждой серией грани возможного размываются, и маниакальная настойчивость конспирологов постепенно сама становится вектором возможного.

Более всего конспирологический подход характерен для анализа политических процессов. Здесь конспирология получает очень широкую и благодарную массовую поддержку. Власть, даже в самых демократических и транспарентных обществах, всегда предпочитает конфиденциальность — большинство политических решений принимаются за закрытыми дверями, и никогда СМИ не могут по-настоящему проникнуть за этот занавес. Вполне реальная и прагматически объяснимая зона тени разрастается у активных наблюдателей до невероятных размеров: так рождаются мифы о всевозможных «заговорах»,

складываются системы «оккультных корней» и «тайных связей», появляются слухи о «зловещих тайных обществах» и «агентах влияний».

В прикладной политологии и политической журналистике конспирологический метод получил самое широкое распространение: чаще всего наблюдатель и комментатор действий власти не знает всей подоплеки происходящего, и достраивает неизвестные звенья или факты волюнтаристически — «теория заговора» в этом бесценный помощник. Если между одним политическим деятелем или событием и другим нет никакой явной и прозрачной связи, а их надо (по логике статьи или комментария) связать между собой, напрашивается конспирологический метод: «эта связь есть, но она скрыта», это «тайная связь», а если эту связь сами главные герои публично отрицают, то тем самым они только подтверждают догадку о ее существовании.

В конспирологической логике действует железное правило: отсутствие доказательства есть лучшее доказательство, ведь «the truth is out there»! При этом доверчивость публики довершает дело: лишенные чуда массы с радостью верят во все, отклоняющееся от привычной и банальной логики, энергии фантазии находят благодатную почву, и самые нелепые и причудливые «откровения» конспирологов относительно политической элиты встречаются «на ура». В некоторых версиях политической конспирологии (например, в США) само понятие «элиты» является почти синонимом «заговорщиков»: глубоко укорененные демократические представления настаивают на том, что в либеральном обществе «все равны в своих стартовых возможностях», а значит, обнаружить следы устойчивой элиты со строгой преемственностью в отношении политической власти и экономического могущества равнозначно в этом случае вскрытию «заговора».

В любом случае, в среде политических комментаторов умеренно конспирологические методы более чем распространены. Для краткого формата колонки или телекомментария совсем не подходят изощренные политологические построения или систематическое изложение совокупности сложных факторов, приведших к тому или иному политическому решению. Подчас необходимо, даже технологически, сжать объяснение до предела — формат «заговора» или «тайных договоренностей» идеально подходит и в этом случае: с одной стороны, смысл публике понятен, а недостаток или вообще полное отсутствие деталей, доказательств и аргументов объясняется тем, что все происходящее развертывалось «за кулисами». Это особенно убедительно, если в деле участвуют представители спецслужб, силовых министерств и ведомств и т. д. Здесь «туман» и «секрет» становятся чем-то само собой разумеющимися.

Политологическая конспирология более рациональна и реалистична, нежели конспирология, привлекающая для объяснения непонятных явлений «сатанинские ордена», «инопланетян» или «оккультные ложи». Но изначальная методология конспирологической конструкции в целом во всех случаях одинакова. Как бы то ни было, конспирология настолько распространена в современном обществе, — и как «масс-культура», и как настроение умов, и как структура политологического анализа, и даже как исследовательский метод, — что требует внимательного рассмотрения.

Данная книга является первой попыткой проанализировать конспирологию как социологическое и культурное явление, как концептуальный синдром постмодерна. Автор не ставил своей задачей дать исчерпывающую картину всех версий конспирологии, их бесчисленное число, и они постоянно растут. Цель была в том, чтобы описать некоторые закономерности конспирологического сознания, если угодно, его парадигмальные особенности, и проследить логику наиболее типичных, ярких и показательных конспирологических теорий. Описание и разбор различных версий «теории заговора», подчас весьма необычных и странных, служат наглядной иллюстрацией к данному исследованию, делают его не сухой социологической и философской аналитикой, но и занимательным (как мы надеемся) чтением.

Кроме того, в некоторых разделах этой книги приводятся примеры сознательного использования конспирологического метода для исследования тех или иных областей,

связанных с «оккультными организациями» и «тайными обществами», которые либо существовали в действительности (и это доказано надежными документальными данными), либо служат собирательным образом определенных тенденций, а иногда и «социальными мифами». Эти разделы уже не просто описывают и разбирают конспирологию как метод, но демонстрируют, как этот метод может быть применен в том случае, если сам объект исследования дает для этого все основания. В данном случае, речь идет о сознательном обращении к постмодерну и его правилам. Иными словами, данные разделы представляют собой авторские версии использования «политологии постмодерна» — с еще сохраняющейся иронической дистанции (что сближает их с продуктами творчества постмодернистов), но с аккуратным смещением в сторону страстной увлеченности странным объектом исследования и экстравагантностью метода (что характерно для самих конспирологов). Иными словами, в книге собственно конспирология совмещена с рефлексией относительно ее структурных и гносеологических механизмов.

Раздел, посвященный эзотерическим организациям и «тайным обществам», написан в классических традициях исследователей этих явлений, которые сами сознательно окружают свою деятельность завесой секретности и таинственности, пряча свои идеи и взгляды за мифами, иносказаниями, символами и т. д. Изучать подобные организации с позиции фактологии и исторического позитивизма просто неинтересно — все самое занимательное при «критическом» отношении ускользает. Гораздо продуктивнее в таких случаях пойти на поводу у «тайных обществ» и попытаться понять их собственную логику, расшифровать их специфический язык, вжиться в предлагаемые ими ассоциативные ряды. Так, крупнейший психолог и психиатр XX века Карл Густав Юнг, чтобы понять структуры психических заболеваний, расстройств, неврозов, да в целом человеческую психологию в ее глубинном измерении, всю жизнь активно изучал мифы, обряды, ритуалы, эзотерические догматы, алхимические трактаты и другие оккультные теории. В данном разделе мы старались двигаться по маршруту, подсказываемому самой изучаемой темой, чтобы яснее усвоить странную и подчас гротескную стихию конспирологического дискурса — для этого дискурса отсутствие доказательств или недостаток аргументов вообще ничего не значат: если фактов нет, значит, их кто-то тщательно скрыл; если люди отказываются во что-то верить, значит, ими кто-то сознательно манипулирует, отвлекая от главного. Конспиролога нельзя сбить ничем, реальность для него — заведомая подмена, результат массового гипноза, обман. Он принимает за истину только результат своих тщательных поисков тайного смысла по ту сторону очевидного и банального. И встав на его сторону, мы, действительно, попадаем в волшебный мир зазеркалья, где «все связано» — tout se tient, а если связей обнаружить нельзя, значит, их тщательно замаскировали. Безупречная логика, имеющая в себе нечто от озарения, сумасшествия и солипсизма. Для конспиролога, как для Шопенгауэра, «мир есть воля и представление». А все остальное — сплошной запутанный заговор.

Следующие разделы посвящены применению конспирологического подхода к политике и спецслужбам в тех моментах, где они пересекаются с элементами «тайного» и «оккультного». Обычно эта сфера остается вне внимания классической политологии, и только thrash-издания отваживаются строить гипотезы о том, какие «оккультные факторы» стоят за всеми известными политическими явлениями. Мы пытались несколько систематизировать (насколько это возможно) такой подход к теме, обращаясь к «теории заговора» с определенной дистанцией, скорее в качестве методологической иллюстрации. Но и в этом случае строгого исторического и фактологического анализа этой сферы просто не может быть, так как «тайные общества» сознательно стремятся засекретить свою деятельность не только от внешних глаз, но и от своих членов, переводя все на особый уровень языка. Найти точные соответствия элементов этого языка системе привычных прозаических явлений и вещей подчас не так просто — часто нет даже приблизительных аналогов. Поэтому там, где обычная политика пересекается с «оккультными организациями», начинается «теневая зона истории», требующая весьма специфического подхода, который заключается как минимум в понимании языка оккультных организаций, а

этот язык, по определению, конспирологичен и поддается освоению только в контексте конспирологии.

В частности, мы сопоставляем различные типы спецслужб с инициатическими организациями. Но это сопоставление будет понятным только в том случае, если нам удастся составить корректное представление о структуре инициатических организаций. Но это значит, мы уже переходим к той области, где грубая фактология нам мало поможет.

В приложении дан раздел «Великая война континентов». Этот текст был написан в 1991 и опубликован в одной из ведущих российских газет того времени. Его задача состояла в том, чтобы в занимательной и мистико-детективной форме изложить ряд вполне серьезных и рациональных геополитических теорий и принципов а также дать сжатый, но емкий анализ драматических событий, произошедших с СССР в 1991 году. И геополитический метод, и философские принципы, на которых основывался автор, и политическая платформа «третьего пути» и «консервативной революции» были в то время абсолютно неизвестны не только рядовому российскому читателю, но и ученым и специалистам, в силу специфики советского гуманитарного образования. Эту задачу — изложить кратко, в виде, своего рода, философского мультфильма серьезный анализ серьезных событий, связанных со сломом фундаментальных политических и культурных парадигм — помогла выполнить конспирологическая методика: здесь можно было легитимно отбросить фактологию, аргументацию, заведомо уклониться от какой бы то ни было критики. Да, «Великая война континентов» — это, своего рода, «постмодернистский текст», как справедливо заметили критики. Да, в нем легко читается ирония и дистанция, если угодно, провоцирование. Но это касается метода подачи материала и обусловлено задачей момента и необходимостью высказать одновременно множество совершенно не известных доселе идей, теорий и систем. Позже автор посвятил изложению основных этих моментов объемные и вполне серьезные научные тома — диссертации и антологии по геополитике, философии политики, консервативной революции, традиционализму, эсхатологии и истории религий. Но в тот момент требовалось сказать обо всем этом быстро, компактно и ярко. Что и было проделано в «Великой войне континентов». В каком-то смысле, в современной русскоязычной политологии — это первый пример сознательной и структурированной конспирологии. Кстати, это английское слово было введено автором в русский контекст в том же 1991 году и сегодня входит во многие политологические словари — термин и метод прижились. Именно как иллюстрация такого подхода текст «Великая война континентов» публикуется в этой книге в качестве приложения без какой-либо позднейшей редактуры. Мы предпочли публиковать его в первозданном виде, несмотря на многие очевидные сегодня нелепости, несоответствия, неточности и преувеличения, скорректированные позже в наших же серьезных и аргументированных научных трудах. «Великая война континентов» — это не более чем документ эпохи парадигмальных сдвигов, и в этом смысле он представляет определенный интерес для исследователей того времени. Вместе с тем, этот текст есть пересказанный (при этом творчески развитый и примененный к политическому моменту путча 1991 года) материал современного французского конспиролога Жана Парвулеско, который продолжает излагать свои идеи в том же духе и сегодня, смешивая детективный роман с мистическим трактатом и политической публицистикой. Его последняя книга «Владимир Путин и Евразийская империя» является в этом смысле полноценным и законченным образцом. Конспирология тема увлекательная, этот подход будит воображение, позволяет играть с реальностью, насыщая ее новыми смыслами и подозрениями, творчески создавая связи и ассоциации между разрозненными хаотическими квантами современного информационного общества. Вместе с тем, к этой сфере надо относиться деликатно и с определенной дистанцией, так как чрезмерное и некритическое увлечение конспирологическими сюжетами чревато интеллектуальной деградацией, систематическими упрощениями, а значит, умственной ленью, социальной пассивностью, а в некоторых крайних случаях и реальным психическим расстройством. Это как хорошая приправа — потребление ее в определенных блюдах и сочетаниях придает пикантность, но в чрезмерном

количестве и без тонко соблюдаемых гастрономических пропорций может вызывать отвращение. Здесь, как нигде, важен вкус: многое в конспирологических системах — метафора, провокативное преувеличение, стилевое обыгрывание материала. Трудная истина и головокружительная догадка подаются здесь с улыбкой и подмигиванием.

Конспирология отвлекает и развлекает нас, вместе с тем она увлекает — увлекает «отсюда» «туда». Ведь «truth is out there». Really.

А.Г.Дугин, Москва, 2005 г.

1. Парадигмы заговора

ВВЕДЕНИЕ В КОНСПИРОЛОГИЮ

Предмет исследования

Начиная рассмотрение столь деликатной проблемы как «теория заговора», порождающей вокруг себя страсти (и не только журналистские, но и политические, и даже юридические!), хотелось бы сразу определить специфику нашего подхода к данной теме. Мы совершенно убеждены, что наличие или отсутствие самого «заговора» ровным счетом ничего не изменило бы в данной проблематике: хотим мы этого или нет, в течение последних столетий современной истории конспирологические мотивы в историографии, в культурологии и даже в повседневной политике играют столь значительную роль (а в некоторых случаях являются даже наиболее весомым аргументом), что уже это само по себе заставляет нас внимательно изучать феномен «конспирологии». Здесь можно провести, естественно, mutatis mutandis, параллель с религией, которая существует не за счет факта Бога, но за счет факта Веры. В нашем случае можно было бы сказать, что «заговор», в самом общем смысле слова, существует, так так существует исторически и социологически фиксируемая вера в него, основывающаяся, кроме всего прочего, на более или менее тщательно разработанной и довольно разнообразной аргументации. Естественно, вопрос во всей своей полноте почти необъятен, и претендовать на его исчерпывающее рассмотрение мы ни в коей мере и не собираемся. Для нас, напротив, важнее всего предложить принципиальные пролегомены для беспристрастного и обоснованного исследования «теории заговора» вне полемических или чисто фактологических споров.

Если в течение, по меньшей мере, последних столетий множество людей были и продолжают быть уверенными в существовании более или менее универсальной сети «заговорщиков», преследующих какие-то особые планы, которые они хотят навязать человечеству, значит, предмет для изучения уже налицо.

Аргумент, чаще всего приводимый противниками «конспирологического» подхода к истории, состоит в указании на гротескность бытовой «конспирологии», чьи максимы, действительно, картинно несостоятельны и подчас абсурдны. (Особенно это характерно для антимасонских мифов конца XIX века — «дело Таксиля» и т. д.) Но благодаря исследованиям современных социологов и историков религии (и в особенности, Мирча Элиаде), мы знаем, что неадекватная, на первый взгляд, оценка различными слоями общества тех или иных исторических феноменов может свидетельствовать (и свидетельствует в большинстве случаев) об устойчивых бессознательных архетипах, которые приводят конкретные факты и события к мифологическим парадигмам, хотя эти парадигмы и могут оставаться совершенно вне рационального плана. К примеру, свойственный русскому большевизму мессианский пафос и явные его аналогии с карго-культами, практикуемыми на Новой Гвинее (см. М.Элиаде «Мефистофель и Андрогин»), свидетельствуют о глубокой архаичности определенных слоев народа, населявшего Российскую Империю перед октябрьской революцией, и об устойчивости некоторых мифологических комплексов на уровне коллективного бессознательного. Точно так же дело обстоит и с бытовой «конспирологией». Ее чрезмерность и упрощенность суть

знаки ее соответствия каким-то архаическим пластам, которые не могут до конца быть просветлены рациональностью, но все же стремятся вылиться, восстать из глубин, чтобы донести свое немое и подчас нечленораздельное послание об «опасности мирового заговора». И тот факт, что увлечение конспирологией часто чревато действительным психическим расстройством, с одной стороны, а с другой, что многие душевнобольные естественно и спонтанно, безо всякой предварительной подготовки, воспроизводят в общих чертах все этапы «конспирологической логики» (вспомнить хотя бы различные разновидности маниакально-депрессивных расстройств), лишний раз доказывает укорененность проблемы «заговора» в базовых уровнях человеческой и социальной психики, а отнюдь не служит «доказательством того, что теория заговора — это продукт психического расстройства». Здесь логика обратна. Ослабление по тем или иным причинам рациональных индивидуализированных структур сознания выявляет наиболее глубинное содержание психики, и лишь высвечивание этого содержания (а отнюдь не бегство от него) может действительно привести к формированию подлинно полноценной личности, идеальным примером которой могут служить ортодоксальные религиозные мистики, пропитывающие психические бездны светом конкретной, рациональной и даже сверхрациональной теологии.

Как бы то ни было, «конспирология» сама по себе безусловно нуждается в планомерном анализе и изучении, что мы и предлагаем осуществить (или, по крайней мере, начать осуществлять в меру возможностей) всем заинтересованным в этой области исследователям, а также самим сторонникам и противникам тревожной «теории заговора».

Основная конспирологическая модель

Рассмотрим теперь, что, собственно, имеется в виду в наиболее общем случае, когда упоминается «заговор», а точнее, «заговор в мировом масштабе» — ведь именно идея такого «глобального заговора» и составляет основу «конспирологии» даже в тех случаях, когда речь идет об объяснении или «разоблачении» какого-то частного, локального заговора.

Схематически можно сказать, что начальной аксиомой конспирологии является идея о существовании тайного общества, члены которого стремятся подчинить себе весь мир и создать совершенно новый порядок, в котором они будут занимать ключевые позиции и безраздельно властвовать. При этом важно, что сам предполагаемый порядок будет не безразлично каким, а прямо противоположным тому, который имеется в данный момент или который был «вчера», то есть «естественному». Само тайное общество состоит не просто из «плохих», но «обычных» людей, а из особых «гениев Зла», которые при этом имеют некую фундаментальную типовую аномалию по сравнению с «нормальным», «естественным» человечеством.

Итак, по пунктам:

1 — В центре «заговора» стоят люди.

2 — Эти люди скрыты под покровом тайны.

3 — Эти люди принципиально дефектны в самой своей основе.

4 — Цель «заговора» — в создании «антиреальности», соответствующей «антинормальности» самих заговорщиков.

5 — Негативная цель «заговора» — уничтожение «естественного», «нормального» порядка вещей, который является «преградой» и «препятствием» (или, по меньшей мере, порабощение и подчинение «нормальной» реальности).

Сразу же надо заметить, что первый пункт отнюдь не тавтологическое утверждение. Напротив, он является одной из фундаментальных черт специфически современной (то есть возникшей после эпохи Просвещения) конспирологии, в отличие от аналогичных концепций, присутствовавших в традиционных сакральных обществах. В принципе, наличие у истории некоторой цели, некоторой логики и некоторых предопределенных этапов признается всеми религиозными доктринами, а также некоторыми профаническими учениями (такими, как марксизм с его логикой «смены экономических формаций»). Но чаще всего религиозные

догматы возлагают ответственность за циклический ход истории, постоянно удаляющейся от своего сакрального истока, а значит, постоянно деградирующей, на безличные силы Рока, Судьбы или на внечеловеческих исполнителей Предопределения — ангелов, демонов, сущностей мрака, которые «тянут» человечество к эсхатологическому падению и разложению. В современной же конспирологии неизменно подчеркивается именно человеческий характер заговора, а телеологические идеи Предопределения, как правило, играют вспомогательную роль (и то только у определенного типа конспирологов). «Заговор» — это обязательно «заговор людей», и не случайно появление исторической конспирологии совпадает именно с эпохой Просвещения, когда «гуманистический», «чисто человеческий» фактор стал культурной доминантой у определенной части человечества (т. е. на Западе).

В целом, Новое время было резким разрывом с последними инерциальными остатками сакральной цивилизации в Европе, которая начала стремительно дезинтегрироваться, начиная с последних столетий Средневековья. Новое время стало торжеством «человека», взятого как некая causa sui. И параллельно с наступлением «гуманизма» на все сферы культуры историческая Предопределенность, вера в которую в реальности на многие столетия пережила собственно крах религиозной цивилизации на Западе, облеклась в форму «тайного общества» людей, ответственных за негативный исторический ход событий, за все «зло», происходящее в обществе и в цивилизации в глобальном масштабе.

Таким образом, конспирология в большинстве случаев сопряжена со «светским», «лаическим», «нерелигиозным» отношением к логике истории. Но одновременно, типичное конспирологическое сознание на практике пропитано и пониманием неизбежности такого поворота событий, что является рудиментом сакрального мировоззрения. Чтобы быть точным, для конспирологии в целом свойственно именно сочетание «светских» и «религиозных» мотивов (а точнее, «гуманизма» и «фатализма»), и это сочетание (которое чаще всего остается неосознанным) объясняет особую экстравагантность, зачастую свойственную конспирологическим концепциям.

То, что общество «заговорщиков» является тайным, также следует из двойственного подхода и к пониманию механизмов истории. С одной стороны, оно скрыто от обычных глаз, как скрыты потусторонние силы Зла для верующих людей. С другой стороны, это — все же общество, то есть некая социальная структура, а не «демоническая свита Дьявола» и не «войско Асуров», как в индуизме.

Точно так же и «новый всемирный порядок», являющийся целью «заговорщиков», мистичен, как «апокалиптическое царство антихриста», но одновременно по-человечески рационален, лишь в особой обратной, но столь же «гуманистической» логике. Например, вместо «лучших» в нем будут править «худшие», вместо «нормы» в нем будет узаконена «патология» и т. д.

И наконец, агрессия «заговорщиков» против статус-кво данного конкретного общества постоянна лишь в одном: она всегда направлена против того, что есть в данный момент, независимо от его качества. Так, для религиозного сознания деградация реальности, универсальное «грехопадение» мира, имеет только одно направление — ко все большему разложению вплоть до последней эсхатологической катастрофы и новой интеграции с Принципом. Поэтому для конспирологов негативен сам ход истории цивилизации, а не конкретная ее фаза. Эта ненависть к настоящему и инкриминируется «заговорщикам» в каждую конкретную эпоху по мере того, как меняются общественные устройства и политические приоритеты.

Все выделенные выше моменты прекрасно сообразуются с полубессознательным характером конспирологических концепций, в которых в качестве «архаического», «инерциально и бессознательно религиозного» элемента выступает смутное понимание сакрального детерминизма Истории, ее циклической Предопределенности, а в качестве «рациональной надстройки» — позитивистски-гуманистическое представление о «человеке как творце истории». Отсюда, кстати, и частый привкус ментальной патологии у конспирологов как следствие сочетания двух разнородных систем координат в одном и том

же подходе к рассмотрению реальности. Поэтому сами «заговорщики» в глазах их разоблачителей приобретают характер особых монстров, в которых «человеческое» (и, естественно, все человеческие пороки) сопрягаются с «нечеловеческим», отражая тем самым изначальную установку самих конспирологов, в сознании которых оба плана, как правило, перемешаны.

Конспирология и традиционализм

Сделаем небольшое отступление в несколько иную, но, тем не менее, непосредственно сопряженную с конспирологией сферу. Мы имеем в виду то, что сегодня с определенной степенью условности называют «традиционалистской мыслью» («la pensee traditionnelle»). Речь идет об особом направлении мышления, которое представляет собой беспощадную критику современного мира. В отличие от подавляющего большинства критиков современной цивилизации традиционалисты основываются на ценностях не «гуманистических» и «прогрессивных», но на ценностях Интегральной Традиции, понимаемой как «тотальный феномен», подчиняющий себе все аспекты общественной, политической и культурной жизни. Наиболее выдающимся представителем такого подхода был французский эзотерик Рене Генон, сформулировавший базовые принципы «традиционалистского» подхода. Ретроспективно, уже после Генона, к предтечам традиционализма были причислены такие знаменитые «теократические консерваторы» Запада, как Доносо Кортес и Жозеф де Мэстр, а также некоторые писатели «оккультистского» направления (и в первую очередь, Сэнт-Ив д’Альвейдр). Но все же, именно Генон и мыслители, на которых он оказал решающее влияние, стали «традиционалистами» в полном смысле этого термина.

Конспирологические мотивы, безусловно, не являлись и не являются центральными для традиционалистов, но они в то же время всегда проявляли к ним огромный интерес (о чем свидетельствует, помимо всего прочего, тот факт, что сам Генон сотрудничал некоторое время с таким знаменитым конспирологом и антимасоном, как Абель Кларен де ла Рив, и даже писал в его журнале «Антимасонская Франция» под псевдонимом «Сфинкс»). Но дело даже не в том, что конспирология в какой-то мере занимала традиционалистское сознание; для нас гораздо важнее, что именно традиционалисты сформулировали впервые и с предельной ясностью интеллектуальную и историческую парадигму того феномена, который у обычных конспирологов именуется, как правило, «заговором». Традиционалисты, полностью признавая непререкаемый авторитет сакральной и религиозной Традиции и доводя до последних границ применение традиционных учений ко всей сфере цивилизационных и исторических феноменов, были (по меньшей мере, теоретически) свободны от предрассудков «гуманистического» и «позитивистского» сознания, которые, собственно, и лежали в основе ментального комплекса конспирологов. Поэтому традиционализм смог свободно осветить и высказать то, к чему лишь «полусознательно» стремились сторонники «теории заговора». И в то же время именно традиционалистское понимание этой проблемы смогло вскрыть все погрешности, натяжки и недоразумения, свойственные чисто конспирологической методике.

С точки зрения традиционалистов, история является целиком и полностью сакральной, имеющей нечеловеческий (божественный, ангелический) исток и нечеловеческую финальную цель. Логика сакральной истории предопределена всей метафизической структурой бытия и подчиняется исключительно закону высшего божественного провидения. Человек играет в такой истории роль сугубо символическую и ритуальную. Он замещает, имитирует в земном мире небесный принцип, реализует в этом бытии божественный план провидения. Человек в такой перспективе является сосудом нечеловеческого, божественного (вспомните знаменитый пассаж из Псалтыри: «Аз рекох: бози есте», т. е. «Я Бог сказал: вы — боги»). Но одновременно с этим структура сакральной истории подчинена закону деградации, инволюции, поскольку сразу после благого в своей

эссенции, в своей сути, сотворения (проявления) мира, у этого мира есть только один путь развития — удаление от Истока (в противном случае возвращение в лоно Творца означало бы прекращение существования мира как чего-то отдельного от Творца, т. е. прекращение мира как такового, его Конец). Мир, остающийся творением (а не Творцом), развивается в сторону упадка, ухудшения, теряя все более сходство с Принципом. Когда цикл мира достигает минимума (т. е. максимума деградации), происходит мгновенная реинтеграция, возвращение отторженной реальности в лоно Первоистока. Такие пульсирующие циклы (появление — постепенный упадок — мгновенное восстановление) составляют основное содержание парадигмы сакральной истории в самой общей форме. Человек же в своем мире является одним из элементов сакрального комплекса, а значит, и его человеческая история есть процесс циклической деградации от райского ангелического статуса изначального Адама Золотого Века до падших демонизированных «недолюдей» апокалиптического периода, по окончании которого таинственным образом является новое сакральное человечество следующего Золотого Века.

В рамках такой картины роль человеческого фактора в истории приобретает качество двойственности. С одной стороны, люди лишь исполняют планы Провидения, подчиняясь объективной логике цикла, а с другой — и сами являются действующими лицами этой истории, так как на земном уровне именно человек (в сакральном понимании этого термина, т. е. «высший человек», «человек как носитель метафизического сознания») замещает Принцип по отношению к другим существам. Поскольку, с традиционалистской точки зрения, люди сущностно и принципиально не равны друг другу, то и в сфере истории существует иерархия различных типов человеческих существ. Одни стоят ближе к воле Провидения, и такие являются активными участниками истории, другие — дальше от нее, и в этом случае они пассивны в отношении хода истории. В сугубо человеческой перспективе (т. е. вынося за скобки план Провидения), первый тип людей считается и является властвующим, второй — подчиняющимся. Но поскольку сакральная иерархия Традиции основывается на примате Единства над множеством и качества над количеством, то, естественно, иерархия властвующих должна сужаться по мере приближения к вершине, где находится символический один-единственный Король Мира, Бого-Человек, Медиатор, Великий Посредник между Землей (людей) и Небом (духа). Эта символическая фигура (Шакраварти индуистской доктрины, сакральный Император китайской традиции, Царь-Мессия иудаизма и т. д.) и является истоком земной власти и центром, предопределяющим земную человеческую историю в соответствии с законом Провидения. Но это существо уже более не является человеком в полном смысле этого слова. Он есть нечто большее, Он — это Бого-Человек, во-человечившийся Ангел. (См. Р. Генон «Король Мира»).

Так как, по мнению традиционалистов и самой Традиции, сегодня мы живем в финальном периоде цикла, в эпоху затемнения и предельного удаления творения от Творца (и в этом утверждении сходятся между собой все сакральные аутентичные религии и традиционные формы — как индуизм, так и ислам, как христианство, так и буддизм, как даосизм, так и самые архаические, фетишистские, деградировавшие культы), то затемняется и скрывается от людей и сам сакральный Принцип, а значит, и фигура Короля Мира, высшего исполнителя планов Провидения на земле, и центр истории также покрывается завесой тайны, исчезает из поля всеобщего внимания, уходит в таинственные и недостижимые регионы. Но удаление Принципа не означает его реальное и полное отсутствие, он продолжает быть вездесущим и центральным, но только особым секретным образом. Тайная деятельность Короля Мира и избранных им сподвижников не прекращается ни на мгновение даже в самые мрачные и профанические эпохи.

С другой стороны, коль скоро в Божественной логике истории деградация мира метафизически необходима, должны иметься и реализаторы этой необходимости, носители разрушения. А коль скоро мы имеем дело с человеческим существованием, то носители сил разрушения должны быть и среди людей. В богословии силы деструктивности и деградации

персонифицируются в фигуре дьявола, падшего ангела. Метафизическая же перспектива традиционализма обозначает центр сил разрушения как «контринициацию», т. е. особый тип традиции, в которой все пропорции искажены, и все акценты переставлены на прямо противоположные. Этот центр контринициации является вторым полюсом истории, источником цивилизационной инволюции. Его возглавляет пародийный, обратный «король мира» — тот, кого Евангелие называет «Князь Мира Сего». Указательное местоимение «сей», «этот», подчеркивает имитационный характер контринициации, которая воспроизводит в обратной перспективе («снизу», «в сугубо посюстороннем») структуру центра провиденческой власти «сверху», имеющей «потусторонний», трансцендентный, характер центра, возглавляемого истинным Королем Мира. И естественно, что контринициация имеет и свою человеческую проекцию, т. е. особый тип людей, который исполняет с достаточной степенью осознанности волю Рока, подчиняясь силам разрушения. Такой тип людей, «агентов» «Князя Мира Сего», исламская традиция называет «авлии-эш-шайтан», т. е. дословно, «святые сатаны». Деятельность контринициатического круга людей также непременно должна быть скрытой от посторонних взглядов, так как цели и задачи контринициации не могут не ужасать «нейтральных» людей, в которых всегда с необходимостью остаются хотя бы крохи сакрального и религиозного чувства.

Итак, традиционалистский взгляд на метафизику истории утверждает существование тайного центра человеческой истории, который, более того, состоит из двух противоположных частей — центра Провидения (Король Мира) и центра контринициации (Князь мира сего). Безусловно, сама деградация мира входит в планы божественного Провидения и служит некоторой высшей трансцендентной цели (а значит, в конечном итоге, и сам Князь мира сего является лишь инструментом истинного и единственно всемогущего Короля Мира), но все же в процессе истории два полюса тайной власти разделены между собой бездной и лежат по обе стороны от человечества, являя собой его исторические и духовные пределы — предел возвышения и святости и предел падения и греха. Между этими двумя полюсами тайной власти в течение всего хода истории ведется непримиримая борьба, являющаяся последним и наиболее глубоким содержанием глобального цикла человечества. (См. Р.Генон «Царство количества и знаки времени», Ю.Эвола «Революция против современного мира» и т. д.)

Традиционалистская перспектива, таким образом, дает нам наиболее полную и комплексную картину сакральной подоплеки конспирологии. Но самое важное, на наш взгляд, заключается в том, что обычная конспирологическая оптика не позволяет сделать четкого различия между тайным центром Провидения и центром контринициации, а значит, возможность спутать Короля Мира с Князем мира сего (а также избранных ими в качестве своих служителей и наделенных особой исторической миссией сподвижников, «агентов») всегда присутствует в ходе конспирологических поисков, что делает всю эту область предельно опасной для недостаточно компетентных исследователей и отчасти объясняет тот тревожный привкус, которым отличается вся конспирология в целом, а также частые необъяснимо трагичные судьбы самих конспирологов. Не будучи в состоянии разделить внутри таинственного центра «заговора» две противоборствующие силы, конспирологи соединяют воедино нечто столь же далекое друг от друга, как вода и огонь, как рай и ад, и поэтому их интуиция обречена на то, чтобы всегда оставаться лишь тревожным «подозрением», в котором высшая истина накрепко соединена с чудовищной ложью.

Конспирологические вариации

Прежде чем приступить к общему концептуальному обзору конкретных конспирологических моделей, мы назовем наиболее часто встречающиеся варианты «теории заговора».

1 — «Масонский заговор». Эта тема наиболее характерна для контрреволюционеров религиозной ориентации, католиков-интегристов, православных консерваторов и

фундаменталистов. В разоблачении масонского заговора традиционно преобладают теологические мотивировк и.

2 — «Еврейский заговор». Этот «знаменитый» конспирологический концепт имеет две основные версии: теологическую (в данном случае критике подвергаются религиозные аспекты иудейства) и расистскую (здесь речь идет о национальной специфике евреев и их расовой миссии).

3 — «Заговор банкиров», и шире — «экономический заговор». Здесь конспирология соприкасается с политологией, экономизмом и социологией. Некоторые аспекты такого конспирологического варианта совпадают с политическими доктринами марксизма.

4 — «Заговор неимущих» или «большевицкий заговор». Эта концепция, в свою очередь, соответствует клише европейского массового сознания.

5 — «Мондиалистский заговор» — новейшая форма конспирологии, разоблачающая планы «тайного мирового правительства» в последние десятилетия. Особенностью этого варианта конспирологии является то, что основным объектом исследования становятся Соединенные Штаты Америки как особый геополитический центр со специфическими и весьма подозрительными в ряде аспектов культурной и футурологической концепциями.

6 — «Заговор сект». В качестве новой версии этой довольно старой конспирологической темы можно выделить концепцию «неоспиритуалистического заговора», которая рассматривает политическую активность неомистических групп и движений.

Ниже мы опишем в нескольких словах специфику каждой из этих концепций.

Дьявол в фартуке с молоточком и лопаткой

Теория «масонского заговора» начала всерьез складываться с эпохи Французской революции, хотя и ранее в XVIII веке существовали довольно серьезные антимасонские выступления (см. «Письмо и консультация относительно Франк-масонов», написанное шестью докторами Сорбонны в 1748 году). Наиболее фундаментальными произведениями, разоблачавшими масонскую и антирелигиозную сущность Французской революции, были труды французского аббата Августина Баррюэля и англичанина Джона Робинсона, опубликованные, соответственно, в 1797 и 1979 годах. Любопытно, что Робинсон сам принадлежал к английской масонской ложе, но путешествие по Европе, и особенно по Франции и Германии, убедило его в радикальном отличии «антирелигиозного» континентального масонства от вполне лояльного по отношению к Церкви английского масонства. Название основного труда Робинсона говорит само за себя: «Доказательства заговора против всех религий и всех государств Европы, почерпнутые на ассамблеях Иллюминатов, Франк-масонов и литературных обществ» (Лондон 1797). Любопытно, что другим разоблачителем «масонского заговора» и непримиримым врагом Революции был также масон высшей степени посвящения Жозеф де Мэстр, который считается основоположником «абсолютного теократического консерватизма» и «отцом мировой контрреволюции».

Логика Баррюэля и его продолжателей в целом сводилась к следующему: масонство представляет собой не филантропическую секулярную организацию невинных гуманитариев и чудаков-ученых, как это принято было считать в XVIII веке, но тайное общество антихристианской и сатанинской направленности, в цели которого входит уничтожение Церкви и европейских монархических держав, установление кровавой диктатуры и демонических культов. Это общество имеет многовековую историю и ответственно за основные катастрофы европейской христианской истории. Под маской либерализма и вольнодумства в масонстве скрывается тоталитарный атеизм, тирания, а внешняя нелепость масонских ритуалов лишь призвана скрывать жесткую и разветвленную интернациональную космополитическую структуру, покрывающую весь мир. Французская Революция была проявлением этой дьявольской силы.

Все масонские ритуалы перетолковывались Баррюэлем в демоническом ключе, и масонству инкриминировалось демонопоклонничество, все виды богохульных и святотатственных действ, черные мессы и т. д. Собственно, уже в первых антимасонских книгах проглядывают типичные и устойчивые уравнения: «масонство есть социально-политическое выражение сатанизма», «масон — это убийца, развратник, атеист и богоборец». Позднее конспирологическая тема не приобретет почти никаких новых теоретических дополнений, и лишь все новые и новые факты и интерпретации фактов будут копиться в книгах, разоблачающих «дьяволов в фартуках с молоточками и лопатками».

Спустя столетие Папа Лев III издает антимасонскую буллу, где содержится знаменитый призыв: «Сорвите с франкмасонерии маску, покажите ее такой, какая она есть!». На новой волне антимасонства появляются такие знаменитые конспирологи, как Арман-Жозеф Фава, Поль Копэн-Альбанселли, де Бессонье (известный более под псевдонимом Габриэль Сулакруа), Абель Кларен де ла Рив и сам Лео Таксиль, чьи разоблачения сатанинской сути масонерии вначале, а затем признания в подделке и подтасовке фактов, в свое время вызвали огромный скандал во всем католическом мире.

В XX веке эту линию продолжили польский аристократ Эммануэль Малынский, написавший 25 томов «Миссии Божьего народа», и его соавтор Леон де Понсэн, издававший журнал под классическим названием «Контрреволюция».

В России конспирологическая антимасонская линия Запада (и, естественно, в первую очередь, западного католичества) была поддержана такими авторами, как Алексей Шмаков и Александр Селянинов, которые, будучи знакомыми с идеями европейских контрреволюционеров, не только пересказали их русской публике на отечественном материале, но и добавили православный элемент в теологическую канву антимасонской полемики. Но наиболее яркой фигурой (по меньшей мере, судя по влиянию его откровений на историю XX века) стал Сергей Нилус, опубликовавший знаменитые «Протоколы Сионских Мудрецов», в которых «теория заговора» в наиболее яркой и впечатляющей форме излагалась от лица самих «заговорщиков».

Следует заметить, что практически во всех произведениях антимасонских писателей строго консервативного, «контрреволюционного» склада, основная парадигма остается постоянной. Разоблачение масонерии проходит по одной и той же традиционной схеме.

Даже сегодня антимасонские конспирологи фактически повторяют Баррюэля — как в Европе, где, кстати, контрреволюционные, католико-интегристские (а значит, имплицитно антимасонские) настроения стали в последние годы снова распространяться в определенных политических и церковных кругах, так и в России, где «Протоколы Сионских Мудрецов» в наше время вызывают интерес самых различных по своим политическим взглядам людей.

Любопытно отметить, что яростная трехсотлетняя полемика антимасонов и защитников масонства со всеми приводимыми доказательствами, разоблачениями, вскрытиями подделок и шумными кампаниями в прессе, ровным счетом никого ни в чем не убедила (и видимо, не убедит). Конспирологические антимасонские настроения поднимались отнюдь не по причине особой весомости аргументов разоблачителей масонского заговора, а спадали совсем не из-за убедительности масонских опровержений. В конспирологических циклах доказательность не имела почти никакого веса, и несмотря на все приводимые факты стороны с удивительным постоянством сохраняют приверженность изначальным парадигмам, которые, как ни странно, почти не меняются со временем и находят в XX веке не меньше приверженцев, чем в XVIII.

Антимасонский тезис отличается удивительной устойчивостью, что свидетельствует, по меньшей мере, о его соответствии некоторым действительным психо-политическим архетипам, которые не только пробуждают сходные интуитивные опасения у людей столь различных между собой поколений трех последних столетий, но и, возможно, аффектируют сам масонский мир, обнаруживая действительное присутствие второго дна в этом странном политико-культурном движении, быть может, неизвестного подчас и самим братьям-строителям Храма.

«Лучшего из гоев убей»

С концепцией «заговора масонов» тесно и подчас почти неразделимо связана концепция «иудейского заговора». Эта связь запечатлелась в характерном для конспирологов выражении «иудео-масонский заговор», ставшем распространенным клише и у противников «заговора» и у антиконспирологической пропаганды, постоянно пытающейся доказать несостоятельность и гротескность этого сочетания терминов. Но все же антимасонская конспирология не всегда прямо тождественна антииудаизму, и особенно потому, что антимасонство почти целиком является доктриной религиозной и контрреволюционной, прибегающей, в первую очередь, к теологической аргументации, в то время как антииудаизм часто бывает совершенно оторванным от всякой теологии и основывается в этом случае на чисто расовой или этнической аргументации.

Конечно, исторический антииудаизм, равно как и антимасонство, были по преимуществу христианскими. Неприятие Исуса Христа иудаизмом в целом означало фундаментальную оппозицию двух религиозных перспектив, которая еще больше усиливалась благодаря определенной преемственности христианства по отношению к иудаизму. Кроме того, определенный антииудейский пафос свойственен некоторым пассажам самого Нового Завета. Дело в том, что многочисленные места Талмуда отличаются непримиримой и теологически обоснованной (в сугубо иудейской перспективе) ненавистью как к Исусу Христу, так и к христианской Церкви. В отличие от ислама или других традиций, чья общая религиозная перспектива слишком далека от религиозной догматики христианства, в компетенцию иудаизма входила вся теологическая проблематика, связанная с Ветхим Заветом, его толкованием, расшифровкой смысла фигуры грядущего мессии и т. д. И это, естественно, происходило в духе совершенно противоположном христианской доктрине, которая однозначно, через святого апостола Павла, объявила о конце эры Закона (а значит, и теологической методологии, связанной с этой эрой) и о начале новой эры Благодати, пришедшей вместе с воплощением Самого Слова, Христа-Иммануила, которая радикальным образом изменила сакральные пропорции религиозного мировосприятия. Таким образом, иудаизм после Пришествия Исуса Христа стал естественным и первоочередным теологическим противником Церкви Христовой.

Но конспирологический антииудаизм появился намного позже, только в тот период, когда теократическая христианская цивилизация Запада стала стремительно разлагаться. Видя упадок собственной религии, некоторые христиане связывали его с «происками» противников своей веры, а таковыми не только «мифологически», но и теологически действительно являлись и являются иудеи, исповедующие Закон так, как если бы Благодать еще не пришла в мир (другое дело, что в конспирологической перспективе роль этого объективно существующего теологического противоречия подчас раздувается до невероятных пропорций). Так, деградация Церкви и постепенная утрата ею центральных позиций в обществе привела к возникновению концепции «иудейского заговора», т. е. к тезису о существовании политической и интернациональной тайной организации иудеев, стремящейся к утверждению своей религиозной правоты на социальном, политическом и экономическом уровнях, что возможно лишь при уничтожении в мире христианского мировоззрения и связанного с ним общественного устройства. Конспирологи антииудейского толка обратились к талмудической и постталмудической литературе и распознали там базовые принципы особой иудейской политической стратегии, основанной на религиозных принципах иудаизма. Определенные места дышали религиозной ненавистью к тем, кто, с точки зрения ортодоксальных иудеев, является «неверным», «идолопоклонником», «язычником», «гоем» (по-древнееврейски — «народ»), «акумом» (по-древнееврейски — сокращение от выражения «поклонники звезд и планет»). И если доконспирологический антииудаизм обвинял иудеев в относительно «мелких» магических или экономических преступлениях (что не раз приводило к массовым гонениям на евреев),

то специфика конспирологического антииудазма состояла именно в разоблачении международной секретной организации, ставящей целью тотальное утверждение иудаизма как высшей религиозной и политической силы на планете. Очень любопытно, что конспирологические разоблачения антииудеев предшествовали таким политическим феноменам, как создание «Всемирного еврейского альянса» Адольфом Кремье или собственно сионистского движения(Т.Герцль, Ахад Ха-Ам, М.Нордау), которые в целом как бы подтвердили опасения конспирологов о возможной глобальной и деструктивной по отношению к христианской цивилизации политической деятельности иудаизма.

Антииудейские концепции XIX века почти всегда единодушны в рассмотрении политического масонства как инструмента политического иудейства. Это масонство становится «служебным» звеном заговора, тогда как в XVIII веке, напротив, иудеи считались всего лишь «союзниками» деструктивной масонской политики. В XX веке пропорции XIX века сохраняются, и даже более того, антимасонская догматика конспирологов отходит на второй план, а антииудейские мотивы становятся доминирующими. (Но все же тематика масонского заговора сохраняется и даже в таких секулярных режимах, как Советская Россия эпохи Сталина: о масонах ЧК вспоминала вплоть до периода гонений на троцкистов и бухаринцев, что отразилось даже в сталинском кинематографе, пронизанном конспирологической тематикой).

На рубеже XIX–XX веков складывается и особая чисто этническая, расовая конспирологическая версия антииудаизма, которую часто принято называть «антисемитизмом», хотя этот термин неточен, так как в подавляющем большинстве случаев критике и разоблачениям подвергаются только лица и деятели еврейской нации, к остальным же семитским народам чаще всего никаких «обвинений» не предъявляется. Здесь мы имеем дело с двойственным феноменом. В первую очередь, секулярная и лишенная теологических коннотаций юдофобия связана с тем фактом, что иудаизм как религия четко и однозначно обращается только и исключительно к евреям по национальности, то есть к единственной этнической общности. В отличие от большинства других религий, иудаизм не приемлет прозелитизма и не допускает возможности исповедовать иудаизм всем людям, чьи матери не являются еврейками по крови. («Гиюр», принятие в иудаизм нееврея, является исключительным случаем, и традиционная иудейская община идет на это только при чрезвычайных обстоятельствах; в разные исторические периоды отношение к «гиюру» в иудаизме существенно менялось). Поэтому иудаизм как религия предполагает заведомую принадлежность к еврейству как к нации, как к расе. Отсюда естественное и отчасти обоснованное отождествление христианскими конспирологами иудеев как исповедующих особую религию с этническими евреями. С другой стороны, в этот период времени в номинально еще христианском мире теологические аргументы стремительно исчезают из сферы борьбы идей, и на их место все более и более вступают новые атеистические или чисто позитивистские теории. В ходе эпидемической дехристианизации Запада богословский антииудаизм теряет убедительность. Но так как конспирологические мотивации гораздо глубже рациональных идейных конструкций, то антииудаизм религиозной конспирологии переходит в чисто этническую расовую доктрину юдофобии, носителями которой становятся англосаксы, немцы и австрийцы, часто либо атеисты, либо неоязычники, либо мистики расистского толка.

Этническая юдофобия, если она, конечно, не сопряжена с расистским гнозисом (как в случае Гвидо фон Листа, Йорга Ланца фон Либенфельса и их последователей ариософов), основывает свою претензию к еврейству, утверждая, что социально-культурные обстоятельства привели еврейский народ в рассеянии (а может быть, и задолго до него) к особому перерождению в патологическую, социально (иногда даже биологически) больную общность, которая не способна интегрироваться в социально «здоровые» этносы.(Некоторые, в частности, фон Либенфельс, шли еще дальше, утверждая темную тайну в истоках самого этногенеза евреев, доходя до экстравагантных версий происхождения их от древних чудовищ — т. н. «обезьян Содома»). Поэтому евреи организовали «заговор»,

чтобы тайно разложить эти «здоровые» этносы, и навязать миру диктат «экономической и культурно-психологической патологии». В такой оптике религиозная специфика иудаизма рассматривается лишь как культурное выражение биоэтнической особости еврейства, и из прежних антииудейских обвинений христианских конспирологов этническая юдофобия заимствует только культурно-политические, экономические и правовые аргументы. Параллельно с переходом к такого рода конспирологической юдофобии впервые возникают и антихристианские мотивы со стороны самих конспирологов. Складываются новые теории относительно «еврейской сущности» самого христианства. Появляется довольно распространенное уравнение «христианство = мина, заложенная евреями для разрушения арийских народов». Позже к середине XX века именно такой сугубо этнический, биологический и внерелигиозный вариант конспирологии будет принят за основу теориями национал — социализма. Любопытно заметить, что русская конспирология и среди эмиграции, и среди диссидентуры прибегала к подобной чисто этнической юдофобии крайне редко, так как наиболее распространенными оставались классические концепции христианских католических контрреволюционеров XVIII–XX вв. Однако нельзя не учитывать то влияние, которое расистский подход оказал на эту сферу в целом, и надо признать, что даже там, где основной акцент продолжает падать на теологические претензии к иудаизму как к религии, в конспирологии XX-го века всегда чисто этнический фактор учитывается тем или иным образом (что было совершенно чуждо прежним контр-революционерам, для которых выхода этнического еврея из иудаизма как религии и принятия им христианства было уже совершенно достаточным основанием для его «конспирологической реабилитации»).

Частным вариантом юдофобии стал «арийский расизм», свойственный национал-социалистическим концепциям. Эта версия несколько усложняла общую картину «заговора» тем, что, помимо «евреев» как источника деградации арийской цивилизации, здесь особо учитывалась роль не-арийских народов, которым ставилось в вину «расовое сотрудничество» с иудеями в их негативной этнополитике. Не-арийские расы объявлялись историческими «коллаборационистами» евреев. Таким образом, кроме масонов «иудейские заговорщики» получили у расистских конспирологов новые «инструменты» — «низшие», не-арийские расы.

Парадигма «еврейского заговора» является наиболее архетипическим конспирологическим концептом, и эта идея получила столь тотальное распространение, что оставила далеко позади антимасонскую конспирологию. Судьба еврейского народа в XX веке — гонения в Германии, создание государства Израиль, войны на Ближнем Востоке — все это не только подпитывает теоретиков «еврейского заговора», но и делает «еврейский фактор» действительно важнейшей этнополитической концепцией XX века.(Заметим, что юдофобия — антисемитизм сегодня крайне распространены среди арабского мира, хотя арабы расово сами являются семитами, ближайшими родственниками по языку и крови евреев и исповедуют религию, весьма сходную с иудаизмом.) Поэтому вся конспирологическая аргументация сегодня снова становится актуальной, как никогда. С другой стороны, идея «еврейского мирового заговора» переносится и на другие этносы в локальных условиях. Так, по образцу этой парадигмы строятся другие частные теории «заговора этнических меньшинств». Но все они представляют собой лишь переработку одной и той же конспирологической концепции, и не случайно, там, где речь идет вообще о каком-либо «заговоре», «еврейский фактор» появляется рано или поздно, независимо от того, есть ли для этого какие-то основания или нет. Все дело в том, что идея «еврейского заговора» безусловно соответствует глубинным бессознательным архетипам самых далеких друг от друга человеческих общностей, и, быть может, это является по сути активацией бессознательных энергий, формирующих сам «конспирологический инстинкт» в его истоке.

Хозяева процентной паутины

В иной версии конспирологических концепций «заговорщиками» являются «банкиры», «властители мировых финансов». Эта теория в чистой форме содержит меньше всего мистических или теологических элементов и оперирует с сугубо политэкономическими категориями. Однако это не означает, что данная ветвь конспирологии совершенно обособлена от других направлений. Часто «заговор банкиров» фигурирует и в антимасонских и в антииудейских концепциях, органично входя как составляющая в общий свод претензий конспирологов к «заговорщикам» — ведь речь идет о планомерном захвате экономической власти над геополитическим пространством планеты.

Суть теории «заговора банкиров» сводится к следующему: параллельно с началом сугубо капиталистической цивилизации на Западе деньги (капитал как самостоятельное явление) стали важнейшим социальным фактором, в то время, как ранее в докапиталистическом и раннекапиталистическом обществе финансы играли, хотя и важную, но все же подчиненную роль по сравнению с государственными, религиозными или чисто политическими формами. Самостоятельность в рамках общественной жизни финансы получили только тогда, когда духовные и религиозные правовые нормы были смещены на периферию общественной жизни и перестали определять характер общественного строя. При этом не рынок, но банк, то есть ссуда, проценты, получаемые в качестве роста, превратились в основной источник приобретения капитала. Не частный собственник, а рост денег, стал действительным контролером политических и социальных процессов. Но ссудные способности банков могли превышать их действительный капитал, при том, чтобы банк не потерпел банкротства, только за счет «круговой поруки банкиров», поддерживающей всем объемом международного кредита каждого конкретного банкира. А кроме того сама специфика банковской деятельности могла быть уделом только особой идеологической категории людей, так как в нормальном случае христианская доктрина, равно как и большинство других религий, категорически запрещает ростовщичество. Таким образом, «заговор банкиров» — это не заговор эксплуататоров, использующих наемный труд, но «заговор паразитов», использующих лишь криминальное, с точки зрения христианской идеологии, получение денег не за счет труда, но за счет самих же денег, а, в конечном счете, даже не за счет реальных денег, а за счет денег фиктивных, лишь обещанных заемщику по универсальному сговору между всеми лицами, промышляющими этим бизнесом.

Стремясь противостоять «заговору», в конце XIX века Ватикан даже попытался организовать свой, альтернативный католический банк, применяя против «врага» его же средства, но эта попытка окончилась фиаско, благодаря кампании в прессе, организованной с целью дискредитации президента этого банка. Исторически успешными попытками прорвать зависимость от Мирового Банка были только кратковременные периоды существования Райхсбанка в Германии Гитлера и Национального банка в Италии Муссолини, а также попытка организовать исламский банк в современных исламских странах. Таким образом, теория «заговора ростовщиков» в определенной степени предопределила конкретные политические шаги некоторых политических режимов, а не осталась отвлеченным, абстрактным занятием идеологов конспирологии.

Против Мирового Банка была направлена пропаганда определенной разновидности марксистов, которые выступали не только против «присвоения прибавочной стоимости» капиталистами-предпринимателями, но и против самой биржевой системы, являющейся святой святых развитого (но не раннего!) капитализма. Хотя надо заметить, что исторические марксисты не всегда поднимали этот вопрос, и очень часто, напротив, именно банковский, процентный аспект капиталистической системы антикапиталистическая критика коммунистов обходила молчанием. Сам Ленин даже иногда приводил банковскую систему капитализма в качестве образца для социалистического строя. Наиболее последовательными антибанкирами были именно национал-социалистические теоретики (и в первую очередь, Готтфрид Федер) и современные исламские экономисты-фундаменталисты.

На «пауков процентного капитала» антибанковская конспирология проецирует всю основную структуру общего конспирологического архетипа. Цель их заговора — подчинить

себе человечество, создав особую, контролируемую лишь ими антицивилизацию, где все экономические и социально-политические ценности будут перевернуты: всякий созидательный импульс (не только производительный, но и организационный, частнособственнический) будет подчинен экономической цензуре ничего не производящих и даже ничего не организующих паразитов, которые узурпируют право абсолютного контроля над любым общественным и даже частным начинанием. Курьезно отметить, что некоторые современные антибанковские конспирологи (в частности, чилийский литератор М.Серрано) делают из участников «заговора банкиров» не просто предельно порочных людей, некоторое средоточие извращений и грехов, но утверждают, что «мировое братство банкиров» состоит из особого типа существ, которые в Ветхом Завете назывались «шеддим» и которые являются результатом экстраординарной мутации, произошедшей с продуктами преступных браков между людьми и животными. Подчас к подобным экстравагантным разоблачениям добавляются в качестве иллюстрации весьма впечатляющие фотографии ведущих мировых банкиров. Таким образом, «оккультное» измерение основного конспирологического сценария можно обнаружить и в такой прозаической сфере, как экономика и финансы.

Агенты мировой революции

Особой разновидностью «заговора» можно считать коммунистическую теорию «мировой революции», которая на практике, после революции в октябре 1917 г. в России, стала логически означать «экспорт советской модели». Именно «угроза большевизма» и сопутствующая ей теория «большевицкого заговора» сменила на определенный период конспирологическую озабоченность антимасонов Запада в первой половине XX века, а потом именно на этом основании сформировалось расхожее клише «капиталистической» и «антисоветской» пропаганды.

Можно определить эту концепцию как «заговор нищеты». Смысл «заговора» в том, что определенная категория человеческих существ, особый социальный тип, не имеет необходимых качеств ни для того, чтобы организовать производство, ни для того, чтобы участвовать в нем в качестве наемной рабочей силы, ни для того, наконец, чтобы вписаться в систему банковского контроля над сферой производства; но одновременно с тем, эта категория не удовлетворена своим маргинальным положением и стремится одержать мгновенный реванш, разом встать надо всей структурой общественных отношений и организовать «диктатуру нищих». Определенные аспекты коммунистической идеологии — «диктатура пролетариата», «ненависть к производительным (и поэтому «реакционным» и «коллоборационистским»!) элементам» — профессиональным рабочим, крестьянам и т. д. — а равно и определенные стороны советской истории вполне подтверждали основные положения этой теории. «Заговор» «чистых» революционеров ориентируется на использование кризисных явлений в обществе, которые открывают широкое поле деятельности для совершенно лишенных какой бы то ни было программы «заговорщиков» и при условии дисциплины, цинизма и ловкости приводят «нищих» к политической власти, тогда как другие политические силы остаются рабами собственных идеологических построений. Собственно, изначальная реальность большевицких революций соответствовала именно такому «люмпеновскому» сценарию, и лишь потом циничные проходимцы, пришедшие к власти, начинали использовать прагматически элементы более позитивных социальных программ.

Поскольку этот маргинальный элемент существует в той или иной степени во всех обществах, то после победы «большевиков» в какой-то одной геополитической области можно ожидать экспорта их теорий и в другие регионы, так как носители этих теорий потенциально всегда имеются в наличии. На этом основании опасность «большевицкого заговора» всегда присутствует на политическом горизонте любых, «еще не ставших коммунистическими» режимов. Создание же после второй мировой войны «социалистического лагеря» придало опасности «мировой революции» конкретные,

осязаемые формы в виде «просоветской пропаганды», «советских спецслужб» и т. д. И как частный случай антибольшевицкой конспирологии сложился миф о «вездесущем КГБ», которое приобрело статус особой секретной организации, особого тайного общества, чьи цели и задачи простирались значительно дальше политической и идеологической программы советских держав. «КГБ» постепенно переросло в самостоятельную конспирологическую категорию, получившую почти независимое существование по отношению к самим коммунистическим режимам, которые, будучи реализованными на практике, потеряли постепенно флер нечеловеческой чудовищности, совершенно необходимый для всех конспирологических построений. А кроме того, реальные большевицкие режимы (за исключением, пожалуй, Камбоджи при Пол Поте) довольно скоро впитали в себя значительное число социально позитивных, государственных или националистических элементов, которые превратили социалистические страны в слишком обыденные для конспирологического сознания системы. «КГБ» же за счет своей секретности осталось ядром антибольшевицких разоблачений конспирологов.

У теории «заговора нищих» есть, естественно, и «оккультная» подоплека. Во-первых, у религиозных конспирологов всегда тревожные подозрения вызывал воинствующий атеизм коммунистов, который в теологической перспективе уже сам по себе не может не означать «присутствия Дьявола», а значит, и его более или менее сознательных человеческих агентов. А во-вторых, и это особенно касается позднего, т. н. «развитого социализма», интерес определенных кругов в советском брежневском руководстве к оккультизму и неооккультизму, породил концепцию существования в недрах КГБ «института черной магии», использующего мистические практики для реализации психического контроля внутри страны и для организации планетарных психодиверсий на мировом уровне. Таким образом, антибольшевицкая конспирология имеет традиционный и архетипический для всей этой сферы «оккультный» аспект. Кроме того, существуют интересные конспирологические (в той или иной степени) труды, разбирающие «мистический» характер коммунистической идеологии в целом. (Наиболее интересны, на наш взгляд, работы Н.Кона «Фанатики Апокалипсиса» и И.Шафаревича «Социализм как явление мировой истории»).

Угроза «Нового Мирового Порядка»

В последние десятилетия, и особенно после Второй Мировой Войны, развилось и еще одно, самое новое направление в конспирологии, разоблачающее «заговор мондиалистов» или просто «мондиализм». «Мондиализм» — это форма от французского слова «монд», т. е. «мир». В принципе, это новая актуализация традиционных конспирологических предупреждений о «тайном мировом правительстве», ведущем человечество к последней предельно чудовищной фазе существования. Новым в антимондиализме является особая геополитическая роль Соединенных Штатов Америки и тот культурный и социальный архетип, который сегодня окончательно и устойчиво сложился в этой сверхдержаве. «Американизм» является отправной чертой мондиализма, так как именно США стали стратегическим и идеологическим центром пост-индустриального неокапитализма, и именно там идеологические импликации капитализма достигли своих логических пределов и экономически и культурно.

Антимондиалистские конспирологи (наиболее интересные среди них — Ян Монкомбль, Анри Костон, Жак Бордье, Жорж Вирбо, Жак Плонкар д’Ассак, Бо де Ломни, Пьер Фонтэн, Пьер де Вильмарест, Пьер Вирьон, а среди русских авторов следует, в первую очередь, назвать публициста А.Кузьмича) особое внимание уделяют таким полусекретным организациям как «Трехсторонняя Комиссия» (Trilateral commission), «Бильдербергский клуб» и таким несекретным организациям, как Римский клуб, ЮНЕСКО и Международная Амнистия. Согласно этой конспирологической версии, мондиалистское движение стремится навязать всем странам мира один и тот же социально-политический образец общественного устройства, который будет копией американской модели и в котором все национальные,

территориальные и культурные особенности государств и наций будут отменены, как это исторически и получилось в случае американских штатов. Идеологическая модель мондиализма — посткапитализм, особый «Новый Мировой Порядок», основанный на доминации технократической элиты и на тотальном контроле за естественными социальными процессами. В частности, мондиалисты предлагают сделать из магнитной карты, которая и теперь уже в большинстве европейских стран служит основным финансовым документом личности, «протез я» (выражение принадлежит известному мондиалисту Жаку Аттали, бывшему советнику Миттерана и бывшему Председателю Европейского Банка Рекуонструкции и Развития), что подразумевает отмену и юридическое запрещение всех качественных характеристик, которые вплоть до сегодняшнего дня определяли человеческую личность — отмену и запрещение национальной, государственной, политической принадлежности, вплоть до совершенной нумеризации, приравнивания человека к чисто порядковому номеру. Новый Мировой Порядок представляет собой вариацию «утопического социализма», но особый акцент падает в нем на технологическую, постиндустриальную сторону, которая позволит, по мнению идеологов мондиализма, полностью контролировать производственные и распределительные процессы, чего не могло быть достигнуто при историческом индустриальном социализме.

С точки зрения антимондиалистских конспирологов, грядущее объединение Европы является чисто мондиалистским предприятием, направленным на окончательное уничтожение национальной и культурной специфики европейских народов и государств. Поэтому предполагаемый Новый Мировой Порядок, видимый под таким углом зрения, приобретает чудовищные черты некой антихристовой цивилизации, которая должна окончательно изгнать из мира последние остатки качественного существования как в социальной, так и в культурной сфере.

«Заговорщиками» и мондиалистами, в представлении конспирологов, на этот раз являются политики «про-американского» направления, которые исходят из геополитических интересов «американизма» и «космополитизма», при этом доминирующим мотивом «заговора» является технократизм и абсолютный примат «либеральной экономики» (экономики ничем не ограниченного рынка) надо всеми остальными социальными, национальными и политическими факторами. «Американисты» в глазах антимондиалистских конспирологов, естественно, не тождественны самим американцам, как, впрочем, в другой конспирологической версии «агенты большевицкого заговора» отнюдь не тождественны «советским людям». «Американисты» — это новейшая форма того же самого старинного и единообразного типа «заговорщика», который так же, как и всегда, стремится к построению «антицивилизации», некоего наиболее патологического порядка вещей, но только на этот раз «заговорщик» не столько «масон» или «большевик», сколько «технократ» и прагматический, расчетливый «футурист».

Антимондиалистская конспирология и актуальные трансформации бывшего социалистического лагеря трактует как результат включения «советских режимов» в общие мондиалистские планы, а сами новые русские конспирологи даже указывают, кто именно из членов Политбюро или Академии Наук СССР входит в состав мондиалистского комитета — Трехсторонней комиссии. Естественно, эта версия «заговора» в обновленной форме сегодня является наиболее актуальной и как бы суммирует в себе все исторически предшествующие конспирологические темы и мотивы, давая им свежее и современное звучание. В принципе, наиболее последовательные антимондиалисты рассматривают «мировой заговор» прошлых столетий как преамбулу мондиализма, и в доказательство этому приводят факты исторической связи мондиалистских структур с современным масонством (например, основатель Бильдербергского клуба был масоном), сионизмом и еврейством в целом (тот же Жак Аттали — иудей по вероисповеданию и соответственно по крови), с «банками» (что очевидно), и даже с «большевизмом» (что доказывается ссылкой на перестроечные процессы в восточной Европе). Но поскольку конец XX-го века не отличается особой религиозностью, то теологические аргументы и упоминания дьявола у современных

конспирологов довольно редкое явление (по меньшей мере, у современных европейских конспирологов, поскольку, как это ни парадоксально, русская конспирология обращается к религиозным догматам столь же часто, как и конспирология исламская).

Любопытно отметить в «Новом Мировом Порядке» роль, которая отводится в нем особой идеологии, противниками мондиализма «окрещенной» «идеологией Уолта Диснея». Характерно, что сам Дисней был одним из крупнейших деятелей американского масонства, и это служит уже достаточным основанием для его включения в сферу особого внимания традиционных конспирологов. Но на уровне культуры «мондиалистская идеология Уолта Диснея» определяется как внедрение в массовое сознание «искусственной беззаботности», неправомочно пристального и страстного внимания к самым незначительным деталям обыденного поведения (как у героев его мультфильмов), примата развлечения над интеллектуализмом, конформистской аполитичности, мелкочеловеческого оппортунизма в бизнесе, и в целом, некоей особой «мультипликационности» жизни, протекающей по законам зрелищной иллюзорности. Поэтому у конспирологов даже Микки Маус становится весьма зловещей фигурой, угрожающей самотождественности национальных и государственных структур Европейских обществ. (Такая же участь постигла и советского героя мультфильмов Чебурашку, обвиненного русскими конспирологами в «космополитизме» и отсутствии у него не только национальных, но и животных признаков, позволяющих отнести его к какому-либо определенному виду зверей).

Всемирный интернационал ересей

Чистым выражением «оккультного заговора» может служить конспирологические теории относительно геополитических программ различных еретических сект. Естественно, наиболее явными объектами разоблачения здесь являются сатанинские тайные общества, открыто провозглашающие свою приверженность дьяволу и злу. Такие сатанинские секты (как, к примеру, «Церковь Сатаны» Лавея и многие другие движения) прекрасно подтверждают общую конспирологическую доктрину. Но с другой стороны, политическое и геополитическое влияние именно этих открыто сатанинских сект совершенно ничтожно, до такой степени, что даже самые отчаянные конспирологи не отваживаются приводить «доказательства» их контактов с более или менее влиятельными деятелями социальной или политической жизни.

Иначе обстоит дело с другими сектами, которые чаще всего открещиваются от всякого сатанизма или дьявольщины, и напротив, выдают себя за аутентичных носителей религиозной или эзотерической истины. Характерным историческим примером может служить движение теософистов, которое в значительной степени повлияло на международную политику в начале XX-го века, и особенно, в Индии, где руководительница Теософского общества Анни Безан чуть не была выбрана президентом Индийского Национального Конгресса. Кроме того, известен эпизод из истории этого движения, когда его лидеры искусственно хотели навязать миру специально подготовленного ими «Мессию», в роли которого должен был выступать юный Кришнамурти, ускользнувший, однако, из-под контроля своих наставников. Значительное влияние на политику оказывали и члены движения «оккультистов» линии Папюса и его последователей.(Накануне падения монархии в России «оккультисты» как западные, так и отечественные, играли довольно странную и малоизвестную роль в самых верхних регионах политической жизни державы).

Начиная с 6О-х годов XX-го века из всех предшествующих неоспиритуалистических и чисто еретических течений стало складываться более или менее однородное культурное поле, непременно характеризующееся претензией на «мессианское» восстановление духовности и ненавистью к ортодоксальным традициям. Для конспирологов это явление было симптоматичным, так как в этой «новой духовности» они без труда обнаруживали элементы типичного «заговора», направленного на разрушение остатков ортодоксии и размывание последних человеческих критериев, так как большинство сект предлагало своим

членам «открытость по отношению к потусторонней реальности», что неизбежно приводило в большинстве случаев к душевной патологии. Причем некоторые из неоспиритуалистических сект открыто вмешивались в геополитические процессы (в частности, секта Муна, спонсорирующая и даже учредившая некоторые мондиалистские комитеты). Пределом конвергенции неоспиритуалистических и сектантских движений стало течение Нью Эйдж (дословно «Новый Век», «Новая Эпоха») — некое универсальное и довольно неформальное объединение самых различных направлений неомистицизма и современных ересей. Нью Эйдж постепенно стал псевдорелигиозной составляющей мондиализма, синкретическим и всеобъемлющим знаменателем всякой гетеродоксальной и еретической мистики и религиозности. При этом Нью Эйджу покровительствуют такие «выдающиеся», с точки зрения современной конспирологии, персонажи, как английский принц Чарльз, замешанный во все мыслимые мондиалистские, сионистские и масонские комитеты, находящиеся в центре внимания разоблачителей «мирового заговора».

Особым подвидом неоспиритуалистического «заговора» можно считать «уфологический заговор», то есть «заговор тарелочников». Здесь архетипическая парадигма конспирологии достигает своей экстремальной формы, так как в центре «заговора» стоят уже не просто люди, но «разумные существа с других планет». «Пришельцы из тарелок» являются «тайными правителями земли», стремящимися установить особый порядок, соответствующий «нормам космоса». Часто уфологи украшают свои доктрины такими выразительными подробностями, что кажется даже, что они специально выдумывают их для того, чтобы максимально удовлетворить запросы самих разоблачителей «заговора». Существуют даже версии, что «инопланетяне» и «пилоты тарелок» появляются не из иных миров, а из «центра земли» (что точно соответствует традиционным представлениям о местонахождении ада в центре земли, хотя, очевидно, подобное соображение самим уфологам, отстаивающим концепцию «подземных инопланетян» — «intraterrestre», в голову почему-то не приходит.) Наиболее подробное и детальное изложение уфологических теорий в конспирологической перспективе можно найти в книгах Жана Робэна и ныне покойного Поля Бержье.

Странным образом сопряженными с «тарелочной» темой оказываются у конспирологов и мотивы «нацистского эзотеризма», впервые появившиеся в книге Луи Повельса «Утро магов» и послужившие в дальнейшем источником вдохновения для целого ряда авторов, исследовавших эту тему. В этой версии «заговорщиками» становятся бывшие гитлеровцы (особенно, гитлеровские ученые) и их неонацистские сподвижники, которые стремятся установить мировое господство посредством применения «альтернативной технологии» или особых магических средств, разработанных в секретных лабораториях Райха и спрятанных после поражения Германии во Второй мировой войне в Южной Америке, Канаде или даже Антарктиде. Некоторые утверждают, что именно «нацистские эзотерики» запустили «терелки» как свое «секретное оружие», и надо признать, что на самом деле первое членораздельное упоминание об НЛО датируется 1944 годом, и мы находим его именно у английских летчиков, совершавших военные вылеты над территорией Германии. Фрагменты этой «антинацистской» конспирологической модели, утверждающей, что тайные силы Четвертого Райха готовят человечеству страшную катастрофу в отместку за поражение в войне, часто встречаются в средствах массовой информации и Востока и Запада, нагнетая тот параноидальный страх перед «фашизмом», который характерен для пропаганды самых противоположных друг другу современных политических режимов.

Заключение

Конспирологические варианты можно было бы продолжать перечислять, равно как и можно было бы развивать каждый из уже перечисленных пунктов, выделяя в нем подвиды и отдельные промежуточные версии. Точно так же можно путем сочетания тех или иных аспектов конспирологических теорий «заговора» значительно расширить спектр

конспирологических возможностей, либо уже разработанных, либо остающихся для разработки грядущим поколениям конспирологов. Как бы то ни было, для нас важно прежде всего проиллюстрировать конкретными конспирологическими концепциями тезис о серьезности конспирологии как методологического и даже идеологического феномена, в любом случае достойного детального и беспристрастного изучения и анализа. Вряд ли следует упоминать, что во всем мире этой теме посвящены не только сотни и тысячи книг, но и постоянные конспирологические журналы и бюллетени, где собрана актуальная и свежая информация по данной проблематике.

Однако, хотелось бы заметить в заключение, что в западных исследованиях почти не содержится классификаций и систематизаций различных конспирологических мотивов и гипотез, и это тем более прискорбно, что на европейских языках нет недостатка в традиционалистской литературе, дающей все необходимые принципы для сведения частных аспектов в единую конспирологическую картину, которая не только бы с максимальной степенью правдоподобности соответствовала исторической реальности, но и полнее всего высвечивала бы фундаментальный бессознательный импульс, побуждающий все новые и новые поколения исследователей, независимо от их политической и идеологической направленности, обращаться к конспирологическому методу и вновь и вновь воспроизводить разнообразные варианты единой и общей конспирологической схемы как на глобальном, мировом, так и на частном, локальном, уровнях.

Статья написана в 1989 г., опубликована частично в газете «День» в 1991 г.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОККУЛЬТНЫЕ СИЛЫ ИСТОРИИ

Метод «исторического безумия»

В своем докладе о забытом сегодня эзотерическом авторе Грасе д'Орсе (о котором речь пойдет ниже) на коллоквиуме «Политика Герметика» (французской ассоциации по исследованию тайных аспектов Истории) Жан-Клод Друэн использовал в отношении этого удивительно интересного конспиролога выражение «безумец от истории» («le fou historique») по аналогии с «безумцами от литературы» («les fous litteraires»), как именуют французские культурологи совокупно всех «проклятых поэтов и писателей» — от Нерваля и Бодлера до Селина, Антонена Арто или Эзры Паунда. Выражение «безумец от истории», на наш взгляд, крайне удачно, поскольку, основываясь на сходстве этой формулы с «безумцами от литературы», можно сказать, что именно «безумцам от истории» должно принадлежать центральное место в современной исторической науке, точно так же, как «безумцы от литературы» сегодня являются эталонами современной «литературы», ее наиболее центральными фигурами. С другой стороны, то, что казалось «патологией» фарисейской и лицемерной позитивистской культуре буржуазной Европы второй половины XIX — начала XX веков, в свете современных исследований в области Истории Религий, «психологии глубин», мифологии обнаружилось как наиболее ясное и полноценное выражение интеллектуально-психической «нормы», выявление фундаментальных архетипов человеческого существа, основ его бессознательного и отчасти сверхсознательного уровня. Исходя из видения конца XX века, такой ранний «социалистический реалист», как Золя, с его нескончаемыми и подробными дискриптивными сериалами, выглядит намного более «патологичным» и «безумным», нежели Лотреамон или Рембо, в кажущемся «безумии» которых на самом деле открываются кристальные интуиции вечных сакральных истин, образующих основание всякой интеллектуальной и психической нормы. Точно так же дело обстоит и с «историческим безумием», то есть с «конспирологическим» (в самом широком смысле) видением истории, поскольку «буржуазная» и «позитивистская» догма о фундаментальной случайности всех исторических процессов в наше время не выдерживает никакой критики. Интуиция неумолимой логики Истории, — фатальной в одних случаях и

провиденциальной в других, — а также догадка об участии особых категорий людей, полностью или отчасти осознающих свою миссию в предуготовлении и ориентации исторического процесса, является основой метода «исторического безумия», который, шокируя агностиков, на самом деле, точно соответствует всем сакральным и религиозным учениям, духу и букве всякой подлинной и аутентичной традиции.

История имеет смысл и цель, ею правят комбинации архетипических принципов, выражающихся в тех или иных идеологических формах, которые, в свою очередь, имеют среди людей своих носителей, иерархически группирующихся вокруг идеологических принципов в соответствии с определенным пониманием сущности последних. Эти смысл и цель истории сопряжены с Божественным планом, и поэтому понимание их принадлежит к сфере метафизики, духа, традиции, и в определенных случаях — к сфере религии. Причем, именно эта область является наиболее закрытой, наиболее таинственной, так как в ней осуществляется реальный контакт Божественного и земного. Поэтому это уровень таинства, и духовные организации, корректирующие и направляющие поток истории, являются «тайными». (В Христианстве эта идея проявляется в предании о семи невидимых праведниках, на которых держится мир, а во 2-ом Послании Апостола Павла к Фессалоникийцам он говорит «о держащем», по — гречески «katehon», то есть о таинственном присутствии, предохраняющем «среду», земной мир, от пришествия Антихриста и т. д.) Но для того, чтобы влиять непосредственно на ход внешних событий, метафизические и совершенно «тайные» центры вынуждены создавать промежуточные организации, эманации, не наделенные полнотой и непоколебимостью строго метафизического знания. Именно эти полутайные организации, служащие инструментом истинных скрытых центров, и получили название «секретных обществ» («la societe secrete»).

Метод «исторического безумия» чаще всего исследует именно эти полутайные «секретные общества», так как подлинные метафизические центры остаются вне сферы внимания людей, руководствующихся лишь «исторической интуицией», а не прямой и полной инициацией и духовной реализацией. Подобно «безумцам от литературы», которые интуируют сакральное лишь косвенно, схватывая его отражение в психической сфере, будучи не в состоянии из-за отсутствия инициации достичь последних высот прямого отождествления с Небесным Логосом, «безумцы от истории» интуируют тайную логику циклического развития, распознают метафизику истории по ее отражениям в полусекретных организациях и свойственной им идеологии. Поэтому и тем и другим присущи определенные погрешности, сдвиги, смещения, которые и отличают их от подлинных посвященных. В этом и состоит единственный аспект, где к ним действительно и без кавычек можно применить термин «безумие», тогда как в сравнении с профанами и «нормальными историками» они являют собой подлинных «гениев» и сверхнормальных исследователей, и их концепции безмерно превосходят по своей истинности и методологической ценности весь жалкий, чисто фактологический и бессмысленный, сизифов труд «позитивистов» и «критицистов» от истории.

Синархия Сэнт-Ив д’Альвейдра

Одним из удивительно интересных и богатых открытиями оккультных конспирологов является Сэнт-Ив д’Альвейдр. Он — автор многих книг, в заглавие которых непременно входило слово «миссия» («Миссия Евреев», «Миссия Суверенов», «Миссия Индии», и даже «Миссия Рабочих» и т. д.). Сэнт-Ив д’Альвейдр имел обширные эзотерические контакты с представителями европейских, и даже восточных (в частности, индуистских), инициатических организаций, откуда он почерпнул многие аспекты своей доктрины. Вдохновлявшим его учителем был французский эзотерик Фабр д’Оливе, автор многих фундаментальных работ по эзотеризму и, в частности, гигантской книги «Восстановленный еврейский язык», где он трактует сакральные основания иврита, разъясняет многие загадочные пассажи из книги Бытия на основании символизма еврейского языка и

сакральной иудейской терминологии. Как бы то ни было, Сэнт-Ив одним из первых сформулировал объемную конспирологическую модель истории, и несмотря на многочисленные фантастические и имагинативные искажения эта модель может быть рассмотрена в качестве синтетической концепции, с которой так или иначе коррелируются остальные конспирологические версии. Суть теории д'Альвейдра такова. Изначальное правление на земле (по меньшей мере, изначальное в рамках нашего человечества) осуществляла Черная Раса. Она имела своим центром южные регионы, а северные земли, населенные Белой Расой, были оккупированы Черными Господами, обратившими всех Белых в рабство. Это — этап не очень ясной и не очень детально описанной Предыстории. Конец эре Черной Расы положил ариец-аватар Рам, появившийся в землях Севера в период нахождения созвездия Овна в секторе Зимнего Солнцестояния (около 8–6 тыс. лет до Р.Х.). (Надо подчеркнуть, что Сэнт-Ив отождествляет арийцев, белую расу в целом с Кельтами). Именно с прихода Рама начинается собственно интересующая Сэнт — Ив д'Альвейдра сакральная, тайная История человечества. Здесь закладывается основание той парадигме, с фрагментами или антитезами которой человечество имело дело в дальнейшем и имеет и по сю пору. Божественный Рам основал гигантскую теократическую Империю Овна («Рам» на древнем сакральном языке означало «Овен»), в которую входили все прежние сакральные центры. Материальное иго Черной Расы было сброшено, и на земле воцарилась Белая Духовность. Рам устроил систему управления Империей по трех-частному образцу, в соответствии с сакральной и основополагающей идеей Троичности. На три части делилась также Великая Священная Коллегия, высший орган власти Империи, имевший свои аналоги и подобия в различных имперских владениях. Высший уровень коллегии — пророческий, чисто метафизический и трансцендентальный. Это уровень непосредственной Божественности, Короля Мира, прообразом которого был сам белый аватара Рам. Это — уровень полного синтеза всех властных функций. В метафизических терминах этот уровень соответствует Первому Лицу Троицы или Абсолюту, Трансцендентному Принципу, «Тьме Превысшей Света», Сверх-бытию. Второй уровень — Жреческий, Солнечный, Мужской. Это — сфера Бытия, Света. Этот уровень Жрецов служит восприемником невидимых влияний Пророческого плана и их адаптаций к низшим планам Проявленного мира. Он относится ко Второй Ипостаси Троицы, к Сыну. Символами этой второй ступени Высшей Коллегии являются Белый Цвет, Овен и Имперский Орел. И наконец, третий уровень Коллегии — Царский — это сфера Луны, так как земные Цари служат восприемниками жреческого Света и устроителями общественного порядка в соответствии с «отражаемыми» солнечными влияниями Жрецов. Символы этого уровня — Бык, Красный Цвет, Голубка. Он соответствует Третьей Троической Ипостаси — Святому Духу. Здесь основную роль играет также символизм Женщины и ее детородных органов («иони» на санскрите). Таково устройство сакральной белой Империи Рама, отражающей чистейший порядок и строй метафизического устройства Бытия. Здесь все основано на универсальной гармонии и законах иерархии — «священного чинопорядка». Сэнт-Ив д'Альвейдр назвал такую структуру Синархией, то есть Со-Властием, что подчеркивает синтетическое объединение трех функций — Пророческой, Жреческой и Царской — в вопросах имперского устройства. Именно Синархия является для д'Альвейдра сакральным, духовным, традиционным, религиозным и политическим идеалом, который необходимо реализовать несмотря на все внешние обстоятельства, так как в Синархии запечатлена в ее чистейшем виде абсолютная воля Провидения, не зависящая от исторической конкретики.

Через несколько веков после удаления Рама от дел управления сакральной Империей в Индии происходит сакрально-политическая катастрофа, послужившая деструктивным импульсом для всего устройства Империи Рам. Это было восстание принца Иршу. В этом восстании Иршу не только преследовал цели захвата власти, на которую он не имел права в соответствии с законами Рама, но и совершил религиозную революцию — Перво-революцию, ставшую парадигмой всех последующих исторических революций. Это было восстание третьего, Царского, уровня Высшей Коллегии против двух остальных

уровней, и особенно против второго Жреческого уровня. Иршу выдвинул претензии на полноту власти в Индии и заявил о достаточности одного уровня Высшей Коллегии — уровня Царского. К восстанию Иршу примкнули все анархические и склонные к антиномизму элементы в Империи Рам — потомки Черных Королей, не удовлетворенные интеграцией в систему Рама, преступники кастовых и религиозных предписаний, служители культа Тельца, предшествовавшего имперским реформам Овна и другие революционные кадры. Символами восстания стали Красный Цвет, Бык, Красная Голубка и Лунный Серп. В Индии Иршу и его сторонники потерпели поражение, но волна Революции прокатилась по всем материкам, образовав цепь антижреческих и антитроических революций. «Иршуизм» стал постоянным фактором сакральной истории. Он проявился в набегах ионийцев (согласно д'Альвейдру, слово «ионийцы» происходит от санскритского «иони»), в завоевании гиксами Египта, в императорском пурпуре Рима, в Туранистских набегах быкопоклонников-тюрков на овнопоклонников-иранцев и т. д. При этом любопытно, что Сэнт-Ив связывает «иршуизм» («цезаризм») с «Монотеизмом», а «рамизм» с «Троичностью». — Полноценная Высшая Коллегия имеет три уровня, а «иршуистский» монархизм — только один. С другой стороны, д'Альвейдр соотносит религиозные культы «ионийцев» с пантеизмом, натурализмом и имманентизмом, а также с магией и с кровавыми жертвоприношениями. В целом же Революция Иршу в религиозной сфере может быть определена как отрицание трансцендентного Принципа и духовной власти. При этом, однако, «ионийская» красная революция отнюдь не означает атеизма. Она предполагает наличие особой анимистической, натуралистической и оргиастической сакральности, особых культов с подчеркнутой женской, экстатической спецификой. Это — культы Быка, Венеры, Луны, Земли, Великой Матери, а также всех теллурических и лунных демонических сил.

Вся сакральная история после восстания Иршу рассматривается Сент-Ивом как противостояние двух религиозно-политических парадигм: синархии и анархии (частным случаем которой является Монархия, оторванная от двух других уровней Высшей Коллегии). Анархические тенденции выступают не только и не столько как самостоятельные религии или государственные идеологии, сколько как элементы социально-религиозных структур, способных, в зависимости от обстоятельств либо выходить на поверхность и декларировать унно-женско-царско-бычье-красную анархию, диктатуру антитроической, антижреческой и антипророческой Революции, либо скрыто подтачивать устои Синархического правления через теллурические культы Матери Земли, через оргиастические мистерии, через лунную духовность магов. Поэтому после внешних набегов ионийцев, гиксов, филистимлян и т. д. борьба этих двух идеологий стала по преимуществу подспудной, и протекала она отныне в рамках одного и того же государства, одной и той же религии и т. д. (Любопытна особая оценка д'Альвейдром маздеизма и зороастризма, которые он считал экстремальным выражением сугубо солнечной тенденции, — второй Жреческий уровень Высшей Коллегии, — специально акцентирующей не столько Троическую Синархию, сколько Двоическую антимонархию, анти-анархию как прагматическое средство религиозной войны с натуралистическими «ионийцами», в имманентном экстазе настаивающими на единственности проявленного мира и, соответственно, на единственности Царской функции, на пантеистическом монизме. (Сэнт-Ив не оправдывает дуалистического отклонения от Синархии, но показывает практические причины этого).

Библейский иудаизм Сэнт-Ив д'Альвейдр относит к принципиально «рамидским» религиям, видя намек на Рама в самом имени Аб-Рама. Иудейское противостояние Египту он трактует как идеологическую борьбу синархистов-евреев против царских анархистов, фараонопоклонников-египтян. Но религиозную сторону Египта и его Жрецов д'Альвейдр видит как элементы Синархической Системы (Троица — Осирис-Изида-Гор). Но позднее и в самом иудаизме произошла антисинархическая революция. Окончательно же иудаизм был извращен после его неприятия Исуса Христа, высшего и чистейшего эсхатологического образа Овна, Пророка, Жреца и Царя одновременно, сбывшееся и тотальное осуществление провиденциальной миссии Рама, который был в некотором смысле прообразом самого

Спасителя. Будучи убежденным христианином, д’Альвейдр видит, однако, синархическую истину Троичности и в других традициях — в Индуизме, Даосизме и т. д. Однако и Христианская Цивилизация, восстановившая в определенных аспектах Империю Рама не только духовно, но и географически (показательно, что огромную роль в этом Сэнт-Ив отводил Русскому Православию и вообще славянам — сам он был женат на русской княгине Келлер), была подвергнута внутреннему и внешнему воздействию «неоиршуистов», что окончательно проявилось во Французской Революции, в Красном Знамени, в пантеистическом материализме социалистов, в протестантском заговоре европейских Князей против Рима и Церкви, в дехристианизации Запада. Последними осколками Троической Империи Рам д’Альвейдр считал католическую Австро-Венгрию и православную Россию. Вот в самых общих чертах конспирологическая схема Сэнт-Ив д’Альвейдра, которую он развил с огромным числом крайне интересных подробностей в своих объемных трудах, полных исторических примеров, эзотерических толкований религиозных доктрин и текстов, сакрально-лингвистических расшифровок имен и названий (тут можно встретить как явные и неоправданные натяжки и фантазии, так и удивительно ценные интуитивные догадки и соответствия), объяснением библейских отрывков, призывами к конкретным историческим лицам — царям, сенаторам, политическим деятелям, пересказом восточных инициатических легенд и т. д. Все это заслуживает самого глубокого изучения, а также в высшей степени интересно проследить нити влияния его идей не только на оккультистов — Папюса, Седира, Андре Савуре и т. д., — но и на политических деятелей той эпохи, так как тема Синархии в XX веке стала чрезвычайно популярной у юдофобов и антимасонов, отождествивших синархические принципы с замыслом знаменитых «Сионских Мудрецов» (чаще всего, при этом, труды самого д’Альвейдра никто не удосуживался прочесть или осмыслить, подвергая критике лишь вульгаризированный и политизированный концепт). С другой стороны, не исключено, что книги Сэнт-Ива были действительно известны некоторым лидерам левого социал-демократического движения, которые, вероятно, по-своему поняли и переосмыслили его труды, и воплотили определенные его идеи на практике в виде пародии или карикатуры. Так, вызывает удивление настойчивое использование д’Альвейдром слова «Советы» при описании Высшей Синархической Коллегии. Речь даже идет о «Советах Пророков», о «Советах Жрецов» и «Советах Царей», а кроме того, идеи Синархии д’Альвейдр и прямо адресовал рабочим, в несколько наивной, но по своему очень интересной книге «Миссия Рабочих». Не исключено, что между идеями д’Альвейдра и системой «Советов» пролетарских государств имеется некоторая оккультная взаимосвязь.

Грасе д'Орсе: «Кварта» против «Квинты»

Вторым после Сэнт-Ива в вопросах оккультной конспирологии можно назвать в высшей степени странного автора второй половины XIX века Клода Состена Грасе д'Орсе (1828 — 19ОО). Его имя было бы совершенно забыто, если бы не упоминание о нем в книге загадочного алхимика XX века Фулканелли. Последователи Фулканелли, и вообще европейские традиционалисты, отыскали в фондах Национальной Библиотеки Франции забытые номера «Ревю Британник», в которых они обнаружили серию статей Грасе д'Орсе, методично описывающих альтернативную оккультную историю Европы, и особенно, естественно, Франции. Особенно поразительной была головокружительно смелая дешифровка старинных гравюр, народных куплетов, геральдических надписей и т. д., которые автор с помощью так называемой «фонетической кабалы» (не путать с еврейской Каббалой, с двумя «б») делает захватывающим повествованием о тайной борьбе двух могущественных «секретных обществ». Именно противостояние этих организаций и определяет, по Грасе д'Орсе, всю европейскую историю. Схематически можно представить эту фантасмагорическую картину следующим образом. Изначально на территории Евразийского континента и Северной Африки существовало два религиозных типа, два культа — Солнечный и Лунный. Эти соперничающие между собой религиозные организации находились в состоянии постоянного конфликта. В древней Галлии существовало две основные касты — «жители башен» и «труженики». «Жители башен» («жасы», «гои» или

«гогтрюсы») были Лунопоклонниками, их богиней была Беллона или Белена (Грасе д'Орсе сближает слово «Belena», богиня Луны у кельтов, и слово «volonte», «воля»). «Труженики» («пеки» или «пикарды») поклонялись солнечным божествам Эсусу и Теутату. На этом этапе Грасе д'Орсе явно ориентируется на известные ему труды Сэнт-Ива д'Альвейдра, так как он называет Лунопоклонников «ионийцами», потомками «Энея», основателя Римской династии, а объектом их поклонения считает священную корову Ио («ионийцы» — потомки коровы Ио). Как и д'Альвейдр, основополагающим символом «ионийцев» он называет Красный Цвет (красный — изначальный цвет орифламмы французских монархов). Против лунных «ионийцев» боролись солнечные «дорийцы» и «стоические поклонники Митры». Символические цвета «дорийцев» — Черный и Белый. Но в развитии этой темы Грасе д'Орсе далеко уходит от д'Альвейдра. Он однозначно отождествляет «ионийцев» с носителями идеи родовой аристократии, с европейской знатью. Солнцепоклонники, в свою очередь, — это народ, крестьяне, ремесленники, а также клир, жреческое сословие. Средневековые гибеллины, сторонники примата императорской власти над властью Папы, а позднее протестанты были типичными «ионийцами». Вельфы же, сторонники Папы, «дорийцами» и Солнцепоклонниками. Любопытно, что Грасе д'Орсе затрагивает здесь вопрос магии крови, так как утверждает, что «ионийцы», и особенно род французских капетинских монархов, идущий от Катта Валлона, считали себя носителями «фиолетовой» крови, крови божественной, и презирали «голубую» кровь низших каст. Поэтому Лунопоклонники назывались иногда «фиолетовыми», а Солнцепоклонники — «голубыми». В христианской Европе оба эти течения существовали не только в форме идеологических и политических комплексов, но и виде «секретных обществ», с особым языком знаков, символов, соответствий, паролей и т. д. Солнцепоклонники были объединены в тайный «Орден Четырех», «Орден Кварты». Другим их названием было «Менестрели Мурсии» или «Менестрели Мерси», т. е. дословно «Менестрели Милосердия». Другим важнейшим знаком «Кварты» был Северный павильон дворца Тюильри и День Зимнего Солнцестояния. В эзотерической шифрованной книге Рабле члены «Кварты» описаны под именем «Гастролатров», «чревоугодников». В Англии они проявились в парламентской партии «вигов», т. е. «париков», так как «парик» — это тайный пароль «дорийцев». Менестрелей Мурсии Грасе д'Орсе связывает с горожанами или сельскими жителями, в противовес аристократам, живущим в замках, «башнях» (связь слова «tour» — «башня» и «taureau» — «бык»). Лунопоклонники объединялись в таинственный «Орден Пяти», «Орден Квинты». Иначе же они именовались «Менестрели Морвана» или «Менестрели Моргана». Они связаны с Югом, с Летним Солнцестоянием. Их традиционная эмблема — Танцующая Смерть, danse macabre, а также Южный Павильон Тюильри, Павильон Флоры. Словосочетание «Менестрели Морвана» Грасе д'Орсе расшифровывает как «мертвая южная рука», «morte main australe». У Рабле члены «Квинты» — это Энгастромиты, ненавидящие еду. Поэтому любимое средство аристократов-ионийцев для борьбы с народом и для его подчинения — это «организованный голод», «мор». Грасе д'Орсе считает, что любой голод и мор в Европе на протяжении всего известного исторического периода не случайность, а результат заговора Лунопоклонников против народа. В Англии «Квинта» представлена парламентскими «тори» («тори», «tory» — «обитатели башен», «tour», поклоняющиеся быку «taureau»). На уровне христианского богословия корни «Кварты» тянутся к еретическому учению Кердона, одному из первых монофизитов, отрицавших человеческий элемент в личности Исуса Христа. Феодальную Европу, и особенно Францию, Грасе д'Орсе считает в большинстве своем «солнечной», управляемой «Орденом Кварты», чьей представительницей, в частности, была Жанна Д'Арк. Но некоторые правящие королевские рода принадлежали при этом к Лунопоклонникам, «фиолетовым». (Фиолетовым было знамя первых капетинских монархов). Реформа и Протестантизм был целиком и полностью результатом заговора «Квинты», которая стремилась освободиться от влияния вельфского жреческо-народного Ватикана с его Солнечной ориентацией. Но помимо смягченной чисто церковной и католической солнечности, на Западе существовала и радикальная организация

Солнцепоклонников, стремящихся раз и навсегда покончить с конкурирующим Орденом. Древнейшая солнечная Традиция, в рамках Христианства связанная с апостолом Павлом и ересиархом Маркионом (прямо противоположным в своей доктрине «монофизиту Кердону»), была сохранена в Иерусалимском патриархате, откуда ее привезли в Европу рыцари Храма, тамплиеры. Позже солнечные тайные доктрины были переданы португальскому Ордену Христа, а еще позже — Ордену Иезуитов. В конце концов, они перешли к европейскому Масонству. Знамя тамплиеров было как раз Черно-Белым. Масонство вплоть до Французской Революции было ареной противостояния двух тайных Орденов: «Квинты» и «Кварты». Изначально Масонство было создано Иезуитами как инструмент в борьбе против всесилия «ионийской» аристократии. Но позднее в него проникли многие представители «Квинты» и стали бороться за доминацию внутри этого Ордена. Солнцепоклонники в рамках Масонерии образовали орден Геродона, который позже стал «Шотландским древним и принятым обрядом» из 33 степеней. Лунопоклонники оформились в гугенотское масонское братство «Адельфов», а позже «Карбонариев». Пиком оккультных интриг в войне «Кварты» и «Квинты» Грасе д'Орсе считает Революцию. В ней все тайные силы европейской истории вышли на поверхность. Грасе д'Орсе в целом разделяет точку зрения контрреволюционных авторов — аббата Баррюэля, Агустена Кошена, Бернарда Фая и т. д. — относительно причастности Масонства к Революции. Он даже согласен, что именно на Масонстве и лежит главная ответственность за случившееся. Но в отличие от довольно простых схем обычных контрреволюционеров он выдвигает головокружительную и необычайно сложную версию, где вся Масонерия предстает не как нечто однородное и единое, но как поле противодействия двух еще более тайных, оккультных сил и групп. Таким образом, его конспирологическая картина намного богаче. Во-первых, в подготовке Революции безусловно участвовали обе тайные организации. Отчасти деградировавшее солнечное братство «Кварты» истолковало многие свои доктрины буквально, и вместо солнечного равенства в духе оно стало развивать демократические вульгаризированные концепции, направленные не только против протестантской аристократии, стремящейся абсолютизировать свою власть, подавив сопротивление клира и народа, но и против самой социальной иерархии в целом. Так баварские Иллюминаты и герцог Брауншвейгский (по праву своего рода возглавлявший европейскую партию гвельфов, т. е. один из вариантов «Кварты») готовили казнь Людовика XVI как абсолютиста, склоняющегося на сторону гугенотов и протестантов. Если до Людовика XV французские монархи шли на уступки «Кварте», и даже установили с демократическими гвельфами — «дорийцами» союз против власти поместного дворянства, то сам Людовик XV и Людовик XVI нарушили договор и встали на сторону Лунопоклонников-гугенотов. Они отказали крестьянам в распашке королевских земель и лесов (это требование, естественно, поддерживала и Церковь), распустили Орден Иезуитов и устроили «искусственный голод», «мор», то есть проявили все признаки своего перехода на сторону «Квинты» и «ионийцев». Тайное собрание «Кварты» во Франции с участием представителей простых сословий и клира под эгидой Ложи-матери, своего рода оккультный парламент, также проголосовал за смерть Людовика XVI. Таким образом, Французская революция была местью проиезуитского масонства солнечного ритуала королю, перешедшему на сторону лунного ритуала, и связавшего свою судьбу с гугенотами-гибеллинами. Но в ходе социальных потрясений Революции «солнечный Орден» фактически стал носителем эгалитарных настроений и доктрин. Это в значительной степени изменило изначальную религиозную ориентацию движения и привело к известным эксцессам. С другой стороны, масонерия была уже пропитана протестантскими влияниями «Квинты». Протестанты же, согласно традиционной логике «партии Танцующей Смерти», постоянно практиковали скупку зерна и под угрозой голода наращивали капиталы протестантских банков. Поэтому, потеряв своего союзника — Людовика XVI, «ионийцы» отыгрались на экономических достижениях; участвуя в управлении Республикой в силу масонской включенности в заговор, они сосредоточили в своих руках финансы. Так аристократы «фиолетовой» крови прочно связали

свою судьбу с буржуазией на почве протестантизма и Лунопоклонничества. И позднее лунный обряд потомков Коровы Ио стал также конспирологической ориентацией «капиталистов», воспринявших от аутентичных «Менестрелей Морвана» в первую очередь экономические методы борьбы с простым народом и Церковью. Но как бы то ни было, вырождение солнечного «Ордена Кварты» вплоть до демократизма и эгалитаризма и превращение лунного «Ордена Квинты» в силу капитализма, по мнению Грасе д'Орсе, положило конец многовековой истории этих «секретных обществ».

Вначале, Грасе д'Орсе думал, что тайный язык «Кварты» и «Квинты» был утрачен и забыт, что их борьба была десакрализирована, их символизм и иероглифы потеряли всякий смысл, а их влияние на общественно-политическую жизнь сошло на нет. Но в конце своей жизни он изменил эту точку зрения, и написал, что вопреки его первоначальным убеждениям тайная иероглифическая история Франция не оборвалась на убийстве герцога де Барри (опоследнего гульярда), но таинственным образом продолжается и сегодня, о чем свидетельствуют некоторые шифрованные произведения искусства. Тот, кто знает особый ключ, может, по мнению Грасе д'Орсе, заглянуть вглубь таинственной «иероглифической» жизни, расшифровать «дипломатический» (по выражению Грасе д'Орсе) язык символических названий и фигур, постичь таинственный смысл, заложенный в книгах Рабле, в «Сне Полифила», в трудах Данте, Кавальканти, Кампанеллы (не указывает ли его «Город Солнца» на причастность к «Ордену Кварты»?), Сервантеса, Мольера, Сирано де Бержерака и многих других авторов, чьи произведения несомненно имеют эзотерический подтекст. В принципе, можно пойти и еще дальше и попытаться увидеть многие события X века — «искусственный голод», демократические и эгалитаристские перевороты, неосимволизм современной политической и экономической пропаганды, «англо-саксонский» (= «протестантский») фактор в мировой геополитике, планы по созданию Мирового Правительства и установлению Нового Мирового Порядка — в оптике, подобной методу Грасе д'Орсе, поскольку его сложная и развитая модель имеет удивительный резонанс с оккультной, «иероглифической» стороной важнейших современных процессов. Совершенно очевидно, что гений Грасе д'Орсе остается чрезвычайно актуальным и в высший степени притягательным и сегодня, что выражается в его растущей популярности в последние годы в традиционалистском и даже академическом мире Франции, и шире — Европы.

Контриинициация в трудах Рене Генона

Теперь мы несколько отклонимся от рассмотрения моделей «безумцев от истории» и обратимся к такому серьезному и в высшей степени авторитетному традиционалистскому автору, как Рене Генон. Его концепцию нельзя, строго говоря, причислить к конспирологическим моделям, так как он во всем строго следует доктринам Традиции и основывается на конкретной и ортодоксальной Инициации, а следовательно, его воззрения суть не отражения истин, интуитивно схваченных гениальным «художником» от истории, но изложение конкретных, почти «опытных» данных, хотя и относящихся к сфере духовной и метафизической практики. Теории Генона относительно роли «секретных обществ» оккультного направления в истории являются совершенно необходимыми для того, чтобы адекватно понять другие более вольные конспирологические концепции и отделить в них зерно истины от плевел фантазии или личных пристрастий. В полном соответствии с Традицией Генон утверждает, что человеческий цикл начинается с Райского состояния, с «точки» Земного Рая, и движется к хаосу и упадку, к своего рода «Земному Аду», за которым следует финальный период катастроф и начало нового цикла, новый «Земной Рай» нового человечества. В христианстве этот процесс называется «грехопадением». Однако человечество на протяжении всего хода истории имеет и две радикальные перспективы «ускорить» или «обратить вспять» циклический процесс, реализовав в узких рамках одной человеческой жизни все качественное, сущностное содержание полного человеческого цикла. Эти две перспективы Генон определяет как «инициацию» и «контринициацию».

Инициация — это особое сакральное и таинственное действие, которое дает посвященному возможность выйти за рамки временной и пространственной обусловленности, ограничивающей историческое человечество. Но эта возможность становится действительностью только при осуществлении духовной реализации, то есть после извлечения всех следствий и активации всех потенций, данных в инициатическом ритуале. Полноценная инициация имеет два этапа — Малые Мистерии и Великие Мистерии. Первый этап призван возвратить посвященному изначальное «адамическое», «райское» состояние, утраченное исторически. Это — достижение полноты всех земных и человеческих возможностей, взятых одновременно и синтетически. Второй этап — Великие Мистерии — ведет человека от «Земного Рая» к «Раю Небесному», к иным ангелическим, божественным и сверх-земным уровням универсального Бытия, вплоть до полного «обожения», «теозиса», слияния с Богом, Перво-Принципом. Инициация, согласно Генону, стоит за всеми духовными сакральными (и в частности, религиозными) формами, за всеми традициями как их тайная сущность, как их высший смысл. Но будучи исключительной возможностью, инициация предназначается только для избранных, для исключений, и поэтому она является достоянием «эзотерических организаций», не внешних, но внутренних по отношению ко всеобщим сакральным или религиозным институтам. Можно сказать, что инициация направлена всегда против хода истории, вспять, так как даже в первой своей фазе она ориентирована на возвращение посвященного к начальной «точке» человеческого цикла, в «Земной Рай». Два этапа полноценной инициации можно соотнести с миром психическим, миром души — Малые Мистерии, и с миром пневматическим, с миром духа — Великие Мистерии. Если первая фаза соответствует полноте человеческого архетипа, взятого в его тотальном, сакральном измерении, то вторая фаза выходит далеко за пределы всего человеческого и протекает уже в сфере Божественного. Контринициация — это процесс столь же радикальный и также предназначенный для исключительных случаев, но ориентированный в противоположную сторону. Он ставит своей целью, невзирая на конкретные исторические обстоятельства, вывести «посвящаемого» за рамки истории, но при этом не возвратить его к «Земному Раю», а погрузить его в «Земной Ад». Иными словами, контринициация приводит своих «посвященных» к концу истории. Контринициация имитирует подлинную инициацию, но с обратным знаком. Она обращена не в сторону Божественного, но в сторону Демонического. Второй этап контринициации — это переход от «Земного Ада» к «Подземному Аду», то есть выход за пределы человеческого архетипа, но не вверх, к духовным Небесам, а вниз, к демоническим подчеловеческим мирам Дьявола. Контринициация, так же, как подлинная инициация, дает своим адептам подлинную и ничем не ограниченную свободу по отношению к конкретным историческим и географическим условиям, так как «посвященные дьявола», называемые иногда «черными магами» или «святыми Сатаны» («авлии-эш-Шайтан» в Исламе), также стоят по ту сторону истории, то есть человеческих и земных пространства и времени, как и «посвященные Бога». Более того, внешние эффекты «инициатических» и «контринициатических» реализаций — паранормальные явления, чудеса, экстраординарная сила влияния и т. д. — могут быть очень похожи, как похожи чудеса, совершенные некоторыми святыми на чудеса магов, в том числе и «черных магов»: «билокация», «левитация» и т. д. Контринициация направлена по ходу истории, она соответствует силе ускорения истории. Можно сказать, что контринициация — это активный «двигатель грехопадения». Но это означает в перспективе Генона, что контринициация и есть «движущая сила прогресса», о которой так любят говорить эволюционисты. Рене Генон считает, что помимо инициатических организаций существуют и контринициатические структуры, также обладающие определенными доктринами, ритуалами, культами и т. д. В истории этих контринициатических обществ Генон выделяет несколько важнейших этапов. Первым глобальным проявлением контринициации Генон считает так называемую «Революцию Кшатриев (каста воинов в Индии) против Брахманов (каста жрецов)». На основании некоторых традиционных данных он полагает, что это восстание произошло в «атлантический» период (около 10 тыс. лет до Р.Х.). Смысл этой

Революции у Генона в целом совпадает со смыслом «иршуистской» Революции, восстания «ионийцев» у Сэнт-Ива д’Альвейдра. Важно, что Генон подчеркивает западный, «атлантический» характер наиболее раннего макро-проявления контринициации в истории. Далее, Генон указывает на упадок традиционных цивилизаций в VI веке до Р.Х., за которым, однако, последовал период частичной реставрации.

За фасадом «буддистской революции» царя Ашоки в Индии, за полемикой конфуцианцев с даосами в Китае и антидаосскими гонениями, за Вавилонским пленением евреев, за потрясениями в иранском религиозном сознании (перед пришествием «последнего Заратустры» в VI веке), за трансформациями в эллинской и ближневосточной традициях и т. д. — Генон видит активизацию контринициатических сил, «торопящих» упадок традиционной цивилизации и стремящихся ускорить пришествие «Земного Ада». Но в VI веке этим тенденциям воспрепятствовали действия инициатических организаций, вынужденных, тем не менее, провести определенные сакральные реформы почти во всех регионах планеты и в лоне всех традиций и религий с учетом изменившихся и «демонизированных» условий земной макро— и микро-космической среды.

Следующий всплеск контринициации приходится на время, непосредственно предшествующее приходу Исуса Христа. Особенно это касалось сугубо западной, греко-римской, европейской цивилизации. Но Христианство (и особенно христианские инициатические организации) нейтрализовало ситуацию, и против усилившегося стремления к концу истории выдвинуло инициатический принцип Христа, Нового Адама, реставрировавшего и спасшего падшего Ветхого Адама своим пришествием. Расцветом инц积atического порядка на Западе Генон считает Средневековье, но уже в XIV веке, после уничтожения Ордена Тамплиеров и с началом Французского Абсолютизма, контринициатические тенденции проявляются с новой силой и методично ведут Запад, да и весь мир, к «Земному Аду». Возрождение, Реформация, Просвещение, Французская Революция, эпоха материализма и капитализма, победа коммунистического восстания в России для Генона суть этапы постепенного завоевывания контринициацией власти над планетой. Современный мир XX века Генон однозначно отождествляет с «апокалиптическим» миром конца Времен, с тем «Земным Адом», к которому стремились деятели контринициации на протяжении всей истории.

Важно отметить, что в самой последней фазе победы контринициации на планетарном уровне Рене Генон выделяет два этапа: этап предельной материализации и этап последующего «растворения снизу». Материализация соответствует агностическим, «позитивистским», «критическим», «атеистическим» и «материалистическим» тенденциям, свойственным Европе конца XVIII — начала XX веков. Этот период для контринициации является подготовительным перед ее решительным триумфом и полным обнаружением. Здесь из цивилизации изгоняется не только инициатическое измерение, но и все связанное с внешней духовностью и религиозностью. Такое внерелигиозное и внеинициатическое состояние цивилизации Генон называет «профанизмом». Но за эпохой «профанизма», закрывающего «Яйцо Мира» сверху от проникновения в мир Небесных, Божественных влияний, должна последовать эпоха неоспиритуализма, снова открывающая «Яйцо Мира», но на сей раз снизу, для впускания в мир подчеловеческих, подтелесных (инфракорпоральных), демонических существ Тьмы, «орд Гогов и Магогов». В этот момент контринициация должна полностью обнаружить себя во всей полноте и тотальности на планетарном уровне. Период открытого царства контринициации Генон отождествляет с тем, что христианская традиция называет «пришествием Царства Антихриста», а Ислам — «пришествием Дадджала», «Лжеца», «ложного Мессии».

Таким образом, для Генона современный мир является целиком и полностью плодом «творчества» тайных контринициатических организаций, «святых Сатаны», которые тщательно подготавливали на протяжении столетий и тысячелетий актуальную цивилизацию и активно участвовали в ее созидании именно в том виде, какой она сегодня приобрела. Очевидно, что такое видение процесса истории предполагает за всеми важнейшими

политическими, геополитическими и идеологическими трансформациями (и особенно в последние века) деятельность тайных контринициатических организаций. В этом отношении Генон довольно скуп на подробности, так как его в первую очередь всегда интересовали общие метафизические принципы, из которых, по его мнению, всегда можно вывести в качестве следствий все более конкретные соображения. И тем не менее, он делает определенные намеки на те или иные организации и тайные общества, которые он считает наиболее подозрительными в смысле их явной или предполагаемой связи с контринициатическими силами. Ниже мы попытаемся в общих чертах изложить суть взглядов Генона на роль контринициатических тайных обществ.

В первую очередь, Генон считает, что существуют совершенно сознательные и полностью отдающие себе отчет в своих действиях дьяволопоклонники, «святые Сатаны». Символически Генон описывает их как особых существ, которые дошли в своих эзотерических исследованиях до определенной «двери», но обнаружили ее закрытой для себя. Они были вынуждены вернуться «назад», но их существо уже прошло необратимую трансформацию, и их психические способности безмерно превышают уровень обыкновенных людей. Это — «черные маги», служители контринициатического культа и носители особых могущественных влияний и способностей. (В отличие от простых колдунов они обладают глобальным видением земной ситуации в целом, и их способности простираются на макрокосмический и микрокосмический уровень, подобно способностям подлинных посвященных). В письме Генона неустановленному адресату, известному под инициалами Ж.К. (J.C.)[1], — по всей видимости, это был посвященный очень высокой степени, насколько позволяют судить его познания в области сакральной географии и некоторые его замечания в статье, опубликованной в журнале «Etudes Traditionnelles» (N 293–295,1951), — есть утверждение о существовании «Семи башен Сатаны», которые соответствуют «персонам» Семи главных Ангелов, падших вместе с Люцифером. Две башни находятся в Африке (Нигер и Судан); две — в Малой Азии (Сирия и Мессопотамия); одна — в Туркестане; и наконец, еще две в Западной Сибири или на Урале. Местонахождение этих двух последних башен, расположенных на советской территории, Генону было неизвестно. Но его адресат, таинственный Ж.К., предполагает, что одна из «советских» башен должна быть расположена в бассейне реки Оби, так как, по его утверждению, «река Обь географически представляет собой такую форму, которая служит опорой постоянной активности для определенной категории демонов». Любопытно и другое замечание из письма Ж.К. Генону в 1935 году: «Начиная с 1934 года определенные звенья цепи Врага разбиты. Заброшенная центральная башня, служащая опорой его влияний, обнаружила свою активность. Но я не знаю еще, как это заявит о себе. Я думаю, что уже можно вычленить контуры такой эволюции мира, которая должна привести к величайшим беспорядкам. Но хотя время Антихриста и близко, оно еще не настало, и речь идет только о подготовке его пришествия».

Все это относится к непосредственным участникам контринициатического Ордена. Но существовало и множество промежуточных форм. Так, среди «агентов влияния» контринициации Генон называет некоторые тайные общества Европы. По мнению Генона, Масонство в целом нельзя рассматривать как собственно контринициатическую организацию. Напротив, он считает, что оно есть продолжение подлинных инициатических средневековых организаций. Но при этом он отмечает, что Масонство подверглось массовой инфильтрации агентами контринициации, что привело к деградации «регулярной Масонерии» и порождению «иррегулярных обрядов», часть из которых служила маской уже для собственно контринициатических сил. Можно отметить в логике влияния

[1] Уже после написания этой работы автору удалось выяснить через людей, пожелавших остаться неизвестными, что под этими инициалами скрывался некто Жан Кальмель, французский дипломат в Польше, который, кстати, неоднократно бывал в Санкт-Петербурге и являлся учеником знаменитого бурятского ламы доктора Бадмаева

контринициации на Масонство некоторый параллелизм с ее влиянием и на Христианскую Церковь: там где удавалось отколоть от Церкви определенную часть верующих, там возникали секты, подчас превращающиеся в прямо контринициатические структуры; там, где раскол осуществить не удавалось, контринициация способствовала «нейтрализации» наиболее опасных, то есть сугубо инициатических, моментов, стараясь не столько обратить Церковь в свое оружие, сколько обезвредить ее, сделать бессильной и пассивной. То же самое можно отметить и в отношении метаморфоз Масонства. Наиболее опасными и контринициатическими Генон считал разновидности «египетской» иррегулярной Масонерии, вдохновителями которой были Калиостро (Джузеппе Бальзамо), братья Беддарид и несколько других в высшей степени энигматических и подозрительных персонажей. Эта Масонерия известна под именем Орден «Мемфис и Мицраим». (Любопытно, что Грасе д'Орсе считал Калиостро одним из главных представителей «Ордена Квинты», тогда как Сен-Жермена он, напротив, относил к членам «Ордена Кварты»). Вот что Генон писал в своем письме от 22 апреля 1932 года относительно остатков египетской традиции. «… В сущности от Древнего Египта до сегодняшнего дня сохранилась только магия, крайне опасная и очень низкого уровня. Она тесно связана с Ослоголовым Богом, который есть не кто иной, как Сет или Тифон. Эта магия сегодня перешла в Судан, где происходят довольно странные вещи: так, например, существует один регион, обитатели которого, числом около 2О тысяч способны принимать по ночам форму животных; эту территорию остальным жителям пришлось даже обнести оградой, чтобы преградить путь ночным набегам этих существ, в ходе которых они часто разрывали людей…» В целом же Генон считает, что контринициация как таковая в своей чистейшей форме сопряжена именно с египетскими мистериями Сета, а так как только этот элемент египетской традиции действительно сохранился до наших дней, то всякая апелляция к Египту на «инициатическом» или «псевдоинициатическом» уровне (если это не является, конечно, чистой фантазией) указывает на прямое или косвенное влияние темных контринициатических энергий.

Египетский фактор для Генона является едва ли не определяющим, так как и сама египетская цивилизация рассматривается им как комбинация двух довольно второстепенных и деградировавших сакральных тенденций — западной, атлантической, и южной, центрально-африканской. А именно эти две сакральные ориентации — Запад и Юг — по мнению Генона, в нашем отсеке человеческого цикла символизируют негативные и контринициатические влияния (в отличие от Севера и Востока). Это, конечно, не означает, что древний Египет обладал контринициатической или сатанинской традицией, но подчеркивает недостаточный и горизонтальный, «космистский» вектор ее развития, акцент, поставленный скорее на магической и натуралистической стороне вещей, нежели на чистой Метафизике и сфере Первопринципа.

Но не только «египетская» Масонерия вызывает у Генона опасения. Несколько других тайных организаций также внушают ему определенную тревогу. Среди наиболее оперативных, компетентных, влиятельных, но в то же время чрезвычайно подозрительных тайных обществ Генон упоминает «Герметическое Братство Луксора», «Hermetic Brotherhood of Luxor» или сокращенно «H.B. of L.» (Заметим, что «Луксор» — это название египетского города). Это англо-саксонское общество с центром в Соединенных Штатах Америки было особенно активно во второй половине XIX века. Именно оно инспирировало явно или косвенно большинство американских и европейских неоспиритуалистских течений, которые стали внешними инструментами этой организации. Именно этот тайный Орден стоял у истоков спиритизма, теософизма Блаватской и оккультизма Папюса, Седира и пр. Хотя доктрины «Герметического Братства Луксора» были намного более адекватными, точными и обоснованными, нежели пародийные и гротескно-нелепые теории неоспиритуалистов, именно этот Орден оказал наибольшее влияние на все эти движения, и особенно на практическом уровне, так как члены братства обладали несомненными оперативными способностями оккультного порядка, которых так недостает безграмотным и вынужденным

без конца прибегать к симуляциям неоспиритуалистам.

Генон подробно описал таинственное участие «Герметического Братства Луксора» в появлении западного неоспиритуализма в своих книгах «Заблуждения Спиритов» и «Теософизм, история одной псевдорелигии». Как один из возможных источников подключения «H.B.of L.» к контринициатической цепи, Генон называет Бэверли Рэндольфа, автора книги «Magia Sexualis» и в высшей степени подозрительного персонажа, пропагандировавшего в эзотерических кругах «сексуальную магию» с почти нескрываемым сатанинским и антихристианским акцентом. Сам же Рэндольф, видимо, был связан с некоторыми центрами «оперативной магии», активно практиковавшими «вызывания Демонов» в Германии во второй половине XVIII века. Далее, Генон указывает на английских розенкрейцеров XIX века, которые либо просто узурпировали имя и некоторые доктрины организации «Розы-Креста», чьи представители покинули Европу в 1648 году, либо обратили реальную и остаточную розенкрейцеровскую инициацию в контринициатическое русло. Особо Генон выделял «Societas Rosicruciana in Anglia» («Английское Общество Розенкрейцеров»), из которого выделился позже Орден «Golden Dawn in the Outer», т. е. «Золотая Заря во Внешнем (мире)». Этот последний приобрел подчеркнуто египетский характер, и парижский представитель «Golden Dawn» даже предложил муниципалитету проект строительства храма Изиды в Париже. Женой главы французского отделения «Golden Dawn» Мазерса была сестра философа Бергсона, и Генон часто подчеркивал этот факт, указывая на возможные пути контринициатических влияний на профаническую культуру. (Самого Бергсона Генон считал чрезвычайно зловредным философом, выполняющим негативную миссию по дерационализации европейского сознания, по введению в это сознание хаотических, инфракорпоральных «интуиций», соответствующих плану Гогов и Магогов).

Вообще говоря, оккультное влияние организации «Golden Dawn» на современную культуру и политику огромно, так как такие знаменитые люди, как писатель Булльвер-Литтон, поэт Йитс (лауреат Нобелевской премии), английский политик Бьюкен и многие, многие другие были официальными членами этой организации, не говоря уже о многочисленных закулисных и тайных связях с политическими, дипломатическими и культурными кругами. Генон также обращал внимание на контринициатический характер общества «Мириам», возглавляемого Джулиано Креммерцом, где практиковался «герметический тантризм» и подозрительные «магические» ритуалы. Очевиден был сатанинский характер деятельности Алистера Кроули, чьим контринициатическим псевдонимом было имя «Зверь», по-гречески «Теон». Показательно при этом, что и Кроули, и Креммерц апеллировали именно к египетской традиции. Что же касается Кроули, то он был посвящен именно в лоне «Golden Dawn», хотя, конечно, радикальный и откровенный сатанизм был свойственен только ему и созданным им контринициатическим организациям «Аббатство Семи Лучей» и «Орден Серебряной Звезды», а также «О.Т.О» («Ordo Templari Orientiп — «Орден Тамплиеров Востока»). Кроме «египетского» характера этих структур показательна их псевдотантристская, сексуальная направленность, что снова заставляет вспомнить Бэверли Рэндольфа, вдохновителя «H.B.of L.»

Все перечисленные организации Генон считал посредниками между чистыми дьяволопоклонниками — «бродячими магами», обслуживающими Семь Башен Сатаны — и внешним культурно-политическим миром. При этом в последней фазе установления «Земного Ада» особое инструментальное значение, по мнению Генона, уделяется именно неоспиритуалистическим течениям, призванным под видом восстановления духовности, размыть «Яйцо Мира» снизу и открыть путь подчеловеческим и демоническим сущностям. Нео-спиритуалисты — оккультисты, теософисты, спиритисты и т. д. — служат как бы наиболее внешним кругом для сложной системы контринициации. Они выступают как проводники влияний, исток и значение которых им самим, как правило, неизвестны. Так, у истоков Ауровиля — предполагавшегося стать столицей мирового неоспиритуализма — стоял не кто иной, как один из руководителей «H.B. of L.», Великий Мастер внешнего круга

Макс Теон, посвятивший «Мать» ашрама Пондичери, Мирру Алфассу, которая позднее вовлекла в сферу оккультизма Шри Ауробиндо, бывшего до этого лишь политиком и поэтом. (Любопытно, что фамилия Великого Мастера Теон, Theon, по-гречески означает «Зверь», подобно псевдониму Алистера Кроули). Но мало кто из жителей самого Ауровиля или почитателей Ауробиндо догадываются о реальном происхождении всех этих идей и проектов.

И наконец, в контексте оккультного влияния нельзя не упомянуть о роли, которую Рене Генон отводит иудеям. Естественно, не имевший ничего общего с вульгарными юдофобами, Генон отмечал лишь специфику исторической роли иудеев, подчеркивая, что «кочевническое» состояние евреев диаспоры в данный циклический период делает их предрасположенными к тому, чтобы стать «опорой» для демонических влияний. Именно в этом смысле, не ставя под сомнение аутентичности истоков иудейской традиции (хотя Генон и подчеркивал, что иудаизм — традиция западного, атлантического происхождения, не связанная с Единой Традицией напрямую, а лишь через серию вторичных промежуточных форм), Генон указывал на наличие значительного числа иудеев среди активистов наиболее страшных и разрушительных тенденций в современной цивилизации, а также среди «агентов влияния» контринициации. Так, Генон подчеркивал, что основатели Ордена «Мемфис и Мицраим» братья Беддарид, глава «Golden Dawn» Самуил Лиддел Мазерс, Великий Мастер «H.B. of L.» Макс Теон, Мирра Алфасса «Мать» Ауровиля; Фрейд, Эйнштейн, Бергсон и др. (среди контринициатически ориентированных деятелей культуры и науки); а также большинство социалистических и коммунистических лидеров были евреями. Как бы то ни было, по мнению Генона, в построении «Земного Ада» евреям диаспоры как представителям «извращенного кочевничества» («nomadisme devie») отводилась одна из главных ролей, так как Генон принимал точку зрения Традиции, согласно которой сам Антихрист должен быть евреем по национальности, причем обязательно из колена Данова.

Упомянем в качестве характерного примера концепцию Генона относительно психоанализа Фрейда, которого Генон считал не просто профаническим и опасным, но почти откровенно контринициатическим, и в отношении самого процесса психоанализа Генон неоднократно утверждал, что здесь речь идет об особом контринициатическом ритуале, не выдуманном Фрейдом, но полученным им от какой-то тайной организации. (Ей могло быть иудейское масонство «Бнай Брит», членом которого был Фрейд, но не исключено, что он контактировал и еще с какой-то более закрытой и более оперативной и зловещей организацией). Все это отнюдь не мешало Генону относиться в целом позитивно к ортодоксальной иудейской традиции, и особенно к иудейскому эзотеризму — Каббале, а среди его близких друзей были и евреи, и каббалисты, разделявшие с ним опасения относительно негативной миссии этого уникального народа, наделенного неординарной и, быть может, весьма двусмысленной миссией. Ортодоксальный же иудаизм, по мнению Генона, никакого прямого отношения к контринициации не имеет, хотя бы уже потому, что контринициатические общества носят эзотерический характер, а иудаизм — это экзотерическая, внешняя религия.

Такова в общих чертах концепция Рене Генона, и, надо заметить, что большинство современных конспирологов и исследователей влияния тайных организаций на судьбу человечества, каких бы взглядов они сами ни придерживались, обязательно коррелируют свои взгляды с точкой зрения Генона, либо споря с ней, либо толкуя ее в том или ином ключе, что подчас приводит разных конспирологов не только к различным, но и к прямо противоположным выводам, как мы увидим это в дальнейшем.

Тревожная Вселенная Мигеля Серрано

Среди конспирологов, создававших свои модели по методу «исторического безумия» уже после Генона, мы хотели бы описать лишь тех, кто не просто добавляли в уже существующие концепции отдельные нюансы или коррекции, но строили новые

неожиданные картины истории. К таким конспирологам по определению не относятся большинство генонистов и традиционалистов, так как они строго следуют линии самого Генона, что не лишает их труды интереса, но в определенном смысле ограничивает широту их интуиции. Новые догадки в области оккультной конспирологии следует искать у тех, кто, учитывая традиционалистские теории, все же позволяют себе отклониться от них, поскольку любое важное открытие требует известной доли риска. Наиболее экстравагантными среди постгеноновских конструкций в сфере «альтернативной истории» являются, на наш взгляд, конспирологическая конструкция чилийского автора Мигеля Серрано, известного более своими автобиографическими и художественными произведениями и документальными книгами о Германне Гессе и Карле Густаве Юнге, близким другом которых он был.

Серрано большую часть своей чрезвычайно насыщенной экзистенциальным и мистическим опытом жизни был послом Чили в разных странах — Индии, Болгарии и Австрии. Дипломатическая служба более других предрасполагает к исследованиям в оккультной сфере: так, дипломатами были и знаменитый румынский традиционалист Гетикус, автор фундаментального труда по сакральной географии Румынии «Гиперборейская Дакия», и таинственный Ж.К., корреспондент наиболее откровенных писем Генона, и многие другие. Мигель Серрано был лично знаком с видными политическими, религиозными, научными и культурными деятелями XX века — Николаем Рерихом, Индирой Ганди, актуальным Далай-ламой, профессором Германном Виртом, психоаналитиком Юнгом, писателем Германном Гессе, поэтом Эзрой Паундом, традиционалистом Юлиусом Эволой, мифологом Кирением, такими политиками, как Отто Скорцени, Леон Дегрелль, канцлер Крайски, диктатор Пиночет, и многими многими другими. Все это заставляет полагать, что даже самые невероятные из его концепций имеют под собой какие-то реальные основания. Хотя, быть может, для того, чтобы адекватно понять его идеи, мы должны произвести их «дешифровку», перевести их на обычный язык с того языка, который Грасе д'Орсе называл «дипломатическим».

Метафизической предпосылкой конспирологии Серрано является гностическое представление о Творении как о катастрофе. Серрано в начале Бытия полагает множество трансцендентных реальностей — Космических Яиц. Они андрогинны и принадлежат тому, что Серрано называет Несуществующей Вселенной. Но благодаря таинственному вторжению некоей Злой Силы одно из этих Яиц раскалывается, и из его сакральных энергий персонификация этой Злой Силы, Демиург, творит психо-материальную Вселенную, «концентрационную Вселенную», «сказку, рассказанную идиотом», как определяет ее Серрано. Гравитационная Вселенная Демиурга существует за счет плененных трансцендентных энергий, эонов, часть из которых попала в плен Демиурга случайно, а другая часть — из солидарности с первой. Одной из плененных сущностей была Герда, наша Земля. Это материализованный макрокосмический эон, плененная и замороженная Звезда, жертва Демиурга. Микрокосмическим эоном был первочеловек Адам. Он также был жертвой Демиурга. Изначально Адам пребывал на Северной Земле, в Гиперборее. Позже его потомки расселились по всей земле. А сама Гиперборея в результате «переворачивания полюсов» стала не Северным, а Южным полярным материком, Антарктидой. И наконец, еще одной важнейшей фигурой космогонии Мигеля Серрано являются посланцы Вечерней и Утренней Звезды, Венеры. Это суть сверхчеловеческие эоны, дети Люцифера, которые пришли на помощь человеческим плененным эонам, следуя закону солидарности, чтобы помочь им в их борьбе против Демиурга и освободить их от цепей «Вечного Возвращения Одного и Того же».

Такова в самых общих чертах прелюдия конспирологической Драмы. Далее следует собственно история человечества. Эта история развивается таким образом. Демиург постоянно стремится поймать в свои сети и Адама, и пришедших ему на помощь «сыновей Венеры». Для этого он использует самые различные средства. Так, он делает все, чтобы «анимализировать» Адама, приблизить его к статусу животных. Ему это удается, и тогда происходит уплотнение этой некогда бывшей чисто психической формы: человек

приобретает тело. Позднее Демиург хитростью вынуждает самих сверхчеловеческих посланцев Люцифера, «Павших Ангелов» (которые у Серрано не несут в себе никакой негативной нагрузки), смешаться с дочерьми Адама, человека-животного. Так Демиург ловит в свои сети и людей и сверхлюдей.

Последним, наиболее успешным ходом Демиурга в антропологической сфере, было создание Големов, человекоподобных роботов, самых верных и безропотных своих слуг. Все три антропологических типа преследуют в истории свои цели:

1. Человеко-животные, «адамиты» в позитивном случае стремятся стяжать силы для спасения у «люциферитов» и изыскать способ покинуть кольца Вечного Возвращения; в негативном же случае они ведут животную жизнь, основанную на эмоциях, инстинктах, страхах и влечениях.

2. «Дети Венеры», «люцифериты» хранят в своей генетической памяти и крови особые сакральные силы, потенции, и по традиции они передают друг другу эстафету борьбы с Демиургом. С этой целью они создают духовные учения и сакральные цивилизации, а также провоцируют различные анти-демиургические генетические мутации. Даже в состоянии смешения и забвения они остаются носителями антидемиургической агрессии и ангелического достоинства.

3. Големы, биороботы являются простыми автоматами и поэтому не имеют своей собственной воли. Их цели — это цели Демиурга. Они являются его послушным инструментом, и в силу своего изначального предназначения делают все возможное, чтобы закабалить и человеко-животных, и «люциферитов» и нейтрализовать их анти-демиургические тенденции. Они суть постоянные деструктивные агенты и фальсификаторы.

Серрано на этом не останавливается и устанавливает строгую взаимосвязь между тремя антропологическими категориями и расовым делением человечества. Так, «люцифериты» суть арийцы, белые. (Многие древнейшие самоназвания арийских племен были как раз «сыновья Венеры»: «фризы»— дети германской Венеры, Фрейи; «венеты» — дети Венеры у латинян и т. д.) Биороботов-големов Серрано с нескрываемой юдофобией отождествляет с евреями, иудеями. «Адамитами», человеко-животными, являются все остальные смешанные человеческие расы. В соответствии с таким делением в каждой цивилизации прошлого Серрано выделяет касту сакральных жрецов и воинов, касту королей, состоящую из «люциферитов», арийцев, сверх-людей; касту разрушителей и носителей анархических тенденций, состоящую из биороботов-евреев; и промежуточную касту человеко-животных, тружеников и торговцев. Арийцы все время стараются создать сверхцивилизацию, чтобы проложить путь за пределы «концентрационной Вселенной», освободить от плена материализованный эон Земли, Герды (превратить пространство во время, расковать скованного Демиургом бога Сатурна), чтобы окончательно победить и уничтожить Злую Силу, гравитационного Дьявола, Демиурга.

Стоунхендж, пирамиды, Гластонбэри, Экстернштайн, мегалиты, каменные циклопические постройки в Андах — это останки Великой Арийской цивилизации, стремившейся на основе магического знания совершить преображение или спасение земли и человечества. Но все попытки завершались крахом, так как хитрому Демиургу с помощью автоматов-големов, пассивных и вялых человеко-животных, а также «Белых Предателей» (арийских Ангелов, перешедших на сторону Демиурга), всякий раз удавалось сорвать планы его врагов, и им приходилось всякий раз начинать заново. При этом арийцы все более и более втягивались в кольцо Вечного Возвращения. В зависимости от астрологической эры «люцифериты» брали своим лозунгом соответствующий мифологический мотив — знамя Овна, Тельца, Близнецов, Рыб, Девы и т. д. Но каждую мифологическую модель узурпировали и извращали слуги Демиурга, поглощая сакральную энергию в Черные Дыры материальных энтропических полюсов. Так по мнению Серрано, была сорвана и последняя историческая попытка ариев прорвать чары материального сна, которая имела место при переходе от астрологической эры Овна к эре Рыб. Такой попыткой было «нордическое

христианство» Христа-Бальдура или, точнее, Криста, так как Серрано утверждает, что подлинной традицией было не Христианство, а Кристианство (через «к», а не через «х»). Но големы-евреи (и особенно «Павел из Тарса», ученик раввина Гамалиила) подменили содержание арийской традиции, и превратили ее из «оружия ариев против Демиурга» в «оружие Демиурга против ариев». Гностическая подоплека арийского гнозиса, изначально заложенного в Христианстве, исторически несколько раз выходила на поверхность, но всякий раз «внешнее Христианство Павла из Тарса» безжалостно уничтожало на корню все подобные попытки. Так были подавлены движения раннехристианских гностиков, а позднее — катаров и альбигойцев.

Но подобная узурпация происходила не только в Европе. Индуизм — древнейшая арийская традиция — также подвергся фальсификации со стороны Бне-Исраэль, древнейшей иудейской колонии в Индии, состоящей из так называемых «черных евреев» (антропологически Бне-Исраэль близки к эфиопским фалашам). «Агентами» иудаизма Серрано считает Шанкара-Чарью и других адвайта-ведантистов, вплоть до Рамана Махариши. Истинную традицию, по его мнению, надо искать только среди шиваистов и тантристов, следующих не путем самадхи, но путем Кайвала, «персонифицированного Абсолюта», «дифференцированного Бессмертия». Два тысячелетия последней астрологической эпохи, эпохи Рыб, имели своей кульминацией момент конца этой эпохи, когда должен был наступить момент перехода к эре Водолея. Здесь произошло исключительное событие, которое является для Мигеля Серрано и его концепции краеугольным камнем. Безнадежно проигравшие силы антидемиургических «люциферитов»-ариев собрались для решительного реванша. Тайный Орден «детей Венеры» под названием «Туле» (имя столицы Северной Земли, Гипербореи) высчитал, что наступает время прихода арийского аватара, воплощения Принципа. Этого аватару члены «Туле» распознали в личности Адольфа Гитлера. (Надо заметить, что историческое общество «Туле-гезельшаффт», созданное в 1914 году в Мунихе бароном фон Зебботендорфом, было лишь «экстериоризацией», проявлением вовне, древнейшей, но сохранявшейся в строжайшем секрете организации, известной также под именем общества «Арманов»).

Итак, для Серрано Адольф Гитлер и национал-социализм были феноменами глубоко гностическими, эзотерическими, провиденциальными. Серрано видит во всей истории национал-социализма и Третьего Рейха воплощение эзотерической борьбы «люциферитов» с Демиургом, а нацистскую юдофобию считает чисто гностическим явлением, связанным с эзотерическим пониманием «детьми Венеры» тайной миссии големов. Итак, удар был направлен не против самих евреев, а против их Бога, Демиурга-Яхве, который парадоксальным образом слит с еврейским «коллективным бессознательным». Сам Гитлер (и его ближайшие соратники, в частности, Рудольф Гесс, член «Туле-гезельшаффт» и другие) прекрасно сознавал свою миссию и метафизическую подоплеку Нового Порядка. Серрано любит цитировать в своих книгах высказывание Гитлера: «Кто видит в национал-социализме только политическое движение, вообще ничего в нем не понимает».

Чисто эзотерические аспекты обнаруживает Серрано и в СС, и особенно в эзотерической СС-овской организации «Аненербе», «Наследие Предков». Черный Орден был боевой организацией «люциферитов», которые планировали тотальную операцию против Демиурга. Элементами этой операции должны были быть гностико-медитативные сеансы, магические ритуалы, исследование наследия древних арийских цивилизаций — в СС изучались санскрит, рунические письмена, сравнительная мифология самых различных народов, сакральная география, лингвистика, основы символизма, тантризм, духовная алхимия и т. д. На генетическом уровне национал-социалисты стремились довести расовый отбор до такой степени, чтобы восстановить древний генетический код изначальных «люциферитов» — именно так, технически, понимали в СС термин Фридриха Ницше «Сверхчеловек». Основная задача СС была воссоздать Нового Человека, который был бы уже «не-человеком», «Солнечным Человеком», «Sonnenmensch». Но все эти этапы Серрано считал предварительными, так как самым главным было воссоздание так называемой

«альтернативной науки», анти-гравитационной «науки Имплозии», с помощью которой «люцифериты» должны были трансформировать сам принцип материальной Вселенной. Именно об этом секретном оружии говорил арийский аватара Гитлер, Калки. Но профанический мир думал, что речь идет просто о новом техническом изобретении.

Здесь следует заметить, что совершенно безотносительно общей космогонической и антропологической схемы Серрано, вне контекста его конспирологического видения истории, все его описание фактической стороны дел в СС и связанных с ним тайных ариософских организаций является, несмотря на всю неправдоподобность, совершенной истиной. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить труды ариософов начала XX века — таких, как Гвидо фон Лист, Йорг Ланц фон Либенфельс, Карл Мария Виллигут и их последователей. Большинство ариософов были членами СС или поддерживали с СС тесные идеологические контакты. Проекты «альтернативной науки» также имели свое материальное воплощение, и в этом можно убедиться по сохранившимся в архивах той эпохи чертежам. Итак, национал-социализм был пиком арийского антидемиургического восстания, а СС, Черный Орден, штабом планетарной и космической оккультной войны.

Здесь следует упомянуть несколько более конкретных конспирологических сюжетов, которые затрагивает Серрано. Это — темы летающих тарелок, Антарктиды, полой Земли, ядерного оружия и спасения Гитлера после падения Берлина в мае 1945 года. В принципе, эти сюжеты составляют idees fixes практически всех современных конспирологов, но у Серрано они довольно органично вплетаются в общую синтетическую концепцию. Заметим предварительно, что сочетание этих тем с нацизмом стало общим местом после появление в 6О-х годах книги «Утро Магов» Луи Повельса и Поля Бержье. Но надо сказать, что Серрано затрагивал все эти сюжеты еще до начала второй мировой войны в своем журнале «Новая Эра», «Nueva Edad». Ректор чилийского государственного Университета, масон, после выхода в свет книги «Утро Магов» специально вызвал Серрано в Чили с дипломатической службы, чтобы узнать, каким образом Серрано получил эту информацию еще 20 лет назад. Надо признаться, что эта сторона теории Мигеля Серрано представляется самой фантастической.

Итак, тема «тарелок». Известно, что первые официальные отчеты о «летающих тарелках» или «светящихся неопознанных летающих объектах» появились в ходе Второй Мировой войны в донесениях английских летчиков, совершавших боевые вылеты в Германию. Согласно Серрано, это было секретное оружие нацистов, изготовленное с помощью методов «альтернативной науки». Но это было не чисто техническое средство. Скорее НЛО представляли собой форму «декорпорализированного» существа, «астральное» тело. Иными словами, Серрано считает НЛО магическим оружием арийцев-плюциферитовп. Посредством НЛО был эвакуирован из Берлина в мае 1945 и сам Адольф Гитлер.

Теорию «полой Земли» Серрано понимает буквально и считает, что внутри земли существует пространство, позволяющее протекать полноценной органической жизни. Там есть свое светило, свои подземные реки и деревья и т. д. Полая Земля — это обитель грядущей расы, которая представляет собой наиболее чистых в маго-генетическом смысле «люциферитов», «подземных арийцев». Попасть внутрь полой Земли можно через систему горных пещер — в Гималаях, на Тибете, на Памире, в Андах, Карпатах и т. д. Но вход туда существует и на полюсах — в Арктике и Антарктиде. Особой значимостью в наше время наделен Антарктический континент, Новая Гиперборея. Именно Антарктиде суждено сыграть важнейшую роль в грядущих трансформациях планеты. Серрано упоминает о наличии вблизи берегов Антарктиды «оазиса теплых вод», который существует благодаря впадению в Океан теплых рек Полой Земли. Любопытно, что сам Серрано совершил путешествие в Антарктиду вместе с военной чилийской экспедицией, и один из хребтов этого континента был назван его военными спутниками в честь отважного поэта и дипломата, единственного гражданского лица на борту корабля. Так, на этом таинственном ледяном континенте есть теперь «хребет Мигеля Серрано».

Многочисленные военно-морские экспедиции нацистов в Антарктиду являются хорошо известным фактом. Не являются секретом также странные открытия, сделанные экипажами нацистских подводных лодок в районе земли Королевы Мод. Они обнаружили там гигантскую систему внутриконтинентальных полостей, совокупно образующих огромные пространства с теплым воздухом, почти пригодные для жилья с нормальной температурой. Однажды адмирал Дениц даже обронил следующую фразу: «Мои подводники обнаружили настоящий земной рай». Правда, где именно он не уточнил.

Серрано относит эти слова именно к Антарктиде. Согласно Серрано, системы полых ходов под Землей Королевы Мод — это коридоры, ведущие внутрь Полой Земли. Здесь можно привести также случай с военной экспедицией американского адмирала Берда, который отправился в 1947 году в Антарктиду с целой военной эскадрой, снаряженной самолетами, бомбардировщиками и т. д., как будто она готовилась к морскому сражению. Донесения адмирала, достигшего Антарктиды, действительно, содержали все термины, свойственные морскому бою: «Они нас атакуют… Мы терпим большие потери… и т. д.» С кем вел этот странный бой адмирал Берд? Кстати, через несколько лет он погиб в ходе другой военной экспедиции, на сей раз в Арктику. Серрано считает, что часть членов СС, и особенно эзотерические отделы были заблаговременно перевезены в подземные коридоры Антарктиды. Там же были сосредоточены и некоторые военно-морские силы национал-социалистов. Серрано утверждает, что во время своих антарктических поисков ему не удалось обнаружить ничего, что могло бы подтвердить это обстоятельство, но это и неудивительно, так как он плавал туда в составе военной экспедиции, получившей совершенно конкретные задания, не имеющие ничего общего с «полой Землей» или «оазисом теплых вод». Как бы то ни было, Серрано полагает, что Адольф Гитлер был переправлен из Берлина в Антарктиду (при посредстве германской версии НЛО или каким-то еще, более прозаическим способом) и жил там до начала 8О-ых годов, когда он и скончался. Трудно точно сказать, переместились ли национал — социалисты непосредственно вглубь самой Полой Земли или они разместились внутри континентальных полостей. Как бы то ни было, в этом Серрано видит символ слияния оставшихся в живых нацистов-плюциферитов с «подземными арийцами» грядущей расы.

И наконец, в отношении ядерного оружия Серрано высказывает ряд довольно странных соображений. Ссылаясь на очень надежные источники, он утверждает, что ядерную бомбу впервые изготовили немецкие ученые. При этом важнее всего, что им удалось достичь такой концентрации урана, что его можно было бы уместить в небольшую и легко транспортируемую бомбу только путем применения «имплозивной науки», основанной на особых оккультных принципах. Причем опыт с атомными бомбами был лишь одним в долгой серии более важных и более глубинных исследований, ориентированных в направлении, прямо противоположном опытам с атомным оружием, так как задача «имплозивной науки» состояла не в том, чтобы извлечь энергию из разделения и разложения вещества (что скорее соответствует мировому вампиру Демиургу), а, напротив, соединить разделенное, воссоздать принцип андрогината, «опрокинуть вещество внутрь него», «имплозировать субстанцию». Но как бы то ни было, соглсно Серрано, после поражения в войне немецкие ядерные бомбы, общим числом 5, попали в руки Союзников. Сами же ядерщики США и СССР никогда бы не смогли и не могут в настоящее время получить такую концентрацию урана, поскольку методы «альтернативной науки» остаются вне пределов их досягаемости. Все, что они могут строить — это гигантские атомные реакторы, которые они и взрывают в процессе ядерных испытаний. Из пяти же компактных бомб германского производства две были сброшены на Японию, одна взорвана в Калифорнии, а две еще хранятся в тайных арсеналах США или СССР. Постоянные же политические разговоры о ядерных вооружениях Серрано считает средством политической манипуляции, благодаря которой две «ядерные» державы, одинаково про-Демиургические, големические и анти-арийские, поддерживают человечество в постоянном страхе и напряжении, чтобы им удобнее было управлять.

Несмотря на крайнюю экстравагантность этих конспирологических теорий, они имеют определенные формальные подтверждения в различной фактологической информации, которая чаще всего не вызывает у современных людей особого интереса, так как опровергать теории «безумцев от истории» среди современных «академических» и «профанических» историков считается делом совершенно недостойным. (В частности, относительно атомной бомбы идеи Серрано нельзя отбрасывать сразу, хотя бы уж потому, что сам он долгое время работал в комиссии ООН по атомной энергетике). И не случайно все «горячие точки» современного конспирологического сознания постоянно притягивают к себе все новых и новых исследователей — темы НЛО, Полой Земли, Ядерного Оружия, Антарктиды, нацистского эзотеризма пользуются особой, повышенной популярностью среди западных исследователей оккультного.

Прежде чем закончить общее изложение воззрений Мигеля Серрано, следует осветить также его понимание поражения Гитлера во Второй Мировой войне. Серрано считает, что внешнее поражение было ритуальной необходимостью, заложившей основу грядущей сакральной цивилизации эпохи Водолея. Главным культом этой цивилизации станет трансцендентальный гитлеризм или эзотерический нацизм. Проигранная на материальном плане Великая Битва была выиграна на плане духовном. Гитлер, согласно Серрано, не умер не только в Берлине, но в своем Антарктическом убежище. Он пребывает в Вальхалле, в невидимой, но отвоеванной у Демиурга блаженной стране «сыновей Венеры», духовных ариев. За недолгим внешним триумфом Демиурга и его големов-биороботов, после прихода Мессии-голема, произойдет Последняя Битва. И тогда Адольф Гитлер, Десятый Аватара, Калки, вернется в окружении Последнего Батальона из Вальхаллы Героев. Вместе с ним в земной мир ворвутся ангелические посланники Несуществующего трансцендентного Яйца, сверхчеловеческие световые сущности, «возвращающиеся Боги». Это будет реализация полного освобождения всех пленников Демиурга и микрокосмических и макрокосмических, и сверхлюдей-арийцев, и человеко-животных, «адамитов», и материализованных планет (в частности, остывшей звезды Герды, Земли), и бога Сатурна, времени, загнанного Демиургом в безысходные лабиринты «Вечного Возвращения Одного и Того же». Это станет последним мигом истории, и с началом эпохи Водолея наступит Конец Демиургу как таковому, а Световые Существа, пришедшие из Иного, вернутся на свою «Несуществующую Родину», к Великому Андрогинному Яйцу по ту сторону гравитационной «концентрационной Вселенной», которой больше не будет.

Мигель Серрано не только теоретически излагает подобные взгляды, но и организует в Андах ритуальные собрания, посвященные важнейшим датам гитлеристского культа. Так, помимо всего прочего, он устроил пышное торжество по случаю столетия со дня рождения Адольфа Гитлера, да и счет времени он ведет именно с этой даты. Поэтому столетие Гитлера было одновременно и первым столетием новой Гитлерианской Эры. Конспирология Серрано вбирает в себя как составляющие элементы и различные версии обычной, неметафизической юдофобии и чисто политического антимондиализма. Серрано рассматривает вульгарную юдофобскую аргументацию как упрощенное, экзотерическое выражение более глубоких и оккультных истин, и поэтому он видит в ней многочисленные, но вполне объяснимые, с его точки зрения, погрешности. Как бы то ни было, Мигель Серрано является в высшей степени последовательным и ярким носителем определенной оккультной линии, имеющей свои выражения в политике, религии, культуре, метафизике, сакральной географии, циклологии и т. д. Кроме того, он в высшей степени смело и откровенно высказывает мировоззрение, которое в послевоенном «ялтинском» мире мало кто отваживается обнаружить. Серрано является как бы ответом и подтверждением многочисленных конспирологов— антинацистов, идеей-фикс которых стало раскрытие оккультного неонацистского заговора и разоблачение нацистского эзотеризма. От Серрано и его «гитлеристской конспирологии» легко перейти к другим авторам, так или иначе касающимся темы национал-социализма, которая стала у современных конспирологов такой же центральной, какой была тема Французской Революции у их предшественников 2OO лет назад.

Жан Робен, борец против Зеленого Цвета

Любопытную оккультную конспирологическую версию предлагает французский традиционалист Жан Робен. Он основывается на идеях Генона, которому он посвятил два труда, но его понимание этих идей весьма своеобразно вплоть до того, что большинство европейских «генонистов» считают его «извратителем» геноновских воззрений. Как бы то ни было, Жан Робен считается одним из ведущих современных конспирологов. Его концепция характерна тем, что в ней в сконцентрированном и разработанном виде содержится основные положения весьма распространенной теории о «древнем заговоре нацистов». Во всех других версиях этой конспирологической модели, однако, те же аргументы используются более разрозненно и хаотично, причем, как правило, вне метафизического контекста, возможного только в случае традиционалистских авторов.

Предшественниками Жана Робена были Луи Повельс, Жак Бержье, Рене Алло, Жан Мари Анжебер, о. Мартен и т. д. (заметим, что все они были либо друзьями, либо знакомыми самого Робена). Бержье и Повельс в своей сенсационной книге «Утро магов» вскрыли эзотерическую подоплеку национал-социализма, высветили за внешним фасадом политической идеологии такие фигуры, как теоретик «Доктрины Мирового Льда» Хорбигер, отец геополитики Хаусхофер, основатель «общества Туле» барон фон Зебботендорф, идеолог нео-катаризма Отто Ран и др. Все это заставило многочисленных исследователей заняться поисками оккультных корней нацистской идеологии. Рене Алло в своей книге «Гитлер и тайные общества» подробно описал историю создания «Общества Туле», затронул эсхатологические аспекты нацизма. Именно Алло, будучи профессиональным исследователем символизма и «герметиком», впервые указал на символизм Зеленого Цвета в так называемом «эзотерическом гитлеризме». Он связал этот символизм с Цветом Ислама, и в его концепциях определенную роль играл даже зеленый цвет любимой чернильной ручки Гиммлера, главы Черного Ордена. Анжебер специально расследовал деятельность Отто Рана, и предположил, что поиски Грааля этого путешественника и писателя в Пиренеях увенчались успехом, и что Святой Грааль был перенесен в Германию, в ставку Гитлера, а позднее сокрыт на одном из альпийских ледников, который должен растаять в 1992 году. (При этом он ссылался на полубиографические исторические романы бывшего члена европейского Ваффен-СС французского писателя Сэн-Лу). И наконец, о. Мартен. Это псевдоним неизвестного автора, которого некоторые считают вообще несуществующим, хотя другие (среди них сам Жан Робен) и утверждают, будто лично с ним знакомы. Он стал известен своими «разоблачениями» оккультного неонацизма, создавшего базы для испытания секретного метеорологического оружия на канадском озере Гессер и поддерживающего связь с тайной антарктической станцией, где новый Фюрер, известный под именем Зигфрид, готовится захватить в свои руки бразды мирового господства. Согласно о. Мартену, для борьбы с этим тайным Черным Орденом генерал де Голль создал свой собственный контр-Орден, «45 тайных компаньонов». Один их этих тайных компаньонов — канадец Ла Букен — и стал основным действующим лицом в разгроме тайной лаборатории на озере Гессер. Среди идеологических ориентиров контр-Ордена, основанного де Голлем, о. Мартен упоминает довольно странное и неожиданное сочетание имен — Рене Генон, Тейяр де Шарден и Мао Дзе Дун. (Любопытно отметить, что воззрения Генона являют собой нечто прямо противоположное и радикально отрицающее все основные постулаты как Тейяра де Шардена, так и Мао Дзе Дуна, поскольку Генон был абсолютным противником как всех форм эволюционизма, так и всех форм коммунизма и материализма). Всех этих авторов можно назвать прелюдией к Робену, синтезировавшему их взгляды и интуиции в довольно цельную картину.

Для Робена существует несколько априорных утверждений, которые и предопределяют его концепцию. Почти все они свойственны также его предшественникам. Во-первых, Робен признает традиционалистское видение истории как процесса нисхождения, инволюции,

отдаления от Принципа, от Первопричины. Он также принимает тезис Генона о контринициации как движущей силе Истории и признает центральную роль «сатанинских» обществ, Ордена Сета (так он называет главную оккультную организацию «сатанистов») в процессе упадка человечества. Но дальше он делает несколько чисто волюнтаристических утверждений. — Он отождествляет иудаизм с центральной мировой силой, которая на протяжении всей истории являлась и продолжает являться носительницей теологического Блага. Евреи для Робена суть концентрация всех подлинно инициатических и спасительных доктрин. И обратно, юдофобы в его глазах — это люди в той или иной степени подверженные «сатанинскому» воздействию инициации. Соответственно этой «иудейской» поправке, вся проработанная версия оккультной подоплеки всемирной истории становится весьма своеобразной.

В принципе, у Робена можно встретить все основные тезисы «юдофильской» версии традиционализма, другим ярким представителем которой является знаменитый масон-традиционалист Жан Турньяк. Надо заметить, что постгеноновская конспирология отнюдь не обязательно совпадает с линией Жана Робена, и одни и те же намеки, сделанные Геноном, трактуются совершенно противоположно в зависимости от того, идет ли речь о «юдофильских» или «юдофобских» генонистах, и надо признать, что эти последние ничуть не менее убедительны, чем первые — ведь были же какие-то основания у Луи Повельса произнести свою знаменитую формулу: «Фашизм = генонизм + танковые дивизии».

Как бы то ни было, «юдофилия» Робена рисует нам следующую картину. История христианской Европы представляет собой борьбу двух таинственных организаций — «Ордена 72-ух» и «Ордена Приората Сиона». «72», по Робену, это оккультные служители египетского бога Сета. Иначе их организация называется «Орден Зеленого Дракона». В сущности, этот «Орден 72-ух» есть «нацистская и юдофобская организация», ставящая своей целью уничтожение «позитивных» («проиудейских») традиций и режимов (самого иудаизма, «гуманного христианства», «культурного и общечеловеческого ислама» и т. д.), а также истребление наиболее сакральных еврейских родов для того, чтобы помешать приходу Мессии. Но «Приорат Сиона» препятствует действиям «фашистов» из «Ордена Зеленого Дракона». Для этого на Западе создаются эзотерические организации, разрабатывающие планы цивилизации и стремящиеся сохранить инициацию и традицию. Одним из самых драматических этапов борьбы было противостояние королевских родов Меровингов и Каролингов. Меровинги, по преданию, восходят к одному из иудейских колен, к колену Вениаминову, и поэтому Франция и была названа Новым Израилем. Меровинги являлись главной ставкой «Ордена Сиона» в его борьбе за геополитическое могущество в «юдофобской» и органически «фашистской» Европе. Но убийство последнего представителя рода Меровингов по приказу Пепина положило конец чаяниям «Приората Сиона». Однако на самом деле этот род не прервался. Сыну убитого 23 декабря (в день Солнцестояния!) 1679 года близ города Стене Дагобера II — принцу Сигеберу IV — удалось спастись, и он в сопровождении святой Ирмины и некоего таинственного Меровея Леви перебрался в обитель в Ренн-Ле-Шато. Таким образом, «Приорат Сиона» был вынужден вести в высшей степени тайную политику, чтобы сохранить сакральный израильский королевский род, но в то же время, проникнуть в структуры власти Франции и подготовить возможность Реставрации.

Поскольку «сатанистами» и «служителями Сета» у Робена являются «нацисты», то главной геополитической опорой «Ордена 72-ух», естественно, становится Германия. Именно немцы стоят, согласно Робену, за всеми «юдофобскими» оккультными проявлениями. Так, антимеровингийская линии остается актуальной вплоть до XX века, и в подтверждение этого Робен приводит один действительно странный факт. 9 сентября 1914 года германский кронпринц Фридрих-Вильгельм, сын Кайзера Вильгельма II, посетил маленький городок Стене, бывший некогда столицей меровингийских монархов, и приказал подвергнуть допросу о. Манжена в «отношении некоторых важных исторических событий». О. Манжен отказался отвечать и умер вечером того же дня от пыток. Согласно некоторым

данным, о. Манжен был хранителем манускрипта, в котором рассказывалась история чудесного спасения Сигебера IV и перечислялись имена его потомков. Этот документ был, на самом деле, скрыт в алтаре женского монастыря города Монс, но когда в 1943 году два офицера СД явились в этот монастырь в поисках важнейшего свидетельства, они обнаружили, что свиток был изъят оттуда 31 декабря 1941 года, приемником о. Манжена, принцем Кройем.

Во всех этих событиях Жан Робен видит безусловное подтверждение деятельности «Ордена 72-ух», который вначале через «пангерманистов», а потом через национал-социалистов стремился окончательно победить сакральную кровь иудейских монархов в Европе. Следуя за Рене Алло, также откровенным германофобом, Робен считает, что «Орден Баварских Иллюминатов», и особенно барон фон Книгге, были инструментами антииудейских, контринициатических сил, и именно это объясняет их соучастие во Французской Революции и запланированном цареубийстве. Таким образом, Робен также считает истоком Французской Революции деятельность масонских лож, только не французских, а немецких особых пангерманистских ариософских и антисемитских организаций, преследующих одну цель — борьбу с «Приоратом Сиона» и священной инициатической кровью иудеев, а для этого — борьбу с Францией. Так у Жана Робена в конспирологической теории возникает два «национальных» полюса — «евреи» и «немцы», причем, как и во всех других моделях, оба понятия являются обобщающими, так как под категорией «евреев» Робен разумеет всякую инициацию, так или иначе сопряженную с «Приоратом Сиона», «Добрым Тайным Обществом», а к категории «немцев» относит все инструменты «Ордена 72-ух» — иезуитов, тамплиеров, исламских шиитов и исмаилитов, нацистов всех национальностей, и даже Католическую Церковь (благо, что Робену почти ничего не известно о Православии, так как в противном случае, Православная церковь стала бы для него чисто «германской» организацией).

В XX веке, согласно Робену, обе противостоящие в веках тайные организации вышли на поверхность. Одна — с целью положить Конец Истории и создать царство Антихриста, которым Робен считает Адольфа Гитлера; другая — для того, чтобы противодействовать первой и, напротив, восстановить традицию и инициацию, для того, чтобы продлить существование мира и цивилизации. «Орден 72-ух» обнаружил себя как «Орден Зеленого Дракона». Признаком его присутствия в наиболее таинственных моментах истории XX века является Зеленый Цвет, позволяющий обнаружить след Дьявола, Сета и контринициации. В Исламе или, точнее, в «определенном Исламе», как выражается Жан Робен, «сатанинская» линия связана с фигурой Хизра, дословно — «Зеленого», который в исламском эзотеризме считается Невидимым Учителем, посвящающим «фаридов», «идущих путем одиночества». Вообще весь эсхатологически ориентированный и геополитический Ислам Робен относит к «контринициации». Его также беспокоит и само зеленое Знамя Пророка, хотя в этой связи он все же не отваживается делать решительных выводов, так как после этого его трудно было бы считать «генонистом» даже с натяжкой, поскольку Рене Генон сам принял Ислам. Как бы то ни было, «юдофобия» арабов, и вообще мусульманского мира, для Робена — недвусмысленный показатель их связи с Зеленым Драконом.

Заметим, по ходу дела, как Жан Робен справляется с довольно сложной логической задачей, состоящей в том, чтобы примирить определенные жесткие высказывания Генона в отношении современного еврейства и собственную «юдофилию». Робен находит одну фигуру, или даже один тип, к которому он относит все антииудейские тезисы Генона. — Это евреи, сотрудничавшие с нацистами, и в первую очередь, Требич-Линкольн, принявший буддизм и действительно предлагавший национал-социалистам реализацию различных геополитических проектов евразийской ориентации. К счастью (для Жана Робена), и сам Генон негативно высказывался в его адрес, и поэтому Робен легко сводит всю негативность еврейства к случаю евреев-коллаборационистов, и более к этой теме не возвращается. Признаки «Ордена 72-ух» Робен видит и в России. Главным инструментом «Ордена Зеленого Дракона» он считает здесь Григория Распутина, регулярно получавшего из Швеции

телеграммы с загадочной подписью «Зеленый». Также существуют данные, что на иконе Серафима Саровского, принадлежащей убиенной русской Царице, за окладом была обнаружена надпись на английском языке «S.I.M.P. The green Dragon. You were absolutely right.» То есть «С.И.М.П. Зеленый Дракон. Вы были совершенно правы.» Робен понимает это однозначно. Первые четыре буквы, по его мнению, означают «Супериор Инконню Мэтр Филипп». — «Супериор Инконню» — это высший масонский титул в некоторых обрядах, а «Мэтр Филипп» — это французский оккультист и целитель, которого Папюс привез из Франции к Русскому Императорскому Двору. Для Робена смысл этой надписи означает, что Мэтр Филипп предупреждал Царицу о происках «Зеленого Дракона», и история с Распутиным подтвердила это. Таким же провидцем был финансовый магнат Германии еврей Вальтер Ратенау, убитый националистами. Перед смертью он успел промолвить слова: «Это были 72…»

Зеленый цвет сопровождает всю историю национал-социализма. Карл Хаусхофер, основатель геополитики, член тайного общества «Вриль», был посвящен в свою бытность в Японии непосредственно в «Орден Зеленого Дракона», являвшийся дальневосточным филиалом «Ордена 72-ух». Робен вспоминает и таинственного «Человека в Зеленых перчатках», который, согласно мнению некоторых историков, был представителем тибетского тайного Ордена, связанного с Высшим Инициатическим Центром. В своих заметках, написанных под псевдонимом, «Человек в Зеленых перчатках» предсказал все грядущие метаморфозы III Рейха еще в начале 30-х. Упоминает Робен и о любви Гиммлера к Зеленой Книге, Корану, и о его любимой Зеленой чернильной ручке и так далее… Одной из любимых тем для «разоблачений» Робена является также «Общество Полярных», которое было создано во Франции в 2О-ые годы и занималось довольно странными, но интересными традиционалистскими исследованиями. Определенный интерес к «Обществу Полярных» проявлял сам Генон, весьма позитивно оценивший книгу, написанную Жаном Ботивой, главой этого кружка. Позже Генон прекратил контакты с «Полярными». Но поскольку Жан Робен видит тайную историю через призму оккультного «антинацизма», все связанное с Полюсом, с Севером, с ориентацией на Норд и Гиперборею (а именно символом этих реальностей была и остается Свастика), естественно, вызывало у него подозрение в причастности к «Ордену 72-ух», если не являлось прямым указанием на эту причастность. Эсхатологические мотивы «Общества Полярных» еще больше подкрепляли уверенность Робена, а тот факт, что к этому обществу принадлежал антимасонский и довольно юдофобски настроенный традиционалист Маркес-Ривьер (тоже, кстати, бывший знакомым Генона), окончательно устраняет все сомнения. «Полярные» становятся синонимом «Ордена Зеленого Дракона», и Робен строит целую конспирологическую схему, основанную на расследовании оккультной подоплеки всех полярных экспедиций, предпринятых в XIX и в XX веках. Он упоминает в этой связи о гибели адмирала Берда, который так занимает Мигеля Серрано, и его странную смерть во время полярной экспедиции. Не обделяет он вниманием и сталинских полярников, и советские ледоколы. Так «Общество Полярных» и даже простые «полярники» превращаются у Робена в важный конспирологический след, «griffe de diable».

Но самое интересное должно начаться, согласно Робену, именно после Второй Мировой войны, когда двум тайным организациям — «Приорату Сиона» и «Ордену Зеленого Дракона» — предстоит последняя схватка. «Приорат Сиона» или, по меньшей мере, таинственное общество с таким названием, действительно недавно дало о себе знать во Франции, и тематика «Великого Монарха», которая активно дискутируется сегодня в эсхатологически настроенных католических кругах Франции, у «Приората Сиона» действительно соотносится с родом Меровингов и его продолжателями. Но и «Черный Орден» еще пока рано считать полностью побежденным, полагает Жан Робен. В таинственных регионах планеты — в Южной Америке, Канаде, Антарктиде, и даже в России (где, по мнению Робена, скрылись многие нацистские «военные преступники», и среди прочих — Мартин Борманн!) — оккультные неонацисты достигли уже значительных

успехов по созданию метеорологического оружия, способного вызвать планетарные катастрофы. Новый Фюрер, Зигфрид, готовится окончательно подчинить мир «Зеленому Дракону». Но против него отчаянно и тонко плетут сети геополитических интриг «45 секретных компаньонов» генерала де Голля. А тем временем «Приорат Сиона» готовит пришествие Великого Монарха, о котором говорится в пророчестве средневекового католического святого Малахии.

Все это немного напоминает сюжет приключенческого фильма, но на самом деле, мы сталкиваемся здесь с конспирологической схемой, имеющей очень глубинные геополитические и идеологические основания. И не случайно Жан Робен в одной из своих книг напрямую обращается к Органам Безопасности Франции, призывая их в столь напряженной ситуации предпринять что-то против «Черного Ордена» и его главы Зигфрида. Более того, сегодня литературоведы единодушно пришли к выводу, что большинство фантастических или просто приключенческих литературных произведений прямо или косвенно основываются на реальных геополитических, научных, идеологических и мистических тенденциях — как это очевидно в случае Нерваля, Новалиса, Эдгара По, Жюля Верна, Александра Дюма, Буллвера-Литтона и т. д. Поэтому «остросюжетность» и «детективность» конспирологического сценария отнюдь не является достаточным аргументом для того, чтобы отрицать его серьезность. В целом же, если говорить о сегодняшнем конспирологическом массовом сознании (поддерживаемом в определенной степени сюжетами фильмов и триллеров), то тематика неонацистского заговора является в высшей степени популярной, несмотря на почти полное отсутствие для этого каких-либо фактических оснований. Уже одно это свидетельствует о том, что парадигмы Жана Робена отвечают некоторой глубинной тенденции, которую можно определить как «конспирологическую юдофилию», во многом противоположную тоже довольно распространенной «конспирологической юдофобии», одним из ярчайших и характернейших представителей которой является Мигель Серрано. И в этом смысле весьма характерно то, что для Серрано в его метафизических и гностических концепциях центральную роль играет трансцендентное Зеленое Яйцо и Зеленый Луч (Венера — Зеленая Планета). Иными словами, Робен и Серрано описывают почти тождественную картину оккультной борьбы, которая различается только в прямо противоположных оценках участвующих в ней сил. Любопытно, что Робен даже написал особую книгу против НЛО и, естественно, связал «тарелки» с оккультными неонацистскими опытами, тогда как Серрано и сам не так далек от подобной точки зрения.

Как бы то ни было, Жан Робен и сейчас продолжает свою борьбу с Зеленым Драконом и Обществом Сета, расследуя тайны Черного Ордена и пристально наблюдая за деятельностью «Приората Сиона» и неомонархическими тенденциями во французской политике. Кто знает, не имеет ли этот крайне интересный и богатый оккультной информацией «безумец от истории» более тесных связей с «45-ю секретными компаньонами» де Голля или с другими еще более таинственными и закрытыми кругами, погруженными, как и большинство идеологических, политических и религиозных организаций в наше время, в сложную и тревожную проблематику, связанную с Концом Времен?

Конспирологические виражи Жана Парвулеско

Помимо полярно противоположных оккультных конспирологов — таких, как Мигель Серрано и Жан Робен (насколько нам известно, эти авторы не знают о существовании друг друга), — есть в этой странной сфере «мифологической истории» и попытки синтеза этих двух позиций, что дает поистине головокружительные картины, где интуиции и прозрения граничат с гротеском. Попытка такого синтеза была предпринята знаменитым французским поэтом, другом Эзры Паунда и автором многих книг по истории традиции Жаном Парвулеско. Парвулеско не только глубоко изучил наиболее блистательные

конспирологические модели, по достоинству оценив Сэнт-Ива д’Альвейдра и Грасе д’Орсе, не только проработал геноновскую доктрину о противостоянии инициации и контринициации, но и выделил наиболее актуальные и «горячие» темы «исторического безумия». Интересна сама изначальная парадигма Парвулеско, отчетливо выраженная в его замечательной и вдохновенно-поэтической книге «Пророческая Спираль». Суть ее сводится к тому, что противостояние двух тайных обществ в ходе мировой истории (Парвулеско использует терминологию Грасе д’Орсе и говорит об «Ордене Квинты» и «Ордене Кварты»), которое он считает основным содержанием и главным рычагом всех идеологических, политических и геополитических трансформаций, не является неснимаемым дуализмом, но представляет собой процесс, разворачивающийся между двумя взаимодополняющими полюсами.

Конспирологическая картина Жана Парвулеско выглядит так: изначально существует не два, а три оккультных фактора, именуемые — Император, Секретный Орден и Тень Ордена. Секретный Орден (иногда «Черный Орден», т. е. скрытый, непроявленный по преимуществу) соответствует организации Солнцепоклонников, «Кварте», по терминологии Грасе д’Орсе. Тень Ордена — это Лунопоклонники, «Квинта». Но их противостояние существует только за счет «сокрытия», «удаления» третьего Принципа, Императора, который смог бы обеспечить их равновесие и гармонию. В такой схеме можно узнать отзвуки идей Сэнт-Ива д’Альвейдра о примате Троичности. Наиболее ярким историческим примером, иллюстрирующим такое распределение конспирологических ролей, Парвулеско видит в противостоянии Дианы Пуатье, Первой Дамы «Ордена Квинты», носившей эзотерический титул «Великая Охотница», и Катерины Медичи, Первой Дамы «Ордена Кварты», известной под эзотерическим титулом «Непорочный Единорог». Диана Пуатье, на связь которой с эзотеризмом и алхимией указывал Фулканелли, была любовницей Анри II, тогда как Катерина Медичи — его законной супругой. Именно Анри II символизирует, по мнению Парвулеско, имперскую синтетическую функцию, Императора, третий член оккультной Триады, и является ключом ко всей конспирологической модели. Любопытны соображения Парвулеско о Трех Церквях. Он полагает, что оккультная оппозиция тайных Орденов проецируется и на противостояние Церквей. Так, он считает, что Церковь Святого Апостола Петра соответствует позиции «Ордена Квинты» или Тени Ордена. Церковь Святого Апостола Иоанна, «Внутренняя Церковь» — «Ордену Кварты». Но высшей и самой таинственной является Церковь Святого Апостола Андрея, которую он соотносит с синтетической императорской функцией.

Эту триаду Парвулеско прослеживает и в нашем веке, который он считает одним из последних (если не последним) этапов истории. Так же, как и Робен, он акцентирует оккультную подоплеку миссии генерала де Голля и «Ордена 45-ти Секретных Компаньонов», им организованного. Но в отличие от Робена, который видит в этой организации юдофильский инструмент «Приората Сиона» в борьбе с «Орденом Зеленого Дракона», особенно в его неонацистской версии, Парвулеско считает, что само название Ордена де Голля — «45» является прямым указанием на то, что здесь речь идет о синтезе между «Квартой — «4» и «Квинтой — «5». Кроме того, Парвулеско указывает на тот факт, что де Голль принадлежал к одному древнейшему галльскому роду, чьи корни восходят в глубокую древность. Род этот был в свое время царственным, поэтому оккультная роль де Голля может быть сопоставлена с синтетической функцией Императора. Все это заставляет Парвулеско считать, что антинацистская деятельность «Ордена Секретных Компаньоновп — это проявление лишь одной его стороны, линии «Квинты». Можно сказать, что речь идет о продолжении войны Тени Ордена с самим Секретным Орденом, а значит, «Кварта» — «Черный Орден», «Общество Полярных» — не только не тождественна для Парвулеско контринициатической организации, но, напротив, представляет собой наиболее адекватный эзотерический аспект Традиции. Иными словами, здесь Парвулеско радикально расходится с Жаном Робеном (которому он, тем не менее, посвятил свою книгу «Пророческая Спираль»), так как он занимает, скорее, сторону нового Фюрера «Зигфрида», нежели «Приората Сиона».

Естественно, что это заставляет его пересмотреть миссию самого де Голля как в политике, так и в мире оккультных противостояний.

Парвулеско считает де Голля провиденциальной, почти сакральной фигурой, наделенной особой миссией. Эта миссия даже на политическом уровне является не антинацистской, но скорее пронацистской, как это ни парадоксально на первый взгляд. Подтверждение этому Парвулеско видит в тайных сношениях де Голля с Гиммлером, о которых де Голль упоминает в своих воспоминаниях только вскользь, затрагивая наиболее внешний аспект проблемы. Кроме того, основные геополитические и метаисторические концепции де Голля сложились, как известно, под влиянием Дени Сора, который, в свою очередь, был последователем Хорбигера, основателя «Доктрины Мирового Льда» и одного из основных оккультных деятелей в «эзотерическом нацизме». После победы над Германией геополитика де Голля была в основных своих чертах продолжением германской геополитики, не в ее узконациональных, чисто внешних и пропагандистских чертах, но в ее континентальном измерении, которое разрабатывалось Хаусхофером и идеологами СС. (Напомним, что «Черный Орден» СС, особенно в годы войны, был не столько «немецким», сколько «арийским», «пан-европейским», и геополитические проекты СС относительно будущей Европы — неофеодальный полицентризм и этнографическое, а не административное или национально-государственное деление Новой Европейской Империи — сильно отличались от старо-консервативных проектов Великой Германии). Де Голль противостоял американскому и вообще океаническому, атлантическому, англо-саксонскому влиянию в Европе, стараясь отвоевать для Европы возможность следовать в ее развитии Третьим Путем — не советским и не американским. Но именно эта программа и была изначально заложена в геополитических теориях основателей германского национал-социалистического движения и его идеологов. Как бы то ни было, де Голль оказывается у Парвулеско на стороне «Общества Полярных» и «Квинты», а «Орден 45-ти Секретных Компаньонов» он считает Тенью истинного «Ордена», быть может, выполняющей провиденциально необходимую функцию, но не осознающей реальной иерархии оккультных аспектов и поэтому всерьез воспринявшей борьбу с «Обществом Полярных», которое, на самом деле является намного более позитивным и инициатически полноценным уровнем конспирологической Триады. Сам же де Голль стоит еще выше — и над «Квартой», и над «Квинтой» — как загадочное воплощение имперского синтеза.

На основании своей трехчастной модели Жан Парвулеско подвергает пересмотру все наиболее острые конспирологические сюжеты, и все они в его трактовке теряют привычные дуалистические деления на «плохих» и «хороших», на «добрых» и «злых», на «служителей Бога» и «служителей Дьявола». Троичная конспирологическая система от этого становится более гибкой. То, что Парвулеско воздерживается от прямых оценок, — кроме тех случаев, когда он полемизирует со слишком навязчивыми и «пропагандистскими» концепциями, — придает его модели и большую достоверность и даже большую правдоподобность. Он собирает важнейшую оккультно-историческую информацию, точно распределяет ее по типологически близким комплексам, но не делает никаких определенных выводов. Поэтому в его работах почти не встречаются термины «контринициация» и «сатанизм». Парвулеско не претендует на роль идеолога, он поступает, скорее, как «поэт конспирологии», истинный «безумец от истории», не сдерживаемый в своих интуициях никакими дидактическими или идеологическими императивами. Но при этом, интеллектуально он пребывает в контексте наиболее глубоких, неожиданных, достоверных, смелых и нонконформистски ориентированных «безумцев от истории», и поэтому он оперирует с такими конспирологическими концепциями, которые уже сами по себе представляют колоссальный интерес, даже если речь идет об их простом упоминании. При этом поэтический вкус Парвулеско делает его труды в высшей степени насыщенными как эмоционально, так и информативно. Следить за конспирологическими виражами его мысли сложно и интересно.

Вампиры — агенты эволюции

Существует несколько в высшей степени любопытных работ, развивших определенные стороны геноновских концепций, связав их с крайне популярной сегодня как в оккультизме, так и в литературных триллерах и киносюжетах темой вампиризма и вампиров. Вынесенные из контекста фрагментарного фольклора и «романов ужасов», призванных просто попугать читателей, вампиры приобрели определенное конспирологическое значение, стали факторами универсального исторического развития. Элементы «вампирической» тематики, трактуемой именно в таком, конспирологическом, ключе можно встретить у самого Жана Парвулеско, но наиболее подробно этим занимались такие авторы, как Александр де Дананн, Рене Иснар и анонимные исследователи контринициатических организаций, опубликовавших в миланском эзотерическом издательстве «Арке» досье, посвященные «H.B. of L.» и «Цепи Мириам» Джулиано Креммерца. Определенные аспекты «вампиризма» в соответствии со своей специфической ориентацией рассматривал и Жан Робен, особенно интересуясь, естественно, «вампиризмом нацистов и неонацистов». Надо отметить, что, в действительности, большинство парадигматических сюжетов «романов ужаса», написанных в XIX и начале XX веков, были прямо или косвенно почерпнуты из анналов «Секретных Организаций», и сами авторы, в большинстве случаев, были членами определенных оккультных центров, и следовательно, они не просто предавались индивидуальной мрачной фантазии или перекладывали на современный лад старые тревожные легенды, но описывали нечто более серьезное и реальное, основанное на некотором опыте, хотя многие элементы этого опыта надо понимать символически. И лишь после того, как «романы ужаса» стали элементом популярной культуры, появились чисто конъюнктурные авторы, относящиеся к этим проблемам с глубочайшим скепсисом и безразличием, и просто воспользовавшиеся модой для вульгарного зарабатывания денег, хотя даже и в этом случае, сам выбор темы свидетельствует об определенных «инфернальных» наклонностях, быть может, чисто психического и бессознательного уровня.

Как бы то ни было, такие писатели, как Артур Мэтчин, Густав Майринк, Буллвер Литтон, Ховард Филипп Лавкрафт, Джон Бьюкен и сам Брэм Стоукер, автор «Дракулы», были членами тайных инициатических (или контринициатических) организаций, причем почти все они принадлежали к «Английскому Розенкрейцеровскому Ордену», кроме Майринка, который зато был посвящен в цепь «Мириам» Джулиано Креммерца. Таким образом, тексты этих авторов прямо или косвенно, теоретически или практически основываются на вполне серьезных оккультных эзотерических источниках, и соответствующих им опытах. То же самое можно сказать и о французских авторах «романов ужасов», — в частности, о Гюисмансе, — которые были тесно связаны с оккультными обществами «магов» типа Сара Пел адана.

Но конспирологическая версия «вампиризма» имеет нелитературный характер, так как здесь важен не сам опыт столкновения со страшным ожившим покойником и соответствующие ему экстраординарные впечатления, но объяснение некоторой «метафизической» подоплеки вампиризма как фундаментальной исторической силы. Суть этой концепции состоит в следующем. С точки зрения полной метафизической и инициатической традиции, само понятие «жизни» ни в коей мере не является высшей категорией — ни в смысле «длительности», ни даже в качестве «райского существования» в центре Бытия, не имеющего определенной строгой границы. Жизнь является одной из особенностей проявленного психо-материального существования. Как позитивная категория она противостоит неподвижной, «минеральной», чисто материальной неодушевленности и смерти. Но жизнь, в свою очередь, становится ограничением и негативной категорией, когда она сопоставляется с высшими Логосными и Онтологическими категориями, вечными не только в Проявлении, но и за его границами, в Непроявленном. Этот вечный, сверхжизненный уровень, христианская эзотерическая традиция называла «Тьмой Превысшей Света» или апофатическим Божеством. То же самое можно найти и во всех остальных традициях и религиях. Поэтому жизнь теологически положительна, когда речь

идет о предварительном шаге к Истинной Вечности от неодушевленного, «минерального» уровня. Это — «жизнь души», «жизнь вечная», стяжаемая за счет преодоления материального, за счет его инициатического преображения. Но когда речь идет о продолжении обычного психо-материального существования, заведомо конечного, сколько бы оно ни длилось, то это считается теологическим злом, и даже, в некотором смысле, грехом. Стремление жить долго, продолжать то же самое существование до неопределенных пределов — тенденция прямо противоположная сугубо инициатической тенденции к Возвращению в «Земной Рай», которая является необходимой и обязательной фазой всего инициатического процесса, называемой «Малыми Мистериями». Поэтому в определенном смысле «жизнь души» противостоит «жизни тела», но и сама «жизнь души» противостоит «Вечности Духа», Неизменности и Непроявленности Бога. В конечном счете, стремление к жизни ради нее самой в религиозной перспективе представляется чем-то глубоко порочным и негативным, а значит, «дьявольским» и «сатанинским». В сугубо христианской традиции проклятие низшей жизни содержится в известном предании о «Вечном Жиде», Агасфере, который был проклят Христом во время его пути на Голгофу и в качестве наказания был обречен на телесное бессмертие вплоть до Конца Времен. «Вечный Жид» персонифицирует принцип вампиризма в его наиболее общей, теологической версии.

Переходя от метафизических аспектов к конспирологическим, легко допустить, что контринициатические организации должны быть каким-то образом связаны с вампиризмом, коль скоро и вампиры, стремящиеся неопределенно долго поддерживать свое телесное существование даже за порогом смерти, и носители «контринициации» реализуют на практике одни и те же тенденции — тенденции к прогрессивному развитию истории, к недопущению ее поворота вспять, к утерянному «Земному Раю», который может быть достигнут либо в процессе инициации, либо после «отхода» души от тела (в случае праведного существования при жизни). Таким образом, конспирологическое утверждение относительно существования тайного «Ордена Вампиров» и, более того, о его центральной роли в истории человечества приобретает довольно реалистичный характер, если, конечно, учитывать все метафизические соответствия и символические аналогии.

Вампиры всегда связаны с кровью. Это также имеет эзотерическое объяснение. Традиция считает, что между душой и телом человека существует особая тонкая полуматериальная-полупсихическая взаимосвязь. Сама душа соотносится с невидимым Огнем, с огненным Принципом. В теле этому Принципу соответствуют нервная и кровеносная системы. Первая является «полюсом» Света, а вторая — «полюсом» Жара. В синтетическом огненном Принципе, в душе, Свет — это логосное, божественное, интеллектуальное начало, элемент Небесный и Вечный, Неколебимый, а Жар — это более низкое, динамическое начало, элемент промежуточный между Небом и Землей, связанный не с Вечностью, но с длительностью. Согласно теологическим представлениям, из Света созданы Ангелы, а из Жара — Демоны и Бесы. Таким образом, кровь в человеческом организме точно соответствует самой идее неопределенно большой длительности, это — «магическая» субстанция, связанная с низшими, «демоническими» аспектами жизни. На этом основывались и традиционные запреты на употребление пищи с кровью, или вообще крови и мяса, что более всего было свойственно высшим, жреческим кастам сакральных обществ. Естественно, контринициатические силы, противостоящие высшим инициатическим и метафизическим принципам, с необходимостью должны быть тем или иным образом связаны именно с принципом крови и с кровеносной системой. На историческом уровне это проявлялось в обязательном приписывании всяким «Секретным Организациям» подозрительного характера кровавых жертв и вообще использование крови в магических целях, даже там, где для этого не было никаких фактических оснований. Конспирологическая логика и знание сакральных соответствий в данном случае являются более первичными, нежели факты. Контринициация должна быть связана с кровью уже по своему определению, а значит, и в реальности, эта связь не может не подтверждаться. Вампиры, понимаемые в таком смысле, становятся не мелко-колдовскими эксцессами, но

некоторой «весомой тенденцией» в цивилизации, ее «двигателями», источниками ее эволюции, ее движения вперед, к «Земному Аду». Их страсть к крови, как и их «долголетие», суть выражения полноты низшей «демонической» жизни, сознательно порвавшей с искупительной перспективой «светового преображения». В эзотерической литературе герметической ориентации часто речь идет о «напитке бессмертия» или о «ликере долголетия». В нормальном случае это «бессмертие» и «долголетие» понимаются символически, как перспектива прохождения первого этапа инициации и «реинтеграции» в зановообретенное «адамическое», «Райское состояние». Здесь также часто упоминается и о «телесном преображении», библейскими сакральными прототипами которого выступают Енох и Илия, взятые Богом на Небо в теле. И в соответствии с этим символическим комплексом большинство инициатических организаций Запада считали Илию и Еноха главными образами и персонажами Великого Делания. Надо заметить, что и Илия, и Енох в Традиции связаны с Зеленым Светом. (В исламском эзотеризме с Енохом, Сейдной Идрисом, отождествляется сам Хизр — «Зеленый» — посвятитель Моисея и учитель «Одиноких»). Но эта же идея «напитка бессмертия» в результате смещения акцентов может привести и к контринициатической линии, ориентированной не на Жизнь Света и Рай, но на Жизнь Жара и Ад. Тогда соответствующие эзотерические доктрины меняют свой смысл на прямо противоположный, и «ликером долголетия» вместо энергий Святаго Духа становится кровь. И весьма характерно, что Агасфер, Вечный Жид, прототип контринициации, также связывался с Зеленым Цветом, что подчеркивает существующий между этими понятиями параллелизм. Генон сильно критиковал поэтому писателя Густава Майринка, обвиняя его в причастности к контринициации за то, что Майринк в своем романе «Зеленый Лик» смешал инициатический образ Илии с контринициатическим образом Агасфера, основываясь, в частности, на схожести их цветового символизма.

Откровенно политический аспект вампиризма проявляется начиная с вампиров-императоров, в частности, с Тиберия. Важно подчеркнуть, что и Дракула был Принцем, а значит, принадлежал к королевскому роду. Александр де Дананн в своей книге «Память Крови» приводит подробную информацию о существовании особых династических королевских родов, которые были генетическими носителями контринициации и вампиризма. Эти династии сохраняли верность древним языческим традициям и после принятия христианства, но, естественно, эти традиции были уже извращены и сведены к их низшим аспектам. Александр де Дананн утверждает, что наряду с «сакральной» династической кровью, «преображенной» в результате христианского королевского посвящения, «помазания», существовала «дорога крови» так называемой «черной аристократии», которая была связана родственными узами с императорами-вампирами. «Дорогу крови» можно понимать двояко: как сохранение династической памяти и династической верности своему сакрализированному ортодоксальной инициацией роду и как продолжение родовой традиции «вампиризма» и «кровавых ритуалов» («кровавых ванн», «ритуальных убийств» и т. д.). Принц Дракула был одним из наиболее ярких представителей именно «черной аристократии», но его случай был экстремальным, поскольку его послемогильная брутальность и откровенность едва не обнаружила всю сеть европейских «королей-вампиров» и не помешала эволюции человечества. Показательно, что о трупе Дракулы сообщается, будто никто не мог разогнуть его окостеневший указательный палец, но мало кто вспоминает при этом, что данный знак символизирует на тайном герметическом языке огненный Принцип. (Очевидно, что здесь речь идет о «тепловой», а не о «световой» стороне Огня). Короли-вампиры практиковали «алхимическое искусство», но вместо Алхимии Духовной, они занимались Алхимией Материальной, а так как Алхимия называется «королевским искусством», то соответствие в этой сфере было полным.

Все эти соображения относительно вампиризма и извращенной Алхимии имеют, пожалуй, самое прямое отношение к «Обществу Английских Розенкрейцеров», к его «дочерней» организации «Golden Dawn» и к позднейшему «сатанинскому» «Ордену Восточных Тамплиеров» Алистера Кроули. Не случайно, почти все наиболее убедительные

авторы «романов ужасов» принадлежали именно к этому кругу. Сами доктрины этих «английских розенкрейцеров» весьма подозрительны с эзотерической точки зрения, так как они постоянно акцентируют лишь наиболее низкие аспекты инициатических ритуалов и доктрин, внешне носящих герметико-розенкрейцеровский характер. Они выделяют сугубо психический, витальный уровень человеческих существ, хотя их привлекают не обычные люди с ограниченной и слабой витальностью, но случаи предельного развития этих потенций — вплоть до паранормальных и «магических» исключений. Английские розенкрейцеры в своей тайной переписке часто ссылаются на «Высших Неизвестных», Superior Inconnu, особых сверхчеловеческих существ, контакт с которыми вызывал у людей невыносимое напряжение и дикий ужас. Характерно и иное название этих «Высших Неизвестных» — «Умы Внешние», что определенно напоминает евангельское выражение «Сумерки Внешние», т. е. «Ад». Весьма характерно, что сам «Император» ордена «Золотой Зари» (Golden Dawn) Самуэль Лиддел Мазерс получал эзотерические указания от таинственной Дамы, графини Анны Шпренгель, дочери баварского короля Людовика I. Здесь мы снова видим сочетание подозрительно извращенного герметизма с королевской династической кровью. Кроме того, в этих кругах постоянно возникала тема «таинственного старца», обладающего «напитком бессмертия». Именно он считался оккультным главой Общества Английских Розенкрейцеров, с которым поддерживали тайный контакт только высшие руководители Общества. Некоторые конспирологи подозревают, что речь могла идти в данном случае об одном из «выживших» королей-вампиров.

Любопытно также привести и следующие замечания. Известно, что большинство современных международных «гуманитарных» обществ имело свою предысторию, связанную с теми или иными тайными организациями инициатического или контринициатического толка. В определенных случаях такими «материнскими» организациями были масонские ложи — как, в частности, в случае «Движения за Права Человека» (изначально «Права Человека» было названием иррегулярной масонской ложи, ратовавшей за равенство в ложах женщин и евреев с остальными масонами), «Движения за Мир», ЮНЕСКО (эта организация изначально считалась экстериоризацией «розенкрейцеровского общества», ставящего своей целью создание единого мирового центра управления цивилизацией и считающего своим идейным ориентиром «розенкрейцера» Комениуса, ученика Валентина Андреа) и т. д. Иногда промежуточными инстанциями оказывались неоспиритуалистические организации типа «Теософского общества» (эта организация связана с пацифистским и экологическим движением). Но в любом случае элементы доктрин, символизма и ритуалов соответствующих тайных организаций обязательно влияли непосредственно на эти «гуманитарные» движения. В этой связи конспирологи указывали на предполагаемые, а подчас и реально наличествующие связи между «гуманитарными» течениями, пропагандирующими «эволюцию», «прогресс», и особенно «выживание» (этот термин, «survival» по-английски, совершенно однозначно заимствован из языка оккультистов и спиритов, обозначавшим им «жизнь после смерти» или искусственное продление жизни в трупе), с одной стороны, и оккультными организациями, прямо связанными с контринициацией, с другой.

Сама идея «эволюции», прямо противоречащая традиции и подлинной инициации, уже несет в себе нечто «сатанинское», но эта теоретическая неправомочность была бы не опасна, если бы за эволюционистскими тенденциями не стояли действительно оперативные контринициатические силы, способные навязать людям ложную идея, используя не только средства внешней пропаганды, но и особые оккультные средства. Иными словами, за «гуманитарными» движениями по «эволюции» и «выживанию» не могут не стоять представители «Ордена Вампиров». Это подтверждается существованием более или менее секретных научных центров по проблемам физического бессмертия, которые существовали и, по-видимому, продолжают существовать в некоторых странах, и особенно в США и России.

В бывшем СССР опыты по реализации «медицинского бессмертия» стали проводиться

сразу после большевицкой революции. Одним из наиболее ярких представителей этой линии развития новой «пролетарской» науки был философ Богданов, чьи атеистические и чисто философские тексты сами по себе содержат прямые апелляции к откровенному сатанизму, которые были поняты большинством современников как полемические фигуры речи. Богданов заведовал «Институтом Крови» и отчаянно занимался опытами по ее переливанию в довольно сомнительных целях и при использовании недобровольных доноров. Показательно, что Богданов в конце жизни окончательно потерял рассудок. В принципе, очень много чисто вампирических черт содержалось и в культе мумии Ленина, а также в попытках советских ученых проникнуть с помощью материальных средств в тайну гениального мозга Вождя. Для этой цели был создан целый институт — «Институт мозга (Ленина)». В США идея «искусственного бессмертия», также откровенно вампирической направленности, нашла свое отражение в идее «замораживания» умирающих, с тем чтобы сохранить их живыми до того времени, когда «эволюция» цивилизации достигнет такой высоты, что сможет их разморозить и вернуть к жизни. Естественно, первыми претендентами на оживление стали американские масоны и члены различных оккультных организаций, что еще раз показывает связь чисто профанических «гуманитарных» и научных движений с тайными кругами. Подобных соответствий можно привести множество, а отсюда уже рукой подать и до концепции «Ордена Вампиров», направляющих развитие цивилизации (особенно в тех случаях, когда «гуманитарные» течения «вампирического» типа приобретают такой размах и такое влияние, как в наши дни). Так «метод исторического безумия» и на сей раз дает довольно правдоподобные результаты, несмотря на то, что в данном случае он отталкивается от совсем уже невероятной, на первый взгляд, предпосылки — «Ордена Вампиров», «памяти крови», «черной аристократии» и т. д.

Современная конспирология и мондиализм

В современном мире наибольшей популярностью пользуются конспирологические модели, в которых основное внимание уделяется тайным или полутайным организациям, известным под общим названием «мондиалистские» (от французского слова «monde», которое постоянно присутствует в названии движений, групп, фондов или институтов, занимающихся «планированием» и «управлением» глобальных геополитических и социальных процессов нашей цивилизации). Конспирологи, особенно акцентирующие именно «мондиалистский» фактор, — среди них наиболее известны Вильмарест, Костон, Монкомбль, Лавалуа, а также некоторые итальянские «генонисты», в частности, Клаудио Мутти, группы «Гелиодромос» и «Иль Черкьо» и т. д., — рассматривают историю XX века как кульминацию оккультной борьбы, длящейся много веков и тысячелетий. Поэтому сам «мондиализм» является для них не просто одним из частных проявлений влияния «Секретных Орденов» на историю, но неким конспирологическим синтезом, обнаруживающим все основные линии «тайных влияний», завершением длительного и сложного процесса. Совершенно очевидно, что явление мондиализма имеет для конспирологов однозначно эсхатологический и апокалиптический смысл.

Общая схема мондиалистской модели сводится к следующему: тайные организации, боровшиеся за власть над человечеством в течение долгих лет и столетий, наконец, в XX веке, получили возможность открыто управлять цивилизацией. Причем, на сей раз они приобрели контроль не только над отдельной страной, или даже империей, но над всеми государствами и всеми народами. Иными словами, Мировое Правительство, о возможности которого предупреждали конспирологи XVIII и XIX веков, в XX веке стало реальностью.

Эта идея Единого центра планетарной власти имеет безусловно эзотерические истоки, так как все инициатические традиции знают о существовании Высшего Инициатического Центра: даосы называли его «городом Ив», а розенкрейцеры — «Солнечной Крепостью» (заметим, что формула Кампанеллы «Город Солнца» имела тот же символический смысл), индусы — страной Шамбхалой и т. д. Эта идея была известна и европейским масонам. В

принципе, сама первая фаза инициации, «Малые Мистерии», с необходимостью должна так или иначе акцентировать идею этого Центра, поскольку «восстановление адамического состояния» или «возвращение в Земной Рай» фактически совпадает с установлением прямого духовного контакта с этим Центром, который является «Местом Середины» и который, в сущности, тождественен «Земному Раю», но не в историческом, а в сверх-историческом смысле. Поэтому знание о существовании невидимого инициатического Центра планетарной духовной власти, ответственного за реализацию планов Божественного Провидения, а также о функции главы этого Центра, известного под титулом «Короля Мира» или Чакраварти («Вращающий Колесо»), составляют необходимый элемент всех полноценных инициатических доктрин. В Христианстве та же идея выражена в концепции «невидимых праведников», духовно поддерживающих мир и предохраняющих его от разрушения и уничтожения силами Зла.

Но подобно всем остальным эзотерическим концепциям, эта тема может быть «перевернута» в случае контринициатических организаций. «Земной Рай» меняется местами с «Земным Адом», а «Король Мира» — с «Князем мира сего». Как и в случае «вампирического» переосмысления алхимических доктрин «ликера бессмертия», здесь также идея невидимой власти переносится с интеллектуально-духовного уровня на уровень психо-материальный, а Высший инициатический Центр подменяется высшим Центром Контринициации, с его главой Антихристом. Таким образом, претензии на мировой контроль и на управление мировым сообществом в определенном контексте явно приобретает откровенно контринициатический характер. Конспирологи, исследующие мондиализм, как правило, считают, что массовые коммунистические, демократические и фашистские движения в XX веке были инспирированы из оккультных центров, которые благодаря определенным закулисным операциям достигли, наконец, почти легализированной власти над миром. Совершенно справедливо вскрывают они эсхатологический характер таких идеологий, как коммунизм, национал-социализм и демократизм (особенно американского типа, «американизм»). При этом за внешней борьбой этих сил они видят явное влияние Мирового Правительства, получающего все больше и больше власти после очередного глобального конфликта и в результате каждой геополитической трансформации.

Мондиализм ставит своей основной целью создание «однородного цивилизационного пространства», так как всякие качественные различия наций, государств, народов, цивилизаций и религий создают преграду для тотального политического контроля, который, чтобы быть эффективным, должен быть универсалистским, глобальным и однородным. Но именно эти цели и ставили перед собой воинствующие идеологи коммунизма и либерализма, а в случае национал-социализма (хотя здесь, напротив, подчеркивалась необходимость качественных различий), тем не менее, речь шла о глобальной мировой власти и планетарном Новом Порядке. Вообще говоря, в отношении национал-социализма и фашизма мнения конспирологов, изучающих феномен мондиализма, довольно сильно расходятся, так как эта идеология, хотя и является «глобалистской», одназначно и практически во всех отношениях противостоит как «коммунизму», так и «либерализму», что делает ее особым полюсом на мондиалистской карте. Одна часть конспирологов считает, что национал-социализм в его оккультном измерении был сакральной и инициатической оппозицией мондиализму и Мировому Правительству (подтверждение этому видят в антимасонской и юдофобской линии нацизма). Другая часть полагает, что и эта оппозиция является такой же мнимой, как и оппозиция «коммунизма» и «американизма» (в отношении фиктивности противостояния коммунистической идеи Мировой Революции и демократической идеи Нового Американского Порядка вообще ни у кого из конспирологов нет ни малейших сомнений). Третьи (как правило, юдофилы) полагают, что именно национал-социализм являл собой экстремальную форму контринициатического мондиализма, а «гуманный» демократически — коммунистический Мировой Порядок, напротив, является проявлением Высшего Инициатического Центра. Моральные акценты здесь, как и вообще во всей конспирологии, ставятся в зависимости от индивидуальных

позиций конспирологов, но в одном все они сходятся: мондиализм является экстериоризацией и пиком оккультной истории тайных организаций, и в настоящее время, в «эпоху мондиализма», произошло окончательное отождествление оккультных инициатических или контринициатических структур со структурами геополитической и экономической власти на планетарном уровне. Иногда Мировое Правительство может пониматься как один из двух полюсов конспирологической системы, — явная структура, воплощенная в различных интернациональных обществах типа ООН, ЮНЕСКО и т. д., консультационных центрах, институтах планирования, в пара-масонских организациях, подобных «Бильдербергу», «Трехсторонней комиссии» или американскому «Совету по международным связям,» и т. д., — противостоящий противоположному тайному Центру, преследующему обратную цель. Эта картины однозначно является политическим воплощением теологической пары Христос-Антихрист, причем почти все конспирологи, независимо от их конфессии, в разборе мондиализма руководствуются именно сугубо религиозными и апокалиптическими принципами. Можно сказать, что, если более ранняя конспирология (в частности, Грасе д'Орсе) говорила о процессе противостояния определенных оккультных сил, — на теологическом языке о противостоянии сил Бога и сил Дьявола, — то сугубо мондиалистская конспирология подчеркивает завершение этого противостояние, его окончательную развязку. Для исследователей мондиализма все предшествующее его актуальному проявлению было лишь Предысторией; сейчас же, то есть в XX веке, происходит финал оккультной драмы. Эсхатологические мотивы доминируют и среди самих мондиалистов, и особенно у их идеологов. Причем эсхатологичность Нового Мирового Порядка имеет как чисто социальный аспект (особенно развитый в коммунистической доктрине «смены исторических формаций», принятой с определенными поправками и многими «капиталистическими» мондиалистами; здесь характерны, в частности, идеи Жака Аттали относительно последовательной смены трех форм Порядка, завершающейся установлением единого мирового Торгового Строя и т. д.), так и спиритуалистское и научное обоснование. При этом важную роль играют различные неоспиритуалистические движения — теософизм Анни Безан, готовившей миру из Кришнамурти искусственного Мессию и оказавшей огромное влияние на внутреннюю политику Индии; американское движение «Нью Эйдж» (Новая Эра), которое провозгласило наступление новой блаженной эпохи духа, гуманизма, разума и победы техники над природой (техно-натуризм), и многие другие гетеродоксальные течения подобного рода. С научной стороны в высшей степени показательны эволюционистские концепции русского академика Вернадского и французского иезуита Тейяра де Шардена, которые объявили XX век точкой достижения пика биологической и социальной эволюции человечества и временем перехода к новой форме существования, к «ноосфере», где все должно быть подчинено рассудку, поставлено под его контроль и унифицировано.

Совокупность таких теорий является интеллектуальной основой мондиализма, но все они, в свою очередь, корнями уходят в инициатические или в контринициатические организации. Таким образом, неоспиритуалистическая и «ноосферно-научная» идеология является внешней оболочкой, окружающей сами центры мондиалистского контроля, внешней доктриной Мирового Правительства. Многие конспирологи (в частности, Каман и т. д.) подчеркивают значение монархического фактора, который, вопреки всем ожиданиям и внешним демократическим тенденциям, начинает играть в мондиализме очень важную роль. Весьма показательно в этом отношении, что основатель мондиалистской полусекретной Бильдербергской группы бельгийский Принц-Консорт Бернард де Липпе предложил в дополнение к проекту Объединенной Европы, основанному на принципах «предельной демократии» и подчеркивающему необходимость «создания единого демократического пространства», установить также наследственное династическое правление. Причем, ни один из демократических мондиалистов не нашел в этом ничего удивительного или необычного. И это вполне понятно, так как Бильдерберг был основан масоном Шотландского Обряда Реттингером, и значит, сама эта парамасонская организация не могла не испытать на себе

сильного влияния шотландского масонства, где, в отличие от «Великого Востока Франции», темы Мистического Короля, Императора и Принца, как и вообще монархическая тематика, в целом являются едва ли не центральными как на уровне доктрины, так и на уровне ритуала.

Другим характерным примером монархического мондиализма можно считать английского Принца Чарльза, который является покровителем неоспиритуалистского космизма, как в его научной, так и в его псевдорелигиозной форме. В частности, он считается королевским символом движения «Нью Эйдж». Некоторые конспирологи приводят странную информацию о совершении им ритуала обрезания, предпринятого по каким-то мистическим соображениям, хотя по конфессии он, естественно, протестант, а не иудей и не мусульманин.

Все больше страстей разгорается во Франции относительно грядущего Великого Монарха, о котором предрекал в своих пророчествах Святой Малахия. И здесь вновь проблема претендента на эту роль становится заботой не просто маргинальной и малочисленной архаической монархической партии, но самых центральных мондиалистских структур, причем часто социалистического и радикально демократического толков. Определенную роль в этом играл социалист Франсуа Миттеран, являвшийся одним из функционеров мондиалистской международной организации и имевший своим главным советником идеолога № 1 европейского мондиализма Жака Аттали. Причем в вопросе о династической линии будущего Великого Монарха Франции существует три конспирологические версии. Одни полагают, что им должен стать потомок Бурбонов, ныне здравствующий граф Парижский или кто-то из его наследников. Это — точка зрения «официальных» монархистов, так как право престолонаследия рода Бурбонов является исторически доказанным (если, конечно, не учитывать конспирологических доводов). Показательно, что граф Парижский находится в довольно близких отношениях с Миттераном. (Любопытно, что он поддерживает контакты и с лидером Национального Фронта Жан-Мари Ле Пеном). Вторая версия — это теория «выживания» потомков Меровингов, и несмотря на неортодоксальность этого мнения, оно имеет определенный резонанс в мондиалистских средах Франции (это линия, которой последовательно придерживается Жан Робен и анонимный автор, пишущий под псевдонимом «о. Мартен»). Но самым любопытным вариантом конспирологии Великого Монарха является линия Валуа. Здесь также речь идет о выживании одного из потомков этого угасшего рода, который чудесным образом спасся от преследования Бурбонов в семье простых крестьян по фамилии Дюжоль. Брошюра «Валуа против Бурбонов», изданная в Марселе в 1879 году, в которой один из потомков Валуа, приводит доказательства «выживания» своего рода, несколько лет назад была изъята из архивов Национальной Библиотеки Франции по чьему-то высокому требованию. Но с родом предполагаемых Валуа-Дюжолей связана и другая интересная конспирологическая линия. Дело в том, что один из Дюжолей, Пьер Дюжоль, в начале века практиковал Алхимию, и ему принадлежат комментарии на «Немую Книгу» («Mutus Liber»), написанные под псевдонимом «Магафон». Таинственный алхимик Фулканелли, который считается обретшим «эликсир бессмертия» и живущим и поныне в тайне от людей, был знаком с Дюжолем, и некоторые авторы, старавшиеся проникнуть в тайну личности Фулканелли (не известной никому, кроме узкого круга последователей, строго хранящих секрет), даже высказывали предположения, что Дюжоль и Фулканелли — это одно и то же лицо. Как бы то ни было, у Пьера Дюжоля было двое детей, судьба которых неизвестна, и не исключено, что его внукам или правнукам еще суждено появиться на исторической сцене в контексте грядущих событий, которые, по всей видимости, развернутся вокруг фигуры Великого Монарха Франции.

Не пытаясь утверждать ничего определенного, укажем лишь на близость этих актуальных конспирологических сюжетов с линией «королей-вампиров» и «черной аристократии», которую разрабатывали Александр де Дананн и Рене Иснар (псевдоним Мишеля Бертрана). (Здесь можно также упомянуть одну интересную деталь: ученик Фулканелли, Эжен Канселье, утверждал, будто видел своего учителя в 5О-е годы в Испании,

спустя много лет после его исчезновения, а испанские представители «Ордена Восточных Тамплиеров», основанного Алистером Кроули, «Зверем 666», пояснили, что Фулканелли пребывал тогда в их инициатическом — а на самом деле, контринициатическом — центре).

Следует также упомянуть о международной деятельности графа Куденоф-Калерги, который был по происхождению потомком византийских императоров и который идеологически и организационно, начиная с 20-х годов XX века, подготавливал объединение Европы, что является сегодня одной из главных задач европейских и американских мондиалистов.

Можно проследить и метафизический смысл самого термина «мондиализм». Само слово «мир» в мондиалистском понимании является синонимом таких слов, как «космос» (отсюда «космизм» как научно-мистическая подоплека мондиализма), «эйкумена» (отсюда религиозное проявление мондиализма — «эйкуменизм»), «универсум» (отсюда «универсализм» как метод политической и культурной «гомогенизации» государств и наций). Все эти понятия могут быть теологически позитивными или нейтральными в том случае, если они сочетаются с духовным трансцендентным Принципом, который является «искупающей» и «одухотворяющей» вертикалью — «Божий мир», «Богоподобный космос», «Христианская эйкумена», «Божественный строй универсума» и т. д. Иными словами, «мир» теологически является инструментом Бога, противопоставленным чисто анархическим и хаотическим тенденциям материальности и количественной дробности обособленных элементов. Но если эта вертикаль опускается, и категория «мира» обособляется от Принципа, то это понятие превращается в отрицательную категорию («не любите мира, ни того, что в мире»). Мир без Бога, мир сам по себе, становится синонимом «мира сего», то есть иллюзии, обмана, «вотчины Дьявола». Именно в этом значении использовался термин «мир» в движении за секуляризацию государства, за отделение Церкви от государства и т. д. Связь этих понятий является не только чисто семантической, но исторически прослеживаемой, так как у идеологов Просвещения именно понятие «мир», «светскость» (во французском языке оба эти термина являются однокоренными «monde» — «мир» и «mondain» — «светский») было центральным, но именно доведенные до логического предела идеи Просвещения и лежат в основании современного мондиализма. Здесь также важно подчеркнуть, что синонимический термин «космизм», ставший популярным в России в связи с трудами философа Н.Федорова, имевшими откровенно «вампирическую» окраску (идея искусственного оживления всех предков и т. д.) и давшими импульс как «космистам» от науки (академики Вернадский, Чижевский), так и идеологам большевизма (Богданов, Платонов и т. д.) на Западе впервые был употреблен представителями Ордена «Hermetic Brothers of Luxor», который Генон однозначно определил как контринициатическую и наиболее опасную среди всех остальных оперативных оккультных организаций.

Все эти соображения приводят к выводу, что «мондиализм» является особой концепцией, имеющей теологическую подоплеку и ориентированной на противопоставление «дольнего» «горнему», «мирского» Божественному, нижнего высшему, что соответствует традиционной позиции Дьявола, Принципа Зла, как его понимают все традиционные религии и сакральные учения. Конспирологи, занятые исследованиями мондиализма, приводят много выразительных фактов: принадлежность бывшего президента США Буша не только ко всем центральным мондиалистским организациям — таким, как Совет по Иностранным Связям и Трехсторонняя Комиссия, но и к масонству Шотландского обряда, где он обладает наивысшей 33-й степенью; «космистские» симпатии бывшего президента Горбачева и его покровительство неоспиритулистическим организациям и эйкуменическим контактам, а также поразительное сходство идей «нового мышления» и «общеевропейского дома» с нью-эйджевской и мондиалистской терминологией; оккультная роль войны в Персидском заливе в перспективе установления Нового Мирового Порядка, мистическая подоплека фактора нефти, состоящей из трупов животных и растений, погибших много тысячелетий назад, и являющейся «черной кровью» современной промышленности (Рене Иснар) и т. д.

Но в целом исследования в этой области ничего не добавляют к прежним версиям

«альтернативной истории», и без знакомства и осмысления общих теорий конспирологии в конспирологии сугубо мондиалистской разобраться практически невозможно. И поэтому исследования мондиализма принципиально не могут дать оригинальных конспирологов, которые выдвинули бы нечто совершенно неожиданное и новое в этой области. Можно сказать, что в мондиализме конспирологические энергии начинают иссякать, так как «тайное становится явным», и особое творческое напряжение, составлявшее ось конспирологии и ведущее к кульминации «разоблачения», постепенно спадает, так как почти все тайные организации сегодня «экстериоризируются», а казавшиеся некогда чудовищными доктрины и идеи становятся «общим местом» мондиалистской культуры. Одни видят в этом кризис жанра «исторического безумия», другие полагают, что речь идет о подлинной конспирологической развязке, которая наконец-то потрясет человечество и обнажит перед ним истинный лик того «Земного Ада», которое это человечество умудрилось создать на планете под таинственным и страшным влиянием «Святых Сатаны».

Заключение

Все перечисленные нами выше конспирологические доктрины, безусловно, имеют прямые аналоги и в русской истории. Существовала и специфически русская конспирология, выдающимися представителями которой были Шмаков, Селянинов, Нилус, Шварц-Бостунич. Кроме того сама коммунистическая доктрина имеет в себе безусловно конспирологические черты, и тема «тайных организаций» была крайне популярной не только среди большевицких ячеек, но и после победы Революции, и особенно в сталинские времена (можно было бы попытаться выстроить модель всей диалектики сталинской конспирологии, в которой фигурировали «фашисты», «империалисты», «троцкисты», «право-левые оппозиционеры» и др., и совершенно очевидно, что все эти сюжеты являются не бессмысленными ярлыками политических циников, но соответствуют определенной и довольно сложной конспирологической интуиции). Но никакой новой или оригинальной системы никому из русских конспирологов создать не удалось, и все они просто переносили европейские модели на русскую почву, находя точные отечественные аналоги тому или иному концепту. К сожалению, наиболее центральные в этой области европейские авторы — д'Альвейдр, Грасе д'Орсе и др., а также само течение традиционализма (и естественно, в первую очередь, труды Рене Генона) — остались для русских неизвестными. Их горизонты до сих пор ограничены архаической конспирологией аббата Баррюэля или чисто политико-психологическими концепциями Агустена Кошена, совершенно игнорирующего собственно оккультное измерение. И вместе с тем именно русская почва дает возможность для самых насыщенных и головокружительных конспирологических поисков — как в предшествующие века, так и в XX веке. Таинственная деятельность русских сект; специфика старообрядчества и роль старообрядческого капитала в провоцировании социальных кризисов в России; специфика русского масонства; русский оккультизм, спиритизм и теософизм (не будем забывать, что Блаватская была русской); связь «русского космизма» с большевицкой наукой и влияние оккультных доктрин Рериха на первых космонавтов (в частности, на Юрия Гагарина, судьба которого, кстати, энигматична и имеет мифологические аспекты, связанные с убеждением в его «выживании»); миссия маршала Тухачевского (который был посвящен в «Орден Полярных» во время немецкого плена, где он пребывал в одной тюрьме с генералом де Голлем); тайная организация балтийских баронов «Консул», их контакты с Императрицей и австрийскими ариософистами; геополитические доктрины барона Унгерна, лекаря Бадмаева и Карла Тыниссона (эстонца, ставшего одним из самых почитаемых святых буддизма XX века — «брат Вахиндра»); неоспиритулистское окружение Брежнева и Горбачева; смысл кремлевских заговоров и переворотов; посвящение Гурджиева в туркестанской башне Сатаны и его влияние на Сталина; династические проблемы русских царей и их возможные генетические связи с родами «императоров-вампиров»; Солнцепоклонники среди большевиков (Чижевский,

Платонов и т. д.); красный цвет большевицкого флага и параллели со знаменем восстания Иршу; оккультные инициатические организации иудеев, хасидская секта и роль евреев в управлении советским государством; тайная история русских православных «старцев» и их инициатическая функция в государственной сакральности Руси; эсхатологический смысл доктрины о «Москве — Третьем Риме»; участие советского руководства в мондиалистских проектах и т. д. — все это представляет благодатную и почти неисчерпаемую почву для конспирологических исследований, которые могли дополнить недостающие звенья в панораме «исторического безумия» и воссоздать головокружительную картину тайных нитей сакрального противостояния великих духовных сил. Кроме того, именно через русскую конспирологию можно было бы замкнуть конспирологию Запада на конспирологию Востока, так как Восток изобилует тайными организациями, оказывающими на политику восточных государств не меньшее(если не большее) воздействие, чем западные «Секретные Общества» (суфийские ордена в Азии, монгольско-тибетское общество «Тешу-Мара», китайская «Великая Триада», индусские тантрики и т. д.). Но эта гигантская работа не может быть даже начата без глубокого изучения панорамы уже существующих конспирологических доктрин, и особенно без знания традиционалистской литературы. И все же мы надеемся, что кое-что в этом направлении будет сделано, и русский гений, вообще не склонный доверять внешней стороне вещей и стремящийся познать глубинную, таинственную подоплеку явлений, еще проявит себя в этой сфере во всем своем национальном великолепии и полноте духовной проникновенности. Русское сознание эсхатологично по своей сути, и как только окончательно падут шоры бессмысленных и лживых интеллектуальных клише, навязанных нашему народу мондиалистской пропагандой, мы увидим возрождение гениальной русской конспирологии, первые признаки которого уже можно различить в трудах Игоря Шафаревича, работах О.Шишкина, Но должный масштаб этой линии придаст только знакомство с традиционализмом и с работами Рене Генона.

Без «безумцев от литературы» не было бы вообще искусства XX века. Без «безумцев от истории» не только нет исторической науки, но нет самой истории как осмысленного и содержательного процесса. Поэтому развитие конспирологии является, на наш взгляд, не только возможным и желательным, но и необходимым.

2. Крестовый поход солнца

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Путаница политологических определений

В современной политологии и социологии, а также в дисциплинах, которые стали от них неотделимы: история религия, этнология, антропология (за последнее время сильно потеснившие статистику и экономизм), в настоящее время царит полный хаос в отношении самых фундаментальных определений политических направлений — таких, как фашизм, коммунизм, социализм, демократизм и т. д. Помимо того, что сами коммунисты, фашисты и демократы, как правило, весьма расплывчато и противоречиво определяют свои собственные идеологические позиции (что объясняется, в значительной мере, чисто пропагандистскими задачами), одно время особая, повышенная популярность методологий Новых Левых спутала окончательно все пропорции, так как слово “фашизм” стало синонимом “всего плохого”, а “коммунизм” (читай “свобода желанию”) — “всего хорошего”. С другой стороны, среди умеренных демократов и также умеренных либералов стало привычным другое тождество, выдвигаемое, как правило, советологами: “коммунизм — это фашизм”.

Когда же в дело вступают такие факторы, как Религия, Авторитарное правление, национальная специфика, экологические катаклизмы — логические структуры совершенно

рассыпаются в прах, и подчас разумность в определениях заменяется страстями, эмоциями, индивидуальными и национальными симпатиями и т. д.

Все это характерно, и даже в еще большей степени, и для нашей политологии, чье состояние усугубляется (помимо значительной хаотичности политологии зарубежной, на которую отечественные социологи в основном и ориентируются) еще и многолетней необходимостью интеллектуально “спать” или просто скрывать свою точку зрения в вопросах политики, что, в конце концов, привело к доминированию “косвенных высказываний” —высказываний с оглядкой на тоталитарные догмы, от коих по форме нельзя отойти ни на шаг.

Поэтому у нас не только политология как дисциплина, изучающая спектры и соотношения идеологий, но и сама политика, т. е. собственно сфера прямых (не аналитических) идеологических утверждений, оказалась состоящей из иррациональных и противоречивых тезисов, гротескно-абсурдных дискуссий и системы намеков, которые образовали особое советское “арго”, поддающееся расшифровке только благодаря знанию особых изощренных шифров, понятных лишь “верхам” и “западным советологам”. И тем не менее необходимость ясных определений принципов и взаимоотношений различных типов идеологий остается насущной и тем более актуальной, что возможность бесцензурного идеологического высказыывания скоро сможет стать в России нормой.

Мы предлагаем в данной ситуации свой вариант принципиальной политологической схемы, которая, на наш взгляд, поможет разрубить гордиев узел политологических противоречий и вычленить основные несводимые друг к другу идеологические комплексы — идеологические “пределы”, чьи варианты и многочисленные комбинации и создают многоцветный спектр современной планетарной политики. Мы никоим образом не претендуем на абсолютность нашей концепции, она остается лишь схемой, и поэтому в ней с необходимостью все взято в довольно грубом приближении. В то же время мы убеждены, что через углубление в детали и нюансы никак нельзя получить синтетическую, целостную картину, и наоборот, применить принципиальное к конкретному является всегда легко осуществимой и чисто технической задачей. Более того, на наш взгляд, именно боязнь схематизации и приверженность аналитическому методу и привели политологию в то убогое состояние — состояние “роскошной нищеты”, в котором она сегодня пребывает. В нашем исследовании мы привлекаем самые разнообразные сферы человеческой мысли, начиная, естественно, с религиозных и метафизических концепций, так как именно этот уровень прямо или косвенно, утвердительно или отрицательно предопределяет специфику тех или иных политических платформ.

Метафизические догмы за кадром

Мы убеждены, что истоки политики и политического самоопределения человека в первую очередь проистекают из некоторых метафизических догм и лишь потом заимствуют из конкретной социальной реальности лозунги и клише, сквозь которые и посредством которых эти догмы находят свое непосредственное выражение. Причем в большинстве случаев сами эти догмы остаются целиком за кадром, и не только рядовые носители идеологии, но и сами ее выразители или “создатели” подчас не имеют о них ни малейшего представления. Эти метафизические догмы могут внедряться в человека либо через смысловое подразумевание традиционных символов и знаков (культурный или социальный фактор), либо через врожденные психо-ментальные установки (психо-генетический фактор), либо через экзистенциальную реакцию человека на Бытие (экзистенциальный фактор). В любом случае метафизическая догма, пред-определяющая идеологию, переживается человеком как нечто внутреннее, безусловное, как некий бытийный императив и, быть может, поэтому сама попытка выявления этой догмы в чистом виде так часто претит, вызывает отталкивающую реакцию. Это можно заметить и на более поверхностном уровне, когда носитель конкретной политической доктрины очень часто затрудняется определить

сущность своей принципиальной (а не конкретной по отношению к данному вопросу) позиции, отождествляя ее с чем-то само собой разумеющимся. (К примеру, существуют коммунисты, которые и не подозревают о том, что коммунистическая идеология принадлежит к числу “левых” идеологий, что соответствует ее объективному положению, и искренне считают ее ни правой и ни левой, но центральной, или иначе, “единственно” верной).

Но как бы ни протестовали рядовые носители политических взглядов или изощренные политологи аналитического направления, именно обобщения, касающиеся идеологических принципов и метафизических догм идеологии, позволяют хоть как-то ориентироваться в хитросплетениях современных политических процессов, и такие книги, как “Фанатики Апокалипсиса” Н.Кона, “Социализм как явление мировой истории” И.Шафаревича, труды А.Безансона (написанные как попытки глобальных обобщений), при всем скептицизме в их адрес, рано или поздно становятся путеводными ориентирами для большинства специалистов в этой области, именно на их основе строящих уже более детальные и нюансированные модели. В этом смысле даже почти иррациональные идеологемы Новых Философов (А.Б.Леви, Глюксман и т. д.), коль скоро они хоть что-то обобщают, часто берутся в качестве отправной точки для исследований более “трезвых” и “рациональных” социологов и политологов. Более того, именно в глобальных обобщениях представители диаметрально противоположных мировоззрений часто приходят к утверждению одной и той же объективной картины идеологического пространства, при том, что моральные и ценностные акценты ставятся, естественно, на противоположных полюсах этого пространства, в то время как без этих обобщений само использование отдельных терминов теми или иными политическими группами настолько различается, что складывается впечатление, будто люди разных идеологий принадлежат к разным вселенным, просто не имеющим между собой общей меры. Именно согласие в отношении объективной картины идеологического пространства между политическими антогонистами, согласие, рождающееся из глобальных обобщений и схематизаций, и вызвало к жизни ходовой штамп о “совпадении правого и левого экстремизма”. Этот штамп, будучи совершенной бесмыслицей, если понимать его прямолинейно, на самом деле является искаженной по форме констатацией “согласия в объективном обобщении” у наиболее глубоких идеологов разных ориентаций, которые с максимальной ясностью понимают метафизический догмат, лежащий в основе своей собственной позиции, в отличие от рядового носителя идеи, действующего больше в силу идеологической инерции и не отделяющего в данном случае причину от следствия, или другими словами, идею от ее носителя, то есть от себя самого. (Это имеет в виду Ф.М. Достоевский, описывая одного из персонажей своего романа “Бесы”, Кириллова — “идея его съела”). Поэтому об “экстремизме” здесь можно говорить лишь в этимологическом смысле слова, то есть как о “предельном” (экстремум — предел) проникновении в сущность своей и чужой позиции, а вместо “совпадения” или “слияния” противоположностей в реальности речь идет о “понимании” (или о его отсутствии, тогда это уже не “экстремизм”) приверженцами противоположных идеологий глубинных истоков и метафизических догматов, проступающих ск возь пропагандистские прагматически выдвигаемые лозунги, тезисы, идеи, учения конкретных политических сил. В реальной идеологической жизни, как и в реальности вообще, противоположности не совпадают, иначе и духовная борьба метафизических позиций и сама реальность были бы иллюзорным спектаклем, лишенным всякого конечного смысла.

Парадигмы в традиционных обществах

В поисках терминов, которые были бы достаточно адекватны для характеристики тех основных мировоззренческих тенденций, которые мы используем в нашей схеме, лучше всего обратиться к истории традиционных обществ, то есть тех обществ, где метафизические догматы выражались прямо и непосредственно на метафизическом же языке. Именно там

легче всего найти “предельные случаи” тех принципов, которые сверх-временным образом всегда остаются движущими факторами идеологической истории человечества и которые не устаревают и не исчезают, но лишь меняют свои обличья в ходе истории, подобно человеческому телу, не меняющемуся в зависимости от моды, но тем не менее различному в своих пропорциях у представителей различных рас.

Полярно-райская идеология

В качестве первого типа идеологии мы выделяем идеологию **ПОЛЯРНО-РАЙСКУЮ** , которая исторически проявлялась как гностическая традиция, как эзотеризм, внутренняя тайная доктрина в рамках религиозных учений, а на политическом уровне — как сакральный империализм гибеллинов в Средневековой Европе и, в конце концов, как германский национал-социализм в XX веке. Сущность этой позиции сводится к утверждению Субъекта Божественной природы, стоящего в центре (на Полюсе, в середине), полностью подчиняющегося ему (а поэтому райского!) сакрализированного космоса, космоса-зеркала, в котором не отражается ничего, кроме самого этого Субъекта, соли Земли и Неба. Этот Божественныый Субъект не имеет вне себя (ни над собой, ни вокруг себя, ни под собой) никакого высшего метафизического принципа, с которым ему нужно было бы духовно считаться, и поэтому он является абсолютно свободным и неотделимым от Бога. Бог внутри него. (Этой позиции соответствует подтвержденная Христом в Евангелии ветхозаветная максима: “Аз рекох: ”Бози есте”” — “Я сказал: вы — Боги”). Вне его Бога нет. Так, в космосе, в природе, на земле есть только его отражение, а поэтому природа является здесь синонимом Рая, — не препятствием для его Воли, но продолжением его Воли, овеществлением его Воли, ее “большим телом”.

Таковы сущностные принципы райско-полярного мировоззрения. Там, где оно возникает, сразу же на первый план выходят темы Божественного Субъекта — Героя, Божественного Воплощения, Священного Императора, Ангелического Вождя, Пророка, с одной стороны, и Сакрального Космоса, тени и продолжения субъекта, подвластного и непротивостоящего ему, с другой стороны. Синонимом такого сакрального космоса может быть “Мир Иной”, “лучший мир”, “Царство Божие на Земле”, “Священная Империя”, “Новые Небеса и Новая Земля”, “Новый Рай”, “Тысячелетний Райх” и т. д. Каковы бы ни были исторические формы данного типа идеологии, все они развиваются из этой сущностной парадигмы: “Полюс-Субъект и Космос-Рай”. При этом акцент всегда падает на отсутствие промежуточной инстанции между этим имманентным полюсом и Абсолютом, Трансцендентным принципом, который открывается изнутри Полюса-Субъекта — как сам этот Субъект, как его внутреннее измерение.

Полярно-райское мировоззрение, как правило, ориентировано строго монархически, то есть в реальной истории оно стремится максимально возвысить фигуру Правителя, обязательно Единственного и Ангелизированного (полярная сторона). Вместе с тем оно тяготеет к “горизонтальному” распространению власти этого Правителя через имперскую экспансию, через включение в подчиненную ему сферу, в сферу отражения его личности, максимального объема космического пространства, превращенного тем самым в Рай (Священную Империю) или, иначе, в область реставрированного сакрально-райского измерения. Но здесь следует подчеркнуть, что подобный монархизм и “империализм” отнюдь не всегда совпадает с историческими монархиями и империями, так как основа этого полярно-райского мировоззрения обязательно сопряжена с тотальностью, и отсутствие субъектности у монарха и райского измерения у космоса даже при номинальном их наличии ведет к перспективе гностической революции, которая стремится к реставрации Полюса и реставрации Рая во всем их метафизическом объеме, не допускающей относительности, условности или “коллективного договора”.

Полярно-райская идеология, будучи фундаментальной тенденцией, никогда не ограничивалась политической сферой, но проецировалась в область чистого умозрения, в

сферу религиозных учений и “сакральных наук”. В частности, в герметической традиции средневекового Запада центральным символом был “алхимический Король” — “Красная Сера”, а в индуистской традиции существует целая школа посвятительной практики и духовной реализации, называемая “раджа йога” — ”королевская йога”. Кроме того, именно термин Король”, “Монарх”, “Царь” является наиболее употребительным в большинстве эзотерических школ — как у христианских мистиков (“Царь Небесныый”), так и у мусульман (особенно у шиитов), ламаистов, иудейских гностиков (каббалистов) и т. д. Собственно говоря, эти две стороны полярно-райской идеологии — политика и религия — никогда не разделялись окончательно как в древности (жрецы участвовали в процессе монархического правления в древнейших государствах Востока), так и в современности: в Германии 1О-2О-ых годов эзотерики из герметических тайных организаций с расовой спецификой — наследники тамплиеров и гибеллинов (носителей полярно-райской идеологии в Средневековье) активно участвовали в становлении национал-социализма. То же самое можно сказать и относительно шиитского гнозиса, центрированного на персоне Скрытого Имама — аналога Божественного Субъекта, который неотделим в современной ситуции от политических событий, разворачивающихся на Ближнем Востоке и особенно в Иране.

В качестве примера можно привести также европейских Розенкрейцеров, основополагающий символ которых — Роза и Крест — означал четыре реки Земного Рая (Крест) и душу самого Посвященного, находящегося на полюсе, в центре Рая, в точке пересечения четырех рек (Роза). Сам же глава розенкрейцеровской организации носил титул “Императора”, что делает всю систему соответствий воистину полной. Влияние же розенкрейцеров на политические процессы в Европе является крайне значительным — как в случае подлинных Розенкрейцеров до 1648-го года, активно участвовавших в процессе Реформации и других важнейших политических пост-средневековых феноменах, так и в случае псевдо-розенкрейцеровских организаций типа “Societas Rosicruciana in Anglia”, “Golden Dawn in the Outer”, H.B. of L., A.M.O.R.C. и т. д., которые с конца XIX-го — начала XX-го века замешаны во всех важнейших политических и гео-политических событиях западной политики.

Идеология «творец-творение»

Второй тип идеологии — это идеология “**ТВОРЕЦ-ТВОРЕНИЕ** ”, которую можно назвать также чисто консервативной. Она соответствует экзотерической, внешней, стороне религиозных учений, хотя по инерции эта идеология может проявляться и доминировать и в безрелигиозном обществе. Наиболее чистой формой этой идеологии являются церковные организации католического образца или тип исламской уммы (в первую очередь, суннитской). Как правило, именно к ним точнее всего применимы понятия “теократии” или “клерикализма”. Можно определить этот тип также как мировоззрение “потерянного Рая”. В отличие от полярно-райского принципа, этот тип мировоззрения помещает субъекта не в центре Мира (на полюсе), а на его периферии; сам же мир отождествляется здесь не с раем, а с Творением, отделяющим субъекта от Творца. Естественно, что этот периферийный субъект, субъект после грехопадения, после изгнания из Рая, уже не осознается как божественный Господин, которому полностью подчиняется космос (как продолжение его воли). Он становится Изгнанником, отделенным от Творца Творением, превратившимся отныне в двусмысленную категорию, так как, с одной стороны, это Творение с-крывает Творца (негативный аспект), а с другой стороны, несет на себе печать Творца, а значит, косвенно от-крывает его (позитивный аспект). С этого постулата начинается развитие религиозной мысли, могущей идти самыми разнообразными путями — от чистой апофатики (отрицания возможности познания Творца через Творение) до чистой катафатики (утверждение возможности познания Творца в Творении — вплоть до их отождествления у “пантеистов”). Как бы то ни было, идеология Творец-Творение или креационизм (от латинского “creare” — “творить”) во всех своих формах и вариациях всегда противоположна

гностическому подходу “полярно — райской” идеологии, которой тематика Творения или несовпадения Творца и Твари вообще чужда. Собственно, между этими двумя типами мировоззрений и проходит основная линия идеологической борьбы в истории.

Рассмотрим это подробнее. Божественный субъект стоит в центре мира, и мир подвластен и подчинен ему. В том случае, если это положение вещей нарушается, полярно-райская идеология не меняет своих принципов, но просто, констатируя факт отклонения этих условий от нормы, стремится к восстановлению нормы. Божественный субъект в полярно-райском сознании вообще не может быть изгнан из Рая, поскольку пребывание в Раю является для него неотъемлемой категорией самоопределения. Значит, Субъект-Господин никогда не превращается в субъекта-изгнанника. Он просто скрывается, но скрывается вместе с Раем (Скрытый Имам шиитов, спящий Император у гибеллинов и т. д.) Те существа, которые не знают больше ни Божественного Субъекта, ни Рая, с позиции полярно-райского мировоззрения просто лишены сущностной реальности, фиктивны, и поэтому как таковые не имеют никакого права основывать новую метафизику — Творец-Творение, коль скоро субъекта-изгнанника вообще не существует, или, другими словами, изганник не является субъектом. Отсюда как предельная форма — антиклерикализм гнозиса и концепция Злого Творца, Злого Демиурга. Концепция Злого Демиурга основывается на том, что если факта разделения на Творца и Творение по тем или иным причинам нельзя более не признавать, от этого ни Творец, ни Творение не становятся духовно-позитивными, а значит, и сам этот Творец не кто иной, как Злостный Узурпатор (“Автад” гностиков или “Самаил” альбигойцев), а Творение — не что иное, как злая, временная иллюзия, завеса над Раем. Следует также обратить внимание, что носители райско-полярного мировоззрения противостоят именно не-полярному субъекту и не-райскому космосу (из совокупности которых и рождается представление о Боге-во-вне, о Боге-Объекте, о Далеком Творце), а отнюдь не самой идее Духа или Бога.

С другой стороны, экзотерическая клерикальная идеология “Творец — Творение” рассматривает носителей доктрины “Рая и Полюса” как ниспровергателей самих основ Религии и Веры, поскольку они отвергают обе фундаментальные для этой идеологии фигуры: субъекта-изгнанника и стоящего за Творением Творца, — а кроме того, логически ставят себя самих (как причастных прямо или косвенно к Божественному Субъекту) на одну ступень с самим Творцом, а подчас и выше его. Такие логические заключения клерикального сознания позволяют отождествить носителей “полярно-райского” мировоззрения с люциферианцами, сатанистами, с врагами Бога и Человеков, да, впрочем, и сами эти концепции и призваны характеризовать именно типично “полярно-райскую” гордыню.

Принципиальное отрицание субъекта-изгнанника гностиками не исключает, однако, признания наличия этой фигуры, но без постулирования ее субъектности. Это логически приводит гностиков к антропологическому дуализму и утверждению неснимаемого неравенства. Все люди для носителей Полярного Субъекта делятся на две категории: на Человеко-Богов, Божественных Субъектов, Сверх-людей (элита, духовная аристократия, высшие люди, “Sonnenmenschen”, “Сыны Света” и т. д.) и на бессубъектных человеко-животных (плебс, низшие люди, недочеловеки, “Tiermenschen”, “Сыны Тьмы”). Отсюда кастовая, расовая или интеллектуальная дифференциация во всех сугубо эзотерических учениях. Естественно, что “изгнанный субъект” идеологии Творец-Творение относится гностиками к низшей категории людей. Подобный подход еще более подтверждает все подозрения экзотериков по отношению к гностикам.

Однако надо заметить, что сама христианская традиция изначально была по отношению к иудейскому клерикализму, в котором идеология Творец-Творение наиболее очевидно и ярко выражена, как раз полярно-райской, утвердившей “Нового Человека” апостолов, родившегося из признания факта воплощения Слова Христа-Иммануила (то есть “с нами Бог”). Спустя несколько веков христианский гнозис, настаивавший на полярно-райской доминанте, вошел в конфликт с нарождающейся уже не иудейской, а сугубо христианской ортодоксией, то есть с клерикальной версией Христианства, в которой

вместо “вновь обретенного рая” на первый план стала все больше выступать тема Творец-Творение. Гностический же комплекс постепенно был вытеснен и перешел в сферу эзотерических, закрытых организаций, а подчас и гетеродоксальных сект. Альбигойцы и катары были последними массовыми носителями “полярного христианства” в Средневековье. Зтот самый полярно-райский комплекс, хотя на сей раз и значительно искаженный, проявился позднее в анабаптизме и Реформации.

Еще несколько сущностных аспектов идеологии Творец-Творение: для нее характерна соборность, вера и консервативная устойчивость. Соборность — “католичность” (от греческого “католикос” — “все вместе собранное”) — есть результат небожественности субъекта-изгнанника, который, потеряв центральную позицию в мире, более не самодостаточен и поэтому нуждается в социальной интеграции, то есть во вступлении в диалог с другими субъектами-изгнанниками. Соборность становится необходимой для носителя идеологии Творец-Творение, так как только через вовлечение предельно большого количества частных изгнанников из Рая в процесс поиска пути возврата клерикальное сознание видит возможность изменить статус небожественного субъекта. Соборность может и должна предполагать иерархичность, но эта иерархичность строится снизу — на ее вершине должны находиться наиболее “соборные” личности. В отличие от этого, иерархия полярно-райского сознания строится сверху, начиная с Божественного Субъекта, который вообще не является соборным, составным, но, напротив, абсолютно целостен, в то время, как степень нецелостности возрастает по мере удаления от него вниз по ступеням иерархии. Можно проследить эти различия на примере суннитского и шиитского решения вопроса о политической власти: сунниты (экзотерическая ветвь Ислама) стоят за выборную власть при доминации оценки большинством религиозных качеств данной персоны, шииты отстаивают право наследственной власти, которое должно обеспечиваться генетической преемственностью роду первого Священного Имама, Али.

Необходимость веры вытекает из скрытости Творца за Творением, что предполагает со стороны носителя чисто религиозного сознания некоторый волевой акт утверждения неочевидного. Вера — неотъемлемое качество субъекта-изгнанника. Позиция “Рай-Полюс” основана, напротив, на знании. Отсюда характерное название: “гнозис” (знание), “гностик” (знающий). Знание предполагает прямой и уже совершившийся контакт с Богом внутри, очевидность внутреннего Бога, которая делает веру излишней. Экзотерическое же сознание рассматривает претензию гностиков на “знание” как сатанизм и неправомочное самовозвышение.

И, наконец, консервативная устойчивость идеологии “Творец-Творение” покоится на ее нейтральном отношении к Бытию в целом — так как это отношение не предполагает никаких резких травматических и скачкообразных трансформаций. Эта нейтральность обеспечена принципиально двойственным отношением к Творению. И апофатический и катафатический подходы к нему предполагают неопределенную длительность реализации — такую же неопределенную, как границы самого Творения. Иными словами, можно сколь угодно долго рассматривать позитивную сторону космоса, отыскивая в ней следы Творца, равно и сколь угодно долго выяснять отличие от Него Творения — все это не может изменить сущностного статуса ни субъекта-изгнанника, ни Бога-Творца. Принцип соборности по определению не способен перерасти в принцип неделимости, а принцип Веры — в принцип Знания без выхода за рамки идеологии Творец-Творение. Так, собственно, и происходило в истории с теми представителями клерикализма, которые относились к концепции Творец-Творение как к чему-то переходному, призванному лишь осуществить истинное рождение Субъекта и истинное обретение Рая. Такие религиозные деятели, в том случае, если они хотели интеллектуально и доктринально оформить свои духовные чаяния, и не довольствовались тайной, “отшельнической” духовной реализацией, мгновенно “впадали в ересь”, то есть выпадали за рамки экзотерической религиозной идеологии, отлучались от нее.

Надо заметить также, что полярное-райское мировоззрение является далеко не консервативным, но скорее эсхатологическим, так как отсутствие райской полярности в

Бытии ощущается в нем как абсолютное Зло, и поэтому против любых не-райских условий (а условие “Творец-Творение” является не-райским и в глазах самих консерваторов) ведется глубинная бескомпромиссная борьба. Стремление полярно-райского мировоззрения к концу не-райского Бытия, то есть собственно к Концу Света (а это и есть эсхатология — “наука о конце”), представляет собой постоянную дестабилизирующую тенденцию, направленную, в конце концов, против самого консервативного подхода, против сохранения религиозного статус кво. И этот эсхатологический пафос мы действительно обнаруживаем во всех типах полярно-райского мировоззрения — от христианских гностиков и предельных шиитов (исмаилитов) до Реформации Лютера и национал — социлистического восстания, объявившего о начале тысячелетнего Райха, Третьего Райха или Третьего Царства, Царства СвятогоДуха, согласно христианскому мистику Иоахиму де Флора (первое царство — Отца, второе царство — Сына, третье царство — Святого Духа).

Обе идеологические позиции “Творец-Творение” и “Рай-Полюс” часто сосуществуют в рамках одного и того же общества, в рамках одной и той же традиции, в рамках одной и той же политической системы. Однако это никоим образом не отменяет гигантской разницы, которая существует между ними. Эти идеологические типы непримиримы, как огонь и вода, как свет и тьма, и именно между ними происходят такие жестокие схватки (альбигойский крестовый поход, фатимидский халифат, войны гвельфов и гибеллинов, Французская революция и т. д.), которые немыслимы между представителями разных традиций, разных религий и разных политических систем.

Политическая форма идеологии “Творец-Творение” может выражаться как в экзотерической “теократии”, так и в государстве якобинского типа, в Etat-Nation. Как показал блистательный политолог Карл Шмидт, “теология государства” сохраняется независимо от того сохраняют ли свои центральные позиции в обществе сугубо религиозные организации или нет. Принцип “Творец-Творение” по форме равным образом предопределяет типологическую специфику ваххабитской экзотерической теократии Саудовской Аравии или фашистское “абсолютное государство” Джованни Джентиле, развившего гегельянские тезисы до последних логических последствий. И одной из самых характерных отличительных черт именно такой архетипической специфики идеологической позиции является ее обязательная и фундаментальная анти-эсхатологичность, в равной мере свойственная и светским, секуляризированным режимам, и идеологиям с подчеркнутой религиозной подоплекой. (Этот религиозный анти-эсхатологизм идеологии “Творец-Творение” имеет место даже в том случае, если сама религия является эксплицитно и однозначно эсхатологической, как это имеет место в случае Христианства, в котором доктринально утверждается, что Христос приходит в мир непосредственно перед Концом Света, и в случае Ислама, рассматриваемого самими мусульманами как последнее пред-эсхатологическое Откровение). Этим, в частности, объясняется заведомый “анти-нацизм” многих западных стран — Англии и США — с одной стороны, и современный анти-иранизм многих ближневосточных и северно-африканских исламских режимов. В обоих случаях фундаментальная претензия состоит в неприятии эсхатологического пафоса — арийского Сверхчеловека в одном случае, Мировой Исламской Революции, связанной с перспективой появления Имама Времени, в другом.

Идеология «волшебной материи»

Третьей фундаментальной позицией является “**МИСТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ** ”, “идеология ВОЛШЕБНОЙ МАТЕРИИ” или “абсолютный пантеизм”. Этот тип идеологии отрицает и полярный рай и пару Творец-Творение. Можно отождествить его также с чистым атеизмом. Здесь субъект рассматривается не как полярный Господин, чьим внутренним “Я” является сам Бог, но и не как изгнанник из Рая, отделенный от внешнего Бога, Бога-Объекта, Творением. В данном случае субъект берется как одна из частиц космоса, в которой отражается этот космос и больше ничего. Иными словами, у такого субъекта нет ни

внутреннего, ни внешнего Бога, и сам он есть не что иное, как зеркало внешнего мира и одновременно элемент этого мира. Таким образом, чистый атеист или “мистический материалист” фактически наделяет космос качеством божественности, коль скоро понятия Причины и Бога в сущности совпадают. Это и дает нам основание определить данную идеологию как “пантеизм” — “все-боговость”, отождествление всего (Космоса, Мира) с Богом. Одной из наиболее ярких разновидностей такой позиции является космизм, который можно рассматривать, в принципе, как синоним пантеизма.

От этого третьего типа идеологии неотъемлема концепция эволюции, то есть постепенного и однонаправленного улучшения качества космоса в сторону совершенства. Если носители идеи “Рай-Полюс” стремятся осуществить единовременный и окончательный скачок из не-рая и от не-субъекта в Рай и в Субъект; если носители идеи “Творец-Творение” заинтересованы в сохранении онтологического стату-кво (где апофатический подход уравновешивался бы катафатическим); то носители идеи “Волшебная Материя” более всего заинтересованы в непрерывном и постепенном улучшении космоса, чей естественный инерциальный ход и есть, в конечном счете, само это улучшение. Поэтому на уровне идеологии смысл эволюции и прогресса может быть сведен не к какой-то особой дополнительной созидательности, но к простому следованию естественному потоку событий, при устранении препятствий, которыми, в первую очередь, являются консерваторы-клерикалы и эсхатологи-империалисты. Собственно говоря, сам субъект идеологии “мистического материализмаа” —это “служитель эволюции”, то есть такое зеркало, в котором эволюционный процесс отражается с наибольшей отчетливостью и однозначностью.

Конфликт гностицизма и консерватизма, несмотря на свою непримиримость, всегда (или почти всегда) протекает внутри религиозных учений — не вызывает сомнения тот факт, что самые страшные еретики никогда не отвергают саму идею Бог. (На уровне “теологии государства” ни “гностики”, ни “экзотерики” не отрицают необходимость существования самого государства, хотя первые бескомпромиссно настаивают на Империи, тогда как вторые могут удовольствоваться и государством-нацией, Etat-Nation). “Мистический материализм”, со своей стороны, сущностно вне-религиозен, атеистичен, поскольку для него Причина (Бог) не только не скрыта (за космосом или внутри человеческого “Я”), но просто очевидна и всегда находится перед носителем идеи “Волшебной Материи”, вокруг него, под ним, коль скоро эта причина — космос, и у него нет оснований искать ее где-то в другом месте. То же самое касается и идеи государства, которая “мистическому материалисту” в корне чужда (тезис об отмирании государства при коммунизме Маркса и т. д.)

Идеология “Рай-Полюс” говорит о Божественном центральном Субъекте и подчиненном ему мире. Идеология Творец-Творение представляет себе субъекта, изгнанного на периферию, перед которым лежит отчужденное от него, но указующее на Бога (и скрывающее его в то же время) Творение. “Мистические материалисты” вообще не знают ничего о субъекте. Согласно откровению известного марксиста Д.Лукача в пролетарии, центральной фигуре наиболее радикальных материалистических учений, субъект и объект совпадают. Пролетарий — идеальный человек-машина, человек-зеркало. Таково же, в сущности, и содержание концепции “ноосферы”, выводящей разум из эволюционного развития материи. Безусловно, речь идет о разуме как зеркале внешнего мира.

Такое отношение к субъекту определяет особую материалистическую соборность, в идеале вообще отменяющую иерархию, а на практике создающую особую иерархию по степени космичности, то есть наибольшей сродственности материальной природе внешнего космоса. Из этой потребности поставить вверху атеистического собора предмет или машину, сосредоточие духовной нищеты, и возникло характерное учение о “диктатуре пролетариата”.

Для “служителей Волшебной Материи” характерен чистый агностицизм, то есть третий путь кроме Гнозиса и Веры. Агностицизм “мистического материализма” обусловлен невозможностью какой-либо постановки вопроса о знании со стороны субъекта, так как субъект, будучи иновариантом космоса, является одним из фактов этого космоса и ничем

более, а значит, его отражающая способность (разум) ничего не добавляет и ничего не убавляет в потоке космоса. Знание здесь совпадает с космическим фактом, но, так как космос находится в движении, то и познание отождествляется с практикой, а значит, попросту отбрасывается. Агностицизм, иными словами, есть результат отсутствия пары познающий-познаваемое, необходимой как предпосылка познания, так как абсолютная поверхность мира для носителя идеи “Волшебной Материи” совпадает с его абсолютной глубиной. (Здесь любопытно вспомнить афоризм Ницше относительно того, что “женщина должна найти глубину в своей поверхностности”; такое сходство отнюдь не случайно, так как идеология “Волшебной Материи” носит откровенно гинекократический, матриархальный характер, являясь, в некотором смысле, проекцией замкнутого самого на себя и предоставленного самому себе женского подсознания.)

Несмотря на то, что в своей чистейшей форме идеология Волшебной Материи появилась совсем недавно, — истинный и откровенный доктринальный материлизм довольно молод (2–3 столетия), — “пантеистическая” тенденция существовала и раньше как некая скрытая внутри религиозного мировоззрения сущностно антирелигиозная реальность. Но до поры до времени материализм присутствовал в рамках этого мировоззрения лишь косвенно, в виде “пантеистической”, “космистской” экзегетики Религии — как абсолютная противоположность полярно-райской гностической и чисто инициатической экзегетике. Так, одна и та же христианская традиция может стать базой для исторического христианского гностицизма (вплоть до средневековых катаров), для канонического иудео-христианства (“Творец-Творение”) и, наконец, для откровенного космизма нео-спиритуалистских учений Н.Федорова или Т. де Шардена, где за номинальным обращением к христианским символам стоит чисто атеистический, эволюционистский пантеизм. Однако то, что у Федорова и де Шардена выражено однозначно и ясно, у других псевдо-религиозных мыслителей может быть завуалировано. Но в любом случае, как бы то ни было, уже с самого начала распространения Христианства (а до него это имело место и в буддизме, который стал излюбленной доктриной для восточных пантеистов) делались попытки отдельными теологами переинтерпретировать религию в пантеистическом духе. В Христианстве при этом акцент падал на человечность Воплощенного Слова и, соответственно, на новую сакрализацию всего материального мира после Воплощения, несмотря на всю нелепость идеи о подобной “новой тотальной сакрализации”, опровергаемой и всем содержанием Евангелий и посланиями Апостолов, где ясно говорится о “мире, лежащем во зле” и о новом сакральном космосе, грядущем не после Первого, но после Второго (!) Пришествия Христа. И если действительно можно говорить (как это делают некоторые авторы, в частности, Н. Бердяев), о некоторой преемственности русского коммунизма по отношению к Русскому Православию, то это может относиться только к “космистскому”, “пантеистическому”, “волшебно-материальному” Христианству, полностью отбросившему сущностную догматику и в эзотерическом (Рай-Полюс) и в экзотерическом (Творец-Творение) ее измерениях, и разработавшему особый тип материалистического и, в конечном итоге, атеистического мировоззрения, не имеющего к поддинному Христианству вообще ни малейшего отношения.

Такой же космизм есть и в буддизме Малой Колесницы, Хинаяне, где подчеркивается зеркальная и составная природа субъекта (как временного сгустка космических энергий, “дхарм”), который не обладает никакой духовной самостоятельностью (даже статусом субъекта — изгнанника). И именно эта ветвь буддизма может быть названа “мистическим атеизмом”. Однако в буддизме Ханаяны, в отличие от полноценной и законченной идеологии “Волшебная Материя”, отсутствует эволюционизм, обязательный для ортодоксального космизма, и это делает его несколько отличным от остальных типологически близких мировоззренческих форм.

Еще в одном мистическом учении крайне развит космистский аспект — этим учением является европейское масонство. Масонские доктрины, генетически восходящие к западным формам гностицизма, то есть к полярно-райской идеологии, на определенном историческом

этапе были перетолкованы на космистский лад, подверглись атеизации и материализации. Масонское мировоззрение оказало огромное влияние на европейское сознание в целом, хотя, как правило, оно было более скрытым и подспудным, нежели прямое влияние Христианства. Постепенно в XVIII-ом веке и особенно в XIX-ом веках масонство резко изменило свои духовные и идеологические ориентиры, и, сохраняя некоторые внешние атрибуты, полностью поменяло свое содержание на противоположное. С этого-то момента эволюционизм и пантеизм, материализм и космизм стали играть чрезвычайно важную роль в западной культуре и науке. Тот факт, что почти все видные деятели этой культуры и науки были членами масонских лож, обычно либо вообще упускается из виду, либо рассматривается как простая формальность, дань моде. На самом же деле масонство обладает фундаментальной доктриной, соответствующей особому типу религиозного сознания, которая не может не формировать специфическую позицию масонов. И многие культурные и научные события на Западе XVII-го, XVIII-го и XIX — го веков имели свои однозначные корреляты в модификациях масонских доктрин и статусов либо в отдельных ветвях масонерии, либо в масонстве в целом. Как бы то ни было, атеизация масонских статусов мгновенно повлекла за собой распространение европейского “ученого” космизма и эволюционизма — как в сугубо методологической, научной сфере, так и в форме нео-оккультных пантеистических по сути движений (теософия, оккультизм, нео-спиритуализм и т. д.).

Как полярно-райское мировоззрение может перетолковать любые религиозные формы в своем духе, так же и учение о “Волшебной Материи”, несмотря на свою сущностную анти-религиозность, может узурпировать религиозные формы для утверждения своих собственных принципов. Позиция же “Творец-Творение”, как правило, вообще избегает радикальной экзегетики религиозных доктрин, стремясь сохранить их в нетронутом, цельном виде даже ценой превращения их в реликтовую и безжизненную оболочку.

Политические импликации метафизических догм

Суммируем теперь социально-политические позиции представителей трех выделенных нами принципиальных идеологий в последние столетия. Носители идеи “Рай-Полюс” выступают за новую райскую эсхатологическую Империю, образованную вокруг сверх-человеческого Вождя-Полюса (“Третий Райх” и “Fuhrerprinzip” германского национал-социализма); сторонники позиции Творец-Творение становятся на сторону умеренной демократии и либерализма, стремящихся сохранить социальное статус-кво автономных и “изгнанных из Рая” индивидуумов, не оставляя поиска утерянного Принципа, но и не настаивая на нем (особенно центрально-европейские демократические режимы и северо-американские штаты XVIII-XIX вв.). И наконец, учение о “Волшебной Материи”, открыто и изначально атеистическое, проявилось в социалистических и коммунистических политических устройствах, чьи типы варьируются от абсолютного тоталитарного космизма корейского Чучхэ и камбоджийского пол-потовского эксперимента (где павловская идея о приобретенных рефлексах человеко-предмета получила самое широкое применение) до современной американистской и шведской модели “общества потребления”, где естественный грубый космос “примитивных социалистов” заменен индустриально-технологическим, искусственным, социализированным “космосом”— сбывшейся мечтой “мистического материалиста”.

Три выделенныые нами позиции позволяют объяснить определенные противоречия в истории идеологий, которые до сих пор многих исследователей приводили в недоумение. Во-первых, из нашей классификации ясно, что сущностно эти позиции несовместимы друг с другом и, будучи вовлечены в одну и ту же традиционную идеологическую форму, они непременно рано или поздно приведут к внутреннему конфликту, в котором каждая из этих позиций заявит о своей самостоятельности. Полярно-райское мировоззрение может довольно долго быть незаметным в общей картине христианской традиции, но рано или поздно

объявляется альбигойский крестовый поход, и гностики-катары горят в огне своих христианских храмов, зажженных рукой носителей идеи “Творец-Творение”. Или, к примеру, социалисты могут сколь угодно долго быть неотличимы от либералов или умеренных демократов, ратуя почти за те же самые лозунги, но рано или поздно, если социалистам удастся захватить власть, на гильотину или в застенки ЧК в первую очередь отправляются именно демократы и либералы, принципиально несовместимые с идеей “служения Эволюции”, так как желающий сохранить статус-кво мешает прогрессу. И хотя костры и чекистские застенки — крайности, эти три типа идеологий на самом деле не могут не находиться в конфликте друг с другом, и рано или поздно это всегда проявляется тем или иным образом.

Здесь нам осталось разобрать еще один аспект: какие из трех типов прото-идеологий, Urideologien, как сказали бы немцы, принципиально несовместимы друг с другом, а какие могут входить друг с другом в альянс? В принципе, их соотношение не совсем равно-симметрично. Можно сказать, что Полярно-Райская идеология — это идеология абсолютно Правая, Творец-Творение — абсолютно Центристская, а Мистический материализм — абсолютно Левая. Причем слово “абсолютно” здесь призвано перевести эти определения из сферы конкретной политики в область ее метафизических истоков. Можно также продолжить это соотношение следующим рядом:

Абсолютно Правая — Субъект над Объектом;
Абсолютно Центристская — Субъект наряду с Объектом”;
Абсолютно Левая — Субъект под Объектом;

или

Абсолютно Правая — История как Упадок; необходимость мгновенной Реставрации; примат эсхатологии;

Абсолютно Центристская — История как Постоянство; необходимость сохранять баланс Духовного и Материального;

Абсолютно Левая — История как Прогресс; необходимость всемерно способствовать его продолжению и ускорению.

Эти метафизические ряды определяют и возможности коалиций между тремя позициями: Абсолютный Центр и Абсолютно Левая могут объединиться против Абсолютно Правой. (Например, союзные войска во Второй Мировой войне). Но для Абсолютно Левой Абсолютный Центр — это тоже “фашизм” (как например, сталинская пропаганда или концепции Новых Философов). Поэтому Абсолютно Левая несовместима с Абсолютным Центром и стремится его уничтожить. Иногда в борьбе против Абсолютного Центра Абсолютно Левая может заключить прагматический союз с Абсолютно Правой, но, как правило, он очень быстро рассыпается (пакт Риббентроп-Молотов и союз национал-большевика Лауффенберга с нацистом Штрассером в Германии в 3О-ые).

Все это позволяет, в частности, понять логику тех, кто сближает нацизм (Абсолютно Правая) с коммунизмом (Абсолютно Левая). Такое отождествление возможно только для человека Абсолютного Центра, сторонника концепции “Творец-Творение”. Любопытно, что такие прямо противоположные политически мыслители, как русский патриот И.Шафаревич и известный русофоб, еврей, советолог А. Безансон, несмотря на полное несовпадение практически во всех конкретных вопросах, проявляют удивительное единодушие в обоюдной ненависти к советскому социализму (Абсолютно Левая) и к германскому национал-социализму (Абсолютно Правая). Для И. Шафаревича и то и другое суть проявление суицидального, танатофильского, эсхатологического импульса в цивилизации, истоки которого он замечает уже у вавилонян, Платона, а позднее у катаров и анабаптистов. Подобное смешение полярно-райского элемента с “Волшебной Материей” характерно также для других русских патриотических авторов (Л. Гумелев, Ю. Бородай). То же мы видем и у

А. Безансона, называющего и советских социалистов и германских нацистов носителями "маркионизма", то есть выразителями анти-иудейских, анти-креационистских, гностических тенденций раннего Христианства, воплотившихся в фигуре ересеарха Маркиона. Средневековые эсхатологические движения рассматриваются как предвестники одновременно и коммунистических и нацистских режимов другим интересным политологом и историком, также евреем Коном. Так евреи-русофобы и русские патриоты обнаруживают единство метафизической идеологии за гранью крайней оппозиции их конкретно-политических взглядов. (Надеемся, что мы достаточно подробно объяснили сущностные аспекты метафизических корней идеологий, чтобы списывать подобное совпадение на случайность или неинформированность тех или иных авторов). Кроме того, нечто подобное можно сказать и о множестве других интеллектуалов, чья метафизика (подчас не осознаваемая ими самими) устанавливает принципиальные связи там, где конкретика политики предполагает непокрываемый разрыв.

Говорить о возможном балансе или гармонизации этих трех протоидеологий на основании исторических данных невозможно, так как в реальности относительная гармония возникает только тогда, когда бразды идеологического правления захватываются носителями какой-то одной из этих позиций при подавлении или, по меньшей мере, при оттеснении на периферию остальных. Все рецепты по их примирению утопичны и несбыточны и, кроме того, любопытно, что подобные инициативы исходят только из среды космистов, которые настолько убеждены в разумности и, главное, позитивности эволюции, что могут дойти и до оправдания необходимости препятствий эволюции в целях самой эволюции (именно к этому сводятся некоторые нео-масонские проекты определенных мондиалистских организаций, Римского Клуба, Трехсторонней комиссии и т. д., а также некоторые концепции Т. де Шардена, предлагающие объединить демократов, фашистов и коммунистов в единой политической системе).

С другой стороны, в истории между этими тремя типами прото-идеологий существует некоторая последовательность. Так, чем глубже в древность, тем отчетливей и "тоталитарней" тип Абсолютно Правой идеологии, полярно-райский комплекс. Позднее, хотя также в древности, начинает преобладать тип "Творец-Творение", получивший наиболее ярко выраженную доктринальную форму в позднем Иудаизме и других авраамических религиях. (Хотя и в этот период "тотальности" структуры "Творец-Творение" циклически проступают полярно-райские тенденции, но уже как стремление к "Революции Справа", окрашенной все повышающимся эсхатологизмом) и, наконец, в Новое и Новейшее время наибольшее распространение получили Абсолютно Левые тенденции, захлестывающие и денатурирующие рудименты предыдущих традиционных форм (космистское Христианство, космистские Индуизм и Буддизм, социал-демократия, атеистическое нео-масонство, просвещенный Иудаизм и т. д.). Но и при доминации идеи "Волшебной Материи" Абсолютный Центр и Абсолютно Правая позиции никогда не стираются окончательно, и при первом удобном случае накопленные ими опозиционные энергии выливаются в теократическую или полярно-райскую революцию. Таким образом, несмотря на смену периодов властвования, наши три тенденции или типа мировоззрения не могут быть ни слиты, ни сокращены в числе, хотя, напротив, возможности внешних обличий, которые они могут принимать в конкретной истории в зависисмости от обстоятельств не ограничены. И однако самые сложные синкретические модели, призванные перемешать между собой элементы Абсолютно Правой, Абсолютного Центра и Абсолютно Левой, не могут избавить инициатора подобного предприятия от сущностной и неизменной принадлежности к какойнибудь одной из прото-идеологий, чьей идео-вариацией, инобытием и будет данная синкретическая модель.

Не желая ставить точку на ноте полной относительности и плюральности, мы хотим выразить свое убеждение, что тайна истории мировых идеологий все же имеет свое однозначное разрешение, и что рано или поздно какая-то одна из наших трех метафизических позиций вскроется как единственно подлинная и единственно истинная.

Однако, какая именно — покажет время.

Статья написана в 1988 г., впервые опубликована в журнале «Милый Ангел» № 1, 1990

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СОЛНЦА

Продолжая разработку конспирологических тем, нашедших свое отражение в книге «Конспирология» и отчасти в других наших публикациях, мы столкнулись с необходимостью дополнить наиболее общую классификацию «заговоров» еще одной моделью. Эта модель не является совершенно самостоятельной, и определенные ее аспекты связаны с геополитическими, сакрально-географическими, этническими и религиозными факторами, о которых мы упоминали ранее. Поэтому данную модель нельзя рассматривать в отрыве от предшествующего материала. Но, с другой стороны, быть может, именно в ней многие вопросы, оставшиеся без ответа и уточнений в предыдущих схемах, смогут найти свое полное и законченное истолкование.

Данная конспирологическая картина выкристаллизовывалась постепенно, в ходе исследования более широких метафизических и богословских тем, а также некоторых исторических закономерностей. В конечном счете, речь здесь идет, в первую очередь, о наличии двух полярных по отношению друг к другу мировоззрений, о двух метафизических подходах к осмыслению изначальной структуры реальности. Если бы мы не обнаружили следы невидимой борьбы этих двух мировоззрений в самом сердце наиболее могущественных и влиятельных оккультных организаций и тайных обществ, можно было бы ограничиться лишь вычленением особых метафизических тенденций или богословских толкований, что заставило бы нас обратиться к иной, неконспирологической, более привычной форме исследования. Но поскольку данный метафизический дуализм воплотился именно в тайные общества и секретные ордена, мы должны все же говорить о конспирологии и сугубо конспирологическом исследовании. И тем не менее, так как речь идет о глубоких метафизических проблемах, мы вынуждены будем сделать определенный экскурс в область метафизики и истории религий, без чего последующие выводы покажутся необоснованными и неубедительными.

2.2.1. Креационизм и манифестационизм

Одной из важнейших проблем для понимания различия между сакральными традициями, для их сопоставления друг с другом и их сравнения, является проблема «космогонии», изначальной сакральной догмы о сущности происхождения мира, о специфике возникновения Вселенной. В этом отношении каждая традиция имеет свои версии, выраженные, как правило, символическим языком — через мифы, образы, особые сакральные сюжеты. Каждый космогонический миф и похож и не похож на другие, и сама классификация "мифов о происхождении мира" представляет собой довольно большую проблему для историков религий — проблему, которая еще не получила своего исчерпывающего решения.

Как бы то ни было, одним из фундаментальных критериев в оценке «космогонического» догмата является деление всей совокупности "мифов о возникновении Вселенной" на две основополагающие категории — на **мифы о творении и мифы о проявлении** .

Традиции, утверждающие в начале всего факт **творения** , называются «креационистскими», от латинского слова «creare», т. е. «создавать», «творить». Креационистская доктрина в самом общем виде усматривает в истоке Вселенной определенный и единовременный акт Высшего Существа или Высшего Принципа, который из некоторой подручной субстанции (или "из ничего", ex nihil — как в самой законченной и развитой креационистской доктрине) образует мир, его структуру и существ его

населяющих. При таком метафизическом подходе Творец всегда остается отдельным от своего Творения, как ремесленник, создавший произведение искусства, остается внешним по отношению к произведению искусства существом, хотя и передавшим часть своей творческой потенции бывшему ранее бесформенным веществу. Креационизм может быть описан в самых разнообразных мифах и символах, но его сущность остается всегда постоянной. Она сводится к утверждению неснимаемого качественного различия между Творцом и Творением — различия, которое ничто из Творения не способно преодолеть или превозмочь. Безусловно, у Творца и Творения могут быть самые разнообразные отношения — от взаимной любви до взаимной ненависти, но суть их всегда остается одной и той же: это отношения двух строго **различных** вещей, принципиально не способных к слиянию (как не способен мастер слиться со своим произведением). Креационистское видение реальности предполагает неснимаемый метафизический **дуализм**, который сохраняется всегда и в любой ситуации, независимо от ценностной оценки того или иного члена основной пары. Можно признавать за Творцом полноту реальности и считать Творение миражем и иллюзией, но все равно это нечего не изменит в общем понимании действительности в рамках этой концепции.

Другой основополагающей доктриной о происхождении Вселенной является идея **проявления**. «Проявление» по-латински «manifestatia», от глагола «manifestare», «проявлять», «проявляться»; отсюда и общее название такого мировоззрения — «манифестационизм», "учение о проявлении". Сущность «манифестационизма» заключается в том, что это мировоззрение рассматривает возникновение Вселенной как обнаружение определенных аспектов Бога, Принципа, Первоначала, как особую возможность существования божественного мира через самооткровение и самообнаружение. Манифестационизм принципиально отказывается рассматривать появление мира как **одноразовое** событие и как **акт создания** какой-то одной сущностью принципиально другой вещи, строго отличной от нее самой. Мир в манифестационизме видится как **продолжение** Бога, как развертывание его качеств по всем возможным метафизическим направлениям. В манифестационизме нет ни Творца, ни Творения; нет отдельно Бога и отдельно мира. Обе категории здесь сущностно **тождественны**, хотя, естественно, Бог не просто приравнивается целиком к миру; между проявленными (мир) и непроявленными (самость Бога) аспектами Принципа существует определенная иерархия, определенная, подчас парадоксальная, система соотношений. Но сущность манифестационизма заключается в утверждении принципиального единства мира и его Причины, утверждение соприсутствия Причины в мире, акцентирование конечной иллюзорности всякого разделения. Манифестационизм есть метафизическое мировоззрение, основанное на догме принципиальной **недвойственности**, нон-дуализма.

Самым классическим вариантом креационистской доктрины является авраамическая традиция, и в первую очередь, иудаизм. Именно в иудаизме креационистский подход является доминирующим, четким выделенным и пронизывающим всю структуру иудейской религии, иудейской мифологии и иудейского отношения к реальности. В богословской традиции христианства догмат о «творении» был также принят вместе с канонизацией "Ветхого завета", и на этом основании христианство обычно причисляют к «авраамическим» религиям (о креационизме в христианстве мы поговорим подробнее несколько ниже). И наконец, последней «авраамической» традицией является ислам, в котором креационистский аспект выражен не менее ярко и вседавлеюще, нежели в иудаизме. Таким образом, креационизм характерен для всех тех традиций, которые имеют откровенно «религиозный» характер, и уже сам термин «религия», от латинского «religio», дословно «связь», предполагает наличие **двух** полюсов — того, кого связывают (Творение или избранная, благая часть Творения, общность верующих, верных) и того, с кем связывают (Творец, Бог-Создатель). Согласно Рене Генону, никакие другие традиции, кроме «авраамических», строго говоря, нельзя причислить к разряду «религий», именно на том основании, что там отсутствует изначальный креационистский дуализм. Любопытно заметить, что по своему

происхождению все три классические креационистские религии имеют однозначно семитское расовое происхождение, и неоднократно замечено, что креационистская модель понимания реальности неразрывно связана именно с семитской ментальностью, для которой сугубо «религиозный» дуализм присущ изначально и внутренне.

Однако не только классические религии авраамического происхождения имеют креационистский характер. Помимо законченных и полноценных теологических моделей, свойственных трем «авраамическим» религиям, существуют и другие креационистские версии, присутствующие в мифологиях многих архаических, чьи традиции давно утратили интегральный характер и существуют в качестве «ризидуальных», «остаточных», фрагментов. Гейдар Джемаль однажды весьма справедливо заметил, что креационистские мотивы помимо семитов присутствуют у некоторых африканских несемитских, архаических народностей. Евгений Головин, в свою очередь, указал на тот факт, что креационистский подход свойственен большинству мифологий темных рас, кольцом располагающихся вокруг зон компактного расселения индоевропейских народов, а также древних народов, имеющих полярное и гиперборейское происхождение (в частности, индейцы Северной Америки, некоторые этносы Северной Африки, Евразии и даже Океании). Иными словами, лишь **законченный** и интегральный креационизм является авраамическим, тогда как иные формы такого же взгляда на космогонию, встречающиеся во многих других традициях — Африки, Латинской и Центральной Америки, Азии, Океании и т. д. — фрагментарны и архаичны.

Манифестационизм также имеет множество разнообразных форм. Наиболее последовательной и законченной, интегральной манифестационистской доктриной является индуизм, и особенно его адвайто-ведантистская ветвь. Адвайто-ведантизм и учение Упанишад представляют собой классический, парадигматический образец "космогонии проявления", где эксплицитно и ясно утверждается сущностное единство Принципа и мира, а иллюзией считается не сам мир, но «невежество», «авидья», заставляющее людей впадать в оптический обман и рассматривать Принцип и Вселенную как раздельные, отличные друг от друга вещи. Из глобальных традиций манифестационистской является также буддизм и китайская традиция, как в ее экзотерической (конфуцианской), так и ее эзотерической (даосской) части. Безусловно манифестационистским было большинство индо-европейских традиций, совокупно называемых язычеством. Греческая, иранская, германская, латинская, кельтская и славянские мифологии характеризовались подчеркнутым манифестационизмом. В них мир представлялся сотканным из божественных энергий, называемых "богами или «духами», которые составляли совокупно единый живой сакральный мир, в котором постоянно проявлялись высшие метафизические принципы. Конечно, разные традиции и в разные эпохи выражали манифестационистскую идею подчас с определенными погрешностями, не всегда осознанно и ясно, но манифестационистский дух был отличительной чертой индо-европейской сакральности даже в те периоды, когда эта сакральность деградировала и нисходила к своим наиболее грубым и упрощенным формам. Можно было бы, по аналогии с семитским характером «креационизма», определить манифестационистский подход как сугубо «арийский», если бы не наличие манифестационистских воззрений у некоторых неарийских народов и, в первую очередь, во многих вариациях сакральных доктрин желтой расы — в частности, у китайцев, тюрок, монголов, японцев и т. д. С другой стороны, Генон утверждал, что народы, принявшие суннитский ислам (а в большинстве это семиты, негры и тюрки), имеют некие общие ментальные установки условно «семитского» или «креационистского» направления. Можно предположить, что у желтой расы Евразии манифестационизм является следом древнего влияния арийских народов, хотя данная гипотеза нуждается в подробных доказательствах, привести которые в данной работе мы не имеем возможности.

2.2.2. Деградация космогонических доктрин

Чтобы не входить в подробности при разборе конкретных вариаций тех или иных космогонических теорий, возьмем в качестве образца полноценных и аутентичных доктрин адвайто-ведантистскую версию индуизма (полноценный метафизический манифестационизм) и иудейскую традицию (полноценный метафизический креационизм, «авраамизм» по преимуществу). В этих двух традициях воплотились наиболее полноценные, развитые и достоверные версии двух точек зрения на происхождение Вселенной со всеми вытекающими из этих базовых установок сакральными пропорциями и ритуальными и символическими доктринами и т. д. Безусловно, обе эти традиции признают Высший Принцип, Бога, утверждают понимание мира как **второстепенной** по отношению к Богу реальности (как бы различно ни понимали они эту второстепенность — принципиально снимаемую в индуизме и принципиально неснимаемую в иудаизме), настаивают на ценностном превосходстве не близкого, а далекого, не дольнего, но горнего, не горизонтального, но вертикального. В основе обоих традиций лежит почитание Принципа и организация жизни в соответствии с божественными предписаниями, данными в Откровении. Интеллектуальная сторона обоих традиций предельно развита и покрывает весь спектр основополагающих метафизических и философских вопросов, исходя из применения к конкретным модальностям универсальных принципов, лежащих в основе данных традиций. Поэтому большинство манифестационистских традиций удобно сопоставлять именно с индуизмом и адвайтой, так как именно индуизм является наиболее целостным мировоззрением арийского типа. То же самое справедливо и в отношении сравнения креационистских доктрин с иудаизмом, который эксплицитно разрабатывает весь спектр метафизической проблематики, вытекающей из креационистских установок. Хотя в надо заметить, что преимущество иудаизма над другими креационистскими учениями не так однозначно, как в случае индуизма, поскольку существует полноценная, развитая и целостная исламская теология, способная соперничать с иудейством во многих аспектах по степени доскональной проработки многих богословских и мировоззренческих проблем. Неслучайно в рамках «авраамических» традиций именно древнееврейский и арабский языки рассматриваются как "сакральные языки" в полном смысле слова[2].

Индуизм и иудаизм в их полноценном и аутентичном виде можно рассматривать как две парадигмы, соответственно, манифестационизма и креационизма. Но для того, чтобы лучше понять последующие и уже чисто конспирологические рассуждения, необходимо в общих чертах проследить тот путь деградации, который прошли оба этих мировоззрения в процессе общего ухудшения качества космической среды в последние тысячелетия. Сам факт этой деградации признается всеми сакральными традициями без исключения (и манифестационистскими и креационистскими), так как различие в метафизической перспективе не затрагивает сферу описания механизма функционирования реальности, остающегося в целом довольно схожим во всех сакральных учениях. Так, Традиция в широком смысле утверждает необходимость однонаправленной и ускоряющейся деградации реальности, космической среды. В человеческом мире это проявляется через деградацию самой традиции, утрачивающей постепенно свои глубинные отличительные черты.

И манифестационизм, и креационизм вырождаются, поскольку подчиняются общим законам реальности. Однако крайне важно отметить тот факт, что эта деградация совершается по различной в обоих случаях траектории и приводит, в конечном итоге, к столь

---

[2] Разницу между «литургическим» и «сакральным» языком разъяснил Генон в книге «Apercus sur l'esoterisme chretien». По его утверждению, «литургическим» языком является тот язык, который используется в богослужении, а «сакральным» — тот, на котором в изначальном виде даны в виде прямого откровения «Священные Писания». При этом Генон подчеркивает, что «сакральным языком» может быть только тот язык, где традиция имеет письменный характер, т. е. основывается на духовном авторитете фиксированного текста. Греческий и латынь Генон к числу «сакральных языков» не относит, так как, с его точки зрения, они лишь послужили для позднейшей фиксации чисто вербальной традиции, связанной с устной передачей, а не с «богоданным» текстом.

же различным результатам. Вырождение манифестационизма — это одно. Вырождение креационизма — совершенно другое. Именно некоторое внутреннее единство и постоянство манифестационистской парадигмы на **всех** этапах ее вырождения, и такое же единство и такое же постоянство парадигмы креационистской составляют сущность конспирологической модели, лежащей в основе фундаментальных трансформаций человеческой цивилизации за последние тысячелетия. Манифестационизм и креационизм радикально отличаются друг от друга и тогда, когда мы имеем дело с их чистыми проявлениями, и тогда, когда они доходят до своих низших, деградировавших, пародийных, фрагментарных и обрывочных форм.

Наметим в общих чертах этапы вырождения обоих космогонических позиций.

Манифестационизм чаще всего вырождается в имманентизм, имеющий разные версии — от паганизма, пантеизма до "натурализма и "магического материализма". Если брать адвайто-ведантизм за один полюс (полюс аутентичности) и «материализм» за второй полюс (полюс предельного вырождения), то где-то между ними будет располагаться «эллинизм» ("платонизм" и "неоплатонизм"). Если индуизм строго утверждает совершенную неизменность Принципа, на который процесс проявления совершенно не влияет, а "магический материализм" вообще отвергает существование Принципа, считая низшую материальную субстанцию Вселенной основой динамических витальных процессов, то для «эллинской» философии (и ярче всего это проявилось в неоплатонизме), как правило, процесс проявления описывался в терминах «эманационизма», т. е. возникновения Вселенной как субстанции, «источенной» из высшего Принципа и следовательно единосущной по отношению к нему. В такой неоплатонической картине заложена некоторая двусмысленность, так как факт «эманации» подразумевает «умаление» Принципа, его «трансформацию» в процессе самопроявления, что противоречит основному метафизическому постулату о Вечности и Неизменности Первоначала (что однозначно и недвусмысленно утверждается в индуизме). Итак, можно условно представить схему вырождения манифестационизма на трех этапах:

1) полноценный манифестационизм (индуизм, адвайто-ведантизм);

2) учение об эманациях ("эллинизм", "неоплатонизм");

3) пантеистический материализм (от магии до современной физики).

Креационизм имеет свою логику деградации. Она развивается по логике от иудейского авраамизма через механицизм, восприятие Вселенной как механизма, вплоть до рационализма и атеизма. Если на всех этапах своего вырождения манифестационизм сохраняет привкус отношения ко Вселенной, как к чему-то сущностно живому, сакральному, органическому и пропитанному особыми духовными или в худшем случае «витальными» энергиями, то креационистский подход, напротив, характеризуется отношением ко Вселенной как чему-то мертвому, искусственному, механическому, движимому внешним, посторонним усилием. Манифестационизму всегда присуще «холистское» отношение к миру — такое отношение, при котором каждый элемент реальности рассматривается как нечто законченное, «цельное» ("холизм" от греческого слова "целый"), не подлежащее интеллектуальному расчленению. При этом такой «холизм» может иметь и негативный характер, ярко проявляющийся в «политеизме» и «фетишизме», т. е. в таких случаях, когда люди начинают почитать как самостоятельное и самодостаточное нечто второстепенное и не первичное. Креационизму свойственна другая крайность. Он отказывается видеть единство даже там, где оно действительно присутствует (на метафизическом уровне), но это расчленяющий, вивисекторский, анатомический и аналитический подход по мере вырождения может распространяться на все вещи без исключения, в том числе и на сами постулаты религиозного креационизма. Так критический рационализм как последняя стадия вырождения креационизма, в конце концов, обратился против догм самого "Ветхого Завета", отказавшись от всех богословских постулатов «авраамизма» и утвердив в центре мертвой Вселенной холодного и бесстрастного человеческого индивидуума, наделенного лишь критическим разумом. Промежуточным вариантом между креационизмом и атеистическим

рационализмом можно назвать «позитивистский» тип ученых эпохи Возрождения, сочетавших верность определенным религиозным постулатам и страсть к механическому рассудочному исчислению окружающей реальности. Итак, можно выделить в креационистской идеологии три аспекта:

1) полноценный креационизм (иудаизм, «авраамизм», ислам);

2) усеченный креационизм ("механицизм", начало «позитивистской» науки);

3) рационализм, атеизм.

Важно отметить, что конечные продукты вырождения манифестационизма и креационизма, хотя и названы терминами, ставшими почти синонимами, на самом деле являются весьма различными категориями, так как "магический материализм" настаивает на отношении в миру как к живой реальности (материя для него «волшебна» и "жива"), тогда как «рационализм», напротив, относится к миру, как предмету, как к аппарату, как к механической и мертвой системе, все процессы которой подлежат строгим рациональным установкам.

Манифестационизм и креационизм являются противоположными подходами к постижению реальности и в том случае, когда речь идет о полноценных и чистых формах этих мировоззрений, и тогда, когда их ясность замутняется и даже тогда, когда они вырождаются до последней стадии, почти теряя сходство с изначальной и подлинной парадигмой. Но на всех этих этапах идет динамичное противостояние между этими основополагающими установками, простираясь от религиозных войн, богословских диспутов и догматических споров вплоть до профанической культуры, научных доктрин и политических коллизий современности. Спиритуальное и метафизическое содержание этих двух позиций постепенно «выветривается», «теряется», «забывается», отходит на второй план. Но сущность типологического отношения человека к миру, противоположного в обоих случаях, остается практически неизменной. Это постоянство и делает манифестационизм и креационизм не только сакральными и космогоническими, но именно **конспирологическим** и категориями, объясняющими тайную подоплеку многих цивилизационных процессов, не зависимо от того, разворачиваются ли они в сакральном или профаническом контексте.

2.2.3. Становление христианской догматики

Христианство принято относить к «авраамическим» традициям, и, следовательно, оно должно носить креационистский характер. Действительно, в никейском символе Веры прямо говорится о "Боге, Творце небу и земли", что однозначно подтверждает приверженность христианства иудейской теории Творения. Пояснение в первом пункте символа Веры относительно того, что Бог-Отец, первое лицо святой Троицы, является одновременно Творцом, т. е. тем самым Богом, о котором идет речь в "Ветхом Завете", было принято именно как антигностический аргумент, так как христианские гностики (в частности, Маркион) часто противопоставляли христианского Бога-Отца иудейскому Богу-Творцу.

Но на самом деле вопрос относительно креационизма христианской традиции является более сложным. Многие проницательные историки раннего христианства — в частности, Ю. Николаев, В. Лосский, о. Г. Флоровский и т. д. — ясно показали, что сам процесс становления сугубо православной христианской догматики проходил в жестокой борьбе двух идейных течений. Эти два течения можно определить как «иудео-христианство» и «эллинохристианство». Флоровский говорит о "антропологическом максимализме" (= "иудео-христианство") и "антропологитческом минимализме (= "эллино-христианство"). Можно сказать, что вся полемика относительно догмата о Троичности, о христологических дефинициях, о Воплощении, о совмещении в Христе двух природ и двух «воль», о «теотокос» (Богородице) и т. д. протекала именно между **двумя** крайними полюсами христианской доктрины, и в каждый последующий момент истории догматических постановлений каждая из этих двух позиций принимала новую форму в зависимости от конкретного богословского вопроса, выступавшего на передний план. Собственно говоря,

эта борьба была ничем иным как борьбой манифестационистского и креационистского подхода в рамках одной и той же традиции, стремившейся **совместить** обе позиции без того однако, чтобы ясно разграничить сферу их иерархической соподчиненности.

Прежде чем, продолжить разбор догматических споров в раннем христианстве, укажем на то обстоятельство, что в рамках самих откровенно креационистских традиций всегда существовали особые течения, называемые эзотерическими или инициатическими, где, как правило, доминировал именно манифестационистский подход. Однако, такой подход не выражался как особая религиозная доктрина, противопоставленная внешнему креационистскому богословию. Речь шла скорее о манифестационистской **интерпретации** внешних религиозных догм, и эта интерпретация открывалась не всем верующим, но лишь избранным, прошедшим особые инициатические ритуалы и допущенным до тайного знания. В исламе совокупность таких эзотерических организаций получило название «суфизм», а точнее «ат-тасаввуф». Кроме суфийского эзотеризма в исламе существовало и особое экзотерическое направление, в котором многие основы мусульманской традиции истолковывались также в манифестационистском ключе. Речь идет в данном случае о шиитском исламе, и особенно о исламе иранском. В данном случае логично отнести этот факт за счет специфики арийской ментальности иранцев, резко отличающейся от общесемитского мышления. (В принципе, можно предположить, что суфийские ордена также определенным образом связаны с наличием в рамках семитского, африканского, тюркского и др. населения, исповедующего ислам, определенных групп, имеющих древнее арийское, индоевропейское происхождение или, по меньшей мере, групп, затронутых в предшествующие эпохи спецификой арийского спиритуального влияния.) Но во всех случаях манифестационизм локализован в исламе в области эзотеризма и практически никогда за границы этой области он не выходит (единственное исключение — крайние шииты, исмаилиты, у которых эзотеризм тяготеет в внешнему альтернативному общепринятому догматическому выражению)[3].

В рамках иудаизма также можно встретить эзотерические организации, чьи взгляды резко контрастируют с ортодоксальным креационистским подходом экзотерического иудаизма. Это круги — «Меркаба-гностики» (последователи пророка Иезекииля), ессейские общины, средневековые каббалисты, восточно-европейские секты хасидов и т. д. Хотя в иудаизме нет такого гармоничного сочетания между эзотеризмом и экзотеризмом как в исламе, и соответственно, нет такой строгой иерархии между креационистским и манифестационистским подходами, все же нечто аналогичное присутствует и здесь: эзотеризм тяготеет к манифестационистской перспективе, а экзотеризм настаивает на радикальном креационизме. Еще одна особенность иудейского эзотеризма в том, что манифестационизм практически никогда не доходит даже до «эманационистской» модели, и привкус креационизма, восприятие Вселенной, как хитроумного механизма встречается даже в самых радикальных и схожих с манифестационизмом пассажах каббалы. Иудаизм является креационизмом по преимуществу, и поэтому даже самые эзотерические его аспекты не доходят даже приблизительно до полноценного и ясно сформулированного манифестационизма. В частности, и в каббале и в меркаба-гнозисе практически отсутствует инициатическая идея тождества Субъекта и Бога, выраженная как в адвайто-ведантистской формуле "Атман есть Брахман", так и в суфийской максиме "тот, кто знает самого себя, знает

---

[3] В беседе с одним исламским эзотериком, когда мы пытались изложить ему конспирологическое видение, описанное в данной работе, наиболее сложным оказалось объяснить существование противоречия между манифестационистским и креационистским подходом. Дело в том, что для исламского эзотерика было совершенно очевидно, что креационизм соответствует внешней, экзотерической точки зрения религии, а манифестационизм — внутренней, эзотерической точки зрения. Между двумя этими подходами для суфия существует строгое иерархическое подчинение: манифестационизм — полная истина, креационизм — частичная истина, необходимая для обычных людей, не способных возвыситься до эзотерических пределов богопознания.

своего Господа". Трансцендентное измерение субъекта вообще никогда не затрагивается в иудаизме, и даже в его наиболее внутренних и инициатических аспектах.

Теперь вернемся к христианской догматике. Дело в том, что становление этой догматики никогда четко не различало эзотерический и экзотерический уровень, и все споры в отношении формулировок символа Веры носили некий смешанный характер, где эзотерические и экзотерические мотивы переплетались между собой настолько плотно, что часто разделить их было довольно трудно. На это обстоятельство неоднократно указывал Рене Генон, утверждавший, в частности, что христианская традиция вообще изначально была чисто эзотерической (в отличие от ислама и иудаизма), и следовательно, в тот момент, когда по провиденциальным и циклическим законам христианство должно было выступить на историческую арену в качестве экзотерической традиции, оно вынуждено было привлечь в качестве экзотерических норм элементы иных нехристианских традиций — в первую очередь традиций римской империи, романское право, совместив их с некоторыми аспектами ветхозаветных норм, и адаптировав всю совокупность к основополагающей сугубо христианской духовной ориентации. Кстати, такое объяснение, предложенное Геноном, делает многие темные моменты становления христианской традиции как исторической традиции Запада вполне логичными и понятными.

Итак догматические споры в ранне-христианской церкви постоянно возобновлялись в связи с метафизическим конфликтом между сторонниками манифестационизма и сторонниками креационизма.

2.2.4. «Эллинское» христианство

В книге Ю. Николаева "В поисках за божеством" (С.П. 1913)[4] дан блестящий и объективный анализ этой важнейшей метафизической полемики, начавшейся с гностиков и закончившейся утверждением никейского символа (хотя, на самом деле, это метафизическое противостояние продолжается подспудно и до сих пор). Николаев противопоставляет «эллинскую» линию в христианстве линии «иудейской». Главной символической фигурой «эллинской» линии являлся св. апостол Павел, называемый в традиции "апостол языков", так как он проповедовал Евангелие преимущественно среди неиудеев. Но не просто факт обращения к неиудеям сделал его "апостолом языков". Само богословие Павла решительным образом порывало с иудейской метафизической традиции, объявляя о начале совершенно новой метафизической эпохи, "эры Благодати", которая сменила собой ветхозаветную "эру Закона". При этом апостол Павел утвердил совершенно отличную от иудаизма религиозную онтологию, новое христологическое видение Вселенной, которое имело в себе черты эсхатологического возрождения Изначальной Традиции, и фактически восстанавливало все пропорции, свойственные сугубо "манифестационистскому" видению. Богословие Павла было совершенно арийским по своему духу. Согласно его интерпретации Воплощения Бога-Слова, этот спасительный для мира и человечества факт означал "усыновление Творения", т. е. переход от отношений «Тварь-Творец» (свойственного креационистской оптике иудаизма, "эры закона") к отношениям «Сын-Отец». Сущность Вселенной в теологии Павла божественна, так как Вселенная есть ничто иное как манифестация Слова, а Слово само есть Бог. Единственной особенностью «эллинской» метафизики христианства Павла было то, что оно не отрицало креационистскую перспективу как таковую (как, к примеру, индуистская или языческая традиции), но считало эту традицию исторически и эсхатологически **преодоленной** . Видение сакральной истории у Павла таково: вначале мир создается Словом и Святым Духом как райское проявление (манифестационистская перспектива). Потом наступает период отчуждения и "эра Закона", "сень законная". Это — пост-райские состояния онтологии, эпоха «отчуждения», для которой справедливо

[4] Мы приносим благодарность Азеру Алиеву, который указал нам на эту интересную и глубокую работу.

креационистское соотношение Вселенной и Бога. И наконец, в конце времен, приход Слова во плоти восстанавливает изначальные пропорции, на место Ветхого Адама становится Новый Адам, и все человечество и вся Вселенная, облекшись в Христа, возвращается в мир благодати, во Вселенную Святого Духа, неотчужденную и неотчуждаемую от Принципа. В такой особенности христианской диалектики заложена основа всего гностического понимания мира. Гностики, в полном соответствии с богословием Павла, признают справедливость креационистской перспективы (в отличии от тех манифестационистских традиций, которые остались в стороне от тесного контакта с креационистской догматикой), но при этом оценивают "эру Закона" как нечто негативное, ненормальное, патологическое. Эта ненормальная ситуация отчужденных отношений «Творец-Творение» должна окончиться в конце времен, когда Божественный Спаситель отменит креационистскую "концентрационную вселенную" и установит новую манифестационистскую реальность, "эру благодати". Гностики доводили эту диалектическую картину до предельного выражения, утверждая различие и даже антагонизм между «Богом-Творцом» ("злым демиургом", "демоном-узурпатором") и «Богом-Отцом», "Благим Богом", пославшим своего Сына, Христа Спасителя для избавления "сынов света" из темницы "злого демиурга". Конечно, у крайних гностиков — Маркиона, Валентина, Василида и т. д. — критика креационизма была радикальной и непримиримой, в отличие от самого апостола Павла и других христианских богословов, остававшихся в лоне ортодоксии, но важно отметить сущностное единство манифестационистского мировоззрения в рамках христианской доктрины. Причем то, что было в последствии признано «ересью», являлось, как правило, лишь радикальным и бескомпромиссным выражением и изложением тех тенденций, которые существовали и в рамках ортодоксии, в более сглаженном и менее акцентированном виде. Итак одной из доминирующих тенденций в раннем христианстве была "эллинско-манифестационистская" линия. После разгрома гностицизма она отнюдь не исчезла, проявляясь сначала в монофизитских, а позднее монофелитских тенденциях. Монофизиты считали, что божественная природа Сына поглощает и целиком растворяет в себе человеческую природу Иисуса-человека, подчеркивая сугубо божественную сторону Воплощения[5] (тем самым, весомость и самостоятельность «тварной», «человеческой» стороны Христа умалялась и сводилась почти на нет в соответствии с общей логикой манифестационистов, отказывающихся, в конечном итоге, строго разделять Божественный и Вселенский принцип, так как Вселенский принцип — в христологических спорах его замещает человеческая природа Спасителя — с их точки зрения не имеет самостоятельного существования). Монофелиты позднее, признавая в отличие от монофизитов, две природы в Христе, выражали ту же манифестационистскую тенденцию, утверждая наличие в Нем **единой** , божественной воли.

Помимо апостола Павла гностические и манифестационистские доктрины выбирали своими предпочтительными авторитетами апостола Иоанна Богослова и апостола Андрея. Некоторые гностические круги выделяли также апостола Филиппа, апостола Фому и Марии Магдалену в качестве носителей особой закрытой линии христианского эзотеризма. Позже именно к этим фигурам обращались те христианские эзотерики, религиозные реформаторы и ересиархи, которые и после утверждения никейского символа продолжали явно, тайно или полутайно отстаивать те же самые манифестационистские принципы, что и их «отлученные» и «анафемствованные» предшественники.

"Эллинское" христианство особенно широко развивалось на Ближнем Востоке, в Каппадокии, Анатолии, Александрии и Греции. То есть там, где в той или иной степени существовала развитая «эллинская» культура, вбиравшая в себя местные сакральные формы в поисках синтеза. В христианском богословии Павла множество спиритуальных и инициатических течений «эллинского» мира нашли свое богооткровенное завершение,

---

[5] От. Г. Флоровский говорит в этом случае очень точно об «антропологическом минимализме»

подтвердившее и «опечатавшее» божественной Благой Вестью духовные чаяния и эсхатологические ожидания представителей многих древних традиций, большинство которых прямо или косвенно имело гиперборейское, арийское происхождение (либо через Индию и Иран, либо через греков, либо через более древние волны миграции арийских племен на Ближний Восток)[6].

2.2.5. Иудео-христианство

Противоположной линией в христианской догматике была иудео-христианская тенденция, получившая свое наиболеее полное выражение в течении «эбионитов». Основной акцент «эбионитские» христиане делали на креационистском истолковании пришествия Христа, который с их точки зрения был последним из череды пророков, т. е. боговдохновенным человеком, посланным Богом-Творцом для исправления нравов избранного народа и для объявления о спасении Израиля. Эбиониты были очень близки к зелотам, иудейской националистической группировке, стремившейся освободиться от политического контроля Рима.

Эбиониты или иудео-христиане полностью отрицали все богословие апостола Павла. Они считали, что иудейский закон не отмененен, что спасение предназначено только иудеям и никак не «эллинам» (т. е. всем неиудеям), что необходимо соблюдение всех иудейских обрядов (начиная с обрезания), что Христос не Бог и не Сын Божий, а человек, что Бог един, и никак не троичен, что реальность остается принципиально той же самой, несмотря на пришествие Христа и т. д. В целом к эбионитам были близки «ессеи», крайняя аскетическая иудейская секта.

Фактически иудео-христианство ничем не отличалось от ортодоксального иудаизма, кроме утверждения, что мессия, обещанный пророками уже пришел и что эсхатологическая эпоха для Израиля уже началась.

Эбионитская община состояла из учеников Иоанна Крестителя (позже они отделились в особую секту — мандеев, почитающих Иоанна Крестителя и отвергающих Христа), зелотов, ессеев и некоторых апостолов. Центральной фигурой креационистского направления в раннем христианстве был апостол Иаков, брат Господень, бывший главой иерусалимской христианской общины. Именно Иаков в "Деяниях Апостолов" укоряет апостола Петра в том, что он согласился с мнением апостола Павла о возможности принятия в христианскую церковь неиудеев. Именно к этой иудео- христианской тенденции примыкал и апостол Петр (Симон Зелот), ставший основателем Римской церкви и центральной фигурой католической традиции.

В отношении апостола Петра Ю. Николаев приводит крайне важную деталь из ранне-христианской жизни. По его утверждению многочисленные раннехристианские легенды, которые повествуют о о духовном противостоянии апостола Петра и Симона Мага, о обоюдных чудесах и финальной победе Петра, в изначальном варианте вместо фигуры Симона Мага говорили об апостоле Павле, противопоставлявшемся апостолу Петру. В первые века церкви Петр и Павел рассматривались как антагонисты, как выразители противоположных метафизических и онтологических взглядов, и лишь впоследствии церковь по историко-политическим соображениям постаралась скрыть и замаскировать это противоречие, перенеся всю тяжесть анафемствования на заведомых еретиков, таких как Симон Маг или гностики. Как бы то ни было, само сочетание Петра и Павла, которое часто повторяется в названии соборов, мест и городов, с точки зрения христианской догматики говорит о совмещении, наложении друг на друга манифестационистской (апостол Павел) и креационистской (апостол Петр) точек зрения. Кстати, именно такое решение закреплено и в

---

[6] По поводу миграций гиперборейцев, народов Туата из северно-атлантического центра Мо-Уру см. Herman Wirth «Aufgang des Menschheit»

никейском символе Веры, где Первое лицо Троицы именуется и Творцом (иудео-христианское понимание) и Отцом ("эллинское", гностическое понимание). Но тем не менее, искусственное примирение этих двух позиций ничего не изменило в напряженности внутренней духовной борьбы.

Эбионитская линия позже воплотилась в арианской ереси. Арий утверждал как и иудео-христиане лишь человеческую природу Христа, хотя и не настаивал на необходимости соблюдения иудейских обрядов. Как бы то ни было, дух арианства основывался на креационистском видении Вселенной, где человеку отводилась роль духовного восхождения по тварным степеням и достижения аскетического самосовершенствования **без** возможности радикального преображения человеческой природы в Природу Божественную. Арианство отрицало Троичность Божества и примыкало к общей иудео-христианской метафизике унитаризма, креационистского семитского Единобожия.

Позже смягченный вариант арианства воплотился у ересиарха Нестория, который соглашаясь со многими постулатам «тринитаристов» и «эллинохристиан» отказывался все же от использования термина «теотокос», «Богородица» применительно к Деве Марии. Несторианство было одним из последних ярких проявлений эбионитского, иудео-христианского духа, но уже вынесенного за рамки чисто иудейского контекста.

От эбионитов до несториан развивалось в раннем христианстве чисто креационистская линия, противопоставляемая радикальным манифестационистам — от гностиков до монофелитов.

2.2.6. Никейский символ и продолжение противостояния

Эпоха догматических споров христианской церкви закончилась принятием никейской редакции символа Веры, где нашли свое выражение базовые формулы христианской религии, ставшие отныне непоколебимой реальностью ортодоксии. В никейском символе закреплены основные постулаты «эллинской» линии богословия, идущей от апостола Павла — догмат о божественности Сына, о его нетварности, об Отечестве первого лица Святой Троицы, о нераздельной и неслиянной Троичности Божества, о достаточности крещения для воцерковления и т. д. Но все же есть в нем и некоторые ограниченные компромиссы с иудео-христианской линией — Бог-Отце назван также «Творцом», акцентируется человеческая природа Христа ("и вочеловечшася…, и страдавша…") и т. д. Отныне христианской ортодоксией стало считаться только такое вероучение, которое соответствовало никейским формулам, а любое отклонение и в" эллино-гностическую" и в «эбионитско-арианскую» сторону автоматически попадало в разряд ересей.

Основной дух посленикейской церкви католической и православной был в целом «эллинским». Христианство получило распространение особенно среди арийских народов, и география христианизации континента почти точно (за исключением Ирана и Индии) совпадает с зоной обитания индо-европейской расы. Именно там, где дохристианские традиции были по преимуществу манифестационистскими, христианство получало признание и становилось главенствующей религией. Более того, часто дохристианские арийские традиции гармонично сочетались с новой верой, вплетая свои инициатические сакральные сюжеты в конкретную историю церкви. Ветхозаветные тексты по указаниям святоотеческой традиции толковались церковью в сугубо христианском, т. е. **символическом** и даже **манифестационистском** ключе, и наиболее общее христианское богословие в метафизических вопросах проделывало с ветхозаветным преданием ту же операцию, что и эзотерическое толкование «Корана» суфиями.

В качестве экзотерической части церковь приняла римское право и традиции сакральной империи, так что креационистская перспектива, свойственная иудео-христианству была вытеснена на периферию христианского мира. Фактически никейская догматика и имперская этика "христианского мира" означала триумф манифестационистского, арийского духа, и некоторый компромисс с иудейским началом,

заложенный в символе Веры, до поры до времени не играл существенной роли для христианской истории белых народов.

И однако, то, что заложено в потенции рано или поздно должно было реализоваться, и иудео-христианская линия, линия "христианского креационизма" должна была проявиться в истории. Впервые это сказалось в расколе западной католической и восточной православной церквей. Церковь святого Петра, Рим, в этой полемике символически воплощал в себе «иудео-христианский» аспект, противопоставленный православной церкви святого Андрея, одного из высших авторитетов «эллинской» линии. Более того, Православная церковь была генетически связана с созерцательной традицией "восточных отцов", которые изначально тяготели к гностической перспективе в противоположность более практическим и бытоустроительным устремлениям "западных отцов". Рим начиная с определенного момента вступил в борьбу с империей, и такое противопоставление реальностей, которые должны в нормальном случае быть иерархически соподчиненными, привело постепенно к акцентированию католицизмом креационистских и отчасти иудейских элементов, противопоставляемых «языческой», имперской сакральности. (Это противоречие вылилось в знаменитую борьбу гвельфов и гибеллинов, т. е. сторонников чистой теократии и сторонников священной империи). На востоке в землях православия ничего подобного не происходило, и духовная власть митрополитов и патриархов никогда не вступала в конкуренцию со светским могуществом царей, властителей империи.

Но скрытая войны между манифестационизмом и креационизмом никогда не прекращалась и после принятия никейского символа веры. Иногда она проходила тайно, в рамках акцентов, расставляемых в догматах, признанных ортодоксальными. В самые резкие моменты она выливалась в восстание ересей, в реформы, расколы, секты и религиозные сражения. Ересь «жидовствующих» в России или кальвинизм в Европе были всплеском «эбионитской» линии в ее крайних формах. Альбигойство и богомильство, напротив, представляли собой радикально «эллинскую», гностически-арийскую реакцию на метафизическую «иудаизацию» христианства. Как бы то ни было, в рамках христианского мира, в отличие, к примеру, от исламской цивилизации или иудаизма диаспоры, противостояние креационистского и манифестационистского метафизических подходов было драматическим и постоянным процессом, не прекращающимся ни на мгновения. И именно диалектика этого процесса как нельзя лучше объясняет тайную историю двух тысячелетнего христианского мира, историю, пронизанную невидимой и яростной борьбой **двух** непримиримых противников, стремящихся утвердить свою истину через хитросплетение теологических формул, через конвенции исторических и национальных интриг, через войны и заговоры, через культурные диверсии и военные репрессии, через провокации расколов и организации крестовых походов, через мученичество и обман, мужество и прямодушие, через ограниченность масс и гениальность элиты, через грех и святость, через добро и зло…

2.2.7. Лунный череп Адама

В ходе изучения противостояния манифестационистской и креационистской позиций мы натолкнулись на любопытную деталь, касающуюся альбигойской доктрины. Альбигойцы (или катары), напомним, были средневековыми еретиками, исповедующими крайнюю гностическую теорию "злого демиурга" и отрицающими римскую церковь как предавшую заповеди истинного христианства, христианства апостола Павла и Иоанна Богослова. Любопытно, что у некоторых направлений альбигойцев существовала идея относительно того, что Иоанн Креститель был на самом деле "посланником злого демиурга", и его миссия заключалась в фальсификации учения Христа, посланника "доброго бога" и в конечном отрицании спасительной Благой Вести Сына Божьего. Такое отношение к Иоанну Крестителю имеет несколько объяснений, каждое из которых освещает тот или иной аспект эзотерического понимания важнейших метафизических проблем. Перечислим наиболее

интересные интерпретации альбигойской неприязни к Иоанну.

1) *Клаудио Мутти, известный итальянский эзотерик, выдвинул гипотезу, что альбигойцы так относились к Крестителю, поскольку существует этимологическая и сакральная двусмысленность в термине «антихрист». Это слово писалось и как «антихрист» ("противохристос") и как «антехрист» ("предшествующий Христу"). Иоанн Креститель, действительно, "предшествовал Христу", следовательно по-гречески он может быть назван «антехрист». Выдвинув это остроумное объяснение, профессор Мутти добавил, что в вопросах ересиологии часто мы сталкиваемся с искаженным и превратным толкованием символизма. (Иными словами, он не придал данному факту серьезного эзотерического значения).*

2) *Если вспомнить отношение гностиков к богу "Ветхого Завета" как к "злому демиургу", то Иоанн Креститель, который согласно официальной догме церкви являлся последним из пророков, Илией, замыкающим цикл ветхозаветной сакральности, также попадает в разряд теологически негативных фигур. В таком случае, объяснение Клаудио Мутти из чисто этимологического смешения переходит в разряд богословской догмы, свойственной гностическому пониманию священной истории. Иными словами, последний ветхозаветный пророк становится для радикально антииудейских альбигойцев последним воплощением метафизической лжи, проистекающей из "злого демиурга", т. е. настоящим «антихристом».*

3) *Как подтверждение альбигойского гностицизма можно привести в пример ближневосточную секту мандеев, которая до сих пор почитает Иоанна Крестителя как высшего из пророков и как "подлинного мессию", духовный свет которого был затемнен "лжемиссией Иисусом". Таким образом, симметрично «эллинскому» эксцессу катаров существует иудейский, эбионитский эксцесс мандеев, что доказывает неслучайность и осмысленность такого толкования фигуры Иоанна Крестителя.*

4) Есть и еще одна символическая деталь. В православном (и католическом) церковном календаре праздник Иоанна Крестителя празднуется 24 июня, т. е. в непосредственной близости с днем летнего солнцестояния. Этот день в индуистской традиции назывался «питри-яна», "путь предков", так как солнце, начиная с этого момента отправляется по нисходящей, в мир мертвых. Римляне называли этот день Janua Inferni, дословно "нижняя дверь" или "адская дверь". И в соответствии с этим символизмом некоторые западные герметические организации напоминали изречение самого Иоанна Крестителя "ему должно расти, мне умаляться". ("Ему", т. е. Христу, чье рождество совпадает с противоположной точкой года, с зимним солнцестоянием, которое называлось у индусов «дева-яна», "путь богов", а у римлян "Janua Celesti", "небесная дверь".) В масонстве существует выражение праздники "двух Иоаннов", где "летний Иоанн" — Иоанн Креститель и день летнего солнцестояния, а "зимний Иоанн", Иоанн Богослов, чей праздник располагается близко к зимнему солнцестоянию. И недаром "летний Иоанн", Иоанн Богослов считался покровителем манифестационистских, гностических, «эллинских» течений в христианстве, а "летний Иоанн", Иоанн Креститель, напротив, является патроном иудео-христианских кругов.

5) *И наконец, последний важный эзотерический момент, связанный с Иоанном Крестителем, заключается в символизме его мученической смерти через декапитацию, т. е. отрубание головы. В некотором смысле в христианском символизме голова Иоанна Крестителя стала основной характеристикой в его иконописных и скульптурных изображениях. В православном литургическом календаре празднуются три дня "обретения головы Иоанна Крестителя", что подчеркивает сакральную значимость и особость его смерти. На первый взгляд, можно соотнести символизм декапитации с началом движения солнца вниз — солнце, как отрубленная голова святого, катится все ниже и ниже к горизонту, а в полярных регионах даже зрительно исчезает "под землей", в темноте полярной ночи. Но существуют и иные более глубокие толкования этого символизма.*

В христианской традиции есть еще один важнейший сюжет, связанный с головой или с

"мертвой головой", "caput mortuum". Речь идет о Голгофе, холме, на котором был распят Спаситель. Имя этого холма в переводе с древне-еврейского означает «череп» или "мертвая голова", так как по преданию именно там была захоронена голова первого человека, Адама. Этот "череп Адама" фигурирует на традиционном изображении распятия **под** крестом с телом (или одним ликом) Иисуса Христа. В этом и историческое указание на Голгофу и элемент христианской доктрины, утверждающей, что Христос есть Новый Адам (он изображен на кресте), пришедший спасти Ветхого Адама (он изображен в виде черепа под крестом). Иными словами, череп, отсеченная голова или мертвая голова ассоциируется в христианском символизме с "Ветхим Адамом", "Ветхим Человеком", т. е. с тем состоянием человечества, в котором оно пребывало до прихода Мессии, Христа-Спасителя. Но если теперь мы вспомним метафизическое трактование миссии Воплощения Сына в богословии апостола Павла, где Ветхий Адам соотносится с "эрой Закона", т. е. реальностью, подчиненной логике «Творец-Творение», а Новый Адам, Христос, с переходом к логике «усыновления», т. е. манифестационизма, станет совершенно ясно, что «голова», «череп» служит отличительным образом именно "тварной Вселенной", символом креационизма по преимуществу, печатью мировоззрения, основанного на принципе семитского, «эбионитского» отношения к реальности.

В принципе изображение Иоанна Крестителя с отрубленной головой (на некоторых новгородских иконах Иоанн Креститель написан с головой на плечах, но созерцающим при этом свою собственную отрубленную голову!) точно соответствует его позиции **последнего** ветхозаветного пророка, последнего звена в цепи людей, принадлежащих "сени законной", но предвещающих приход «благодати». Голова первочеловека Адама и отрубленная голова Иоанна Крестителя суть две символические точки сакральной истории, протекающей б е з прямого участия божественного присутствия, **без** Сына. Эти две головы суммируют эпоху под знаком «Творец-Творение».

Исследуя символизм «головы», "отрубленной головы" или «черепа» мы собрали довольно много мифологических сюжетов, касающихся декапитации, "говорящих голов" и т. д. Анализ этих сюжетов завел нас довольно далеко в хитросплетения традиционного символизма, так как в каждой конкретной традиции сходный сюжет имеет свою собственную мифологическую и инциатическую нагрузку. Так черепа неизменно присутствуют в Шиваистских культах, особенно у шакти Шивы — Дурги, Парвати, Кали, а также в тибетском буддизме и ваджраяне, где "отрубленные головы" означают инициатический переход от профана к посвященному, символизируя "инициатическую смерть". Таков же смысл черепа и при посвящении в первую степень «ученика» в масонском обряде. Клаудио Мутти заметил со своей стороны, что в некоторых суфийских тариках видение собственной декапитации во сне является знаком достижения одной из первых мистических «стоянок» ("макам"), т. е. эзотерических степеней духовной реализации посвященного. Аналогичные темы встречаются и в шаманских инициациях.

Явно архаическим инициатическим сюжетом, связанным с головой, является индуистский миф о декапитации Дакши разъяренным Рудрой во время жертвоприношения на горе Химават, символизирующей Ось Мира и точку зимнего солнцестояния (кстати, миф уточняет, что голову Дакши боги так и не нашли и были вынуждены приставить ему голову антилопы[7]. Так же важен скандинавский миф о говорящей голове великана Мимира, с которой советуется Один[8]. Но самый простой и естественный аспект символизма головы

---

[7] Созвездие мрига-ширша, т. е. «голова антилопы» — в греко-римской астрологии созвездие Орион — играет чрезвычайно важную роль в индуистской доктрине космических циклов. На эту тему см. Bal Ganandhar Tilak «Orion».

[8] Показательно, что с головой Мимира в Эдде связана эсхатологическая тема — Один приезжает советоваться с ней, когда слышит звуки рога Хеймдаля, оповещающие о начале рагна-рекрр, «сумерках богов». Этот эсхатологический характер головы Мимира прекрасно сочетается с функцией головы Иоанна Крестителя и циклическим характером индуистского созвездия «мрига-ширша», т. е. нашего Ориона.

долгое время ускользал от нас, несмотря на его очевидность и даже банальность.

Евгению Головину мы обязаны указанием на этот забытый нами аспект символизма «головы». Он обратил наше внимание на тот простой факт, что голова символизирует «мозг», ментальность, т. е. рациональную способность индивидуума. Если учесть такое простое соображение мы придем к тому, что говорили несколько выше о вырождении креационистского мировоззрения вплоть до профанического рационализма. Если в своем «высшем» измерении символизм головы относится к Ветхому Адаму, т. е. к полноценной и завершенной креационистской метафизике, свойственной полноценной иудейской традиции, то в «низшей» своей проекции тот же символ означает предел десакрализации креационизма и его вырождение вплоть до чисто рассудочного, аналитического, вивисекторского отношения к реальности, свойственного современной профанической цивилизации. Иными словами, отрубленная голова может быть взята как образ десакрализированного, рассудочного мира, как образ царства человеческого разума, объявленного Французской революцией и эпохой Просвещения. И в данном случае декапитация короля в ходе Французской революции, и вообще изобретение гильотины в эту эпоху, приобретают сугубо символическое значение, связанное с последними количественными и чисто негативными интерпретации традиционного символизма.

Заметим, что в эзотерической традиции голова однозначно соотносится с луной, с лунным принципом, так как в согласии с сакральной анатомией человека, мозг лишь отражает (как луна отражает лучи солнца) свет идей, бьющий из центра человеческой души. Значит символ головы должен иметь **лунный** , отражающий характер, описывающий те реальности, которые существуют не сами по себе, а в качестве отражений, в качестве теней.

Символизм Луны как нельзя лучше соответствует креационистскому взгляду на Вселенную, так как Творение понимается здесь именно как **отражение** Творца, сущностно отличное от Него и следовательно, всякая трансформация лунной реальности в солнечную заведомо исключается.

Итак можно утверждать, что печатью креационистского мировоззрения должны являться символы «головы», «черепа» и «луны». В выборе именно этих знаков нет ничего случайного, так как они точно выражают метафизический смысл креационизма. И показательно, что одна из однозначно креационистских (на экзотерическом уровне) традиций — ислам — своим основным знаком имеет именно полумесяц, знак Луны.

Переходя теперь на собственно конспирологический уровень, можно утверждать, что все сознательные носители креационистского подхода объединяются в некоторое тайное общество, в **"Орден Мертвой Головы"** , цели и задачи которого заключаются в утверждении примата именно такого метафизического взгляда на природу реальности. Особенно активен этот "Орден Мертвой Головы" в христианском мире, где догматический компромисс никейской формулы оставляет теоретическую возможность для акцентирования креационистской теории и где отсутствует строгое деление на эзотерическую и экзотерическую области, что позволяет вести идеологическую работу в креационистском ключе на самых различных уровнях — от церковных постановлений и инспирации ересей до политико-государственных интриг и культурных и научных инфильтраций определенных идейных влияний. При этом спектр деятельности "Ордена Мертвой Головы" крайне широк — он простирается от религиозных и духовно-догматических утверждений креационистских концепций (что в рамках христианского мира можно совокупно назвать суммой иудейских или исламских, т. е. собственно «авраамических» догматических влияний) до низшего профанического рационализма, проповедуемого атеистической культурой и наукой и культивируемого масонскими ложами и поздне-протестантскими «сектами».

"Орден Мертвой Головы" может быть назван также "Орденом Лунопоклонников", и такое отождествление отсылает нас к предыдущим исследованиям, где мы уже затрагивали эту конспирологическую проблематику.

2.2.8. Крестоносное Сердце

Если преимущественным символом креационизма является «голова» и «луна», т. е. тайной печатью манифестационистской идеологии логически должно быть «сердце» и «солнце». Сердце и солнце являются синонимами в эзотерической анатомии человека, и такое соответствие было признано во всех сакральных традициях. Важно подчеркнуть вслед за Геноном, что сердце никогда не было в традиции синонимом чувства, сентиментальности, эмоциональности и т. д. Такое отношение к сердцу — продукт деградации и непонимания основополагающих аспектов духовной структуры Вселенной, свойственных нашей десакрализированной цивилизации. На самом деле, сердце соответствует Уму, Интеллекту, т. е. наиболее высокому и духовному качеству человеческого существа. Традиция не только не отождествляет Ум и Рассудок, она противопоставляет эти два понятия. Ум, Интеллект — это активное духовное божественное свойство человека, благодаря которому он способен не только лицезреть Принцип, но и отождествляться с ним. Ум — это потенциально внутреннее Божество в человеке, это Божественное Присутствие, духовное и трансцендентное «Я». Реализация Ума есть «обожение». Рассудок, напротив, есть вторичное качество. Он лишь отражает духовные лучи Ума, раскладывает, разлагает на аналитические фрагменты цельные божественные влияния. Если сердечное, интеллектуальное «Я» человека сверхиндивидуально, то рассудочное, головное «я» — сугубо индивидуально. Рассудок, как и луна, живет отраженным заимствованным светом. Сам по себе он холоден и черен. Сердце и Ум, напротив, имеют источник духовной жизни в себе. Они единосущные Высшему Принципу, и на потенциальной возможность актуализации этого тождества основаны все инициатические практики.

Так и индивидуальная душа холодна и темна само по себе. Она озаряется и оживляется только сверхиндивидуальным Божественным Светом, искрой Святого Духа.

Как солнце само по себе светит всегда, а луна циклически светлеет и темнеет, так и принцип Ума, Сердца относится к Вечности, к Постоянству, к Неизменности, тогда как Рассудок, индивидуальность, низшее «я» человека подвержены циклическим колебаниям между жизнью и смертью, между ясностью и тьмой, между бодрствованием и сном.

Сердце — печать позиции манифестационизма. И весь символизм, связанный с сердцем, имеет прямое отношение к "**Ордену Живого Сердца** ", к тайной метафизической организации, объединяющей носителей «эллинского», арийского, гностического духа, противопоставляемого креационистской идеологии «Творец-Творение».

Очень важно отметить следующий факт. В инициатическом индуистском учении о чакрах, особых сакральных центрах субтильного человеческого организма, сердечная чакра, анахата- чакра, символизируется четырех лепестковым лотосом. Четыре лепестка символизируют четыре элемента. В центре же лотоса, согласно йогической доктрине, пребывает пятый элемент, «акаша» или эфир, синтез всех остальных элементов. «Акаша» пребывает в маленьком желудочке сердца, это место называется также «брахмалока», "место Брамы", т. е. сакральный центр, где телесный и душевные аспекты человека соединяются с его духовной, божественной природой.

Этот же символический комплекс заключен и в главном сакральном знаке христианской традиции — в Кресте. Эзотерическое толкование Креста схоже по смыслу со значением четырех лепесткового, сердечного лотоса в индуизме. Крест — это четыре ориентации пространства, четыре элемента, четыре реки рая и т. д. На пересечении этих компонентов находится уникальная точка — точка Вечности, откуда все исходит и куда все возвращается. Это — полюс, центр, земной рай, Божественный правитель реальности, Король Мира. Особым образом этот «пятый», интегральный элемент, Божественное присутствие, "высшее Я", проявлен в символе "вращающегося креста", т. е. **Свастики** , которая акцентирует неподвижность Центра, Полюса и динамическую природу периферийных, проявленных элементов. Свастика, равно как и Распятие, была одним из

предпочтительных символов христианской традиции, и особенно она характерна для «эллинской», арийской, манифестационистской линии. Но и само Распятие имеет сущностно то же эзотерическое значение. Пятый элемент здесь — сам Христос, Бог-Слово, Имманентная ипостась Божества, Иммануил, "С НАМИ БОГ". В принципе Свастика тоже является символом Христа, так как в ней заключена та же эзотерическая идея, только несколько менее связанная с историческими деталями Воплощения Слова.

Крест — символ Сердца и Центра. Если в экзотерическом христианстве Крест ассоциируется со страданием Христа-Человека, то в эзотерическом контексте — это символ Победу, Триумфа и Славы. Крест — символ Неба и Духа, Божественной реальности. И видение Креста императору Константину со словами "in hoc signo vince" — "в этом знаке победишь" — было не только указанием на необходимость христианизировать Римскую империю, но и эзотерическим откровением о небесной природе Креста, о центральности манифестационистского, сердечного понимания природы Вселенной.

В этом контексте важно рассмотреть и эзотерический символизм средневековых крестовых походов. Священная война христианских крестоносцев арийского Севера против «сарацин» Юга, во основном семитов, сражавшихся под знаменем с Полумесяцем, имела характер не только религиозной, политической или территориальной борьбы, но столкновение двух мировоззрений, манифестационизма и креационизма. И не случайно, что крестоносцы, особенно члены эзотерических орденов нашли общий язык с представителями эзотерического ислама, где также как и у христиан доминировал манифестационистский подход.

Евгений Головин обратил наше внимание на важный сюжет, изложенный в "Освобожденном Иерусалиме" Торквадо Тассо, где речь идет о беседе крестоносца-христианина с отрубленной, но живой **головой** сарацина[9]. Их диалог может служить ключом к пониманию тайной борьбы двух орденов — "Ордена Мертвой Головы" и "Ордена Живого Сердца". Крестоносец произносит славословие Сердцу, которое, по его словам, заставляет рыцаря быть совершенно бесстрашным в бою, не думая о последствиях и совершая духовные подвиги. Голова сарацина, напротив, настаивает на важности рассудочного мышления, анализа и т. д. Эта беседа может быть взята как парадигма той оккультной метафизической войны, которой посвящена данная работа.

Здесь очень важно обратиться к другому сакральному сюжету — к сюжету о выживании человека после декапитации, отрубания головы. Тот факт, что жизнь в теле не прекращается даже после усекновения головы, свидетельствует символически о том, что человек полностью реализовал свою сердечную солнечную природу, достиг «обожения» и не зависит больше от тварных лунных законов "отчужденной реальности". Гностики в этом контексте говорили о необходимости "закинуть свою голову в небо", что указывало на ту же тему. Так в христианском предании повествуется о некоторых святых, которые не умирали (в отличие от Иоанна Крестителя, к примеру) несмотря на усекновение головы. Таким был, в частности, Святой Георгий, который трижды подвергался декапитации и всякий раз оставался невредимым. Не случайно именно Святой Георгий считался покровителем христианского рыцарства и убийцей Дракона. В житии Святого Георгия наличествует множество инициатических деталей, связанных с солнечной, манифестационистской, сердечной традицией. Другим известным христианским святым, с которым произошло аналогичное чудо был святой Дионисий Парижский, Сэн-Дени, и в католическом мире эта фигура долгое время связывалась с автором «Ареопагитик» (наиболее гностических из признанных церковью богословских произведений), который в свою очередь связывается со святым Дионисием Ареопагитом, учеником святого апостола Павла. И дело не в невозможности подобного отождествления с исторической точки зрения, на чем настаивают

[9] В поэме А.С. Пушкина "Руслан и Людмила" беседа Руслана с головой является калькой аналогичного сюжета из "Освобожденного Иерусалима".

сторонники критического подхода к истории, а в наличии символических и эзотерических соответствий, смысл которых с необходимостью ускользает от профанов.

Так декапитация обнаруживает иную символическую сторону. Если в случае креационистского ордена акцент падает на "говорящую мертвую голову", то манифестационисты из "Ордена Живого Сердца", напротив, выделяют факт жизнеспособности обезглавленного тела. Таким образом индуистский сюжет о Дакше, "чью голову боги до сих пор не могут найти", имеет отношение именно к образу Бессмертия и Вечности. Напомним в этой связи, что созвездие «мрига-ширша», т. е. Орион, древние египтяне называли «Озирисом», богом, расчлененным и снова возвращенным к жизни.

К этой линии декапитации относятся и алхимические предписания относительно "отрубания головы ворону", которое символизирует переход от "работы в черном" к "работе в белом". Важно заметить, что в ходе Великого Делания алхимики отбрасывают определенную субстанцию, которая не используется более в последующих операциях, и эта субстанция носит название "caput mortuum", т. е. дословно "мертвая голова". Так "солнечное делание", "operatio solis" герметиков следует сердечной инициатической традиции и работает с обезглавленным **телом** символической птицы, оставляя в стороне ее **голову** . На более поздних этапах та же операция повторяется с "голубками Дианы", которые также подвергаются декапитации. Здесь связь между луной (Диана — лунная богиня) и головой видна еще более отчетливо.

Следует подчеркнуть, что симметрично вырождения креационистской позиции от полноценной теологии до атеистического профанического рационализма аналогичное вырождение происходит с течением времени и с манифестационистской позицией, с "Орденом Живого Сердца". В этом отношении характерно то терминологическое извращение, о котором мы говорили выше и которое заключается в сентиментальном, чувственном, эмоциональном толковании всего касающегося сердца. Если "Орден Мертвой Головы" от космологического рационализма, центрированного на Творце, перешел к гуманистическому рационализму, центрированному на человеческом индивидууме и его рассудке, то "Орден Живого Сердца" прошел путь деградации от сердечного сверхиндивидуального и сверхрассудочного Интеллекта, сверхчеловеческого Духа, до внеиндивидуального, эмоционального и коллективно-человеческого сентиментализма пантеистической окраски. Вырождение солнцепоклонничества привело к остаточным смутным интуициям о оживленном космосе, о "магическом материализме", о наличии у окружающего мира несхватываемого рассудком таинственного «светового» измерения, ощущение которого порождает экстатическое опьянение и особый восторг (сходные феномены в ортодоксальной христианской доктрине называются "прелестью"). Такой "магический материализм" фактически является «язычеством», и к нему применима вся критика ортодоксальных и полноценных традиций, доказывавших несостоятельность и не полноту такого отношения к миру. Сходные феномены вырождения манифестационистских традиций можно встретить уже в древности при потере сакральными учениями своих высших метафизических аспектов, но лишь в современном мире это вырождение стало тотальным и необратимым.

2.2.9. Конспирологическая схема и оккультные связи

С конспирологической точки зрения крайне важно отметить тот факт, что даже в своем деградировавшем и выродившемся виде ориентация на "эмоциональность сердца" **радикально противоположна** ориентации на "человеческий рассудок", на "гуманистическую рациональность". Можно сказать, что трение между манифестационизмом и креационизмом не уменьшаются, не снимаются и не стираются по мере вырождения этих тенденций. При этом необходимо учитывать и тот факт, что между деградировавшим манифестационизмом и его полноценными ортодоксальными вариантами лежит бездна, и напряженность между этими двумя полюсами одной и той же ориентации

теоретически может настолько сильной, что для полноценного манифестационизма подчас более приемлем и близок полноценный теологический законченный и ортодоксальный креационизм, нежели выродившиеся и потерявшие свою аутентичность и цельность язычество или "магический материализм". То же самое верно и по отношению к креационизму, чей полноценный вариант скорее примет аутентичную манифестационистскую доктрину, нежели продукт своего собственного извращения вплоть до самодовольного рационалистического гуманизма. Одновременно может существовать и определенная солидарность между собой двух форм извращения, — «головного» и «сердечного», — солидарность, основанная на общем **отрицании** ортодоксальности и духовной полноценности, иными словами, и "магический материализм" и "механицистский рационализм" могут быть прагматически солидарны в их общем отрицании аутентичной Традиции и нормальных сакральных пропорций. И тем не менее, если взять отдельно только два продукта вырождения (а в современном мире полноценные варианты манифестационизма и креационизма, действительно представляют собой редчайшее исключение), то между ними существует глубокое и неснимаемое противоречие, радикальный антагонизм, которые наследуют всю полноту полярной противоположности тех метафизических образцов, извращенными пародиями на которые они является.

Любопытно отметить в современном мире политическую проекцию этих двух извращенных вариантов. Так вырождению манифестационизма соответствуют коммунизм и социализм, а вырождению креационизма — капитализм и либерализм. Оба эти политические идеологии одинаково профаничны, антисакральны, антидуховны и пародийны, но тем не менее они жестко противостоят друг другу, порождая идеологические войны и конфликты не на жизнь, а на смерть. Если же продолжить политические аналогии применительно к полноценным традициям, то возможно соотнести манифестационизм с имперским и феодальным строем, а креационизм — с теократией и рабовладением.

Можно предложить следующую схему конспирологических соответствий:

Манифестационизм | **Креационизм**
эзотеризм | экзотеризм
солнцепоклонничество | лунопоклонничество
Крестоносное Сердце | Мертвая Голова
(империя, феодализм) | (теократия, рабовладение)
Язычество | **Профанизм**
пантеизм | механицизм
«магический материализм» | рационализм
(социализм, коммунизм) | (капитализм, либерализм)

Итак теоретически можно выделит не **два, а четыре** конспирологических модальности, каждая из которых имеет как свои отличия и так и определенную близость с остальными. Самыми радикальными противоположностями, не имеющими практически никаких точек соприкосновения являются полюса, расположенные по диагонали друг к другу. Так эзотерический манифестационизм практически не имеет ничего общего с профаническим рационализмом, а полноценный креационизм совершенно чужд "языческому пантеизму". О возможности прагматического союза остальных сочетаний мы уже говорили несколько выше.

К этой схеме, однако, нельзя относиться как к абстрактной модели, каждый элемент которой сопоставим с другими и в целом качественно равновелик им. Во-первых, манифестационизм иерархически **выше** креационизма, поэтому в их противостоянии именно манифестационизм имеет монополию на истину, а креационизм стремится к неправомочной узурпации центральной роли, по крайней мере там, где нормальное соотношение не признается обоими полюсами. Отметим, что в христианском мире правомочное соотношение никогда не были **догматически** подтверждено со своей метафизической однозначностью и определенностью (в отличие, к примеру, от ислама).

Следовательно, даже в периоды существования традиционной цивилизации сторонники "Ордена Мертвой Головы" выполняли **"подрывную"** миссию, направленную на узурпацию и нарушение истинных сакральных пропорций.

Во-вторых, по мере перехода от сакральной цивилизации к профанической, самостоятельность эзотерических и религиозных систем применительно к широкой социально-политической реальности постоянно сокращалась, и следовательно на первый план выходили не противоречия между нижними и верхними элементами схемы, но горизонтальные противоречия между двумя **нижними** элементами. Политически это легко проследить в постепенной смене альянса капиталистических и социалистических идеологий, направленных против останков феодально-теократической социальной модели, на противоречия и агрессивное противостояние этих идеологий (капиталистической и социалистической) друг другу.

В-третьих, существует и еще один важнейший и сугубо конспирологический момент в диалектике отношений меду собой четырех элементов данной схемы. Дело в том, что сам процесс деградации традиционной цивилизации является циклической необходимостью, вписанной в планы божественного Провидения, отрицать которое не может никакое полноценное традиционное учение. Но в то же время, и манифестационистская и креационистская позиции стремятся сохранить свои обоюдные различия несмотря на ту «гравитационную» тенденцию сакральной истории, которая неумолимо влечет цивилизацию к низшей онтологической точке — к точке "земного ада". Следовательно, теоретически должна существовать оккультная, невидимая для внешних глаз связь между высшими и низшими полюсами обоих позиций, связь, продолжающаяся **вопреки** внешней враждебности феодализма и социализма с одной стороны, и теократии и капитализма с другой. Этот момент является самым существенным и самым важным для нашего исследования.

После удаления сакральных полноценных социально-политических формаций, традиционных обществ, с исторической сцены и после наступления царства повального профанизма, чисто духовные ордена и религиозные организации, сохраняющие знание истинных метафизических пропорций каждой из двух основных космологических позиций (манифестационизма и креационизма), становятся оккультными силами, невидимыми факторами, тайно влияющими на те вырожденческие типы социально — идеологических систем, которые являются продуктами извращения их собственной изначальной парадигмы.

Иными словами, в центре каждой идеологий, расположенных внизу нашей схемы, тайно стоит оккультная тенденция, помещенная на схеме вверху, непосредственно н а д нижним элементом.

"Орден Живого Сердца", начиная с того момента, когда его адекватная и открытая деятельность под своими собственными заменами становится в профанической цивилизации более невозможной, скрывается в оккультном центре «пантеистических», «языческих», «материалистических» и "социалистических ("коммунистических") идеологий, тайно направляя некоторые течения и тенденции в рамках неадекватного в целом контекста. Следы солнечного эзотеризма, манифестационистской доктрины после определенного исторического периода следует искать в самой парадоксальной и неожиданной культурно-политической среде — среде «революционеров», "противников религии", «авангардных» художников и эволюционистски ориентированных ученых. "Антропологический минимализм" гностиков и монофизитов, и в целом всех «эллино-христиан» наследуется и внеиндивидуалистическими, коллективистскими и материалистическими идеологиями, оставаясь скрытым ядром, секретным Орденом, глубоко законспирированным в центре десакрализированных и извращенных форм "антропологического минимализма".

И параллельно этому "Орден Мертвой Головы" имеет тайное, оккультное влияние на все те аспекты профанической цивилизации, которые связаны с рационализмом,

механицизмом, гуманизмом, индивидуализмом, капитализмом и либерализмом. «Эбионитские», лунные тенденции скрыто направляют курс современной технотронной, рыночной цивилизации, основанной на эгоизме и расчетливости, на "царстве количества" (по выражению Генона) и мировой банкократии. В сфере культуры и науки им соответствуют те направления, которые воспевают центральность индивидуума, субъективизм и "общечеловеческие ценности", а также позитивистские, рассудочные нормы, базирующиеся на сциентологическом оптимизме эпохи Просвещения. В противоположность «солнечным» революционерам, современные лунопоклонники ориентированы скорее «консервативно» и не чужды своеобразной фарисейской и лицемерной религиозности (в основном морализаторской и насквозь лживой). И хотя такой рационалистический гуманизм крайне далек от полноценной креационистской религии, основанной на духовных догмах и аутентичных пропорциях, прямая связь между этими двумя явлениями не прерывается. Таким образом "Орден Мертвой Головы", исповедующий "сень Законную" и логику «Творец-Творение» скрыто управляет теми либерально-индивидуалистическими тенденциями, которые на первый взгляд основываются на совершенно отличных от религиозных, чисто профанических принципах.

Симметрично манифестационизму "антропологический максимализм" иудео-христианских теорий, вырождаясь, превращается в атеистический гуманизм и индивидуализм профанических либералов. Но и здесь, как и в предыдущем случае, в центре профанического гуманизма стоят тайные организации религиозно-креационистского типа (определенные ветви масонства, — особенно "Шотландский обряд", — некоторые католические и иезуитские организации и в первую очередь, конечно, иудейская традиция, мировая синагога, еврейская диаспора).

2.2.10. «Священная Загадка» и тайные общества Запада

Несколько лет назад вышла книга группы англо-саксонских авторов, "Священная Загадка", посвященная тайне происхождения меровингов, секретам Ренн-ле-Шато и некоторым западным оккультным организациям. Профанический тон исследования, претензия на сенсационность, обилие непроверенных, а подчас и просто ложных фактов — все это заставляет на первый взгляд отнестись к этой работе скептически, как к очередной попытке коммерческой эксплуатации оккультных тем, что стало в современном культурном контексте довольно обычным явлением[10]. Но тем не менее, данная работа содержит ряд рассуждений, имеющих прямое отношение к важнейшим конспирологическим темам, причем некоторые аспекты этой книги настолько логичны и прозрачны, что возникает подозрение — не является ли профанический и сенсационный тон книги, а также некоторые заведомые нелепости сознательным «прикрытием» для обнародования некоторых важнейших и актуальнейших конспирологических данных сознательными и компетентными эзотерическими организациями, использовавшими журналистов и историков (авторов "Священной Загадки") как «медиумов» и бессознательных «посредников». Неслучайно, сходными темами интересовались такие серьезные конспирологи, как Жан Робен, Жан Парвулеско, Анри Монтегю, Робер Амбелен и т. д.

Вкратце содержание "Священной Загадки" таково. В XI веке незадолго до появления "ордена Храма", т. е. «тамплиеров», в Иерусалиме был создан "орден Сиона" или "Приорат Сиона". Этот орден в тайне направлял деятельность тамплиеров, которые были внешним кругом самого "Приората Сиона". Этому ордену была вверена особая тайна, связанная с загадочным происхождением династии меровингов. То, что меровинги вели свое

---

[10] Кстати, сам этот факт заслуживает особого исследования, ведь такой всплеск массового интереса к оккультизму явление довольно неожиданное в лоне предельно атеистической и скептико-рационалистической цивилизации.

происхождения от одного из племен Израиля, было официальной католической легендой Средневековья, когда Ватикан стремился доказать преемственность европейских династий и ветхозаветных царей. Но "Орден Сиона", по утверждению авторов "Священной Загадки", хранил более важную тайну. Она заключалась в совершенно еретически звучащем утверждении, якобы Иисус Христос не был распят на кресте, что он был женат на Марии Магдалене, и что его потомки иммигрировали в Южную Францию, в Стене, где и положили начало спустя несколько столетий роду меровингов, который по этому является не только иудейским, но и прямо восходящим к Христу. Тайна Грааля интерпретируется авторами в соответствующем ключе. В отношении Грааля утверждается, что это якобы аллегорическое описание сохранения потомства Христа, через "sang real" ("королевская кровь"), что созвучно "Saint Graal" ("Святой Грааль"). "Орден Сиона" по сообщению авторов существует и до сих пор, и в его задачи входит реставрация правления потомков меровингов (выживших и после убийства Сигиберта IV, подстроенного каролингами) в эсхатологической и религиозной перспективе, в соответствии со средневековыми пророчествами святого Малахии и Нострадамуса о пришествии в конце истории "Великого Монарха Франции". Реально существующая таинственная гробница в Стене, бывшей столице меровингов, с загадочной надписью "in Arkadia ego" (т. е. "Я — в Аркадии") трактуется как могила самого Христа со символическим указанием на сохранение его крови через много поколений в роду меровингских монархов, подобно подземной реке, исчезающей в одном месте и появляющейся в другом.

Крайне любопытно в этом контексте одно замечание авторов, которые высказывают предположение, что "Протоколы Сионских Мудрецов" — это не документ ортодоксальных иудеев или сионистских организаций, но текст, относящийся именно к "Приорату Сиона", т. е. к «Ордену», стоящему на франко-монархических и иудеофильских позициях одновременно[11].

К линии "секрета меровингов" авторы "Священной Загадки" относят и все более или менее известные оккультные ордена и эзотерические течения Запада — от катаров, тамплиеров, розенкрейцеров до современных масонов и оккультистов. Такое совокупное причисление всех эзотерических организаций к одной и той же сфере влияний, безусловно, неправомочно. Но тем не менее, некоторые аспекты исторического проявления одной фундаментальной метафизической тенденции книга проясняет. Если отвлечься от «сенсационности» и "псевдо-фактологичности", на которую претендует данное исследование, можно усмотреть в нем повествование об исторической деятельности той секретной структуры, которую мы определили выше как "Орден Мертвой Головы". Действительно, теоретическим и конспирологическим стержнем учения "Ордена Сиона" является сугубо «эбионитское», иудео-христианское толкование Воплощения Христа, который рассматривается в этой перспективе как пророк, человек, соблюдавший все иудейские законы и предписания. В целом, эта идея переживания Христом Голгофы или как вариант подмена Иисуса на кресте другим человеком, является доминирующей линией всех иудео-христианских ересей. Весьма показательно, что точно такой же является и экзотерическая точка зрения «Корана», что вполне соответствует общему пониманию миссии Иисуса Христа исламской, креационистской и сущностно семитской традицией. "Орден Сиона", о котором идет речь в "Священной Загадке", это одна из ветвей реально

---

11 Это замечание основывается на весьма правдоподобном аргументе относительно того, что «позитивная часть программы «Протоколов Сионских Мудрецов», где говорится о установлении иудейской монархии и новой кастовой системы после уничтожения «гойских» монархий, «трефных царств», действительно несет на себе слишком заметный отпечаток собственно традиционной арийской ментальности, лишь примененной к иудейскому контексту, который, на самом деле, является совершенно инаковым в своих мессианских эсхатологических проектах, где действительно акцентируется национальная избранность евреев, но их конечное царство после прихода машиаха видится в радикально иных терминах, свойственных исключительно иудейской, еврейской ментальности, а не «иудаизированной» кальки с арийского монархизма и национализма.

существующей секретной организации, которая долгие века действует в христианском мире, и неявно стоит за **всеми** религиозными, политическими, культурными, эстетическими и научными событиями, приводящими, в конечном итоге, к гуманизации, рационализации и индивидуализации основных идеологических тенденций западной цивилизации — как в рамках христианского мира, так и после атеизации и профанизации Запада. Конечно, имена и даты, приводимые в "Священной Загадке" являются по большей частью фиктивными и ничего не говорящими. Конечно, сам "Приорат Сиона" никогда не представлял собой тот тип строго конституированной и систематизированной организации, как хотят представить это авторы. Метафизические и инициатические центры и ордена никогда не устроены наподобие обычных профанических обществ или социально-политических структур. Точнее всего будет определить "Приорат Сиона" как условное, конвенциональное обобщенное название иудейско-семитского конспирологического полюса, который реализовывал на самых разнообразных уровнях принципы того "антропологического максимализма", которые были отвергнуты христианской ортодоксией начиная с выступлений против «эбионитов», через "заушение Ария" и до "анафемствования Нестория".

"Священная Загадка" практически вплотную подводит нас к строго законспирированному "Ордену Мертвой Головы", хотя ни разу о нем самом и не упоминает. Крайне важно то указание, будто Ватикан изначально был в курсе "секрета выживания Иисуса" и "миграции его потомков в Европу", тайно признавал это и не репрессировал хранителей этой губительной для догматики тайны. Если мы переведем это «конспирологическое» утверждение на «нормальный» язык, оно будет означать, что в Ватикане всегда присутствовали представители иудео-христианской ориентации, скрыто поддерживающие те политические и социальные силы, которые стремились реализовать креационистскую идеологию. Катары, исходя из собственных гностических и радикально-эллинских традиций прямо упрекали Рим в том, что "он служит еврейскому злому демиургу, а не подлинному Богу-Отцу и его Единородному Сыну". Как бы то ни было, исходя из колебания святого апостола Петра между линией апостола Иакова (символа иудео-христианской ориентации) и апостола Павла (символа эллинско-христианской позиции) католическая организация, основанная на миссии самого святого Петра с необходимостью должна была продолжить на уровне самого института церкви традицию столь многозначительного с метафизической точки зрения **колебания** . Это означает, что в Ватикане с самого начала должны были присутствовать агенты "Ордена Мертвой Головы". Они-то аллегорически и упоминаются в "Священной Загадке" под видом католических сил, протежирующих еретиков из "Ордена Сиона".

В современном католичестве иудео-христианские тенденции стали настолько явными и очевидными, что нынешний Папа Иоанн Павел II, несмотря на свое имя, указующее на двух апостолов "эллинско-христианской" гностической и арийской ориентации, догматически признал метафизическое единство христианской и иудейской традиции, что является не только полным отступлением от христианской ортодоксии, но и радикальным отказом от духовной ориентации христианство как сакральной и религиозной традиции. Сняв с иудеев догматические обвинение в «богоубийстве», в котором запечатлелся один из триумфальных моментов арийской линии в христианстве, Папа фактически отождествил католичество как религиозный институт с «эбионитским» оккультным течением, т. е. с реализацией плана "Ордена Мертвой Головы". Показательно в этом отношении и участие Иоанна Павла II в политическом заговоре с президентом США Рональдом Рейганом, направленном на подрыв социалистического лагеря и на победу капиталистической модели общественного устройства (конкретно заговор касался организации в бывшей социалистической Польше антисоветского движения на католической основе).

Если этот касающийся Ватикана аспект действия "Приората Сиона" действительно довольно точно соответствует исторической и идеологической реальности[12], то в отношении

---

[12] В качестве примеров можно привести «креационистский» характер миссии Ватикана во время конфликта

катаров и их связи с "Приоратом Сиона" информация "Священной Загадки" является совершенно ложной и не соответствующей истине. Утверждение того, что гностики-катары, преемствующие сугубо арийскую традицию радикального метафизического «антисемитизма» и «антииудаизма», объявившие Бога-Творца "Ветхого Завета" демоном Самаэлем и т. д., были связаны с "Орденом Сиона" является грубым отклонением от истины. Скорее всего, это заблуждение возникло при сочетании двух факторов:

1) в результате устойчивой традиции в антимасонских и анти-иудейских католических кругах облыжно обвинять альбигойцев в симпатиях к «иудаизму» (на основании их терпимости к евреям диаспоры, проживавшим на Юге Франции);

2) в силу особого понимания темы Святого Грааля в иудео-христианской, «лунной» перспективе, — т. е. как секрет "выживания рода мессии", — что, исходя из устойчивого в эзотерических кругах сопряжения катаров с темой Грааля, делало якобы логичным их контакт с "Приоратом Сиона" (т. е. на самом деле, с "Орденом Мертвой Головы").

Катары, напротив, были ярчайшими представителями «солнечной», «сердечной» духовности, и вся их доктрина и метафизические акценты были однозначно манифестационистскими, хотя их манифестационизм был проблемным, драматичным и трагическим, так как между Вселенной Проявления, миром Истинного Бога (посланником и Сыном которого считался Иисус Христос, Бог-Любовь), и миром людей стояла особая "злая реальность", материальная Вселенная, сотворенная Узурпатором, "злым демиургом", поработителем изначально светлых и солнечных душ. Манифестационизм катаров, таким образом, был отчаянно антикреационистским, с особым острым восприятием серьезности той онтологической преграды, которой является сотворенная материальная Вселенная.

По поводу их связи с Граалем следует сделать несколько теоретических замечаний. Так, Святой Грааль в ортодоксальной интерпретации, а таковой является исключительно манифестационистская интерпретация, свойственная "Ордену Живого Сердца", на самом деле, символизировал собой именно **Сердце** , сакральный центр, Полюс, так как в традиционном символизме чаша (а Грааль это чаша) и сердце являются инициатическими синонимами[13]. Как сердце является вместилищем высшего «Я», Бога, ("брахмалока" в индуизме), так и Святой Грааль является инициатическим евхаристическим вместилищем живой крови Сына Божьего. Подавляющее большинство легенд из цикла о Граале носит явный отпечаток арийской, манифестационистской традиции, солнечный характер которой нельзя поставить под сомнение. Связь темы Святого Грааля с альбигойцами, безусловно, существует на чисто типологическом и инициатическом уровне, как две различные проекции единого солнечного комплекса, как две эманации "Ордена Живого Сердца". (Существуют кроме того и любопытные исследования Рене Нелли и Отто Рана, доказывающие прямую историческую связь между циклом легенд о Святом Граале и движением катаров.)

В отношении "Ордена Тамплиеров", который попадает у авторов "Священной Загадки" также в разряд организаций, контролируемых "Приоратом Сиона", дела обстоят несколько сложнее. Здесь все более туманно, так как в вопросе Ордена Храма существует очень мало источников надежной информации, на которую можно было бы всецело положиться, и судить об этой эзотерической организации приходится только на основании разрозненных фрагментов и довольно противоречивых легенд. Во-первых, их связь с солнечным святым Бернардом Клервосским, их крестоносная униформа, их гностический черно-белый флаг Босеан, их «сердечный» клич "Vive Dieu Saint Amour" ("Да здравствует Бог Святая Любовь") и некоторые другие моменты свидетельствуют об их "эллинско-христианской" направленности, об их близости "Ордену Живого Сердца". Но с другой стороны, существуют определенные детали, свидетельствующие и о прямо противоположной конспирологической

империалистов-гибеллинов и теократов-гвельфов; отделение от Восточной Православной церкви; инспирация антиальбигойского крестового похода и т. д.

[13] См. на эту тему Rene Guenon «Apercus sur l’esoterisme chretien».

тенденции храмовников. Так неоднократно на процессах упоминалось о "неприязни к Распятию" и о "ритуальному оскорблении" его. Это признак иудео-христианского или, возможно, исламского (во всяком случае, "семитского") отношения к крестным мукам Иисуса. Даже если учесть предвзятость католических врагов тамплиеров и усердие палачей, сходство многочисленных показаний рыцарей между собой свидетельствует о наличии некоторой особой эзотерической тенденции, направленной против «Христолатрии», «Христопоклонничества». Следующим моментом, подтверждающим «эбионитскую» линию Ордена тамплиеров, служит постоянное упоминание на процессе "говорящей головы" или просто "засушенных голов" (вариант — "черепов"), которые использовались храмовниками для каких-то ритуальных целей. Существует даже версия будто сам таинственный «Бафомет» тамплиеров был на самом деле "говорящей головой", а не идолом гермафродита, как сообщают иные версии. Каким бы ни было объяснение этих «голов», не возникает сомнений, что речь идет о типичной и классической печати "Ордена Мертвой Головы", что подтверждает версию о «сионском», "антропологически-максималистском" характере тамплиеров.

Как сочетать между собой эти противоположные аспекты? Логичнее всего предположить, что, на самом деле, "Орден Тамплиеров" был двойственной эзотерической организацией, в лоне которого сочетались **обе** важнейшие метафизические тенденции — как эзотерический манифестационизм, так и метафизический креационизм. Как и в случае легенды о Святом Граале, которая может быть интерпретирована двояким образом, в зависимости от внутренней позиции эзотерического общества, "Орден тамплиеров", видимо, объединял представителей двух радикально противоположных метафизических направлений, и следовательно, утверждение об их близости "Ордену Сиона" может иметь некоторые реальные основания. Кроме того, упоминание о конфликте между "Приоратом Сиона" и "Орденом Храма" в "Священной Загадке" может иметь отношении именно к возобладанию среди храмовников именно «солнечной» и «сердечной» тенденции в ущерб «лунной» и «головной». И скорее всего, изначально "Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова" был ориентирован на "Орден Живого Сердца", лишь потом вобрав в себя некоторые противоположные «лунопоклоннические» аспекты, связанные с "отвержением Креста" и ритуальным использованием «черепов».

Аналогичную двойственность можно обнаружить и в герметизме в целом, т. е. в той традиции, которая фактически была в Средневековой христианской Европе синонимом всякого эзотеризма и всякой инициации. Выше мы уже говорили о «солнечном» характере алхимии, и во многом это распространяется на герметизм в целом. Но в рамках западного герметизма существует и однозначно противоположные тенденции, которые отчасти могут быть сведены к иудейскому эзотерическому влиянию, которое, бесспорно, оказывалось на христианский герметизм на всем протяжении его существования. Евгений Головин, блестящий знаток алхимической традиции, подтвердил наши подозрения о наличии в герметизме «лунных», «эбионитских» тенденций, которые, согласно его утверждению, отчетливо различимы в работах Николая Фламеля. Показательно, что в качестве своего «посвятителя» Фламель указывает на некоего "Авраама Еврея", хотя Фулканелли и считает данного персонажа лишь обычной алхимической аллегорией, а не реальным историческим персонажем. Как бы то ни было, именно у того же Фламеля описывается в алхимических терминах паломничество в Кампостеллу, в город на крайнем западе иберийского полуострова, куда по католическому преданию чудесным образом прибыли останки Святого апостола Иакова, "брата Господня". Напомним, что именно апостол Иаков считался покровителем иудео-христианской ветви, а следовательно, символом "Ордена Мертвой Головы". Есть в алхимических текстах и откровенно иудейские пассажи. Так в одном алхимическом тексте, приписываемом Марии Еврейке, "жене Моисея", говорится "руки нееврея не должны касаться Философского Камня". Конечно, данная ориентация никогда не было доминирующей в герметизме как таковом, но ее наличие все же не может быть поставлено под сомнение. Если общепринятым правилом алхимиков была идея

"отбрасывания мертвой головы", видимо, определенная часть поступало иначе и работала именно с этой лунной субстанцией, подпадая сознательно или нет под тонкое влияние оккультного ордена, исповедующего креационистскую доктрину. Не исключено, что основоположники "научной химии", которые перенесли инициатические рецепты герметиков на уровень рациональной работы с материальными веществами, принадлежали в большинстве своем именно к «лунным» группам алхимиков, забывших о сакральных законах истинно «сердечного» делания.

Что касается «розенкрейцеров», то это тайное общество, а точнее совокупность посвященных, достигших полной реализации тех потенций, которые даются при посвящении в "малые мистерии"[14], имеет однозначно солнечный и манифестационистский характер, поскольку уже сам центральной символ — Роза и Крест — является прямым синонимом Сердца. Раскрывшийся цветок Розы означает реализацию полноты духовных возможностей. Он находится в центре Креста, т. е. на полюсе, в центре мира и человека. Роза и Крест — аналог Свастики, но при этом Роза подчеркивает, что Полярная Точка, «брахмалока», стала местом полного сосредоточения таинственных сил души посвященного. В принципе Орден "Розы и Креста" является одним из проявлений "Ордена Живого Сердца", а некоторых случаях эти две реальности просто строго отождествляются друг с другом.

Что касается более современной эзотерической системы Запада, масонства, претендующей на наследие всех предшествующих инициатических структур, — от гностиков до альбигойцев, тамплиеров и розенкрейцеров, — то здесь также как и в некоторых предшествующих случаях мы сталкиваемся с двойственной реальностью. С одной стороны, в масонстве наличествуют «солнечные» мотивы (одна из степеней "Шотландского Обряда" называется "Солнечный Рыцарь"), но с другой, доминирующими оказываются все же альтернативные «лунные» и «иудейские» тенденции. Так что характерный для христианских традиционалистов термин «иудео-масонство» имеет под собой самые серьезные основания. Более того, по мере профанизации и секуляризации, масонство все откровеннее сливается с иудейскими тенденциями в религии, политике, культуре и идеологии, которые и сами становится все более и более открытыми по мере ослабления "эллинско-христианских" догм в номинально христианской цивилизации. Очень важно отметить символизм черепа, который носят на своем кольце все масонские «мастера», т. е. посвященные в 3-ью степень. Если наличие черепа в посвятительном ритуале неофита имеет прямое отношение к символизму инициатической смерти, и тем самым влияние "Ордена Мертвой Головы" еще нельзя считать доказанным, то упомянутое кольцо «мастера», чья степень не имеет ни какого прямого отношения к инициатической смерти (скорее в ритуале инициации в 3-ью степень акцентируется воскрешение из мертвых), однозначно намекает на тот глубоко скрытый орден, который, в действительности, направляет и контролирует масонскую жизнь лож и ателье[15].

Масонство было той "лабораторией идей", откуда стал распространяться на Западе рационализм и гуманизм. "Культ Разума" эпохи Французской революции носил на себе явный отпечаток масонского происхождения. Характерно, что католики Вандеи и «шуаны», выступившие против сторонников масонского "Культа Разума" своим символом имели "Сердце Господне", "Sacre Coeur". Это прекрасно вписывается в общую логику тайной борьбы двух оккультных сил. Вообще говоря, проиудейский характер масонства

---

[14] См. Rene Guenon «Apercus sur l'initiation», где подробно излагается основное отличие посвященных «Розы и Креста» от «розенкрейцеров», как организации.

[15] Здесь можно упомянуть также о традиционном масонском приветствии, которое заключается в симолическом жесте, имитирующем вырывание масоном своего сердца и бросание его вниз. Помимо моралистического толкования о «готовности братьев пожертвовать собой ради высоких идеалов человечества», существует и более глубокое толкование, непосредственно связанное с «анти-сердчечной» миссией масонства на конспирологическом уровне.

доказывается (убедительно или менее убедительно) в сотнях антимасонских (и антииудейских) книг и брошюр, где приводится сотни примеров и аргументов. Поэтому останавливаться на этой теме специально вряд ли имеет смысл. Если же принять во внимание утверждение "Священной Загадки" о происхождении "Протоколов Сионских Мудрецов" из "Приората Сиона", то связь масонских кругов с «эбионитской», иудео-христианской тенденции окажется вполне логичной и понятной.

Следует добавить, что среди иррегулярного масонства существует и обратная в той или иной степени «солнечная» тенденция, и это тем более удивительно, что именно иррегулярное масонство основано в большинстве случаев лицами иудейского вероисповедания, которых до определенного момента не принимали в регулярные ложи. Хотя такие иудеи, как правило, были еретиками в отношении ортодоксального иудаизма. И парадоксально то, что именно из среды иррегулярного масонства, основанного при активном участии еврейских еретиков и эзотериков, в определенные моменты истории выходили наиболее активные националистические политики, причем отличающиеся довольно радикальным антисемитизмом. (Самый яркий пример этого — фигура барона фон Зебботендорфа, основателя Мюнхенской ложи «Туле», антисемитской, ариософской организации, из которой позже вышло нацистское движение, который при этом был ранее посвящен **еврейской четой** в Турции в масонскую ложу "Мемфис Мицраим", являющуюся иррегулярной и основанной в начале XIX века еврейскими братьями Беддарид)[16].

Возвращаясь к тезисам, изложенным в "Священной Загадке", следует сказать, что описанные там факты во многом являются подлинными и относятся к вскрытию оккультной деятельности "Ордена Мертвой Головы", подчас выступающей под именем "Приорат Сиона". Но в данной книге все события изложены исключительно с точки зрения позитивной оценки этого ордена, а следовательно все изложение предельно пристрастно. Об "Ордене Живого Сердца" там не упоминается ни прямо, ни косвенно. Более того, некоторые реальности, связанные непосредственно с «солнечным» орденом, — легенда о Граале, катары, определенные аспекты тамплиеров, герметиков и даже масонов, — извращаются и приписываются противоположной организации. Как бы то ни было, сам факт публикации столь открытого исследования наводит на мысль о близости некоторого переломного этапа в оккультной борьбе двух Орденов, так как в противном случае опубликовывать открыто столь важную конспирологическую информацию было бы не только неуместно, но и опасно.

2.2.11. Коррекция к трехчастной схеме «метафизических корней политических идеологий»

Интересно проследить в какие формы облекается сегодня древняя борьба двух Орденов. Очевидно, что собственно сакральная инициатическая и эзотерическая постановка вопроса в современном мире практически лишена смысла, так как даже приблизительной компетентностью в сфере метафизики и Традиции обладает сегодня микроскопическое меньшинство, причем оперативное понимание основных конспирологических проблем это удел небольшого процента от этого меньшинства. Естественно допустить, что центральные конспирологические проблемы должны проявляться в наше время через идеологические и политические реальности, понятные и доступные тому выродившемуся человечеству, которым является совокупность наших современников. Разберем этот вопрос несколько подробнее.

Следует сразу оговориться, что по мере исследования конспирологических проблем и соотношений метафизических факторов с политикой мы пришли к окончательным выводам, несколько отличающимся от той схемы, которую мы приводили в нашей статье

---

[16] Подробнее см. главу «Слепые флейтисты Азатота» из книги А. Дугина «Консервативная Революция».

"Метафизические корни политических идеологий"[17].

Напомним смысл предшествующей схемы. Там мы выделили **три** метаидеологии — полярно-райскую (крайне правую), «Творец-Творение» (центристскую) и "Волшебная Материя" (крайне левую). В целом эта схема очень удачно объясняет некоторые политические закономерности и метафизические ориентации, неявно содержащиеся в наиболее распространенных идеологиях. «Полярно-райскую» позицию мы соотнесли с фашизмом и национал-социализмом, «Творец-Творение» — с капитализмом и консервативным либерализмом, а "Волшебная Материю" — с коммунизмом и социализмом. Безусловно, некоторой исторической реальности данное распределение соответствовало довольно точно, позволяя растолковать трудно объяснимые ранее альянсы или конфликты чисто политического характера. Но продолжая конспирологические и метафизические поиски в этом направлении, мы стали замечать странные, на первый взгляд, параллели, все яснее проступающие между, казалось бы, прямо противоположными метафизическими позициями — «полярно-райской» и "волшебно материалистической". Отмеченное сходство проявлялось все отчетливее в ходе исследования оккультной подоплеки нацистских и коммунистических движений, и в конце концов, это заставило нас внести в изначальную схему некоторые уточнения.

Фактически четырех частная схема, приведенная выше, и является уточненным вариантом первоначальной модели. Имеет смысл остановиться на внесенных коррекциях подробнее.

Безусловно, сходство нацистской и коммунистической идеологий имеет определенные границы, но тем не менее, следует утверждать, что и та и другая являются политическими проекциями сугубо "**манифестационистского** " подхода и инспирированы изначально "Орденом Живого Сердца". Конечно, между полноценным «полярно-райским» гностицизмом и «эллино-христианством» с одной стороны, и пантеистическим, "волшебно-материалистическим" коммунизмом, с другой стороны, лежит бездна, но тем не менее, можно сказать, что коммунизм в его метаидеологическом измерении представляет собой предельную степень вырождения как раз «манифестационистской», «полярно-райской» доктрины. Полярно-райская идеология, где в центре Вселенной стоит сверхиндивидуальный, Божественный Субъект, относится к миру, воспринимаемому как прямая проекция Божественного Субъекта, как к сущностно **живой** реальности, наполненной излучением Сакрального Полюса, Сердца мира. Такое отношение к реальности резко контрастирует с механическим и отчужденным восприятием мира в креационистской перспективе, в рамках идеологии «Творец-Творение». В идеологии "Волшебной Материи" в сравнении с полярно-райской моделью полюса меняются на прямо противоположные — здесь уже человеческий субъект рассматривается как проекция **живого** внешнего Космоса. Но при смене акцентов сущностное отношение в миру, как к **живой** реальности сохраняется и в полярно-райском и в волшебно-материалистическом комплексе. И в обоих случаях существует глубочайшее неприятие того типологического отношения к миру, которое свойственно всем вариантам идеологии «Творец-Творение». Нацизм и коммунизм как две внешние формы выражения соответствующих метафизических тенденций реализуют на внешнем социально-политическом уровне две стороны манифестационистского подхода — нацизм сохраняет в значительно большей мере метафизический привкус присутствия в центре реальности Божественного Субъекта, а свойственное нацизму «язычество» и «эллино-христианство» (а также прямая апелляция к гностическим доктринам на уровне оккультных нацистских организаций) центрированы на субъектной фигуре Арийского Солнечного Героя, «Зигфрида», в то время как коммунизм акцентирует объектную сторону манифестационистского отношения к реальности, воплощенную в ориентации на растворение индивидуальности в окружающем космосе, в коллективной бытии, в

[17] См. «Милый Ангел» № 1 и книгу А. Дугина «Консервативная Революция».

психическом океане животворного хаоса. Надо заметить, что «коммунистические» пантеизм и коллективизм были отчасти свойственны и некоторым духовным и культурным течениям в самом нацизме (и в этом проявилась его сугубо современная, нетрадиционная природа, которую справедливо критиковали «справа» многие традиционалисты), и обратно — определенный «вождизм», «персонализм» и «солнцепоклонничество», неотъемлемые от нацизма, проявлялись в определенных чертах социалистического общества. Показательны в этом отношении документы, обнаруженные нами в архивах, где упоминается о создании во Франции конца 20-х годов масонской ложи «Аггарта», которая ставила своей задачей изучение арийских цивилизаций и нордических сакральных традиций и которую возглавляли при этом… коммунисты, советские агенты и бывшие функционеры советского правительства! Надо добавить в этому, что «Аггарта» — это подземная страна, где согласно тибетским преданиям пребывает "Король Мира", Шакра-варти, Невидимый Император, чьим преимущественным символом является именно Сердце[18].

Теперь обратимся к идеологии «Творец-Творение», в которой также можно выделить **два** уровня, которые будут противоположны друг другу симметрично тому, как противоположны **два** уровня манифестационизма. Идеология «Творец-Творение» на антропологическом уровне постулирует видение человека как "автономной тварной индивидуальности", преображение или «обожение» которой **невозможно** ни практически, ни теоретически. Именно между такой человеческой «индивидуальностью», "субъектом-изгнанником", и строго трансцендентным Творцом разворачивается в полноценном креационизме драматический религиозный диалог, основанный на диалектическом чередовании «преступлений» и «покаяний» со стороны «индивидуума», и соответствующих им «наказаний» и «прощений» со стороны Творца. И все это происходит на фоне качественно мертвого мира, представляющего собой как бы искусственную декорацию нескончаемого диалога между человеком и Богом. В религиозной версии креационизма акцент неизменно ставится при этом на Творце, а индивидуум и его судьба понимается в пессимистических, трагических и мрачных тонах. Но при переходе к рационалистическому гуманизму пропорции меняются. Далекий трансцендентный Бог становится настолько абстрактным, что просто выпадает из поля зрения индивидуума, и человек остается один на один с самим собой, провозглашая себя единственной "мерой вещей" и "царем творения". Пессимизм религиозного индивидуализма превращается в индивидуалистический, гуманистический оптимизм, основанный на вере во всемогущество рассудка и личной инициативы. Человек-тварь ставит себя на место Бога-Творца, но происходит эта смена полюсов на фоне сущностной одинакового, безжизненного, механического мира — мертвой декорации, бездушной машины, которая, однако, из божественно-непознаваемой превращается в принципиально познаваемый и исчисляемый человеческим рассудком механизм, своего рода "вселенский аппарат". Так в рамках капиталистической социально-экономической модели, которая является политической проекцией идеологии «Творец-Творение», можно наметить **два** типа общества — одно теократически ориентированное, другое гуманистически ориентированное. Яснее всего данное противоречие реализуется в конфликте между странами "исламского капитализма" и странами "прогрессивного Запада". Конечно, здесь нет такого яркого различия, обозначенного морями человеческой крови, как между нацизмом и социализмом, и поэтому сущностная **двойственность** идеологии «творец-Творение» поначалу ускользнула от нашего внимания, но все же она существует и единство происхождения из креационистской метафизики в исторической реальности может проявляться в диалектически противоположных формах.

Итак, в политической реальности современности два метафизических ордена — "Орден

---

[18] Подробнее об этом см. Рене Генон «Царь Мира», русский перевод В. Стефанов в «Вопросах Философии», 1993 год.

Живого Сердца" и "Орден Мертвой Головы" — проецируются на следующие политические реальности. "Орден Живого Сердца" скрыто инспирирует все коллективистские идеологии, определяемый совокупно как **социализм** , причем **национал — социализм** является такой политической реальностью, которая стоит **ближе** всего к метафизической парадигме манифестационизма, к «полярно-райской» метаидеологии, а **коммунизм** представляет собой, напротив, предельную форму деградации этой парадигмы.

"Орден Мертвой Головы" в свою очередь тайно манипулирует всеми разновидностями неколлективистской, индивидуалистической идеологии — как в ее полноценном теократическом варианте (воплощенном в некоторых исламских странах, в Израиле и т. д.), так и в ее профанизированной, гуманизированной и атеизированной форме (как это имеет место в странах либерально — капиталистического Запада).

Новые политологические соответствия, выявленные после коррекции трехчленной метаидеологической схемы и ее дополнения до четырехчленной, помимо более адекватного объяснения важнейших конспирологических соответствий политической истории, позволяет понять новейшие политические явления — такие, к примеру, как феномены «красно-коричневых» или "национал — большевиков", которые поставили в тупик политологов, привыкших иметь дело с упрощенными схемами. Другая сторона этой модели показывает идеологическую неслучайность политического и военного альянса таких режимов как атеистические и либеральные США с их крайне «гуманистической» идеологией "прав человека" с одной стороны и ваххабитская, теократическая исламская монархия Саудовской Аравии, с ее креационистским «пуризмом» с другой стороны.

2.2.12. Светлый Хаос против Темного Порядка

Но с течением времени и последнее исторически фиксируемое деление на «капиталистический» и «социалистический» лагерь уходит в прошлое. Крах СССР и социально-политическая деградация социалистической идеологии заставляет по новому рассмотреть внешние проявления двух конспирологических структур.

Можно утверждать, что доминирующей в современном мире стал именно либерально-капиталистическая модель, а следовательно "Орден Мертвой Головы" почти вплотную приблизился к достижения своей древней цели — к утверждению на планете **лунного** царства, "царства количества" и торжества мертвых механических законов. Окончательный проект "Ордена Мертвой Головы" в последние годы получил свое внешнее выражение в доктрине "нового мирового порядка". Этот "новый мировой порядок", базирующийся на рыночно-технотронной социально-экономической модели и на принципе "абсолютного индивидуализма", возведенным в высшую и общеобязательную ценность, объединяет в своих различных аспектах **все** конспирологические тенденции, которые вдохновляли исторически различные оккультные организации, креационистской направленности. В центре "нового мирового порядка", безусловно, стоят эсхатологические предвидения мирового иудаизма, наиболее законченной креационистской «авраамической» религии, которая вместе с воссозданием государства Израиль однозначно объявила о начале мессианской эпохи для иудеев и для всего мира. Конец "четвертой диаспоры" и «алия» для всех ортодоксальных иудеев не может быть ничем иным, как однозначным знаком близости прихода Машиаха и конца истории. С национальной точки зрения, для иудеев приход Машиаха означает установление иудейской диктатуры над всеми «гойскими» народами, а «гои» в иудаизме обозначает не просто всех неевреев, но метафизически все «манифестационистские» традиции, приравниваемые иудеями к «идолопоклонству» и «многобожию».

На "новый мировой порядок" работают и «креационистское», иудеофильское лобби в Ватикане, давлению которого обязаны своим появлением все проиудейские и «анти-эллинские» энциклики нынешнего Папы и его публичные заявления. Видимо, в высших православных кругах современной России также наличествуют агенты "Ордена

Мертвой Головы", так как ничем иным нельзя объяснить антидогматические и еретические утверждения патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, сделанные им во время визита в США относительно того, что "хороший христианин — это хороший иудей, а хороший иудей — это хороший христианин", тогда как с ортодоксальной точки зрения дело обстоит строго противоположным образом. Характерно также поддержка определенной частью церковной православной иерархии либерально-капиталистических преобразований проамериканских реформаторов. Хотя необходимо заметить, что Восточная церковь остается в целом единственной версией христианства, где арийско-гностический, «эллинский» аутентично «солнечный» дух сохранился в такой высокой степени, какую невозможно себе представить ни в каком ином варианте христианства.

Далее в "новом мировом порядке" находят свое воплощение масонские планы мирового господства каменщиков, и не случайно большинство западных правителей (особенно президенты США) принадлежат к этой оккультной организации, являющейся одним из привилегированных филиалов "Ордена Мертвой Головы", что проявляется в обязательном ношении этого символа **каждым** масонским мастером. Создание "Всемирной Республики", основанной на сугубо **рациональных** началах, было давней задачей масонов, и победа капиталистического лагеря открыла, наконец, возможность установить на всей планете довольно однородную политико-социальную и экономическую структуру, в основу которой ляжет идея "свободного обмена", как универсального знаменателя "общечеловеческих ценностей".

И наконец самым низшим звеном в цепи строителей "нового мирового порядка" является слой "технической интеллигенции", «технократы», «инженеры» и «менеджеры», чей взгляд на реальность подобен взгляду вычислительной машины и чьи интересы сводятся к удовлетворению минимального набора самых элементарных инстинктов. «Технократия» является последним шагом по пути вырождения креационистской идеологии, где стремление к максимальной рационализации доходит до дикой идеи замены "рационального человека" рациональной машиной. Теория «роботов» и цивилизации, основанной на их особой миссии, является не просто темой для мрачноватой научной фантастики, но всерьез разрабатываемым технократическим сообществом планом. Кстати, большинство сюжетов фантастических произведений XIX века стали технической реальностью века XX, и это далеко не случайно, так как почти все писатели-фантасты являются членами определенных оккультных организаций, как правило тех же самых, что ответственны за контроль над развитием человеческого общества и цивилизации в целом. Поэтому недалеко то время, когда смогут реализоваться и технократические «роботоцентрические» утопии наших современников. Компьютерный проект создания "виртуальной реальности" является предельным воплощением этих технократических тенденций, и в нем как в адском зеркале отражается демонический образ "механической Вселенной", «возвышенную» версию которой можно разглядеть уже в самых ортодоксальных креационистских доктринах.

Все эти направления сходятся в проектируемом поле "нового мирового порядка". И сам термин «порядок» (иначе "система) в наши дни фактически полностью отождествляется с триумфом сугубо креационистских теорий, доведенных до своего гротескного, чудовищного и карикатурного образа. То, кто сегодня говорит о «порядке», в подавляющем большинстве случаев имеет в виду реализацию «рационалистических» проектов, которые в свою очередь прямо или косвенно связаны с общим планом "нового мирового порядка". Следовательно, не столько «капитализм», «либерализм», «теократия» и т. д. политически воплощают в актуальной реальности креационистский дух, но практически любая апелляция к «порядку» несет в себе подспудно креационистское содержание.

Манифестационистский полюс в данной ситуации все больше и больше теряет свои социально-политические позиции даже на уровне пародийных и извращенных своих проявлений. Под напором иудаистических, масонских, рационалистических, гуманистических, либеральных и технократических тенденций падают даже последние бастионы манифестационизма, такие как социализм и советизм. На конспирологическом

уровне иудео-христианские и чисто иудейские тенденции начинают откровенно вытеснять «эллинско-арийские» элементы, и триумф "Ордена Мертвой Головы" внешне кажется почти свершившимся фактом. В нынешних условиях трудно говорить о противопоставлению **лунному** "новому мировому порядку" альтернативного **солнечного** Нового Порядка, основанному на инспирациях "Ордена Живого Сердца". Для этого у "солнечных сил" отсутствует даже минимальная социально-политическая и геополитическая база. Поэтому «сердечные» тенденции, внутренне сохраняя верность солнечному Новому Порядку, в данных критических условиях облекаются в чисто «революционные», «нигилистические», «отрицающие» тенденции, солидаризуясь в прагматическом смысле с силами Хаоса, размывающими «снизу» рациональную схему «лунопоклонников». Верность Солнцу никогда и не при каких условиях не может сочетаться с принятием креационистской, лунной тенденции и в ее полноценном, и в ее редуцированном виде. Манифестационистские тенденции, скорее, выберут **Хаос** , деструкцию и анархию, чем технократический мертвый порядок, каменщиков и эсхатологически ориентированных иудеев. Конечно, этот Хаос, хаос стихий, вещей, природы и социальных катаклизмов не имеет ничего общего с аполлонической инициатической и строго интеллектуальной сущностью манифестационизма и его Солнечным Порядком, но в данном парадоксальном моменте священной истории мира именно эта темная реальность «растворения», «диссолюции» стоит **ближе** к защитникам полярно-райской идеологии, идеологии Неподвижного Центра, Полюса, воплощенного в нордической Свастике, чем псевдопорядок технотронных архитекторов мондиалистской планетарной Системы. Соучастие солнечных сил, представителей "Ордена Живого Сердца", в процессе размывания темным Хаосом планетарного каркаса "нового мирового порядка" делает сам этот Хаос **светлым** , духовно реабилитирует его, дает возможность некоторым его элементам возвыситься до полноценной сакральной позиции. Это своего рода финальный «апокатастасис», возвращение некоторых низших, «демонических» сущностей и энергий в небесные регионы за счет их парадоксального участия в эсхатологической битве на стороне **солнечных** сил против **лунных** узурпаторов, которые могут выглядеть внешне подчас куда более «светлыми» и «добрыми», чем отчаянные революционеры периферии. Представители "Ордена Мертвой головы", начиная с некоторого момента истории, после достижения критической массы власти, начинают выдавать самих себя за "служителей порядка", за «консерваторов», за "ревнителей благочестия" и носителей «добра», «позитивных» ценностей. К этой оптической иллюзии лицемерного фарисейства лунопоклонников может добавляться сходная иллюзия «негативности» и «демонизма» революционных солнцепоклонников. Вместе же это порождают ту обратную ситуацию полного перевертывания нормальных сакральных пропорций, которые Традиция единодушно описывает как главная черта наступления "царства Антихриста". В такой сложной ситуации, где темный Хаос, чреват Светлым Порядком, а «светлый» рациональный Порядок, маскирует темную стихию гниения и смерти, людям внешней ориентации крайне трудно сделать правильный выбор.

Никогда еще в истории "Орден Живого Сердца" не выступал в такой парадоксальной роли, как сегодня, и никогда еще "Орден Мертвой Головы" не обладал еще такой гипнотической силой внушения, которая позволила бы сделать иллюзию собственной «светоносности» и «позитивности» настолько тотальной. В этом состоит уникальность того периода, в котором мы находимся сегодня. И практически нет никаких сомнений, что мы вплотную приблизились к развязке великой конспирологической драмы, чьи корни уходят не только в глубокую древность, но и в самые высшие метафизические регионы реальности, где драма парадоксального выбора отнюдь не становится банальным решением, но еще более наполняется высшим смыслом и высшим риском, где под вопрос ставится и исход Вселенной и даже причина и характер ее возникновения, а параллельно с этим выясняется **истинный** статус некоторых высших метафизических категорий, среди которых, возможно, кое-какие обнаружат свое несоответствие подлинной сакральной иерархии. Не на это ли намекают евангельские слова о том, что "последние станут первыми", и гностическая

формула, утверждающая о близости великого события — "Свершения всех Свершений"?

2.2.13. Последний Крестовый Поход

Как бы ни печальна была позиция "Ордена Живого Сердца" в современной цивилизации, как бы ни были слабы его позиции на социально-политическом уровне, еще слишком рано говорить о его полном поражении перед лицом тотальной агрессии альтернативного ордена — "Ордена Мертвой Головы". Череда провалов и неудач в конспирологической деятельности солнцепоклонников все яснее обнаруживает общую парадигму всей манифестационистской позиции, копит спиритуальный опыт каждого звена **золотой цепи** "истинно живых", участвующих в драматической и страстной борьбе с креационизмом. Этот опыт — не просто индивидуальное экзистенциальное событие. Это форма существования надвременного, вечного Принципа, Божественного Субъекта **сквозь** внешние человеческие оболочки, ограниченные формы пространственно-временного и психического континуума. Есть высшая мистерия в том, что Солнце, светящее постоянно и непрестанно, ночью скрывается в регионы Мрака, чтобы на утро мир снова увидел величественное зрелище Золотой Зари, Aurora Consurgens. Точно также есть высший смысл и во временном поражении "Ордена Живого Сердца" перед лицом сил лунного холода. И тем не менее, таинство финальной победы вверено только воинам Полюса, арийской общине "верных Божественному Субъекту", верных Раю и Полюсу.

Вопреки внешней логике событий, все более укрепляющих на первый взгляд креационистский лагерь, грядет **Новый Крестовый Поход** . Как и исторические крестовые походы это будет великое движение сил духовного Севера против цивилизации Юга, священная война Крестоносных Сердец против "разумных голов" иудеев и сарацинов, битва за отвоевание Святой Земли и Гроба Господня из рук тех, кто своими материальными пристрастиями и претензиями на национально-расовую исключительность бросает вызов этике Жертвы и Героизма, арийской этике Любви и Верности, Чистоты и Справедливости.

Новый Крестовый Поход объявлен уже сейчас. Маленькими ручейками стекаются под знамена с солнечно-полярной символикой все верные Северу, верные Сердцу. Среди них революционеры и анархисты, консерваторы и милитаристы, «красные» сторонники социальной справедливости и «черные» защитники духовной иерархии, христиане и материалисты, суфии и мистики, дети Востока и сыны Запада, объединенные необъяснимой страстью и сверхчеловеческой ненавистью. С Севера на Юг, из христианского мира белых народов в земли лунных семитов, иудеев и сарацин, двинутся армии «Сердце», армии Любви, носители новой Зари. Облаченные в маски Хаоса перед лицом строителей "нового мирового порядка", скрывающие в глубине своего «Я» знание о высших законах Иерархии, о световом ангелическом, небесном мироустройстве, воины Солнца отправятся в их Последний Поход.

Мертвые законы «тварного» мира падут. Новый Иерусалим появится в солнечных лучах сердечной Славы. Мертвый лунный череп ветхого человечества треснет от спасительных энергий животворящего полярного Сердца.

И тогда мы водрузим **наш** Крест над Святой Землей, над Центром Мира, **наш** Православный Крест над навеки освобожденным Иерусалимом.

ОРДЕН ИЛИИ

Введение

Илия Фесвитянин, Илия пророк, занимает в контексте иудейской и христианской традиций особое место. Его авторитет был основополагающим для всех эзотерических течений иудаизма. Так, адепты Каббалы основывают ортодоксальность своих доктрин на

факте личной встречи каббалиста с пророком Илией, что равнозначно получению самой прямой и самой чистой каббалистической инициации.

В христианстве же он рассматривается как духовный предтеча Мессии, в силе и духе которого пришел на землю Иоанн Креститель. Он же вместе с Энохом (другой центральной фигурой иудейского эзотеризма) считается одним из свидетелей Апокалипсиса. Иоанн Предтеча считается в христианстве "высшим и последним из ветхозаветных пророков", и на основании его явного духовного родства с Илией такое же высшее исключительное определение переносится и на Илию Фесвитянина. В католическом монашестве существовал (и существует) особый "Орден Кармелитов", который рассматривал пророка Илию (совершившего чудо на горе Кармил), как своего духовного покровителя.

Интересно также, что к авторитету Илии апеллировали многие эзотерические организации Запада, в частности, розенкрейцеры. Во многих розенкрейцеровских манускриптах фигурирует загадочный персонаж "Elias artista", который отождествлялся с самим пророком Илией.

Важную функцию выполняет Илия и в исламском эзотеризме, где фигурирует загадочный персонаж, — Хизр (Зеленый), — совмещающий в себе черты Идриса (Эноха) и пророка Илии. Хизр появляется в «Коране» в истории о Моисее, где заставляет Моисея совершать алогичные и противоправные поступки, провиденциальный смысл которых он открывает лишь после их совершения. Вначале он заставляет Моисея убить юношу, а когда Моисей с ужасом отказывается, выясняется, что этот юноша — великий грешник, собиравшийся принести миру множества горя. Затем он предлагает Моисею разрушить стену в жилище двух бедных сирот. После очередного негодующего отказа, Хизр разбивает стену сам, и достает оттуда сокровища, которые дали несчастным сиротам отныне жить в благополучии и т. д.

Хизр — важнейшая фигура исламского суфизма.

Попытаемся понять, какую метафизическую нагрузку несет на себе этот загадочный образ, имеющий чрезвычайное значение для таких различных традиций, как иудаизм, христианство, ислам и соответствующие им эзотерические школы.

Свидетельства Ветхого Завета

В "Ветхом Завете" Илии посвящено несколько глав в книгах Царств III и IV. О его происхождении никаких сведений не дается. В Цр. III, 17, 1 без пояснений говорится:

"И сказал Илия Фесвитянин, из жителей Галаадских, Ахаву…"

("Kai eipen Hliou o profetes o Qesbithz ek Qesbwn ths Galaad pros Acaab" — по Септуагинте.)

Илия предрекает царю Ахаву засуху (отсутствие росы и дождя), которая может окончиться только по слову Илии. Так и происходит. После этого эпизода за Ильей закрепляется традиционная формула "пророк, заключивший небеса".

Ниже приведем некоторые места из "Ветхого Завета", где описываются деяния Илии, чтобы лучше понять структуру его метафизической функции и смысл его духовной миссии. Снабдим текст предварительными комментариями, которые будут развиты в дальнейшем.

Книга Царств III
Глава 17

1. И сказал Илия Фесвитянин, из жителей Галаадских, Ахаву: жив Господь, Бог Израилев, пред которым я стою! В сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову.

[Прекращение дождя и росы, "заключение небес" — традиционный сакральный сюжет о господстве исключительного человека (святого, герояна) над силами природы. Такое сверхчеловеческое могущество в эллинской традиции называлось «теургией», т. е.

«принуждением» высшего божественного мира к произведению сверхприродных чудесных действий. Кроме того, дождь и роса суть символы "небесных вод", что означает духовные влияния. Таким образом, Илии подчинены не просто силы природы, но и миры духа, которые он способен как призывать на общение с людьми, так и запирать в их изначальном «трансцендентном» состоянии. Особенно подчеркнем, что с самого начала история Илии связана с «сухостью», «жаром», и далее непосредственно с Огнем. Засуха — это отсутствие воды, т. е. переизбыток природного тепла, жара. Алхимики называли "путь Илии" "сухим путем". Одновременно, часто этот пророк символизировал у герметиков на том же основании "философский огонь".]

2. И было к нему слово Господне:

[Первое откровение Бога.]

3. Пойди отсюда, и обратись на восток, и скройся у потока Хорафа, что против Иордана.

[С точки зрения сакральной географии, важно, что Илия идет на восток. Название потока «Хорафа», по-еврейски «Kereth», означает "божья кара", «изгнание», «отрезание». Возможно, название потока имеет отношение к аскетическому одиночеству Илии, которого позже все христианское монашество будет рассматривать как образец. Начало подвигов Илии проходит вблизи Иордана, и взят он будет на огненной колеснице также недалеко от Иордана, который он перейдет посуху, ударив своей милотью.]

4. Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там.

["Пить из потока Хорафа" и получать пищу от воронов, темных птиц, явно означает аскетическую практику. В алхимической практике это называется "работой в черном", "nigredo".]

5. И пошел он, и сделал по слову Господню; пошел и остался у потока Хорафа, что против Иордана.

6. И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо повечеру, а из потока он пил.

7. По прошествии некоторого времени этот поток высох; ибо не было дождя на землю.

[Реализация пророчества о засухе касается и самого Илии.]

8. И было к нему слово Господне:

[Второе откровение.]

9. Встань, и пойди в Сарепту Сидонскую, и оставайся там; Я повелел там женщине-вдове кормить тебя.

[Сарепта Сидонская — финикийский город между Тиром и Сидоном. В древнейшие времена был важным сакральным местом; в нем сохранились многочисленные культовые памятники, погребения, пещеры, служившие местами отправления ритуалов и т. д. Возможно, название города «Zarapat» связано с корнем «zarapha», «соединять», «смешивать» — от этого же корня происходит особая каббалистическая операция «ziruph» и название жидкости «сироп». Илия здесь «соединяется» (zarapha) с людьми, от которых он ушел в изгнание (kereth) после первого откровения.

Следует акцентировать символическую функцию «вдовы», которая является древнейшей мифологической фигурой. Символизм вдовы является центральным для масонства, и сами масоны называют себя "детьми вдовы". Вдовой, потерявшей мужа, была древнеегипетская богиня Изида. Метафизический смысл «вдовы» указывает на отсутствие (удаление) мужского-духовного-отцовского начала, на неполноценные онтологические условия, в которых отсутствует (или сокрыта) духовная вертикаль. С другой стороны, "быть сыном вдовы" означает, в символическом смысле, "иметь трансцендентного отца", чье физическое и земное наличие неочевидно. «Вдовой» гностики называли "нижнюю Софию", а каббалисты — "шекину в изгнании".]

10. И встал он, и пошел в Сарепту; и когда пришел к воротам города, вот, там женщина вдова собирает дрова. И подозвал он ее, и сказал: дай мне немного воды в

сосуде напиться.

[Символизм дров, сухого дерева очень важен для «огненной», по преимуществу, миссии Илии. "Сухое дерево" играет важную роль в алхимии. Важно также, что в одной и той же строфе упоминаются и дрова, и вода. Та же ситуация повторится в истории с жертвенником, обливаемым водой, в следующей главе. Вообще, пара Огонь — Вода является характерной для пророческой деятельности Илии.]

11. И пошла она, чтобы взять; а он закричал вслед ей и сказал: возьми для меня и кусок хлеба в руки свои.

12. Она сказала: жив Господь, Бог твой! у меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот, я наберу полена два дров, и пойду, приготовлю это для тебя и сына моего; съедим это и умрем.

13. И сказал ей Илия: не бойся, пойди, сделай, что ты сказала; но прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня, и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после.

14. Ибо так говорит Господь, Бог Израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю.

[Чудесное свойство сохранять равное количество пищи или иной субстанции, независимо от того, сколько от нее отнимается, встречается в разных эзотерических сюжетах. Так же Христос делил хлеба и рыбу. Вне иудаистического контекста существует множество преданий о "роге изобилия" ("волшебном котле Дагды" в ирландском мифе, скатерти-самобранке и т. д.) Речь идет об операции с сущностным аспектом вещи или субстанции: убыванию подвержена только количественная сторона вещей, тогда как их сущность постоянна. Тот, кто способен оперировать с сущностью, может осуществлять «палингенезис» предметов и существ, восстанавливая их полноту по желанию. Это чудо имеет отношение к «активному» обращению с архетипами вещей, которые не только созерцаются, — как в случае обычных пророков, мистиков и ясновидцев, — но и подвергаются активному волевому воздействию со стороны «теурга». Путь Илии сопряжен именно с таким активным пророчеством, способном трансформировать внешний мир через операции с его «причинным», сущностным, архетипическим планом. Естественно, в монотеистическом видении такая теургическая операция возможна только как исполнение замысла Единого Бога.]

15. И пошла она и сделала так, как сказал Илия; и кормилась она, и он, и дом ее несколько времени.

16. Мука в кадке не истощалась, и масло в кувшине не убывало, по слову Господа, которое он изрек чрез Илию.

17. После этого заболел сын этой женщины, хозяйки дома, и болезнь его была так сильна, что не осталось в нем дыхания.

18. И сказала она Илии: что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего.

19. И сказал он ей: дай мне сына твоего. И взял его с рук ее, и понес в горницу, где он жил, и положил его на свою постель.

20. И воззвал к Господу, и сказал: Господи, Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?

[Для иудаистического контекста поразительна аргументация Илии, напоминающего Господу о том, что вдова отнеслась лично к нему — Илии — хорошо, и что поэтому Господь должен отнестись хорошо и к ней! Такая логика прекрасно соответствует «теургическому» подходу, но резко контрастирует с духом строго креационизма.

Этот стих трактуется в «Зохаре» ("Вайигаш" 208–209) —

"Иди и смотри: есть только две личности, которые произнесли слова против того, что вверху: Моисей и Илия. Моисей сказал: "Господи! Для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей? (Исх. 5:22). И Илия сказал "Неужели Ты и вдове <…> сделаешь зло, умертвив сына ее?". Оба сказали одну и туже вещь. Почему? Это — секрет."

Далее секрет не объясняется, лишь намеком указывается на ангелическую природу Илии (и Моисея), которые принадлежат Древу Жизни, и следовательно, они избавлены от диктатуры "той стороны" ("ситре ахер"). «Зохар» там же утверждает: "Тот, кто поддерживает жизнь и заботится о других, особенно во время голода, прилепляется к Древу Жизни, и обретает жизнь для себя и своих детей, это установлено. И в данном случае Илия сказал: "Тот, кто поддерживает душу в этом мире, заслуживает жизни и заслуживает слияния с Древом Жизни, однако сейчас Древо Смерти, сторона смерти правит над вдовой, которой ты повелел кормить меня, поэтому: "Неужели Ты <…> сделаешь зло…"

Показательно, что «Зохар» сближает в этом отрывке Илию с Моисеем, подчеркивая что только они двое из всех персонажей "Ветхого Завета" могли теургически «поправлять» Божество. Не случайно именно Моисей и Илия будут увидены апостолами в момент преображения Христа на горе Фавор.]

21. И, простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него!

22. И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил.

[Илия практикует воскрешение мертвого. Это явно эсхатологическое действо. Равно как и в случае с маслом и мукой, сходная ситуация возникнет и во время прихода в мир Спасителя, хотя глубинный смысл событий в обоих случаях различается. Христианская традиция видит в истории Илии предвосхищение чудес Христа, их прообразование, но в то же время она подчеркивает, что чудеса Христа имеют глобально метафизический смысл, тогда как деяния Илии относятся к более частным и обратимым аспектам реальностям. Так, христиане говорят: Илия воскресил сына вдовы, но тот все равно умер впоследствии. Христос же дал душам всего человечества бессмертие.

В контекст строгого иудаизма это чудо Илии — как и весь его путь — вообще вписывается с трудом, так как явный «теургический» смысл совершаемых им чудес идет против «креационистской» логики иудаизма, который полагает процессы тварного бытия сущностно необратимыми и однонаправленными. Сама концепция однонаправленного времени сформировалась именно на основании иудаистического мировоззрения. Но подробнее к этому мы еще вернемся.

Важно заметить также инициатический смысл воскрешения сына вдовы. Речь идет о том, что Илия замещает в данном сюжете "трансцендентного отца" отрока, в критический момент обнаруживая свое присутствие. Выше, в случае Елисея, ученика и наместника Илии, схожая сцена с воскресением отрока будет описана в близких терминах, но с уточнением, что Елисей "приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем" (Цр. IV,4). Так как Елисей был во всем продолжателем Илии, можно предположить, что и сына вдовы Илия воскрешал схожим образом. В таком случае ритуал метафизической идентификации был бы очевиден. Некоторые эзотерические ритуалы, связанные с инициатической смертью, в точности повторяют эту сцену.]

23. И взял Илия отрока, и свел его из горницы в дом, и отдал матери его, и сказал Илия: смотри, сын твой жив.

24. И сказала та женщина Илии: теперь-то я узнала, что ты человек Божий, и что слово Господне в устах твоих истинно.

Глава 18

1. По прошествии многих дней было слово Господне к Илии в третий год: пойди, и покажись Ахаву, и Я дам дождь на землю.

2. И пошел Илия, чтобы показаться Ахаву. Голод же сильный был в Самарии.

3. И призвал Ахав Авдия, начальствовавшего над дворцом. Авдий же был человек весьма богобоязненный.

4. И когда Иезавель истребляла пророков Господних, Авдий взял сто пророков, и

скрывал их, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их хлебом и водою.

5. И сказал Ахав Авдию: пойди по земле ко всем источникам водным и ко всем потокам на земле, не найдем ли где травы, чтобы нам покормить коней и лошаков и не лишиться скота.

6. И разделили они между собою землю, чтобы обойти ее: Ахав пошел одной дорогой и Авдий особо пошел другою дорогою.

7. Когда Авдий шел дорогою, вот, навстречу ему идет Илия. Он узнал его, и пал на лице свое, и сказал: ты ли это, господин мой Илия?

[Встреча с Илией является ключевым событием в духовном пути иудейских эзотериков-каббалистов. С этого момента начинается их посвящение. Каббалисты говорят, что Илия может являться в самых различных обликах, но чаще всего это старец бедно одетый и с седой бородой. Однако это далеко не обязательно. Теоретически всякий незнакомец может оказаться Илией. В этом отношении показательно, что Авдий был благочестив и спас сто пророков от преследований Иезавели. Т. е. он обладал опытом в области "определения пророков" или "различения духов". Поэтому он и задает инициатический вопрос, столь понятный каждому каббалисту: "Ты ли это, господин мой Илия?"]

8. Тот сказал ему: я; пойди, скажи господину твоему: Илия здесь.

9. Он сказал: чем я провинился, что ты предаешь раба твоего в руки Ахава, чтобы умертвить меня?

10. Жив Господь, Бог твой! нет ни одного народа и царства, куда бы ни посылал государь мой искать тебя; и когда ему говорили, нет, он брал клятву с того царства и народа, что не могли отыскать тебя.

[Речь идет об особом существовании пророка Илии, который не находится в каком-то конкретном месте. Ни одна точка земного пространства не содержит его индивидуальности, которая не поддается строгой локализации. Авдий прекрасно отдает себе отчет в уникальности и парадоксальности встречи с Илией и не может принять ответа "Илия здесь", так как это противоречит духовному качеству пророка. Если с Илией можно встретиться, то зафиксировать место встречи и вернуться туда невозможно.]

11. А ты теперь говоришь: "пойди, скажи господину твоему: Илия здесь".

12. Когда я пойду от тебя, тогда дух Господень унесет тебя, не знаю куда; и если я пойду уведомить Ахава, и он не найдет тебя, то убьет меня; а раб твой богобоязнен от юности своей.

[Авдий поясняет свою боязнь: постигнув духовную природу пророка Илии, он понимает связь его с духом Господнем, — pneuma kuriou, — а качество духа заключается в его подвижности и нематериальности. На этом инициатическом моменте и основываются его опасения. Авдий понимает, что утверждение четкой локализации Илии с духовной точки зрения будет являться ложью, которая повлечет за собой казнь высказавшего ее. Поэтому появляется упоминание о «богобоязненности», нелогичное без метафизического контекста.

Этот пассаж комментируется в «Зохаре» через указание на ангелическую природу пророка Илии. ("Берешит III", 46b) *"Илия пришел в мир не через отца и мать, он был принесен четырьмя потоками, о чем повествует стих "дух Господень унесет тебя, не знаю куда". "Дух Господень" — один поток, "унесет тебя" — второй, «к» — третий, "не знаю куда" — четвертый".* Весь данный пассаж «Зохара» касается существования главных ангелических сущностей — архангела Михаила, архангела Гавриила, пророка Илии, ангела Смерти, Рафаила, Уриила и т. д. Ангелогию Илии мы подробнее рассмотрим далее.]

13. Разве не сказано господину моему, что я сделал, когда Иезавель убивала пророков Господних, как я скрывал сто человек пророков Господних, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их хлебом и водою?

14. А теперь ты говоришь: "пойди, скажи господину твоему: Илия здесь"; он убьет меня.

15. И сказал Илия: жив Господь Саваоф, пред Которым я стою! сегодня я

покажусь ему.

16. И пошел Авдий навстречу Ахаву, и донес ему. И пошел Ахав навстречу Илии.

17. Когда Ахав увидел Илию, то сказал: ты ли это, смущающий Израиля?

18. И сказал Илия: не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего, тем, что вы презрели повеления Господни и идете вслед за Ваалом;

19. Теперь пошли, и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели.

20. И послал Ахав ко всем сынам Израилевым, и собрал всех пророков на гору Кармил.

[Название горы — Кармил — на иврите обозначает "виноградник Божий" или "сад".]

21. И подошел Илия ко всему народу и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ни слова.

22. И сказал Илия народу: я один остался пророк Господень, а пророков Вааловых четыреста пятьдесят человек.

23. Пусть дадут нам двух тельцов, и пусть они выберут одного тельца, и рассекут его, и положат на дрова, но огня пусть не подкладывают; а я приготовлю другого тельца, и положу на дрова, а огня не подложу.

24. И призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа, Бога моего. Тот Бог, Который даст ответ посредством огня, есть Бог. И отвечал весь народ и сказал: хорошо.

25. И сказал Илия пророкам Вааловым: выберите себе одного тельца, и приготовьте вы прежде, ибо вас много; и призовите имя бога вашего, но огня не подкладывайте.

26. И взяли они тельца, который был дан им, и приготовили, и призывали имя Ваала от утра до полудня, говоря: Ваале, услышь нас! Но не было ни голоса, ни ответа. И скакали они у жертвенника, который сделали.

[Важно отметить время призывания Ваала: начало — утром, продолжение — в течение дня, и так — вплоть до вечера. Факт начала служения Ваалу утром указывает на то, что это божество и его культ были связаны с Востоком и празднованием начала года в *день весеннего равноденствия* . Возможно, что это ассирийское божество имело эламские или персидские корни.]

27. В полдень Илия стал смеяться над ними, и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался или занят чем-либо, или в дороге, а может быть, и спит, так он проснется.

28. И стали они кричать громким голосом, и кололи себя, по своему обыкновению, ножами и копьями, так что лилась кровь по ним.

29. Прошел полдень, а они все еще бесновались до самого времени вечернего жертвоприношения; но не было ни голоса, ни ответа, ни слуха.

[Илия начинает свой ритуал *вечером* , так как иудаистическая традиция связана с *Западом* и полагает начало года в *осеннем равноденствии* , осенью. Возможно провести здесь параллель с изначальной традицией, связанной с оседлостью, манифестационизмом и индоевропейской расой, и жрецами Ваала, поклоняющимися "утру и дню истории", "*золотому веку* ". Иудаизм относится к "*вечерней* " части истории, последующей за грехопадением. Сам факт кочевнической ориентации иудейской традиции несет в себе "*импульс изгнания из рая* ", его инерцию. На этом основано и превосходство кочевника-животновода Авеля над *оседлым* землепашцем Каином, в лице которого иудаизм заклеймил индоевропейские традиции. Жрецы Ваала — каиниты, возможно, это дополнительная причина отказа *их* божества от жертвоприношения животного. Все могло бы быть по-другому, если бы они догадались принести Ваалу бескровную жертву… Илия же в данном случае показывает себя последователем Авеля.]

30. И тогда Илия сказал всему народу: подойдите ко мне. И подошел весь народ к нему. Он восстановил разрушенный жертвенник Господень.

31. И взял Илия двенадцать камней, по числу колен сынов Иакова, которому Господь сказал так: Израиль будет имя твое.

32. И построил из сих камней жертвенник во имя Господа, и сделал вокруг жертвенника ров, вместимостью в две саты зерен.

33. И положил дрова, и рассек тельца, и возложил его на дрова,

34. И сказал: наполните четыре ведра воды, и выливайте на всесожжигаемую жертву и на дрова. Потом сказал: повторите. И они повторили. И сказал: сделайте в третий раз. И сделали в третий раз.

[Здесь следует обратить внимание на параллелизм с 17, 10, сценой встречи со вдовой, где также фигурируют дрова и вода.

На жертвенник из 12 камней по числу колен Израилевых выливают 12 ведер воды — 3 раза по 4 ведра. В этом не просто доказательство сверхъестественной природы *огня* , вызываемого Илией, который может пожрать и воду, но и ритуал "омовения грехов" 12 колен, т. е. прообраз *водного* крещения в Иордане пророка Иоанна Предтечи. Снова символизм "сухого дерева", "ветхого человека", которое чтобы зацвести, должно быть омытым и получить «трансцендентный» огонь. В христианской традиции за водным крещением следует крещение *огненное* , т. е. снисхождение в христианина Святого Духа. Но в случае ветхозаветного чуда Илии это еще не сам Святой Дух, но его прообраз, его "аналог".]

35. И вода полилась вокруг жертвенника, и ров наполнился водою.

36. Во время приношения вечерней жертвы подошел Илия пророк и сказал: Господи, Боже Авраамов, Исааков и Израилев! Да познают в сей день, что Ты один Бог в Израиле, и что я раб Твой и сделал все по слову Твоему.

[В Септуагинте этот пассаж и последующие за ним имеют значительные разночтения: *"**И поднялся** Илия к небу и сказал: Господи Боже Авраама, Исаака и Израиля, услышь меня, Господи, услышь меня сейчас в огне! и да познает сам народ, ибо Ты Господь Бог Израилев, Которого слуга я, и по понуждению Которого я все сделал".* — "Kai anebohsen Hliou eiz ton ouranon kai eipen Kurie o Qeoz Abraam kai Isaak kai Israhl, epakouson mou, kurie, epakouson mou shmeron en puri, kai gnwtwsan paz o laoz outoz oti su ei kurioz o Qeoz Israhl kagw douloz sou kai dia se pepoihka ta erga tauta." — На церковнославянском это звучит так: *"И возопи Илия на небо и рече: Господи Боже Авраамов и Исааков и Иаковль, послушай мене, господи, послушай мене днесь огнем, и да уразумеют вси людие сии, яко ты еси Господь Бог един Израилев, и аз раб твой, и тебе ради сотворих дела сия."* Прежде всего, в тексте поражают две детали: первая — факт подъема Илии к небу как прообраз его финального восхождения. Второе, тесно связанное с первым, — уточнение относительно того, что он просит услышать Господа Бога огнем, или в огне — en pur. Следовательно, в данном случае речь идет о преображении самого Илии и о *теофании Бога в огне* . Возможно, речь идет о прообразе фаворского преображения самого Иисуса Христа, рядом с которым апостолы узрели также *Илию* вместе с Моисеем. В определенной трактовке, связанной с доктриной исихастов, сам Моисей был связан таинственно и провиденциально с Фаворским светом еще во время синайского богоявления. По этой же логике можно сказать, что это "en pur" и "anebohsen Hliou eix ton ouranon" имеют отношение к той же трансцендентной световой теофании.]

37. Услышь меня, Господи, услышь меня! Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог, и Ты обратишь сердце их.

[В Септуагинте: "Услышь меня, Господи, услышь меня в *огне* (!), и да познает народ, ибо Ты Господь Бог, и Ты обратишь сердце народа к себе". — "Epakouson mou, kurie, epakouson mou *en puri* , kai gnwtw o laos outos oti su ei kurios o Qeos kai su estrexas thn kardian tou laou opiswx". Второй раз повторяется "epakouson mou **en pur** ", "услышь меня в огне". — На церковно-славянском — "Послушай мене, Господи, послушай мене *огнем* ."]

38. И ниспал огонь Господень и пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве.

[На старославянском: "И спаде огнь от Господа с небесе, и пояде всесожжегаемая, и дрова, и *воду* , яже в мори, и камение и персть полиза огонь." Снова, как и в строфе 18, 36, фигурирует и *огонь и небо* .]

39. Увидев, весь народ пал на лице свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог!

40. И сказал им Илия: схватите пророков Вааловых, чтобы ни один из них не укрылся. И схватили их. И отвел их Илия к потоку Киссону, и заколол их там.

41. И сказал Илия Ахаву: пойди, ешь и пей; ибо слышен шум дождя.

42. И пошел Ахав есть и пить, а Илия взошел на верх Кармила, и наклонился к земле, и положил лице свое между коленами своими.

[Эта поза моления Илии была важнейшим элементом в традиции православных исихастов, которые именно к этому месту Библии возводили традицию особого «свернутого» положения тела во время творения молитвы Иисусовой. Гора Кармил духовно сравнивалась с горой Фавор и Афоном. Кармил — прообраз, Фавор — исполнение, Афон — поминание "огненного светового Богоявления".]

43. И сказал отроку своему: пойди, посмотри к морю. Тот пошел, и посмотрел, и сказал: ничего нет. Он сказал: продолжай до семи раз.

[Возможно, что речь идет об отроке, который был "сыном вдовы" и которого он оживил. Позже он еще будет упомянут — Илия оставит его в Иудее, когда побежит в пустыню от гнева Иезавели. К этому отроку восходит одна из линий пророческой филиации Илии через колена Иудеи, тогда как другая, более прямая, восходит к израильской линии Елисея.]

44. В седьмой раз тот сказал: вот, небольшое облако поднимается от моря, величиною с ладонь человеческую. Он сказал: пойди скажи Ахаву: "запрягай и поезжай, чтобы не застал тебя дождь".

[На старославянском это место точнее передает Септуагинту: "И обратися отрочищь семижды: и бысть в седмое, и се, облак мал, аки *след ноги мужеския* , возносящь воду из моря."

Символизм "следа ноги" имеет отношение к древнейшему изначальному комплексу. Данный символ обозначает зимнее солнцестояние, когда одна "нога года" осталась в прошлом, а другая шагнула в будущее. Кроме того, известны "следы Будды", которыми в буддизме считается вся реальность — проявление,"след" истинного метафизического состояния пробужденности. В самом иудаистическом контексте с «ногой» сефиротического человека каббалисты сравнивают царя Давида и самого Мессию. Руками в таком образе являются Авраам (правая рука) и Исаак (левая рука), туловищем и сердцем Иаков, а ступнями Давид. Им соответствуют соответственно сефиры — Хесед, Гебура, Тиферет и Малькут. Головой же служат три верхних сефиры — Кетер, Хохма и Бина. В этом значении данный символ приобретает эсхатологическую, мессианскую нагрузку.]

45. Между тем небо сделалось мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь. Ахав же сел в колесницу, и поехал в Изреель.

[Символизм *колесницы* тесно связан со всей деятельностью пророка Илии. Он будет взят на небо в *огненной колеснице* . И тогда же Елисей произнесет странный возглас, который будет повторен в Бибилии еще только один раз — царем Иоасом в Цр. IV, 13, 14 на смертном одре самого Елисея — *"Отец мой! Отец мой! Колесница Израиля и конница его!"* Важно, что в данном случае в отношении Бога употребляется невозможное в строгом иудаизме обращение *"Отец!"* , которое является достоянием исключительно христианской традиции. Это еще раз подчеркивает центральный прообразовательный характер Илии для Церкви. Символично, что в п.46 Илия бежит перед *колесницей* Ахава в Изреель. Он, как и Иоанн Предтеча, предшествует "благой вести". В данном случае *прекращение засухи* есть также прообраз эсхатологического восстановления, победы и спасения.]

46. И была на Илии рука Господня. Он опоясал чресла свои, и бежал перед Ахавом до самого Изрееля.

[Выражение *"рука Господня, — "десница Господня"* ("heir kuriou") была на таком-то" означает факт "пророческого транса", «восхищения» пророка от человеческого состояния. От этого посвятительного жеста берет свое начало христианское таинство «рукоположения», т. е. передачи особой духовной силы или возможности сообщаться с этой силой. Однако в ветхозаветном и в новозаветном контекстах смысл этого «рукоположения», хиротонии, значительно разнится, так как у христиан передается сила самого нетварного Святого Духа, причем становится она внутренним и неотторжимым достоянием иерея, а в случае ветхозаветных пророков божественное воздействие было опосредованным и эпизодическим. Однако уникальность Илии заключается в том, что его отношение к Божеству выпадает из общей ветхозаветной картины "онтологии пророков", чем объясняется его сближение с самим Моисеем, фигурой центральной для иудаистической традиции.]

Глава 19

1. И пересказал Ахав Иезавели все, что сделал Илия, и то, что он убил всех пророков мечом.

2. И послала Иезавель посланца к Илии сказать: пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если завтра к этому времени не сделаю с твоей душою того, что с душою каждого из них.

3. Увидев это, он встал и пошел, чтобы спасти жизнь свою, и пришел в Вирсавию, которая в Иудее, и оставил отрока своего там.

[В Септуагинте подчеркивается, что "Илия испугался" — "kai efobeqh Hliou".

По этому поводу, т. е. по поводу страха, вопрос поднимался и в «Зохаре» ("Вайигаш" 209).

"Рабби Хийя сказал: Как могло случиться, что Илия, чьи постановления выполнял даже Святой, будь он благословен, запретивший небу давать дождь и росу, испугался Иезавели? Он испугался и пошел чтобы (спасти) свою жизнь. Рабби Иосси сказал ему: Известно, что праведники не хотят беспокоить своего Хозяина в ситуации, когда опасность очевидна, подобно Самуилу, о котором написано: "Как пойду я? Если Саул узнает, он убьет меня." ЙХВХ сказал: "Ты возьмешь с собой одну телку" (1Сам. 16:2), потому что праведники не хотят беспокоить своего Хозяина в таких обстоятельствах, когда им угрожает опасность. Так же и в случае с Илией, заметив, что ему угрожает опасность, он не захотел беспокоить своего Хозяина".

Далее эта тема «страха» Илии развивается в «Зохаре» еще более интересно:

"Относительно Илии написано не: "Он испугался (vayyira) и пошел, чтобы спасти жизнь свою", но "Он увидел (vayar), у него было видение. Что он увидел? Он увидел, что в течение долгих лет ангел смерти охотится за ним, но он не передается в его власть, и тогда, "он пошел, чтобы спасти свою жизнь. (Дословно "он пошел к своей душе"). Что означает "он пошел к своей душе?" Он пошел к основанию жизни, которое есть Древо Жизни, чтобы прилепится к нему. Иди и смотри: написано здесь не "пошел ’eth’ своей душе", а понимать частицу ’eth’ следует как ’к’ — "к своей душе", так всегда и пишут, но "’el’ своей душе", т. е. "’в направлении’ своей души", и я проник в этот секрет, благодаря тому, что сказал рабби Симеон: "Все души мира возникают из Потока (девятая сефира — Йессод — А.Д.), *который течет и ширится, потом они собираются в Суму Живых, и когда Женское Начало* (сефира Малькут — А.Д.) *осеменена Мужским Началом* (Йессод — А.Д.), *души наслаждаются желанием с обоих сторон, желанием Женского Начала Мужчины и желанием Мужского Начала — Женщины, но особенно тогда, когда желание Мужчины страстно, души более состоятельны, ведь все в них пропитано желанием и страстью Древа Жизни* (Древо Жизни отождествляется в «Зохаре» с сефирой Йессод, Мужским Началом и Потоком — А.Д). *Но так как Илия происходит из этой страсти (ra’avata) более,*

нежели все остальные люди, он сохранился и не узнал смерти." Далее текст «Зохара» объясняет субтильное различие между древнееврейскими предлогами «eth» и «el». Первый символизирует собой "Женское Начало" и сефиру Малькут. Второй относится к "Мужскому Началу" и сефире Йессод. Далее — *"И так как Илия происходит из стороны Мужского Начала более, чем все остальные дети этого мира, он дольше всех сохранился в своем существе и не умер, подобно всем остальным людям. Он полностью происходит от Древа Жизни и нисколько от Праха (иное название для Женского Начала и сефиры Малькут). Поэтому он и поднялся в вышину, а не умер как все остальные смертные, как написано — "и понесся Илия в вихре на небо".*]

4. А сам отошел в пустыню на день пути, и, пришедши, сел под можжевеловым кустом, и просил смерти себе, и сказал: довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих.

["Зохар" соотносит это стих с предшествующим. Там Илия "пошел к своей душе". Акцентируется тайна предлога «el», «к», Мужское Начало. Здесь же "просил смерти себе" на иврите звучит как "просил, чтобы eth его душа умерла". Теперь появляется та частица «eth», которой не было в предшествующем стихе. Это значит, что Древо Смерти в отличие от Древа Жизни сопряжено с Женским Началом.]

5. И лег, и заснул под можжевеловым кустом. И вот Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь.

[В Септуагинте в этой строфе Ангел не упоминается. Но стоит — "и там кто-то коснулся его и сказал ему…" — "tis hyato autou kai eipen autw…" Ангел Господень упоминается только через строфу — п.7.]

6. И взглянул Илия, и вот, у изголовья его печеная лепешка и кувшин воды. Он поел, и напился, и опять заснул.

7. И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь; ибо дальняя дорога пред тобою.

8. И встал он, поел и напился, и, подкрепившись тою пищею, шел сорок дней и нощей до горы Божией Хорив.

9. И вошел он там в пещеру, и ночевал в ней. И вот, было к нему слово Господне, и сказал ему: что ты здесь, Илия?

10. Он сказал: возревновал я, о Господе, Боге Саваофе; ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечем; остался я один, но и моей души ищут, чтоб отнять ее.

[Фраза "остался я один" очень важна для исламского эзотеризма, где существует особый путь посвящения "*одиноких* ", «афрад», которое осуществляется без посредства людей, но непосредственно в результате явления Хизра, который является инициатическим эквивалентом Илии в исламе. Сакральное одиночество — особая характеристика, присущая именно пророку Илии. Его происхождение неизвестно, его кончина — взятие на небо в огненной колеснице — сверхъестественна. Он выпадает из общей человеческой логики, и в этом он подобен только таким необычным ветхозаветным персонажам, как Энох и Мельхиседек. От этого же инициатического понятия произошло слово "*монах* ", т. е. «одинокий», «отделенный» и соответствующий инициатический христианский чин.]

11. И сказал: выйди и стань на горе перед лицем Господним. И вот, Господь пройдет, и большой сильный и ветер, раздирающий скалы и сокрушающий горы перед Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь.

[Весь этот пассаж в Септуагинте дан в несколько другой ритмике и со значительными отличиями. Приведем его полностью: *"И сказал: выйди наружу и стань перед Господом на горе. Там промчится Господь."*

Далее идет ритмические по стилю и по метафизической нагрузке строки, охватывающие также следующий параграф. Септуагинта (11–12):

"И великий сильный ветер (дух), раздирающий горы и сокрушающий камни перед лицом

Господа, нет в ветре Господа.

И за ветром землетрясение,
нет в землетрясении Господа.
И за землетрясением огонь,
нет в огне Господа.
И за огнем голос нежного ветерка, —
там Господь."

"Kai pneuma mega krataion dialuon orh kai suntribon petrax enwpion kuriou,
ouk en tw pneumati kuriox.
Kai meta to pneuma susseismos,
ouk en tw susseismw kuriox.
Kai meta ton susseismon pur,
ouk en tw puri kuriox.
Kai meta to pur fwnh auras lepthx,
kakei kuriox"

На церковнославянском эта ритмика сохранена:

11. И рече: изыди утро и стани пред Господом в горе: и се, мимо пойдет Господь, и дух велик и крепок разоряя горы и сокрушая камение в горе пред Господем, (но) не в дусе Господь: и по дусе трус, но не в трусе Господь:

12. И по трусе огнь, и не во огни Господь: и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь."

"Aura Lepth", "*тихий, нежный ветер* ", "*хлад тонок* ". В этом не просто описание одноразового исторического факта ветхозаветной истории, но вскрытие "структуры Божества". После оболочек грозного и всеуничижающего присутствия, после внушения невероятного ужаса природе и людям, всей тварной реальности, Господь предстает избранным в образе кроткого и нежного ветерка, почти неслышного голоса. В этом откровенный прообраз всей Новозаветной Истины — грозный Бог обернулся своим тишайшим жертвенным Сыном, Агнцем, Спасителем падших. И даровал после своего вознесения Духа Святого, который также тихо и неслышно снисходит на христиан во время крещения, таинств и молитв.

"Kakei kuriox". "*И тамо Господь* ". Эта фраза вмещает в себя все наиболее глубинные аспекты иудаистического эзотеризма и предвосхищает "Благую Весть".

"Зохар" трактует смену теофаний как проникновение Илии к высотам сефиротического Древа. "Хлад тонок" расшифровывается как "самое интимное место, откуда происходят все светы" и отождествляется с сефирой «Бина», откуда исходят все эманации божественной реальности.]

12. После землетрясения огонь. После огня веяние тихого ветра.

13. Услышав, Илия закрыл лице свое милотью своею, и вышел, и стал у входа в пещеру. И был к нему голос, и сказал ему: что ты здесь, Илия?

[Первое упоминание о *милоти* пророка, т. е. накидки из *агнчей шкуры* . Эта *милоть* будет участвовать во многих чудесах Илии. Следовательно, это важнейший его атрибут. Естественно, с христианской точки зрения, важно, что милоть изготовляется из агнца, который является символом Христа. С другой стороны, важно, что Илия закрывает милотью *лицо* , как бы от невыносимого света, которым сопровождается богоявление. Православные исихасты сопоставляли этот сюжет с откровением *неопалимой купины* Моисею и Фаворским Светом. Согласно Паламе, в случае самого Фаворского Света речь шла о нетварной реальности, о божественных и обожающих энергиях Пресвятой Троицы. В отношении Синайского света и тем более света, от которого закрылся милотью Илия на горе Хорив, у Паламы нет такой однозначной уверенности, и он говорит о тождестве этого Света предположительно. Однако, явление Христа на Фаворе своим ученикам в окружении Моисея и Илии позволяет допустить, что они как-то были с ним связаны, хотя и иным образом, нежели Христос как истинный и совершенный Бог. Поскольку эта логика, с православной точки зрения, по меньшей мере, неоспорима, естественно предположить, что милоть Илии,

«получившая» на себя воздействие "Трансцендентного Света", отныне приобрела чудесные качества. Этим объясняется и то, что в данном пассаже она упоминается впервые.

У преподобного Максима Исповедника милоть Илии трактуется как *символ человеческого тела* , как "*кожаные ризы* ", как плоть. Чудесные свойства милоти пророка Илии можно рассматривать, таким образом, как предвосхищение его личного восхождения на небо в огненной колеснице, что снова с очевидностью отсылает нас к исихастской теме преображения. Таинственные свойства преображенной плоти связаны с преодолением порога смерти, с продлением инициатического существования.]

14. Он сказал: возревновал я о Господе, Боге Саваофе; ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечем; остался я один, но и моей души ищут, чтоб отнять ее.

15. И сказал ему Господь: пойди обратно своею дорогою чрез пустыню в Дамаск; и когда придешь, то помажь Азаила в царя над Сириею.

16. А Ииуя, сына Намессиина, помажь в царя над Израилем; Елисея же, сына Сафатова, из Авел-Мехолы, помажь в пророка вместо себя.

[Указание на родословную Елисея, приемника Илии, контрастирует с тайной происхождения самого Илии.]

17. Кто убежит от меча Азаилова, того умертвит Ииуй; а кто спасется от меча Ииуева, того умертвит Елисей.

18. Впрочем, Я оставил между израильтянами семь тысяч; всех сих колена не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его.

[Эти "семь тысяч израильтян" символически соответствуют 144 тысячам избранных, — по 12 тысяч из каждого колена Израилева, — о которых говорится в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова.]

19. И пошел он оттуда, и нашел Елисея, сына Сафатова, когда он орал; двенадцать пар волов было у него, и сам он был при двенадцатой. Илия, проходя мимо него, бросил на него милоть свою.

[*Первое* инициатическое использование милоти. С ее помощью происходит помазание Елисея в пророки. Любопытно соотнести этот жест с ритуалом отпущения грехов в Православии, где иерей также накрывает исповедовавшемуся голову епитрахилью.

Упоминание о двенадцати парах волов и подчеркивание того факта, что Елисей стоял у последней, двенадцатой пары — все это указывает на эсхатологический характер миссии Илии и, соответственно, его ученика Елисея. Особенно точно это исполнится в миссии Иоанна Предтечи.]

20. И оставил волов, и побежал за Илиею, и сказал: позволь мне поцеловать отца моего и мать мою, и я пойду за тобою. Он сказал ему: пойди и приходи назад; ибо что сделал я тебе?

21. Он отошедши от него, взял пару волов и заколол их, и, зажегши плуг волов, изжарил мясо их, и раздал людям, и они ели. А сам встал, и пошел за Илиею, и стал служить ему.

[Елисей уничтожает последних волов, т. е. тех, у которых он стоял. Он порывает связь с циклом *Тельца* и готовится вступить в цикл Агнца, символизируемый милотью Илии.

В главе 21 (20 по Септуагинте) также есть упоминание об Илии. Рассказывается, как он по велению Господа пришел к Ахаву, чтобы обличить его за убийство Навуфея и присвоения его виноградника. После угроз и пророчеств о страшной кончине самого Ахава и Иезавели, Ахав печалится, за что Господь откладывает исполнение пророчеств на его потомство. В Книге Царств IV в 1 главе снова речь заходит об Илии. На сей раз он побуждаем Ангелом Господним известить о смерти царя Охозии, который, получив ранения, отправил своих людей за советом к жрецам Вельзевула Аккаронского. Послы Охозии, вернувшись, рассказывают господину о встретившемся им пророке.

Цр. IV, 1

7. И сказал им: каков видом тот человек, который вышел на встречу и говорил вам слова сии?

8. Они сказали ему: человек тот весь в волосах, и кожаным поясом подпоясан по чреслам своим. И сказал он: это Илия Фесвитянин.

[Септуагинта: "Anhr dasux kai zwnhn dermatinhn periezwsmenox thn osfun autou." "Кожа животного" — та же милоть. Любопытно, что масонский кожаный фартук по традиции возводился именно к этому архетипу.]

Охозия послал в Илие, который сидел "на верху горы", пятьдесят воинов, которых Илия попалил огнем.

10. И отвечал Илия, и сказал пятидесятнику: если я человек Божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и твой пятидесяток. И сошел огонь с неба, и попалил его и пятидесяток его.

Так повторилось еще раз, пока начальник третьего пятидесятка, ужаснувшись участи предшественников, не умолил Илию смилостивиться над ним.

15. И сказал Ангел Господень Илии: пойди с ним, не бойся его. И он встал, и пошел с ним к царю.

[Весь сюжет с троекратным вызовом огня имеет строго символический и инициатический смысл, который продолжает огненную линию миссии Ильи, которая закончится огненным вознесением.]

Наконец, последняя глава, посвященная в Ветхом Завете Илии — Глава 2, которую следует привести целиком.

Глава 2

1. В то время, как Господь восхотел вознести Илию в вихре на небо, шел Илия с Елисеем из Галгала.

[В Септуагинте выражение "*в вихре* " переведено как "*в землетрясении* " или "en susseismw". Следует отметить, что все три предварительных формы «эпифании», которые предшествовали откровению Бога в "*голосе тихого ветра* " ("глас хлада тонка") на горе Хорив — "*великий сильный ветер* ", "*землетрясение* " ("трус") и "*огонь* " (см. Цр. III, 19, 11–12) — соотнесены с самим Илией. Вначале Авдий боится, как бы дух Господень не унес Илию с земли. Слово то же — pneuma. Об этом говорилось в эпизоде на горе Хорив — "ouk en tw pneumati kiriou", *"но не в дусе Господь"* . Здесь говорится о "вихре"="землетрясении" (susseismo), а в сюжете на горе Хорив — "ouk en to susseismon kuriou", *"но не в трусе Господь"* . И наконец, "*огненная* колесница и огненные кони", которые появляются в этой главе в пункте 11, соответствуют "*огню* ", о котором также говорилось — "ouk ek en to puri kiriou", *"и не во огни Господь"* . Такое совпадение не может быть случайным, как нет ничего случайного в сакральном тексте. И особым смыслом наполняется фраза — "kai meta to pur fwnh aurax lepthx, kakei kuriox", и особенно "kakei kuriox", *"и тамо Господь"* . Сам Илия имеет прямое отношение ко всем предварительным формам эпифании, он приближен к Господу максимально возможным для твари образом, но при этом он все же остается вне божественной сущности, вне "*хлада тонка* ". В этом фундаментальное различие Христа (и христиан) от ветхозаветных пророков, и даже самых высших и избранных среди них: Фаворский Свет — внутренний для Богочеловека, так как он Бог и это его Свет ("Вся слава дщери царевой изнутри", по пророчеству псалма Давида). Для Илии (и для пришедшего в его силе и духе Иоанна Предтечи) и для Моисея этот свет — внешний, остающийся в недоступной дали трансцендентного Бога, по ту сторону всех удивительных эпифаний ужаса.]

3. И вышли сыны пророков, которые в Вефили, к Елисею, и сказали ему: знаешь ли, что сегодня Господь вознесет господина твоего над головою твоею? Он сказал: я также знаю, молчите!

4. И сказал ему Илия: останься здесь, ибо Господь посылает меня в Иерихон. Но Елисей сказал: жив Господь и жива душа твоя! не оставлю тебя. И пошли они в Иерихон.

5. И подошли сыны пророков, которые в Иерихоне, к Елисею, и сказали ему: знаешь ли, что сегодня Господь вознесет господина твоего над головою твоею? Он сказал: я также знаю, молчите!

6. И сказал ему Илия: останься здесь, ибо Господь посылает меня к Иордану. Но Елисей сказал: жив Господь и жива душа твоя! не оставлю тебя. И пошли оба.

7. Пятьдесят человек из сынов пророческих пошли и стали вдали насупротив их, а они оба стояли у Иордана.

8. И взял Илия милоть свою, и свернул, и ударил ею по воде, и расступилась она туда и сюда, и перешли оба посуху.

[Превращение воды в сушу — чудо, свойственное опять же только трем библейским персонажам — Моисею, Илии и самому Христу, который в момент крещения заставил воды Иордана течь вспять. И именно эти три лица открываются апостолам на горе Фавор. И снова в случае Илии чудо связано с милотью, шкурой агнца, которой он закрывал лицо при богообщении на горе Хорив, тогда как перед Сыном Божиим воды того же Иордана расступились сами по себе. В любом случае "осушение вод" сопряжено с действием "*огня* " или "*света* ".]

9. Когда они перешли, Илия сказал Елисею: проси, что сделать тебе, прежде, нежели я буду взят от тебя. И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне.

[На этот пассаж существует каббалистический комментарий в «Зохаре» и у Моисея из Лиона в «Reponsa». Он парадоксально трактуется как *"смирение Елисея перед силой духа Илии, поскольку Елисей хочет, чтобы через его собственные грядущие чудеса слава Илии — чьим могуществом все будет свершаться — возросла вдвое".*]

[Каббала трактует это место, как необходимость проследить траекторию силы Илии "*до корня* ". Если Елисей сможет увидеть *весь путь восхождения* учителя, он проследит таинство его миссии вплоть до самого источника и обретет знание полноты "духа и силы Илии", половина которой была явной в самом Илии и его чудесах, а вторая половина оставалась скрытой. В этом продолжается идея того, что "сила будет на Елисее вдвойне".]

11. Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо.

["Зохар" ("Вайигаш" 209) комментирует это место так: *"Иди и смотри, написано — "вдруг явилась колесница огненная и кони огненные", поскольку тогда дух отделился от тела и поднялся в отличие ото всех остальных людей, и он снова стал святым ангелом подобным остальным святым Всевышнего. Он исполнил миссию в мире сем, как было объяснено, поскольку чудеса, которые Святой будь он благословен осуществил в мире сем, он осуществил через его посредничество".* Здесь ясно выступает каббалистическая концепция Илии как ангелического существа. Особенно важна последняя фраза о посредничестве Илии в осуществлении чудес. Это отсылает нас к иной теме о функциональной близости фигуры пророка Илии к домостроительству Святого Духа в христианстве. «Зохар» ("Берешит III") уточняет, что Бог говорит Илии — *"Ты закрыл за собой дверь, чтобы смерть никогда не смогла завладеть тобой, но мир не может носить тебя также, как остальных людей! Илия ответил ему "ибо сыны Израилевы оставили завет Твой". Святой будь он благословен ответил: "Клянусь твоей жизнью! Повсюду, где Мои дети находятся и практикуют святой завет (обрезания), ты будешь послан. Учат, что по этой причине на всякой церемонии обрезания готовят специальный стул для пророка Илии, который посылается туда."* Эту тему мы разберем несколько подробнее ниже.]

12. Елисей же смотрел и вскрикнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более. И схватил он одежды свои, и разодрал их на две части.

13. И поднял он милоть Илии, упавшую с него, и ударил ею по воде, и она расступилась туда и суда, и перешел Елисей.

[В Септуагинте это место выглядит совершенно иначе. Когда первый раз Елисей ударил милотью Илии по водам, ничего не произошло. И лишь после того, как он провозгласил "Где Бог *Илиин* " (Pou o Qeos Hliou affw), и ударил воды снова, они разошлись. Иными словами, Елисей мог творить чудеса только при участии самого *Илии* , хотя тот и оставался невидим.]

14. И взял милоть Илии, упавшую с него, и ударил ею по воде, и сказал: где Господь, Бог Илии — Он Самый? И ударил по воде, и она расступилась туда и сюда, и перешел Елисей.

15. И увидели сыны пророков, которые в Иерихоне, что опочил дух Илии на Елисее. И пошли навстречу ему и поклонились до земли.

Так завершается библейское повествование о деяниях пророка Илии.

В высшей степени показательно, что сам "Ветхий Завет" оканчивается словами пророка Малахии, посвященными именно Илии.

Малахия, 4, 5-6

"Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного.

И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я, пришед, не поразил земли проклятием."

«ОРДЕН ИЛИИ» и иудаизм

Здесь следует сделать теоретическое отступление. Специфику линии Илии, его миссии и метафизического значения его личности невозможно понять без некоторых общих соображений о структуре иудаистической традиции и ее соотношении к иным традициям как монотеистического (христианство, ислам), так и немонотеистического характера. Так как пророк Илия является в первую очередь персонажем *ветхозаветным* и в других религиозных контекстах всегда сохраняет свое изначальное качество, то логично сказать несколько слов об особости иудаизма как такового.

Иудаистическая традиция — единственная из исторических религий — основана на идее совершенной *чуждости* внутреннего качества *Бога* внутреннему качеству *творения* . Сама концепция «креационизма», «творения», как ее понимало традиционное иудаистическое богословие, является уникальной теорией, неизвестной другим сакральным доктринам. Теория «творения» предполагает *одноразовый и однонаправленный* акт Божества, как бы отторгающего от себя мир, сущностью которого является "ничто". Вселенная — включая ее высшие, ангелические аспекты — в таком понимании не имеет никакой *реальной бытийной основы* , а ее причина остается *абсолютно трансцендентной* по отношению к ней самой. Такой подход применительно ко всей структуре имманентной реальности предполагает *однонаправленность и одноразовость* всех своих событий, в чем проявляется на имманентном уровне изначальный трансцендентный постулат креационизма.

Раз у твари нет перспективы возврата к Творцу, в силу неснимаемой разнородности их природ, то и в самом творении все подлежит однонаправленному убыванию. Возврат невозможен, поскольку у твари отсутствует измерение вечности. Такое измерение вечности реально только при наличии какой-то общей сферы у Создателя и создания, пересекающейся онтологической зоны. Но так как все творения в иудейской перспективе есть сущностно нечто иное, нежели Бог, то отсутствие этой общей зоны и становится главным содержанием иудаистической метафизики. Следовательно, все события в тварном мире принципиально эфемерны, преходящи и однонаправлены, безвозвратны. Иные традиции, утверждая божественность происхождения мира, закладывают основу циклическому времени. Иудаизм

породил концепцию однонаправленного времени, классической хронологии, истории в современном понимании этого термина. В этом состоит сущность иудаистической космологии, которая жестко и строго отрицает миф и тесно связанную с ним сакральность космоса.

Конечно, строгий креационизм ни коим образом не определяет и не исчерпывает всего содержания Ветхого Завета, многие аспекты которого явно свидетельствуют об изначально ином мировоззрении более близком к сакральным доктринам иных народов. В Библии есть мифология, и имманентное понимание Божества, и элементы циклической доктрины и т. д. Но все эти стороны были перетолкованы в радикально креационистском ключе иудаистической теологией. Причем окончательно это было закреплено лишь в последних версиях Талмуда, хотя и в них (особенно в разделах аггады и некоторых эзотерических мидрашах) строгая демифологизация все же не доводится до конца. Наиболее законченной формой доктринального корпуса, подытоживающего эти иудаистические тенденции, является учение Маймонида. Здесь десакрализация и рационализация Ветхозаветных сюжетов и религиозных практик доводится до своего логического предела.

Как бы то ни было, предельно последовательный креационизм, безусловно, с трудом может вместить таких библейских персонажей, которые явно противоречат концепции однонаправленности истории и линейному времени, составляющим сущность и духовную специфику иудаизма. Такими персонажами являются *Сиф* , вернувшийся в рай после изгнания оттуда Адама; *Енох* , взятый Богом и не умерший; *Мельхиседек* , числа дней и родителей которого не знал никто и наш *Илия* , также как и Мелхиседек, родителей и смерти не видевший.

Но будучи последним из цепи этих атипических фигур Ветхого Завета, Илия воплощает в себе их всех, служит общим эсхатологическим суммарным выражением. Илия представляет собой *иудаистическую антитезу иудаизма* , которая, однако, не становится в обычном случае «антиномизмом», антииудейством, но представляет собой *крайний предел ортодоксии* , максимально удаленный от самого духа и центра полной и последовательной креационистской доктрины. Из этого замечания становится совершенно понятным, почему именно к авторитету Илии апеллировали все иудаистские эзотерические и мистические движения и секты, тяготевшие к максимально возможному преодолению строгого креационизма: меркаба-гностики, ессеи, каббалисты, саббатианцы, хасиды и т. д, остававшиеся или нет в рамках ортодоксии.

И совсем уже просто понять функциональную роль Илии в перспективе христианской традиции, которая является совершенным *преодолением иудаизма* . Илия, отождествленный Спасителем с Иоанном Крестителем, есть важнейшее связующее звено между заявкой на преодоление «однонаправленной» вселенной иудаистического креационизма (Илия) и совершением этого преодоления в факте прихода Сына Божьего. Илия — вершина мистического иудаизма, поэтому он был патроном эссеев, называвших себя "последователями Илии и школой пророков" (Elia pater essenorum). Он был венцом пророков, их сущностным образом, их архетипом. В рамках иудаизма выше него не возможно поставить никакого другого сакрального персонажа, и поэтому Моисей из Лиона, признанный авторитет еврейской каббалы и составитель «Зохара», утверждал, что *"Илия выше Моисея и патриархов"* . Но перед лицом самого Бога, ставшего плотью, его величие релятивизируется, и становится полностью понятной евангельская истина: *"Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Небесном больше его."* (Мт. 11:11)

Здесь следует рассмотреть три традиции, которые ставят во главу угла именно фигуру Илии и основывают на его авторитете свои метафизические и эзотерические практики. Анри Корбен обозначил эти три традиции как составляющие сверхконфессиональный *"Орден Илии"* . Речь идет об иудейской каббале, христианском эбионизме и исламской профетологии, особо развитой в шиизме.

Корбен называет эту гностическую линию *"принципом Vera Propheta", "Истинного Пророка"* . Она имеет свои яркие формы во всех монотеистических, авраамических традициях семитского происхождения. Можно сказать, что эта линия объединяет в себе максимум представлений об имманентности Божества возможный в традициях, чья ортодоксия настаивает на его абсолютной трансцендентности. Иными словами, это — *некреационистский, манифестацинионистский подход, помещенный в строго креационистский контекст.*

В иудаизме и исламе эта линия, хотя и выходящая за рамки экзотеризма, — так как она требует элитарных качеств "различения тонкостей", отделяющих ортодоксальную мистику от мистики гетеродоксальной, — не входит в противоречие с официальной религиозной догмой, а следовательно, не может считаться «ересью» в полном смысле этого слова. В христианстве же картина несколько иная, так как такой подход прямо противоречит догматической теологии, основанной на четкой линии св. апостола Павла, и поэтому является *достоянием иудео-христианских сект эбионитского типа* , которые проявились позднее в арианстве, а еще позднее — несторианстве. Во всех случаях, речь шла об акцентировании особой сакральной реальности, которая являлась неким средним, промежуточным звеном между *предтварной реальностью* Божества, которое *есть* , и тварной реальностью мира, созданного из *ничто* .

Это среднее звено имеет несколько наименований:

"Присутствие" ("шекина"), ангел Метатрон, Энох, страна Меркаба (колесница), Шекина, Малькут — в мистическом иудаизме;

Истинный Пророк, Ангел-Христос (Christus Angelus) — в эбионизме;

"Свет Мухаммада", "святой дух", "пурпурный архангел", «Хизр» — в исламском эзотеризме.

Все эти реальности являются наиболее возвышенными духовными аспектами, связанными с фигурой пророка Илии или его «двойников» (Хизра, Салмана Перса, Имама Времени, иногда самого Мухаммада в исламе). Эбиониты видели совершенное воплощение этого же принципа в Христе, которого считали не Богом, но Ангелом, пророком.

Моисей из Леона называет Илию *"ангелом, принявшим человеческое обличье пророка для исполнения миссии на земле; закончив ее, он оставил тело, превращенное в пламя в мире сферы, и вернулся на свое изначальное место"* . Каббала уточняет, что имя этого ангела — *"Сандалфон"* . Иудаистическая ангелология называет его *"ангелом, связывающим небо и землю"* и являющимся *"космическим аспектом Метатрона", "Князя Присутствия".*

Функция Илии в этих трех видах эзотеризма заключается в *передаче прямой и неопосредованной инициации* , которая соединила бы мистика с миром Принципа напрямую, минуя горизонтальную причинно-следственную связь. Более того, сама идея нарушения логики однонаправленного потока одноразовых событий предполагает именно не исторический, но сверхисторический импульс, который отменил бы неумолимую логику имманентного развития твари. *"Орден Илии" по определению не может быть традицией, «преданием» в обычном смысле, т. е. чем-то, что передается исторически и горизонтально.* Это следствие прямого и молниеносного вмешательства трансцендентного в тварную реальность. Фактически "Орден Илии" подходит вплотную к идее *христианской Церкви* , т. е. к благодатной реальности, изъятой из цепей тварного отчуждения, где богоприсутствие таинств вечно и имманентно, сверхисторично. Вся проблема заключается в том, *признается ли за средним звеном качество полноценной Божественности?* Если да, то речь идет о полноценном христианстве и Православии. Если нет, то мы остаемся в рамках авраамизма, креационизма и строго иудаистического монотеизма, не затронутого троической Истиной.

"Орден Илии" в понимании Корбена, безусловно, относится ко второму случаю. И грань, отделяющая эти две во многом схожие реальности, соответствует разнице между ессейским гнозисом, кумранским иудео-христианством, с одной стороны, и полноценным православным христианством Павла, с другой.

Каббала и шиизм — иудейская и исламская ветви "Ордена Илии" — максимально приближаются к христианству. Но определенная грань не преодолевается никогда. Илия, его Ангел, его высший духовный аспект остаются во всех случаях *тварными* реальностями, что следует из признания полноценного и строго креационизма и монотеизма. Однонаправленность и одноразовость преодолевается только в рамках творения. Последний шаг — к перспективе «обожения» — остается невозможным. Ангел (небесный, но тварный) — последний предел духовной реализации мистиков "Ордена Илии". Царство Божие остается принципиально недоступным.

Только благодатное усыновление Богом через принятие в себя человеческой плоти открывает людям перспективу, снимающую фатальную одноразовость и необратимость творения. Но это — дело тех, кто верят не в "Крестящего Водой", но "Крестящего Духом". И для кого, Святой Дух — это не ангел, но Бог.

С другой стороны, возникает закономерный вопрос. Если "Орден Илии" утверждает обратимость истории хотя бы в некотором исключительном случае — в случае Илии и связанных с ним реальностей — как может он признавать строгую креационистскую модель внешней традиции, которая не просто в данном случае иначе интепретируется, но прямо отрицается в ее важнейшей предпослыке? Чаще всего, выдвигаются агрументы относительно того, что полноту истины не могут соознать внешние и для них креационистский экзотеризм подходит более всего. Иными словами, мы имеем дело с двойным стандартом. Эзотеризм "Ордена Илии" признает одну метафизическую картину, а внешние экзотерические институты — другую. Вместо открытого и честного выяснения отношений предлагается некий компромисс, так как никаких промежуточных доктрин, позволяющих совместить оба подхода, ясно разграничив сферу правомочности каждого из них не предлагается.

Та же проблема возникает и в иных аспектах каббалы — в вопросе о тварной природе ангелов и архангелов, окружающих нижнюю сефиру — Малькут, и о нетварной природе самой Малькут, принадлежащей реальности божественных излучений. Глава ангелов — Метатрон, часто отождествляющийся с Енохом, а иногда и с Илией в одних случаях считается резко отдельным о Малькут, а в других случаях почти отождествляется с этой сефирой, идентичной одновременно — Шекине, божественному Присутствию или имманентному аспекту Божества. Само упоминание о "имманентном аспекте Божества" явно несовместимо с полноценным монотеизмом креационистского типа, так как здесь речь может идти только о трансцендентном и уникальном божественном принципе, на что и указывали вполне вправедливо все исторические противники каббалы и еврейского мистицизма из последовательно иудаистического лагеря. Если иудейский экзотеризм максимально разводит тварь и Творца и на этом уникальном моменте основывает свое отличие от иных традиций, то иудейский эзотеризм снова сводит их до такой степени, что метафизическое основание этой уникальности полностью исчезает.

Иными словами, "Орден Илии" представляет собой некий крайне интересный инициатический и метафизический вектор, который апеллирует с предельно важными духовными категориями, но *не может выразить всю драматическую проблематики должным образом.* , т. е. просто не знает или не понимает той метафизической картины, которую утверждает православный эзотеризм, расставляющий все по своим местам.

Православие утверждает и на внешнем и на внутреннем уровне две сосуществующие реальности — конечную и тварную (из ничто созданную) и бесконечную нетварную, божественную. В этом — полный аналог иудаизма, причем креационистского и последовательного. Но в христианстве этим все не кончается, а с этого все начинается. Божественный мир — не сухой трансцендентный Принцип, но благодатная милосердная Троица, изливающая божественные энергии, «выступающие» (по Дионисию Ареопагиту) из

трехипостансной полноты. Но не только это общее «исступление» божественных энергий спасительно пропитывает тварную реальность, давая ей возможность преображения. Одно из трех лиц Троицы — Сын — само сходит в мир и через добровольное «истощение» (кенозис) и слияние с человеческой природой искупает тварь, открывая ей вход в Божественный мир.

"Орден Илии" и его доктрина остаются как бы на пороге Православия. Здесь ясно осознается необходимость совместить однонаправленность движения твари и обратный импульс, — импульс Возврата — возможность и близость которого ясно переживается мистиком при жарком и искреннем, интимном обращении к Божеству.

Иоанн Креститель остался на пороге "Нового Завета". На самой тонкой грани.

Илия и его роль в инициации

Пророк Илия рассматривается иудаистической традицией как важнейший персонаж наиболее значимых религиозных ритуалов. Согласно хасидским преданиям, он присутствует всегда, когда совершается *обряд обрезания* . Т. е. он выступает своего рода посредником или свидетелем при важнейшем моменте в религиозной практики иудаизма, когда еврейский младенец принимает на себя печать Завета. Это — ключевой иудаистический ритуал, типологически схожий с обрядом христианского *крещения* . Обрезанный еврей становится полноправным членом иудейской общины, "избранного народа", "ветхозаветной церкви". Он обретает в своем теле зримое подтверждение древнего договора между Создателем и евреями об их избранности, об их центральном месте в мировой истории. Этим же подтверждается уникальность креационистской метафизики монотеизма. Подобно инициатическому ритуалу обрезание рассматривается как переход от плотского существования к более чем плотскому, к духовному, к религиозно-общинному. И поэтому присутствие в данном случае пророка Илии содержит в себе огромный символический смысл. Сам Илия — преображенный, не умерший, сохранивший плоть и жизнь по ту сторону фатальной черты — является посредником и ходатаем между материальной стороной еврея и его Творцом. Поэтому Илия, сохраняя свое персональное единство, разделяется на множество «присутствий», каждое из которых неукоснительно пребывает в момент обрезания в какой бы точки мира оно не происходило.

Обрезание — духовное рождение еврея, и присутствие в этот момент пророка Илии подчеркивает, что речь идет о переходе от плотского существования к существованию духовному. Как сам Илия представляет собой одухотворенную преображенную плоть, вышедшую за границы законов имманентной телесности, так и новообрезанный из «одно-частного» становится «двухчастным».

Вместе с тем можно заметить явное типологическое сходство пророка Илии в мистическом иудаизме с одним из лиц православной Троицы, с ипостасью Святого Духа в том, что касается его домостроительной функции. Как Илия присутствует при обрезании — "духовном рождении" — иудея, так и Утешитель присутствует и осуществляет "христианское крещение", "рождение свыше". Святой Дух, не теряя своего единства и своей неизменности, разделяется для того, что дать начаток новой христианской церковной личности, и его силой осуществляется важнейший посвятительный ритуал новозаветной Церкви.

Продолжая эту линию, можно вспомнить символическую связь пророка Илии с огнем ("огненная колесница") и *поднятием в воздух* . Святой Дух также часто символизируется *огненными языками пламени* (как в случае Пятидесятницы). И подобно тому, как Илия в иудаистическом эзотеризме является центральной фигурой всех инициатических, так и Святой Дух в православном учении является главным таинственным вершителем всех православных мистерий. Не случайно, домостроительство Святого Духа называется *"домостроительством совершения"* .

Известнейший каббалист Моисей из Лиона приводит рассуждение относительно Илии и его духа, которое дополняет типологическое сходство. Он пишет: *"настолько же верно,*

как то, что дух, снизошедший на Елисея был духом Илии, верно и то, что Илия поднялся на небо в теле, а снизошел в духе, и таким образом, как только его тело поднялось, его дух тут же сошел и стал творить чудеса посредством Елисея" ("Reponsa" — цит. По Tishby "Studies in Kabbalah", Jerusalim, 1982).

Если в фигуре пророка Илии мы имеем иудаистический аналог Третьего лица православной Троицы, то картина "Ордена Илии" становится полной. Как Святой Дух в христианском эзотеризме является осью инициации и духовной реализации, основанных на специфике троической метафизики, так же в традициях строго монотеистического креационистского толка, где принята сотериология и профетология «эбионистской» направленности, фигура Илии является его прямым эквивалентом, но соответствующим совершенно иной метафизической перспективе.

Отсюда легко перейти к исламской традиции Сохраварди, в которой центральное место занимает фигура "Святого Духа", отождествляющаяся с «ангелом-посвятителем», с "пурпурным архангелом", с «Хизром» и т. д.

Каббала ортодоксальная, гетеродоксальная

Крупнейший современный исследователь каббалы Гершом Шолем скрупулезно вычленил в рамках иудейской традиции все моменты, касающиеся различия *между ортодоксальным эзотеризмом и эзотеризмом гетеродоксальным.*

Шолем указывает на то, что сама иудейская каббала радикально отличается от магистрального духа иудаизма как религии, которой совершенно чужд всякий мифологический, «платонический» характер. Но вместе с тем, духовная свежесть и подлинность религиозного опыта не возможны без личностного, мифологического проживания традиции, и поэтому Шолем считает каббалистический эзотеризм неотъемлемой частью иудаизма. При этом вся сфера этого эзотеризма делится на две части: одни эзотерики признают правомочность ортодоксии, которую они лишь интерпретируют в своем духе, оставляя букву нетронутой; другие, погрузившись в водоворот мистических интерпретаций, отказываются признавать легитимность внешних догматических форм. То же самое можно увидеть и в исламском эзотеризме, где существует четкая грань между мистикой шиитов-"двенадцатеричников", сохраняющих связь с нормативами «шариата» — и исмаилитскими гностиками ("шиитами-семиричниами") или «алавитами», отрицающими исламский экзотеризм как таковой.

Ортодоксальная каббала довольно оригинально трактует сам иудаистический экзотеризм, «закон», «Тору». С ее точки зрения, ограничительным характером этот «закон» обладал не всегда, но лишь начиная с некоторой эпохи, которая получила названия "шемитта гебура". "Шемитта гебура" — это цикл, соответствующий 5-й сефире Гебура сефиротического древа, которая соотносится с "левой стороной", «наказанием», "страхом Божиим", а эпоха, связанная с 4-й сефирой Хесед была совершенно иной, и акцент «Торы» в ней падал не на ограничение, но на милость, так как соответствующая сефира принадлежит "правой стороне". Именно таким циклическим моментом оправдывают каббалисты строгость и духовную «сухость» внешнего экзотерического иудаизма, считая эзотерическую компенсацию делом избранных, достоянием метафизической элиты. На признании негативного характера актуального цикла и основывается терпимость каббалистов к экзотерикам и учителям маймонидского рационалистического иудаизма не смотря на то, что практически во всех пунктах их позиции расходятся (часто не только в интерпретации, но и в самой форме соответствующих доктрин).

Но существует и гетеродоксальная каббала, которая идет гораздо дальше и не просто совмещает эзотеризм с экзотеризмом, но *противопоставляет* их. Это явление получило самое масштабное и яркое развитие в истории движения иудейского псевдо-мессии Саббатаи Цеви, чье учение было великолепным примером гетеродоксального эзотерического иудаизма. Чтобы понять специфику этого явления следует сделать краткий экскурс в

каббалистическую теорию творения.

Каббала учит, что творение мира имеет 4 уровня, и соответственно, эти четыре уровня представляют собой 4 мира. Первый (и самый проблематичный для иудейского сознания) — это мир «Ближних», «Ацилут», реальность источения божественных энергий. Эту область каббала (в частности, "Зохар") описывает в совершенно «платонических» терминах, как поле "божественных эманаций". Сам факт подобного утверждения резко контрастирует с иудаистическим представлением о "творении из ничто", так как речь идет о некотором божественном акте явно предшествующем этому "творению из ничто". До гностической идеи "двух творений" (светового и материального, благого и злого) здесь рукой подать, а это представляет собой уже не просто ересь, но полное опровержение самого духа иудаизма и своего рода духовный «антисемитизм». Однако даже эту предельно опасную концепцию каббалисты умудрялись как-то сочетать с ортодоксией…

Второй уровень творения называется «Бериа», т. е. собственно «творение». Это уже более нормальная доктрина, совпадающая с мистическим толкованием начала творения как чисто духовного действия Божества, которое вначале творит "из ничто" пару духовных принципов — Землю и Небо, как два метафизических предела Вселенной. Даже самая радикальная спиритуализация этих понятий может быть совмещена с духом иудейской ортодоксии, хотя и здесь каббалисты часто используют терминологию и символы, далекие от рационалистского подхода и откровенно напоминающие «платонизм».

Третий уровень — «Йецира», «формообразование». Здесь снова, но уже на более низком уровне мы сталкиваемся с типично «эллинской» доктриной "мировой души", "подательницы форм", которая организует и оживляет субстанциальные миры материи. Но и это в целом не противоречит ортодоксальной иудаистической онтологии, так как существование «души» иудаизм признает, несмотря на целую гамму толкований этой инстанции. Некоторые наиболее «чистые» иудаистические течения — фарисеи — доходили и до отрицания «души», что выражалось в отвержении теории «воскресения».

Четвертый и последний мир — «Асия» — есть мир «активаций», т. е. оживленных материальных форм и вещей, т. е. реальность, данная нам в ощущениях и предметах.

Итак, четыре мира предполагали четыре толкования «Торы». В самом низу — "Тора написанная", «свиток». На втором уровне — "Тора устная", существующая в качестве звучащих слов, ангельских звуков. На третьем уровне — в мире «Бериа» — Тора снова «написанная», но не на свитке, а "черным огнем по белому огню". В виде духовных букв.

Такую картину признавали все типы каббалистов, различие начиналось дальше.

Так гетеродоксальные каббалисты считали, что помимо трех «Тор», разнящихся между собой только по степени духовной простоты, но не по смыслу и духу (в этом с ними согласны и каббалисты-ортодоксы), существует и *"Четвертая Тора"* , принадлежащая миру «Ацилут», знание которой полностью меняет смысл "трех Тор" творения. И так как саббатаисты считали самого Саббатаи Цеви мессией, вместе с приходом которого оканчивается "шемитта гебура" и начинается новая шемитта, связанная с 6-й благой сефирой Тиферет, то старая «Тора» "шемитты гебура" исчерпывает свое значение, становится неадекватной. Одновременно «откровение» мира Ацилут взрывает ограничительный характер мира Бериа и двух остальных, подчиненных ему, и следовательно, правомочность исторического экзотерического иудаизма прекращается.

Здесь мы уже оказываемся в сфере чистого гностицизма. Не удивительно, что Саббатаи Цеви также апеллирует к "явлению Илии", как христианские тексты ссылались на тождество Иоанна Предтечи с пророком Илией.

Неудивительно, что эта гетеродоксальная каббала часто духовно сближается с христианством и особенно Православием. На самом деле, структура этого гетеродоксального иудейского гнозиса, являющего собой явную параллель христианским эсхатологическим концепциям Иоахима де Флора, в своих метафизических аспектах демонстрирует прямой аналог метафизики апостола Павла.

Гетеродоксальная каббала и апелляция к миру «Ацилут» и соответствующему ему

"новому эону" показывают, каким путем радикализация внутренних инициатических доктрин "Ордена Илии" приводит креационистскую семитическую традицию вплотную к ее радикальному преодолению, т. е. к особой и уникальной новозаветной евангельской метафизике.

Здесь вскрывается один очень важный момент. В самом иудаизме всегда существовала тенденция сближать каббалу с христианством. Особенно это касалось нескольких ранних каббалистических книг — типа "Алфавит рабби Акиба" и самого «Зохара». Это дало повод обвинять каббалистов в том, что они являются «криптохристианами». Так, к примеру, один пассаж из книги "Алфавит рабби Акиба" рассматривает Христа как Мессию и историческое выражение мистической буквы Цаде. Более того, весь настрой каббалы — даже в ее ортодоксальных аспектах — стремится как можно больше акцентировать связь низшего мира с миром высшим, и как можно меньше настаивать на их фундаментальном неснимаемом различии, что характерно для строгой креационистской этики. При этом исторический, однонаправленный аспекты мира не зачеркивается, как это имеет место в законченном манифестационизме, но сохраняется. Происходит наложение манифестационистской перспективы (теория сефирот и имманентности Шекины) на перспективу строго креационистскую. Это в совокупности дает метафизику чрезвычайно близкую к метафизике христианства, но только вместо Новозаветной Церкви и ее онтологии речь идет о "общине Израиля" в ее иудаистическом, ветхозаветном смысле.

Поэтому в случае гетеродоксальных каббалистов переход в христианство становится вполне естественным шагом. Особенно наглядно это было видно в случае общего обращения «франкистов», последователей Якоба Франка, вождя европейских саббатаистов. Саббатаисты были подготовлены к принятию Нового Завета свей духовной логикой каббалистической метафизики, а окончательный шаг был лишь делом конкретных исторических обстоятельств.

Илия в "Новом Завете"

В "Новом Завете" свидетельства об Илии чаще всего связаны с темой Иоанна Предтечи:

Матфей, 11

11. Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царствии Небесном больше его.

12. От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

13. Ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна.

14. И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти.

Матфей, 17

10. И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?

11. Иисус сказал им в ответ: правда, Илия придет прежде и устроит все;

12. Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них.

13. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе.

Марк, 9

11. И спросили Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит прийти прежде?

12. Он сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену;

13. И говорю вам, что и Илия пришел, и поступили с ним, как хотели, как написано о нем.

Следует обратить внимание на следующую деталь: во всех местах, где в "Новом Завете" упоминается Илия в связи с Иоанном Пророком, это прилежит к 11 стиху. У Матфея в главе 11(!) пункты 11(!)-14, в главе 17:10–13, у Марка в главе 9: 11(!)-13. Это не может быть простым совпадением, так как ничего случайного в священном писании нет.

Вообще говоря, число 11 (и его производные — 22, 33 и т. д.) играет огромную роль в эзотерической традиции. Это число предшествует числу 12, которое, в свою очередь, означает конец цикла, завершенность. 11 число эсхатологическое, непосредственно предшествующее числу совершенства.

Отождествление Илии с Иоанном Предтечей является фактом, засвидетельствованным самим Спасителем, но отрицаемым Иоанном Предтечей. В окончательной догматической экзегетике принята фраза *"Иоанн Предтеча, пришедший в духе и силе Илии"* .

Символизм Иоанна Предтечи и его связь с самой сущностью ветхозаветной традиции и свойственной ей антропологии и космологии, мы рассматривали в работе "Крестовый поход солнца", где подробно исследовали символизм его декапитации и других сюжетов, с ним связанных. Также следует обратиться к нашей книге "Метафизика Благой Вести". Самым кратким образом можно свести эти соображения к следующей картине:

1. Иоанн Предтеча воплощает в себе сугубо ветхозаветную праведность, которая была основана на этике самоумаления твари перед лицом трансцендентного творца. Такая праведность была обречена на то, чтобы оставаться несовершенной ("ничто же бо совершил закон", по словам апостола Павла), так как без благодати Христа даже самые духовные и праведные личности — от Адама через Ноя, патриархов, Моисея и пророков — вынуждены были пребывать после смерти в «шеоле», "царстве мертвых", отождествленных христианством с адом.

2. В отношении Иоанна Предтечи к Христу — признание и предуготовление пришествия Мессии, с одной стороны, и сомнения во Христе, с другой — проявляется вся сущность ветхозаветной традиции, которая обречена на то, чтобы ее *эсхатологическая интуиция оставалась всегда гадательной* . Иоанн Креститель, духовно тождественный Илии, есть вершина мистического иудаизма, но все же между таким иудаизмом и христианством лежит бездна.

3. Если рассматривать Иоанна Предтечу в позитивном аспекте, он есть та ветхозаветная линия, которая восходит к Сифу, Эноху, Мелхиседеку и Илие и является предвосхищением новозаветной реальности, вершиной особой тайной провиденциальной иерархией, ангельски предвкушающей Боговоплощение. Так понимает Иоанна Крестителя православное троическое христианство.

4. Если рассматривать Иоанна Предтечу в свете иудео-христианского гнозиса эбионитского толка или в оптике арианских или несторианских версий «унитаристского» еретического христианства, продолжающего ессейские традиции и линию кумранских общин, то его личность может рассматриваться как ключ к нетринитаристской, иудаизированной профетологии и христологии, в которой Христос считается лишь «пророком», «человеком» и «святым», «ангелом», но не Богом и не Сыном Божьим. В этой традиции Иоанн — Илия предстает высшим метафизическим авторитетом, как бы антитезой Иоанна Богослова и апостола Павла. Эта линия полностью принята исламской христологией и профетологией. Семитический креационистский строгий монотеизм в такой версии остается нетронутым и цельным, тогда как в Православии троический принцип представляет все в совершенно ином свете.

5. Следовательно, по отношению к Христу Иоанн Предтеча (= Илия) может

рассматриваться в двойственном отношении. В одном случае, он есть провиденциальный уготовитель Пришествия, поставленный на служение Святым Духом. В такой форме Креститель — Илия входит в новозаветную церковь, становясь особенно важной фигурой в монашеском делании (его центральная роль в исихазме). В другом случае, оставаясь в пределах иудаистического мировоззрения или, шире, креационистски монотеистического семитизма (включающего в себя ислам и иудео-христианские ереси эбионитского типа), фигура *Иоанна Крестителя* (Илии) радикально меняет свой смысл, сближаясь с самим *антихристом* , который также этимологически означает "предшествующий Христу", «анте-христ». Это отождествление было характерно для христианского антииудаизма от Маркиона до альбигойцев и богомилов. В целом структурно — это соответствует двум отношениям христиан к классическому иудаизму: *до Христа* иудаизм рассматривается как провиденциальная и единственно истинная традиция, тогда как иудеи, не принявшие Христа, после Него, становятся из "избранного народа" "народом проклятым", народом-богоубийцем и "детьми дьявола".

Фигура Илии и его отношение к Спасителю является ключевым пунктом христианской метафизики, по которой проходит водораздел между полноценной новозаветной Церковью, где *"несть ни иудея, ни эллина"* , и разнообразными версиями семитического монотеизма, не принявшими Благую Весть и ее парадоксальную, уникальную, тринитарную метафизику.

«Орден Илии» и западное христианство

Католичество, ставшее официальной традицией христианского Запада, является не просто *христианством* , но *одной из версий* христианства, причем такой, которая далее всего в рамках новозаветной реальности отстоит от богословия апостола Павла и соответственно полноты православного вероисповедания. Католическое богословие, обретшее окончательную форму в субординатизме пункта о Filioque и построенной на аристотелевском подходе теологии Фомы Аквинского, по сути является *иудаизированным христианством* , отвергающим мистическую линию, восходящую к восточным отцам, александрийцам, Дионисию Ареопагиту, преподобному Максиму Исповеднику, Симеону Новому Богослову, Григорию Синаиту и нашедшую окончательную форму в трудах святого Григория Паламы, которыми заканчивается формулировка полноценной доктрины *"Торжества Православия"* . Католичество строго проводит в самой церкви ту черту, которая отделяет экзотеризм от эзотеризма и которой никогда не существовало (и не существует до сих пор) в Православии, где и эзотеризм и экзотеризм укладываются в рамки *единой церковной ортодоксии* . Это приводит к тому, что эзотеризм в католическом мире обретает особый организационный статус и специфический институционный характер. Этот эзотеризм, изначально не противостоящий католичеству, но дополняющий его, совокупно можно назвать «герметизмом», элементы которого были рассредоточены по рыцарским орденам, братствам алхимиков, розенкрейцеровским организациям, позже масонским ложам.

Самый существенный момент: так как полноценный исихастский православный и христианский эзотеризм был для людей католического Запада закрыт по конфессинально-идеологическим и геополитическим соображениям, то западный эзотерики были вынуждены прибегать к иным формам гнозиса — дохристианским или иудаистическим, т. е. к формам сущностно *"нехристианским"* . Так и сложилась устойчивая традиция обращения к египетской, эллинистической и каббалистической традициям, которые и составили основу западного эзотеризма в эпоху католического экуменизма.

Можно рассмотреть эту ситуацию схематически. — Соотношение между экзотеризмом и эзотеризмом соответствует соотношению между *креационизмом* (инородность и несводимость друг к другу твари и Творца), «иудейством», с одной стороны, и *манифестационизмом* (однородность твари и Творца, их сущностное единство), «эллинством» или «египто-эллинством», с другой стороны. В рамках христианства это соотношение может располагаться в дух плоскостях — в православной и католической.

Православие — особенно в своем мистическом, исихастском измерении — акцентирует церковный, новозаветный синтез между этими двумя метафизическими позициями, основывающийся на последовательном тринитаристском богословии апостола Павла, отвергающем субординатизм и логико-рационалистическое богословие, аристотелевский метод. В таком случае сама Церковь становится средоточием эзотеризма, который представляет собой сущностную, метафизическую сторону Православия. Такой подход отвергает как *иудейство* , так и *эллинство* , замещая и то и другое развернутым и догматически абсолютным *христианским эзотеризмом* . В таком случае, не существует никаких внецерковных эзотерических институтов, никаких самостоятельных эзотерических организаций или групп, никаких орденов или инициатических школ, лож и т. д. Таково положение православного мира от Византии до Православной Московской Руси.

Второй подход основывается на *отрицании православного синтеза* и ищет любых путей, кроме православного, для сочетания экзотеризма (формально отрицающего эзотеризм в лоне самих экзотерических институтов) и эзотеризма, избирающего для своего выражения особые формы, поначалу конформные с внешней доктриной, но могущие претендовать на свою альтернативность (как это имело место с поздним масонством, ставшим на антиклерикальные позиции). Здесь мы подходим к самому главному: такой промежуточной областью в рамках католичества, удовлетворяющей всем теоретическим условиям сочетания внешнего креационизма и внутреннего манифестационизма, причем *вне* новозаветной церковности, является *"Орден Илии"* в самом широком смысле этого понятия.

В данном случае, речь идет о слиянии трех линий —

1) иудео-христианских течений, берущих свое начало в первых христианских общинах (часть из них могли сохраниться на Западе в некоторых орденах или монашеских братствах — в первую очередь, мы имеем в виду Кармелитский монашеский орден, претендующий на преемственность ессейской традиции);

2) каббалистических и мистических школ иудаизма, распространенных на Западе;

3) исламского эзотеризма, с представителями которого Запад столкнулся во время Крестовых походов и арабских завоеваний.

Эти три линии основывались внешне на строгом *креационизме* и чисто семитском духе, что гармонировало с общим настроем католической теологии, но при этом с обратной стороны такого акцентированного авраамизма стояло *манифестационистское* эллинство и апелляции к египетскому наследию. Иными словами, внешнее иудейство (еще более креационистское, нежели официальная христианская доктрина в ее католической форме) сопрягалось здесь с внутренним эллинством (неприемлемым для нормального христианства). *При этом их сочетание было обратным относительно полноценного православного богословия, основанного на лини Иоанна Богослова и святого апостола Павла.*

Мы уже видели, что Илия отождествлялся с Энохом и исламским Хизром, будучи ключевой фигурой такого специфического креационистского эзотеризма. Но в мистических доктринах эти фигуры сливались с ангелической иерархией — ангелом Сандалфоном, Метатроном и иногда с архангелом Гавриилом. Анри Корбен указывает на поразительный факт, что эту линию суфийский эзотеризм продолжал отождествлением Идриса (Эноха) с *Гермесом* ! Следовательно, мы подошли к специфической точке, которая объяснит нам структуру западного эзотеризма в целом. Эллинско-египетский Гермес Трисмегист, символ манифестационистской традиции ("что сверху, то и снизу"), — автор "Изумрудной скрижали", а зеленый цвет в символически относится именно к Хизру (чье имя означает "зеленый") — таким образом сопрягается со строгим ветхозаветным креационизмом. При этом формально соблюдается полноценность структуры традиции (наличие эзотеризма и экзотеризма), внешняя структура рационалистического католического богословия остается незыблемой.

Как бы то ни было, наши заключения легко помогут объяснить тот факт, что патроном алхимиков считался святой Иаков, который был воплощением именно иудеохристианских тенденций и ключевой фигурой эбионитского течения. Предельный семитический

креационизм (отрицание Божественности Христа) сочетается в европейском герметизме с предельным эллинско-египетским манифестационизмом (Гермес и его скрижаль, утверждающим божественность мира).

Таким образом, *"Орден Илии"* есть парадигматическая реальность западного эзотеризма, применительно к структуре католического мира после того, как он окончательно и радикально порвал духовные связи с Византией и православной метафизикой.

Теперь легко восстановить систему внутренних отношений и понять функции Elias Artista, на коорого ссылались алхимики, розенкрейцеры и масоны. Наиболее ярко этот комплекс воплотился в Реформации, когда протестантизм фактически легитимизировал такое положение дел, отвергнув католический компромисс и утвердив на его месте сочетание иудеохристианского почти ветхозаветного благочестия, лишенного новозаветных мистерий, ритуалов и таинств, с манифестационистской герметической мистикой, нашедшей свое высшее проявление в трудах Беме, Сведенборга и других теософов. Неудивительно, что типичная розенкрейцеровская эмблема красовалась на кольце Лютера и на его надгробии…

В масонстве и особенно в мистическом иррегулярном масонстве эта структура "Ордена Илии" обнаружилась совершенно и внушительно, так как в этой организации, претендующей на наследие всех ветвей западного эзотеризма, иудаистическая ориентация символизма сосуществует с ярко выраженным эллинистическим, платоническим началом. Т. е. в полной мере присутствует "и иудейство, и элинство". Отсутствует лишь подлинная христианская метафизика.

Elias Artista

В качестве иллюстрации, приведем несколько примеров темы Илии пророка в алхимической литературе. Напомним, что сами алхимики называли себя "философствующими посредством огня", "philosophes par le feu". Точно также выражались и розенкрейцеры.

Одно их первых упоминаний о "Helia Artista" находим у Дорна "De transmutatione metallorum", Theatrum Chemicum, 1602, I, p. 610: "usque ad adventum Heliae Artista quo tempore nihil tam occultum quod non revelabitur." — *"и по пришествии Илии Артиста ничего из скрытого не останется таковым, но станет явным."* Helia Artista — это формула, свойственная для европейской герметической традиции.

Несколько выдержек из книги Фулканелли "Философские обители".

"Итак, разрушенная, умерщвленная материя, заново перекомпанованная в новое тело, благодаря секретному огню, который возбуждает огонь очага, постепенно поднимается с помощью умножений к совершенству чистого огня, скрытого под фигурой бессмертного Феникса: sic ad astra. Также и оператор, верный служитель природы, обретает вместе с возвышенным знанием, высокий титул рыцаря, уважение равных ему, признание своих братьев и честь, превышающую всю славу света, считаться одним из учеников Илии."

Этот пассаж однозначно указывает на связь Великого Делания и миссию пророка Илии. Имеет смысл привести и предшествующую часть текста Фулканелли, где описывался весь процесс становления "учеником Илии".

"Фрагмент 3 (6-я серия) фигур из Замка Дампьер. —

Шестиугольная пирамида, из пластинок клепанной толи, несет на себе, рядом с перегородкой, различные рыцарские и герметические эмблемы, элементы вооружения и почетные знаки: маленький щит, железный шлем, нарукавная повязка, латную рукавицу, корону и гирлянды. Эпиграф взят из стихов Вергилия (Энеиды, XI, 641):.SIC.ITVR.AD.ASTRA.

Таким образом достигается бессмертие. Эта пирамидальная конструкция, чья форма напоминает иероглиф, обозначающий огонь, не что иное, как Атанор, слово, которым алхимики обозначают философский очаг, необходимый для доведения Делания до конца. Различимы две дверки, которые расположены напротив друг друга; они прикрывают собой

стеклянные окошки, позволяющие наблюдать фазы работы. Другая дверка, расположенная внизу дает доступ к очагу; наконец, маленькая пластинка вблизи вершины служит для измерения и выхода газа, появляющегося при горении. Внутри, если мы обратимся к детальным описаниям, даваемым Филалетом, Ле Тессоном, Салмоном и другими, а также к чертежам Рупескиссы, Сгоббиса, Пьера Вико, Гугинуса а Барма и т. д., у Атанора находится металлическая или земляная миска, называемая «гнездом» или «ареной», потому что яйцо в там подвергается инкубации в теплом песке (по-латински «arena» — "песок"). Что же до горючего, которое используется как топливо, то оно варьируется, хотя большинство авторов сходится на предпочтительности теплообразующих ламп.

По меньшей мере именно так мэтры учат об очаге. Но Атанор, как вместилище таинственного огня, имеет не столь вульгарное устройство. Под секретной печью, тюрьмой невидимого пламени, с большим соответствием герметическому эзотеризму следует понимать подготовленную субстанцию, — амальгаму или ребис, — служащую оболочкой или матрицей центральному ядру, где дремлют скрытые качества, приводимые к активности обычным огнем. Только материя, являющаяся единственным носителем природного и секретного огня, бессмертный агент всех наших реализаций, остается для нас единственным и подлинным Атанором (от греческого Athanatos, "тот кто обновляется и никогда не умирает"). Филалет говорит нам относительно секретного огня, — без которого мудрецы никак не смогли бы обойтись, поскольку только он и вызывает все изменения в составе, — что его эссенция металлическая, а его происхождение серное. Он считается минералом, так как он рождается из первичной ртутной субстанции, единственного источника металлов; а серный он в силу того, что этот огонь при извлечении из металлической серы обретает специфические качества "отца металлов". Это, таким образом, двойной огонь, — двойной огненный человек Базиля Валентина, — который заключает в себе притягивающие, соединяющие и организующие качества ртути и сушащие, коагулирующие и фиксирующие свойства серы. Любому, кто обладает даже самым отдаленным представлением о философии, станет понятно, что этот двойной огонь, вдохновитель ребиса, нуждающийся лишь в поддержке тепла, чтобы перейти от потенциального состояния к актуальному, не может иметь отношения к очагу, хотя он метафорически и представляет наш Атанор, т. е. место энергии, принципа бессмертия, заключенного в философский состав. Этот двойной огонь — ось искусства, и согласно выражению Филалета "первый агент, который заставляет колесо вращаться и ось двигаться"; поэтому-то иногда его и называют "огнем колеса", так как складывается впечатление, что он развивает свое действие кругообразно, в целях осуществить конверсию молекулярной структуры, и его вращение символизируется колесом Фортуны или Оуроборосом."

Здесь и в других местах книги Фулканелли тема *алхимического огня* и Великого Делания соотносится с историей Илии пророка, который служит архетипом герметической реализации. В другом месте Фулканелли однозначно соотносит Илию с Солнцем и Духом, основываясь на символической связи между греческим написанием его имени — «Hliou», греческим словом «солнце», «Hliox» и латинской непроизносимой буквой H, которая считалась в западном эзотеризме символом Духа по преимуществу.

В одном месте, говоря о Магнезии философов или магните, служащем "посредником между небом и землей", Фулканелли приводит интересный отрывок из книги Де Сирано Бержерака "Мир Иной", где тот говорит о "магнезиевом духе". Приведем это место полностью:

"Вы надеюсь не забыли, что меня зовут Илия, как я вам и сказал ранее. Вы знаете, что я жил в вашем мире и находился вместе с Елисеем, таким же евреем как и я, на красивых берегах Иордана, где я проводил среди книг довольно сладкую жизнь, не оставляющую места сожалениям, кроме того, что она протекала в одном направлении. Однако, по мере того, как свет моих познаний увеличивался, росло понимание необъятности того, что остается непознанным. Наши жрецы никак не могли заставить меня забыть Адама и та

совершенная философия, которой он обладал, заставляла меня вздыхать от зависти. Я уже отчаялся обрести эту философию, пока однажды, принеся в жертву через покаяние все слабости моего смертного существа, я не уснул; и Ангел Господень явился мне во сне. Я тут же проснулся и не преминул сразу же приняться за вещи, которые он мне повелел сделать: я взял квадратный магнит около двух футов и положил его в очаг; потом, когда он достаточно очистился, подвергся преципитации и расплавился, я вырвал из него «атрактив». Я прокальцинировал весь этот Эликсир и свел его объем приблизительно до средней пули.

В ходе этих приготовлений я сделал также колесницу из очень легкого железа, и когда через несколько месяцев все приборы были мной закончены, я взошел на эту хитроумную колесницу. Возможно вы спросите меня, зачем все эти приготовления? Знайте, что Ангел сказал мне во сне, что если я хочу обрести "совершенную науку", я должен подняться к миру Луны, где я и найду рай Адама, Древо Познания; и как только я вкушу его плод, моя душа просветиться всеми истинами, которые может вместить тварь. Вот для такого путешествия я и построил свою колесницу. Наконец, я взошел на нее, и когда я утвердился на ней и устроился на сидении, я бросил очень высоко в воздух этот шар магнита. И вся железная машина, которую я специально устроил более массивной посредине, нежели по краям, тут же поднялась. И в полном равновесии, по мере того, как я поднимался к тому месту, куда меня притягивал магнит, и куда я взлетал, моя рука снова подкидывала его дальше вверх…. Воистину это был удивительный спектакль, так как сталь этого летающего жилища, которую я тщательно отполировал, отражала во все стороны солнечный свет так живо и так искристо, что и самому мне казалось, будто я поднимаюсь в огненной колеснице… Когда же я задумался об этом волшебном подъеме, мне стало понятно, что я не смог бы победить в силу только лишь оккультных качеств простого природного тела бдительность Серафима, которому Бог приказал охранять вход в рай. Но поскольку ему нравится использовать вторичные причины, я думаю, он внушил мне это средство, чтобы проникнуть туда, подобно тому, как он решил воспользоваться ребром Адама, чтобы сделать женщину, тогда как он мог бы изготовить ее из глины, также как и его самого".

Все эти типичные для стиля алхимии пассажи относительно Илии, указывают, тем не менее, на центральность его фигуры как оператора с одной стороны и одновременно главного посредника в деле Трансмутации, *"тайного агента преображения"* и "оккультного духа". Очень показательна его связь не просто с огнем, но и с магнитом, который играет огромную роль герметическом символизме. Алхимический Магнит — это то, что традиция исламского эзотеризма (школа Сохраварди и исмаилиты) называют*"Ностальгией"* , таинственной силой, неумолимо притягивающей существо к истоку, к изначальному райскому состоянию, которое было утрачено. "Магнезия философов" — это аналог "Нижней или павшей Софии" гностиков, изначальная субстанция души, оторванной от своего животворящего и трансцендентного истока, почерневшая в изгнании отчужденного существования. Илия как Энох, Сиф, третий сын Адама, вернувшийся в рай, и Мельхиседек, представляют собой тех исключительных персонажей Ветхого Завета, которые нарушили однонаправленную, энтропическую логику священной истории и повернули процесс онтологического убывания вспять. Как бы притягиваясь к алхимическому железу Истока.

Именно поэтому Илия и становится парадигматической фигурой для герметической традиции, которая основана как раз на эллинско-манифестационистском инициатическом подходе, целью которого является "новое творение" или преображение природного в сверхприродное. Здесь уместно напомнить отождествление Гермеса с Илией через Хизра в исламском эзотеризме, о чем мы говорили выше.

Илия в календарной традиции (модель Г. Вирта)

С фигурой пророка Илии исторически связываются многие дохристианские, языческие мифы, в последствии вошедшие в христианский религиозный контекст. У православных праздник пророка Илии отмечается со всеми атрибутами древнейшего солнечного культа — в частности, до самого последнего времени на севере России ему приносили в качестве жертвы быка! Кроме того, с ним связывалась гроза — молния и гром, которые уподоблялись движению огненной колесницы Илии-пророка по небу. Также он считался покровителем дождя. Библейская история совпала в данном случае с древнейшими индоевропейскими сакральными комплексами.

Герман Вирт — крупнейший исследователь изначальных сакральных парадигм так истолковывал тему Илии пророка и его праздника среди северных арийских народов. —

"Наскальные рисунки из Фоссума и могильная символика из Пука д’Агьяр изображают оленя как носителя "двух людей" или знаки или , а также «Твимадр» , что тождественно "оленьей бороне"; это символы «Года», "деления Года". Они приобретают особое значение в связи с культовым народным обычаем, встречающемся на северо-востоке Европы — от Онежского озера до Кавказа (черкесы). Все это относится к т. н. "Ильину дню", который был связан с жертвоприношением символического животного и разделу его туши как культовой пищи ("общая трапеза"). В олонецкой губернии это действо чаще всего приходится на первое воскресение после Ильина дня, 4 августа (= 22 июля). **От Ильина дня отсчитывают начало осенне-зимней части Года, нисходящей его части.** Важную роль играет еще сохранившийся народный обычай связывать с этим днем число 6 или 12, как воспоминание о последней североатлантической традиции двенадцатимесячного года или 24-частного деления года на полумесяцы. Если жертвенным животным этого "агнчего воскресенья" часто бывал баран, — у язычников черкесов в XVII веке он крепился к крестообразному соединению шестов, — то в более ранние времена им был бык, а, согласно древнейшим преданиям, до быка в жертву приносили оленя. Эти предания указывают, что **в этот день в древности олень сам предлагал себя в жертву приближаясь к людям** . Только после того, как олень **перестал приходить** , на его место встал бык.

В какой связи находится это олонецкое предание и наскальные рисунки онежского озера с символикой скандинавских древесно-рунических календарей, мы исследуем в другом месте. Ясно лишь, что имя Сына Божьего, небесного короля в летнем солнцестоянии и после него, звучало как *il-gi, *il-ji, что дает русское слово «Илья», а в эпосе становится "Ильей Муромцем", «богатырем». Это никто иной, как стоящий на кресте середины года Сиг-Ти, с культовым праздником которого было связано жертвоприношение оленя, быка, барана и поминальная трапеза с хлебом нового урожая, а также водружение крестообразного древа.

*То, что древнейшим жертвенным животным Илии был именно олень (позже лось), подтверждает длинный рунический ряд, в котором знак *il-gi (Твимадр) как 15-я руна* ***стоит в начале восьмого месяца*** *(=август). Из древнейшего культового центра позднего каменного века североатлантической культуры это знание и соответствующая космическая символика распространились на восток, где за счет территориальной и этнической изоляции этот комплекс сохранился вплоть до сегодняшнего дня, и где ясно видна связь бога il-gi, il-ji с оленем. Также хеттская бронзовая фигурка бога Тешуба из Шернена, круг Мемеля, (остаток большого разрушенного захоронения), является доказательством древнейшей доисторической связи между Балтикой и Передней Азией, культовыми капищами хеттов, от которых израильтяне заимствовали образ "ilu Tesub", "бог Тишуп", «Тешуб», «Тисбу» вплоть до Илии Фесвитянина (Elias Teshub) "Ветхого Завета". Как "Илья Муромец" был изначально Сыном Божьим в его годовом вращении, небесным королем, который едет в своей огненной колеснице, запряженной шестеркой коней, по небу, так и фесвитянин Илия был взят Яхве на огненной колеснице, запряженной огненными конями.*

Илия, чья жизнь есть череда типичных северно-атлантических космических символов годового цикла, тесно связан с представлениями о божестве Хатти, сирийских хеттов; но с другой стороны, вся общая символика этого хеттского циклического комплекса, сопряженного к представлениями о божестве, — **"бог-колючка", "бог-шип"** с копьем (ger) или позже с каменным топором, а также знаками t-r, t-l и руной Твимадр, зимнесолнцестоянческий или весенний бог Тарку, Тарху, или хеттское наименование самого бога (Ilim, lim-is, множественное число Ilani (корень l-m, l-n), — недвусмысленно указывает на происхождение всего хеттского культа из юго-восточной Европы (поздний каменный век) и еще далее — из Балтики и североатлантического культового центра народов Thuata."

Иными словами, Вирт считает в соответствии со своей общей теорией единого (полярного) происхождения языка-культуры-письменности-мифологии весь сюжет об Илии-пророке лишь *мифологизированной формой передачи древнего знания* , в основе которого лежали изначальные календарно-циклические и фонетико-иероглифические структуры. Таким образом, в его видении самые разнообразные символические системы, независимо от хронологии, этнологии, географии и религиозного контекста возводимы к единой парадигме, описывающей символические события, связанные с периодом священного Года, следующим за летним солнцестоянием.

Если в основе истории Илии лежит сакральный календарный комплекс, то связь его имени с «солнцем» и "Богом" является не позднейшей трактовкой изначальной истории, но общим исходным элементом для различных последующих модификаций Изначальной Традиции. Таким образом, речь идет не о позднейшем переосмыслении полуязыческими славянами, черкесами, средневековыми алхимиками, каббалистами, розенкрейцерами и т. д. исторического ветхозаветного повествования, но о разных версиях и ответвлениях единого предания, которое у северного населения Европы может быть еще более древним и чистым, нежели у древних израильтян, или даже у еще более древних хеттов.

Такой подход, поражающий своей интерпретационной убедительностью, логичностью и доказательностью, вообще игнорирует собственно богословские проблемы, связанные с Илией. Но для Вирта это осознанная позиция и продуманный выбор: он убежден, что богословские конструкции суть не что иное, как искусственные и позднейшие редакции изначального манифестационистского откровения, заложенного в природе (причем исключительно в природе доисторической Арктики!), "восполняющие забытую логику фантазийными или морализаторскими волюнтаристическими толкованиями". A propos, что особенно впечатляет у Вирта, так это убедительность разложения символических комплексов на изначальные простейшие составляющие, интерпретируемые через полярную циклически-календарную первоструктуру. Его подход удивительно напоминает каббалистический метод, интерпретирующий не только слова и высказывания, но и то, из чего слова составлены — буквы, знаки, числовые соответствия и т. д. Но Вирт, в отличие от каббалистов не считает древнееврейский язык примордиальной реальностью. Для него это лишь очень поздняя и фрагментарная редакция истинного изначального языка — языка северного полюса, лежащего в основе не просто семитских, но вообще всех языков земли.

Итак, с точки зрения виртовской "полярной каббалы", история Илии является зашифрованным повествованием о конкретном годовом календарном секторе, связанным с летним солнцестоянием и, более конкретно, с периодом, прилегающим к летнему солнцестоянию со стороны осени. Поразительно, но с летним же солнцестоянием связан и Иоанн-Креститель, чей праздник приходится как раз на летнее солнцестояние (Иванов день), и чья символическая миссия в календарном цикле как бы противостоит самому Христу, Рождество которого, напротив, совпадает с зимним солнцестоянием. *"Ему предстоит расти, а мне малится",* — говорит Иоанн-предтеча в Евангелии о Христе: от зимнего солнцеворота к летнему день свет мира пребывает, от летнего к зимнему — убывает. На календарном уровне связь Илии с Предтечей как бы дублирует их эсхатологические и богословские соотношения. Более того, поражает и такая деталь: с одной стороны, их праздники располагаются близко друг ко другу с промежутком в один месяц и символически весьма

сходны (в этом проявляется их тождество — Иоанн приходит *"в духе и силе Илии"*), с другой стороны, они все же не совпадают (и отказ Иоанна-предтечи признавать себя Илией может быть понят "календарно"!).

Вирт говорит о том, что ветхозаветная история Илии представляет собой цепь культовых элементов изначального североатлантического комплекса.

Приход в Сарепту Сидонскую и встреча с вдовой на сакрально-календарном уровне означает спуск к зимнему солнцестоянию. Вдова на годовом круге символизирует зиму, нижнюю часть года.

Чудо Илии, в результате которого "мука в кадке и масло в кувшине" не убывают, связано с типичным новогоднем сакральным мотивом — «скатерти-самобранки», "волшебного котла Дагды" у кельтов и т. д. Речь идет о таинстве рождения нового года, который проходит, но не кончается, возобновляясь снова. Так же Вирт, кстати, интерпретирует и сюжет о "неопалимой купине" в видении Моисея на Синае — и это, по его мнению, явный признак нордического символизма, руна «хагель», изображающая «куст», "мировое древо", «год» или "мельничный жернов" (ᛡ). Кстати, рунические знаки «илх» (Твимадр) и «хагель» во многом синонимичны (хотя «хагель» относится к весне, а «илх» к осени). Возможно, связь Моисея и Илии в христианском сюжете о преображении Господнем относятся именно к этой календарной модели. Христос (поразительно, что его имя Иисус созвучно руне ис, картинка, которая находится строго в летнем солнцестоянии!) в иконописном сюжете Преображения расположен на горе между двух других гор, на которых соответственно стоят Моисей и Илия: так руна Ис расположена между руной Хагаль и руной Илх. Причем "три горы" ("весенняя" и «осенняя» одинаковые, а средняя «летняя» выше остальных) обозначают идеограмму всего Года, разделенного на три сектора — три aettir'а.

Оживление сына вдовы также явное указание на новогоднее оживление умершего зимой солнца.

Принесение в жертву тельца на горе Кармил — другой явный след того же символизма. Показательно, что (как мы уже отмечали) Илия совершает свое жертвоприношение *вечером* , что символически соотносится с западом и осенью. Жертвенник он строит из *двенадцати камней* (12 месяцев), и скорее всего, располагает их кругом, выкладывая календарную модель.

Вызывание огня с небес связано с идеограммой *нисходящего солнца* или осеннего света, что символизируется древним знаком sol ( ) или sig (ᛋ); причем этот знак стоит рядом с Илх!

След от ноги, в виде которого появляется дождевая туча от моря — это также древний культовый момент, связанный с зимним солнцестоянием, которое изображалось в виде ступни (или ладони), причем акцент падал на пять пальцев, соответствовавших пяти великим дням — «святкам», которые добавлялись к 360 обычным дням (72 недели по пять дней). В эти пять предновогодних дней египтяне, например, праздновали рождение главных богов. Важно, что знак *стопы* уже в наскальных рисунках имеет это культовое значение; упоминание о такой форме облака в истории об Илие-пророке совершенно не случайно.

Можжевеловый куст, под которым спит Илия в пустыне — символ мирового древа, «хагаль». Поэтому именно там к нему приходит ангел. Дерево, куст — традиционное место эпифании в древнейших сакральных сюжетах. В самых архаических пластах дерево и ангел отождествляются — (ᛡ) хагаль изображает и дерево и шестикрылого серафима.

Путь на гору Хорив и ночевка в пещере — также архаические элементы. Пещера и гора в календарной символике североатлантического полярного культа изображались одним и тем

же иероглифом — знаком ur, (ᑎ
). Название «Хорив» также несет в себе фонетический элемент, близкий к «ur». Сравни, латинские orbis (круг), urbs (город), греческое «oros» (гора) и т. д.

Услышав голос Бога в "тихом ветре", Илия закрывает лицо милотью. Закрытие лица связано с новогодними ритуалами, и именно это сакральное действие лежит в основе происхождения культовых масок.

Когда Илия встречает Елисея, тот находится рядом с 12 парами волов. Это также календарный символизм, соответствующий 24 полумесяцам. Показательно, что Елисей находится у последней пары, т. е. пребывает в последнем месяце года — перед зимним солнцестоянием. Поэтому он «плешив». Это символически соотносится со старым годом (обычный ur — картинка), тогда как новый год часто изображается в виде юноши с обильной шевелюрой (ur пылающий, "strahlende ur" —
).

Ветхий Завет уточняет, что перед вознесением на небо Илия шел с Елисеем из *Галгала* . Но это название «Галгал» изначально соотносилось с изображением годового круга из двенадцати камней (древнейший жертвенник). Позже мистически это было переосмыслено каббалистами как доктрина круговращения душ (*гилгул*), хотя изначально слово имело смысл кругообразного святилища, календаря.

Чудо Илии, совершенное у Иордана, воды которого он обращает в сушу, воспроизведение древнейшего сюжета о преодолении солнцем нижнего, зимнего рубежа, символизируемого водами или морем. Солнце движется по дну мирового океана (нижняя «водная» половина года) и проходит свой путь целым и невредимым. Одна из версий того же символизма — история о путешествии Ионы во чреве кита.

Огненная колесница (годовой круг солнца) и огненные кони (шестерка коней — по одному на каждые два месяца) явно символизируют год. Напомним, что Илия часто сближается с Энохом, "которого Бог взял", а число лет жизни Эноха показательно — 365. Он — тоже год. Оба свидетеля Апокалипсиса, в такой календарной интерпретации, символизируют цикл, год, зимний солнцеворот.

Елисей становится заместителем Илии. Он повторяет его «календарные» чудеса — проходит Иордан посуху, оживляет отрока, пророчествует о грядущем и т. д. Заметим, что само пророчество связывается символически с годовым кругом, с пониманием временного цикла как чего-то неподвижного, как пространственной модели, где все события взяты одновременно, стоит лишь зафиксировать свое внимание на том или ином секторе. Отсюда связь пророческих школ и символизма, с ними связанного, и годового календарного символизма, изначальный смысл которого в том, чтобы*увидеть временное как пространственное, а пространственное — как временное.* Видение "колес с очами", «офаним» у Иезекиля относится к этому же символизму.

Заметим, что в истории Елисея есть упоминание о медведице, разорвавшей детей, насмеявшихся над пророком. (Это место казалось скандальным христианским гностикам, — особенно Маркиону, — которые считали ветхозаветную этику, столь резко проявленную в этом эпизоде, несовместимой с моралью христианства.) Медведь — древнее животное, символизирующее солнцеворот, отсюда культовый обычай водить медведей на святки. Дети — месяцы года, которые гибнут по мере приближения к сердцу зимы. Илия, со своей стороны, выполнял аналогичный с символической точки зрения ритуал, поочередно убивая по пятидесяти стражников, посылаемых к нему царь Охозия.

Календарный символизм Илии объясняет и его связь с последними временами — с космическим Новым Годом, с мистерией тотального обновления.

Все это слишком убедительно и стройно, слишком доказательно, чтобы списать на совпадения или натяжки. В принципе, весь Ветхий Завет мог бы быть интерпретирован именно в таком ключе, и у Германа Вирта, действительно, имелась подобная книга, называвшаяся «Palestinabuch», которая, однако, пропала при очень загадочных обстоятельствах. Но не ставя под сомнение непрерывность сакральной модели, стоящей за

всеми этими сюжетами, сводимыми к культово-календарному священному кругу, и полностью признавая справедливость такого метода для вычленения структуры *священного языка* , мы полагаем, что все это не отменяет (как возможно считал сам Вирт) метафизики и инициатических доктрин, которые могут приобретать *различные* формы в зависимости от того, *каким* образом интерпретируется Священный Круг, изначальный иероглиф бытия.

Вирт дает все основания для прояснения функции "Илии космического", но существует еще "Илия метафизический" или "Илия инициатический", и эта реальность требует особого подхода, хотя сакрально-календарная интерпретация помогает связать между собой многие непонятные без этого моменты.

«Орден Илии» и новая парадигма заговора

Последние соображения, которые нам представляются интересными в связи с загадочной фигурой Илии-пророка, относятся к конспирологической схеме, формулировке которой мы посвятили уже не одну сотню страниц, но которая постоянно уточняется и трансформируется по мере того, как нам открываются все новые и новые исторические обстоятельства, богословские аргументы, инициатические свидетельства и идеологические факторы. Тот «заговор», который нас интересует, относится к сфере пограничной между богословскими формулировками, геополитическими факторами, социальными и классовыми интересами, национальными целями. Поэтому существует взаимосвязь между всеми уровнями этой модели, а новые данные исследования в одной области неминуемо влекут за собой коррекцию как всей модели, так и иных концептуальных пластов, на первый взгляд весьма далеких. Так рассмотрение проблему "Ордена Илии" вплотную подвело нас к новой версии парадигматической формулы конспирологии, которую мы начали разрабатывать с текста "Метафизические корни политических идеологий".

Чтобы конспирологическая формула "Ордена Илии" была более понятной, напомним предшествующие версии в их хронологической последовательности.

В статье "Метафизические корни политических идеологий", написанной в 199 году, мы предложили модель из трех полюсов. С одной стороны, «полярно-райское» мировоззрение. В центре его — божественный субъект, на периферии — тотально сакрализированная среда, рай. На противоположном полюсе — идеология "живой материи", бессубъектная, оргиастическая реальность анархически-свободной субстанции. Между ними — идеология «Творец-творение», т. е. полноценный и законченный креационизм. Для удобства можно представить это как три точки отрезка.

На следующем этапе рефлексии мы обнаружили, что две крайности, вычлененные нами, представляются антагонистическими только в плоскостном видении. Стоит только согнуть отрезок в дугу, стремящуюся к окружности, мы замечаем насколько сходны между собой полюса. Иными словами, оппозиция субъектный манифестационизм — объектный манифестационизм, или абсолютный идеализм — абсолютный материализм была распознана нами как неглавная и второстепенная. Оба «манифестационизма» оказались во многих отношениях гораздо ближе друг к другу, нежели к тому, что находилось между ними — т. е. к креационистской версии «Творец-творение». "Живая материя" в ее хаотическом противостоянии жесткой конструкции «Творец-творение» в случае даже относительного успеха убеждалась в необходимости центрального субъекта, т. е. кристализирующего центра вопреки своей изначальной эгалитаристской и анархической ориентации. С другой стороны, "полярно-райская идеология" для своего утверждения на месте идеологии «Творец-творение» предполагала фазу хаоса, т. е. выпускания на поверхность «угнетенной» отчужденными и нерадикальными формами порядка "живой материи". Так постепенно вызрела модель, изложенная в "Крестовом походе солнца".

Теперь мы перешли от тройной схеме к двойной. — Манифестационизм против креационизма, или солнечная парадигма против лунной. Дуга замкнулась, «полярно-райский» комплекс сплавился с комплексом "живой материи" в общем

противостоянии концепции «Творец-творение». Снова мы получили отрезок. Но теперь из двух полюсов. С одной стороны манифестационизм (всех типов) с другой стороны креационизм.

Далее хронологически и концептуально следует книга "Метафизика Благой Вести (православный эзотеризм)". Здесь при ближайшем рассмотрении православной догматики мы явственно обнаружили серьезнейшее догматическое препятствие для того, чтобы окончательно остановиться на формуле "Крестового похода солнца". Хотя александрийская богословская школа, отцы-каппадокийцы, Дионисий Ареопагит, и особенно некоторые не совсем православные авторы (Ориген, Евагрий Понтийский и т. д.), т. е. традиция православного «платонизма» давали некоторые основания причислить их к солнечной линии манифестационизма, но основополагающие нормы православного богословия не позволяли сделать однозначного радикального вывода, и явно указывали на какое-то иное метафизическое решение. Не случайно наиболее манифестационистская версия христианства — монофизитство (позже монофелитство) — были последовательно отвергнуты Православием, причем в борьбе с монофелитством ярко проявил себя такой замечательный православный метафизик, созерцатель и эзотерик как преподобный Максим Проповедник. Иными словами, фраза апостола Павла — "нет ни иудея, ни эллина" не позволяла рассмотреть христианство как особую версию эллинской метафизики, наложенной на иудейский контекст, т. е. как что-то напоминающие учение Филона Александрийского.

В "Метафизике Благой Вести" мы окончательно убедились, что Православие это — "ни креационизм, ни манифестационизм". Это совершенно особая, дополнительная метафизическая картина, в которой оба подхода сосуществуют в особом уникальном соотношении. Следовательно, это самостоятельный полюс.

В данном исследовании об "Ордене Илии" становится ясным в каком соотношении находятся эти три реальности — манифестационизм и креационизм из модели "Крестового похода солнца" плюс Православная доктрина и ее строгое "нет ни иудея, ни эллина". На отрезке — манифестационизм — креационизм появляется средняя точка, это — метафизика Православия.

Что такое в данной модели "Орден Илии"?

Он представляет собой сочетание крайностей дуальной модели иудеи — эллины. Иными словами, "Орден Илии" это наложение последовательно иудейской перспективы на перспективу последовательно эллинскую. Но при этом речь идет не о православном "ни иудея, ни эллина", но о неправославном "есть и иудей, и эллин". Разница на первый взгляд может показаться незначительной, но на само деле она огромна. В ней проявляется бездонное метафизическое отличие между духовностью христианского Запада и духовностью христианского Востока. В "Ордене Илии" креационизм и манифестационизм складываются, но эта процедура противоположна по сути православному христианскому синтезу.

Крайности снова совпали в противостоянии центру. Отрезок из двухполюсного стал трехполюсным и снова изогнулся в дугу.

"Орден Илии" против Восточной Церкви. Против Православия. Против тринитарной метафизики и Символа Веры. Нашей Веры.

СОЛНЕЧНЫЙ ВАМПИР ГРАФ ДРАКУЛА

Тема вампиров стала с определенного момента чрезвычайно популярной в литературе, в театре и кинематографе. Будучи некогда достоянием фольклора и деревенских преданий Восточной Европы, начиная с эпохи романтизма она заняла прочное место в готическом романе, став вместе с Дракулой и Франкенштейном почти классическим сюжетом современной массовой культуры. Количество фильмов про вампиров практически сравнялось с количеством экранизаций детективов, триллеров, вестернов и любовных

романов. Темы любви и преступления сверхпопулярны по вполне понятным причинам — страх и половое влечение являются базовыми инстинктами человека, отсюда неослабевающий к ним интерес. Но причем здесь вампиры? Эти экзотические твари из средневековых легенд и болезненный интерес к черному фольклору изолированных декадентов-романтиков никак не вписываются в ряд животрепещущих тем, волнующих массового обывателя во всем мире… Попробуем разобраться в этом вопросе и выяснить причины столь странного явления как «вампиромания».

Архетип вампиров в солярных мистериях

Сюжеты о воскресающих злостных мертвецах — вампирах, упырях, вурдалаках, пьющих кровь невинных жертв — особенно распространены на Балканах и в юго-восточной Европе. Считается, что родиной вампиров является Трансильвания, часть Румынии. А самым известным вампиром, послужившим прототипом для множества легенд, был исторический персонаж — румынский князь Влад Тепеши, отличавшийся невероятной храбростью (и жестокостью) в борьбе христиан против турецких завоевателей. Любопытно, что сами румыны рассматривают Влада Тепеши как национального героя, совершившего множество доблестных патриотических подвигов. Но бравый защитник христианства после смерти повел себя не как положено праведнику, да и обычному человеку. Он продолжал и за могильной чертой жить особой сверхъестественной жизнью… Но теперь, чтобы продлить такое существование, он нуждался в особой пище — в человеческой крови. Он превратился в Дракулу — т. е. “дракона”, страшного монстра, выходящего по ночам из могилы и пьющего кровь у жертв, выбранных из жителей окрестных деревень, или запоздалых путников.

Не вдаваясь в рассуждения относительно самого феномена, связанного с личностью Влада Тепеши, ставшего впоследствии самым популярным и известным вампиром (особенно благодаря роману Брэма Стокера — “Дракула”), заметим, что в этой истории нашли выражение сюжеты гораздо более архаичных мифов и преданий, уходящие в глубокую древность.

В основе сюжета о вампирах лежит древнейший миф о зимнем солнцестоянии, который является типичным для многих других наиболее сакральных сюжетов архаических и более современных мистерий. В изначальной традиции годовые метаморфозы солнца рассматривались как модель всего существования Вселенной, в том числе и человеческой судьбы. Годовой солнечный цикл был выражением и глобальных космических периодов и довольно относительных и фрагментарных явлений — таких, как человеческая жизнь. Солнечный год был общей мерой между макрокосмом и микрокосмом, мерой вещей и моделью, служащей для организации существования — времени, пространства, социальных отношений, искусства, культуры, религии и т. д.

В солнечном годе важнейшей являлась точка зимнего солнцестояния, в которой осеннее движение солнца вниз, к центру зимы, резко менялось на противоположное — на весеннее восхождение. Эта волшебная точка знаменовала собой центральное священное событие, являющееся одновременно смертью и воскресением, переходом от старой жизни к новой. Это самый парадоксальный момент цикла. Он сочетает в себе противоположности: мрак смерти, зимнее отчуждение, холод и смерть, ужас и зло, с одной стороны, и новое рождение, зачатие, “благую весть”, залог грядущей Весны — с другой.

Солнце виделось как герой, спаситель, свет мира, спускающийся в подземный лабиринт, чтобы потом с триумфом выйти оттуда с другого конца. В тот момент, когда казалось, что оно умерло, оно, собственно, и рождалось в новой, свежей, очищенной форме.

Легенды о вампирах представляют собой, безусловно, демонизированные и переведенные в темные уголки народной памяти сюжеты, связанные с древнейшими солярными инициатическими мистериями. Подобно тому, как дохристианские боги (даже самые светлые и благие) были отождествлены позднее с темными демонами, так и великое солнце изначальной традиции было соотнесено с мрачными историями про трансильванских

чудовищ.

Немецкое слово “вампир” произошло, скорее всего, от древнеславянского корня “упырь”, “опiр”, которое некоторые этимологи связывают с корнем “парить”, “пархать”, т. е. “летать”, а также “дышать”. “Вампир” — это дохристианское понятие “души”, проходящей через критическую точку “зимнего солнцестояния”, паузу смерти, за которой следует новая жизнь, новое рождение.

В христианстве этот древнейший сакральный сюжет перешел в светлое повествование о судьбе Спасителя, который своей смертью привел человечество к новой и благодатной божественной жизни. Изначальный сюжет о спуске солнца в лабиринты тьмы и его новом воскресении присутствует и в православном учении. И поразительно, что соучастие в этой новой божественной жизни христиан происходит именно через вкушение крови Господней!

В другом христианском таинстве — крещении — верующий умирает (трижды погружаясь в крещальную купель), чтобы воскреснуть вместе с Христом и облечься в новые белые одежды избранных.

Кроме того в православии есть тема, еще более точно напоминающая древнейший архетип — “сошествие Спасителя во ад”. Христос после распятия спускается в самые нижние регионы творения, чтобы вывести оттуда томящихся в ожидании Воскресения праотцев, патриархов, пророков, царей, праведников.

В сюжетах о вампирах тот же самый сценарий повторяется в темном, мрачном ключе — вместо солнечного воскрешения плоти в момент Второго Пришествия, здесь речь идет о зловещем пробуждении кадавра в темноте могильного склепа. Вместо солнечной новой жизни в вампире мерцает обрывочное тлеющее существование. Вместо жертвенной крови Сына Божия монстры Трансильвании насильственно пьют животную кровь обычных человеческих существ…

Но слишком прямолинейное и моральное отношение к вампирической теме было бы поспешным и упрощенным решением. Демонический контекст, возможно, является лишь результатом того обстоятельства, что речь идет о наложении вдруг на друга различных версий одного и того же сакрального сценария. Ведь уже у древних греков существовала тенденция помещать древних богов, бывших когда-то светлыми и положительными, в темные, низкие регионы мира, после того, как на их место приходили новые, более молодые боги, повторяющие древнейшие сюжеты в более современной и соответствующей свежим культурным нормативам форме. Более того, современные исследования традиционалистов показали, что свойственное внешней стороне религиозного учения чисто негативное отношение к предшествующим духовным культам является следствием упрощения, необходимого для масс, но весьма относительного. И в лоне эзотерических организаций эта относительность была очевидна. Сюжеты и мифы древних времен, безусловно, несут в себе некие тревожные элементы, поскольку чаще всего от них сохраняются наиболее низкие, магически-материальные аспекты, тогда как духовные и небесные части впитываются новыми религиозными институтами, интегрируются в новый контекст. Но это все же не основание для демонизации архетипа, лежащего в основании этих сюжетов и преданий.

Иными словами, легенды о вампирах в их архетипическом измерении являются отголоском древней традиции, связанной с высшей новогодней мистерией солнца. В них воплощена убежденность человека традиции, что смерти — как полного конца — просто не существует, что за роковой чертой могилы, безусловно начинается новое существование, и это существование так же конкретно и материально, так же реально (или так же призрачно, если угодно), как и земное.

Секс и жертвоприношение младенцев

Необходимым элементом всех историй про вурдалаков и упырей является то обстоятельство, что они сосут кровь их жертв. Часто эта линия детализируется указанием на половую спецификацию — вампиры-мужчины пьют кровь девушек и женщин, а

вампирессы-женщины питаются кровью юношей и мужей. В некоторых случаях важную роль играет возраст: часто в качестве привилегированной жертвы оказываются дети. Та же особенность половой и возрастной специфики жертв прослеживается и в более широком семействе легенд и преданий о черных магах, колдунах, ведьмах, злых волшебниках, чудовищах и т. д.

Черный вампирический ритуал связан, таким образом, с эротизмом и с прямым следствием половой связи — деторождением. Если учесть солярный символизм, лежащий в основе протосюжета о вампирах, то такая связь будет понятной. Дети символизируют “новую жизнь”, рождение Нового Года после основного магического момента — зимнего солнцестояния. Символ младенца — отличительная черта всех новогодних мистерий у самых архаических народов. Закономерно появляются они и в вампирических историях. Но так как в них все взято в инфернальном, демонизированном ключе, то и младенцы выступают в качестве жертвы.

Рождению предшествует соитие. Рождение нового солнца в архаических культах предшествовала иерогамия — священный брак неба и земли, изображавшейся ритуальным актом жреца и жрицы или царя и царицы. В длинной зимней ночи небо и земля черны, границы между ними размыты, они сплетены в брачных объятиях, едином, неразличимом существе. Эротический момент в легендах о вампирах — воспоминание об этой ритуальной иерогамии. Так как образ вампира — это искаженный в архаических пластах бессознательного образ солнца или неба, то его отношения с девицами-жертвами носят характер своеобразной “иерогамии”. Причем тот факт, что вместо обыденного полового соития вампир высасывает кровь жертвы, абсорбируя тем самым ее жизненную субстанцию, указывает на магический инициатический характер этой церемонии. Если обычная пара вынуждена снова разделяться после совокупления, то упырь сливается с “невестой” навеки, две сущности становятся одной, реализуя магический андрогинат.

История с вампирессами, продолжающая линию русалок, сирен, женских чудищ древней мифологии, является симметричным аналогом аналогичного культового комплекса ритуальной иерогамии. В некоторых мифологиях само солнце изображается в виде женщины, принцессы, царевны и т. д. Следовательно, в центре мифа становится женщина. Строго говоря, женский пол главного мифологического персонажа чаще всего указывает на большую древность сюжета по отношению к мифу с центральным мужским героем. Матриархальные сакральные институты предшествовали патриархальным.

Итак, наличие в легендах о вампирах эротических тем и похищения младенцев объясняется их принадлежностью к тому же ритуально-календарному, солцестоянческому комплексу, что лишь дополняет всю картину.

Магия крови и сила Креста

Теперь уместно спросить, почему вампирические истории неизменно сопровождаются темой выпивания крови жертв?

Кровь в традиции считалась особой магической субстанцией, эквивалентом самой жизни. Отсюда запрет на использование крови в пищу в некоторых религиях — например, в иудаизме. Евреям Закон запрещает есть мясо в том случае, если из животного предварительно не была выпущена кровь особым образом. Для этой цели при синагогах существует особая культовая должность — “резник”. Только мясо обескровленных животных считается ритуально чистым, “кошерным”.

Кровь связана с принципом огня. Иногда она выступает как прямой аналог огня во всем его сложном символизме, а иногда подчеркивается его нижний аспект — жар, тогда как высший аспект — свет — связывается с нервной системой (об этом подробно писал Р.Генон в книге “Заблуждения спиритов”). Кровь является промежуточной инстанцией между телесным и психическим уровнем. А орган, разгоняющий кровь по организму, сердце, рассматривается как имеющий в центре (малый желудочек) некоторое вещество (эфир),

принадлежащее субтильному плану (это “место Брахмы” в индуизме). Таким образом, кровь — это сгущенный огонь или даже свет, коагулированный “звездный план”, материальное выражение того уровня, который оккультисты вслед за Парацельсом, называют “астралом” или “звездным светом”. Древние традиции считали, что человеческая душа, приходящая в мир из трансцендентных регионов, облекается по мере движения к материальному телу в несколько оболочек. Все эти оболочки представляют собой излучения звездного света различной плотности, а сама душа проникает в мир в отверстия в небесном своде, которые мы считаем “звездами”. Кровь, в такой интерпретации, представляет собой последнюю степень уплотнения этих тонких оболочек, завязь которых уходит к звездным далям. Тело связано с душой через кровь и звездный свет, которые, в сущности, являются лишь различными состояниями одной и той же субстанции.

Если учитывать подобные архаические представления, роль крови в сюжетах о вампирах становится понятной. Вампир пьет кровь своих жертв, поскольку он питается звездной субстанцией, расположенной в промежуточном пространстве между обычной пищей плоти и духовными лучами наднебесного ангелического мира. Ведь в его случае речь идет не о духовном бессмертии, но о квазифизическом существовании, о продолжении экзистенции за пределы обычной жизни.

Мотив крови уточняет, что вампирический цикл легенд представляет собой применение архаического солярного культового символизма к среднему миру. Именно эта деталь и привносит в нашу тематику специфически зловещий, мрачный, черномагический характер. Духовная сторона солнцестоянческого культового комплекса изначальной традиции была интегрирована в христианство. Там она возведена к высшему, божественно-световому уровню. Или еще точнее: в христианской традиции существует одновременно все возможности для реализации инициатического содержания солярного сюжета. Евхаристия может относиться и к духовному ангелическому плану и к преображению психофизической структуры христианина. Но этот инициатический потенциал христианства давно отошел на второй план, сделавшись достоянием закрытых эзотерических организаций, тайным учением исихастов, практикой “умного делания”. Внешняя традиция, сохранив форму таинства, утратила ясное осознание его посвятительного характера. И по этой причине “магическая”, преображающая сторона христианской Евхаристии несколько поблекла, стала осознаваться скорее как аллегория.

По этой причине тематика вампиризма и получила широкое развитие, как бы с черного хода вводя важнейшие инициатические сюжеты и ритуалы в культурный обиход. Посещение службы и причастие стали настолько общеобязательными элементами жизни христиан, что магический, сверхъестественный, преображающий смысл этого события значительно стерся. Чтобы возвратить этой тематике ее серьезный и торжественный, глубинный и яркий смысл понадобилась зачаровывающая и страшная пародия, которая, переводя проблему в сферу ночного ужаса и уникального чудовищного опыта, сообщала вопросам жизни после смерти, магии крови, звездного тела и т. д. вкус экстравагантной актуальности.

Так, в средневековых карнавалах, скоморошьих плясках и сатурнальных мистериях гротеск и перевертывание нормальных пропорций, сознательное пародирование общепринятого культа были не нигилистическим разрушением, но необходимым интегральным компонентном сакрального, которое, во-первых, должно включать в себя не только светлые, но и темные аспекты существования, а во-вторых, периодически вынуждено с помощью гротеска и контролируемого антиномизма сообщать позитивной стороне традиции и культа свежесть, эффективность и силовой характер. Обратим внимание на следующую деталь. Именно в сюжетах о вампирах религиозная христианская символика, и особенно Распятие, Крест восстанавливают свое значение преображающего духовного орудия, возвращаясь от ставшего привычным и даже банальным культурного атрибута к древнему значению магического светового орудия.

Крест способен остановить надвигающийся ужас вампирической агрессии. Кровь, пролитая Спасителем во имя человечества, останавливает своим могуществом темного

монстра, стремящегося обескровить людей, лишить их звездного аспекта жизни. И в этом случае вампирический цикл оказывается отнюдь не столь однозначно негативным, выполняя в отношении световой полноценной традиции откровенно положительную роль.

Тревожная подоплека историй про вампиров

Все сказанное относится к общим соображениям относительно архетипической стороны сюжетов о вампирах. Но это еще не приближает нас к объяснению странной популярности, которой эта тема наделена в современной культуре. Конечно, архетипы очень сильны в психике людей, независимо от того, осознаются ли они рационально или нет. Но, видимо, существуют дополнительные факторы.

Здесь мы подходим вплотную к теме гораздо более обширной и малоисследованной — влияния тайных организаций и инициатических обществ на современный мир. Сейчас вряд ли кто сомневается, что тайные ордена и мистические общества играли огромную роль в жизни традиционных цивилизаций (вспомним, например, роль суфийских тарик и рыцарских орденов в делах исламской или средневековой европейской политики). Принято считать, что в Новое время все изменилось, и рациональные законы вступили на место "пережитков темных эпох". На наш взгляд, эта всеобщая убежденность, принимаемая как аксиома, все же не так однозначна. Но если в вопросе влияния эзотеризма на политику дело весьма запутано, то все более ясно в тематике воздействия инициатических организаций на современную культуру. Здесь можно утверждать следующее: даже в самые рациональные периоды новейшей истории и в случае самых современных рационалистических и "трезвых" деятелей искусств и наук мистические факторы играли важнейшую роль в эстетическом и духовном формировании самых разных деятелей культуры. Даже такие основатели сугубо современного реалистического романа, как Бальзак и Золя, проходили через увлечение эзотеризмом и состояли в инициатических организациях. Что же говорить о символистах, декадентах, романтиках и т. д., чье творчество без учета мистицизма вообще не поддается никакой мало-мальски приемлемой расшифровке?

Случай с вампирами не является исключением в этом ряду. Автор наиболее известной версии "Дракулы" Брэм Стокер был членом очень любопытной магической организации "Золотая Заря" ("Golden Dawn"), основанной английскими розенкрейцерами и масонами высших степеней специально для занятий оперативной магией и изучения самых опасных и могущественных сторон западного эзотеризма. В организацию входили такие известные люди, как маг и гипнотизер Самуил Мазерс, знаменитый поэт Уильям Батлер Йеитс, пассионария ирландских сепаратистов Мод Гонн, сестра философа Анри Бергсона Мойна, популярнейший английский писатель Булльвер-Литтон, зловещий черный оккультист Алистер Кроули и т. д. Так или иначе, эта организация и ее члены в огромной мере повлияли на современную западную культуру, предопределив многие центральные ее темы вплоть до сегодняшнего дня. Чаще всего влияние было косвенным и опосредованным. От концентрированной и оперативно-магической среды "Золотой Зари" влияние распространялось на известных деятелей культуры в более разбавленном виде, а те, в свою очередь, делали определенные темы и сюжеты достоянием широких масс. В этом помогала армия литературных посредственностей, которые тиражировали сплагиированные варианты и дальше. Кроме того "Золотая Заря" активно взаимодействовала с иными оккультистскими организациями — "Храмом Восточных тамплиеров", "Цепью Мириам", масонами, герметиками, теософами, антропософами и розенкрейцерами, — а те, в свою очередь, передавали свои импульсы художественной богеме и научной элите (в первую очередь, гуманитарной), традиционно интересующейся миром странного, необычного, гротескного.

Итак, членство автора "Дракулы" в "Золотой Заре" является в высшей степени выразительным и показательным фактом. Особенно любопытным он становится, если принять во внимание, что в рамках самой "Золотой Зари" практиковались ритуалы, связанные с "магией крови" и переходом в промежуточный "звездный" мир! Кроме того

активно исследовались и древние солярные мистерии и ритуалы.

Теперь другой пример. Некоторое время назад был довольно популярен фильм с участием знаменитого певца и актера Дэвида Боуи, посвященный теме вампиров — “Голод”. В нем пара вампиров была представлена в весьма привлекательном свете — как вид существ, стоящий на более высокой ступени развития, чем остальное человечество. Но удивительны две детали: имя героини-вампирессы — “Мириам” и принадлежность Дэвида Боуи к эзотерической организации “Орден Восточных Тамплиеров”, который был полностью реорганизован в 20-е годы самим Алистером Кроули, выходцем из упомянутой “Золотой Зари”. “Мириам” — название другого сходного структурно инициатического Ордена итальянца Джулиано Креммерца, которого некоторые авторы упрекают в использовании опасных магических практик, стоящих близко к вампиризму. Согласно одному эзотерику, пишущему под псевдонимом “Александр де Даннан”, бывшему некогда членом “Цепи Мириам”, но позже перешедшему в экзотерическое католичество, среди последователей Креммерца циркулирует информация, что после смерти его тело было похищено некоторыми “братьями” и “возвращено к жизни”. Во все это, естественно, в конце XX века верится с большим трудом. Если бы автор этих строк не был знаком с некоторыми персонажами этой истории (с тем, кто называет себя “Александром де Даннаном”, с румыном Жаном Парвулеско, писателем, эзотериком и выходцем именно из Трансильвании, и еще с некоторыми довольно неожиданными фигурами…), то и сам бы ничего кроме скепсиса, видимо, не испытывал.

Любопытно, что действия романа Стокера “Дракула” начинаются в мюнхенском отеле “Четыре сезона”. По какому-то случайному совпадению именно там несколько позже обоснуется тревожно известное “Общество Туле” барона Зебботтендорфа, филиалом которого станет зловещая “Национал-социалистическая партия Германии”. Тема “крови”, преодоления порога смерти будет занимать нацистских эзотериков не меньше, чем магов “Золотой Зари”, не говоря уже о солярной мифологии и легендах о Sonnenmensch, “солнечном человеке”.

Не скрывается ли за легендой о Дракуле — помимо архетипов — какой-то более конкретной и ужасающей реальности? Какой-то пугающей непознаваемой тайны?

Отважимся и зададим себе опасный вопрос: может быть, тема, о которой идет речь, не только совокупность символических образов?

Лорд Дракула, “Орден Зеленого Дракона”, загадочные оккультные институты, обладающие странной властью над умами и душами наших современников…

Мы могли бы сформулировать некоторые гипотезы на этот счет. Но пока воздержимся…

После беглого обзора темы вампиров ясно, по меньшей мере, одно обстоятельство. Интерес к ним в современной массовой культуре далеко не случаен. Мы обрисовали несколько аспектов этого явления. Сделать окончательный вывод о решающем значении того или иного фактора представляется затруднительным. Перечислим гипотезы о причине экстравагантной популярности вампиризма в наши дни, не настаивая ни на одной из них.

1. Сюжет о вампирах связан с древнейшими архаическими культовыми и ритуальными представлениями о смерти и возрождении Солнца в точке зимнего солнцестояния. Эти древнейшие представления не стерлись окончательно в человеческом бессознательном, став тем, что Карл Густав Юнг называет “архетипом”, устойчивым элементом “коллективного бессознательного”. Но, как и все вытесненные на периферию сознания архаические мотивы, солярный миф приобрел постепенно зловещий, ужасающий характер, оброс множеством пугающих деталей и тревожных подробностей.

2. Солярный миф, лежащий в основе легенд о вампирах, имеет определенные параллели с христианской доктриной, только в ней сходные темы — смерть и Воскресение, вкушение крови Сына Человеческого, дающее бессмертие и т. д. — взяты в возвышенном, “небесном” ключе. По мере того, как Христианство утрачивало свое магическое измерение, живую мистику реального преображения (как это было в Средневековье), важнейший

сакральный сюжет раздвоился. С одной стороны, церковные таинства стали трактоваться подспудно только как этическая аллегория и напоминание об исторической канве прихода Спасителя, а с другой стороны, магическая сторона обособилась, оживив спавшие в подсознании древнейшие мифологические сюжеты уже вне христианского контекста. Так защитник христианства и румынский патриот Влад Тепеши превратился в легенде в страшного вампира Дракулу.

3. Вамиризм представляет собой реально существующую аномалию, связанную с биологической дегенерацией или половыми извращениями. Популярность мифов о вампирах отражает накапливаемые в психике современного человека отклонения и перверсии. Эта гипотеза, однако, через “психологию глубин” Юнга смыкается с теорией о “коллективном бессознательном”, так как, согласно “психологии глубин”, все человеческие перверсии и комплексы, а также сновидения и душевные заболевания являются ничем иным, как голосом архаических представлений о мире и его природе, в силу культурных причин не расшифровываемым более бодрствующим сознанием. Здесь мы переходим в другую область — в сферу полемики о природе “половых перверсий”.

4. Вампирическая тематика, как и другие расхожие сценарии фильмов ужасов и черной литературы, призваны укрепить в людях веру в сверхъестественное, которой так не достает в современной жизни. Это может давать и положительный результат, так как напоминает человеку, что есть области, где против сил зла и мрака действенно только духовное оружие — сила Креста и чистота молитвы. Не удивительно, если выяснится, что за определенными сюжетами и художественными произведениями этого жанра обнаружится след, ведущий к иезуитам или в еще более законспирированные идеологические отделы Ватикана. Один пример — автор романа “Экзорцист (изгоняющий дьявола)”, по которому был поставлен один из самых известных фильмов ужасов — Уильям Питер Блэтти — является одним из ведущих активистов иезуитского ордена в США.

5. Совсем “странная” гипотеза. Существует особая магическая оккультная традиция, практикующая вампиризм на основании особой темной доктрины. Члены этой цепи обладают особым анормальным могуществом и способны влиять на различные (в первую очередь, культурные) процессы в цивилизации. Эти тревожные силы заинтересованы в “банализации” мифа о вампирах для того, чтобы сделать эту тему привычной, известной и не столь пугающей. Известно, что человек гораздо спокойнее переносит анормальность в том случае, когда она становится для него привычной. Это обстоятельство явно видно в зонах затяжных военных конфликтов: местное население настолько привыкает к трупам, пыткам, изнасилованиям, мародерству и смертям, что считает это вполне “нормальным”…

Может быть, верна какая-то одна из этих гипотез. Может быть, одновременно несколько… Может быть, и все вместе.

ОРДЕН ПРЕЧИСТОГО ЕДИНОРОГА

Секрет амазонок

Факт существования женских духовных организаций широко известен. В христианском мире — это женские монастыри. В языческой реальности существовали специальные институты женского жречества: весталки, жрицы Кибелы — Великой Матери, жрицы Изиды, пророчицы Пифии и т. д.

Наряду с религиозными и культовыми организациями женщин существовали более древние предания и легенды о царстве амазонок, уникальной цивилизации (которую часто искали в скифских евразийских степях и Причерноморье), где женщины обходились совершенно без мужчин, выполняя все социальные функции без их участия. Эта тема развивалась и в художественных произведениях, начиная с комедии Аристофана “Лисистрата” и кончая гениальной драмой Генриха фон Клейста.

Устойчивая идея изолированного женского коллектива, проявляющаяся и в религиозных институтах, и в жреческих культах, и в мифологии, и в литературе наводит на мысль о ее неслучайности. Она явно соответствует какой-то важнейшей стороне человеческой души, какой-то удивительной черте психики, социальной и индивидуальной. Все это не может быть бессмысленной случайностью, легендой или недоразумением. Мы знаем, благодаря М. Элиаде и К. Юнгу, что мифологические и религиозные сюжеты составляют основу человеческой психики, предопределяют все бытие человека. И если какие-то темы настойчиво повторяются в разных формах и разных контекстах, то они заслуживают с нашей стороны самого серьезного внимания.

Итак, в чем состоит смысл “царства амазонок”? Какая идея лежит в основе социальных и религиозных организаций, состоящих исключительно из женщин? Существует ли “заговор женщин” аналогичный пресловутому “заговору масонов”? Правы ли те, кто утверждает, что в тайне от внешних взглядов ведет невидимую работу таинственный женский орден?

Попробуем разобраться в этой проблеме.

Открытие Бахофена

Швейцарский ученый-историк Иоган Бахофен (1815–1887) был первым, кто осознал значение легенд о царстве амазонок. В своих работах и особенно в своей главной книге — книге жизни “Материнское Право” (“Mutterrecht”) — Баховен, сопоставив множество археологических, исторических и художественных фактов, пришел к однозначному выводу.

До начала патриархальной цивилизации — той, которая нам известна на протяжении последних шести тысяч лет — практически повсюду в Евразии и на других заселенных людьми территориях существовала иная цивилизация, основанная на главенстве женщин.

Речь шла не только об отдельных культурах и обществах. Нет, власть женщин была универсальной и предопределяла большинство социальных, религиозных и этических норм.

В свое время, когда вера в прогресс, и соответственно, в темноту и дикость обществ, принадлежащих далекому “темному” прошлому, была непоколебима, уникальные открытия Бахофена вызвали довольно ограниченный интерес. Несмотря на значение его трудов, казалось, что события такого далекого прошлого вряд ли могут как-то сказаться на состоянии современного человечества и его судьбе.

Лишь в двадцатом веке, благодаря усилиям традиционалистов, психологов глубин и историков религий, а также социологов, мы поняли значимость древнейшего исторического наследия человека, который, оказывается, несмотря на динамику изменения его дневной, рациональной, рассудочной части, остается глубоко консервативным в глубинах своей души. Древнейшие мифы, масштабные события и символические формы сохраняются в тени “коллективного бессознательного”, но никуда не исчезают. Более того, они идут собственным путем, перетолковывая в соответствии со своими таинственными законами то, что происходит в мире актуальном, современном и рассудочном. Поэтому историческое открытие Иогана Бахофена имеет самое прямое отношение к выяснению структуры самой человеческой психики. Если матриархальное общество исторически предшествует патриархальному, то и слои человеческого подсознания группируются таким же точно образом. Самые глубинные основы нашей души несут в себе мотивы и символы именно матриархальной структуры. Это проецируется не только в этике почитания Матери, свойственной практически всем народам земли. Это проецируется и в высшие религиозные представления и отчасти объясняет культ Богородицы, Пречистой Девы, распространенный в христианском мире.

Древний матриархат, исчезнув из социального бытия уже много тысячелетий назад, сохранился на ином уровне. Это важнейший фактор человеческой души. А значит, многие аспекты психологии и социальности могут быть истолкованы через обращение к матриархальным архетипам.

Нордический матриархат Германа Вирта

Крайне интересное развитие тема матриархата получила у немецкого профессора Германа Вирта, исследователя древнейших культур. Герман Вирт развил темы Бахофена и пришел к выводу, что матриархат характеризовал не отсталую, примитивную культуру, но, напротив, высочайшее духовное устройство человеческого бытия, в котором правили не идеи грубой силы, подавления, покорения и обладания, но гармонии, созерцания, справедливости и этической чистоты. Любопытно, что Вирт связывал матриархат с арийской расой, с жителями древнейшей страны Гипербореи. Почитание женского начала, белой богини характеризовало именно ариев, высоких голубоглазых, белокурых людей, носителей утонченной духовной культуры и солнечной религии.

Лишь после смешения с неарийскими народами юга началась эпоха патриархата, которая постепенно трансформировала арийские религии. В результате этого многие небесные, солнечные женские божества были наделены негативными, отталкивающими чертами… Это была своеобразная месть победителей-мужчин побежденным женщинам. Отсюда ведут начало многие негативные персонажи мифологий — семитская Кибела, орфическая “черная мать” Ночь (Никс), амазонки, германские колдуньи и русская баба-яга, некогда бывшая тождественной солнечной царевне.

Конец матриархата был тесно связан с расовой деградацией и смешением, с утратой арийцами высокого духовного достоинства, с переходом к новому и гораздо более грубому и низкому уровню этического и социального бытия.

Герман Вирт указывает на то, что в раннем христианстве, которое сам он считал духовным обновлением именно древнейшей гиперборейской арийской Традиции, достоинство женщины было снова утверждено, нормативы ветхозаветного строгого патриархата были отброшены, и широко практиковалось женское священство и харизматическое пророчество.

Характерной чертой арийской, индоевропейской культуры является почитание образа, изображения, иконы. Это следствие общего культа света, отличающего арийскую расу. И в этом вопросе снова строгое соответствие. — История иконоборческой ереси в Византии показывает нам, что абсолютными сторонниками иконопочитания были именно женщины — как из простого народа, так и аристократки и императрицы. Иконоборчество продержалось так долго тоже благодаря странному совпадению — иконоборцы были активными, агрессивными, типично патриархальными деятелями, часто с откровенно семитической психологией, в то время как на защиту икон выступали императоры и духовные деятели созерцательного, гармоничного, интуитивного, почти “женского” склада, несравнимо более духовные и благородные, но уступающие противникам в грубой силе и коварстве.

Оккультные истоки феминизма

Теперь мы подходим к очень деликатной теме. Если матриархальный пласт составляет базу нашей психики, если он сопряжен с некоторыми важнейшими религиозными и даже расовыми установками — светопоклонничеством, принципом доминации гармонии и красоты над грубостью и силой и т. д. — то почему бы не допустить существование какой-то организации, которая ставит своей целью возврат к изначальному положению дел. Мы знаем, что за многими сверхсовременными и “прогрессивными” явлениями стоят очень древние архаические мотивы. Так, например, коммунизм подспудно имеет в виду восстановление райского бытия, утраченного в начале истории (это осознавали и сами марксисты, называя изначальную форму человеческого общежития — “пещерный коммунизм” — тем же именем, что и последнюю предполагаемую — “коммунизм”). То же самое верно и в случае национал-социализма, стремившегося вернуть нормы древнейшего бытия — расовую чистоту, законы общины и т. д. Столь же архаично по сути своей и ультрасовременное сионистское мировоззрение, основывающее существование

современного государства Израиль на легендарных и религиозных принципах далекого прошлого. Аналогично этому можно, задолго до появления коммунистов, нацистов или сионистов, проследить в истории группы и организации, ориентированные на достижение аналогичных целей. Это социологический закон: прежде чем мировоззрение превратится в политическую реальность, в партию, государственное устройство, правящую идеологию и т. д., оно вызревает в лоне тайных обществ, оккультных организаций, закрытых орденов. Это, в частности, касается и самой христианской Церкви, которая прежде своего имперского периода знала трудные и полные тайн периоды скрытого катакомбного существования. Почему бы не предположить нечто аналогичное и в истории современного феминизма? Не существует ли ордена женщин, который ставит своей целью возврат к матриархальному строю? Если принять во внимание, что феминизм зародился в лоне оккультных масонских организаций, а другая его ветвь (германская) была сопряжена с откровенным национализмом (почти расистского толка), то все это становится более чем вероятным.

Кукушкины слезки

На Руси до самого последнего времени сохранялся странный ритуал, имеющий отношение к “заговору женщин”. Это т. н. “кукушкины похороны”. Перед свадьбой деревенские девушки удалялись в лес, водили хороводы и пели печальные культовые песни. Основное содержание этих песен заключалось в том, что брак будет бременем и тяжелой ношей, что утраченная девическая свобода чревата рабством и всяческими горестями. Подробно описывались негативные стороны брака, грубость мужчин, тяготы рабского положения в хозяйстве, семье, воспитания детей и т. д. Кульминацией ритуала были похороны символической куклы, называемой “кукушкой”. В более древних обычаях эту куклу, украшенную венком, пускали по воде. К этой модели восходит и культ утопленниц, русалок. Эта фольклорная тема, имеющая аналоги во всей Европе, была заимствована в ином контексте Шекспиром, послужив прообразом его Офелии.

Исследователи сходятся во мнении, что речь идет о наследии очень древних архаических культов, восходящих к обществам “амазонского типа”. Похороны “кукушки” — это символический акт прощания с царством Великой Матери: ведь именно кукушка была наиболее древним религиозным синонимом Богини. Девица перед вступлением в брак отдавала таким образом часть самой себя, изображаемую “куклой”, стихии Великой Матери — земле или воде.

Согласно описанием участниц, ритуал “кукушкиных похорон” иногда настолько сильно воздействовал на девичьи нервы, что приводил к реальному самоубийству или уходу в монастырь. Так ритуальная психодрама могла иметь не только символические, но и вполне реальные последствия.

Откуда растет Древо Жизни?

В средневековой Европе геральдика прочно установила связь между девственностью, девой и фантастическим зверем единорогом. Это очень глубокий и странный символ, который может быть истолкован лишь путем исследования широкого мифологического комплекса. Здесь нам помогут две алхимические гравюры, приводимые Карлом Густавом Юнгом в его “Психологии Алхимии”. Они посвящены теме “древа жизни” и раю.

На одной из них изображен Адам, с “древом жизни”, растущим у него из гениталий. На другой — Ева, но на сей раз “древо жизни” растет у нее из головы. Таким образом, явно устанавливается символическая связь между древом жизни и фаллосом у мужчины и головным мозгом у женщины. Жизненный импульс у мужчин связан с эротикой, сексуальностью, а у женщин с умом и созерцанием. К этому следует добавить и символизм мудрости у древних греков — богиня Афина Паллада, родившаяся из головы Зевса, дева-воительница. Типичная “амазонка”.

Итак, белый единорог, вечный спутник средневековых прекрасных дам, означает духовную жизненную силу, свет мудрой жизни, особый “женский фаллос”, не материальный, но духовный. Отсюда один шаг до оккультного ордена женщин, который, возможно, и стоял за распространением и пропагандой подобного символизма.

Еще один странный документ — трактат знаменитого мага Корнелия Агриппы Нетесгеймского “О несравненном превосходстве женского пола над мужским”. В нем утверждаются очень странные вещи. Во-первых, что Адам был сотворен первым и вышел неудачным. Все совершенство пришлось на Еву. Поэтому мужчина ближе к животным, чем женщина — волосяной покров, врожденная грубость и т. д. Далее и вовсе экстравагантные мысли: известно, что Адам не проглотил яблока с дерева познания добра и зла. Отсюда — адамово яблоко, кадык, отсутствующий в женской анатомии. Этим обычно хвалятся сторонники патриархата. Но Агриппа утверждает, что Адам вместо яблока проглотил самого змея, и что тот, пройдя тело мужчины насквозь вышел на поверхность в виде фаллоса!

Снова та же странная тема — демонизация мужчины, отождествление его с низшими, физиологическими уровнями бытия.

Орден единорога

Где искать следы ордена женщин, озабоченного восстановления матриархата?

В этом нам поможет гениальный и совершенно не известный широкой публике французский криптограф и историк Грасе д’Орсе. В его уникальных работах излагается история существования и противостояния двух могущественных тайных орденов, уходящих корнями в дохристианские братства друидов и языческих корпораций жрецов и жриц. Эти два ордена в средневековье были известны как орден “менестрелей Морвана” и “менестрелей Мурсии”.

“Менестрели Морвана” были ориентированы на лунные культы, связанные с аристократическими родами и патриархальным строем. В нем участвовали и женщины, но лишь нацеленные на сохранение консервативных в целом отношений между полами (что не исключало, порой, крайнего личного либертинажа).

“Менестрели Мурсии”, напротив, уходили корнями в древнейшие культы, связанные с солнечной богиней. И показательно, что этот орден возглавлялся женщиной! А ритуальное имя высшей ступени иерархии в этой оккультной организации было именно “Непорочный Единорог” — “Licorne Immaculee”.

Наиболее известной дамой, возглавлявшей орден “менестрелей Мурсии”, была Екатерина Медичи, жена короля Франции Генриха II. Она и была в свою эпоху “Непорочным Единорогом”. По некоторым данным, приводимым в книге Грасе д’Орсе, “менестрели Мурсии” были связаны и с Агриппой Нетесгеймским, и с алхимическими братствами, в среде которых появились странные гравюры, приводимые Юнгом. Наиболее ценным источником в распутывании этой загадочной истории служит странная книга “Сон Полифила”, созданная Франческо Колонной, которая своими иероглифами и криптограммами тесно связана с алхимическими романами Франсуа Рабле (“Гаргантюа и Пантагрюэль”), с загадочным оккультистом Бероальдом де Вервилем, и которая является тайным катехизисом для всех живописцев, скульпторов, литераторов и поэтов второй половины эпохи Возрождения.

Грасе д’Орсе описывает братство “менестрелей Мурсии” так:

“Мурсия или Мерси была богиней запада и смерти. Она изображалась на западных порталах храмов в виде обнаженной женщины, сжимающей в руках двух змей, которые кусают ее груди. Мурсия — это то же самое, что Марика или Марка, популярная богиня античного мира. Галлы называли ее Маркой или Розмаркой, и чаще всего ее символом служил молот.

Скорее всего, Марика — самое почитаемое божество римского плебса — сохранила свое влияние и в христианском Риме, так что менестрели Мурсии всегда находились под

папским покровительством. Среди французских церквей, чей фасад обращен к Западу, можно назвать храм Сэн-Мартена в Марселе, построенный на том же месте, где когда-то находился храм древних черных божеств — Маркуса и Марки. Известно также, что в романских криптах фигуры мадонн чаще всего окрашены в черный цвет".

Тематика "черных мадонн" подробно развита в книге современного алхимика Фулканелли "Тайны Соборов". Показательно также, что Фулканелли — редчайший автор, который ссылается на Грасе д'Орсе в своих трудах.

Конечно, инфернальные атрибуты "богини" не следует принимать всерьез — долгие века патриархата очернили образ световой дамы.

Показательна связь ордена "менестрелей Мурсии" с плебсом, народом. Известно, что именно народные массы дольше всего хранят древнейшие архаические предания и культы, так как в общественной иерархии занимают место "бессознательных сил", аналогичных "индивидуальному подсознанию" в случае отдельной личности. Аристократические слои, более рациональные и динамичные, быстрее меняют идеологии, забывают о прошлом, адаптируются к реформам. Они воплощают в себе мужское начало.

Народ всегда более женственен и связан с корнями. И культ белой дамы, "богини" чаще всего распространен именно среди простолюдинов, кроме тех случаев, когда сами аристократы сознательно становятся на сторону световой Девы, присоединяются к ордену "менестрелей Мурсии".

Любопытно, что именно на западе зодиака находится созвездие Девы, связанное с осенним равноденствием.

Снова символический ряд строен и взаимосвязан. — Ритуал "кукушкиных похорон", Запад и осеннее равноденствие, Женское начало, ночная (осенне-зимняя) сторона бытия, народные массы, черные матери древних криптов … Вспомним также Фауста, стремившегося попасть в "царство матерей".

Магический феминизм

Ближе к нам истоки феминистического движения однозначно сопряжены с деятельностью г-жи Дерезм и ее наследницы Анни Безан. Эти активные оккультистки сражались за реформацию масонства в том смысле, чтобы в ложи на равных основаниях могли приниматься не только братья, но и сестры. Это шло вразрез строго патриархальному характеру традиционного масонства. Ложа, основанная г-жой Дерезм, носила название "Права Человека". Вот откуда, заметим по ходу дела, взялось это расхожее выражение — оно означало лишь "борьбу женщин за равноправие в масонских ложах". Анни Безан продолжила это направление, но придала ему сектантски нетерпимый характер, свойственный вообще теософистам.

Параллельно этой "прогрессисткой" женской масонерии, кстати, использующей вместе с тем символ свастики, которая является отличительным знаком теософов, в Германии развивалась иная ветвь оккультного феминизма, связанная с ариософскими ложами, куда также принимали не только братьев, но и сестер. Однако здесь феминизм был не столь агрессивным, и часто инициаторами "магического матриархата" выступали мужчины. Особенно интересно, что наиболее активное участие женщины принимали в крайних расистских организациях так называемого "Германенорден". Некоторые ответвления этого движения — причем крайне магического толка — перешли и в политические круги. Так, одна видная немецкая феминистка Марта Кюнцель, последовательница английского мага Алистера Кроули, была первой женщиной в национал-социалистической партии, а жена генерала Людендорффа Матильда Людендорфф, тоже оккультистка и расистка, считала себя жрицей Новой Германии…

Поразительно, но прямой аналог такого мистического феминизма мы встречаем и в России конца XIX — начала XX века. Все направление русского символизма от его основателя Владимира Соловьева до А.Блока и А.Белого отличается как раз предельным

превозношением женского начала, одержимо женским образом Софии, Премудрости Божией, которая видится им и в конкретной женщине (“Прекрасная Дама”, “Незнакомка” Блока) и в самой России. И снова магический феминизм связывается с национализмом, отождествлением народа, нации с тайной световой девой. “О Русь моя, Жена моя!” — Давайте называть вещи своими именами, так может сказать только глубокий мистический националист.

В конечном итоге, вся социологическая линия русской философии явно связана с этим комплексом идей, вдохновлена этим идеалом.

Пришествие Жены

Герман Вирт сказал в одном из своих последних интервью странную фразу: “Многотысячелетний патриархат закончился в 1917 году”. Что имел в виду этот человек, который, кстати, едва ли может быть причислен к коммунистам, так как он был основателем организации “Аненэрбе” в Германии, которую можно назвать какой угодно, только не коммунистической?

Видимо, он имел в виду, что ему, крупнейшему исследователю нордического матриархата, известна какая-то информация, лежащая гораздо глубже поверхностных политических реальностей. “Заговор Единорога” объединяет внешне противоположное. Так и должно быть в настоящем заговоре, основы которого блестяще показал Макиавелли, описал Монтескье и остроумно обобщил предполагаемый автор “Протоколов Сионских Мудрецов” (по некоторым сведениям, это был известный оккультист Папюс). “Чтобы добиться своей цели, необходимо использовать самые различные инструменты, не взирая на то, что внешне они противоположны по знаку и ориентации”. В перспективе тысячелетий или даже столетий многие противоречия, кажущиеся современникам неснимаемыми, оказываются сущим пустяком.

Не только среди прогрессистов, коммунистов, оккультистов и расистов можно заметить следы загадочной организации “амазонок”. Так, Юлиус Эвола упоминает о еврейской секте саббатаистов, практикующих особые таинственные ритуалы и ожидают прихода не мужчины-мессии (как все остальные иудеи), но “прихода Жены”. А если все обыденные нормы распределения политических сил нарушены, все карты спутаны, для проницательного ума это значит, что мы приближаемся к истине. Алхимики говорят: “Если вам кажется, что вы что-то поняли, что текст и сюжет вам ясен, вы заблуждаетесь, вы имеете дело с ложью и надувательством. Только тогда, когда вы совсем перестанете что-либо понимать, вы приблизитесь к настоящей тайне и подлинному пониманию”. Мы не раскрыли “заговора женщин”, не обнаружили “пароли и явки“. Но мы подошли вплотную в какой-то удивительной тайне, сложной, противоречивой, парадоксальной, бездонной и прекрасной, как сама женщина, это высшее и чистейшее существо, идеальный пол, превосходство которого несомненно и освобождение которого из-под гнета неблагородной, семитической, южной психологии является нашей духовной и национальной задачей (магической и политической одновременно).

ОРИОН ИЛИ ЗАГОВОР ГЕРОЕВ

Открытый вход в закрытый текст делла Ривьера

«Магический мир героев». Книга с таким названием Чезаре делла Ривьера вышла в 1605 году. Позже, уже в XX веке, Юлиус Эвола переиздал ее со своими комментариями, утверждая, что именно в этом герметическом трактате содержится наиболее открытое и понятное изложение принципов духовной алхимии, герметического искусства. Рене Генон в своей рецензии заметил, однако, что труд делла Ривьера все же далеко не так прозрачен, как

утверждал Эвола.

Действительно, «Магический мир героев» предельно энигматичен — во-первых, по своей литературной форме, а во-вторых, потому что вещи и слова, с которыми оперирует автор, являются сами по себе чем-то предельно загадочным, непонятным, не имеющем эквивалентов в конкретной реальности.

Но, может быть, трудности в понимании данной темы возникают оттого, что сам «принцип героизма», фигура Героя довольно далеки от сферы того, что нас окружает? Может быть, для истинных героев трудный текст кристально понятен и не нуждается в дальнейшей расшифровке?

Кристально понятен и прозрачен, как лед…

Космогония льда

В книгах Эволы, посвященных самым разным традиционалистским и политическим проблемам, всегда есть апелляция к принципу Холода. Тема Холода всплывает то там, то здесь, независимо от того, идет ли речь о тантре или экзистенциальной позиции "обособленного человека", о дзэн-буддизме или средневековых рыцарских мистериях Европы, о современном искусстве или автобиографических заметках. «Холод» и «дистанция» — вот два слова, которые, пожалуй, чаще всего встречаются в лексиконе "черного барона".

Герой, по определению, должен быть *холодным* . Если он не отделит себя от окружающих, если он не заморозит в себе теплые энергии повседневной человечности, он не будет на уровне свершения Невозможного, т. е. на уровне того, что делает героя героем. Герой должен уйти от людей. Но за пределом социального уюта бушуют пронизывающие ветры объективной реальности, жестокой и внегуманной. Земли и камни восстают на анимальный и вегетальный миры. Агрессивная растительность разъедает минералы, а дикие звери безжалостно топчут упрямые травы. Стихии вне общества не знают снисхождения. Мир сам по себе — триумфальное пиршество вещества, нижняя плоскость которого слита с глыбами донного космического льда. Герой холоден, потому что он объективен, потому что он принимает от мира эстафету спонтанной силы, бешенной и недоброй.

Все характеры исторических героев — от Геракла до Гитлера — были одинаковыми: они были глубоко *природны* , стихийны, бездонно холодны и дистанциированы от социального компромисса. Они — носители бездны Объективности.

В своей странной герметической манере Чезаре делла Ривьера таким образом трактует слово" Angelo"("ангел") -

Angelo = ANtico GELO, т. е."Ангел = Древний Лед".

Это уже относится к другой фазе подвига — не уход к объективности, но выход за ее пределы, за границу "ледяного фирманента", "ледяной тверди небес".

Алхимия и каббала много знают о тайне "ледяной тверди". Это — граница, отделяющая "нижние воды" жизни от "верхних вод" Духа. Фраза делла Ривьера имеет строгий теологический смысл: покидая сферу душевной жизни, герой становится кристалликом льда в стеклянном море Духа, светящимся ангелом, на котором зиждится небесный трон Царя. Снежная королева у Андерсена заставила мальчика Кая выкладывать из льдинок таинственное ангелическое слово «Ewigkeit», но теплые силы земли ("Герда" на старонемецком — "земля") вернули неудавшегося героя к скудному и безысходному быту. Вместо ангела, он стал впоследствии краснощеким скандинавским бюргером — с пивом и сардельками. Холод — признак трупа и посвященного. Тела йогов оледеневают по мере пробуждения священной змеиной энергии — чем выше поднимается Кундалини, тем безжизненнее становятся соответствующие части тела, пока посвященный не превратится в ледяную статую, ось духовного постоянства.

Каждый герой обязательно совершает путешествие на полюс, в сердце полночи. Там он учится любить ту темную и непонятную субстанцию, которую алхимики называют "нашей

землей" или "магнезией философов". Урна с прахом барона Эволы похоронена в толще альпийского ледника, на пике Монте Роза. Может быть, гора была названа так в честь сакральной возлюбленной неумершего Фридриха Гогенштауфена. La Rosa di Soria. Полярная роза.

Путешествие полярной нимфы

Силиани, таинственный алхимик XIX века, чей псевдоним был установлен только при помощи Пьера Дюжоля, «Магафона», друга Фулканелли и … тайного Валуа, писал о том, что его героическое путешествие в «магический мир героев» началось со странного визита «нимфы полярной звезды»…

Где ее следы?

Они ведут внутрь. Внутрь земли, где таится фантастическая материя, называемая «серной кислотой философов». Visitabis interiora terrae rectificando invenies occultum lapidem. Камень совершенно черен, как душа, окутанная «противообразным духом», «antimimon pneuma» гностиков. Оттуда, из черноты персональной неопределенности, из недифференциированности «я», ускользающего от всякого имени, начинается магический подвиг. Если герой не поставит под вопрос то, что является его кажущейся сутью, он обречен. Даже божественные родители не дают ответа на проблему происхождения «я».

Секрет Небесного Дракона

Поиск нимфы связан с проблемой определения подлинной полярной звезды. Небесный полюс, как «убегающая Аталанта», движется по кругу. Когда-то субтильное создание скрывалось в меху Большой Медведицы, недалеко от Арктура. Сейчас она называет себя «Шемол». Через 12 тысяч лет она скажет о себе — «Я — Вега». Но какова Ось, вокруг которой совершается танец тысячелетий?

Черная точка на северном небе. Дракон обвивается вокруг нее, соблазняя пристального наблюдателя, предлагая сомнительные плоды познания. Полярная нимфа дала Силиани ключ к победе над Драконом. Герметики считают, что речь идет о первоматерии. Дракон небес, истинный север эклиптики. Он сторожит бореальное сердце черных далей. Как спираль, очерченная вокруг отсутствующего центра.

Секунда Бетельгейзе

Орион — самое загадочное из созвездий. На его правом плече скрывается время. Он — главный герой подземного (и не только подземного!) мира. По-арабски, «бетельгейзе» — «плечо героя». Именно на этом его плече хранится тайна той книги, которую Фулканелли вначале дал Канселье, а потом взял назад и запретил публиковать. Речь идет о «Finis Gloria Mundi», о третьей книге адепта. Когда молоко Девы дотрагивается до мускулистого плеча «черного бога», а сам он при этом теряет свои руки под безжалостными ножами палачей, грядет всемирный огонь, сфера переворачивается. Небо падает. Оно, как известно, из камня. Герои таинственно готовят страшные потрясения обществу. Оно успокаивает себя тем, что выгнало их вон из истории, но где проходит четкая грань между библиотекой и ядерным полигоном, между темным углом для медитаций и ковровыми бомбардировками?

Есть сведения, что агенты Бетельгейзе, замаскированные под чиновников обитатели «магического мира героев», пробрались к теплоцентралу власти. У них в мозгах — лишь жестокость небесных соответствий и прецессионные циклы. Ядерный костер северного полушария — для них путь на Олимп, костер Геракла.

У Эволы помимо внешней миссии была миссия тайная…

Лес Рамбуйе

«Лес Рамбуйе — это лес крови» — гипнотически повторяет в своем романе Жан Парвулеско. То в нем находят белого оленя с перерезанным горлом, то труп обнаженной женщины с идентичными ранами. Магический лес, в котором заблудился еще Данте. «Лес философов». На одной гравюре, иллюстрирующей «Изумрудную скрижаль» Гермеса Триждымудрого, человек с оленьей головой передает Еве луну. Позже, если верить Парвулеско, они повстречаются в саду Рамбуйе.

Невеселое рандеву.

«*Однажды Аполло вернется, и на этот раз навсегда* », — гласило последнее пророчество Дельфийской пифии в IV веке после Рождества Христова.

Статья написана в 1993 г., впервые опубликована под псевдонимом Леонид Охотин в ж-ле «Элементы» № 5 (Досье «Демократия») в 1994

ЗВЕЗДА НЕВИДИМОЙ ИМПЕРИИ (о Жане Парвулеско)

Профессия — визионер

Жан Парвулеско — это живая тайна европейской литературы. Мистик, поэт, романист, литературный критик, знаток политических интриг, революционер, друг и конфидент многих европейских знаменитостей второй половины XX века (от Эзры Паунда и Юлиуса Эволы до Раймона Абеллио и Арно Брекера). Его истинная личность остается загадкой. Румын, бежавший на Запад в 40-е, он стал одним из самых ярких франкоязычных стилистов в современной прозе и поэзии. Но какими бы различными ни были его труды, от тантрических станцев и сложных оккультных романов до биографий своих великих друзей (в частности, «Красное солнце Раймона Абеллио»), его настоящее призвание — «визионер», прямой и вдохновенный созерцатель духовных сфер, открывающихся избранным за угрюмой и плоской видимостью современного профанического мира.

Парвулеско при этом не имеет ничего общего с вульгарными представителями современного неомистицизма, столь распространенного сегодня как некая инструментальная компенсация за технотронно-информационную рутину быта. Визионерство Парвулеско мрачно и трагично; никаких иллюзий относительно адской, инфернальной природы современного мира у него нет и в помине (в этом смысле он, скорее, традиционалист). Ему предельно чужды инфантильный оптимизм теософов и оккультистов и псевдомистические «консервы» Нью Эйдж. Но в отличие от многих традиционалистов «академического» темперамента, он не ограничивается скептическими причитаниями о «кризисе современного мира» и голословным, маргинальным осуждением материальной цивилизации конца Кали-юги. Тексты Жана Парвулеско полны Сакрального, которое говорит в них напрямую, через сновиденческий, почти пророческий уровень странного откровения, «посещения», пробивающегося из высших сфер сквозь магическую блокаду темных энергий, наполняющих сегодня мир коллективной и космической психики. Парвулеско — аутентичный визионер, достаточно глубокий и доктринально подготовленный, чтобы не принимать первые попавшиеся фантомы субтильной реальности, за «посланцев света», но в то же время предельно напрягающий свою интуицию в опасном и рискованном «путешествии вовнутрь», к «центру Черного Озера» современной души, без страха выйти за грань фиксированных рациональной догматикой норм (отсюда многоэтажные парадоксы, которыми полны книги Парвулеско). Послание Парвулеско можно определить таким образом: «Сакральное скрылось из дневной реальности современного мира, и совершенно очевидно, что мы живем в Конце Времен, но это Сакральное не исчезло (так как не могло исчезнуть в принципе, будучи вечным), а перешло на ночной, невидимый план, и теперь готово обрушиться на человеческий физический космос в страшный апокалиптический миг апогея истории, в

точке, где мир, забывший о своей духовной природе и открестившийся от нее, будет вынужден столкнуться с ней в жестоком мгновении Откровения». Пока этого не произошло, и человечество мирно спит в своих темных материальных иллюзиях, только избранные, визионеры, члены засекреченного братства, Апокалиптического Ордена бодрствуют, тайно предуготовляя пути пришествию Последнего Часа, «Царства Небесного», Великой Империи Конца.

Жан Парвулеско считает себя не литератором, но глашатаем этой Невидимой Империи (так названа его последняя книга — «Звезда Невидимой Империи»), «спикером» оккультного Парламента, состоящего из планетарной элиты «пробужденных». Его личность двоится, утраивается, учетверяется в персонажах его романов, где действует и сам автор, и его двойники, и его оккультные дубли, и реальные исторические личности, и потусторонние тени, и скорлупы «внешних сумерек», и «именные демоны», и тайные агенты оккультных спецслужб. Парвулеско открывает целый параллельный мир, а не только сценографию индивидуальных фантазий или воспоминаний. Население его текстов пугающе реально; его странноватый (часто довольно черный) юмор распространяется иногда на священные реликвии религии, на догматы и каноны, от чего их внутренняя тайная сущность пробуждается, лишенная убийственного для духа тупого фетишистского почитания. Следуя предписанию Тантр, Парвулеско оживляет язык, делает его оперативным. И поэтому его тексты нечто большее, чем литература. Это магические заклинания и скандальные разоблачения; это провокация событий и предсказание их смысла; это погружение в Океан Интериорности, подземные туннели Сокрытого, в пугающую империю того, что пребывает *внутри* каждого из нас. Именно поэтому Парвулеско бывает подчас так же страшен, как любой истинный гений: он пристально и по-научному изучает нас *изнутри* , иногда в своих экспериментах переходя известную грань. Визионер-анатом.

Вначале был Заговор

Парвулеско отвечает ясно и парадоксально одновременно: оно *двойственно* . Тайные агенты Бытия и Небытия присутствуют во всех ключевых сферах управления современным миром, направляя все процессы цивилизации. Из наложения друг на друга энергетических векторов двух оккультных сетей и происходит ткань актуальной конкретной истории. Генералы и террористы, шпионы и поэты, президенты и оккультисты, отцы церкви и ересеархи, мафиози и аскеты, масоны и натуралисты, проститутки и блаженные святые, салонные художники и деятели рабочего движения, археологи и фальшивомонетчики — все они лишь послушные актеры насыщенной конспирологической драмы, и кто знает, какая именно социальная идентификация скрывает более высокого посвященного? Часто разбойник или нищий оказывается куратором Президента или Папы, а военачальник или банкир выступают марионетками салонного поэта, за гротескной и фантазийной персоналией которого обнаруживается холодный мэтр и архитектор жестокой политической истории.

Против демонов и демократии

«Звезда Невидимой Империи» — последний и ключевой роман Парвулеско. В нем сходятся воедино нити предшествующих книг. Здесь описывается приближение к окончательной развязке той трансцендентной метаистории, хронистом которой выступает наш автор. Вот его резюме. По всей планете, и особенно во Франции и Португалии (а также в Перу и Мексике), магических «акапунктурных» точках оккультного Запада, агенты Небытия установили *черные пирамиды* , физические и сверхфизические объекты, предназначенные для обеспечения прямого вторжения в мир демонических энергий, орд Гогов и Магогов. Этот апокалиптический проект имеет секретное название «проект Водолея», так как в соответствии с астрологическим символизмом скоро наступит «эра Водолея», несущая с собой не радость и гармонию (как пытаются заверить человечество «агенты Небытия»), но

разложение, гниение, хаос и смерть, «растворение в нижних водах». Герой «Звезды Невидимой Империи» Тони д'Антремон так описывает пророческое видение начала «эпохи Водолея»: «Я вижу вместе с Лавкрафтом копошение гигантских омерзительных масс, движущихся нескончаемыми волнами, наступающих на последние остаточные кристаллические структуры сопротивления духовных элит; я созерцаю, в экстатическом бессилии моего галлюцинативного пробуждения, мерцающую черную пену, пену черного разложения, террор демократической вони и страшные аппараты этих конвульсирующих трупов, которые — в макияже грязных шлюх и с лживой улыбкой, с калифорнийской пляжной улыбкой европейских антифашистов, с улыбкой шлюх-манекенов со сверкающих витрин (так бы я это определил) — уготовляют наше конечное поражение, ведут нас туда, куда не знают сами, или, точнее, знают об этом слишком хорошо, аппетитно высасывая по ходу дела из нас костный мозг; это и есть галлюцинативная свинцовая мантия Прав Человека, этот фекально-блевотный выброс Ада, хотя, говоря так, я оскорбляю Ад.»

Слуги «Водолея», открывающие дорогу в человеческий мир черным «скорлупам» внешних сумерек, стремятся преподнести свое противоественное пришествие как благо, как спасение, как предел эволюции, скрывая свою сущность, Vomitto Negro (Черную Блевотину) под политическим и спиритуалистским лозунгом New Age или new world order.

Но против заговора Водолея, в котором концентрируется весь страшный, «метагалактичекий» потенциал агентуры Небытия, ищущей своего финального воплощения в «новом мировом порядке», борются представители тайного западного ордена Atlantis Magna. Особую роль в ритуалах этого ордена играет Женщина, известная под мистическим именем Licorne Mordore, или «красно-коричневый Единорог». В физической реальности она носит имя Джэйн Дарлингтон. Однако истинная сущность этой женщины принципиально выходит за рамки индивидуальности. Она, скорее, представляет собой некую сакральную функцию, распределенную между всеми женщинами ордена, личностные и бытовые отношения которых друг с другом отражают онтологическую иерархию самого бытия (одна из них соотвествует духу, другая — душе, третья — телу). Мужчины Ордена, в том числе и главный герой Тони д'Атремон, также едва ли являются индивидуумами в строгом смысле: смерти и адюльтеры, описаниями которых наполнен роман, иллюстрируют сугубо функциональную сущность главных персонажей; ритуальная смерть одного из них лишь активизирует конспирологическую деятельность другого, а их жены, совершая измену, обнаруживают, что остаются верны, в сущности, *одному и тому же существу* . Итак, Atlantis Magna ткет свою континентальную сеть борьбы с заговором Водолея. На высшем трансцедентальном уровне речь идет о ритуальной тантрической реализации эсхатологического Явления, связанного с приходом Утешителя и приходом Жены. Только на этом уровне можно победить строителей «черных пирамид». Подготовка и организация таинственнейшего ритуала «красного круга» составляет основной сюжет романа. Члены Atlantis Magna на пути к этой процедуре совершают символические путешествия, анализируют мистические тексты, отыскивают истинные причины политических трансформаций, исследуют странные аспекты истории некоторых древних европейских родов, расшифровывают эзотерические идеи (появляющиеся как утечка информации в обычной бульварной литературе), переживают любовные и эротические связи, подвергаются покушениям, становятся жертвами похищений и пыток, но вся эта конкретная плоть увлекательного, почти детективного романа является непрерывным прочтением и уточнением взаимосвязанной визионерской реальности Последнего События Истории, проявления Великой Евразийской Империи Конца, Regnum Sacrum или Imperium Sacrum, отблески которой различимы во всех аспектах современного мира.

На уровне политического заговора герои романа также действуют активно и решительно. Духовное противостояние New Age, неоспиритуализму, представителям которого (от Алисы Бейли до Тейяра де Шардена и Саи Баба) Тони д'Антремон предлагает устроить «оккультный супер-Аушвиц, супер-Майданек», проецируется на политическое противостояние «новому мировому порядку», американизму и либерализму, что заставляет

«агентов Бытия» ткать сети планетарного заговора с участием всех политических сил, оппозиционных мондиализму. Палестинские террористы, подпольные группы европейских неонацистов, социал-революционеры и члены «Красных Бригад», ненавидящие «демократию» потомки аристократических родов, в тайне желающих конца либеральной эпохи, члены итальянской мафии, голлисты и франкисты, революционеры Третьего мира, шаманы Америки, Азии, коммунистические лидеры, немецкие банкиры — все они становятся участниками геополитического проекта, направленного на воссоздание финальной Евразийской Империи. Дипломатические приемы, заграничные поездки, конфиденциальные переговоры и сбор информации составляет политический аспект заговора «агентов Бытия» и особую сюжетную линию романа, накладывающуюся на оккультные беседы и долгие эзотерические монологи героев.

Роман Парвулеско построен не по традиционной логике законченного повествования. Характерно, что он прерывается на полуслове на 533 странице. Все предшествующее содержание вплотную приблизило читателя к эсхатологической развязке оккультной войны, но… Здесь кончается литературный мир, и начинается подлинная реальность. Большинство персонажей романа — исторические лица, некоторые из них умерли, некоторые до их пор живы. Книги и тексты, цитируемые в повествовании, реально существуют. Многие эпизоды и пересказанные легенды также не являются выдуманными (хотя многие являются). Характерная деталь: большинство упоминаемых имен снабжены в скобках датами рождения и смерти. После прочтения «Звезды Невидимой Империи» возникает закономерный вопрос, *что* именно мы только что прочли? Роман? Фикцию? Фантастику? Сюрреальную литературу? Или, может быть, эзотерический трактат?

Или настоящее откровение подлинной подоплеки современной истории, увиденной с позиции метафизической полноты во всем ее объеме, по ту сторону галлюционаций, которыми являются, по сути, все банальные обыденные представления, ничего в ней не объясняющие и предельно далекие от истины?

Сам Жан Парвулеско в посвящении, украшающем подаренный мне экземпляр, называет свой роман так: «секретнейший и опаснейший инициатический роман, где Абсолютная Любовь предоставляет свое финальное оружие Абсолютной Власти и закладывает оккультные основания будущей великой Евразийской Империи Конца, которая станет тождественной Царству Небесному, Regnum Sanctum». Ни больше ни меньше.

Шива, красно-коричневый

Жан Парвулеско в одной из наших бесед, когда я рассказывал ему о смысле термина «наши» в русской политической терминологии, очень оживился и показал мне место в одном из своих ранних романов (середины 70-х годов), где он провиденциальным образом употребляет тот же самый термин и в поразительно схожем смысле. «Наши» для него были членами «заговора Бытия», тайной сетью агентов влияния, которые объединены общей оккультной целью по ту сторону политических различий и которые противостоят космополитической и профанической цивилизации, устанавливающейся на планете. Более того, мои итальянские друзья прислали мне копию статьи Парвулеско конца 60-х годов, в которой он говорил о «евразийстве», геополитическом проекте Континентального Блока, о необходимости русско-германского союза (возобновлении пакта Риббентроп-Молотов), и даже о необходимости сближения красных и коричневых в едином революционном антимондиалистском фронте! Как странно тексты этого удивительного человека, — популярные только в качестве литературных произведений и вызывающие снисходительную улыбку у «академических» традиционалистов, — почти с пророческим ясновидением упреждающе описывают за много лет то, что стало политическим фактом только в последние годы, да и то в далекой от Европы России… Все это наводит на довольно тревожные мысли, относительно истинной природы этого гениального писателя. Кто же Вы, в конце концов, господин Парвулеско, он же коммандор Альтавилла? Кем бы он ни был, он безусловно

«красно-коричневый», хотя бы потому, что все его симпатии на стороне таинственной женской фигуры, называемой в некоторых реально существующих инициатических обществах «Красно-Коричневым Единорогом», Licorne Mordore. Но надо заметить, что французское слово «mordore» означает, точнее, «красно-коричневый с золотом или золотым отливом». Помимо брезгливого и уничижительного термина «красно — коричневый», которым давно клеймят наиболее интересные политические силы в России, существует и королевский, царственный оттенок этого цвета — как финальная эсхатологическая коронация Алхимическим Золотом великой континентальной Евразийской Революции, которую готовят и осуществляют сегодня «наши», тайные и явные «агенты Бытия». Еще один персонаж сакральной традиции наделяют этим цветом. Речь идет об индуистском боге Шива, литургически называемом «красно-коричневым» и «страшным». Характер этого бога близок к стихии наших красно-коричневых.

Да, эта стихия страшная и разрушительная в своем внешнем проявлении. Но именно грозный красно-коричневый Шива является хранителем тайны Вечности, открывающейся во всей своей полноте в момент Конца Времени, отрицая своим «страшным» явлением начало «эры Водолея». Красно-коричневый Шива — покровитель традиции сакральной Любви, Тантры. Той самой Тантры, которой посвящена одна из первых книг Жана Парвулеско «Милосердная Корона Тантры».

Агенты внутреннего Континента бодрствуют. Уже появляется на ночном небе нашей омерзительной цивилизации волшебная Звезда, возвещающая о скором превращении Внутреннего во Внешнее. Это — Звезда Невидимой Империи, Империи имени Жана Парвулеско.

Статья написана в 1994 г., впервые опубликована в газете «Завтра» в 1994

ПЕНТАГРАММА

«Друзья подарили мне спрута,
И глядя сквозь пьяный угар,
Я лишние щупальца срезал –
I'm a madman for five pointed star»
Е. Головин

Символизм свастики, взятой в качестве основного знака нацистами, разбирался многими авторами. Свастика означает полюс, центр, неподвижную точку вечности. Это известно, и на основании разбора символизма свастики строят свои теории относительно мистической ориентации национал-социализма как его противники, так и его сторонники. Странно, но аналогичных исследований символизма «красной звезды», основного знака большевизма, почти нет. Может быть, внешний атеистический и материалистический догматизм коммунистов отталкивает эзотериков. На самом деле, звезда заслуживает не меньшего внимания, чем свастика, и ее связь с мистической сущностью коммунизма так же показательна, как и в случае национал-социализма.

Stella Maris

Звезда, в Традиции, означает сакральную множественность, которая в богословских терминах может называться «ангелическим воинством». На древнееврейском термины «воинство», «ангельское воинство» и «звезда» часто сводятся в одно понятие «zaba», от которого произошло часто употребляемое в «Ветхом Завете» имя Бога — «Elohim Zabaoth»,

«Господь Саваоф», т. е. «Повелитель (небесных) Войск» или «Господин Звезд"[19]. Звезды — это многообразные персонификации божественного света. Если солнце и луна — это только два небесных светила как два архетипа двух полов, двух универсальных полюсов космоса, то бесчисленная множественность звезд символизирует множество населяющих мир живых существ как рассыпанных по материи частиц трансцендентной полноты Истока.

В некотором смысле, звезда — это душа человека, его световой небесный корень, его высшее «я». Такая связь звезд и людей ясно осознавалась в китайской традиции, где прямо утверждалось, что смерть человека (по меньшей мере, великого человека) сопровождается падением звезды. На той же самой идее основано магическое понятие «индивидуальной души» как «звездной субстанции», «сидерического тела». В современном оккультизме, заимствовавшем (хотя и в искаженном виде) древнюю розенкрейцеровскую традицию, говорится об «астральном плане», т. е. о внутренней реальности души, сотканной из звездного света. В исламском эзотеризме и у Парацельса можно встретить теорию, что люди приходят в мир через отверстия в небесной тверди, видимые нами как звезды, и через эти же отверстия они покидают материальный космос. При этом глубинное, ангелическое «я» человека как бы облекается в более плотную, полуматериальную субстанцию, которая служит промежуточной инстанцией между этим «я» и телесным организмом. В алхимии та же «сидерическая» реальность называется «меркурием» или «ртутью», и ее символом также является звезда. Более того, вся герметическая традиция, восходящая к египетскому Гермесу Трисмегисту (как мифологическому основателю) и греческому Гермесу (как богу-посланнику, богу-проводнику, посреднику между землей и небом), подробно исследует именно этот «субтильный план», связанный со звездами и их невидимой «материей».

Современный алхимический автор Эжен Канселье, ученик легендарного Фулканелли, заметил, что у алхимиков часто встречается символика «морской звезды». В этом он видит лаконичное резюме всей герметической космологии. Дело в том, что «меркурий» или «ртуть» есть то промежуточное пространство, которое находится между миром плотных форм, тел и сферой Принципов, чистого Света. Эта «ртуть» называется также «водой философов» или «алхимическим морем». На дне этого «моря» пребывает морская звезда, как сгущенный дубль высшего «я», которое светит над поверхностью воды. «Морская звезда», stella maris, это нижний полюс души, а ее верхний полюс — это настоящее небесное светило, порождающее своим лучем подводное, донное человеческое существо. Соединение этих двух звезд в одно — есть смысл герметического пути и «превращение черной магнезии философов» в «красный порошок».

Два лика «денницы»

Есть в Традиции и более централизованная персонификация звезды, Звезда по преимуществу. Фигура «третьего небесного света» наряду с солнцем и луной. Это утренняя звезда, называемая «денницей», а на латыни «Люцифером». Греки считали, что эта звезда связана с богиней Любви, Афродитой, Венерой. Древние германцы отождествляли ее с златовласой Фрейей, паредрой Одина и праматерью ариев. Эта звезда имела двойственное значение, как всякий женский персонаж традиционной мифологии. Венера появляется на небосклоне два раза в течение суток — сразу перед восходом солнца и сразу после его заката. Она как бы предвосхищает траекторию божественного светила, посвящает существ вселенной в его тайный путь. Как утренняя звезда Венера позитивна. Как вечерняя — несет в себе скорбь ночного мрака. Но важно, что это одна и та же звезда, одно и то же существо, выступающее, однако, в двух противоположных функциях. Тема «падшего ангела», бывшего первым в небесной иерархии, в богословском аспекте отражает этот сакральный смысл.

---

[19] Обратим внимание, что, строго говоря, смысл имеет только имя из двух слов — "Господь Саваоф", так как просто «Саваоф» будет означать только «воинства» или "звезды".

Отсюда отождествление «падшего ангела» иудаизма с римским Люцифером. Роль Евы, первоженщины, в грехопадении также имеет к этому самое прямое отношение. «Утренняя звезда», «денница» чаще всего выступает именно как женское божество, богиня Любви и эротики. Вместе с тем Апокалипсис использует термин «утренняя звезда» и в позитивном смысле. Сам Христос говорит: «Побеждающему дам звезду утреннюю». Так что однозначно негативная трактовка этой темы явно неудовлетворительна. Кроме того, есть в христианстве и другая звезда — Вифлеемская, знак рождения Спасителя мира. Эта звезда волхвов есть провозвестие грядущего, вместе с божественным младенцем, Воскресения мира.

Утренняя-вечерняя звезда — это общий архетип любой звезды, любой души. В каждом человеке, в его глубине сосуществуют два начала — солнечный центр сердца и обвивающий его змей сосущего мрака. В любом есть головокружительный вектор падения и воля к восстановлению светового достоинства. Так что звезды-души, «морские звезды» имеют самое прямое отношение к символизму «денницы». По этой причине душа часто изображается в образе женщины, Жены. Строго говоря, «венерическими» следовало бы называть душевные заболевания, а не телесно-половые.

Венера (Люцифер) двойственна и едина одновременно. Двойственна функционально и едина субстанционально. Точно так же, как люди, как их души, сплавленные из лучей загадочных ночных свечений.

Книга барона Чуди

Звезда, особенно «пылающая звезда» — символ более всего характерный для масонства. Известный масон Чуди назвал так свой объемный труд. Как легко понять из всего остального, этот образ должен иметь отношение к какой-то промежуточной реальности, двойственной и находящейся между телесно-материальным и небесным. Так оно и есть: пятиконечная звезда в масонстве является отличительным знаком второй степени — «подмастерья» или «товарища», «компаньона». Этот градус означает большее, чем «ученик», но меньшее, чем «мастер». Это звездная или «астральная» степень. Интересно заметить, что даже в ортодоксальном (т. е. чисто мужском) масонстве, не говоря уже о «египетских» и смешанных обрядах, эта вторая степень и посвящение в нее сохранили следы давно забытого символизма, связанного с женским началом. В ариософских ложах, реформированных в соответствии с германской мифологией, инициация во второй градус однозначно связывалось с мистерией брака и ритуалом подчеркнуто эротического характера.

Пылающая звезда — это человек, осознавший и реализовавший свою световую природу, но еще не достигший неподвижного центра небес. Это — половина пути, земной рай, промежуточный между материальным невежеством и раем небесным, лежащим по ту сторону тверди. Звезда означает огромное духовное свершение, но еще не гарантирует счастливого завершения пути к Абсолюту. Возможность падения еще не исключена. Но даже эта мрачная перспектива не сможет лишить посвященного особого внутреннего качества, резко отличающего его от профана. Человек, познавший мистерию «морской звезды», даже если ему не удалось выплыть, никогда не вернется к невинности безвозвратно утраченного невежества. Поэтому некоторые темные секты используют символизм звезды как свой отличительный знак, особенно перевернутую пентаграмму.

Но не следует упрощать значение этого знака, даже если он не является указанием на высшие аспекты духовной реализации. Оккультисты часто склонны банализировать значение этой первой стадии «делания», а сами масоны порой не догадываются, какими глубинными потрясениями в нормальном случае должны сопровождаться те ритуалы, которые они сплошь и рядом рассматривают как экзотические жесты или моральные аллегории. Человек-звезда, «товарищ», «компаньон» — это «новое человечество», безусловная элита, обратившаяся вспять от телесной инерции профанизма и поднявшаяся из ада бытийно периферийного существования. Это «последние», ставшие «первыми». Полноценная реализация инициатических возможностей этого эзотерического плана должна

давать человеку ни больше ни меньше, как «бессмертие», т. е. непрерывность сознания независимо от того, существует ли человек в теле или без него. При жизни это чаще всего проявляется в способности полностью сохранять внимание во снах, что дублируется ясным осознанием сновиденческой ткани, скрытой для обычного бодрствующего человека под покровом материи. Исходя из двойственной природы данного плана, легко понять двусмысленность такого «бессмертия», способного иметь как позитивные черты (святые), так и переродиться в вампиризм. Звезда это не центр в абсолютном смысле, но центр в смысле относительном. На уровне земли она связана с Центром Мира.

Нордический матриархат

Отвлечемся от эзотеризма на некоторое время. Удивительно интересную интерпретацию символизма пятиконечной звезды дал Герман Вирт. Он обратил свое внимание на то, что в народном немецком языке пентаграмма называется «ведьминой лапой» или «Drudenfuss». Вирт утверждает, что «Drude», «ведьма» — это искаженное слов «Thrud» эпохи скальдов, т. е. имя матери бога Тора. Об этой богине почти ничего не известно. Вирт полагает, что ее смысл практически исчерпывается пентаграммой как сакральным календарным символом, обозначающим зимнее солнцестояние, Новый Год, Юл. Исходя из теории полярного происхождения человечества, которую он блестяще развил в своих трудах, Вирт выдвигает гипотезу, что эта пентаграмма, пятиконечная звезда или ее символический эквивалент (ладонь или ступня), обозначала иероглиф года (шестиконечную руну хагель) без нижней черты, указывающей на юг, где солнце находится в середине зимы в полярную ночь. Отсутствие этой черты есть указание на то, что солнце зимой там вообще не встает. А раз так, то географически это становится синонимом Арктики, полярной прародины, древнего града «Вара», о котором говорит Зенд-авеста, и который лежал, согласно ей, на крайнем Севере.

В этой символической цепи отождествлений между пентаграммой, полюсом, Арктикой, индоевропейскими народами, символизмом руки (ноги), сакральной центральностью середины зимы (Нового Года) и женским божеством воплощается основная идея всей теории Вирта. Он утверждал, что человечество на заре своей истории пребывало на полюсе; что его социально-политическим устройством был матриархат (культ Белой Богини); что письменность развилась из календарных знаков, которые, в свою очередь, есть метафизические и геометрические формы, наблюдаемые в течение всего полярного года; что символизм всех религий и традиций сводим к единой первооснове фонетического, иероглифического и концептуального свойства.

Все это воплощалось для Вирта в символе пятиконечной звезды и свастики, а также поднятой руки. Очень показательно, что Герман Вирт был основателем организации «Аненербе» при Гитлере (хотя он был изгнан с поста под давлением Розенберга, сторонника арийского патриархата), но вместе с тем симпатизировал коммунизму, считая, что эпоха патриархата как подавления изначальной нордической сакральности Белой Дамы закончилась в 1917 году, благодаря успешной большевистской революции! Звезда совпала со свастикой, как символ Полюса, высокого Норда.

«Товарищ, верь, взойдет Она…»

Как звезда стала символом большевизма? История говорит, что формально это дело рук Троцкого, который, будучи членом ложи «Великого Востока» и автором большой (утерянной им во время революционных авантюр) монографии по масонству, сознательно предложил эту эмблему большевикам, прекрасно отдавая себе отчет в ее эзотерическом смысле. Как бы то ни было, это не могло быть частной инициативой отдельного человека, так как смысл символа и спиритуальная подоплека крайне левых движений были тесно связаны задолго до Троцкого и Ленина. Когда читаешь историю французского социализма, возникает

ощущение, что речь идет о справочнике по оккультизму. И наоборот, описание эзотерических организаций Европы XIX века производит впечатление материалов по политическому радикализму. Одни и те же имена: Бланки, Кабе, Йаркер, Леру, Маккензи, Элифас Леви, Фабр д’Оливе, Фурье и т. д. Масонерия и политическая утопия. Розенкрейцеры и герметики, переплавляющие свинец тела в золото духа, и марксистские идеи превращения пролетариата в философский камень социальной революции и обретения «красной пудры» коммунизма.

Реинтеграция, «новое человечество», «земной рай», человек как посредник между небом и землей, посвященный, заменивший абстрактные догмы деизма животворным опытом личной духовной реализации. Революционный гуманизм вытекает из инициатических доктрин, и следы этих доктрин сохраняются в знаках, языке, эмблемах, совпадениях, навязчивом повторении одних и тех же сюжетов, ритуалов, жестов. О сущности большевизма и революционного социализма пентаграмма говорит больше, чем все исторические материалы съездов, расколов, предательств и фракций. Большевизм — это идея «нового человека», человека-звезды, волевым усилием поднявшегося над тьмой бессознательности. Не столько выродившаяся аристократия или фарисейский клир — главный враг большевиков. Буржуазный профанизм, царство количества и денег — вот против чего восстали коммунисты. Пролетариат — символ первоматерии философов. «Я черна, но я прекрасна», — говорит София в Псалмах Давида. Это — «chose vile», та «грубая вещь», которая для алхимиков ценней золотых слитков. Красные звезды зажигаются над Кремлем, центром Третьего Рима, Третьего Интернационала. Это — образ центра мира, полюса. Под знаком звезды ширится социалистическое государство, встают новые города, поднимаются в воздух люди-авиаторы, движутся по льдам сталинские полярники, уходят в Тибет отряды НКВД. Ладонь, знак Белой Богини, встречающаяся на самых древних пещерных рисунках, как Революция-Реставрация «пещерного коммунизма», как древнейший завет, золотом вспыхивает на огненном знамени большевиков.

Сбылось пророчество Пушкина, написавшего своему брату по ложе, знаменитые слова, воспевающие Пентаграмму.

Статья написана в 1997 г., впервые опубликована в ж-ле «Элементы» № 8 (досье «Национал-большевизм») 1997 под псевдонимом «Леонид Охотин».

3. Мондиализм

ЗАГОВОР ПРОТИВ СССР

Заколдованный ум

Недавно мы пережили страшное потрясение — внезапное, молниеносное крушение гигантского континентального государства и уникальной социальной системы. Казалось бы, все интеллектуальные силы наши должны быть брошены на то, чтобы понять, осознать, выяснить, как это произошло? Почему? Каким образом? И что, собственно, произошло? Без серьезной постановки этих вопросов, без страстного, напряженного, драматического выяснения смысла этого события мы не можем двигаться ни в каком направлении, не можем планировать, не можем ориентироваться, не можем дышать. Но странно: именно этот вопрос все обходят молчанием, либо самоуверенно предлагают готовые, абсолютно несостоятельные, неубедительные схемы, ничтожность которых резко контрастирует с масштабом беды.

Ум нации как заколдованный.

С этим надо что-то делать.

В терминах геополитики

Мы предлагаем здесь одну из версий объяснения происшедшей катастрофы, не претендуя на то, что она является единственно верной или совершенной. Это, скорее, приглашение к осмыслению, к дискуссии. Не более того.

СССР был явлением крайне сложным, которое можно разбирать, оценивать и описывать на разных уровнях. Мы ограничимся исключительно уровнем геополитическим, в котором в снятом виде присутствуют все остальные аспекты анализа. Без такого пояснения, дальнейшее будет неочевидно.

Как геополитическая конструкция СССР строго соответствовал континентальной массе, Heartland'у, Евразии, "геополитической оси истории". Экспансия СССР в южном и западном направлении соответствовала вектору территориальной интеграции, заложенному потенциально и объективно в самой географической специфике материка. СССР в полной мере наследовал миссию сухопутного полюса геополитического дуализма, был законченным выражением "порядка Земли", противостоящего "порядку Моря".

И напротив, Запад, как геополитическая антитеза СССР, являлся воплощением "морского строя", "Мирового Острова", противостоящим во всех своих ипостасях Евразии.

На этом объективном дуализме основана главная демаркационная, силовая линия новейшей истории, взятой в геополитическом срезе.

Ключом к геополитическому объяснению современного этапа мировой истории (XX век) является утверждение неснимаемого, радикального, многоуровневого, комплексного противостояния между "силами Суши" (Россия, позже СССР) и "силами Моря" (Англия+Франция, позже США). (Это аксиома геополитики как науки, и за подробным изложением этой модели мы отсылаем к нашему учебнику — А.Дугин "Основы Геополитики. Геополитическое будущее России", где суть вопроса изложена детально и последовательно).

Геополитический дуализм, "великая война континентов" объясняет все остальное наглядно и внушительно. Такой подход сразу придает смысл всем событиям, которые, в противном случае, превращаются в сложный хаотический вортекс атомарных фактов.

Но геополитическая картина мира никогда не была достаточно ясно сформулирована и популярно изложена широкой публике. Это не случайно, так как геополитическая компетентность широких слоев общества сильно ограничила бы свободу действия некоторых секторов политических элит, чьи планы и методы в определенных случаях вступали в противоречие с интересами отдельных народов и государств, с тем, что объективно можно определить "как геополитические интересы державы".

Геополитика никогда не была собственно "секретной наукой", "тайным знанием". Но вместе с тем поражает диспропорция, существующая между наглядностью, простотой и убедительностью геополитической методологии и ужасающим невежеством в этой области, которой отличаются не только широкие слои населения, но и многочисленные представители аналитических и политических экспертов. Внешняя "демонизация" геополитики, ее настойчивое зачисление в разряд "лженаук", и вместе с тем ее активное использование наиболее компетентными, почти "тайными", кругами мировой финансовой и интеллектуальной элиты в закрытых организациях, занятых мировым планированием (таких как американский "Совет по международным отношениям", «Трехсторонняя комиссия», «Бильдербергский клуб», «Римский клуб» и т. д.) — все это не может не наводить на мысль, что это не спонтанное отношение зацикленного на академизме научного сообщества, но специальная, прекрасно разработанная стратегия, призванная искусственно скрыть (дискредитировать) ряд методологических моделей, знание которых может привести к неприятным последствиям для правящего класса или какого-то наиболее закрытого его сектора.

Падение СССР в геополитической перспективе означает падение "сил Суши", их

тотальный проигрыш перед лицом “сил Моря”. Только так и никак иначе следует геополитически интерпретировать это ужасное событие. И если бы вопрос изначально — с первых этапов перестройки — был поставлен именно таким образом, то едва ли подобное действие могло быть осуществлено так просто и бесшумно, так легко и безнаказанно, как это случилось.

Если бы советское общество отнеслось к СССР и странам Варшавского договора как к чисто геополитической, континентальной реальности, органически сложившейся по воле объективных пространственных законов, то любые идеологические перемены или политико-экономические реформы заведомо проходили бы в строгих рамках сохранения (а желательно увеличения, наращивания) геополитического потенциала Евразии, полноты пространственного контроля над регионами Суши. Не исключено, что идеологические и экономические реформы в таком случае были бы не менее радикальными, но при этом стратегическая мощь Москвы не ослабла бы ни на гран. Следовательно, сохранение геополитики в тайне, ее маргинализация, ее искусственное замалчивание было важнейшим тактическим ходом сил, заведомо ориентированных на разрушение цитадели “сухопутной цивилизации”. Доказательством правоты такого тезиса является и тот факт, что американские политические элиты, напротив, методично сверяют свои планы и проекты с геополитикой, выверяют по этой науке основные моменты своей стратегии.

Поражение Суши

Геополитическое объяснение гибели СССР, таким образом, заведомо выносится за скобки привычных интерпретаций, делающих упор только *на идеологию или экономику*. Поэтому и механизмы геополитического ликвидаторства должны быть найдены в *особой концептуально-идеологической* области, которая предшествовала последующему оформлению начального импульса в ином, более приземленном и упрощенном виде. Иными словами, необходимо выяснить, каким образом руководители гигантской континентальной империи, которым было доверено управление “силами Суши”, смогли встать на путь государственного и стратегического самоубийства? Какими моделями оперировали те, кто подводил их к принятию целой цепи фатальных решений и шагов, ведущих великое государство к пропасти геополитического небытия?

Самым простым объяснением было бы утверждение, что руководство СССР было каким-то образом (каким?) перевербовано в агентов альтернативного геополитического лагеря, перешло на службу “сил Моря”. Но такая перспектива представляется фантасмагорией. Как группа людей, контролировавших стратегически и геополитически половину мира, вошедших на вершину власти именно в евразийском государстве и отстаивая “силы Суши” вдруг внезапно в одночасье круто изменила свои убеждения и предала все свое достояние врагу? Такой поворот событий мог бы иметь место в геополитических конструкциях, занимающих *промежуточное* положение между “силами Суши” и ”силами Моря”, в “береговых зонах”, на которые действуют, как правило, два вектора — извне с “Моря” и изнутри с “Суши”. Здесь можно допустить, что политическая верхушка может в какой-то момент предпочесть тот или иной геополитический вектор, выбрав себе одну из двух возможностей вопреки другой. *Но у СССР как государственного выражения Суши, Евразии, никакого выбора не было.* Суша не береговая зона. Суша не может выбирать что-то одно из двух. Она есть только то, что она есть; она обречена на свой собственный геополитический и цивилизационный путь. Евразия не может выбрать “атлантизм” просто потому, что, если Суша выбирает Море, она перестает существовать как таковая, “затопляется”. СССР мог бы превратиться в Мировой Остров (как это произошло с Америкой), если бы он простер свое могущество на всю Евразию — включая Западную Европу, Дальний Восток, Индию и Ближний Восток, а затем начал бы экспансию в Атлантику и Тихоокеанский регион, вытесняя оттуда Америку. Лишь в этом случае Материк стал бы превращаться в Корабль, в Остров. Любое другое развитие событий предполагало

сохранение чисто континентальной линии, на всех фронтах противодействующей атлантистской атаке Моря, стратегии Анаконды, удушающей Евразию через контроль над береговыми зонами.

Иными словами, переход от объективно евразийского курса к пособничеству атлантизму в советском руководстве не мог осуществиться осознанно и прямо, так как подобный шаг настолько противоестественен, что даже самая черная душа предателя вряд ли является подходящим местом для столь парадоксального суицидального решения, а коллективность руководства СССР исключает решающую роль личности в этом вопросе.

Совершенно очевидно, что самоликвидация СССР есть величайшая победа “сил Моря” и триумф “атлантистской агентуры”. Но чтобы загипнотизировать мозги позднесоветских руководителей, атлантистское лобби должно было обладать особой *концепцией* , которая, опираясь на определенный организм влияния, сумела сбить с толку вождей евразийской империи и подтолкнуть их к фатальным шагам, но которая не была бы при этом простым изложением атлантистского видения ситуации, по определению, прямо враждебного стратегическим интересам Москвы.

Что это за концепция? Если мы выясним это, мы вплотную приблизимся к разгадке великой драмы.

«Мировое сообщество управляемо?»

Одним из любопытных текстов, с которого началась перестройка, была статья советника Горбачева Шахназарова под броским названием “Мировое сообщество управляемо”. Она вызвала оживление среди первой волны патриотической общественности, только что познакомившейся в самиздате с теорией о “мировом масонском заговоре”, направленном на установление “мирового правительства” и единого “мирового государства”. Шахназаров прямо говорил о реальности (почти неизбежности) такой перспективы. Статус Шахназарова и официальный тон его публикации не оставлял сомнений в том, что это не частное мнение аналитика, но одна из тем, активно прорабатывавшихся и обсуждавшихся не вершине власти. Иначе в то довольно тоталитарное время и быть не могло. Видимо, консервативные, национал-патриотические силы в ЦК и в КГБ, также почитывавшие антимасонский самиздат, возмутились поступку Шахназарова, и тема была закрыта на долгое время. Кстати, с тех пор серьезных и программных публикаций на этот счет вообще не появлялось. Поскольку партийные консерваторы давно исчезли с исторической сцены, можно допустить, что рекомендация по замалчиванию этой темы исходит и из каких-то иных, более влиятельных кругов, заинтересованных в том, чтобы несмотря на видимость “свободы слова” определенные сюжеты оставлялись вне широкого общественного внимания.

Как бы то ни было, теория “мирового правительства” не может быть сведена исключительно к антимасонским домыслам возбужденных конспирологов, сплошь и рядом отмеченных явными признаками паранойи, что резко снижает качество их разоблачений и подрывает доверие к серьезности их информации. Эта линия восходит к религиозным учениям, согласно которым в конце времен “человечество восстановит свое единство, нарушенное с эпохи Вавилонского столпотворения”. Есть много версий этой унификационной доктрины. Часть из них имеет ярко выраженный христианский характер: тема “Третьего Царства”, “эры Святого Духа”, о чем учил еще Иоахим де Флора. Но чем ближе к современности, тем более светский, атеистически-гуманитарный, либеральный характер стали приобретать аналогичные идеи, часто, на самом деле, составляющие специфическую черту европейского “прогрессивного” масонства. По мере секуляризации, обмирщвления западной цивилизации, утопические теории объединения всех людей в едином государстве становились знаменем гуманизма, и покинув закрытые лаборатории масонских лож, широко распространились в научных, культурных, политических средах европейской, позже общезападной, элиты. В конечном итоге, все, кто верил в прогресс, должен был обратиться именно к такой перспективе в будущем, так как существование

отдельных народов, наций и государств с их особыми языками, конфессиями и культами рассматривалось эволюционистами как промежуточные этапы на пути общего развития человечества — этапы, которые в какой-то момент будут преодолены, а соответствующие им институты упразднены за ненадобностью. Множество версий “мирового правительства” сосуществовали друг с другом; в некоторых случаях (мартинизм, “египетская” ветвь масонства, фундаменталистские протестантские секты, иезуиты, высшие градусы Шотландского обряда и т. д.) эта тема продолжала носить мистический, “мракобесный”(как сказали бы раньше) характер; в других случаях речь шла только о гуманистическом, социальном идеале (“Римский клуб”, проекты графа Куденофф-Каллерги, Жана Монне и т. д.); в третьих — рассматривались экономико-политические выгоды планетарной интеграции для финансово-политических элит (английское «Общество круглого Стола», «Трехсторонняя комиссия», «Бильдерберг» и т. д.). Все эти проекты объединения человечества, подчас прямо противоположные по ориентации и целям, получили название “мондиализм”, от французского “monde”, т. е. “мир”. Показательно, что существовала и коммунистическая разновидность “мондиализма”, наиболее известная под именем “мировой революции”.

Иными словами, концепция “единого государства” является отнюдь не экстравагантной гипотезой сомнительных экзотических заговорщиков, но одной из главных тем, стоящих в центре внимания различных элит — от прагматиков (экономистов, социологов, технократов) через утопистов-гуманистов (ученых, деятелей культуры, социалистов) вплоть до реалистов (политиков, промышленных и финансовых магнатов). Собственно же “мистики”, оккультисты, фундаменталисты и “иллюминаты” (на которых, однако, чаще всего обращено повышенное внимание конспирологов) в этом вопросе занимают довольно “маргинальные” позиции, а их влияние крайне незначительно.

Инструментальный миф “единого человечества”

Мондиализм, проект “мирового правительства” как концепция находится в серьезном противоречии с геополитикой как наукой. Хотя в обоих случаях речь идет об оперировании с довольно глобальными категориями и комплексными реальностями, — из чего может сложиться ошибочное представление о сходстве подходов, — основные принципы в корне различаются. *Геополитика начинается и заканчивается утверждением неснимаемого, фатального дуализма, “великой войны континентов”, планетарной дуэли двух глобальных типов цивилизаций — “сухопутной” (евразийской) и морской (атлантистской)* . Этот дуализм порождает диалектику истории как в ее субъектном (человеческом), так и в объектном (географическом, ландшафтном) измерениях. *Геополитика основана на утверждении о радикальной несводимости, абсолютной альтернативности этих цивилизационных типов, каждый из которых представляет “мир в себе”, законченную и самодостаточную модель, собственный универсальный тип.* В такой перспективе, “мировое правительство” возможно лишь после окончательной и необратимой победы одного полюса над другим, и “единое человечество” в таком случае будет не собиранием в одно целое двух половин, но универсализацией, глобализацией, тотализацией *какого-то одного типа* — либо евразийского, либо атлантистского. Но так как эту цель можно представить лишь в неопределенно далекой перспективе, то геополитика предпочитает говорить не о футурологических проектах, но о выработке и реализации конкретной геополитической стратегии и тактики для достижения конкретных целей.

Мондиализм, напротив, утверждает, по крайней мере, в теории, сущностное “гуманистическое” единство человечества, разделение в рамках которого представляются случайным, произвольным и качественно “негативным” явлением. По мере прогрессивного развития цивилизационные погрешности будут сознательно устраняться “поумневшим” человечеством, которое перейдет вначале в техносферу, что отразится в установлении власти “технократов”, “ученых” и “инженеров”, а позже — в “ноосферу”, особую стадию

цивилизации, которая в чем-то напоминает концепции “информационного” или “постиндустриального” общества.

Совершенно очевидно, что мондиализм и геополитика как две интерпретационные модели *конфликтуют друг с другом.* Мондиализм отрицает судьбоносность и эсхатологический смысл геополитического дуализма (как, впрочем, и сам дуализм), а геополитика его утверждает, соответственно, отрицая идеи “единого человечества” и “единого прогресса”. Если “прогресс” и существует, то его траектория и характер радикально *различны* в случае евразийской цивилизации и цивилизации атлантистской.

Мы подошли вплотную к самому главному.

Мондиализм на службе Кремля

Если обратиться к истории спецслужб советского периода, мы встречаемся с ярчайшим примером того, как столкнулись между собой два концептуальных подхода, интересующих нас в данном случае — *мондиализм и геополитика.* Речь идет о секретной операции советской разведки по разработке ядерного оружия и получения важнейшей закрытой информации от западных ученых, без которой изготовление советской ядерной бомбы было бы замедлено или вообще невозможно. Довольно объективно вся эта история описана у нашего легендарного разведчика Павла Судоплатова. В этом сюжете наглядно проявилась тайная логика концептуальной истории. Заметим, что именно с ядерным оружием связана вся система двуполярного послевоенного мира, который был самым грандиозным и внушительным подтверждением именно геополитического объяснения истории: существование двух блоков (точно соответствующих геополитическим полюсам, выделенных уже первыми геополитиками в начале века) связывало воедино целый узел географических, цивилизационных, экономических и идеологических моментов, давая тем самым блистательное подтверждение взглядов геополитиков на логику мировой истории и ее связь с географией.

Во время Великой Отечественной войны Москва, столица “Суши”, была вынуждена из-за самоубийственного (в геополитическом смысле) поведения Германии Гитлера (война на два фронта) сотрудничать со своим основным геополитическим и идеологическим противником — либеральным капиталистическим Западом (Англией и США). Единственной концептуальной моделью, которая могла хоть как-то оправдать столь противоречивый со всех точек зрения (кроме фактологии Realpolitik) альянс, была *мондиалистская модель* , идея объединения “гуманного“, “прогрессивного” человечества против “фашистских людоедов” как “видовой аномалии”. Заметим, что до определенного момента мондиалистские проекты — в частности, у Тейяра де Шардена, одного из крестных отцов современного мондиализма — предполагали включение в “мировое правительство” и “фашистских” элементов, но маниакальное поведение и ярко выраженный “антигуманизм” (а также расизм) Гитлера заставили от этого отказаться даже в теории.

Итак, среда, наиболее чувствительная к разнообразным версиям мондиализма, стала тем организмом, который обеспечивал концептуальное оформление советско-английского и особенно советско-американского сотрудничества. Но в условиях жесткого идеологического тоталитаризма (коммунистического, с одной стороны и капиталистического, с другой), все мондиалистские темы вынуждены были оставаться в значительной степени засекреченными, закрытыми, находящимися под прямым и бдительным контролем спецслужб. В СССР все детали мондиалистской операции курировались лично Лаврентием Берией и даже самим Сталиным, который был в курсе мельчайших нюансов проекта. Мондиалистские тенденции были напрямую связаны с советской разведкой, с НКВД, и, разбирая архивные дела того времени, трудно строго провести черту, где кончаются сферы концептуальных идеологем и начинается вульгарный (научный, политический или военный) шпионаж. И все же разделительная черта существует. Большинство западных ученых, таких как Оппенгеймер, Ферми, Эйнштейн, Нильс Бор, согласившихся сотрудничать с СССР в научно-технической

сфере, всегда оставались лишь убежденными и искренними мондиалистами, и только некоторые — к примеру, Понтекорво — были настоящими советскими агентами.

Показателен такой эпизод. В 1943 году Сталин устроил личную встречу с русским ученым академиком Вернадским, убежденным мондиалистом и теоретиком "ноосферы" (кстати, Тейяр де Шарден позаимствовал этот термин именно у него). Вернадский во время разговора выразил уверенность в том, что западные ученые легко откликнутся на любые мондиалистские предложения, от кого бы они ни исходили. *Вера в "единое человечество" и "всеобщий прогресс"у Вернадского была настолько велика, что Сталин укорил его в "политической наивности"*. В этом и состоит главный момент, позволяющий понять соотношение между геополитикой и мондиализмом. Сталин руководствуется исключительно геополитическим подходом. Для него обращение к мондиалистским настроениям ученых (советских и западных) является лишь *тактическим прагматическим* ходом. Он хочет использовать мондиализм в строго евразийских целях, и поручает надзор за всей операцией лично Берии, НКВД, разведке, в том числе Павлу Судоплатову. Позже Судоплатов намекнет в своих мемуарах, что среди советских ученых-ядерщиков также существовала едва заметная для непосвященных демаркационная линия. Одни — такие, как Капица или Вернадский — были убежденными и искренними мондиалистами (Судоплатов говорит о них, как о носителях "дореволюционных манер"). Кстати, надо заметить, что Вернадский, бывший одно время идеологом кадетов, был связан и с масонскими кругами предреволюционной России. Другие — такие, как Курчатов, молодое поколение — были убежденными сталинистами и евразийцами, и относились к мондиалистским симпатиям старших товарищей с непониманием.

Кстати, НКВД использовало в этот период не только мондиализм ученых, но и иные, более экстравагантные его формы — в том числе сионистскую версию мондиализма, утверждающую, что в конце времен все человечество *объединится* в служении восстановленному с приходом "машиаха" еврейскому государству. Сталин и Берия поставили на службу и это направление в сугубо прикладных, геополитических, евразийских целях, для чего был организован печально известный Еврейский Антифашистский Комитет Михоэлса, контролируемый прямой агентурой НКВД, в частности, крупнейшим советским разведчиком Хейфицем. Работа с сионистской средой оказала существенную помощь в вопросе о ядерном оружии, дублируя на ином уровне линию обращения к мондиалистским средам. Оппенгеймер и Эйнштейн "разрабатывались" НКВД именно через сионистские каналы.

После победы над фашизмом, когда геополитические и идеологические противоречия между Западом и СССР вновь вышли на первый план, сложная система мондиалистских структур стала сворачиваться Сталиным. И не исключено, что ликвидация Еврейского Антифашистского Комитета, а равно как и репрессии против некоторых ученых и представителей творческой интеллигенции в эту эпоху были *следствием демонтажа мондиалистской группировки* , ставшей в определенный момент ненужной Сталину в его евразийской ориентации. Вероятно, отзвуком этих сложных конспирологических событий была последняя волна сталинского террора, имевшего ярко выраженную антисионистскую направленность.

Трудно сказать, до какой степени мондиалистская сеть была укоренена в советском обществе, в научных средах, в верхних эшелонах НКВД. Но факт остается фактом. В случае с ядерной бомбой и на заре "холодной войны" многие важнейшие события в международной жизни, в противостоянии Запада и Востока, а также в драматических коллизиях и потрясениях политических элит (особенно спецслужб) могут быть объяснены исключительно *трениями между геополитическим подходом и мондиалистской ориентацией* весомых и интеллектуально значимых социальных групп (в научных, культурных, ведомственных или политических средах).

Пережившие большую чистку

В 60-е годы, в так называемую “оттепель”, мы сталкиваемся с новой идеологической волной, странно напоминающей мондиализм предыдущего периода. Сам строй мысли и дискурса Хрущева постоянно выдает идею сопоставления, сравнения двух цивилизаций — советской (евразийской) и капиталистической (атлантистской) — по материальным параметрам, что имплицитно подразумевает *качественную однородность* . Лозунг Хрущева “догнать и перегнать Запад” (т. е. неявное признание мондиализма, единства цивилизаций, так как любое соревнование может проходить только при наличии общего, единого критерия) является строгой антитезой геополитической, евразийской максимы Иосифа Сталина: “даже самый последний человек социализма выше самого первого человека буржуазного Запада”. У Сталина — два мира, не имеющих общего знаменателя, у Хрущева — две версии одного и того же мира, причем лучшее определяется по материальному критерию.

С оттепелью оживает целый спектр мондиалистской прослойки. Трудно однозначно выяснить, какие центры были здесь первичны. Но, судя по определенным признакам, можно выделить три полюса мондиализма хрущевского времени в оправляющемся после последних сталинских чисток обществе.

Во-первых, научные круги физиков-ядерщиков. Здесь фигура академика Сахарова играет ключевую роль. По всем признакам Андрей Дмитриевич Сахаров был тесно связан с мондиалистски ориентированными учеными с самого раннего периода своей научной карьеры, когда над проектом ядерного оружия работали ученые с отчетливо выраженными мондиалистскими взглядами. Не исключено, что это научное лобби в СССР сумело сохранить какие-то контакты и с европейскими коллегами схожей ориентации.

Во-вторых, почти наверняка можно утверждать, что кое-какие структуры сохранились в недрах НКВД и после уничтожения аппарата Берии и чисток нового хрущевского режима, осуществленных против предшествующих поколений чекистов. По ряду косвенных признаков можно реконструировать связь этих чекистских кругов, курировавших мондиалистские проекты еще в военные и послевоенные годы, с созданным в конце 60-х 5-м Управлением КГБ СССР, под управлением такой странной фигуры, как Филипп Денисович Бобков, ставший впоследствии заместителем Председателя КГБ СССР Крючкова. Важные сведения об этой группе были у Павла Судоплатова. Любопытно, что в определенный момент Филипп Бобков возглавлял службу безопасности группы МОСТ, глава которой — Владимир Гусинский — одновременно являлся председателем Российского Еврейского Конгресса.

В-третьих, и это самое очевидное, мондиалистские течения сохранились в определенной части советского еврейства, увлеченной сионистскими проектами. Ясно, что эта среда естественным образом была предрасположена к таким настроениям, особенно после того, как многие евреи почувствовали разочарование в советском проекте, совпавшим с созданием государства Израиль и во многом подкрепленным антисионистскими тенденциями в СССР конца 40-х — начала 50-х.

Можно с полной уверенностью утверждать, что мондиалистски ориентированные группы сохранились после последней волны сталинских чисток и впервые активизировались довольно ясно в эпоху оттепели.

Архитекторы краха

В 1967 году произошло важное событие, которое отмечает собой новую эру в истории мондиалистских проектов. Мы имеем в виду создание “Римского клуба”, международной организации, открыто заявившей о необходимости глобалистского подхода к решению важнейших проблем. Параллельно с этим в закрытых аналитических организациях, объединявших верхушку западной финансовой, политической и медиакратической элиты, — таких как американский «Совет по Международным Отношениям» («CFR» — «Council on

Foreign Relations»), «Бильдербергский клуб», «Трехсторонняя комиссия», — активно разрабатывалась “теория конвергенции”, согласно которой в будущем признавалось вероятным слияние капиталистического строя с социалистическим в единую мировую хозяйственно-экономическую систему с общим руководством. “Римский клуб”, созданный итальянским промышленником Аурелио Печчеи и английским (шотландским) ученым Александром Кингом, рассматривался как общественная организация, призванная воплощать проекты секретных мондиалистских групп в жизнь, вовлекать в реализацию проекта видных научных и общественных деятелей.

Самое интересное, что Советский Союз проявил живой интерес к этим проектам, делегировав в “Римский клуб” академика Джерми Михайловича Гвишиани, женатого на дочке предсовмина А.Косыгина Людмиле. Фактически, персона Гвишиани с 1972 года стала в центре официально признанного мондиалистского сектора в советских научных кругах. Тогда же по решению “Римского клуба” был создан Международный Институт Прикладных Систем Анализа (IIASA) с центром в Австрии, филиал которого был открыт и в Москве под руководством того же Гвишиани — Институт Системных Исследований.

Оперируя с экологическими, катастрофическими прогнозами, поднимая демографическую и сырьевую проблематику, мондиалистские идеологи из “Римского клуба” постепенно подводили к тому, что геополитическое противостояние двух планетарных блоков является опасным путем развития, что противоречия между двумя системами не так остры, как это кажется, что различия евразийского и атлантистского цивилизационных укладов — результат довольно случайных исторических факторов, не отражающих никакой глубинной закономерности и т. д. Во многом мондиалистские мотивы предопределили и политику «детанта» («разрядки»), и пацифистское движение 70-х в целом.

Конечно, брежневское руководство придерживалось все же традиционного евразийского подхода, но, тем не менее, мондиалистские тенденции в советской системе также неуклонно росли и крепли, проникая в высшие политические, научные, аналитические и идеологические среды. Помимо собственно Института Системных Исследований в ауре мондиализма находились ЦЭМИ, Институт США и Канады, АПН, значительный сектор высшей референтуры ЦК, и особенно 5-й отдел КГБ, ведающий идеологическими проектами и в силу своей специфики постоянно и на разных уровнях имеющий дело с мондиалистскими проектами и кругами.

К 80-м годам советские мондиалисты уже контактировали не просто с “Римским клубом”, представляющимся, на первый взгляд, безобидной организацией чудаков-ученых, утопистов и гуманитариев, озабоченных судьбами человечества, но непосредственно с полномочными деятелями «Трехсторонней комиссии», которая сосредоточила в себе членов высшей элиты Запада, которые, заметим, действуя тайно и безо всяких демократических полномочий, не имели, строго говоря, никакого легитимного права решать судьбы народов мира.

Цитируем фрагменты из конфиденциального документа Трехсторонней комиссии от 16 октября 1980 (!) года, копией которого мы располагаем.

“Название: Токийская встреча председателей и будущая активность Трехсторонней комиссии.

1. Пекинская встреча и возможные контакты с Советским Союзом. *Следующие пункты выделяются во встрече председателей в Токио относительно договоренностей с Пекином:*

(…)

3. Актуальная асимметрия в наших контактах с Пекином и Москвой должна быть исправлена в ближайшие недели через возобновленные контакты с господином Гвишиани. По единодушному мнению европейской, а также американской и японской групп, переговоры с Москвой должны быть возобновлены тем или иным образом, чтобы избежать антисоветской интерпретации наших китайских контактов.”

О чем идет речь? О начале китайской перестройки, о планах интеграции китайской экономики в мировой рынок и о прощупывании путей к вовлечению в тот же процесс

Советского Союза.

16 октября 1980 года. Еще жив Брежнев, здравствует Варшавский договор, и исправно работает КГБ. Но подготовка перестройки — со всеми вытекающими последствиями — уже идет полным ходом. Работа в ведомстве Гвишиани кипит. Кстати, родная сестра Гвишиани — жена Евгения Примакова, одного из ближайших сотрудников Горбачева. Но это частность.

Итак, постепенно выясняются тайные механизмы того, что с нами произошло. И здесь налицо одна крайне важная историческая параллель, которая расставляет точки над i.

Расширение сил Моря на Восток

Вспомним, как Сталин и Берия в свое время воспользовались мондиалистскими наслоениями и соответствующими группами на Западе в своих собственных евразийских геополитических целях, оснастив благодаря тончайшей идеолого-разведовавательной операции Евразию ядерным оружием. Это пример того, как евразийство использует мондиализм в своих целях. Другим примером той же стратегии может служить организация Коминтерна и, шире III Интернационала, когда пропаганда и подготовка “мировой революции” объективно служила интересам евразийского блока.

В 70-е-80-е годы тот же ход, та же операция повторяется снова, но уже с противоположным знаком. На сей раз мондиалистский проект используется в интересах иной, атлантистской стороны, и под видом “конвергенции”, дымовой завесы мондиалистской риторики западный полюс добивается полной победы над евразийским блоком, парализует его, разрушает остов материковой конструкции. Под предлогом отказа от двуполярного мира, от противостояния, от перспективы ядерного самоубийства человечества Запад обманом и ловкой манипуляцией заставил своего противника отказаться от геополитической логики (и от идеологической ориентации), разоружил его, но в решающий момент жестко отказался от встречных шагов и поступил с Советским Союзом и советским народом аналогично тому, как Иосиф Сталин поступил в свое время с Еврейским Антифашистским Комитетом Михоэлса, выполнившим свою субверсивную миссию в отнолшении Запада и оказавшимся в дальнейшем более не нужным.

Складывается следующая картина: мондиализм на практике оказывается не самостоятельной доктриной, не законченным и последовательным проектом, но лишь инструментом геополитики, подсобным средством — хотя и поразительно эффективным — в идеологической борьбе между двумя цивилизационными полюсами.

Все поведение атлантического сообщества после перестройки: расширение НАТО на Восток, жесткое навязывание политической и экономической системы Запада растерянной, оглушенной России, сохранение всей полноты стратегической мощи США после одностороннего разоружения Евразии — это ясные, убедительные, наглядные свидетельства правоты только и исключительно *геополитического подхода* , который на практике оказывается единственно адекватным, верным и главенствующим, тогда как мечты о “едином человечестве” и гуманистические утопии служат лишь прикрытием, демагогическим фасадом для реальной и жестокой, беспощадной *войны континентов* .

Суд по законам войны

Теперь можно ответить на поставленный в начале статьи вопрос. Советское руководство, пошедшее на одностороннюю ликвидацию евразийского блока, не было (да и не могло по логике вещей быть) прямой “агентурой атлантизма”. Успеха в такой вербовочной операции не могли бы добиться ни одни, самые эффективные, спецслужбы мира. Промежуточным и фатальным звеном в осуществлении геополитической катастрофы явились *мондиалистские круги и мондиалистские институты в СССР* , зародыши которых унаследованы со сталинских времен (возможно, их корни уходят и в предреволюционные

группы и общества), но подлинный расцвет которых под эгидой 5-го управления КГБ приходится на 70-е -80-е годы. Параллельно этому действовали и прямые агенты Запада, но без мондиалистской среды им никогда и ни при каких обстоятельствах не удалось бы добиться такого поразительного и молниеносного успеха.

Было бы некорректно обвинять всех сторонников и участников мондиалистского проекта в СССР в прямой измене. Это вопрос более сложный и требующий детального разбирательства. Но тот факт, что именно благодаря этим группам и личностям, этим институтам и аппаратам референтов и советников величайшая держава рухнула и ушла с мировой сцены, является неоспоримым. И было бы вполне естественно для всех тех, кто продолжает сохранять верность евразийской идее, верность Российскому Государству и континентальной цивилизации, спросить с мондиалистов (и их пособников) по всей строгости — независимо от того, были ли их действия результатом роковой ошибки, невинного заблуждения или злой воли. Факт преступления налицо, известны и лица, совершившие его, а также средства, с помощью которого оно было осуществлено. Преступление гигантского масштаба — *гибель цивилизации* .

Сознательность или бессознательность действия преступников нисколько не смягчает их вины в столь судьбоносном вопросе. По законам военного времени их ожидает только одно.

УГРОЗА МОНДИАЛИЗМА

> «Триста человек, каждый из которых знает лично остальных, управляют судьбами европейского континента и выбирают своих наследников из непосредственного окружения».
>
> ***Вальтер Ратенау, советник Кайзера Вильгельма 24.12.1912 г. (Wiener Freier-Presse)***

Новый заговор

Сегодня в нашей политической ситуации существует множество темных моментов, и поэтому одной из актуальнейших тем в прессе и в политике стала *проблема заговора* . Однако чаще всего в подобных обсуждениях присутствует какая-то недоговоренность, отрывочность, апелляция к эмоциям и чувствам, а также недостаток информации и конкретных данных. Здесь мы хотели бы привести несколько фактов относительно лишь одного из предполагаемых "мировых заговоров", который, однако, является актуальнейшей реальностью современной геополитики. Мы имеем в виду так называемый *"мондиализм"* (от французского слова «monde», "мир"), что можно понять как идеологию «всемирности», «глобализма». Этот политический и сверхполитический феномен представляет собой совершенно новое направление в области мировых идеологий, так как его строго нельзя отнести ни к разряду «левых», ни к разряду «правых», то есть более или менее традиционных политических конструкций. Однако именно он постепенно становится все более и более важным критерием в определении политической ориентации всех государств и народов мира.

До начала перестройки в СССР в мире существовало три геополитических полюса, деливших между собой планетарное влияние: социалистический лагерь — капиталистический лагерь — Третий мир (развивающиеся страны). При распаде социалистического лагеря картина изменилась. *Необходима новая система координат* . В ней важнейшим фактором, а может быть, и основным элементом является «мондиализм», и если уж говорить о "мировом заговоре", то первыми претендентами на роли заговорщиков сегодня будут не масоны, которые слишком архаичны, и не мафиози, которые слишком

мелки, а именно *носители мондиалистской идеологии* .

Когда-то над разоблачителями "заговора большевиков" либералы и демократы высокомерно посмеивались… Все кончилось Октябрьским вооруженным восстанием и великими геополитическими катаклизмами, связанными с победой коммунистов в одной отдельно взятой стране. Начиная с 6О-х годов, разоблачители "глобалистского заговора" также являлись мишенью для острот умеренной прессы, когда они утверждали, к примеру, что закулисные интернациональные силы на Западе готовят объединение Европы… Сегодня подобные остроты кажутся неуместными. Итак, что же такое мондиализм?

Совет по международным отношениям (C.F.R)

В 1921 году американский банкир Морган учредил "Совет по международным отношениям" (Council on Foreign Relations, сокращенно C.F.R.) с центром в Нью-Йорке. С этого времени фактически можно проследить откровенное и последовательно успешное *становление мондиализма* и формирование его наиболее универсальных политических, идеологических и культурных клише. Важно, что именно США, а не Англия (как это было в прошлом) становится отныне лидером глобалистских проектов, и важно также, что уже у самых истоков этой инициативы стоит представитель крупнейшего в мире банка. Начиная с этого момента, *все* президенты США, за исключением Р.Рейгана, обязательно являются членами этой полусекретной организации.

Приведем цитату:

> "Совет по международным отношениям", C.F.R., официально представляется группой американских специалистов в сферах дипломатии, финансов, промышленных наук, информации, в чьи задачи входит стимулировать настроения американцев в интернационалистском ключе и координировать направленные на это усилия. Сейчас в "Совете по международным отношениям" около 14ОО членов, занимающих высшие позиции в правительстве США, в политике, в бизнесе (особенно международном), в средствах массовой информации, в ЦРУ и даже в религии. Эта организация финансируется фондами: Форда — Карнеги — Рокфеллера — Standard Oil of New Jersey и др… Совет оказывает решающее влияние на правительство США, на конгресс, на две главные политические партии: Демократов и Республиканцев. Современный вдохновитель Совета по международным отношениям — Дэвид Рокфеллер, президент Чейз Манхеттен банка.
>
> Членами Совета по международным отношениям являются американцы, которым международные связи позволяют осуществлять пристальный контроль за государствами — либо непосредственно, либо через близкие и смежные общества и международные структуры, возглавляемые членами Совета, к примеру такие как Мировой Банк."
>
> ***Роберт Камман "Подлинные властители мира", Париж,1985***

Членом этой организации являлся бывший вице-президент при президенте Р. Рейгане Дж. Буш, и заявления Буша относительно *"нового мирового порядка"* открыто повторяют то, о чем в кулуарах Совета говорится уже с 1921 года. И важно, что основатель этого совета (Морган) и его актуальный лидер (Рокфеллер) оба являются представителями крупнейших банков планеты.

Бильдерберг

Вторым этапом мондиализма было создание "Бильдербергской группы" на сей раз в Европе. Ее вдохновителем был знаменитый авантюрист XX века Иосиф Реттингер (1887-196О), сын богатого польского еврея. Реттингер был посвящен в высшие градусы шведской масонерии и сам себя называл "серым кардиналом" (его автобиография вышла под

титулом "Мемуары одного "серого кардинала").

Бильдербергская группа названа так по имени отеля «Бильдерберг», где в мае 1954 года состоялось ее первое заседание. Формальным тезисом этого секретного совещания было *"создание европейского единства против советской экспансии".* Но ни журналисты, ни наблюдатели в отеле, где проходила встреча, не были допущены. До 1976 года группу формально возглавлял принц-консорт Нидерландов Бернхардт де Липпе, но вскоре ему пришлось оставить свой пост, так как его роль в скандале с компанией «Локхид» была слишком очевидна (в чем он сам и признался). Но уже среди участников 5-ой встречи и, видимо, в самом истоке этой организации, мы встречаем того же *Дэвида Рокфеллера* , который вдохновляет и "Совет по международным отношениям". Таким образом, в случае Рокфеллера и в случае многих других представителей политической и финансовой верхушки Запада (Бзежинский, Киссенджер, Макнамара, Джордж Болл и т. д.) мы видим причастность их к обеим мондиалистским структурам.

Внутри групп "Совет по международным отношениям" и «Бильдерберг» существовало *две тенденции* , направленные к *одной и той же* цели — созданию *Мирового Правительства* и контролю финансовой олигархии над планетой, но методы предлагались *разные* . Одна тенденция — реформистская, «мягкая» — была ориентирована на сближение со странами Восточного блока; вторая, более «жесткая», связывалась с идеологией "холодной войны". «Мягкие» определяли линию «Совета», «жесткие» — «Бильдерберга». Любопытно, что начиная с 1976 года (Уотергейтский скандал и дело компании "Локхид") фактически произошла победа *реформистской*, *"мягкой"* тенденции, и в обеих группах начала задавать тон идеология "мирного покорения". «Жесткие» — президент Никсон и Бернхардт де Липпе — ушли со сцены.

Трехсторонняя комиссия

Последним этапом организации секретных сетей мондиализма было создание "Трехсторонней комиссии", объединившей «сливки» "Совета по международным отношениям" и «Бильдерберга». «Трехсторонней» она названа по числу основных участников: США-Европа-Япония.

Центр "Трехсторонней комиссии" расположен в США (345 East 46th Street, New York). Создана она была в июле 1973 года. Но решение было принято на конфиденциальном совещании в ноябре 1972 года президентом "Чейз Манхеттен банка" Дэвидом Рокфеллером (лидером «Бильдербергской группы» и вдохновителем "Совета по международным отношениям"), Максом Конигтаном (вице-президентом «Комитета по объединению Европы Жана Монне») и Жоржем Франклином, формальным главой "Совета по международным отношениям".

Первым грандиозным успехом "Трехсторонней комиссии" было проведение в президенты Дж. Картера, абсолютно никому не известного еще накануне выборов. Став президентом, Картер тут же ввел в высшие инстанции власти членов "Трехсторонней комиссии": Уолтера Мондейма, Сайруса Вейнса, Харольда Брауна, Збигнева Бзежинского, Майкла Блументаля, Ричарда Купера, Энтони Саламона, Самуэля Хантингтона и т. д. По этому поводу американский журнал «Пентхаус» в ноябре 1977 года писал: "Утверждение, что «Трехсторонняя комиссия" управляет администрацией Картера» было бы неверным. "Трехсторонняя комиссия" и *есть* администрация Картера".

Но помимо внутриамериканского неоспоримого могущества "Трехсторонняя комиссия" расширила постепенно свое влияние *практически на всю правящую политическую и финансовую элиту капиталистических стран.* Особенно важно отметить, что она всегда явно стремилась включить в сферу своего влияния и бывший социалистический лагерь. Так, например, такой идеолог "Трехсторонней комиссии", как Бжезинский уже в 1976 году писал: "Марксизм — это победа разума над верой, жизненный и творческий этап универсалистского видения человека", а секретарь американского отделения "Трехсторонней комиссии"

Джеральд К.Смит добавлял: ""Трехсторонняя комиссия" ни в коем случае не должна быть антикоммунистической".

Смысл действий "Трехсторонней комиссии", а равно и всего мондиализма, можно выразить словами Джеймса Пола Варбурга, сказанными им перед американским сенатом 17 февраля 1950 года: *"Хотите вы этого или нет, но у нас будет Мировое Правительство. Единственный вопрос состоит в том, произойдет ли это путем консенсуса или путем насилия"*.

Для осуществления этого плана мондиалисты "Трехсторонней комиссии" привлекают в свой "внешний круг" политиков, промышленников, ученых самых разных идеологических ориентаций. «Левые» помогают мондиалистам дезорганизовать религиозные структуры, основы семьи, образование, общественный порядок, армию — и все это во имя либерализма, пацифизма, чисто светского милосердия, эгалитаризма и социальной справедливости. «Правые» (то есть «экономические» правые, правые в западном смысле этого слова, представители крупного капитала) во имя экономической свободы, свободного рынка, неограниченного обмена и экономического динамизма разрушают самобытность национальных экономик, социально ориентированные хозяйственные системы, специфические этно-религиозные и национальные структуры. Наконец, «центристы» во имя «дружбы между народами» и «гуманизма» подтачивают идеи нации и патриотизма. Так мондиализм использует в своих целях весь спектр политиков, манипулируя тенденциями и по мере конкретной необходимости поддерживая то одних, то других.

Глобальная цель мондиализма

Через эти три темные организации ("Совет по международным связям", «Бильдерберг», "Трехсторонняя комиссия") *проходят силовые линии современной политики.* Общим знаменателем всей деятельности мондиалистского центра, создающего тысячи побочных комиссий, клубов, организаций, институтов, обществ, фондов и т. д., является установление того самого *"нового мирового порядка"* , о котором так часто говорил президент Буш. "Новый мировой порядок", к которому мондиалисты подталкивают народы и государства, как правило, преподносится в довольно расплывчатых формах под масками обычных пропагандистских и «общечеловеческих» лозунгов. И действительно, далекую перспективу этого «порядка» трудно обрисовать конкретно. Очевидно лишь то, что всякая социальная, национальная, политическая и религиозная традиционность, еще сохранившаяся в современных обществах вопреки всему, должна быть отменена, и люди должны превратиться в некую однородную и неразличимую массу, пребывающую в постоянном перемещении, не имеющую ни национальности, ни пола, ни экономических или религиозных границ. Только над подобной стихией возможен абсолютный экономический и технократический контроль, в ином случае всегда наталкивающийся на естественные формы защиты человеком, обществом или нацией своей органической обособленности.

Итак, мондиализм — это универсализм, но чисто количественный, приравнивающий друг к другу различные вещи, исходя лишь из их наиболее материальных и количественных аспектов.

Отчасти прообразом "нового мирового порядка" может служить *американское общество* , которое лишено качественных различий в максимально возможной степени: американцы — это не нация, их тип культуры эклектичен и беспочвенен, их экономика не подчиняется никаким сверхматериальным ценностям, их политика не только утратила аристократическую иерархию, но и никогда не имела ее, их история — это история обыденного, прагматического и банального. Не случайно Америка стала плацдармом мондиализма, который, с определенной оговоркой, можно приравнять к «американизму» в его наиболее отчужденной, количественной материальной модели.

Важно подчеркнуть, что мондиализм противостоит не только национальным и религиозным государствам (исламские страны, Индия и т. д.), не только социализму, но и

самим капиталистическим странам Европы, которые еще не до конца нивелированы космополитической банкократией и сохраняют хотя бы остатки национальной культурной и экономической обособленности.

Как бы то ни было, "новый мировой порядок" "Совета по международным отношениям", «Бильдерберга» и "Трехсторонней комиссии" — это действительно весьма *особая форма цивилизационного устройства* , связанная с приматом банковского контроля, технократией, информатикой, постиндустриальными методологиями, «обществом спектакля» в его самой совершенной и законченной стадии…. Эту форму можно определить как *«планетарная диктатура количества»*.

Советский филиал

В отношении существования в СССР филиалов мондиалистских организаций точных сведений у нас нет, хотя и сама логика вещей, и особенно перестроечные и конвергенционные процессы, которые привели к крушению социалистического лагеря, настолько вписываются в мондиалистские проекты, что невозможно отделаться от ощущения, что и в СССР на высшем уровне действовал какой-то невидимый агентурный блок. Однако в нашем распоряжении имеется любопытный документ конфиденциального характера. Это «Меморандум» от 16 октября 1980 года, направленный президентом Европейского отделения "Трехсторонней комиссии" Жоржем Бертуэном всем европейским членам после очередной встречи руководителей в Токио 14–15 сентября 1980 г. В нем, помимо проблемы переговоров с Китаем (вспомните, когда началась экономическая перестройка в Китае?) говорится о "возможных контактах с Советским Союзом". В этом документе в графе "Spirit of meeting" — "Дух встречи" (в Пекине) в пункте 3 говорится буквально следующее: "*Актуальная асимметрия* (подчеркнуто в тексте) в наших контактах с Москвой и Пекином должна быть *исправлена* (подчеркнуто в тексте) в ближайшие недели через возможные возобновленные контакты с господином Гвишиани, так как, по мнению европейской, американской и японской групп, переговоры с Москвой должны быть возобновлены тем или иным способом, чтобы избежать антисоветской интерпретации наших китайских встреч".

"Г-н Гвишиани", упомянутый в этом конфиденциальном циркуляре, попавшем в руки французских противников мондиализма, это директор Института Системных Исследований в Москве, академик, с 1965 года зампред. Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике. В советском "Философском словаре" о нем сказано: "Ведет научную работу по проблемам управления и социальной организации". Такая научная тематика уже сама по себе близка мондиализму, теоретики которого также, в первую очередь, обеспокоены «управлением» и "социальной организацией" в условиях "нового мирового порядка".

Определенные параллели мондиалистской концепции можно было найти и в проектах академика Сахарова, и в статье Шахназарова в «Правде» под более чем откровенным названием "Мировое Сообщество управляемо". Впрочем, уже сама концепция "нового политического мышления", выдвинутая с самого начала перестройки, также могла быть истолкована в мондиалистском ключе, если антинациональные, антигосударственные и банкократические тенденции станут в актуальном ходе событий у нас безальтернативными и единственными. То же самое может произойти и с концепцией "общеевропейского дома". Как бы то ни было, общеизвестно, что члены "Трехсторонней комиссии" посетили в 1989 году Москву, где они встречались с руководителями советского государства.

Новый выбор

Мондиализм стал сегодня самостоятельной геополитической и идеологической категорией. Мировой развал сугубо социалистической системы сделал мондиалистский фактор фактически *единственным суперфактором* , а из сверхдержав сейчас осталась только

одна. Подобно Европе и большинству стран Третьего мира (за исключением нескольких исламских государств) СССР сегодня не может противопоставить «американизму» (а значит, "мондиализму") ничего цельного, мощного и единого, ничего «сверхдержавного», но лишь простое инстинктивное неприятие "нового мирового порядка" и остатки традиции, давно уже потерявшей жизненность и тотальность.

Корректнее было бы рассмотреть новую ситуацию в терминах мондиализманемондиализма (или антимондиализма), то есть единой унифицирующей идеологии, стремящейся к установлению одинакового для всех и повсюду "нового мирового порядка" и целого спектра национальных, идеологических и политических форм, которые хотят сохранить свою уникальность, особость, специфичность, *свою границу* , ставшую мишенью агрессии для универсалистского "мира без границ".

Очевидно, что Россия, даже сегодняшняя кризисная Россия, играет чрезвычайно важную роль в мировом распределении сил. Подвергшаяся долгим издевательствам, обессиленная и обескровленная, страна вновь призвана сегодня совершить решающий выбор.

декабрь 1990

АНАТОМИЯ МОНДИАЛИЗМА

Парамасонерия

Термин «парамасонерия» означает совокупно организации, которые построены по образцу масонских лож, и которые, сохраняя свойственную настоящим масонам, секретность, протекционизм, интернациональность и ангажированность в политику, отбрасывают при этом масонские ритуалы, доктрины и инициатические мистерии. Парамасонские организации стали возникать уже в конце XVIII века, и первым наиболее ярким примером такой тайной политической организации масонского типа, (но не подлинной масонской ложи), было общество баварских «Иллюминатов» Адама Вайсхаупта. «Иллюминаты» поддерживали тесные связи с масонством, имели среди своих членов множество масонов (и в частности, второе лицо после самого Вайсхаупта, барон фон Книге, был аутентичным масоном). И все же, будучи чисто светским, отрицающим все формы религиозности обществом, "Орден Иллюминатов" не был собственно масонским. Это было просто невозможно, так как в конституциях всех масонских лож XVIII века содержалось как необходимое для масона условие веры в Бога и верности Королю. Лишь в XIX веке "Великий Восток Франции" отказался окончательно от обязательности религиозной веры и монархической лояльности, и то подобный отказ повлек за собой разрыв со многими другими французскими и заграничными масонскими обрядами. Парамасонерия в своем чистом виде отличается от масонерии именно тем, что она берет от устройства масонских организаций *внешнее* и отбрасывает все *теологические, мистические и инициатические* элементы, превращая тем самым свои структуры в инструменты чисто *политического, экономического, культурного, социального и геополитического* воздействия. При этом парамасонерия *может сохранять, а может и отбрасывать* некоторые формулы сугубо масонской терминологии.

Вопрос о парамасонерии чрезвычайно важен для адекватного понимания феномена «мондиализма», ставшего самой главной, но в то же время самой скрытой силой современных геополитических трансформаций. Именно к парамасонерии в первую очередь справедливо отнести всю антимасонскую критику последних трех столетий, так как в своем подавляющем большинстве эта критика касается именно политической, социальной, экономической и геополитической деятельности организаций, либо представляющих собой предельную форму вырождения, атеизации и политизации действительных масонских лож,

либо (и с конца XIX века это наиболее частый случай) являющихся независимыми внемасонскими структурами, копирующими во многих аспектах масонские методы и типологию масонских организаций, использующими сложившиеся масонские структуры, но все же не входящими в число не только «регулярной», но и «нерегулярной» масонерии. Если сделать подобные разграничения и вообще оставить в стороне мистическую и инициатическую сторону масонства, крайне неоднородную и сложную, то антимасонская критика будет полностью лишена своей дискредитирующей стороны, т. е. безосновательных обвинений в адрес масонов, которые обязаны своим существованием лишь некомпетентности критиков в сфере сакральных доктрин. Иными словами, если сделать предметом рассмотрения *исключительно парамасонерию* как систему интернациональных, геополитических, экономических и информационных структур, ставящих целью определенное преобразование социально-политического облика человечества, и соответственно, стремящихся к достижению максимального контроля над уже существующими политическими образованиями, то вся полнота антимасонской критики потеряет сомнительные и спорные черты, и предстанет действительным и тревожным разоблачением *тайной деятельности* , ведущейся, тем не менее, у всех на виду. Так, например, подчас невозможно доказать принадлежность к ритуальному масонству того или иного политического деятеля, проводящего в высшей степени сомнительную политику, направленную против интересов тех национальных государственных структур, которые он призван представлять и защищать. Но тот же самый персонаж, понятия не имеющий ни о масонском фартуке, перчатках или тайных доктринах, связанных с Хирамом, строительством храма Соломонова и т. д., вполне может являться *членом парамасонской организации* с очевидно мондиалистскими целями и тем самым исполнять миссию, намного более негативную, разрушительную и конкретную, нежели собственно масонские братья.

Парамасонерия, некогда бывшая периферийной стороной вырождающегося, деградирующего, профанизирующегося масонства, постепенно стала *самостоятельной силой* , не нуждающейся в масонских тонкостях, и с какого-то момента уже сама масонерия превратилась в инструмент этой структуры, в ее средство.

Формы протомондиализма в XIX веке

Одной из самых первых форм мондиалистской теории, то есть концепции *единого управления человечеством на основании глобального контроля и в соответствии с абстрактными, утопическими, неорганическими и искусственными теориями* (концепции Мирового Правительства и «нового мирового порядка»), была идея радикально *демократического* толка. Именно у первых социалистов-демократов появляются термины "мировое управление", "мировое правительство". Ранние организации социалистов с начала XIX века как раз и представляли собой парамасонские общества чисто политической и экономической ориентации, совершенно не заботящиеся о ритуальной и догматической стороне масонства. Многие последователи «Иллюминатов» оказались среди главных вдохновителей раннего социализма: таковы Клинтон Рузвельт, автор протомондиалистской работы "Наука управления, основанная на естественном законе", а также Гораций Грили, директор "Нью Йорк Трибюн", лондонским корреспондентом которой был Карл Маркс. Кроме того, эти персонажи финансировали деятельность Маркса, и без этой помощи, согласно Уиклиффу Винарду, "Маркс остался бы никому не известным одержимым революционером". Кроме того, показательны контакты Маркса и Энгельса с тайным обществом "Лига Справедливых Людей", которая также являлась (по некоторым источникам) продолжением "Ордена Баварских иллюминатов" Адама Вайсхаупта.

Параллельно социалистическим «протомондиалистам» действовали и ранние *пацифистские* организации. В сороковых годах XIX века создается "Общество за Мир", основанное Генри Ричардом в Англии, в котором участвуют Ричард Кобден, впервые предложивший проект единой всемирной системы арбитража и свободного обмена, и Джон

Брайт, основавший ранее "Европейское движение свободного обмена". После кризиса 1854 года, когда все эти деятели были дискредитированы своим антипатриотическим поведением во время Крымской войны, общество было преобразовано в "Интернационалистское движение". "Это изменение означало фундаментальный прогресс, — пишет Артур Билс, историк пацифистского движения, — именно тогда подлинный интернационализм, основанный на теории мирового правительства, вышел на первый план".

В 1884 году произошло важное событие в истории формирования мондиалистского движения в его начальных фазах, так как именно тогда было образовано новое полусекретное парамасонское общество социалистического типа — "Фабианское Общество". Название дано по имени римского генерала Квинтуса Фабиуса Максимуса, известного своей хитрой выжидательной политикой в борьбе с Ганнибалом. Члены этого общества считали себя "ассоциацией социалистов" ("Основы Фабианского Общества"). В их задачу входила "передача земли и собственности от одного класса всему обществу во имя его же блага". Фабианцы в отличие от других социалистов считали, что самой лучшей тактикой будет выжидание подходящего момента для решительных действий, проведение аналитических исследований, накапливание данных, разработка теорий, распространение тонкого влияния, "подготовка социалистического климата" (по словам Раскина), а поэтому акцент в их деятельности падал на сбор информации и анализ.

И, наконец, важнейшим тайным обществом XIX века была организация, основанная в 1891 году масонами Сэсилом Роудсом и В.Т.Стидом, позднее (в 1909 году) избравшее своим названием "Круглый Стол".

Всего к концу XIX века существовало более 400 протомондиалистских, парамасонских организаций, ставящих своей целью *установление "нового мирового порядка" во главе с Мировым Правительством* . Все они продолжали существовать и в XX веке, порождая кроме того сотни новых обществ, комитетов, организаций, движений и фондов, составляющих неимоверно разросшуюся сеть мондиализма. И хотя подчас организации XX столетия представляются независимыми и новыми, на самом деле, именно в парамасонских организациях XIX века социалистического, пацифисткого или радикально демократического образца следует искать их корни, связи с которыми не прерываются ни в одной точке истории.

Мондиализм и социализм

Термин "новый мировой порядок" появился только в начале XX века, хотя эта концепция существовала и ранее в социалистической и пацифистской парамасонерии XIX века. Термин этот принадлежит писателю фантасту Герберту Уэллсу, написавшему книгу под таким названием. Крайне важно, что это отнюдь не совпадение, так как Герберт Уэллс был не только членом "Фабианского Общества", но и одним из руководителей его английского отделения. Кроме того, в 1916 году Уэллс организовал "Лигу ассоциации свободных наций" совместно с представителями других протомондиалистских обществ — франк-масонами Лионелом Куртисом и лордом Греем (оба принадлежали также к обществу "Круглый Стол") и еще кое с какими представителями "Фабианского Общества". Ко всему прочему писатель фантаст, а на самом деле, один из разработчиков футурологических проектов будущей цивилизации, был связан с тайным обществом "Киббо Кифт", основанным в Англии в 1921 году по образцу ордена того же Адама Вайсхаупта. Если принять во внимание такую социалистско-мондиалистскую подоплеку Уэллса, то в совершенно ином свете предстанут его общеизвестные дружеские отношения с Лениным и особый интерес к коммунистической России.

Здесь можно упомянуть и еще об одном свидетельстве, приводимом в книге Кэтрин Пэлфрей "И люди рыдали" (Болдуин, 1954): президент другого тайного парамасонского социалистического общества «Пилигрим» заявил однажды известному мондиалисту Лорду Сэсилу из общества "Круглый Стол": "Коммунизм — это инструмент, с помощью которого

мы свергнем национальные правительства во благо единого Мирового Правительства, единой мировой полиции, единых мировых денег".

Крайне любопытны в том же самом ряду заявлений некоторые пассажи Кларенса Киршмана Стрэйта. Этот персонаж — автор одной из канонических книг в сфере мондиализма, "Союз или Хаос?" с подзаголовком "Американские предложения по реализации федерации крупных демократических режимов" (1939). Основная цель, разбираемая в этой книге, — *создание Мирового Правительства* . Несмотря на критику в адрес Стрэйта со стороны просоветски настроенных мондиалистов (таких как Пол С. Эндрьюс, который считал, что "Стрэйт и его Атлантический Союз не достаточно способствуют установлению мировой Федерации"), сам Стрэйт в своей книге еше в 1939 году утверждал: "Я не вижу мотивов для вражды между зародышем Мирового Правительства и Советской Россией, и я вижу все основания к тому, чтобы они стали добрыми соседями."

Однако следует различать мондиализм и социализм в их исторических проявлениях, так как мондиализм является намного более *глобальным и всеобъемлющим* течением, засчет «универсальности» своих целей и глобализма своей программы способным ориентировать и контролировать самые *различные* социально-политические структуры. Социализм же, напротив, сохраняет в себе, по меньшей мере, теоретическую возможность к становлению *национальным, органичным и автаркийным феноменом* , конкретным и ограниченным спецификой того или иного государства или народа, как это произошло, к примеру, в германском национал-социализме или в социализме советско-сталинского типа. Поэтому "новый мировой порядок" может учитывать и использовать социалистические и коммунистические формы, извлекать из них определенную выгоду на том или ином этапе, но его цели распространяются гораздо дальше.

Мондиализм включает в себя и демократические концепции, и либеральные теории, и даже некоторые «правые» движения, заставляя всех их способствовать достижению одной единственной цели — *установлению Мирового Правительства на планете* . Примером такого «правого» мондиализма может служить деятельность генерала Хэйга, считавшегося всегда «ястребом» Белого Дома, т. е. представителем "крайне правых", но в тоже время активно участвовавшего в подготовке переговоров "Трехсторонней комиссии" с коммунистическим Китаем в 1982 году и являвшегося советником Генри Киссинджера.

Определенные стороны в высшей степени мондиалистского Бильдербергского клуба также воплощают в себе аспекты "правого мондиализма", что можно ясно проследить в деятельности самого основателя Бильдерберга, принца-консорта де Липпе, предлагавшего в грядущем "общеевропейском доме" установить, наряду с "тотальной демократией", систему монархического наследственного правления, ориентированного на царственные роды Европы, связанные тесными узами с масонерией и парамасонерией.

Мондиализм, мировое еврейство и сионистское движение

Среди спорных концепций, лишь дискредитирующих антимондиалистскую критику, наиболее неадекватной является концепция, отождествляющая мондиализм с «еврейским заговором». На самом деле сионистское движение, ставящее своей целью возвращение евреев мировой диаспоры в созданное сионистами еврейское государство, является совершенно особым явлением, хотя и затрагивающим важнейшие политические узлы современной политики, но все же *не совпадающим* с планами создания Мирового Правительства и установления "нового мирового порядка". Сионизм — это лишь одна из сторон еврейства, один аспект его политической деятельности. Поэтому критика сионизма обречена на то, чтобы оставаться локальным явлением, не затрагивающим сути мондиалистской экспансии, а попытка наделить термин «сионизм» более глобальным смыслом является натяжкой и играет (как и в случае с масонством) на руку тем, кто стремится запутать противников мондиализма, пустив их по ложным следам и отвлекая от

главных и гораздо более глобальных, коварных, скрытых и одновременно очевидных врагов.

Само еврейство как явление уникального культурного и интеллектуального единства иудеев диаспоры, связанных между собой не только общностью особого партикулярного вероисповедания, но и единством психотипа, сохраняющегося неизменным несмотря на множество этнических и культурных смешений, — это еврейство *гораздо шире* сугубо сионистского течения, и его связи с мондиализмом являются более сложными и фундаментальными. Сионистские проекты по организации еврейского государства и «алии», возврата евреев диаспоры в «Эрец Израэль», находятся *в определенном противоречии* с диаспорическим состоянием, ставшим традиционным для евреев после разрушения Второго Храма. Сионизм предполагает окончание рассеяния, фиксацию евреев, их соединение в рамках нового, постдиаспорного государства. Но именно такой проект и является *наименее мондиалистским* из всех возможных, так как это означает установление *не интернационального* , но *национального* порядка, не универсальной и эгалитарной системы, но расовой и этнической *дифференциации* , не либеральный униформизм, но относительную экономическую автаркию.

Из всего этого следует, что мондиалистским является не сионизм, но, напротив, та часть еврейства, которая настаивает на сохранении «статус кво» диаспоры. Исторически, в силу специфики своего состояния, еврейство для поддержания экономического, религиозного, культурного и информационного единства диаспоры было вынуждено создавать механизмы международного и сверхнационального управления, которые были не просто реализацией некоторого целостного и замкнутого поля иудейской культуры, что, естественно, в подобной ситуации было вообще неосуществимо, но вынужденным и искусственным сочетанием компонентов культур тех народов и государств, где евреи пребывали. Так язык, предложенный изначально как средство международного общения еврейской диаспоры — эсперанто — был в основном построен на латыни, а отнюдь не на иврите или даже идише. Этот химерический и неорганичный язык, не только мертвый, но и мертворожденный, искусственный и противоестественный, действительно отражает определенную сторону еврейской диаспоры и являет собой типичный пример мондиалистской конструкции, направленной на нивелировку, утопическую эгалитаризацию языка, а впоследствии религии, культуры и т. д. И, напротив, сионизм скорее тяготеет к популяризации иврита, который, хотя и является мертвым языком, все же исторически представляет собой достояние еврейской нации, и хотя бы несет в себе органические дифференцированные элементы.

Все это объясняет глобальное наличие активных деятелей еврейства в мондиалистских организациях, вплоть до того, что их присутствие стало необходимым элементом любого мондиалистского предприятия, будь то экономический клуб, пацифистское движение, социалистическая партия или интернациональный фонд. Но отнюдь не всегда, и более того крайне редко мондиалисты еврейской национальности являются одновременно полноценными и последовательными *сионистами* , так как полная реализация сионистской программы означала бы прекращение диаспоры и разрушение механизмов мондиалистского контроля, сосредоточенного сегодня в руках определенной группы преимущественно еврейской диаспоры. И весьма показательно, что штаб-квартиры самых агрессивных, беззастенчиво вмешивающихся в жизнь других наций и народов, стремящихся к интернациональному диктату и всемирному экономическому контролю еврейских организаций, расположены отнюдь не в Израиле, но в странах с совершенно самостоятельными государственными и этническими структурами, *прежде всего в США* .

Именно *несионистское еврейство* причастно к созданию современных глобальных мондиалистских структур. Собственно говоря, установление "нового мирового порядка" в данном случае означает для еврейства тотальную легализацию его собственного «диаспорического» статуса, а значит навязывание этой же формы всем остальным народам и государствам. И в этой логике ортодоксальный сионизм не просто является побочным явлением, но вообще *противоречит мондиалистским планам* . И быть может, только

уникальная солидарность еврейства, выработанная веками сложной истории, а также специфика самой иудейской традиции, в самих ее метафизических истоках радикально отличной от других религиозных и национальных сакральных форм, делает противоречие сионизма и еврейства диаспоры не столь очевидным и травматическим. И совершенно не случайно столь открыто мондиалистская организация как ООН, у истоков и во главе которой явно или тайно стояли радикально мондиалистски ориентированные евреи диаспоры, в свое время осудила, тем не менее, *сионизм как расизм* , то есть как доктрину, утверждающую естественное, очевидное и вездесущее в мире *неравенство* , ненавистное лишь мондиалистским утопистам, стремящимся уничтожить все границы, различия, особенности, органические пределы людей, этносов, стран, культур.

июль 1991

МОНДИАЛИЗМ И АНТИМОНДИАЛИЗМ

Определение мондиализма

Слово «мондиализм» постепенно становится привычным термином политической лексики у представителей самых разных идеологий. И это не случайно. При современной интегрированности (экономической, политической, социальной) нашей планеты практически невозможно рассматривать внутренние проблемы страны или отдельного региона в отрыве от общего положения дел в международной сфере. Но признание социально-политической взимозависимости разных стран между собой еще не означает мондиализма. Что же такое мондиализм?

Мондиализм — это особое идеологическое направление, которое на основании реальных интеграционных процессов в современном мире предполагает в конечном итоге *полное объединение всего человечества в едином государстве* под управлением единого Мирового Правительства. Слово «мондиализм» происходит от французского слова "le monde", «мир». Такой проект предполагает в качестве необходимого условия отмирание традиционных государств, народов, рас, культур и религий и создание некоей новой особой "общечеловеческой цивилизации", различие внутренних секторов которой между собой будет сведено к минимуму (а в перспективе и совсем исчезнет). Важно заметить при этом, что идеологической базой такой "общечеловеческой цивилизацией" должна стать именно *западная цивилизация* , расцененная как *наиболее эффективная* и «прогрессивная» с ее *либеральной идеологией и рыночной экономикой* .

До определенного момента данная идея оставалась уделом небольших (часто полусекретных) организаций масонского или парамасонского типа, но постепенно она получила признание в серьезных политических сферах и стала мало-помалу воплощаться в жизнь. Первые шаги в этом направлении были сделаны через создание Лиги Наций, предшественницы нынешней ООН и при учреждении ЮНЕСКО. Масонские и псевдо-розенкрейцеровские истоки обеих институтов ни для кого сегодня не являются секретом. Но помимо официальных и крупномасштабных организаций существует огромное количество фондов, клубов и институтов, имеющих более или менее легальный статус, которые разрабатывают и внедряют мондиалистские проекты, готовят идеологическую базу для мирового объединения, работают с кадрами, проводят политико-культурные симпозиумы и конференции и т. д. В настоящий момент наиболее влиятельной организаций такого рода, являющейся куратором всех более мелких филиалов и фондов, является Трехсторонняя Комиссия ("Трилатераль"), служащая прообразом Мирового Правительства будущего. Если мы учтем либерально-капиталистический характер готовящейся "общечеловеческой цивилизации", то станет понятным тот факт, почему эту комиссию в данный момент возглавляет именно банкир — Дэвид Рокфеллер, а не кто-нибудь другой. В

списках этой организации мы находим Бжезинского и Киссинджера, Уорена Кристофера и МакНамару, а также бывших президентов США Джорджа Буша и Билла Клинтона.

Об эффективности деятельности мондиалистов можно судить хотя бы по следующим фактам. — Одним из их давних проектов был проект объединения Европы. Сегодня это стало реальностью. Другой заветной мечтой мондиалистов был отказ от двухполярного мира и «конвергенция» между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком (естественно, на базе признания именно западных, либеральных ценностей). Мы видим, что и этот план воплотился в жизнь в ходе перестройки и последующих за ней событий. Вряд ли после этого можно сомневаться в реальной власти мондиализма и как идеологии и как организационной структуры, сумевшей поставить себе на службу финансовый капитал, транснациональные корпорации и политические (и культурные) элиты многих стран.

Если это так, то закономерно соотносить события нашей внутренней российской политической жизни с актуальными мондиалистскими проектами, чтобы понять истинный смысл того, что стоит за теми или иными политическими и социальными изменениями в нашей стране и мире.

Почему комиссия Трехсторонняя?

Это название отражает мондиалистское представление о современном мире и о его геополитической картине. С этой точки зрения вся планета делится на три богатых региона (так называемая "региональную триаду"):

1) США и их сателлиты — Канада, Центральная и Южная Америки;

2) Европа, взятая как единое целое (объединение различных европейских стран в единую Европу являлось важным подготовительным этапам мондиализма, сегодня в целом завершенного);

3) Япония и тихоокеанский ареал, включающий Тайвань, Гонконг и Южную Корею.

С точки зрения мондиалистов, эти три ареала являются тремя колоннами будущего мирового государства, так как либеральная рыночная экономика этих пространств является наиболее развитой и эффективной. Между этими тремя регионами должно происходить *распределение экономико-политического* влияния на все остальные «отсталые» регионы, причем такое влияние должно приводить к постепенной интеграции этих частей "третьего мира" в один из трех основных регионов "нового мирового порядка". Такое трехполюсное расширение постепенно должно привести к полной переделке мира на три гигантских *рыночных пространства* , которые, в свою очередь, на заключительном этапе сольются *в единое мировое государство* , One World. Пока же прототип будущего Мирового Правительства существует в форме «Трехсторонней комиссии», в состав которой входят политические и финансовые властители Америки, Европы и Японии. Соответственно, сама «Трехсторонняя комиссия» имеет три департамента — американский, европейский и японский. Показательно, что главой всей «комиссии» в целом является именно американец, Дэвид Рокфеллер, что символизирует доминацию в этой мондиалистской организации именно американского, «атлантистского» фактора.

Мондиалисты «правые» и "левые"

Мондиалистское движение делится на две составляющие — на условно «правых» и условно «левых». «Правые» настаивают на самых радикальных *рыночных реформах* , на *полном торжестве либеральной идеологии* и на *отказе от даже слабых намеков на социализм или социальную ориентацию* общества. С их точки зрения, "новый мировой порядок" следует устанавливать как можно скорее и любой ценой, при этом они не имеют ничего против применения *грубой силы* и диверсионных методов в случае сопротивления их проектам. «Правые» мондиалисты однозначно полагают, что высшей универсальной ценностью являются деньги, некий "общий знаменатель" нынешнего и особенно грядущего

мира, а их основной культурно-психологической и мировоззренческой установкой является философия «индивидуализма», гуманистического «эгоизма», возведенного в абсолют.

"Левые" мондиалисты, напротив, считают, что создание мирового государства есть сложный и поэтапный процесс, который следует осуществлять не столько с помощью прямого давления, сколько с помощью хитрых, дипломатических и «культурно-социальных» методов. «Левые» мондиалисты часто выступают под "социал-демократическими" лозунгами, говорят о «гуманистических ценностях», понимая под этим не столько агрессивный и тотальный индивидуализм, сколько приведение разнородного (культурно, расово, религиозно и т. д.) человечества к единому знаменателю, к космополитическому, интернациональному конгломерату в рамках единого "мирового сообщества". «Левые» мондиалисты не против рынка, они за его ограничение, за его подчинение глобальным социальным космополитическим проектам.

"Правые" мондиалисты, как правило, отстаивают главенство "богатого Севера" над планетой и опираются на геополитическое могущество США. «Левые», напротив, часто говорят о необходимости «расового и культурного смешения», о «сплавлении всего человечества в единую субстанцию без каких-либо приоритетов» Севера или Юга. На уровне геополитических проектов «левые» мондиалисты, скорее тяготеют к Европе, чем к США, и не являются строго антикоммунистическими, как правые мондиалисты (иногда «левые» бывают и коммунистами, но в «гуманизированной» форме, "коммунистами с человеческим лицом").

Разнятся и рецепты правых и левых мондиалистов в отношении вхождения в единую планетарную цивилизацию тех стран (в первую очередь, принадлежавших в социалистическому лагерю), которые до последнего момента сохраняли некоторую автономию и автаркию по отношению к трем основных мондиалистским регионам, подконтрольным «Трехсторонней комиссии» (Америка, Европа, Тихоокеанский ареал). «Правые» считают, что «отсталые» страны (включая и Россию) должны прямо входить в мировой рынок, устанавливая финансово-политические контакты напрямую между этими странами и США, основной цитаделью "правого мондиализма". «Левые» мондиалисты, со своей стороны, являются сторонниками постепенной и многоступенчатой интеграции, начинающейся с обязательного вхождения в *региональные рынки* . Политически «правые» мондиалисты как правило оказывают на своих партнеров, не очень ретиво исполняющих их рекомендации в силу тех или иных обстоятельств, *прямое силовое давление* и не останавливаются перед тем, чтобы наказать «упрямцев», спровоцировав в стране дезинтеграционные процессы, социальные волнения и т. д. «Левые» мондиалисты, в свою очередь, стараются прибегать к более гибким методам, действуя опосредованно и стремясь провести мондиализацию не «революционным», но «эволюционным» образом. Чаще всего они выступают за *временное* сохранение территориальной и политической целостности тех государств, которые они стремятся втянуть в свою орбиту.

Можно определить различие между «левыми» и «правыми» мондиалистами следующей формулой, которая будет верна применительно к любой области: «правые» мондиалисты = либералы; «левые» мондиалисты = демократы. Какими бы схожими не казались эти термины, на самом деле, их значение весьма различно.

Мондиалисты в России

"Перестройка", приведшая к гибели социализма в мире и распаду СССР, была однозначно *осуществлением мондиалистского проекта* , по «гомогенизацию» мира, по конвергенции и окончательному завершению планетарной интеграции в рамках "нового мирового порядка". Но в ходе этой перестройки произошло чередование двух форм «мондиализма», сопровождавшихся, соответственно, сменой политических, структурных, социальных, экономических и кадровых ориентаций.

Горбачев был и остается классическим представителем «левого» мондиализма,

примерным учеником и последователем архитекторов "нового мирового порядка" в его «мягкой», «социальной», «демократической» форме. Он был ориентирован на политическую конвергенцию с Западом (а не просто на самороспуск социализма), он до последнего старался сохранить распадающийся Союз (хотя и в новой форме "единого демократического пространства»), он говорил об "общеевропейском доме (т. е. о варианте интеграции именно в региональный, а не в мировой рынок), он был сторонником «эволюционного» развития мондиализации и придерживался гуманистически-космополитической, интернационалистской ориентации. Его политика ставила своей целью мирное и поэтапное превращение СССР и социалистического лагеря в составляющую "нового мирового порядка" под руководством Мирового Правительства. Этот проект был высказан откровенно в статье советника Горбачева Шахназарова, опубликованной в «Правде» на ранних этапах «перестройки»; статья имела выразительное название "Мировое сообщество управляемо".

Но по тем или иным причинам классический лево-мондиалистский курс Горбачева сменился радикальной ориентацией на *правый мондиализм* с приходом к власти Ельцина. Радикальные реформы, проводимые Ельциным и его советниками, на практике означали не «эволюционную» интеграцию в мировое сообщество, а полную политическую и экономическую *капитуляцию* перед лицом предельно жесткого варианта буржуазной рыночной идеологии. Ельцин ориентировался не на Европу, но на США. Он стремился войти сразу в "мировой рынок", *минуя стадию регионализации* . Он разрушил "единое экономическое пространство" СССР, открыв двери сепаратизму республик, при этом не только не поддерживая центростремительные тенденции в них, но грубо отталкивая любые промосковские инициативы. Экономически Ельцин открыл дорогу самым радикальным типам рыночного приватизационного процесса, утвердив идеологию «индивидуализма» и социального эгоизма в качестве государственной нормы, следуя программам Джефри Сакса, верного последователя концепций Фридмана и фон Хайека, осуществлявшего практически «внешнее управление» экономикой России в 1991–1993 годах.

В августе 1991 года политический курс мондиализации России однозначно и резко перешел от лево-мондиалистского проекта (Горбачев) к право-мондиалистскому (Ельцин) . Все внутри- и внешнеполитические, а также социально-экономические и структурные трансформации, произошедшие в этот момент полностью объясняются именно такой сменой мондиалистской формулы реформ.

В политических терминах можно сказать, что переход власти от Горбачева к Ельцину означал переход от *демократической ориентации политики* (с социальным оттенком) к либеральной (с антисоциальным оттенком).

Внешние причины внутренней борьбы

После августа 1991 года внутриполитическая борьба в России (не считая некоторых довольно маргинальных аспектов) проходила *под знаком противостояния правого и левого мондиализма* . Если до августовского путча общемондиалистским тенденциям "либерал¬демократов" противостояли антимондиалистские консерваторы из среды ВПК и ортодоксальных коммунистов, жестко привязанные к двухполярному видению мировой ситуации и не склонные ни к конвергенции с капитализмом, ни тем более к капитуляции, то после августа основная борьба стала разворачиваться *уже внутри мондиалистского лагеря* , приобретая характер *конфликта между демократами и либералами* . Тройственная система «консерваторы-левые мондиалисты (Горбачев) — правые мондиалисты (Ельцин)» превратилась в двойственную. Консерваторы же частью либо распылились, либо слились с радикальной антимондиалистской оппозицией, представленной националистами и социалистами, т. е. с теми, кого система брезгливо называла «красно-коричневыми» и кого она всячески стремилась вывести за рамки политически корректного истеблишмента.

В октябре 1993 конфликт в верхах приобрел тотальный характер и вылился в народный бунт. Радикальная оппозиция и особенно неструктурированные антимондиалистски

настроенные массы активно поддержали Верховный Совет в его противостоянии с *либеральным* диктатором Ельциным, отбросившим всякую видимость *демократии* . Этот радикально антимондиалистский фактор, вставший на сторону анти-ельцинских Хасбулатова и Руцкого (которые сами по себе даже теоретически не могли быть свободными от мондиалистского внешнего контроля вплоть до самого последнего этапа их противостояния Ельцину), впервые за долгие годы проявил себя как *самостоятельная сила* . Возможно, именно массовое участие антимондиалистов в событиях сорвало какой-то иной сценарий октябрьского кризиса, предполагавший иной исход.

март 1994

УГРОЗА МОНДИАЛИЗМА — 2

(8 лет спустя)

Первая статья в газете “День”

Моя первая публикация в газете “День” состоялась весной 1991 года. Это была статья под псевдонимом “Л. Охотин” и называлась она “Угроза Мондиализма”. В ней я рассказал о феномене “мондиализма” и фактически ввел это понятие в современный политический лексикон. Слово “мондиализм” — от французского “monde”, “мир” — означает особое направление в политическом истэблишменте Запада, которое считает, что пришло время для установления прямого правления Мирового Правительства над традиционными формами государственной, национальной власти с ее традиционными институтами — Правительствами, Президентами, Парламентами и т. д. В той статье я указал на опасность влияния подобных идей на советское руководство (тогда еще существовал Советский Союз), предсказал, к чему может привести доверие к мондиалистским проектам и планам — ведь речь идет фактически об отмене национального суверенитета государств и наций и добровольной передачи власти некоей странной, теневой, наднациональной элите, никем не избираемой и никем не контролируемой.

В той же статье я описал вкратце те институты политической элиты Запада, которые являются структурной опорой мондиализма, отвечают за реализацию планов установления “нового мирового порядка”. Напомню, что термин “новый мировой порядок” из полусекретных организаций мондиалистского толка перешел в открытый политический дискурс вождей Запада только в период Иракского кризиса, во время войны в заливе. Озвучил его Джордж Буш, один из давних активистов мондиалистских организаций. В центре структуры сети мондиализма стоят такие неправительственные организации как “Совет по международным отношениям” (Council on Foreign Relations), “Трехсторонняя комиссия“ (Trilateral commission), “Бильдербергский клуб”.

“Совет по международным отношениям” является организацией чисто американской, ее официальным органом служит журнал “Foreign Affairs”. Несмотря на скромный статус “консультативного органа” именно этим советом вырабатывается планетарная стратегия США, которая формируется исходя из особых мондиалистских концепций сотрудников CFR, сплошь и рядом без учета интересов США как государства или даже в ущерб этим интересам. Деятельность CFR многократно критиковалась и справа и слева в самих США, но так как участники этой организации — люди более, чем могущественные, то вся критика мгновенно локализовывалась и затухала. Вообще говорить о CFR в США не принято, как было не принято в Советском Союзе открыто обсуждать (или осуждать) КГБ.

Другая организация мондиалистов, основанная активистами CFR и иерархами европейского масонства шотландского обряда (в частности, Иосиф Реттингер), называлась

“Бильдербергским клубом” — по названию отеля, в котором состоялась первая встреча элиты Запада. Деятельность Бильдерберга была окутана завесой непроницаемой тайны, так что даже существование этой структуры не раз подвергалось сомнению, а ее критики считались “ненормальными конспирологами”, одержимыми навязчивым бредом преследования. Это неудивительно, поскольку в этом клубе участвовали магнаты западной прессы, способные легко заставить обывателей поверить в существование того, чего нет или в несуществование того, что есть. В последние годы сами участники “Бильдербергского клуба” несколько ослабили режим секретности и информацию о новых встречах можно найти даже в сети Интернет. Основной задачей Бильдербергского клуба являлось “координация усилий стран Запада в установлении “нового мирового порядка” и подчинение интересам западных элит общепланетарной политической и экономической ситуации”. Многие считают, что после падения СССР эта задача почти достигнута. Отсюда и ослабление завесы тайны.

Третьей мондиалистской организацией, занятой практической реализацией “нового мирового порядка”, была “Трехсторонняя комиссия”. Она названа так по числу основных участников, представляющих три геоэкономические зоны капиталистического мира — Американскую, Европейскую и Тихоокеанскую. Стратегической задачей “Трехсторонней комиссии” являлась и является окружение Евразии с трех сторон, удушение евразийского (ранее советского) лагеря экономическими и стратегическими средствами, установление сепаратных договоров с нейтральными геополитическими государствами, которые могли бы быть привлечены на сторону Запада в тактических целях. Одной из успешных операций “Трехсторонней комиссии” было вовлечение Китая в процесс либерализации на рубеже 80-х годов.

Долгое время главой всех трех организаций был один и тот же человек — банкир-иудаист Дэвид Рокфеллер, глава “Чэйз Манхеттен банка”. Он ключевая фигура CFR, а также первый председателем “Бильдербергского клуба” и инициатор создания “Трехсторонней комиссии”.

По свидетельству израильского журналиста Барри Чемиша “CFR был основан в 1921 семьей Рокфеллеров и включал в свое руководство богатейших людей мира — Меллон, Форд, Карнеги и т. д. Задачей этой организации было сокращение мирового народонаселения и уничтожение максимально большего числа маленьких государств для создания Мирового Правительства, контролируемого самыми хищными финансистами планеты”. После CFR инициатива агрессивного мондиализма передавалась “Бильдербергу” и “Трехсторонней комиссии”.

Вокруг Дэвида Рокфеллера постепенно сформировалась интеллектуальная элита мондиализма, наиболее яркими представителями которой стали Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер, участники и идеологи всех трех мондиалистских полусекретных групп. Они занимали в определенные периоды высокие посты в американской администрации, но значение их гораздо серьезнее. Именно в этом кругу и этими лицами, а также их аппаратом, разрабатываются основные стратегические решения, которые затем осуществляются через американскую политическую, военную и финансовую мощь при поддержки европейских держав, целиком и полностью зависящих от мондиалистского лобби.

Практически все президенты США (за исключением Рональда Рейгана) последних десятилетий были членами мондиалистских групп, их ставленниками и выполняли волю этих крайне сомнительных организаций.

Рассадник системного зла

Предупреждение в газете “День” 8-летней давности “об угрозе мондиализма” не возымело на советское руководство никакого действия, хотя окружение Горбачева заинтересовалось, кто скрывается под псевдонимом “Охотин” и попыталось выяснить источники моей информации, однако это вскоре отошло на задний план перед лицом

драматических событий нашей истории.

В той же статье я указывал на наличие у меня в руках документа, который проливал свет на контакты некоторых советских ученых-системщиков с мондиалистскими организациями, в частности, я упоминал Институт Системных Исследований и его директора академика Гвишиани, который еще в 1980-м году фигурировал в текстах “Трехсторонней комиссии” как ее представитель при советском руководстве. Через него мондиалисты доводили до сведения членов Политбюро пояснения относительно некоторых своих действий (в частности, по поводу “китайской перестройки”). Так как наша перестройка уже шла в то время полным ходом и явно постепенно приобретала разрушительный, антигосударственный оборот, расследование деятельности мондиалистских организаций и их связей с советским руководством представляло собой важнейшую задачу для судеб народа и страны.

Тем не менее, на этот сигнал никак не отреагировали, и представители “Трехсторонней комиссии” (во главе с самим Дэвидом Рокфеллером) прибыли в 1991 году в Москву, где в Кремле встречались с советским Президентом и его окружением. На встрече присутствовал маршал Ахромеев, и не исключено, что его трагическая гибель как-то связана с этим эпизодом, ведь он оказался свидетелем очень важных контактов, возможно, предопределивших последующие трагедии, которые маршал Ахромеев, будучи искренним патриотом, не мог не предвидеть.

“Институт Системных Исследований” академика Гвишиани и его мондиалистская роль еще не раз проявляли себя в нашей новейшей трагической истории — истории предательства, пассивности и распада. Именно из этой организации вышел одиозный Борис Березовский, направленный на “АВТОВАЗ” по разнарядке Джермена Гвишиани. Самое интересное, что владелец фирмы “ФИАТ”, итальянец Джовани Аньелли, фактически основавшей “Жигули”, сам является одним из центральных активистов “Трехсторонней комиссии” и “Бильдербергского клуба” в Европе. Кстати, латинское слово “FIAT” — это намек на библейское “FIAT”, “Да будет!”. Так масонский символизм иронически подтрунивает над христианскими верованиями, считая архитекторов мондиализма, в свою очередь, “творцами”, по волшебству тайных лоббистских сетей созидающих “новый мировой порядок”.

Из “Института Системных Исследований” вышли и иные роковые персонажи “реформаторов” — в частности, тот же Егор Гайдар. Окружение Горбачева было пропитано мондиалистскими теориями, проистекающими из того же источника, и в конце 80-х его советник Шахназаров опубликовал открытый мондиалистский манифест под выразительным названием “Мировое сообщество управляемо”. Самое ужасное состояло в том, что симпатии мондиалистским концепциям и контакты с соответствующими западными организациями фактически изначально задавали реформам губительный, разрушительный курс — вместо того, чтобы усовершенствовать хозяйственный и социальный механизм России, сделать экономику более мобильной, а общество более открытым, т. е. в конечном счете, вместо того, чтобы усилить наши позиции, укрепить государство, гармонизировать общественные и национальные отношения, основной акцент был сделан на следовании абстрактным мондиалистским рецептам, вообще никак не учитывающим наши государственные и национальные интересы. А если вспомнить, что мондиалистские организации и были созданы для борьбы с Евразией и удушением Советского Союза, то такие связи и вовсе предстают в зловещем свете.

Именно мондиалистские структуры навязали руководству СССР, потом России самоликвидационные геополитические шаги, вовлекли в процентную паутину МФВ, поставили великую страну и великий народ в полную зависимость от жалких гуманитарных подачек Запада. Когда я перечитываю строки статьи “Угроза Мондиализма”, меня душит ярость. Неужели ответственные лица Советского Государства, тогда еще имевшие огромные полномочия, при наличии великого Государства и мощного силового аппарата (причем многие из них читали тогда уважаемую просвещенно-консервативную газету “День”) не

могли принять к сведению изложенные в ней данные? И прореагировать заранее, не дожидаясь ни августа 1991, ни Беловежских соглашений, ни криминальной приватизации, ни расстрела Парламента, ни Чечни, ни расширения НАТО на Восток, ни бомбежек гражданских объектом братской Сербии? Ведь очень ограниченная группа мондиалистской агентуры и ответственна за проведение того самоубийственного курса, который завел нашу Родину в пропасть. Зачем нужны были эти мучительные годы медленного осознания, чтобы убедиться в правоте людей, искренне озабоченных судьбой своей страны и своего народа и обладающих достоверной информацией о готовящихся против нее злодеяниях? И этот текст, и геополитический учебник “Основы Геополитики”, изданный позже, и несколько сотен иных статей, написанных на сходные темы — все это сегодня наглядно, трагически подтверждается в кровавых преступлениях Запада против Сербии, когда истинное лицо архитекторов “нового мирового порядка” становится очевидным всем! Разве нельзя реагировать с опережением, а не с опозданием?

Новая шпионская поросль

Несмотря на то, что долгожданное прозрение русских неудержимо приближается, необходимо снова предостеречь ответственных лиц Государства и общественность относительно новых угроз со стороны мондиализма. Когда враг находится вовне и действует открыто, его распознать не сложно. Гораздо важнее предупредить опасность, не дать самому страшному свершиться. Угроза Мондиализма отнюдь не миновала, хотя кое-каких ошибок наш народ явно не повторит.

Необходимо заявить, что за время “реформ” уже новое поколение российских политиков установило с мондиалистскими структурами тесные отношения. Так, с “Трехсторонней комиссией” в данный момент тесно сотрудничает Григорий Алексеевич Явлинский, лелеемое дитя “демократии”, последняя надежда Запада на либеральный реванш в России. Глава “Яблока” посетил в марте 1998 года Берлин, где участвовал в работе сессии “Трехсторонней комиссии” вместе со старыми знакомыми — Дэвидом Рокфеллером, Генри Киссинджером, Збигневом Бжезинским, графом Отто Ламсдорфом и т. д.

Летом этого же года Явлинский посетил и центр Збигнева Бжезинского в США, где в открытом выступлении перед залом сотрудников ЦРУ и советологов (что почти одно и то же) фактически клялся в верности атлантистским ценностям, а позже удалился для беседы с глазу на глаз с самим Бжезинским, одним из самых яростных русофобов Запада, сторонником самых жестких мер против России. Вместе с Явлинским на заседании Трехсторонней комиссии выступал политолог Сергей Караганов, зам. директора Института Европы и председатель Совета по международной политики Администрации Президента.

Явлинский снова появляется на заседании “Трехсторонней комиссии” в Стокгольме 6–8 ноября 1998 г. на встрече европейского отделения этой мондиалистской организации. 8 ноября Явлинский участвует в обсуждении проблем финансового кризиса, а затем получает инструкции о желательной для мондиалистов позиции в отношении “Косовского кризиса”, обсуждению которого была посвящена вторая половина дня. В свете этого позиция “Яблока” в отношении Сербии, резко выпадающая из общепатриотического контекста, который объединил вчера еще непримиримых противников, становится вполне понятной. Мы имеем дело не просто с отечественным политиком, обладающим своеобразным взглядом на внутриполитические и внешнеполитические проблемы России, но с проводником мондиалистской идеологии, вообще ничего общего с нашими национальными и государственными интересами не имеющей, со ставленником зловещих и никем не избранных, олигархических и по сути антидемократических элит.

Но на этом нынешняя панорама мондиалистов в российской политике не заканчивается. Среди участников майской (14-17мая) встречи “Бильдербергского клуба” в 1998 году в Тернбэри (Шотландия) мы встречаем Анатолия Борисовича Чубайса. (Кстати, почетный председатель на этой встрече — тот же самый Джовани Аньелли). Факт своей

принадлежности к Бильдербергской группе Чубайс публично признал в интервью программе “Итоги” 28 марта сего года. Так оказывается, что человек, отвечающий сегодня за Единую Энергетическую Систему России, принадлежит к тайной международной организации, заинтересованной исключительно в реализации планов мирового господства узкой группой теневой олигархической элиты Запада.

Здесь необходимо пояснить один момент: тот факт, что политик является сторонником “демократии” или “коммунизма”, “социалистического пути” или “рыночного” еще не может служить основанием для его причисления к мондиалистам. Люди могут ошибаться, и ошибаться, желая Родине и народу лишь блага. Пока достоверно не установлен факт прямых контактов со зловещими мондиалистскими центрами, лоббирования антинациональных интересов, подрывной деятельности в пользу нелигитимных элит иностранных держав, окончательное решение выносить рано. Но когда — как в случае Гвишиани, Березовского, Гайдара, Явлинского, Шахназарова и Чубайса — это очевидно и документально зафиксировано, вывод напрашивается однозначный. Подобным фигурам не место на политическом Олимпе суверенного российского Государства.

Сегодня многие говорят о политическом центризме, о национальном согласии. Под этой идеей есть серьезное основание. Но баланс в данном случае должен достигаться между национальными политическими силами, по-разному видящими наилучшее будущее России — между сторонниками социалистического и капиталистического пути. При этом позиции политиков и движений, уличенных в связях с мондиалистскими структурами, вообще не должны приниматься в расчет. Центризм возможен между разными флангами людей, солидарными хотя бы в том, что служат своей стране. Мнение агентов влияния посторонних геополитических сил, пятой колонны, мондиалистских диверсантов не может и не должно учитываться. Разве бывает центризм, основанный на компромиссе между верностью и предательством?

Под занесенным томагавком врага

Мы снова, как и 8 лет назад, стоим перед решающим выбором. Мы многое пережили и многое поняли за это время. Самое страшное: как много мы потеряли, как много упустили, как много предали. Но сейчас еще важнее не повторить эту ошибку, не поддаться на давление мондиалистских организаций, их агентуры влияния, на давление финансовых и военных кругов нашего извечного врага, стремящегося осуществить в планетарном масштабе свою адскую антиутопию — наглядными иллюстрациями которой являются трупы невинных детей, женщин, стариков, юношей и девушек братского балканского славянского народа.

Эта война — дело рук мондиалистов, архитекторов “нового мирового порядка”. Поддержать или даже послушать российских ставленников этой теневой планетарной олигархии, уже означает соучастие в кровавом преступлении.

Опять мы обязаны выбрать. Опять мы обязаны решить.

Неужели снова грозное предупреждение останется незамеченным, хотя трезвость и объективность, беспристрастность, в конце концов, нашего анализа, очевидна любому непредвзятому человеку?

Угроза мондиализма нависла над нами режущим томагавком войны. В такой ситуации пощадить предателя и диверсанта означает подписать самим себе смертный приговор.

4. Зелёная страна Америка

“ЗЕЛЕНАЯ СТРАНА” АМЕРИКА

Роль США, последней оставшейся в мире сверхдержавы, сегодня является центральной в глобальной геополитике. Начиная с конца XIX века периферийный, маргинальный континент, представлявший ранее лишь провинцию Европы, вторичную и как бы дополнительную по отношению к Старому свету, становится все более и более самостоятельной политической и культурной величиной, а после Второй мировой войны США выступают как парадигматическая универсальная модель и для самих стран Европы и даже Азии. Значение Америки неуклонно растет и совокупность идейного, культурного, психологического и даже философского комплекса, связанного с Америкой, выходит за рамки чисто экономического или военного влияния. Проявляется все более зримо "Америка мифологическая", "Америка как концепт", "Америка как идея Америки".

Если в мировом геополитическом сознании такая "идея Америки" смогла укорениться и войти как нечто "неосакральное", то для этого должны иметься очень веские причины, сопряженные с коллективным бессознательным человечества, с той тайной континентальной географией, которая уходит в глубь тысячелетий, но память о которой продолжает жить в психических архетипах. Рассмотреть "мифологическую" подоплеку Америки как "внутреннего континента" — задача данной главы.

Тайная карта

Гипотезы об открытии Америки Старым Светом задолго до плавания Христофора Колумба становятся сегодня все более и более популярными. Доказано, что скандинавские викинги посещали Северную Америку (Vinaland) на своих кораблях — рунические надписи находят повсюду на восточном побережье Канады, на Лабрадоре, на Нью-Фаундленде и т. д. Существуют достаточно аргументированные теории исследователя Жака де Майо относительно связи цивилизации инков с теми же самыми викингами. Есть и другие версии, утверждающие, что Европа всегда знала о существовании американского континента, и лишь по определенным причинам сакрального характера эта информация не распространялась повсеместно. Но наибольший интерес в этом отношении представляет собой загадочная история о карте Мухиддина Пири Рейса. Остановимся на ней подробнее.

В 1520-м году Мухиддин Пири Рейс, адмирал турецкого флота, опубликовал навигационный атлас "Бахрийе". (Этот атлас до сих пор хранится в Национальном Музее Стамбула). Некоторые из карт, находящиеся в нем, изображают с удивительной точностью Северную и Южную Америки, Гренландию и… Антарктиду, которая просто не могла быть тогда известной мореплавателям, если, конечно, верить официальным историкам.

Пири Рейс так объясняет происхождение этих карт. Они были найдены у одного из испанцев, участвовавших в трех экспедициях Христофора Колумба, взятого в плен турецким офицером Кемалем в ходе морского сражения. Пири Рейс утверждает в своих заметках, что только благодаря этим картам Колумб смог открыть Новый Свет, и косвенное подтверждение этому содержится в книге сына Христофора Колумба — Фернандо "Жизнь адмирала Христофора Колумба": "Он (т. е. Колумб — А.Д.) переработал многочисленную информацию, прежде чем пришел к убеждению, что откроет множество стран к западу от Канарских островов". Карты Колумба, попавшие к Пири Рейсу, были начерчены в 1498 году. Но сам Пири Рейс утверждает, что до Колумба дошла книга времен Александра Великого. Однако некоторые детали карт — например, Антарктида и Гренландия на них не имеют еще ледяного покрова, и это позволяет заметить, в частности, что Гренландия состоит из двух островов (факт подтвержденный недавно французской экспедицией) — могут иметь отношение лишь к географической картине планеты пятитысячелетней давности! Анализ карт Пири Рейса доктором Афетинаном Тарихом Куруму в книге "Древнейшая карта Америки" (Анкара, 1954) и экспертиза, проведенная американским Институтом Морской Гидрокартографии вскрыли невероятную точность этих карт, где изображены даже лишь недавно открытые геологами горные хребты Антарктиды и Гренландии. А помимо всего прочего, такая точность, по признанию экспертов, может быть получена исключительно с

помощью аэрофотосъемки.

Как бы то ни было, знание о существовании Америки с необходимостью должно было наличествовать у евразийских народов до Колумба, а так как никакое знание не исчезает бесследно, а лишь спускается в сферу бессознательного или в глубину эзотерических тайн, то континент Америка, по логике вещей, являлся важным звеном “сакральной географии” древних людей, и современная роль Америки как особой цивилизации есть не что иное, как пробуждение дремлющих архетипов.

Почему не “Колумбия”?

Многие объясняют современное название континента по имени Америго Веспуччи, а не по имени Христофора Колумба, историческим недоразумением и случайной несправедливостью. Мы никак не можем согласиться с этим, так как нетрудно заметить, что даже в более локальном масштабе среди чисто “рациональных” наименований приживаются лишь те, которые как-то соответствуют языковым полубессознательным архетипам, что проявляется в известном феномене так называемой “народной этимологии”. Схожесть в звучании слов при этом играет подчас очень важную роль, но подобное отождествление понятий на основании чисто звукового подобия свидетельствует не столько об их “ошибочности” (как полагала чисто “позитивистская” и “антипсихологическая” наука XIX — начала XX века), сколько об устойчивости смысловых структур не на уровне цельных слов, а на уровне самостоятельного значения букв и буквосочетаний. На базе, напоминающей “народную этимологию”, основаны такие метафизические полноценные и далеко не “народные” сакральные методы, как индуистская нирукта и иудейская каббала. Как бы то ни было, мы полагаем, что слово “Америка” для того, чтобы прочно сочетаться с гигантским континентом, причем столь значимым по своей геополитической миссии, должно заключать в себе звуковую концепцию, связанную с архаическими моделями протоязыка, рудиментарно сохраняющимися подсознанием евразийских этносов.

В первую очередь в сакральном образе (и, соответственно, в названии) Америки должна была отразиться идея ее “крайне западного” происхождения. Согласно идеям профессора Вирта(35), древнейшим западным сакральным центром была земля Мо-Уру, остров Мо-Уру, располагавшийся в северо-западной Атлантике. Это название упоминается в Бундахишне (зороастрийском священном писании), где оно названо третьей после Арьяна-Вэджа стоянкой великих арийских предков. (Сама же Арьяна-Вэджа лежала непосредственно на северном полюсе, на исчезнувшем уже много тысячелетий назад арктическом континенте, “Арктогее”). Однако именно с помощью этого ключевого слова “Мо-Уру” и основываясь на расшифровке древнейших рунических и проторунических знаков (и в частности, на расшифровке линейного преддинастического письма Египта, минойских надписей и даже древних наскальных начертаний), профессор Вирт смог проникнуть в тайны многих этнических и расовых катаклизмов предыстории. Мо-Уру в своих разнообразных фонетических вариациях упоминается и в Библии (“Морийа”— это название холма, где Авараам готовился принести Исаака в жертву Богу), и в кельтских сагах, где говорится о стране “Мориас” или “Муриас”, родине северных “божественных” племен Туата де Дананн, и в скандинавских культах, где знаменитый каменный круг культового языческого центра в Упсале так и назывался “Мора-стен”, то есть “камень Мора” и т. д. Вирт предполагает (и убедительно доказывает в своих подробнейших и досконально аргументированных трудах), что “амореи”, “мавры”и даже океанские “маори” были потомками древнейших выходцев из этого сакрального центра в Северной Атлантике, и география этой земли позднее была перенесена на историческую топонимику новых расселений “людей Мо-Уру”. Любопытно, что “амореи” по-древнееврейски означает именно “народ Запада” (ам уру). Существует также сакральная доктрина, упоминаемая Геноном, которая утверждает, что сама иудейская традиция является “западной” по своему символическому и доисторическому происхождению, о чем свидетельствует, в частности,

иудейский обычай праздновать Новый Год осенью, а счет суток вести с вечера, подчеркивая особую значимость “западной” ориентации, соответствующей в силу универсальных исторических соответствий вечеру и осени, “закатному” периоду дня или года. В такой перспективе и сам Ур Халдейский, из которого вышел Абрам в землю обетованную, скорее является субститутом Мо-Уру, “Ура северо-атлантического”, так как даже “Зохар” утверждает, что “Ур”, где изначально пребывал Абрам символизирует “высшее духовное состояние”, из которого Абрам по провиденциальной необходимости “спустился” вниз. (Любопытно отметить, что сами иудеи довольно часто разделяют точку зрения относительно западного происхождения своей традиции, как видно из ранних сионистских проектов организации “еврейского государства” в Америке или в книгах Симона Визенталя об иудейской предыстории Америки и Эдмунда Вайзмана “Америка. Новый Иерусалим.”)

Итак, загадочное Мо-Уру означает именно вне-европейский сакральный континент, лежащий на Западе, в Атлантике. Но “моуру”, “амуру” или “амору” (такие формы исторически встречаются в различных традициях) фонетически очень близко к “Америке”. И отнюдь не исключено (и даже довольно вероятно), что именно такое “совпадение”, а точнее, провиденциальное соответствие послужило неосознанным или полуосознанным основанием для закрепления за Новым Светом столь профанического внешне и столь сакрального внутренне имени.

Атлантида и За-Атлантида: мистерия доллара

Естественно, “Америка”-“Мо-Уру” имеет прямое отношение к мифу об Атлантиде, палеоконтиненте, о котором говорили Солон, Платон, а вслед за ними и многие другие. Атлантида — это западный сакральный континент, где процветала духовная цивилизация, но который погиб в результате великого катаклизма и наводнения. Гибель континента чаще всего описывается как событие поэтапное: после потопления основной материковой части, расположенной к западу от Евразии и Африки, некоторое время сохранялись отдельные острова в Северной Атлантике, где сосредоточились последние племена атлантов, хранителей древней традиции. Таким остатком Атлантиды, по мнению Вирта, и являлась земля Мо-Уру, в свою очередь затопленная уже значительно позже, спустя несколько тысячелетий после основного катаклизма. Однако континент Америка, судя по всему, являлся не самим западным континентом сакральной географии (Атлантидой), а его “продолжением” на Запад. Иными словами, Америка была “За-Атлантидой”, землей, расположенной “по ту сторону Запада”. Возможно, это сакрально символическое местонахождение Америки объясняет и тревожную таинственность с ней связанную в контексте сакральной географии традиционных цивилизаций Евразии.

Согласно этой сакральной географии, на Западе расположена “зеленая страна”, “страна мертвых”, некий полуматериальный мир, напоминающий Хадес или Шеол. Это — страна сумерек и заката, откуда нет выхода для простых смертных, и куда может ступать только посвященный. Считается, что и название Гренландии (дословно “зеленая страна”) относится к тому же символическому комплексу. “Зеленая страна” это не Атлантида (и даже не Мо-Уру!). Это нечто находящееся от нее еще дальше к западу, “мир смерти”, “царство теней”. И этот потусторонний аспект американского континента удивительным образом обнаруживается в такой, на первый взгляд, банальной вещи, как долларовый знак. Рене Генон заметил однажды, что символ на американских банкнотах — это графическое упрощение сакральной печати, встречающейся на древних монетах средиземноморского ареала.

В первоисточнике две вертикальные черты были изображениями двух “столпов Геркулеса”, стоящих, согласно преданию, на крайнем Западе за гибралтарским проливом. Петля же на этом знаке ранее являлась девизом с символической надписью “nec plus ultra”, то есть дословно “дальше некуда”. Оба этих символа обозначали границу, западный предел человеческой сакральной географии, за которым расположены уже “нечеловеческие миры”.

И этот “пограничный” символ, указующий на то, что западнее Гибралтара двигаться нельзя, парадоксальным образом стал финансовой эмблемой Америки, страны, лежащей “за границей”, именно там, “куда нельзя”, там, куда надпись на прототипе доллара категорически запрещает отправляться. И в этом проявляется “потустороннее” символическое качество Америки, обнаруживающей теневые, запретные сакрально-географические аспекты человеческой цивилизации(36).

В такой перспективе новое открытие Колумбом американского континента несет в себе довольно зловещий смысл, так как оно означает появление на горизонте истории “затонувшей Атлантиды”, и даже не самой Атлантиды, а ее “тени”, ее негативного продолжения на символический Запад, в “мир мертвых”. И довольно характерно в этом смысле временное совпадение этого “нового открытия” с началом резкого упадка европейской (да и общеевразийской) цивилизации, стремительно начавшей терять свои духовные, религиозные, качественные и сакральные принципы как раз в этот период.

На культурно-философском уровне именно Америка становится отныне местом идеальной проекции чисто профанических, атеистических или полуатеистических утопий. И модели общества, основанного на сугубо человеческом рацио, начиная с Т.Мора все чаще и чаще переносятся на этот континент. Здесь снова на выбор тех или иных географических пространств влияет не только неизведанность этих земель, предназначенных для реализации Утопии, но архетипы “страны мертвых”, “где царит вечный покой и порядок”, образы “зеленой страны” Запада.

Можно уподобить исторический цикл Америки поднимающейся из глубины вод “Новой Атлантиде”, но не подлинной и воскресшей(37), а химерической, поддельной, призрачной, лишь по видимости выдающей себя за возвращение “золотого века”, а на деле источающей тлетворный запах континента-могилы.

Восход на Западе, Заход на Востоке

Однажды известный метафизик и традиционалист Гейдар Джемаль указал на такую интересную особенность географического местонахождения американского континента: для американцев каждое утро солнце встает со стороны Европы (т. е. со стороны того, что в сакральной географии устойчиво связано с Западом), а садится со стороны Азии (т. е. символического Востока). Такое смещение символизма ориентаций в естественном “мировосприятии” жителей этого континента странным образом резонирует с известным эсхатологическим пророчеством, гласящем, что в “последние времена” солнце будет вставать на Западе, а садиться на Востоке. Такая исключительность с необходимостью должна влиять на архаический уровень континентального американского психизма, дополняя собой и без того весьма специфическую роль Америки как всплывшей За-Атлантиды, “зеленой страны мертвых”. Если добавить к этому еще и “рационалистический утопизм”, фундаментальный для отцов-основателей Северно-Американских Штатов, то, действительно, мы получим вариант эсхатологического, мессианского комплекса, формирующего парадигму, структуру американского континентального сознания в целом, и особенно тех его аспектов, которые глубже всего связаны с геополитикой, универсализмом и самоидентификацией. Сценарий эсхатологического действа в общих чертах одинаков в самых далеких друг от друга религиях. И в христианстве, и в исламе, и в иудаизме, и в большинстве арийских языческих традиций, и даже в меланезийских карго-культах “мессианская эпоха” характеризуется “воскресением (или возвращением) мертвых”, “восстановлением райского благоденствия”, “обнаружением всего потерянного в ходе истории”, “появлением новых земель и новых небес”, “присутствием постоянной благодати” и т. д. Если внимательно присмотреться к американской ментальности в ее северо-американском варианте, мы увидим почти все аспекты этого эсхатологического плана. “Воскресение мертвых” проявляется как в практикуемых заморозках трупов богатых американцев, надеющихся на воскресение с

помощью научных достижений в будущем столетии, так и во множестве американских неоспиритуалистических сект, проповедующих танатофилию и научно (с помощью шарлатанских приборов) доказывающих “бессмертие души”. “Райское благоденствие” перенесено в концепцию “материального процветания”, а “новая земля” и есть сам американский континент, база нового “золотого века”, называемого в некоторых оккультистских и астрологических средах “эпохой Водолея” или “Нью Эйдж”, “новой эрой” (так именуется широчайшее псевдорелигиозное движение, крайне развитое в США).

Эсхатологизм пронизывает и саму концепцию “нового мирового порядка”, выдвигаемую как актуальный лозунг современного “мирового сообщества” (повторяющего и развивающего американские идеологические проекты), и эта концепция предполагает экспансию американского образца на всю остальную территорию планеты. Так, всплывшая из глубин тревожной тайны и эзотерического секрета “новая земля”, “Новый Свет”, пытается выдать себя за духовную новую землю, о которой говорит Апокалипсис, и которая должна появиться после Конца Времен. Но для континента Америка постапокалиптическая эпоха уже наступила: победа во Второй мировой войне войск союзников, приведшая США к мировому господству, а также факты преследования евреев в Германии (объявленные доказательством свершившегося апокалиптического “холокоста”) и символизм воссоздания госудрства Израиль, им совсем недавно крах СССР, последнего планетарного противника Запада, расшифровываются вождями Америки как несомненные знаки мировой победы и вступления в “новый эон”, в эпоху единоличной доминации над миром, “конца истории” и глобального рынка.

Отсчет мессианского времени в США начался.

”Святая Америка”

У архаико-бессознательного комплекса “американской идеи” есть и весьма явное, откровенное выражение, проявляющееся в “политической теологии американизма”. Мы имеем в виду неопротестантскую концепцию “Америки, обетованной земли”. Здесь энергии континента вылились в особое богословское построение, и если воспринять некоторые термины этого мистического “протестантского американизма” не как ораторские метафоры, а как точное формулирование эсхатологических конструкций, то это может дать довольно неожиданную и тревожную картину. К примеру, сам Джордж Вашингтон заявлял: “Соединенные Штаты — это Новый Иерусалим, определенный Провидением под территорию, где человек должен достичь своего полного развития, где наука, свобода, счастье и слава должны распространяться с миром”. Тут важно отметить концепцию “Нового Иерусалима”, которая в устах христианина (даже протестанта) обязательно сопрягается с Апокалипсисом и относится к последней стадии эсхатологического сценария, к спуску с небес духовного “Града Господня”, “Нового Иерусалима” (38).

Джон Адамс, со своей стороны, ясно определил глобализм американской миссии, назвав США “чистой и добродетельной республикой, чья задача состоит в том, чтобы править миром и установить совершенство людей”.

В современную эпоху этот особый “патриотизм” получил новую энергию благодаря развитию телевидения, и это привело к появлению феномена “телепроповедничества”, который Исидро Паласиос назвал “электронным христианством”. К примеру, известный телепроповедник Джэрри Гоуэлл сегодня так формулирует “американскую идею”: “США. Эта страна, благословенная всемогуществом Божьим, как никакая другая страна земли подвергается ныне и изнутри и снаружи атакам дьявольских козней, которые могут кончиться уничтожением американской нации. Дьявол вступает тем самым в битву с волей Бога, который поставил США выше всех других народов, как древний Израиль…” Эти теологические мотивы протестантского эсхатологизма свойственны и современным американским президентам. Рэйган в 1984 году утверждал: “Я не думаю, что Господь, который облагодетельствовал эту страну, как никакую другую, захочет когда-либо, чтобы

мы торговались из-за своей слабости.”

И все же без учета символической роли За-Атлантиды в ее сверхвременном, над-историческом комплексе этот мессианский пафос останется непонятным, и весь масштаб духовного подлога, который стоит за ним, не сможет быть до конца оценен и осознан. В самом общем смысле здесь, как и во всех “пародийных” эсхатологиях, мы имеем дело с перемещением духовного золотого века, который наступит сразу же после Конца Истории, во временной период, предшествующий этому Концу, до Конца Истории.

”Аполлон”, Диана и усеченная пирамида

Та же пародийная логика, применяющая к материальному уровню духовные реальности, искажая тем самым сакральный смысл, стоит и за техническим прогрессом “континента Америка”, а особенно в такой показательной области как космические исследования. Тот факт, что лишь одни американцы совершили полет на Луну, где в согласии с различными архаическими традициями пребывают “души предков”, весьма показателен. (Особенно важно, что советским космонавтам, принадлежащим также к весьма эсхатологической политической формации, этого так и не удалось сделать). Между “зеленой страной мертвых” и планетой Луна в эзотерической традиции существует прямая связь, и та же самая связь прослеживается в объективной, материальной и чисто профанической с виду истории современности. То, что полеты американских астронавтов имели осознанно “ритуальный смысл”, видно хотя бы в названии корабля “Аполлон”, т. е. традиционный мифологический спутник Дианы, Луны. Более того, астронавты возили с собой на Луну масонские перстни, как это сообщалось даже в светской прессе, а это значит, что “ритуальный” характер происходящего не мог не быть для них очевиден, коль скоро “вступление в сферу Луны” в масонском ритуале означает прохождение малых мистерий. И здесь снова символическая параллель — посвящение в малые мистерии возводит масона в так называемое “эдемическое (райское) состояние”, возвращает ему духовную полноту, которая была свойственна людям золотого века. Но в случае отдельной личности все это осуществляется на внутреннем “микрокосмическом” уровне. В космическом же полете на Луну ритуал приобретает внешний, материальный, “макрокосмический” характер, и тогда “сакрализируется” не только индивидуум, но весь “континент”, посланцем которого данный индивидуум является. На символическом уровне межпланетное путешествие из Америки на Луну было равнозначно путешествию из “Америки” в “Америку”, но одновременно этот пародийный ритуал укрепил и усилил мистическое и мессианское самоощущение Америки в целом, американского подсознания. Следует также заметить, что масонская традиция в Америке чрезвычайно развита, причем и в этом аспекте существуют концепции, настаивающие на особости, уникальности и “избранности” именно американского масонства по сравнению с другими его ветвями. В американских масонских ложах распространена легенда, что последние “Рыцари Храма”, скрывавшиеся еще некоторое время от преследования французских монархов и католических властей в Европе, позже уехали в Америку и перевезли туда свои сокровища и свои святыни. Кое-кто даже утверждает, что именно в Америку был перевезен Святой Грааль. Как бы то ни было, американские масоны убеждены, что истинный “священный” центр масонства находится именно в США, и что европейское масонство, “слишком архаичное и беспомощное” сегодня есть не что иное, как “пережиток прошлого”. Безусловно масонскими являются государственные символы США — белая пятиконечная звезда (символ “райского Адама”— снова те же “райские” темы) и усеченная пирамида, чья вершина отделена от основания кольцом из 13 звезд, символизирующих 13 колен Израилевых. (Колено Иосифа часто представляется символически как двойное колено Ефрема и Манасии, что дает нам 13 вместо 12, и, по меньшей мере, именно такая доктрина свойственна масонской арифмологии). Усеченная пирамида несет тревожный символический смысл, так как обозначает иерархию, лишенную своей сакральной вершины, своего сакрального центра. Возможно, изначально эта эмблема

была призвана выражать антиавторитарную, антимонархическую направленность политического устройства США, отсутствие единого правителя, но символ никогда не бывает ограничен чисто эмблематической функцией, и усеченная пирамида заключает в себе обязательно идею “прерванного посвящения”. Но именно эта незавершенность инициатического цикла и является наиболее полной характеристикой “черных магов”, как их понимала Традиция.

Дары из “мира предков”

Мирча Элиаде и другие ученые, занимавшиеся структурой архаических верований, подробно разобрали логику так называемых “карго-культов”(39), эсхатологических меланизийских “локальных религий”, связанных с отменой всех религиозных правил и с объявлением особой “мессианской” эпохи, в которой разрешен промискуитет, безграничный алкогольный экстаз, безделье и которая характеризуется “возвращением мертвых” с дарами на огромных кораблях из “Америки”. Помимо символической подоплеки данных культов нельзя исключить в них также рудименты подсознательных архетипов забытой сакральной географии. Причем важно, что к настоящим белым, “американцам”, отношение карго-культистов весьма двусмысленное: с одной стороны, “американцы” считаются узурпаторами тех товаров, которые “производятся” предками самих аборигенов и их “богами”, с другой стороны, в определенных аспектах карго-культисты и сами начинают подражать белым, имитировать некоторые их манеры, особенности поведения, привычки и позы. Какими бы узурпаторами ни выглядели “американцы” по отношению к “настоящим” обитателям страны мертвых, они все же имели с ними непосредственный контакт. И уже одно это делает их выделенными, особыми. В целом же карго-культистский комплекс предполагает скорое начало “золотого века” и абсолютного изобилия, превосходящего все мыслимые пределы.

Элиаде, разбирая карго-культы, показывает насколько общим является заложенный в них сценарий, который с весьма незначительными изменениями прослеживается и в Африке, и у индусов, и у народов Океании, и в других местах. Эсхатологический карго-культизм, таким образом, представляет собой довольно универсальный комплекс, свойственный коренным структурам бессознательного, некоему изначальному сакральному знанию, спустившемуся в ходе тысячелетий в область психического и рудиментарного. Карго-культистский комплекс является как бы дополнительным компонентом “страны мертвых”, “мистической Америки”, “За-Атлантиды”. Автохтонное сознание не-американских территорий, будучи отвлеченным от вертикальной и подлинной эсхатологической перспективы, за счет утраты метафизической полноценности, совершает смещение, подобное тому, что происходит в самом американском сознании — духовное переносится на материальное, а потустороннее на посюстороннее. Именно этим и ничем иным объясняется сложное отношение многих архаических народов к американизму и его носителям. С одной стороны, американцы вызывают неприятие, отталкивание, желание закрыться от их влияния (иногда даже “разоблачить” их, “экспроприировать” и т. д.), а с другой — “магическое присутствие мертвых предков” за спиной “американцев” как гарант их материального успеха вызывает неотразимое желание им подражать.

Закрыть Америку

Тревожная и зловещая страна по ту сторону океана. Без истории, без предания, без корней. Искуственная, агрессивная, навязчивая реальность, начисто лишенная духа, сосредоточенная лишь на материальном мире и технической эффективности, холодная, безразличная, сияющая неоном реклам, бессмысленной роскошью; оттененная патологической нищетой, генетическим вырождением, разрывом всех и всяческих связей между людьми, вещами, природой и культурой. Результат чистого эксперимента

европейских рационалистических утопистов.

Она утверждает сегодня свое планетарное господство, триумф своего образа жизни, своей цивилизационной модели надо всеми народами земли. Над нами. В себе и только в себе видит она “прогресс” и “нормы цивилизованности”, отказывая всем остальным в праве на собственный путь, на собственную культуру, на собственную систему ценностей. Как удивительно точно напоминает все это пророчества о приходе в мир антихриста… Царя мертвой “зеленой страны”, восставшей из пучины древнего преступления…

Закрыть Америку наш религиозный долг.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ НАС

Либерализм — тоталитарная идеология

Что является доминирующей идеологией современного Запада и его геополитического авангарда — Соединенных Штатов Америки? Это совершенно не праздный вопрос. Он затрагивает напрямую каждого из нас. Будем откровенны: мы проиграли глобальный геополитический конфликт. Мы побеждены. И поэтому обязаны знать точно и строго — кто является хозяином в новых условиях планетарного расклада сил, каковы основные черты его мировоззрения, что он думает о мире, истории, судьбе человечества, о нас самих? Это необходимо всем — и тому, кто намерен смириться и покорно служить новым господам, и тому, кто отказывается принимать такое положение дел и стремится к восстанию и отвоеванию новой геополитической свободы.

Нам внушили мысль, что на Западе вообще нет никакой идеологии, что там царит плюрализм позиций и убеждений, что каждый волен верить во что угодно, думать, говорить и делать все, что угодно. Это — абсолютная ложь, простой пропагандистский ход, заимствованный из арсенала “холодной войны” (войны против нас). На самом деле, на Западе существует доминирующая идеология, которая не менее тоталитарна и нетерпима, нежели любая другая идеология, только ее формы и принципы своеобразны, философские предпосылки инаковы, историческая база в корне отлична от тех идеологий, которые привычны и известны нам. Эта идеология — либерализм. Она основана на догме об “автономном индивидууме” (т. е. на последовательном индивидуализме), “прикладной рациональности”, вере в технологический прогресс, на концепции “открытого общества”, на возведении принципа “рынка” и “свободного обмена” не только в экономический, но в идеологический, социальный и философский абсолют.

Либеральная идеология является “правой” в узко экономическом смысле, и “левой” — в смысле гуманитарной риторики. Причем все иные сочетания правого с левым, или просто правое и левое сами по себе либерализм отвергает, демонтирует, маргинализирует, выносит за кадры официоза. Либерализм тоталитарен по-особому. Вместо прямых физических репрессий против инакомыслящих, он прибегает к тактике мягкого удушения, постепенного сдвига на окраину общества, экономического задавливания диссидентов и оппонентов и т. д. Но факт остается фактом: доминирующая идеология Запада (либерализм) активно борется с альтернативными политико-идеологическими проектами, но использует для достижения своих целей методы более тонкие, более “мягкие”, более отточенные, чем иные формы тоталитаризма, — но от этого только более эффективные. Либеральный тоталитаризм не брутален, не открыт, но завуалирован, призрачен, невидим. Но не менее жесток.

Наличие у Запада “доминирующей идеологии” постепенно все яснее обозначается и в нашем обществе. Реальность либерализма и идеологии либерализма стала очевидной, а следовательно, мы пришли к большей определенности. Сторонники Запада с необходимостью должны отныне разделять все идеологические предпосылки конкретного либерализма (а не какой-то туманной “демократии”, под которой каждый волен понимать что-то туманное и неопределенное), его противники объединяются неприятием этой

идеологии. Но у либерализма есть еще один, более скрытый пласт. Речь идет о некоторых богословских и религиозных предпосылках, которые, в конечном счете, привели Запад именно к той идеологической модели, которая в нем укоренилась сегодня и стала доминирующей. Этот пласт не столь универсален и однозначно признан, как вульгарные штампы “открытого общества” и “прав человека”, но, тем не менее, именно он является базой и тайным истоком главенствующей на планете либеральной идеологии, которая сама по себе — лишь вершина айсберга.

Речь идет о протестантской эсхатологии.

С

ША — квинтэссенция Запада

Ни у кого сегодня нет сомнений, что миром правит единственная оставшаяся полноценной сверхдержава — США. Это не просто самое могущественное в военном отношении государство Запада, это, в некотором смысле, результат западного пути развития, его пик, его максимальное достижение. США были основаны и построены как искусственно сконструированное образование, лишенное исторической инерции, традиций и т. д. по меркам самых радикальных рецептов, выработанных всем ходом западной цивилизации. Это — вершина западной цивилизации, венец ее становления.

США — сумма Запада, его геополитический, идеологический и религиозный авангард. Только в США принципы либерализма были внедрены тотально и последовательно, и начиная с некоторого времени, и Запад и либерализм стали совершенно правомочно отождествляться именно с США.

Америка является гегемоном современного мира, гигантской геополитической, стратегической и экономической империей, которая контролирует все важнейшие процессы на планете. Причем не просто как одно из обычных государств, пусть даже очень мощное и развитое, но именно как идеологическая модель, как путь развития, как судья и пастырь человечества, навязывающий ему определенную систему идеологических, мировоззренческих и политических ценностей. Империя США — империя либерализма, империя капитала, империя постиндустриального общества, как высшей стадии развития буржуазного строя.

Безусловно, США являются прямыми наследниками Европы и европейской истории. Но уникальность этого образования заключается в том, что Штаты взяли от Европы только одно, наиболее рафинированное, очищенное направление цивилизации — либеральный рационализм, теорию “социального контракта”, индивидуализм, динамичный технологический индустриализм, абсолютизированные концепции “торгового строя”. Ранее все эти тенденции концентрировались в протестантской Англии. Британская Империя была первой (если не принимать в расчет Древнюю Финикию) моделью построения чисто “торговой цивилизации”, к которой логически вела западная история. И не случайно главными теоретиками либерализма были именно англичане — Адам Смит, Рикардо и т. д., а философами индивидуализма — Локк, Гоббс, Мандевиль. Макс Вебер и еще более ярко Вернер Зомбарт показали, каким образом западный капитализм родился из протестантской этики, и насколько этно-религиозный фактор существенен для возникновения определенных социально-экономических формаций.

От Англии эстафета “торгового строя” постепенно перешла к США, и начиная со второй половины XX века лидерство Америки в общем контексте западной цивилизации стало бесспорным историческим фактом.

США — воплощение Запада, западного капитализма, его центр и его ось, его сущность. И мы теперь с позиций нашего опыта, когда США стали единственным хозяином всей планеты, к чему они так долго шли, можем легко распознать логику истории, сходящуюся как в фокусе в единую точку (чего не могли по историческим причинам сделать те мыслители, которые не дожили до драматической развязки геополитического, социального и

экономического противостояния “холодной войны”).

Итак, вся западная история Запада сходится на США.

Собственно “Запад” как геополитическое явление возник в период раскола христианской Церкви на Православие и католичество. Католический ареал и стал базой того, что именуется с тех пор “Западом”, “Западом” в концептуальном смысле. Начиная с этого момента люди католического мира отождествили самих себя с полноценным человечеством, свою историю — с мировой историей, свою цивилизацию — с цивилизацией вообще. Все прочие цивилизации и традиции были презрительно приравнены к “диким”, “варварским”. Показательно, что в такой “недочеловеческий” разряд попадали не только не христианские народы, но и весь православный мир, который, на самом деле, и был зоной реального, неискаженного, аутентичного христианства. Кстати, именно потому, что православные страны — вначале Византия, позже Россия — были христианскими, они вызывали у католиков такое агрессивное неприятие. Православие давала пример христианства иного — универсального, открытого, не сектантского, радикально альтернативного всему цивилизационному строю, который сложился на Западе и который до некоторого времени претендовал на единственную форму христианской государственности. В противостоянии католичества Православию и следует искать завязь диалектического развития истории цивилизации и геополитических процессов в последующие века.

От раскола церквей следует отсчитывать историю Запада. Католичество в то время становится во главе сугубо “западных” тенденций. Но через определенный промежуток времени определенные элементы католического учения, доставшиеся ему, кстати, в наследство от православного единства церквей, входят в противоречие с основной линией развития Запада. Перелом приходится на Реформацию. В этот момент наиболее “западные” тенденции обособляются и концентрируются в протестантском типе. Протестантизм распространяется именно в тех странах и среди тех народов, которые последовательно движутся в направлении, заданном расколом: отчуждение от Востока, высокомерное презрение к “диким народам”, отождествление себя самих и своего технического развития с пиком цивилизации, индивидуалистические и рационалистические тенденции, которые не довольствовались уже рамками католическими (хотя те, в свою очередь, были существенным шагом в том же направлении от традиционного и верного духу изначального учения Православия).

Протестантские страны — в первую очередь, Англия — становятся на путь “морской цивилизации”, тяготеют к абсолютизации либеральной модели, к универсализации “торгового строя”. Отныне на самом Западе роль авангарда, роль “Дальнего Запада” начинают играть англичане.

Еще позднее именно крайние, наиболее радикальные протестантские английские секты закладывают основу американской цивилизации, проектируют и реализуют США. Они едут туда — на крайний Запад — как в “землю обетованную” строить там совершенное общество, “идеальный Запад”, “абсолютный Запад”. Соединенные Штаты Америки как государство созданы консенсусом фундаменталистских протестантских сект, и подавляющее большинство политического класса США до сих пор неизменно остаются представителями именно протестантских конфессий. Это, впрочем, вполне логично — страной правят законные идеологические наследники тех, кто ее создал, кто ее организовал, кто привел ее к материальному процветанию и планетарному могуществу.

Сами американцы называют это “Manifest Destiny”, “Проявленная Судьба” (или “Предначертанная Судьба”). Иными словами, американцы видят свою историю как последовательный восходящий путь к цивилизационному триумфу, к победе той мировоззренческой модели, на которой основана сама американская цивилизация — как квинтэссенция всей истории Запада.

Протестантизм как идеология

Могут возразить — “Современное западное общество — и особенно американское — давно уже атеистично, религии придерживается незначительное количество населения, и тем более, фундаментализм, пусть протестантского типа — никак не может быть приравнен к официальной идеологии США, ни тем более Запада в целом”. На самом деле, необходимо указать, что религия не обязательно должна выступать как культ или совокупность догматов. Часто в современном мире она проявляется подспудно, как психологические предпосылки, как система культурных и бытовых штампов, как полусознательная геополитическая интуиция. Можно сравнить религию с идеологией — одни (меньшинство) владеют всей совокупностью концептуального аппарата, другие же (большинство) схватывают идеологию интуитивно. И чаще всего религия сегодня воздействует больше через культурный фон, через семейную психологию, через нормативы социальной этики. В этом отношении США — страна абсолютно протестантская, и этот “протестантизм” затрагивает не только открытых приверженцев этой конфессии, но и огромные слои людей иных религиозных убеждений и даже атеистов. Протестантский дух легко обнаружить не только у пуритан, баптистов, квакеров, мормонов, и т. д., но и в американском кришнаизме, и в секте Муна, и среди американских иезуитов, и просто в безрелигиозном американском обывателе. Все они в той или иной степени затронуты “протестантской идеологией”, хотя культово и догматически это признается относительным меньшинством.

Второй аргумент. Политический класс в США не является пропорциональным отражением всего общества. Достаточно посмотреть на ничтожное число цветных среди политиков и высших администраторов. По традиции мажоритарным типом в американской политике является “WASP“ — “White Anglo-Saxon Protestant”, “белый англосаксонский протестант”. Следовательно, полноценный протестантский фундаментализм здесь намного более вероятен, нежели в иных слоях.

И наконец, еще более конкретно, Республиканская Партия США, одна из двух, обладающих де факто политической монополией, руководствуется протестантско-фундаменталистским мировоззрением открыто и последовательно, закономерно считая его осевой линией американской цивилизации, религиозно-догматическим воплощением Manifest Destiny, “Проявленной Судьбы” Штатов. Промежуточным пластом между общепризнанным светским либерализмом для масс и протестантским эсхатологическим фундаментализмом политической элиты служат геополитические центры аналитиков, обслуживающих власть, которые пользуются в своих разработках обобщающей методикой, где главные религиозные и философские постулаты протестантизма, взятые без деталей и пророческого фанатизма проповедников, сочетаются с наиболее прагматическими сторонами либеральной доктрины, но очищенной от патетической демагогии о “правах человека” и “демократии”. Иными словами, геополитическое мышление, которое чрезвычайно развито у политической элиты США, непротиворечиво совмещает в себе эсхатологический фундаментализм, идею “США как Нового Израиля, призванного пасти народы в конце истории” и идею свободной торговли, как максимальную рационализацию общественного устройства, основанного на приоритете “разумного эгоизма” и “атомарного индивидуума”.

Протестантское мессианство американской геополитики сочетается таким образом с предложением универсальной рыночной модели хозяйствования и либеральной системой ценностей в культуре.

“Империя зла”

Главным геополитическим и идеологическим врагом Запада долгие века была Россия.

Это вполне закономерно. На богословском уровне, это коренится в противостоянии католичества (+протестантство) Православию, Западной Римской Империи — Византии. Западная и восточная формы христианства — это два выбора, два пути, два несовместимых, взаимоисключающих мессианских идеала. Православие ориентировано на духовное

преображение мира в лучах нетварного Фаворского света, католичество — на материальное переустройство земли под административным началом Ватикана (40). Православные почитают превыше всего созерцание, католики — действие. Православное политическое учение настаивает на “симфонии властей”, строго разводит светское (василевса, царя) и духовное (патриарх, клир) начала. Католичество же стремится распространить власть Папы на светскую жизнь, провоцируя обратный узурпационный ход со стороны светских монархов, рвущихся подчинить себе Ватикан. Православные считают католиков “отступниками”, предавшимися “апостасии”, католики рассматривают православных как “варварскую спиритуалистическую секту”.

Наиболее антиправославные черты — вплоть до отказа от службы и многих догматов — довели до предела протестанты.

Русь была прямой и единственной духовно-политической, геополитической наследницей Византии после падения Константинополя. Поэтому и только поэтому она называлась “Святой”. Ее сделало “святой”, “богоносной”, “богоизбранной” провиденциальное принятие византийского наследия, верность полноте православной традиции (включая социально-политические и, даже, экономические аспекты). Особенно важно подчеркнуть, что не просто факт распространения Православия как конфессии дал эту святость — православные церкви есть и в других странах и среди других народов. Но именно сочетание православной веры с мощной и свободной политическоцй империей, с царством, с Царем в сочетании с национальным Русским Патриархом — обеспечивало догматическую и богословскую, эсхатологическую правомочность такого названия. И строго говоря, Русь перестала быть “святой” когда “симфония властей” и православное политическое устройство было отвергнуто — сперва вторым Романовым (раскол), затем его сыном западником и ликвидатором священного наследия Петром Первым.

Как бы то ни было, начиная с XVI века Русь выступает как главный идеологический, цивилизационный противник Европы. Позже следует затяжная геополитическая дуэль с Англией на Востоке, а в последнее время — “холодная война”.

История не линейна, она часто делает отступления, уходит в стороны, выпячивает детали, акцентирует парадоксы и аномалии. Но все же осевая линия очевидна. Безусловно, существует некая “Manifest Destiny” (“Проявленная Судьба”) в широком смысле. — Запад она приводит к американской модели, к американскому образу жизни, к сверхдержаве, а Восток (по меньшей мере христианский Восток) сквозь века воплощается в России. Как абсолютно симметрическая антитеза рыночному эсхатологизму протестантских англосаксов — социалистическая вера в золотой век советских русских. “Конец света” по либеральному сценарию и его противоположность — “конец света” по сценарию православно-русскому, социальному, евразийскому, восточному. Для них это — всеобщее порабощение и рационализация, для нас — всеобщее преображене и освобождение.

Логика истории постоянно на самых различных уровнях навязчиво высвечивает основополагающий дуализм — США и СССР, Запад и Восток, Америка и Россия. В экономике, политике, геополитике, богословии, культуре ясная, пугающе ясная антитеза — как наглядно развернутый перед нами промысел о драме мира, о двух полюсах континентальной дуэли, о великой войне континентов, физических и духовных.

Диспенсациализм

Осознают ли сами американцы богословскую подоплеку своего геополитического противостояния с Евразией, с Россией? Безусловно, да, и подчас гораздо яснее, чем русские.

Существует особое протестантское эсхатологическое учение, которое называется “диспенсациализмом”, от латинского слова “despensatio”, что можно перевести как “промысел”, “замысел”. Согласно этой теории, у Бога есть один “замысел” относительно христиан англосаксов, другой — относительно евреев, а третий — относительно всех остальных народов. Англосаксы считаются “потомками десяти колен Израиля, не

вернувшихся в Иудею из Вавилонского пленения”. Эти десять колен “вспомнили о своем происхождении, приняв протестантизм в качестве своей основной конфессии”.

“Промысел” о протестантских англосаксах, по мнению приверженцев диспенсациализма, таков. — Перед концом времен должна наступить смутная эпоха (“скорбь великая”, tribulation). В этот момент силы зла, “империя зла” (когда Рэйган назвал СССР “империей зла” он имел в виду именно этот эсхатологический библейский смысл) нападут на протестантов-англосаксов (а равно и на других “рожденных снова”, born again) и на короткий срок воцарится “мерзость запустения”. Главным отрицательным героем “смутной эпохи” (tribulation) является “царь Гог”. Теперь очень важный момент: этот персонаж устойчиво и постоянно отождествляется в эсхатологии диспенсациалистов с Россией.

Впервые отчетливо это было сформулировано во время Крымской войны, в 1855, евангелистом Джоном Каммингом. Тогда он отождествил с библейским “Гогом, принцем Магога” — предводителем нашествия на Израиль, предсказанного в Библии(41) — русского царя Николая I. С особой силой эта тема вновь вспыхнула в 1917, а в эпоху “холодной войны” она стала фактически официальной позицией “морального большинства” религиозной Америки.

Иной “промысел”, по учению диспенсациалистов, существует у Бога относительно Израиля. Под “Израилем“ они понимают буквальное восстановление еврейского государства перед концом времен. В отличие от православных и всех остальных нормальных христиан, протестантские фундаменталисты убеждены, что библейские пророчества относительно участия народа Израилева в событиях “конца времен” надо понимать буквально, строго по-ветхозаветному, и что они относятся к тем евреям, которые продолжают исповедовать иудаизм и в наши дни. Евреи в конце времен должны вернуться в Израиль, восстановить свое государство (это “диспенциалистское пророчество” странным образом буквально исполнилось в 1947 году) и затем подвергнуться нашествию Гога, т. е. “русских”, “евразийских”.

Далее начинается самая странная часть “диспенсациализма”. В момент “великой скорби” предполагается, что англосаксонские христиане будут “взяты“ (“восхищены”) на небо (rapture) — как бы на “космическом корабле или тарелке” — и там переждут войну Гога (русских) с Израилем. Потом они (англосаксы) вместе с протестантским “Христом” спустятся на землю снова, где их встретят победившие Гога израильтяне и тут же перейдут в протестантизм. Тогда начнется “тысячелетнее царство” и Америка будет вместе с Израилем безраздельно господствовать в устойчивом парадизе “открытого общества”, “единого мира”.

Эта экстравагантная теория была бы достоянием маргинальных фанатиков, если бы не некоторые обстоятельства.

Во-первых, убежденным “диспенциалистом”, искренне верившим в буквальное исполнение такого эсхатологического сценария, был некто Сайрус Скофильд, знаменитый тем, что является составителем самой популярной англоязычной Библии — “Scofield Reference Bible”, разошедшейся тиражом во много миллионов экземпляров. В Америке эту книгу можно встретить на каждом шагу. Так вот, этот Скофилд вставил в библейский текст собственные исторические комментарии и пророчества о грядущих событиях, выдержанные в духе радикального “диспенсациализма”, таким ообразом, что неискушенному читателю трудно отличить собственно библейский текст от его авторской диспенциалистской трактовки Скофильда. Поэтому пропаганда христианства в англосаксонском мире, и особенно в США, уже в самой основе несет “патриотического” американского воспитания (“Manifest Destiny”), русофобской эсхатологической индоктринации и откровенного сионизма. Иными словами, в “диспенсациализме” воплощена новейшая форма той многовековой идеологии, которая лежит в основе дуализма Запад — Восток, о котором мы говорили.

В некоторых текстах современных диспенциалистов “промыслы” увязываются с новейшими техническими достижениями, и тогда возникают образы “ядерного диспенциализма”, т. е. рассмотрения “атомного оружия” как некоторого апокалиптического

элемента. И снова Россия (ранее СССР) выступает здесь в качестве “сил зла”, “ядерного царя Гога”.

Популяризатором этого “атомного диспенсациализма” был евангелист Хал Линдси, автор книги интерпретации пророчеств “Бывшая великая планета”(42), разошедшейся тиражом в 18 миллионов экземпляров (по тиражам в свое время это была вторая книга после Библии). Его горячим приверженцем был не кто иной, как Рональд Рейган, регулярно приглашавший Линдси читать лекции атомным стратегам Пентагона(43). Другой “ядерный диспенсациалист” теле-евангелист Джерри Фолвелл стал при том же Рейгане ближайшим советником правительства, участвовал в его закрытых заседаниях и консультациях генералитета, где обсуждались вопросы атомной безопасности. Так, архаические религиозные эсхатологические концепции прекрасно уживаются в столь светском и прогрессивном американском обществе с высокими технологиями, геополитической аналитикой и блестяще отлаженными системами политического менеджмента.

Кстати, именно диспенсациализм объясняет непонятную без этого безусловную произраильскую позицию США, которая сплошь и рядом прямо противоречит геополитическим и экономическим интересам этой страны. Солидарность протестантских фундаменталистов с судьбой земного Израиля, восстановленного в 1947 году, что явилось в глазах протестантов прямым и внушительным подтверждением трактовки Скофильда и его Библии, основана на глубинных богословских эсхатологических сюжетах.

Для нас очень важно, что столь же глубоки и устойчивы антирусские, антивосточные, антиевразийские принципы американского мышления. Это глубины отрицания, ненависти, укорененной и тщательно взращивавшейся веками враждебности.

Последняя хитрость антихриста

Складываем все элементы воедино. Получаем страшную (для русских) картину. Силы, группы, мировоззрения и государственные образования, которые совокупно называют “Западом” и которые являются после победы в “холодной войне” единоличными властителями мира за фасадом “либерализма” исповедуют стройную эсхатологическую богословскую доктрину, в которой события светской истории, технологический прогресс, международные отношения, социальные процессы и т. д. истолковываются в апокалипсической перспективе. Цивилизационные корни этой западной модели уходят в глубокую древность, и, в некотором смысле, определенный архаизм сохраняется здесь вплоть до настоящего времени параллельно технологической и социальной модернизации. И эти силы устойчиво и последовательно отождествляют нас, русских, с “духами ада”, с демоническими “ордами царя Гога из страны Магог”, с носителями “абсолютного зла”. Библейское упоминание об апокалипсических “князьях Роша, Мешеха и Фувала” растолковывается как однозначное указание на Россию — “Рош”(=“Россия”), “Мешех” (=“Москва”), Фувал (= “древнее название Скифии”). Иными словами, русофобия Запада и особенно США проистекает отнюдь не из-за фарисейской заботы о “жертвах тоталитаризма” или о пресловутых “правах человека”. Речь идет о последовательной и “оправданной” доктринально демонизации восточно-европейской цивилизации во всех ее аспектах — историческом, культурном, богословском, геополитическом, этическом, социальном, экономическом и т. д.

Хочется обратить особое внимание на многомерное совпадение далеких друг от друга концептуальных уровеней “западной идеологии”: сторонники капитализма в сфере экономики; теоретики индивидуализма в области философско-социальной; геополитики на уровне стратегии континентов; богословы, оперируя с эсхатологическими и апокалипсическими доктринами “диспенсациалистского толка”, — все они сходятся к однозначному и совпадающему во всех случаях отождествлению России с “империей зла”, с историческим негативом, с целиком отрицательным героем мировой драмы.

Это все очень, очень серьезно. Мировые войны и крушение империй, исчезновение

целых народов и рас, классовые конфликты и революции — лишь эпизоды великого противостояния, кульминацией которого должна стать последняя апокалипсическая битва, Endkampf, где нам отводится важнейшая роль. В глазах Запада — целиком и полностью негативная. Роль планетерного козла отпущения.

Западный антихрист старается убедить мир, что, на самом деле, “антихристом” является его планетарный и духовный враг. Континент Россия и ее тайный полюс. Т. е. мы.

ДОРОГА К АРМАГЕДДОНУ

(Метафизика иракского конфликта)

Мессианство Америки

США представляется многим как идеальное воплощение современного светского общества, авангарда технического и научного прогресса. Это отчасти верно, но вместе с тем именно в США чрезвычайно сильны крайние религиозные толки и секты, которые, подчас, интегрируются в самые верхи американского политического истеблишмента.

Особенно это характерно для республиканцев, которые традиционно связаны с направлением *протестантского фундаментализма.* Обычно это обстоятельство упускается из виду: мол, все ограничивается общим «просвещенным консерватизмом» республиканцев, их верностью «моральным ценностям». На самом деле, все глубже. Мы не поймем Америку, если не примем в расчет специфической *мессианской, эсхатологической, религиозной идеи, которая ею движет.* Мы не сможем внятно объяснить все происходящее сегодня в Ираке, если не заглянем в те религиозные среды, которые вдохновляют Буша-младшего и его идеологов — Рамсфельда, Чейни, Волфовица и других.

Сегодня все мы видим гигантский зазор между тем, *как оценивают агрессию против Ирака народы мира, и как ее истолковывают сами американцы.* Этот зазор вскрывает тревожное и совершенно упущенное из виду обстоятельство: в лице США мы имеем дело не со светской, демократической державой, но с режимом *скрытого радикального фанатизма* — не уступающего ни в чем другим мессианским мировоззрениям: исламизму, коммунизму, нацизму и т. д.

На Ближнем Востоке США сегодня бьются *не только за свои практические геополитические интересы* — все намного сложнее, их вдохновляет вера в универсальность своей миссии, в свою богоизбранность, в свою мессианскую судьбу.

Присмотримся к этой проблеме внимательнее.

Диспенсациализм

Республиканская партия в своих идеологических основах тесно связана с таким направлением в протестантском фундаментализме как *«диспенсациализм».* Это учение вдохновляет республиканцев (и до определенной степени правых и центристских демократов баптистского толка), дает им ориентиры для толкования основных мировых событий, подсказывает логику действий.

«Диспенсациализм" происходит от латинского слова «despensatio», что можно перевести как «промысел», «замысел». Согласно этой теории, у Бога есть один «замысел» относительно христиан-англосаксов (протестантов), другой — относительно евреев, а третий — относительно всех остальных народов. Англосаксы считаются "потомками десяти колен Израиля, не вернувшихся в Иудею из Вавилонского пленения". Эти десять колен "вспомнили о своем происхождении, приняв протестантизм в качестве своей основной конфессии".

"Промысел" о протестантских англосаксах, по мнению приверженцев

диспенсациализма, таков. — Перед концом времен должна наступить «смутная эпоха» ("скорбь великая", tribulation). В этот момент силы зла, "империя зла" (когда Рэйган назвал СССР "империей зла" он имел в виду именно этот эсхатологический библейский смысл) нападут на протестантов-англосаксов. Главным отрицательным героем "смутной эпохи", tribulation, является "царь Гог".

Этот персонаж устойчиво и постоянно отождествляется в эсхатологии диспенсациалистов *с Россией* (и в расширенном толковании с некоторыми другими странами Евразии и Третьего мира). Впервые отождествление «царства антихриста» с Россией было сформулировано во время Крымской войны, в 1855, евангелистом Джоном Каммингом. Тогда он отождествил с библейским "Гогом, принцем Магога" — предводителем нашествия на Израиль, предсказанного в Библии (Иезекииль 38–39) — русского царя Николая I. С особой силой эта тема вновь вспыхнула в 1917, а в эпоху "холодной войны" она стала фактически официальной позицией "морального большинства" религиозной Америки. В XIX веке линию диспенсациализма активно развивал Джон Нельсон Дерби (1800–1882), основоположник современной американской версии этого фундаменталистски протестантского учения.

Дерби пишет, что в критическую эпоху «условия жизни людей и общества ухудшаются, а политического и военная власть переходит*к союзу европейских государств* (здесь и далее разрядка моя — А.Д.), во главе которых стоит Антихрист, осуществляющий свою власть из Рима. Антихрист организует заключение мирного договора*на Ближнем Востоке* (которого хватит ненадолго), и он также принуждает каждого человека носить число 666 на руках и на лбу. Антихрист выступает *против Иерусалима* , где вовсю свирепствуют природные катастрофы, где также наступают испытания вследствие военных поражений и хаоса. По мере того, как конец все ближе, армии с далекого Севера (то есть *из России*), *Дальнего Востока* (Китая и/или Японии), а также *арабские армии* встретятся для участия в битве, Армагеддоне, в Меггидо, месте, расположенном в Израиле, и будет длиться Армагеддон около года.» (Стивен Хаммел, диссертация защищенная в 200 г. В МГИМО (У) МИД РФ.)

Россия отождествляется здесь с Гогом, о котором говорится в Книге пророка Иезекииля (38:2):

"Сын человеческий! Обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фувала, и изреки на него и пророчество".

Убежденным «диспенсациалистом», искренне верившим в буквальное исполнение эсхатологического сценария, был последователь Дерби Сайрус Скофилд (1843–1921), знаменитый тем, что являлся составителем самой популярной англоязычной Библии — "Scofield Reference Bible", разошедшейся тиражом во много миллионов экземпляров. В Америке эту книгу можно встретить на каждом шагу. Скофилд вставил в библейский текст *собственные исторические комментарии и пророчества о грядущих событиях*, выдержанные в духе радикального «диспенсациализма», таким образом, что неискушенному читателю трудно отличить собственно библейский текст от его авторской диспенсациалистской трактовки Скофилда. Пропаганда христианства в англосаксонском мире, и особенно в США, автоматически несет в себе компонент «патриотического» американского воспитания в духе ожидания последней схватки «империи добра» (США) с «империей зла» (роль которой играет либо Россия, либо новейшие ее заместители в ткани основного и неизменного мифа — исламские радикалы, Усама Бин Ладен, сегодня Саддам Хусейн). В некоторых текстах современных диспенсациалистов «промыслы» увязываются с новейшими техническими достижениями, и тогда возникают образы "атомного диспенсациализма", т. е. рассмотрения "атомного оружия" как некоторого апокалиптического элемента.

Популяризатором этого "атомного диспенсациализма" является евангелист Хэл Линдсей, автор книги интерпретации пророчеств "Бывшая великая планета" (1970), разошедшейся тиражом в 18 миллионов экземпляров (по тиражам в свое время это была

вторая книга после Библии). Его горячим приверженцем был не кто иной, как Рональд Рейган, регулярно приглашавший Линдсея читать лекции атомным стратегам Пентагона. Сегодня труды Линдсея — настольные книги Буша-младшего и всего «ястребиного крыла» республиканцев.

Линдсей выделяет основные международные проблемы, связанные непосредственно с «концом времен»; он отмечает, что:

1) в центре внимания должен быть Ближний Восток, имея в виду, что Ближний Восток станет фантастически богатым и влиятельным, особенно в результате разработки недр Мертвого моря;

2) что касается мирового лидерства, то Западная Европа займет место Соединенных Штатов Америки, и возникнут *«Соединенные Штаты Европы"*, которые будут состоять из принадлежащих собственно к Европе стран, формирующийся общий рынок возьмет под свой контроль *Россию и коммунистический Китай* под непосредственным воздействием «гения антихриста», который возглавит «Европейскую Конфедерацию».

(Как поразительно это предсказание Линдсея от 1970 года описывает сегодняшнюю российско-китайско-европейскую «мирную коалицию»!) Другой "ядерный диспенсациалист" теле-евангелист Джерри Фолвелл стал при том же Рейгане ближайшим советником правительства, участвовал в его закрытых заседаниях и консультациях генералитета, где обсуждались вопросы атомной безопасности.

Так, архаические религиозные эсхатологические (милленаристские) концепции прекрасно уживаются в столь светском и прогрессивном американском обществе с высокими технологиями, геополитической аналитикой и блестяще отлаженными системами политического менеджмента.

Те, кто попадает в число врагов США в такой диспенсациалистской оптике оказываются в рядах «полчищ сатаны», причем не в переносном, а *в самом прямом смысле.*

Воспитанные на «Библии Скофилда» республиканцы и сам Джордж Буш младший таким образом имеют свою собственную (довольно иррациональную) модель расшифровки мировых событий.

Джордж Буш младший активно заинтересовался этой темой после дня своего сороколетия в 1985. Он обратился тогда к Билли Грэхэму, известному протестантскому проповеднику и ярому поклоннику диспенсациализма, другу семьи Бушей, за наставлениями. С этого времени Буш признается, что «не оставляет ни на минуту своих библейских исследований» (имеется в виду диспенсациалистские штудии) и следует во всем указаниям своих учителей (в частности того же пастора Грэма).

Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!

Диспенсациалисты трактуют события современного мира в библейской перспективе. Тем самым к циничному рационализму американской геополитики примешивается элемент *фанатической уверенности в своей «моральной правоте».* Смесь получается гремучая.

Атака на Ирак — вопреки позиции Совета Безопасности ООН, международного сообщества, стран Европы, России, Китая и т. д. — *не может быть объяснена только интересами к арабской нефти и стремлением спасти за счет военного заказа американскую экономику, находящуюся на пороге системного кризиса.* Все это присутствует, но в этой войне есть еще и один — быть может решающий — фактор: ее *мессианский смысл.*

В протестантском фундаментализме (как, впрочем, и в другом радикальном явлении — исламском ваххабизме) есть тенденция понимать многие религиозные сюжеты *буквально* , применять древние символы к современной реальности. В этом и заключается своеобразная сила «диспенсациализма» — он адаптирует сакральные сюжеты религии к настоящему и будущему.

Теперь вспомним о том, Теперь вспомним о том, *где* находится современный Ирак. Это — территория древнего халдейского царства со столицей *Вавилоном.* Халдейское

царство и называлось «Вавилоном» в широком смысле. В иудео-христианской традиции Вавилон давно превратился в *символ зла* — «язычества», «насилия», «аморальности». Начиная с Вавилонской башни через «вавилонское пленение» израильтян вплоть до «Вавилонской блудницы» из христианского Апокалипсиса этот образ устойчиво ассоциируется с «сатаной», «антихристом», «страной зла» (как в далеком прошлом, так и в грядущем, в «последние времена»). *Сегодня роль «царя Вавилонского» играет Саддам Хуссейн.* Его демонизированный образ как нельзя лучше вписывается в «диспенсациалисткую» мифологию. Саддам Хуссейн — диктатор и тиран. Он вторгался в Кувейт, хотел убить отца нынешнего президента США. Он прекрасно соответствует галлерее иудео-христианских образов зла.

«Библия» полна проклятий в адрес Вавилона. В «Псалтыри» (пс. 136, 8–9) эта ненависть выражается в самой радикальной форме: «Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!» И далее совсем страшно: «Блажен, кто *возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»* Геноцид вавилонских (читай, иракских) младенцев, таким образом, не только оправдан, но является «священным долгом», если посмотреть на него сквозь призму протестантского фундаментализма. Мы видим, как смакуют сегодня американские СМИ тему разрушения «дворцов Саддама Хусейна». И снова — явная библейская параллель с дворцом вавилонского царя Вальтасара. Этот царь в эпоху пророку Даниила во время пира увидел на стене загадочно появившуюся надпись: «мене, текел, фарес», что означает на иврите «взвешен, подсчитан, учтен». Это было грозное предзнаменование о близком разрушении Вавилонского царства от рук персов. В древней истории персы и их предводитель Кир стали освободителями Израиля. США явно видят себя сегодня в роли Кира — они сокрушают «дворцы царя Вавилонского», чтобы приблизить «конец истории», «мессианскую эпоху», «освободив» тем самым и Израиль. Садам Хуссейн — новый «царь Вавилонский», «Вальтасар». Ясно, что никакого сострадания ни к нему, ни к его режиму, ни даже к «иракским младенцам» от англо-американской коалиции ожидать не приходится.

Кошмар сбывающихся предсказаний

Самое поразительное в диспенсациализме — это *буквальное исполнение его предсказаний.* В диспенсациалистских пророчествах XIX века говорилось о скором «создании государства Израиль в Палестине» и о «возвращении всех евреев на землю обетованную» (реализовано в 1947 году), о «строительстве Третьего Храма и восшествии «вождя иудеев» на Храмовую гору (после восшествия президента Израиля Ариэля Шарона на Храмовую Гору в 2001 году началась эскалация палестино-израильского конфликта), о событиях в Европе, России, на Ближнем и Дальнем Востоке, которые, действительно, произошли через 50-100 лет.

Американцы провозгласили 150 лет назад, что существует «явный знак судьбы» — Manifest Destiny, указывающий на то, что «США будут править миром». Тогда это бала захолустная полуколониальная держава. Сегодня это стало общепризнанным фактом.

Как это ни невероятно, но мифологическая фундаменталистско-протестантская интерпретация истории оказывается удивительно близкой к фактическому положению дел.

Поэтому стоит прислушаться и к тому, что думают современные диспенсациалисты, стоящие к тому же столь близко к рычагам реальной власти при Джордже Буше младшем.

Так, диспенсациалист Джэк Ван Импе указывает, что следующие аспекты происходящего в мире свидетельствуют о том, что *конец света близок:* 1) глобализация экономики; 2) создание объединенной Европы; 3) изоляция Израиля со стороны враждебно относящихся к нему соседних государств; а также 4) крах марксизма, что говорит о том, что для диспенсациализма теперь открыты «окна возможности». Россию он считает «страной наиболее опасной и нестабильной, чем когда-либо», утверждая при этом, что «Америка, одновременно с Израилем, станет жертвой первого массированного ядерного удара, который

будет нанесен Россией». (цит. по Стивен Хаммел, указ. соч.)

Диспенсациалисты не только «просчитали» ираскую войну, но и предвидели структуру коалиции тех, кто выступят против нее. Объединеная Европа, Россия и Китай давно уже, оказывается, зачислены в разряд «гогов и магогов». До «конца света» осталось совсем немного: всей этой «мирной коалиции» вместе с арабами напасть на Израиль, который вначале падет, потом примет протестантское исповедание (в этом направлении уже работает мощное отделение диспенсациалистской машины — общество «Евреи за Иисуса») и вместе с США (плюс по некоторым версиям «летающие тарелки» и «ангельские воинства») уничтожит противников.

Многие трезвые умы, сопоставив все это, скажут «какой бред!» И будут правы, но головы ираских младенцев бьются не понарошку, и кассетные бомбы — не просто кадры из апокалиптического триллера. В этом странном, странном мире кто-то, на самом деле, сошел с ума. И если речь идет о самой сильной, мощной и отчаянной ядерной державе, то всему человечеству должно быть не до смеха. Ведь следующими — по всем их выкладкам — будем мы, «страна Гога».

ТЕРАКТЫ 11 СЕНТЯБРЯ: Экономический смысл

Текст выступления на круглом столе в Центре Общественных Наук МГУ ("Экономико-философское собрание") под председательством проф. Ю.М. Осипова, 06.10.01 г.

Ценность докладов профессоров А.С. Панарина, Ф.И. Гиренка, С.Г. Кара-Мурзы

Блестящий и абсолютно корректный, кроме, может быть, некоторых формулировок, геополитический анализ ситуации дал уважаемый профессор А.С. Панарин. То, что он высказывает, прямым образом вытекает из геополитического видения ситуации: война идет не против исламского мира, а в первую очередь против России. Стратегические цели США после терактов — это, безусловно, разрушение возможности образования альтернативного евразийского блока[20], создание хаоса и «балканизация» Евразии по Бжезинскому[21]. Кто бы ни был организатором терактов — это не принципиально, поскольку ответ США был атлантическим, последовательным, направленным, четко просчитанным, и ни к каким талибам или международным террористам (которые, кстати, являются прямым порождением спецслужб США и инструментом атлантизма) он отношения не имеет. Мы знаем, кто создал Хусейна, кто создал Норьегу, кто создал того же Бен Ладана… Это были атлантистские карты, своего рода запоздалые элементы борьбы против Советского Союза, слегка автономизировавшиеся модули атлантизма, выполнявшие до последнего момента прилежно американские региональные и глобальные задачи. В этом отношении профессор Панарин высказался, на мой взгляд, абсолютно верно; с точки зрения геополитики добавить мне нечего. Это избавляет меня от значительной части того, что я намеревался сказать. Опускаю эту тему, чтобы не повторяться.

У меня есть статья об эсхатологическом раскладе сил в современном мире — "Парадигма конца" [22] . В ней я сопоставлял социальную, геополитическую, культурно-религиозную и социологическую модели противостояния различных

---

[20] А.Дугин "Основы Геополитики", М.,2000

[21] З.Бжезинский "Великая шахматная доска", М., 1998

[22] А.Дугин "Русская Вещь", М., 2001

апокалиптических «дуализмов»: атлантизм против евразийства, труд против капитала, Север против Юга, англосаксонский мир против азиатского мира, западное христианство против восточного и т. д. Получается, что на одном полюсе оказывается евразийство, труд (социальная справедливость), восточные конфессии (Православие, традиционный ислам и т. д.), Юг, обездоленные мира сего, восточные евро-азиатские народы, включая славян, а на другом — атлантизм, капитал, западные конфессии (католичество, протестантизм, ваххабизм как исламская реформация), богатый Север, "золотой миллиард" и т. д. Все то, что группируется на каждом из полюсов, как-то между собой связано. Но пока излишне, на мой взгляд, спорить, что является главенствующим — геополитика, экономика, конфессии или расы. Важнее осуществить верную группировку, нежели строго иерархизировать уровни составных полюсов.

Запад — это и есть капитал, это и есть англосаксонский мир и т. п. А то, что ему противостоит, тяготеет либо к социализму и социал-демократии, либо к рейнско-ниппонской (по выражению М.Альбера[23]) модели социально ориентированного капитализма. И все вместе это ближе к традиционному обществу, чем к последовательному либерал-капитализму англосаксонского образца. Обе модели объяснения мира, — геополитическая и полит-экономическая, — мне кажутся очень близкими: по выводам они вообще совпадают, и каждый здесь может расставлять оценки как ему больше нравится. Это не принципиально.

Абсолютно адекватно, на мой взгляд, выступление профессора Федора Гиренка, который показал очень важную вещь: Восток — это смысл (или созерцание), Запад — это действие. Это уже чисто геноновский дуализм[24]. Замечательно отмеченное Гиренком противопоставление "системы событий", на которой настаивает Запад, — "системе значений", к которой тяготеет Восток. Действительно, Запад по мере абсолютизации своего культурного кода, начиная с эпохи Просвещения, последовательно выхолащивал содержательность действия. Восток же, напротив, всегда настаивал на созерцании.

Синтезом был советский строй, где совмещалась смысловая модель с событийной моделью. Советская система рухнула, и сейчас действительно разверзлась бездна между смысловым Востоком (Евразией смыслов), между "рассветным познанием" (как говорил Сохраварди[25]) и пустой, фиктивной "системой событий" общества Спектакля. Событие само по себе есть эфемерная реальность, если оно не укоренено в смысле. Отсюда виртуализация зрелища. Сам теракт 11 сентября 2001 человечество наблюдало по CNN. Это типично для общества Спектакля, генеалогию и феноменологию которого описал Ги Дебор[26].

Мне кажется, что выступления профессора Панарина и профессора Гиренка друг друга дополняют. Это точная экспертиза американских событий с геополитической и собственно философской точек зрения. Уважаемый профессор Сергей Георгиевич Кара-Мурза дал еще и социальную (социалистическую) интерпретацию, которая мне очень близка и которую я в общих чертах разделяю. Поэтому у меня сложилось впечатление, что за меня все основное уже сказали предыдущие докладчики, и слушая их, я с легким беспокойством констатировал, что из 4-х намеченных мной тем, у меня осталась только одна — экономическая.

На ней я и остановлюсь.

Состояние американской экономики накануне терактов 11 сентября

---

[23] M.Albert "Capitalisme contre capitalisme", Paris, 1989

[24] Р.Генон "Кризис современного мира", М., 1993, R.Guenon "Orient et Occident", Paris, 1928

[25] "Конец Света",М., 1997 А.Дугин "Рассветное познание восточного шейха".

[26] Ги Дебор "Общество Зрелищ", М., 1998, А.Дугин "Ги Дебор мертв" в "Русская Вещь", ук. соч.

Каковы экономические последствия терактов 11 сентября? Каков их экономический смысл?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться немного назад. Что происходило в экономике Соединенных Штатов Америки накануне 11 сентября, непосредственно перед терактами? Происходили очень тревожные и значительные события.

Американская экономика активно двигалась в сторону виртуализации. Биржа была чрезвычайно перегрета. Отношение капитализации акций многих флагманов "новой экономики" к реальному росту прибылей составляло подчас сотни процентов, а в случае интернет-компании Yahoo достигало рекордной цифры в 1000 %! Причем большинство компаний, формирующих индекс NASDAQ, являли точно такую же картину. Это означало, что биржевые ожидания держателей акций предприятий "новой экономики" (ими в современной Америке являются более 50 % всего населения страны, что также составляет рекорд) порождают некий автономный мир развоплощенных финансов, где ценовые тренды полностью оторваны от хозрасчетного фундаментала традиционной капиталистической экономики[27].

Режим финансовых пирамид — в отличие от российских доморощенных версий типа «МММ» или индустрии "святого письма" — обосновывается изощренной логистикой манипуляций с общественным мнением, искусственным воздействием на коллективную психологию держателей акций, многочисленными ухищрениями самих компаний, затрачивающих львиную долю баснословных доходов не на реальное развитие бизнеса и технологий, но на презентации, изготовление и тиражирование имиджа, PR и т. д. Биржевая аналитика сама по себе постепенно превратилась в самостоятельный род PR-технологий. Щедро оплаченные "новой экономикой" эксперты предрекали ее безоблачный рост и "вечную стабильность" вопреки очевидным проблемам, которые постепенно нарастали, как снежный ком. Зазор между реальным положением вещей в американской экономике и ее образом, который приобрел не только хозяйственное, но и политическое, более того — геополитическое значение, стремительно увеличивался.

Объективные статические подсчеты показали, что повальная информатизация производства в целом представляет собой чисто имиджевую кампанию, поскольку реальному росту прибылей компьютеризация, внедрение высоких технологий и перманентный upgrade способствует только в очень узком экономическом секторе. В большинстве же случаев предприятий реального сектора информатизация либо вообще не сказывается на хозяйственной эффективности (и является простой данью моде), либо дает очень небольшой плюс, совершенно не сопоставимый с капитализацией соответствующих фирм, работающих на рынке информационных технологий и услуг. Держателей акций убеждают, что эффект проявится позже, и коммерческая эксплуатация ожиданий, действительно, оказывается вполне доходной. Однако на определенном пороге такой великолепно поданный рекламный и спекулятивно проиллюстрированный волюнтаризм не может не войти в конфликт с объективными хозрасчетными показателями.

Положение дел усугублялось еще и тем, что все больше самостоятельности приобретали не просто биржевые операции с акциями, но бурный рост рынка деривативов — опционов, свопов, варрантов, фьючерсов, опционов на фьючерсы и т. д. Объем денежных средств, задействованных в этом секторе, постоянно возрастал, и на этом фоне цепной индукции все более и более виртуальных операций с финансами сектор реального производства утрачивал свое значение, переставал играть весомую роль.

Так сложилась некая самопродуцирующаяся система "визуального капитализма", "визуального экономического роста", который существовал, скорее, в области пропаганды и обеспечивался подчас хитростями подсчета. Так, например, в цифру роста ВВП включались

---

[27] А.Дугин "Эвапоризация фундаментала в новой экономике", "Филофосия хозяйства", М., 2001

потенциальные затраты американцев на жилье, которые, однако, в реальности не производились в том случае, если это жилье было частным. Этот и многие другие примеры даны у профессора Кобякова[28]. Названный автор, в частности, обращает внимание на введение т. н. "гедонистического индекса", призванного учитывать (довольно условно) "степень наслаждения" потребителя от приобретения какой-то вещи или услуги. Если бы те же самые процессы оценивались по критериям "старой экономики", с позиции рыночного фундаментала, то экономическая картина получалась бы куда более печальной, а развитие основных процессов вообще внушало бы самые серьезные опасения.

Неоэкономическая модель, развивающаяся в США, ставшая там главенствующей (Литвак дал ей название "турбокапитализм") перешла, по мнению целого ряда специалистов, некий рубеж, критический порог перегретости. Экономическая состоятельность флагманов американской (соответственно, мировой) новой экономики зависела от довольно эфемерных процессов, и при первом серьезном испытании — например, при требовании обращения критической массы акций в некий эквивалент из области реальной (старой) экономики, скажем, в товарное покрытие или в деньги, — опасность тотального краха всей мировой финансовой системы, в той или иной степени связанной с американской экономикой и с долларом, становилась вполне конкретной и весьма вероятной.

Еще одним важным показателем является резкое увеличение в американской экономике сервисного сектора по отношению к производственному. В настоящее время около 30 процентов всех американцев, занятых в экономическом процессе, относятся именно к этой категории. Это также яркое выражение виртуализации экономики, маргинализации основных секторов "старой экономики", явной переоценки автономного значения многообразных имиджевых структур.

Собственно производство, инвестиции в реальный сектор, не приносящий тех быстрых доходов, которые стали нормой в перегретых механизмах биржевой игры, напротив, не развивались, смещаясь в иные геоэкономические сферы — в Азию, Евразию, Латинскую Америку и т. д., где цена рабочей силы и отсутствие экологических стандартов позволяли создавать реальные товары, добывать и перерабатывать энергоресурсы в ином экономическом режиме, как бы на периферии основной виртуальной экономики, задействуя малый экономический потенциал, без особенных проблем извлекаемый из игры цифр.

Сложная ситуация складывалась и с долларом. Доллар как мировая резервная валюта является таким же геополитически важным элементом доминации США, как ядерное оружие, новые технологии, информационные сети[29]. Причем, будучи точкой пересечения глобальной геополитической стратегии (атлантизм) и экономического механизма хозяйствования самих США, доллар включал в себя и магистральные процессы американской экономики (в частности — виртуализацию). Следовательно, рост зазора между реальным сектором и виртуальными финансами не мог не отражаться на геополитическом статусе Америки.

Перспектива введения наличных «евро» в Старом Свете, эмиссия которых Евросоюзом опиралась на экономические структуры более конвенционального образца, приближенные к реальному, а не виртуальному капитализму, не только подрывала "долларовый империализм", но ставила под вопрос всю геополитическую и экономическую мощь США. При отсутствии угрозы со стороны демократической России и с учетом новых энергетических горизонтов, открывающихся перед Европой в свете беспрепятственного освоения ресурсов Евразии (минуя отлаженную модель снабжения из арабского мира под жестким контролем США), ситуация становилась для Вашингтона критической.

Аналогичные проблемы назревали и в геоэкономическом секторе Азии. Несмотря на

---

[28] "Крах мировой финансовой системы", М., 2000 г., коллективная монография

[29] А.Дугин "Геополитические аспекты мировой финансовой системы", "Философия Хозяйства", М., 2000 г.

рецессию, Япония остается второй страной в мире по объему ВВП, а темпы роста Китая и экономическое развитие всего Тихоокеанского региона постепенно подводили к логической неизбежности эмиссии новой «тихоокеанской» валюты — "тихоокеанского юаня" или "новой йены". В этой геоэкономической области валютное обеспечение логически привязывалось бы к реальному сектору производства.

Автономизация Евразии — экономическая, ресурсная, а впоследствии политическая и стратегическая (особенно если в этом вопросе активную позицию заняла бы ядерная Россия) — на фоне стремительной «виртуализации» экономической мощи США (что не могло не сказаться и на их геополитическом статусе) создавало фундаментальную угрозу дальнейшей доминации США в планетарном масштабе. При этом "падение Америки", "the decline of the Great Power" (если вспомнить название апокалиптического бестселлера Пола Кеннеди[30]), становилось чем-то почти неизбежным, особенно, если предположить мирное и эволюционное развитие основных мировых процессов.

Единственной солидной основной американской экономики, действительно и прочно связанной с реальным (а не виртуальным) сектором, а также с конкретикой геополитического контроля, был ВПК, где наличествовали реальное производство и технологическое развитие, реальные рабочие места и инвестиции. Этот сектор и представлял серьезный оплот американской экономики. Однако именно этот наиболее весомый, конкретный и адекватный модуль американской экономики в ходе мирного развития событий в эпоху после окончания "холодной войны" на глазах утрачивал свой raison d’etre, свою оправданность, свою социально-политическую легитимацию. Он обеспечивал содержание американской мировой доминации, давал ей устойчивую базу, в то время как американская система виртуальных финансов — при всех ее гипнотических информационных атрибутах и PR-стратегиях — напротив, делала позиции США в мире более шаткими и уязвимыми, неся в себе серьезную угрозу скорой и необратимой катастрофы.

Ситуация усугублялась еще и тем, что США — в той мировой конфигурации, которую они приняли на себя, заняв позицию центра однополярной глобализации и став единственной «гипердержавой» — не могли сделать шаг назад и сузить пределы своего контроля до границ Американского континента. Сталкиваясь с колоссальными трудностями, сопряженными с "мировым господством", США не могли и отказаться от него. Экономическая картина сложилась так, что важнейшие центры реального производства находились уже не только вне национальной территории США, но и вне Нового Света, а гигантская масса ничем (кроме геополитики и финансово-имиджево-информационной сети) не обеспеченных долларов, хлынув в США, мгновенно затопила бы экономику, породив гиперинфляцию. Иллюзия процветания США, тесно связанная именно с планетарным масштабом американского присутствия, могла бы рухнуть в одночасье. Безысходность ситуации отразилась в беспрецедентно жесткой президентской компании Буш-младший (ставленник ВПК) — Гор (выразитель интересов "новой экономики"). Предвыборный «message» Буша-мл. американскому народу состоял примерно в следующем: "США не способны более продолжать курс на перегрев экономической системы и перерастяжку геополитического присутствия; продолжение втягивания в процесс глобализации во взятом ритме может привести к катастрофе". «Message» Гора был иным: "США не могут не продолжать этого курса, так как в противном случае реакция на затормаживание этих процессов со стороны остальных стран похоронит Америку. Стоит только прекратить индуцировать виртуальную иллюзию экономического процветания — и все те, кто сегодня вкладывает в этот сектор реальные средства, начнут их оттуда выводить. Это повлечет за собой коллапс всей системы, что скажется в конечном итоге и на геополитическом статусе США. Следовательно, единственным выходом для Америки является продолжение активной

---

30 Paul Kennedy "The decline of the Greate Power", N-Y, 1987

глобализации".

Самое интересное, что оба они были абсолютно правы…

Нетрудно было бы подсчитать тот момент, когда мыльный пузырь такого состояния в экономике достиг бы критической точки.

Сделаем вывод: эффективная игра с финансовыми технологиями, дававшая краткосрочную иллюзию "экономического процветания" США, на деле маскировала собой неизбежно назревающий коллапс всей хозяйственной системы, сопоставимый с биржевым крахом 1929 года и Великой Депрессией. Причем сравнение показателей этих двух эпох — нашей и конца 20-х годов — убеждало в том, что нынешний кризис должен был бы стать чем-то намного более масштабным. Особенно если учесть доминирующую роль США в планетарном масштабе и их геополитическую функцию «гипердержавы».

Вот как обстояли дела с американской экономикой до 11 сентября 2001 г.

После 11 сентября 2001 г

Итак, наступает 11 сентября 2001 года. Рушится здание "Всемирного Торгового Центра", горит здание Пентагона. Всемирный Торговый Центр — символ экономической мощи США, Пентагон — символ стратегической мощи. Обе цели имеют символическое значение. Казалось бы, удар нанесен в самое сердце Америки, продемонстрирована уязвимость США, которые позиционируют себя как гарант безопасности, стабильности, процветания для всех остальных стран — причем в первую очередь в экономическом, военно-стратегическом и социально-психологическом смыслах.

Однако, этот жесткий и душераздирающий кризис, транслируемый всему человечеству через сеть CNN, — угнанные самолеты, рухнувшие здания, паника властей и ужас населения, — оказывается миниатюрной и относительно безвредной, локальной ситуацией по сравнению с той планетарной катастрофой, которая рано или поздно постигла бы США, если бы террористов не существовало в природе, и события развивались бы в том же плавном и гладком русле, как до 11 сентября 2001 г.

Давайте посмотрим, что происходит через несколько дней на бирже? Индекс NASDAQ падает, но падает относительно плавно и постепенно. Конечно, многие говорят о биржевом кризисе, но у такого кризиса на сей раз есть внешнее оправдание — он не является выражением критического состояния самой американской экономики, а следовательно, он носит преходящий, случайный, ситуативный, а не тотальный и не системный характер. Иными словами, "новая экономика" получает важнейший концептуальный аргумент для того, чтобы несколько снизить зазор между виртуальным и реальным секторами хозяйства, сохранив свои имидж и привлекательность для держателей акций, а главное, замаскировав катастрофический характер протекающих в ней процессов.

Следующий момент: какова качественная структура тех акционеров, которые играют после 11 сентября на «медвежьем» поле? Независимый экспертный анализ показывает, что речь идет о самих флагманах "новой экономики", тогда как рядовые держатели акций остаются прикованными к телеэкрану, в ожидании "американского ответа" и решения судьбы Бен Ладена. Введение чрезвычайного положения облегчает эту задачу.

В этой ситуации было очень важно, кто именно сбрасывает акции, в каком режиме и под каким предлогом. Если бы на фондовом рынке и, соответственно, на рынке деривативов началась массовая паника, то в проигрыше остались бы сами компании, а рядовые держатели акций не особенно пострадали бы. Так произошло во время Токийского кризиса, когда рядовые акционеры практически не пострадали, а ситуация в национальной экономике серьезно ухудшилась.

В итоге: ситуация на фондовом рынке в значительной степени исправлена, или, по крайней мере, коллапс отложен.

Далее. Буш-младший объявляет о необходимости чрезвычайных мер по преодолению в стране "экономического кризиса". Для этой цели выделяются спецсредства из бюджета —

открыто декларировано 92 млрд. долларов, но эта сумма не покрывает всего объема. Реальные убытки, связанные с уничтожением WTC и крыла здания Пентагона серьезны, но далеки от этих баснословных сумм. По всем критериям теракты никак не могут быть причиной "экономического кризиса". И тем не менее, речь идет именно о нем. Это противоречие имеет только одну разгадку: "экономический кризис" в США, действительно, был и очень серьезный; только произошел он не после 11 сентября 2001 года, а задолго до этой даты, достигнув к этому времени очень серьезной стадии.

Падение двух башен WTC спасает таким образом "новую экономику" США. Очень серьезная операция. Итак, в экономической области США смогли извлечь из трагедии очень серьезную и однозначную выгоду.

Выше я говорил о том, как связана американская экономика и геополитика атлантизма. Удар по зданию Пентагона также оказался США и особенно самому Пентагону весьма на руку.

Отныне геополитическая и ядерная мощь США заново получила легитимность — как в международной политике, так и в сознании самих американцев. Перед лицом новой угрозы, нового врага — "международного терроризма" (столь дерзкого и зрелищного врага) — оправданы новые расходы на вооружение, необходимость НПРО, развитие ВПК. Все это в чисто экономическом смысле дает прекрасную концептуальную базу для того, чтобы дать новый импульс развития реальному сектору, ядру реального сектора американской экономики. С чисто теоретической ультра-либеральной точки зрения решение задачи не совсем корректно, но мы знаем, что США в критических случаях всегда прибегает к подобному решению — разрубить Гордиев узел по ту сторону экономической ортодоксии и неоклассики. Так было в эпоху New Deal Рузвельта, что позволило США выйти из Великой Депрессии. Позднее аналогичные результаты принесла конверсия американской промышленности на военный лад после Пирл Харбора. Когда же после окончания Второй мировой войны обратная реконверсия грозила поставить страну лицом к лицу с новой волной экономического упадка, как нельзя кстати оказалась "холодная война". Геополитическая поправка на внешнюю угрозу уже неоднократно в XX веке выручала экономику США без того, чтобы корректировать либеральную теорию эксплицитно.

В международной сфере стратегическая роль США также укрепляется, поскольку продолжение взимания Америкой "ядерной ренты" с союзных блоков Европы и Азии получает новый аргумент. Защищая себя от угрозы "международного терроризма", США защищает всех остальных, а следовательно, "все остальные" должны платить за то, чтобы защитник был силен, могущественен и во всеоружии. Экономическая конкуренция между геоэкономическими зонами, уже грозившая перерасти в политические трения с Европой (оттуда уже рукой было подать до относительно автономной системы Европейской, а в дальнейшем и Евразийской, Безопасности) мгновенно в новой ситуации отступает на задний план, так как перед лицом "нового вызова" она может быть проинтерпретирована уже как "косвенное пособничество международному терроризму".

Вашингтон отныне волен сказать Европе: "международный терроризм" начал вести с нами всеми Третью мировую войну, и мы в наших отношениях переходим к логике военного времени.

Именно это и имел в виду президент Буш-мл., когда он в ультимативной форме заявил, что "все страны мира должны в этой критической ситуации определиться — с кем они в этот решительный час: с Вашингтоном или с "международным терроризмо — или-или и третьего не дано." Таким образом, логика Третьей мировой войны приходит на помощь США именно в тот критический момент, когда их планетарная глобальная функция поставлена под вопрос. И здесь очень важно понять, что однополярному миру под единоличной гегемонией США накануне 11 сентября 2001 года угрожал не "международный терроризм", а естественная перспектива мирной и мягкой эволюции главных геополитических субъектов — Евросоюза, России, Китая, Индии, Ирана, Японии, стран Тихоокеанского региона и арабского мира в самостоятельные автономные структуры, образующие многополярный ансамбль. Не

теракты, а отсутствие терактов более всего угрожало американской доминации, однополярному глобализму, создавая предпосылки альтернативного мироустройства, где США отводилась почетная, но отнюдь не главная роль. А для того геополитического и экономического состояния, в каком находилась Америка накануне 11 сентября, это было равнозначно катастрофе.

Важно обратить внимание также на тезис об экстерриториальном характере новой угрозы — "международного терроризма". Бен Ладен и его сподвижники (назначенные символическими фигурами, олицетворяющими "врага") не только не имеют строгой локализации, воплощая в себе не страну, державу, государство, народ, но лишь "политизированную секту", но и сама причастность этих фигур к злодеянию в Нью-Йорке и Вашингтоне является «плавающей» презумпцией, и может случиться, что виновником окажется кто-то еще. Такой экстерриториальный враг может при необходимости обнаружиться где угодно, превращая любую территорию в зону прямого военно-стратегического вмешательства США. Таким образом, легализуется право прямой интервенции США в любой точке мира. Точно так же дело обстоит и с финансовыми сетями, которые могут прямо или косвенно сопрягаться с сообществом "международных террористов". Поэтому США, как главная жертва и главный борец с "международным терроризмом", резервирует за собой право прямого вмешательства в финансово-экономические процессы. Причем экстерриториальность «преступника» подразумевает экстерриториальные (в данном случае глобальные) полномочия того, кто его преследует.

Ультиматум Буша-мл. относительно необходимости всем странам определить свою позицию, свой лагерь, несет в себе прямую угрозу: "экстерриториальность врага", его расплывчатый статус, неопределенность его очертаний позволяют "проследить его связи" вплоть до любой страны, любого народа, которые хоть в чем-то проявят дистанцию от планетарной воли США, вступивших на тропу Третьей мировой войны. В экономическом смысле это дает США невиданные привилегии.

Может сложиться впечатление, что демократические нормы остановят Америку в осуществлении прямой доминации, удержат от злоупотребления теми инструментами, — в том числе моральными и правовыми, — которые оказались у них в руках после событий 11 сентября. Однако, следует рассматривать ситуацию реалистично: США давно тяготятся «демократическими» институтами (особенно в международной сфере, где они являются рудиментами исчезнувшего Ялтинского мира). В какой-то момент либеральная экономическая модель и сугубо американская система ценностей могут взять на вооружение определенные методики, имеющие с демократией довольно мало общего.

Если трезво взвесить исток и происхождение угроз, существовавших для США накануне терактов (особенно в экономической области), то мы увидим, что они концентрировались именно в тех странах, которые сегодня вовлечены в антитеррористическую коалицию на стороне США. Следовательно, объявляя Третью мировую войну против «терроризма» США на практике расправляется со своими реальными конкурентами. Иными словами, целью этой войны являются не те силы, которые обозначены в качестве таковой, а те, которые, напротив, выступают в роли союзников и партнеров.

Удивительно, но нечто подобное мы видим и в фигуре «врага». Этим врагом объявлены те силы, которые по происхождению, масштабу и геополитическому потенциалу не только не представляют для США серьезной угрозы (в геополитическом или экономическом смыслах), но являются довольно эффективным инструментом американской политики в региональных конфликтах — начиная с противодействия СССР в период афганской войны, и заканчивая дестабилизацией положения в Средней Азии и на Кавказе, направленной против стратегических интересов России и Ирана. Более того, избирая в качестве главного противника единственной и не имеющей сегодня равных гипердержавы периферийное и довольно маргинальное явление, в свое время оснащенное и выпестованное в недрах самих американских и английских спецслужб, США невероятно поднимают статус этой силы, дают

ей геополитический вес, который она сама по себе не приобрела бы ни при каких обстоятельствах.

Возводя фиктивный, с геополитической и экономической точек зрения, полюс в разряд реального и наиболее опасного, США могут отныне под вполне благовидным предлогом требовать от своих реальных конкурентов (оказавшихся в роли невольных союзников) уступок в тех сферах, которые наиболее чувствительны для сохранения и укрепления американской гегемонии. Такого рода требования руководители большинства крупных мировых держав или блоков государств получили сразу после 11 сентября. В каждом конкретном случае эти требования были сформулированы по-разному.

Евросоюзу и американским стратегическим партнерам США в Тихоокеанском регионе (Япония и т. д.) предлагалось затормозить выход из долларовой зоны или диверсификацию валютных вкладов, а также оплатить военные расходы коалиции. Вместе с тем, недвусмысленно предлагалось забыть о повышении политической или геополитической самостоятельности, об альтернативной модели глобализации, о многополярном мире.

России пригрозили экономическим давлением и зачислением в разряд стран-париев, потребовав ослабить стратегическое присутствие в странах СНГ (особенно, в Средней Азии), и в кратчайшие сроки ликвидировать военные базы времен "холодной войны" за пределами собственно российской территории.

Руководство Китая было проинформировано относительно назревающих проблем в Синьцзянь-уйгурском округе и т. д.

Отдельно ультимативные поручения получили страны СНГ, где описывался баланс новых отношений с США как главным субъектом мировой политики, отвечающим — в том числе стратегически и экономически — за своих "партнеров по коалиции" (особенно из числа слабых).

Все вместе страны "многополярного клуба" получили настойчивое и мягкое пожелание распуститься как можно скорее.

Выбор Афганистана как плацдарма для ответа также прекрасно вписывается в американскую логику. Это страна в центре Евразии, ее окружение — Россия, Китай, Иран, Пакистан, Индия, среднеазиатские государства СНГ — составляет остов потенциального евразийского блока, который более всего заинтересован в многополярном мироустройстве и более всего выигрывал бы в случае ослабления США и ухода их с позиции единоличной мировой доминации.

Афганистан — удобная площадка для того, чтобы ввести главные державы потенциального "Евразийского блока" в чрезвычайный режим, в зону повышенной нестабильности, в перспективе распространяя на них очаги нестабильности, зоны войн малой и средней интенсивности.

Могли ли Россия и другие континентальные державы отказаться от ультиматума США после событий 11 сентября 2001 г.?

На этот вопрос очень непросто ответить. Теоретически могли. Но это означало бы переход в стадию прямой конфронтации с США. Причем российское руководство должно было в кратчайшие сроки — молниеносно — усвоить и тотально признать как свою единственную и безальтернативную политическую и геополитическую платформу Евразийскую Идею. Процесс освоения этой идеи шел и так достаточно интенсивно, тем более, что сама логика событий накануне 11 сентября 2001 года подталкивала российскую власть к такому выбору. Однако неверно считать, что это выбор уже был сделан, все ключевые решения приняты, а стратегические планы приведены в строгое соответствие с тем, чтобы в критический момент начать действовать по строго евразийской модели. Для того, чтобы хотя бы немного дистанциироваться от США в столь критической ситуации, необходимо было быть законченными и последовательными евразийцами.

Столь же не готовыми к прямой и жесткой конфронтации с США, спасающими свою

планетарную позицию, оказались и остальные геополитические игроки. Соответственно, и консолидированной позиции между этими «недозревшими» до радикального евразийства субъектами в кратчайшие сроки и под жестким американским прессингом выработано быть не могло.

Для того, чтобы в экстремальной ситуации Россия могла реагировать иным образом, должна была бы существовать совершено иная структура власти. В спокойном эволюционном режиме Президент Путин двигался в этом направлении; к этому вели объективно и процессы в Европе, Иране, Китае, Индии, Японии, арабских странах. Однако события произошли с опережением. И именно это оказалось фатальным.

Когда сегодня говорят о Третьей мировой войне, это в целом правильно. После терактов 11 сентября 2001 года Америка объявила миру войну. Войну не просто «холодную», а с «горячими» элементами. Участники в этой войне не выбираются, не определяются свободно. Все крупные геополитические силы получили настоятельное предложение соучаствовать в в афганской операции вслед за США. Но поскольку именно те страны, которым предлагается "двигаться вслед", и являются настоящими геополитическими, геоэкономическими и геостратегическими конкурентами (потенциальными противниками) Соединенных Штатов, то это равнозначно предложению о полной и безоговорочной капитуляции.

Чисто теоретически можно представить себе евразийский сценарий реакции России, Европы, Китая, Японии, Индии, Ирана, арабских стран на военную акцию США в Афганистане. 12–13 сентября созывается экстренная конференция стран-сторонников многополярного мира. Проводится срочный саммит глав стран СНГ. Вырабатывается общая стратегия пацифистского решения конфликта. Осуждается терроризм, напряжением всех спецслужб разыскивается Бен Ладен и передается США. Америке оказывается мощная экономическая и гуманитарная помощь. Начинается активная компании под эгидой ООН "за лучший мир", за "мир без террора", проводятся фестивали, симпозиумы, осуждается и искореняется "исламской радикализм". И мы возвращаемся к ситуации до 11 сентября 2001 года.

Само по себе так произойти не могло. Чтобы так случилось, необходимо было заранее отработать всю инфраструктуру, систему взаимодействий, ясную геополитическую и экономическую стратегию в случаях столкновений с серьезными, судьбоносными вызовами.

Эти соображения подводят к неизбежному заключению: время для проведения терактов, манера их осуществления, форма трансляции катастрофы, выбор целей и исполнителей — все было идеально выверено с тем, чтобы добиться заведомо поставленных и идеально просчитанных целей. Теракты произошли как раз в тот момент, когда США стояли на пороге скрытого экономического, геополитического и стратегического коллапса. В результате терактов, в ходе продуманной и великолепно рассчитанной реакции на них, Америка, фактически, смогла предотвратить этот коллапс, решив блестяще и одновременно (в свою пользу) целую серию сложных экономико-геополитических уравнений с основными игроками мировой политики. При этом состояние самих игроков и степень консолидированности их позиций оказались таковы, что не могли серьезно помешать осуществлению американских планов. Слишком идеально все сходится, чтобы списать это на совпадение, случайность или молниеносную геополитическую реакцию американского руководство, сумевшего в считанные часы оправиться от шока и прореагировать с гениальной находчивостью.

Многие говорят сегодня о волне терроризма, которая поднимается в мире, о других возможных терактах. Я полагаю, что никаких масштабных терактов, сопоставимых с происшедшими, больше не произойдет. Если только кто-то из союзников США по "борьбе с терроризмом" не начнет упрямиться. Тогда снова, но уже не на американской территории, возможно что-то и произойдет.

Если рассмотреть ситуацию геоэкономически и геостратегически, то становится очевидной несостоятельность нескольких моделей толкования происходящего, с которыми

мы приоритетно сталкиваемся в СМИ.

Первое: абсолютно неправильно трактовать происходящее как столкновение цивилизаций, как конфликт «христианских» стран с «исламом». США страна не христианская, а ислам настолько разнороден, что говорить о единой цивилизационной позиции исламских стран неверно, тем более, что исламский радикализм, которому инкриминируется ответственность за теракты, представляет собой маргинальную ересь реформаторского (салафитского) толка. Поэтому переносить ответственность (еще, кстати, точно не установленных) авторов теракта на мусульман как таковых совершенно неправомочно.

Второе: совершенно не очевидна и не доказана личная вина Бен Ладена. Этот саудовский миллионер, воспитанный и оснащенный ЦРУ, встречавшийся с представителем ЦРУ в Дюбае в ОАЭ в больнице еще в августе 2001 года, «назначен» на эту роль. И нельзя исключить, что речь идет об искусственном повышении его статуса и роли в среде радикального ислама в перспективе его дальнейшего использования в американских стратегических интересах. Миф об экономическом всемогуществе Бен Ладена и вовсе несостоятелен — отследить движение серьезных капиталов в современной финансовой системе не составляет труда, а в каждой террористической или радикальной группировке осведомителей всегда найдется с избытком.

В-третьих: понятие "международного терроризма" является геополитически бессодержательным. Жизнь и политическая, экономическая и религиозная реальность гораздо сложнее, нежели примитивные, в духе американских вестернов, деления всех на "good guys" и "bad guys". Если люди прибегают к террору, то исходя из определенных социальных, экономических, геополитических и иных причин. И остаются людьми и носителями определенных тенденций, имеющих истоки, логику и объяснение, а не абстрактными "bad guys".

Третья Мировая война — это реальность. Реальность очень серьезная, она имеет очень мощную экономическую, геоэкономическую и геостратегическую подоплеку. Она началась.

И сегодня мы обсуждаем очень важные, центральные по их значению вещи. Крайне важно понять сегодня глубинные, философские основания происходящего. Замечательно, что мы говорим о философии, о смыслах, о системах, о геополитике, об экономике и стратегии, а не собственно о терактах и террористах. Мы пытаемся понять, что же действительно произошло, и в каком мире мы живем, и с чем нам предстоит столкнуться?

Что такое эта зловещая дата 11 сентября 2001 года?

Я полагаю, что речь, действительно, идет об очень глубоких, судьбоносных, фатальных, поворотных исторических, онтологических и эсхатологических реальностях. Упоминание «Апокалипсиса» в теме круглого стола, на мой взгляд, вполне уместно.

Эти события имеют множество толкований — геополитических, геоэкономических, социально-политических, технических и т. д., но они также имеют глубинный цивилизационный характер. Это не поход Севера против Юга, Запада против Востока, богатых против бедных и т. д.

Это "крестовый поход" Соединенных Штатов Америки против всех остальных — против Евразии. И США в данном случае уже тоже не только страна, не только нация, не только государство, но авангард и резюме особой цивилизации, результат развития европейской постпросвещенческой истории и пик либерально-капиталистической системы.

Это мировой символ, который кто-то может воспринимать как "глобальное добро", а кто-то как "глобальное зло" (но истинно что-то одно — либо то, либо другое). Это вопрос веры, наших собственных истоков, нашей самоидентификации.

Мы пребываем в самой гуще битвы архангела Михаила с дьяволом — это очевидно и не подлежит сомнению. Под вопросом другое: кто выступает в роли архангела Михаила, а кто — в роли дьявола? Ведь каждый из участников этой битвы оценивает себя как "good guy", а свою Родину — как "империю добра" или, пусть, «осколок», "остаток добра" против "империи зла".

НЬЮ-ЙОРК, 11 СЕНТЯБРЯ — год спустя

(геополитический анализ)

Отложенный час икс

В сентябре 2001 года после атаки на Центр Мировой Торговли в Нью-Йорке многим казалось, что произошло что-то *решительное, поворотное, судьбоносное* , что должно изменить ход мировой истории. Известный французский философ Жан Бодрийяр провозгласил, что в бесконечной серии «симуляций» и «манипуляций» пробита брешь, и наконец-то случилось нечто спонтанное, неспровоцированное, историческое в подлинном смысле этого слова, выпадающее из бесконечного спектакля, разыгрываемого миром капитала. Посмотрим, так ли это? Оценивая все то, что произошло после терактов в Нью-Йорке, следует однозначно сказать: это явление *осталось локальным* . За ним не последовало ничего подлинно *глобального* — ни войны цивилизаций, ни мирового восстания обездоленных, ни планетарных геополитических катаклизмов, ни существенного изменения ценностей человечества.

Те, кто провозгласили «начало новой эры» или «третьей мировой войны», *поспешили* .

Это, конечно, не означает, что мы навсегда застрахованы от всего этого; это означает лишь, что час икс несколько откладывается.

Финальная битва?

Давайте внимательнее присмотримся, что конкретно имели в виду те, кто посчитал теракты вы Нью-Йорке поворотным моментом мировой истории. В целом их позиция сводилась к тому, что мировые противоречия между богатыми и бедными, Западом и Востоком, современностью и традицией, глобализмом и антиглобализмом, искусственной манипуляцией и спонтанностью, комфортом и нищетой, белыми и небелыми достигли *критической отметки* , за которой логически должно следовать финальное столкновение, общепланетарная гражданская война.

В такой картине Джордж Буш младший олицетворяет собой лидера богатых, белых, Запада, современности, медиакратии, цивилизации, прогресса.

С другой стороны вырисовывается зловещая фигура Бин Ладена — лидера обездоленных, бедных, небелых, Востока, средневековья, архаичности, спонтанности, примитивности, регресса.

Картина этого дуализма транслировалась через планетарные СМИ на все население планеты, подталкивая каждого к тому, чтобы определиться — по какую сторону баррикад находится лично он. Поскольку медиакратия (СМИ) в основном сосредоточены в руках Запада или тех, кто на него ориентирован в других частях мира, то выбор делался сам собой, и террористы во главе с неуловимым Бин Ладеном отождествлялись с «мировым злом». «Империя зла», казалось, *поменяла свой адрес* , прописавшись в экстерриториальных пространствах «мирового терроризма».

Жесткость и радикальность действий террористов, обнаружившаяся беспомощность системы безопасности США, решительность и масштаб всей операций, казалось бы, недвусмысленно указывали: *полюс «бедного юга» бросает вызов полюсу «богатого севра» всерьез и основательно* — как основательно само название «Аль-Каеда», по-арабски «Основа».

Вместе с тем, столь масштабная операция, как совершенный грандиозный теракт, имела бы смысл только в том случае, если бы у террористов был готов *продуманный и*

обеспеченный стратегически план дальнейших действий. Иначе (если остальные элементы военной компании против «богатого севера» были бы неподготовлены) начинать так дерзко и жестоко, масштабно и зрелищно было бы просто бессмысленно.

На несколько месяцев после 11 сентября 2001 года мир замер в ожидании начала *глобальной войны* . В этот начальный период должно было проясниться главное: имеем ли мы дело с чем-то реальным и реально ужасным, *с первым аккордом нового драматического витка всемирной истории* , или это просто очередная (хотя и грандиозная по масштабам) *манипуляция,* постановка, подделка?

Кровавая инсценировка

Сегодня, спустя год, с полной уверенностью можно сказать, что *финальная битва не состоялась* . Весь ход дальнейших событий — американская операция в Афганистане, поражение талибов и т. д., — показал, что трагедия в Нью-Йорке была не началом войны «бедного юга» против «богатого севера», но чем-то совершено иным. В чем же состоял смысл такой кровавой инсценировки?

Начнем с предполагаемых авторов терактов — Бин-Ладана и представителей радикального ислама. С самого начала и он сам и весь спектр радикального исламизма, которому была инкриминирована вина за произошедшее, вызывали множество вопрос. Дело в том, что радикальный исламизм, влючая «Аль-Каеду» Бин Ладена, был ничем иным, как послушным инструментом геополитических операций США и стран НАТО в исламском мире, и особенно в Афганистане — инструментом, созданным и оснащенный для отстаивания американских интересов: *противодействия влиянию СССР и исламских режимов социалистической ориентации.* Сети исламистов арабского мира, Пакистана и Афганистана не просто курировались США, но создавались и развивались именно как ответвление системы ЦРУ, что объясняет и финансовую поддержку, и свободные визы во все европейские страны и США, и боевую подготовку и оснащение (это дело рук американских инструкторов). Режим талибов, поддерживаемый дружественным США, Пакистаном и признанной верным союзником США на Ближнем Востоке Саудовской Аравией, особенных нареканий со стороны США никогда не вызывал: напротив, он был очень полезен для создания напряжения в Центральной Азии, постоянно держа в напряжении Россию и Иран, которые, по очевидной геополитической логике, поддерживали совместно антиталибский «Северный Альянс». Трудно себе представить, что полностью подконтрольная США политико-террористическая структура столь резко поменяла ориентацию и бросила вызов своему хозяину, которому она обязана всем — деньгами, оружием, политической поддержкой.

Конечно, радикальный исламизм существует и имеет некоторое распространение в исламском мире. Но *его геополитический масштаб довольно ограничен.* Это не более, чем настроение и ориентация, но никак не консолидированная и организованная структура. В большинстве исламских стран организации радикальных исламистов вообще находятся на нелегальном положении. Более того, эти группировки довольно разобщены и рассеяны. Внутренним потенциалом для организации обладают только те из них, которые опираются на конкретный и довольно устойчивый политический режим. Такой случай мы видим лишь в шиитской версии исламизма — ливанской «Хезболла», которая содержится за счет Ирана, но шиитская ориентация резко сокращает потенциал влияния этой группы в исламском мире.

Большинство радикально исламистских групп придерживаются суннизма. Религиозно они вдохновляются учением саудовских ваххабитов, египетских «братьев-мусульман» (запрещены в Египте и большинстве арабских стран), крайних пакистанских сект — таких как «Таблиг», давших начало афганскому движению «Талибан». Но геополитически эти структуры не имеют консолидированных интересов в континентальном, а тем более планетарном масштабе. Более того, страны с наиболее радикальными суннитскими религиозными режимами, теоретически способными служить для террористов некоторой

опорой, являются в политическом плане ближайшими союзниками США, их региональными сателлитами в стратегическом смысле. Дееспособность же этих групп проявляется только тогда, когда в дело вступает дополнительный организационный, военный и финансовый ресурс — ресурс спецслужб Запада (в первую очередь, Англии и США).

Таким образом, радикальный исламизм представляет собой весьма локальное явление, маргинальное не только в общечеловеческом масштабе или, уже, в масштабе «бедного юга», но и в самом исламе, где они занимают довольно периферийное место.

Следует учитывать и одно психологическое обстоятельство: террористические организации исламистского толка могут действовать эффективно только в определенных условиях Третьего мира или малоцивилизованных ареалов: им необходимы дикие места, моральная поддержка местного населения, исламское окружение, широкий оперативный простор. В определенных случаях террор может основываться на психологическом порыве экзальтированных решившихся на крайность фанатичных личностей, действующих в экстремальной обстановке с опорой в основном на личные усилия. Подготовка серьезных и технологически емких операций на территории «западного мира» совершенно не вяжется с психологическим, организационным и технологическим состоянием исламских террористических групп.

Итак, чтобы бросать вызов полюсу глобализма США и начинать гражданскую войну планетарного масштаба, эти силы явно неадекватны.

Даже с большой натяжкой нельзя воспринять их в качестве авангардного отряда тех реальных геополитических сил, которым однополярный американоцентричный глобализм и «новый мировой порядок», действительно, не сулит ничего хорошего. Гораздо больше они годятся в роли жупела, которым США удобно пугать всех остальных и под этим предлогом укреплять свою реальную доминацию.

Итак, мы приходим к выводу, что события 11 сентября 2002 были своего рода провокационным *пародированием начала глобального конфликта* , устроенным, чтобы протестировать реакции основных действующих в мировой политике сил на «театральную» и явно преждевременную инсценировку того, что по самой логике событий когда-то может случиться необратимо и всерьез.

Если бы Бин Ладен на самом деле действовал от имени тех, кому жизненно неприемлем глобализм, — а это включает и Объединенную Европу, и Россию, и Китай, и Индию, и Иран, и исламские страны, и многих других, — то *он просто не совершал бы того, что ему инкриминируется.* Или, по крайней мере, *он никогда не сделал бы этого одиннадцатого сентября 2001 года в Нью-Йорке.*

Теракт такого масштаба — если бы он был началом планетарного конфликта, а не инсценировкой этого начала, должен был сопровождаться *целой последовательностью действий* , разворачивающихся на всех уровнях — политическом, дипломатическом, экономическом, культурном, стратегическом, геополитическом. Но в нашем случае, *ничего подобного не последовало* . Совершенный теракт остался *изолированным фактом.*

Действуя всерьез, террористы продолжили бы цепь терактов, подготовили бы политические шаги в исламских странах, продумали бы стратегию поведения радикальных исламских общин в Европе, США, России и других странах. В ответ на начало операции «Возмездие» в Афганистане они вполне могли бы отравить питьевую воду в Чикаго или Бостоне, взорвать метрополитен в Париже, Лондоне или Москве.

Но на практике никаких действий, сопоставимых с первым актом, не последовало: не последовало вообще *ничего* . Террористы как бы выполнили свое дело и растворились. Истории с «белым порошком» лишь жалкая попытка прикрыть явную неадекватность террористов, в один день осуществляющих грандиозное действо, а потом вдруг не способных продолжить его даже в более скромных пропорциях.

К этой несуразности добавляется новая, указывающая на однозначный характер инсценировки. Если бы теракты отражали геополитические интересы тех сил, которые заинтересованы в том, чтобы на самом деле ограничить американскую гегемонию, то мы

стали бы свидетелями продуманной системы шагов с их стороны, которая, даже не складываясь в единую международную платформу, отражала бы региональные интересы.

Так, Европа должна была бы поднять ажиотаж относительно того, что США, не справляясь со своей собственной безопасностью, не могут далее рассматриваться как гарант стратегической стабильности для северо-атлантического сообщества, и что пора приступить к созданию собственной европейской системы «коллективной безопасности».

Иран, Китай и Индия должны были бы заявить, что в связи со случившемся США стоит пересмотреть свою глобалистскую стратегию, вызывающую столь жесткий протест.

Россия, в свою очередь, получала прекрасную возможность выступить с *евразийским проектом* по переходу от *«монолога цивилизации»* (с которой Запад отождествил свою собственную цивилизацию, молчаливо подразумевая, что других цивилизаций не бывает) к *«диалогу культур»*.

Ничего этого не произошло. Все эти страны оказались совершенно *растерянными* — причем до такой степени, что не только не предприняли активных шагов по повышению своего геополитического статуса, но серьезно потеряли в нем.

Сопоставив акты, мы приходим к однозначному выводу: чудовищные теракты 11 сентября 2002 были грандиозной *провокацией* , а их исполнители, на самом деле, не ставили перед собой никаких фундаментальных исторических целей, не действовали против США, мирового капитализма и глобализма, как могло показаться на первый взгляд.

В результате терактов США одержали ряд сокрушительных побед

Если это не было первым актом цивилизационного столкновения «бедного юга» с «богатым севером», то что это было? Ответ стоит искать по старой классической формуле дознания: *кому выгодно?*

Год спустя мы имеем достаточно информации, чтобы объективно оценить основные результаты теракта 11 сентября 2001 года. Главный вывод: *позиции США и Правительства США в результате событий 11 сентября существенно укрепились во всех смыслах — и в глобальном масштабе, и во внутриполитическом поле.*

Экономика США накануне осени 2001 находилась в очень тяжелом положении. Зазор между фондовым рынком и реальным сектором вырос до критических пропорций, американская экономика была на грани катастрофы. Резкое падение фондового рынка было бы чревато фундаментальным обвалом доллара как мировой резервной валюты, что повлекло бы за собой коллапс всей американской финансовой мощи. Причем любые попытки правительства спасти ситуацию чрезвычайными мерами с привлечением методов госрегулирования настолько обеспокоили бы население (в США каждый третий гражданин является игроком фондовых рынков), что эта мера только ускорила бы крах всей системы.

Теракты 11 сентября оказались удивительно своевременным событием для спасения американской экономической и особенно финансовой системы. Отныне и падение фондовых индексов и чрезвычайные меры Правительства США «по спасению экономики» выглядели *обосновано* . Основные держатели акций в лице крупных экономических субъектов успешно сбросили резко обесценивающиеся бумаги, а рядовые держатели под предлогом «патриотизма» оставили их себе — свято веря в неминуемый подхъем американской системы после того, ка последствия терактов будут ликвидированы. Кроме того, Президент США отныне был свободен открыто поднимать вопрос о дополнительных бюджетных инвестициях в американскую экономику — речь шла о 92 миллиардах долларов, потом эта цифра еще выросла. И снова — это воспринялось бы как признак краха в обыденной ситуации, после теракта же американцы восприняли этот жест как само собой разумеющийся. Буш в то время прямо говорил о «спасении американской экономики», будто причиненные разрушения и сама эта экономика вещи сопоставимые. Но в то время гипертрофированного ажиотажа и психологического шока все несообразности прошли незамеченными.

Как это ни цинично звучит, но *американцы благодаря событиям 11 сентября 2001 года сумели преодолеть критическую точку своего экономического развития, и справиться с неминуемо надвигавшимся кризисом* (или, по меньшей мере, отложить его).

Политически США показали всему миру, что *они остаются планетарным лидером.* С одной стороны, им удалось пережить страшный удар и справиться с ним. С другой стороны, они отныне могли требовать большей лояльности от своих европейских и ближневосточных партнеров — раз США страдают за все атлантическое сообщество, за весь «богатый Север» (и тех, кто на него ориентируется), они вправе требовать в отношении себя отныне *повышенной лояльности.* А тем, кто на «повышение лояльности» не готов, Буш угрожающе обещал быть зачисленным «в лагерь международного терроризма» или сочувствующих ему.

Стратегически США получили *мандат на ответные действия.* Если трезво посмотреть на это, то все будет выглядеть довольно странно, так как авторы терактов не были установлены и не установлены до сих пор. Но психологическая атмосфера, взвинченная США с помощью мировых СМИ, подразумевала право ответного удара. Причем по тому, кого США выбрало бы в качестве объекта возмездия, основываясь только на своем собственном понимании ситуации — без каких-либо санкций или мандатов со стороны международных организаций. *Так США закрепляли однополярный мир.* Выбрав талибов в качестве мишени возмездия, американцы не стали медлить с демонстрацией своей мощи. Последовала Афганская компания. США подтвердили свой стратегический статус легко одолев ту силу, с которой не мог справиться долгие годы «Северный Альянс» вместе с поддерживающими его Россией и Ираном. Более того, трагичный проигрыш затянутой афганской эпопеи в случае СССР выгодно контрастировал с молниеносными успехами американцев. Сложилось впечатление, что «грозные и неумолимые» фанатики-талибы просто организованно рассеялись.

США полностью выиграло ситуацию стратегически, еще раз подтвердив свою планетарную гегемонию и самовластие, а также эффективно продемонстрировало военную мощь.

США выиграли геополитически . В результате позиции обескураженной и колеблющейся России, которую теракты явно застали врасплох, США одним ходом *обеспечили себе стратегические позиции в ключевых регионах Средней Азии* — как в Афганистане (получив контроль над ключевыми точками в случае вероятных конфликтов с Ираном или Россией), так и в СНГ. Одним шагом была реализована задача, которую атлантистские геополитики пытались решить в течение нескольких столетий — *был обретен прочный геополитический контроль над Средней Азией, обеспечено расположение военных баз и политическое присутствие в ключевой зоне Евразии.* Таким образом, американцы получили прямой рычаг для управления российско-иранским партнерством — особенно в *военно-стратегической сфере* , что представляло для стратегов США постоянную головную боль. Не будучи способными разрушить СНГ через политико-экономические формы давления, благодаря афганской операции США добились этого же иным путем, разместив свои военные базы в Узбекистане и Киргизии.

Так как теракты были организованы в тот момент, когда сторонники многополярности (Европа, Россия, Китай, Иран, Индия)*еще не достигли критической стадии консолидации* для того, чтобы выработать и предложить внятную и обоснованную *альтернативу однополярному глобализму* , то фактически США нанесли серьезный и болезненный удар по только нарождающемуся *евразийскому блоку* , отбросив его потенциальных участников на несколько шагов назад. Весьма показательно, что эти геополитические победы США были осуществлены не за счет призрачных «международных террористов», но за счет совсем других народов и стран. В частности, за счет нас. Все связанное с событиями 11 сентября останется тайной. Никакие версии ничего никогда не прояснят. Да, это в принципе уже не важно.

Важнее другое. Единоличная гегемония США в современном мире укрепилась. Глобализм свои позиции усилил. Роль альтернативных Америке геополитических очагов

влияния сокращена. США получили если не надежную платформу для укрепления «нового мирового порядка», то, по меньшей мере, существенную передышку.

Все остальные оказались в проигрыше. Растерянная Россия пассивно наблюдала за происходящим, наивно пытаясь извлечь свои выгоды из не своей игры. Дело усугублялось тем, что это «не своя» игра» велась в значительной степени именно против нее самой, что исключает саму возможность выигрыша. *Сближение с Западом не может не быть эфемерным* — стратеги США руководствуются долгосрочными геополитическими проектами, а не дежурными улыбками лидеров, цена которых весьма относительна.

Европа снова приведена к послушанию, и готова поддержать любые геополитические эскапады США под предлогом сопротивления «международному терроризму» и «исламскому экстремизму». Так довольно легко была найдена замена «советской угрозе» для сохранения натовских структур под единоличным контролем США. Враг получил зримые очертания, и проект создания собственной системы европейской безопасности отложен на неопределенный срок.

Страны исламского мира, в значительной степени, опиравшиеся на США — такие как Пакистан, Саудовская Аравия и Турция — получили жесткий урок: в случае, если они заиграются с локальными исламистскими проектами, им грозит нечто, аналогичное талибам. Исламские страны, критически относящиеся к США и глобализму, отныне получили «черную метку» и недвусмысленно зачислены в разряд очередных жертв «возмездия» по-американски.

Один Китай оказался несколько в стороне от всей этой ситуации, и не усилил и не потерял своих позиций, хотя американские базы в Афганистане и Средней Азии вблизи китайских границ не могут внушать Пекину излишний оптимизм.

Как это ни парадоксально, но в целом *довольно спокойно пережили все происходящее и сами «исламские радикалы»*. С одной стороны, несколько исламистов арестовано и некоторое количество талибов погибло в боях — но общее число жертв не превышает плановых потерь — война в Афганистане ведется уже давно, и число арестованных во всем мире по делу «Аль-Каеды» невелико. Сам Бин Ладен на свободе, периодически дает интервью и выглядит вполне благополучным. Кроме того, «исламскому радикализму» сделан огромный «пиар» в планетарном масштабе.

Резюме: *после терактов 11 сентября 2001 года в проигрыше оказались все, кроме США и «международного терроризма»*. Уже одно это обстоятельство позволяет сделать определенный вывод об их реальных отношениях.

«ИМПЕРИЯ»: ГЛОБАЛЬНАЯ УГРОЗА

«Империя» как интеллектуальный императив

Книгу Антонио Негри и Майкла Хардта «Империя» прочли все, кто позиционирует себя как думающих и ответственных людей. Это, безусловно, бестселлер, и рецензии на него вышли во всех авторитетных мировых изданиях. Но дело не только в этом. Книга Негри и Хардта «Империя» сразу же стала самостоятельным политологическим концептом XXI века так же, как тексты Самуила Хантингтона «Столкновение цивилизаций» и «Конец Истории» Фрэнсиса Фукуямы. Во всех трех случаях речь идет об обобщении основополагающих тенденций развития мировой истории, о содержании и судьбе «нового мирового порядка», об «образе будущего». Лаконичность, афористичность, ответственность и программный характер всех трех текстов делает их интеллектуальными вехами нового глобального мира. Но если Фукуяма оптимист глобального либерального проекта, Хантингтон — пессимист, то Негри и Хардт выступают его идеологическими противниками, признавая, тем не менее, его фундаментальность и историческую обоснованность.

По сути, эти имена — Хантингтон, Фукуяма, Негри — стали на заре нового века

основными вехами интеллектуальных дискуссий, это имена-концепты, и поэтому знакомство с ними является категорическим императивом.

Авторы «Империи»

Антонио Негри из двух авторов этой книги известен гораздо больше: он старинный деятель крайне левого анархо-коммунистического европейского движения. Активно сотрудничал с «Красными Бригадами», считался их идеологом. Он опубликовал много книг и статей, был тесно связан с французскими «гошистами» и «новыми левыми». Биография в данном случае важна: она фундаментализирует позицию автора, удостоверяет серьезность и обоснованность его критики «нового цикла капитализма». Негри за это заплатил. Его соавтор Майкл Хардт менее известен, это философ, академический деятель, профессор, знаток постструктуралистской философии. Скорее всего, ему в данной работе принадлежат историко-философские пассажи, наиболее трудные, впрочем, для читателя. Как бы то ни было, авторы «Империи» жестко позиционируют себя как «критиков», «противников Системы». И обращаются они к таким же, как они — к «обездоленным», «множествам», «бедным», «новому пролетариату», т. е. к эксплуатируемым и угнетаемым «новой капиталистической системы», к тем, кто «лишен наследства» в ней.

Восторженно встреченная левыми книга Негри и Хардта была поспешно окрещена «постмодернистской версией Коммунистического Манифеста». Сами авторы «Империи», видимо, так замышляли свой труд — краткие тезисы антикапиталистической теории в эпоху постмодерна.

Что такое «Империя»?

Понятие «Империя» является ключевым концептом всей книги. В этом понятии выражено представление авторов о качестве новой эпохи, связанной с постиндустриальным обществом и постмодерном. Негри и Хардт стоят целиком и полностью на постмодернистских позициях, считая исчерпанность идеологического, экономического, юридического, философского и социального потенциала «модерна» свершившимся и необратимым фактом. «Модерн» закончился, наступил «постмодерн».

Авторы наследуют в основных чертах марксистскую модель понимания истории как борьбы Труда и Капитала, но убеждены, что в условиях постмодерна и Труд, и Капитал видоизменяется почти до неузнаваемости. Капитал становится настолько всесильным, могущественным и побеждающим, что приобретает глобальные черты, отныне является «всем», тотальным явлением. Он и есть «Империя», которая, по Негри и Хардту, есть очередная (скорее всего, последняя и наивысшая) фаза развития капитализма, характерная тем, что в ней капитализм становится тотальным, глобальным, безграничным и вездесущим.

Труд, бывший на индустриальной стадии качеством промышленного пролетариата, сегодня децентрирован и разлит по нескончаемым единицам тех, кто находится в подчиненной позиции перед лицом вездесущего и утонченного контроля «Империи». Носителем Труда в эпоху постмодерна становится не рабочий класс, но «множество» (multitude). Между «Империей» и «множеством» развертывается основной сценарий противостояния.

В постмодерне все изменилось: по-новому выступает капитал, по-новому труд, по-новому развертывается между ними противостояние. Вместо «дисциплины» капитал использует «контроль», вместо политики — «биополитику», вместо «государства» — планетарные сети. Капитализм в Империи замаскирован, освобожден от тех атрибутов, которые считались существенными в индустриальную эпоху. Растворяется государство-нация, отменяется строгая «иерархия труда», стираются границы, упраздняются межгосударственные войны и т. д. Но все же «Империя» все держит под контролем и продолжает изымать у «множества» продукты его творчества. Этот контроль «Империи»

имеет планетарные формы и одинаково касается всех.

Негри и Хардт настаивают, что «Империя» не имеет ничего общего с «империализмом». Классический «империализм», как он описан у Ленина, есть экспансия буржуазных национальных государств в слаборазвитые экономически страны и зоны. Такой «империализм», приращивая подконтрольные территории, не меняет качества самой метрополии — само буржуазное государства лишь эксплуатирует колонию как нечто «постороннее», «внешнее». Кроме того, «империализм» одного государства неизбежно сталкивается с «империализмом» другого — что мы и видим в драматической истории мировых войн XX века.

«Империя» в постмодернистском смысле это нечто иное. Ее структура такова, что включает любую зону, попавшую под контроль «Империи» в ее состав наряду с другими пространствами. «Империя» децентрирована, она не имеет метрополии и колоний, она заведомо и изначально планетарна и универсальна.

«Империя» не знает никаких границ, она является мировым явлением. Глобализация и есть утверждение «Империи».

При этом «Империя» сохраняет генетическую и историческую связь с «модерном»: она лишь абсолютизирует потенции, заложенные в буржуазной системе изначально, доводит их до логического предела.

«Империя» имеет три уровня контроля одновременно, соответствующие монархической, аристократической и демократической формам правления. Монархии соответствует концентрация «ядерного оружия», домокловым мечом висящего над головой «множества», в едином центре. Аристократия империи представлена владельцами крупных транснациональных корпораций. Демократия подменена планетарным спектаклем, воплощенным в системе масс-медиа.

По мнению Негри и Хардта, «Империя» в отличие от классического капитализма сегодня присваивает не столько «прибавочную стоимость», т. е. результаты «производительного труда», сколько саму «»жизненную энергию» «множества». В новых условиях технического развития грань между производительным, непроизводительным трудам и простым воспроизводством стерта, считают авторы. Эксплуатации сегодня подвергается сама неструктурированная жизненная сила, равномерно разлитая в человеческом коллективе и свободно проявляющаяся в стихии желания, любви и творчества.

Суть «Империи» в коррупции. Коррупция (разрушение) как принцип является прямой противоположностью «генерации» (порождению). «Множество» порождает, «Империя» только коррумпирует. «Империя» есть вечный кризис, она разлагает жизнь, остужает ее кипение, узурпирует для своего функционирования через тонкую систему контроля стремление «множества» к свободе, его желание, его креативность.

Так как умственный труд сегодня играет центральную роль в экономическом развитии, роль средств производства существенно видоизменилась. Главным средством производства становится человеческий мозг, следовательно, машина интегрирована в человеческое тело. С другой стороны, новые технологические средства — компьютерная техника, к примеру — становятся необходимой частью человеческого тела, и в скором будущем смогут быть в него интегрированы. Отсюда теория «киборга» как основного субъекта «Империи». «Киборг», по мнению Негри и Хардта, это такое существо, в котором субъект труда (человек) и орудие труда интегрированы и слиты до неузнаваемости. Поэтому современному капиталу недостаточно собственности над средствами производства, а прямые дисциплинарные инструменты властвования классического полицейско-экономического типа оказываются неэффективными. «Империя» должна контролировать всю сеть, элементами которой являются люди, представители «множества».

Планетарная Америка

Создание «Империи» тесно связано с историей США и их политической системы.

Согласно Негри и Хардту, политическая структура США, федерализм и американская демократия изначально представляли собой матрицу той социально-экономической модели, которая сегодня становится (стала) глобальным явлением. Постмодернистический принцип «Империи» был заведомо заложен в основе американской «политической науки». На этом Негри и Хардт останавливаются подробно.

Томас Джефферсон, авторы журнала «Федералист» и другие идеологические основатели Соединенных Штатов вдохновлялись древней имперской моделью; они верили, что строят на другой стороне Атлантики новую Империю с открытыми, расширяющимися границами, где власть будет создаваться по сетевому принципу. Эта имперская идея выжила и вызрела через историю американской Конституции и сегодня проявила себя в планетарном масштабе в полностью реализованной форме», — пишут авторы.

Важно обратить внимание на понятие «расширяющихся границ». Сам Джефферсон говорил о «расширяющейся империи» (extensive empire).

Вера в универсальность своей системы ценности лежит в основе политической истории Соединенных Штатов.

Негри и Хардт подробно останавливаются на уникальности исторического опыта США, которые сделали именно эту страну матрицей, воспроизводимой сегодня в глобальном масштабе. Европейские державы, двигающиеся в том же направлении «модерна» — с его индивидуализмом, индустриальным и техническим развитием, капитализмом и т. д. — были ограничены своей историей и своим пространством. Их движение к «идеалу» модерна постоянно натыкалось на внутренние социальные, сословные, этнические, экономические преграды, что усугублялось враждебностью и конкуренцией соседних держав. И время, и пространство стран Европы на пути к реализацию проекта Просвещения были ограничены, наполнены преградами. Создатели США как носители европейского проекта в его чистой форме (мессианский протестантизм и либеральная демократия) оказались в радикально ситуации — они действовали с нуля (история осталась в Старом Свете) и на пустом пространстве.

Негри и Хардт уточняют, что северо-американское пространство было, на самом деле, не таким уж пустым — на нем существовала древняя индейская цивилизация. Но энергия колонизаторов и их решимость осуществить лабораторный проект общества «чистого модерна» легко преодолели это препятствие: индейцев приравняли к «недолюдям», к своего рода «природным явлениям», «колючкам», и стали поступать так, как будто их нет (в определенных случаях прибегая к прямому массовому геноциду). В этом логика постмодернистской «Империи»: она способна состояться только на «пустом месте», «с нуля», расширяя свои пределы во всех направлениях.

Когда речь зашла об отвоевании Калифорнии и Нью-Мексики американцы заговорили о «Manifest Destiny», т. е. «явном предназначении», которое состояло в том, чтобы «нести универсальные ценности свободы и прогресса диким народам».

В истории США Негри и Хардт выделяют 4 периода вызревания концепта «Империи».

1. От принятия «Декларации Независимости» до Гражданской войны;

2. т. н. «эпоха Развития» и особенно постепенный переход от «классической» (европейской по типу) империалистической теории Теодора Рузвельта к интернациональному реформизму Вудро Вильсона;

3. от эпохи «New Deal» и Второй мировой войны до середины 60-х XX века (пик холодной войны);

4. от социальных трансформаций США 60-х до распада Восточного блока и СССР.

«Каждая из основополагающих фаз истории развития США представляет собой шаг в сторону реализации Империи», — заключают авторы.

Американская модель внутреннего социально-политического и экономического устройства отражает основные черты постмодерна. И не случайно именно США становятся историческим лидером всего капиталистического мира, оставляя Европу и другие страны далеко позади. США создали общество, в котором «модерн» существует в своем чистом —

почти утопическом — виде, это лабораторная реализация идеала Нового времени, капитализм в его чистейшей стадии. Поэтому «Империя», будучи по определению планетарной и сетевой генетически связана с США. По сути США есть ее генетическая матрица.

Негри и Хардт подчеркивают тесную взаимосвязь политических основ США с идеей «экспансии» и «открытых границ». США не могут не расширять своего контроля, так как представление об «открытых границах» и «универсальности» собственных ценностей является важнейшей чертой всей системы. Когда собственно северо-американское пространство был освоено, власти США были поставлены перед серьезной дилеммой: либо действовать как империалистическое государство (линия Рузвельта и правых республиканцев), либо — и здесь самое интересное! — рассматривать мир как «пустое место», подлежащее интеграции в единую структуру сетевой власти (эти идеи были сформулированы президентом Вудро Вильсоном и поддерживаются демократической партией). Планетарная сетевая власть не ставит перед собой задачи прямого колониального завоевания — просто различные зоны включаются в общую систему ядерной безопасности, в систему свободного рынка и беспрепятственной циркуляции информации. В таком случае «Империя» не борется с «другим», не переламывает иную систему ценностей, не подавляет сопротивление, не переделывает и не перевоспитывает «побежденного», но поступает с ним как с «индейцами» — «вежливо игнорирует» их особенность, качество, отличие. «Через инструмент полного невежества относительно особенностей национальных, этнических, религиозных и социальных структур народов мира «Империя» легко включает их в себя». Империалистический подход модерна унижал противника (колонизируемые народы), но все же признавал факт его существования. Постмодернистская Империя безразлична даже к этому факту, она не уделяет ему внимание: все пространство планеты является открытым пространством, и выбор «Империи» (ядерная мощь, свободный рынок и глобальные СМИ) представляется само собой разумеющимся. Чтобы включить страну, народ, территорию в рамки «Империи», их не надо завоевывать или убеждать, им надо просто продемонстрировать, что они уже внутри «Империи», которая самоочевидна, глобальна, актуальна и безальтернативна.

Роль США в создании «Империи» двойственна. С одной стороны, «Империя» созидается США и основывается на их матрице. Этому способствует и то, что основы национальной политики США с момента основания точно совпадают с той моделью, которая отныне утверждается как нечто планетарное. Но «Империя» вместе с тем и преодолевает национальные американские рамки, выходя за пределы «классического империализма». США укрепляются как проект, расширяясь далеко за рамки национального государства. Америка перерастает Америку, становится планетарной.

Весь мир становится глобальной Америкой. И здесь можно наметить тему (не освященную авторами «Империи») о противоречиях в американском истеблишменте между сторонниками «империализма» и «Империи» в новейших условиях (жесткость этих противоречий особенно обнаружилась в период правления Президента Буша-младшего).

Восстание «большинства»

Что противопоставляют Негри и Хардт «Империи»? Как предлагают бороться с ней?

Их предложение можно разбить на две составляющие. Вслед за другими «новыми левыми» — Бодрийяром, Делезом и т. д. — они совершенно справедливо утверждают, что характер изменений, запечатленных в эпохе постмодерна, необратим и объективен. «Империя» и ее могущество не случайны, не произвольны. Они обусловлены логикой развития человечества. Это не девиация прогресса, но его кульминация. Западноевропейское человечество, двигаясь по траектории своего философского, социального, экономического и политического развития, не могло не прийти к Просвещению, капитализму, империализму, и, наконец, постмодерну и «Империи». Следовательно, «конец истории» в глобальном рынке

вполне закономерен, вытекает из самой структуры истории. Тех, кто ужасается чудовищным горизонтам тотального планетарного контроля и новым формам эксплуатации, Негри и Хардт советуют обратить внимание на настоящее и прошлое: можно подумать, что капитализм был более гуманным и справедливым на иных стадиях. Главный вывод: «Империи» избежать нельзя, затормозить ее становление, укрыться в «локальном» невозможно. Буржуазные государства-нации не являются альтернативой «Империи», они просто ее предшествующие стадии. Следовательно, противники «Империи» должны распроститься с привычными клише, отбросить устаревшие концептуальные инструменты и расстаться с ностальгией. Мутация модерна в постмодерн, а также качественное видоизменение Труда и Капитала, это свершившийся факт, с которым нельзя не считаться. «Империя» — это реальность. В этом смысле, с Негри и Хардтом едва ли можно спорить, даже если они немного забегают вперед. Не сегодня, так завтра.

Но в отношении позитивной альтернативы авторы намного скромнее. Она описана крайне приблизительно и вопросительно, и сами авторы постоянно делают оговорки, что пока не знают ответа. По их мнению, аналогом рабочего класса как объекта эксплуатации и субъекта революции в классическом марксизме, сегодня являются просто люди — «большинство». Так как в условиях технического развития и глобализации капитала разница между производительным и непроизводительным трудом стерта, то трудом следует признать саму жизнь, и ее телесные мотивации — желание, воспроизводство, креативность, случайные влечения. Разница между работой и отдыхом, полезным и бесполезным, делом и развлечением постепенно исчезает: остается только живые люди перед лицом коррупционной системы. «Множество» само и есть сегодня Труд. А «Империя» — капитал.

Методы борьбы против «Империи» Негри и Хардт предлагают совсем уж смешные: отказ от последних половых табу, креативная разработка эпатажных образов, пирсинг, ирокез, транссексуальные операции, культивация миграций, космополитизма, требование от «Империи» оплаты не труда, но простого существования каждого гражданина земли, а гражданами земли должно стать все «множество». Сами авторы «Империи» показывают, что позиция «множества» в условиях постмодерна по сути совпадает с «Империей» — именно «Империя» дает «множеству» быть самим собой, она эксплуатирует «множество», с одной стороны, но и учреждает, поддерживает его, способствует его дальнейшему освобождению — с другой. В «Империи» «множество» находит, таким образом, многие положительные черты, «возможности», которые оно призвано использовать для своих интересов. Авторы в качестве параллели такому повороту мысли приводят отношение самого Маркса к капитализму. Маркс признавал его прогрессивность по отношению к феодальному и рабовладельческому строю, но вместе с тем выступал от имени пролетариата как его самый непримиримый противник. Так и Негри и Хардт относятся к «Империи»: они показывают ее «прогрессивные» стороны по отношению к классическому индустриальному капитализму, но полагают, что она несет в себе свой собственный конец.

Одним словом, их проект сводится к тому, чтобы не тормозить «Империю», но, напротив, подталкивать ее вперед, чтобы быстрее оказаться свидетелем и участником ее финальной трансформации. Эта трансформация возможна через новое самосознание и самочувствие, через обретение нового онтологического, антропологического и правового статуса жизненным и созидательным хаосом раскрепощенных мировых толп, «большинства», которое призвано ускользнуть от тонкой и жесткой коррупционной хватки планетарной «Империи».

Мир, где нас нет

Для россиянина знакомство с такими трудами, как «Империя» Негри и Хардта (равно как и текстами Хантингтона, Фукуямы, Бжезинского, Волфовица и т. д.), подобно освежающему душу. Это оздоровительное, терапевтическое чтение. Когда мы читаем о мире, который то ли уже состоялся, то ли вот-вот состоится, нас одолевает здоровая оторопь.

Постойте, постойте, о чем это они? А мы? А как же мы? А наши проблемы?

Да, действительно, ответственная мировая мысль, озабоченная реальными и весомыми процессами, все чаще забывает делать реверансы в сторону «локальных» жителей, погруженных в свои частные проблемы, обдумывающих аксиомы прошлых эпох, оперирующих терминами, утратившими всякое соответствие с исторической реальностью. Авторы «Империи» уделяют СССР несколько строк, название России вообще не упоминается. Противников «Империи» мы отныне не интересуем. Еще менее интересуем мы ее апологетов.

А между тем на глазах вырастающий глобальный мир — это совершенно реально и всерьез. И, как справедливо показывают Негри и Хардт, этот мир создается «как бы на пустом месте». «Локальности», «особенности», «национальная, этническая, культурная» самобытность — все это в нем вежливо игнорируется, либо рассматривается как фольклор, либо помещается в резервацию, либо, увы, подвергается прямому геноциду. «Империя» создается на пустом пространстве, в ее сеть включаются только те, кто ею же и постулируются. Иными словами, «Империя» не имеет дело с государствами и народами, она предварительно крошит их до качественного «множества», а потом включает в потоки миграции. Апологеты «Империи» пытаются упорядочить миграцию, ее противники — такие как Негри и Хардт — сделать абсолютно свободной. Но русскому человеку и то и другое в целом малосимпатично…

Мы как-то постепенно, не отдавая сами себе в этом отчета, оказываемся в совершенно новом для нас пространстве и в совершенно новом времени. В «Империи» киборги не фантастика, а реальность новой антропологии, мировое правительство — не конспирологический миф, но общепризнанный правовой институт и т. д.

«Империя» приходит не извне, она прорастает сквозь, она обнаруживает свои сетевые узлы сама собой, и постепенно мы интеллектуально, информационно, экономически, юридически, психологически оказываемся интегрированными в нее. Но эта интеграция означает полную утрату идентичности. Об этом Негри и Хардт говорят вполне определенно, что проект «Империи» означает постепенную утрату этнической, социальной, культурной, расовой, религиозной идентичности. По их мнению, «Империя» способствует этому процессу недостаточно быстро, «революционный проект» требует еще более ускоренного превращения «народов» и «наций» в количественное космополитическое большинство. Но даже если отвлечься от такой «революционной» позиции, сама «Империя» основана на том, что не признает никакого политического суверенитета ни за какой коллективной сущностью — будто этнос, класс, народ или нация. На то она и «Империя», чтобы постулировать тотальность и вездесущесть своей власти.

В тоже время Негри и Хардт с какой-то фатальностью правы в том, что простая ностальгия ни к чему не приведет. Да, сегодня мы, русские, живем в России. Пока еще русские, пока еще в России. Сколько еще это продлится?

«Империя», однако, уже здесь. Здесь и сейчас. Ее сети пронизывают наше общество, ее лучи нас регулярно сканируют, ее передатчики планомерно и непрерывно ведут свое вещание.

Революционный проект Негри и Хардта, их альтернатива, их отказ нам явно не подходят. Нам нужен иной отказ — Великий Отказ, нам нужная иная альтернатива — могучая и серьезная. Соответствующая нашему духу и нашим просторам. Нам нужна ни больше ни меньше как Иная Империя. Своя. Без нее нам не нужно ничего… Совсем, совсем, ничего…

«ИМПЕРОСТРОИТЕЛИ ЗЛА»

Заговор «неоконсов»

В 90-е годы XX столетия в США все чаще стали говорить о «заговоре неоконсов» — «neo-cons conspiracy». Выражение «neocons» расшифровывается как «neo-conservatives» (дословно, «новые консерваторы»). Влияние этой довольно малочисленной и весьма специфической группы интеллектуалов, в большинстве случае еврейского происхождения, стремительно выросло в последнее десятилетия: они сосредоточили в своих руках почти полный контроль над американской внешней и внутренней политикой.

Идеологическая платформа этой группы была весьма специфической, отличаясь от программ как традиционных республиканцев, так и демократов США. Выборы президентом Джорджа Буша-младшего, и особенно его переизбрание на второй срок в 2004 году, ознаменовали настоящий триумф этого think tank, так как его представители заняли ключевые посты в американской администрации и сумели превратить свой интеллектуальный ресурс во властный. Взлет «неоконсов» был для многих настолько неожиданным и необъяснимым, что, естественно, породил множество конспирологических версий. «Неоконсы» отлично соответствовали роли классических заговорщиков из конспирологических мифов — довольно закрытая и малочисленная группа интеллектуалов с весьма экзотическим и одновременно радикальным мировоззрением внезапно получает почти единоличное влияние над единственной сверхдержавой (гипердержавой), — США, — оставшейся после окончания «холодной войны» безальтернативной планетарной силой.

Заговору «неоконсов» было посвящено множество статей и расследований. Самыми скрупулезными и документированными из них можно назвать книги американской исследовательницы Шадья Дрьюри и цикл статей журналиста «Нью-Йорк таймс» Сеймура Хирша. Из их текстов можно вывести довольно полную картину становления идеологии «неоконсов» в исторической перспективе. С именем одного из ведущих «неоконсов» Пола Вулфовица связано устойчивое словосочетание «Wolfowitz cabal», дословно означающее «заговорщики Вулфовица».

Вначале был Лео Штросс

Идейной основой «неоконсов» является учение немецкого философа Лео Штросса (Leo Strauss) — в этом сходятся между собой как сами «неоконсы», признающие его отцом-основателем своих идей, так и их противники, часто выбирающие фигуру этого мыслителя в качестве главной цели своих разоблачений и демонстрации опасных и сомнительных связей означенного think tank’а с дискредитировавшими себя политическими явлениями — германским нацизмом и советским коммунизмом. Действительно, влияние на «неоконсов» Лео Штросса настолько велико, что, играя словами, некоторые политологи стали называть их «лео-консами» — по имени Лео Штросса.

Лео Штросс (1899–1973) родился в Германии и его становление проходило в контексте новаторских поисков немецкой философии начала XX века. Будучи евреем, он эмигрировал из Третьего Райха в 1934 году, переехал в Европу, а вскоре окончательно обосновался в США, где получил место профессора политической философии в Чикагском университете, в котором он преподавал до конца своих дней. Генезис идей «крестного отца» современных американских «неоконсерваторов» весьма оригинален. В основе их лежит глубочайшее влияние трех авторов — Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера и Карла Шмитта. Эти авторы являются фундаментальными фигурами для философско-политического течения Консервативной Революции, которое, в свою очередь, существенно повлияло на идеологию германского национал-социализма. Конечно, интеллектуальные интуиции и экзистенциально-онтологические методологии этих классиков современной философии были предельно вульгаризированы и извращены нацизмом, соединены в нем с чуждыми «биорасистскими» темами, но, тем не менее, определенная близость — и концептуальная и историческая — очевидна. Национал-социализм был карикатурой на Консервативную революцию, а это означает и определенное сходство и существенные различия. И Хайдеггер и Шмитт (равно как и другие консервативные революционеры — Эрнст и Фридрих Юнгеры,

Фридрих Хильшер, Отмар Шпанн и т. д.) были при Гитлере в «оппозиции справа», но на первом этапе более широкого течения национального германского возрождения они играли очень большую — если не решающую — роль. Сам Лео Штросс был близок к Карлу Шмитту, крупнейшему современному философу и юристу, сотрудничавшему с нацистами, и именно Шмитт помог Штроссу выехать в Европу и получить на это официальный университетский грант.

От Ницше, Хайдеггера и Шмитта Лео Штросс заимствовал основные силовые линии своей философии. — От Ницше он воспринял принцип деления людей на «высших» и «низших», а также различие двух типов морали — «морали господ» и «морали рабов». Кроме того, вслед за Ницше он утверждал, что воля к власти является базовым инстинктом политического поведения человека, а власть есть высшая и самодостаточная стихия. При этом он так же, как и Ницше, релятивизировал метафизику; для него экзистенциальная жизненная стихия власти была первична, а ценности, которыми она прикрывается — вторичными.

Хайдеггер оказал на Штросса влияние в области критики «современного мира» как продукта «удаления Священного», как утраты онтологической связи с бытием. Штросс рассматривал современный мир пессимистически, повторяя хайдеггеровскую критику. Хайдеггер считал, что высшая истина и ее познания доступны только особому типу людей — философам и поэтам, тогда как обычные люди способны созерцать только тени и довольствоваться механически сформированными искусственными и навязанными извне представлениями — т. н. «картиной мира». Штросс взял из такого подхода мотив недоступности истины для широких масс и идею элитарного, закрытого характера знания. Вместе с тем, Штросса заботило сопоставление «традиционного общества» с «современным обществом» с точки зрения их парадигм, при котором обе модели рассматривались бы в структурном, а не в историцистском подходе. У каждой системы есть своя четкая логика, варьируется только модель соотнесения властвующей элиты с массами и идейное и ценностное обеспечение этого властвования, — считал Штросс. В «традиционном обществе» элиты управляют массами через мифы, в которые сами не верят. В современном обществе в дело идут теории «рационального выбора» и «демократии», которые, по Штроссу, есть ничто иное, как «современные мифы», в которые современные элиты верят так же мало, как элиты древности в существование богов и чудес. Все сводится лишь к оформлению господства.

Карл Шмитт, самый близкий к Штроссу в личном отношении мыслитель, придерживался крайне консервативных взглядов, был убежден в преимуществах иерархических обществ, а политику определял через пару «друг — враг». Концепция «врага» является сущностью политики, и любое политическое самоопределение начинается именно с выяснения того, «кто является врагом». Такой подход ведет к «философии войны», где враг предстает не просто негативной категорией, но помогает сформировать идентичность самой политической силы и ее «друзей». Эту техническую модель «друг — враг» как основу Политического Штросс полностью позаимствовал у Карла Шмитта.

Этот идейный портрет дает нам почти классического консервативного революционера, которым Лео Штросс до определенного момента и являлся, разделяя, вместе с остальными философами этого направления, мечту об элитаризме, критику Веймарской демократии, веру в избранный и закрытый характер знаний — в своего рода «гносеологический эзотеризм». Такое настроение ума и состояние духа было вполне характерно для континентальной консервативной европейской элиты, относительно симпатизировавшей и фашизм и социализму, с брезгливостью отбрасывающей лишь тоталитарные и искажено вульгаризированные аспекты соответствующих мировоззрений. К этому направлению в 20-30-е в Европе принадлежали несколько сотен виднейших интеллектуалов, которые в основном и определили лицо философии и культуры XX века. Среди них идеи Лео Штросса не представляют собой ничего особенного и вполне могли бы затеряться, не отличаясь ни особенной оригинальностью, ни особой новизной — добротная компиляция консервативно-революционных тем с некоторыми вполне допустимыми отклонениями в

индивидуалистическом ключе, не более того.

Однако фундаментальным для судьбы Штросса и его идей явилось перемещение в США, в американский политико-культурный контекст. Если европейский консерватизм представлял собой довольно широкое и глубоко укорененное явление, проступающее сквозь все этапы либерализации и демократизации европейских обществ, то американское общество, выстроенное с нуля по лабораторным либерально-демократическим выкройкам, не имело для этого никаких предпосылок и его консервативным фундаментом, его идейным базисом являлись именно современные либерально-демократические, антиэлитарные по сути теории и идеалы, в которые американцы — как простые, так и посвященные — свято верили. Иными словами, Лео Штросс оказался в Чикагском университете в интеллектуальной среде принципиально противоположной по всем параметрам и установкам той, в которой проходило его становление. И тут происходит самое главное — фундаментальный сдвиг, который и объясняет нам позднейшее явление американского неоконсерватизма. Лео Штросс предпринимает попытку синтезировать политическую философию европейской Консервативной Революции (под влиянием Штросса американский неоконсерватор Ньют Гринвич позже напишет программный текст с названием «Консервативная революция») с доминирующей в США системой ценностей. Продуктом этого синтеза и является «штроссианство».

«Штроссианство»

Политическая философия Лео Штросса, которую он преподавал в течение десятилетий своим ученикам, сформировавшим позже ядро «неоконсов», имеет, таким образом, две составляющие — радикальный аристократизм и критический элитизм европейского толка, сопровождаемый воинственным духом господства, империализмом и симпатией к философии войны (условно «фашистский» компонент) и американский либерализм, ценности демократии, а также атеизм, прагматизм и рационализм в выборе средств («либерально-демократический» компонент). Можно сказать, что «штроссианство» — это сочетание высокоинтеллектуального элитарного европейского фашизма с американскими ценностями и глобальными историческими ориентирами. Трудно сказать, чего в этом учении больше — его сторонники и противники ставят здесь различные оценки. Сторонники (самые откровенные из них — такие как «неоконс» Макл Лидин) готовы согласиться, что это напоминает «фашизм», поставленный на службу «антифашистским», «либерально-демократическим», т. е. типично американским целям. Противники «неоконсов» — в первую очередь, американские демократы — видят в этом, напротив, предательство американской мечты и узурпацию американских ценностей группой элитистов-заговорщиков, которые подчиняют американские интересы антидемократической фашистской хунте, проникшей в руководство страны и втягивающей ее в самоубийственные империалистический авантюры. Штросс, особое внимание уделявший Платону и его модели «идеального государства», в котором высшая власть принадлежит философам (они правят над воинами, а внизу находятся бессмысленные и невежественные массы), настаивал на том, что истина и знание — это удел совсем узкой элиты, способной вынести бремя нигилизма. Сам Лео Штросс был убежден, что никакого бытия, блага, гармонии, никакого Бога и никаких богов не существует, а есть только чистое ничто, созерцаемое избранными философами, способными вынести его уничтожающее присутствие. В этом он развивает своеобразно понятую метафизику Хайдеггера, внимательно изучавшего проблему «ничто». Высшее знание, по Л.Штроссу, — это знание о ложности всех ценностей.

В этом, безусловно, состоит фундаментальное отклонение от классической философии европейских консервативных революционеров, которые, будучи элитаристами, сохраняли верность онтологии, т. е. бытию и истине, хотя путь к ним виделся для них сложным и парадоксальным. Ницше учил о сверхчеловеке и вечном возвращении. Хайдеггер ожидал возвращения новых богов, а Карл Шмитт был последовательным католиком. В этом

принципиальное отличие Штросса: он убежден, что древние философы имели «скрытую повестку дня» (hidden agenda), смыслом которой было признание полного агностицизма, своего рода абсолютный нигилизм. Соответственно, философия ценностей и учение о бытии и этике были для них сознательным и необходимом обманом воинов и масс. В этом оригинальность Штросса и «штроссианства» — он убежден, что высшим секретом философов был тезис о том, что по большому счету «ничего нет», о чем учил софист Горгий из Абдер (откуда вышли все основные скептики и парадоксалисты древности). Отсюда следует, что любая оформленная философия и особенно политическая философия есть откровенная ложь, созданная посвященными для непосвященных.

В этом проявляется определенная американская черта, отражающая безысторичность и искусственность американской общественной системы — отсюда прагматизм, релятивизм, индивидуалистический произвол и онтологический нигилизм, типичные для США.

Исходя из нигилистической онтологии все остальные темы Консервативной Революции приобретают иное значение: это более не реальные консервативные ценности (империи, морали, этики, религии, государства, мощи, национальной миссии и т. д.), в которые искренне верили европейские консервативные революционеры, но прагматические лозунги, полезные «мифы» для мобилизации и организации «масс». И даже когда Штросс формально дублирует шмиттовскую модель политики («друг-враг»), или хайдегеровскую критику современного мира, он вкладывает в это совершенно иное значение. Он выхолащивает из них содержание, превращает в прагматические концепты, использует их для достижения конкретных целей — совсем в духе неомаккиавелистского анализа Парето. Так «штроссианство» действительно становится оригинальным философским учением: это элитистский фашизм, лишенный европейской онтологической сущности, фашизм без фашизма. Штросс считает, что демократия, либерализм и индивидуализм вещи позитивные (европейские консервативные революционеры так, кстати, не думали), но они доступны только для посвященных, для избранных; будучи же переданными массам, которые их не поймут и извратят, они утратят свой смысл. Штросс выделяет своеобразную нео-аристократическую «эзотерическую» прослойку, которая понимает смысл демократии и либерализма, но управляет массами с помощью мобилизующих искусственно сконструированных мифов — мессианского и даже националистического толка, т. е. с помощью лжи.

Сам Лео Штросс делил своих учеников на три категории: философы, воины и все остальные. Первых он посвящал в свой онтологический нигилизм и обучал философии и политической философии как искусству лжи. Вторым внушал агрессивные ценности воли, мессианства и патриотизма. А третьим предлагал второстепенные и малозначимые упрощенные схемы.

Штроссианцы в американском руководстве

Костяк современных американских неоконсерваторов составили именно ученики Лео Штросса из числа «философов» и «воинов». Штроссианство для них является той идейной базой, методологической системой и ценностной шкалой, которая определяет основные параметры их политической программы — отношения к внешнеполитическим и внутриполитическим проблемам, их повестку дня, которая в течение 90-х годов прошлого века стала практически официальной программой Вашингтона, а сами штроссиансские кадры — основой правящей республиканской элиты. Самым известным и «посвященным» учеником Лео Штросса был профессор Алан Блум, автор нашумевшей книги «Закрытость американского сознания». Так же, как и Штросс, Блум занимался интерпретацией Платона и древне-греческих авторов в весьма своеобразном (парадоксалистски-нигилистическом) ключе. Так, по мнению Блума, главным героем платоновских диалогов был не Сократ, а софист Трасимах, провозглашающий такие «истины»: «Тот, кто совершает несправедливость по отношению к другим, приобретает пользу для себя, а тот, кто поступает с другими

справедливо, тот наносит себе вред» (Платон, Государство, I, 343c). *Но если все будут действовать в отношении других несправедливо, каждый приобретет пользу, и будет достигнуто всеобщее процветание.* Такого рода мудрость есть общее место англосаксонского либерализма и прагматизма с их ставкой на индивидуализм и эгоизм каждого в отдельности как «кратчайшего пути к всеобщему благосостоянию». Иными словами последним секретом философии, известной испокон веков посвященным, был, оказывается, вульгарный либеральный индивидуализм, а все остальное — лишь прикрытие.

Алан Блум был учителем такого последовательного апологета неоконсерватизма как Пол Вулфовиц, одного из самых радикальных — вместе с Ричардом Перлом, Дугласом Фейтом и Льюисом «Скутором» Либби — американских ястребов администрации Буша.

Наряду с Блумом, прямыми учениками и последователями Штросса были и «неоконсы» первой волны — Норманн Подгоретц (главный редактор журналов «Комментари»), Самуэль Хантингтон (известный консервативный политолог Олинского университета), Сеймур Мартин Липсет, Джейн Киркпатрик, Джеймс К.Уилсон, Ирвинг Кристол и Дэниэл Белл (два последних основали влиятельную газету «Паблик Интрист», а позже «Нэйншнл Интрист»).

Вообще, большинство политических деятелей и влиятельных интеллектуалов эпохи 90-х принадлежали к «штроссианской» школе. Исследовательница «штроссианства» Шадья Дрьюри в своих книгах «Политическая философия Лео Штросса» и «Лео Штросс и американские правые» приводит доказательства принадлежности к этом идейному течению целого ряда персонажей американской администрации. Среди них: Дональд Рамсфильд (министр обороны США при Буше-младшем), Дик Чейни (вице-президент США), Джон Болтон (подсекретарь США по контролю над вооружениями и международной безопасности), Пол Вулфовиц (подсекретарь США по обороне), Дуглас Фейт (подсекретарь по политическим вопросам), Ричард Перл (председатель департамента Пентагона по безопасности), Льюис Либби (советник по национальной безопасности Дика Чейни) и Элиот Абрамс (президент совета по национальной безопасности в юго-восточной Азии, Ближнем Востоке и Северной Африке), Роберт Кэйген (основатель вместе с Уильямом Кристолом проекта «Нового американского века», работал в бюро Госдепартамента США по межамериканским вопросам), Майкл Лидин (советник Карла Роува и Александра Хейга, основатель «Американского института предпринимательства», близкий Ричарду Перлу), Уильям Кристол (сын Ирвинга Кристола, основатель вместе с Р. Кейгэном Проекта «Нового Американского Века»), Марк Гафни (глава Центра политической безопасности), Абрам Шульски (руководитель службы Безопасности Пентагона), Кларенс Томас (судья Высшего Суда США), Джон Эшкрофт (генерал-адвокат), Фрэнсис Фукуяма (политолог, советник по биоэтике Администрации Президента), Роберт Борк (судья), Уильям Бакли (издатель «Нэйншнл Ривью»), Алан Киз (советник в администрации Рейгана), Уильям Галстон (советник по внутренней политике президента Клинтона) и многие другие.

Этими персонажами и другими неоконсами созданы или инфильтрованы следующие think tank'и и институты:

«Проект за Новый американский век» (Project for the New American Century PNAC), призванный «обеспечить Америке глобальное лидерство»;

«Американский институт предпринимательства» (American Enterprise Institute — AEI), основанный в 1943 в последние десятилетия стал кузницей неконсервативных кадров;

«Еврейский институт вопросов национальной безопасности» (Jewish Intitute for National Security Affairs (JINSA), ставящей своей главной целью «объяснить широкой публике, что вопросы национальной безопасности США и Израиля полностью совпадают»;

«Центр за политическую безопасность» (Center for Security Policy — CSP), чья задача «способствовать всеобщему миру на основе американского могущества»;

«Хадсонский институт» (The Hudson Institute), *«Институт высших стратегических и политических исследований»* (The Institute for Advanced Strategic and Political Studies), *«Центр этики и публичной политики»* (Ethics and Public Policy Center), *«Фонд защиты демократии»* (The Foundation for the Defense of Democracies) и многие другие более мелкие

организации.

«Неоконсы» имеют целую галактику своих изданий и полосы в центральных американских газетах, часть которых проплачена американским медиамагнатом Рупертом Мэрдоком. Так, им принадлежат: «Комментарии» (Commentary), старейший неоконсервативный журнал, Нэйшнл Ривью (National Review), являвшийся одним из главных антикоммунистических изданий США, «Уикли стэндард» (The Weekly Standard), пропагандирующий с 1995 года «прелести американской империи», «Нью Рипаблик» (The New Republic), бывший левый и просоветский журнал, поменявший свою ориентацию на прямо противоположную при Рейгане, «Нэйшнл Интрист» (The National Interest), основанный в 1985 Ирвингом Кристолом и являющийся медиаплатформой для наиболее влиятельных неоконсервативных теоретиков — Миджа Дектера, Самуила Хантингтона, Чарльза Краутхаммера, Ричарда Перла и Дэниэла Пайпса, «Паблик Интрист» (The Public Interest), также основанный Ирвингом Кристолом вместе с Дэниэлом Беллом в 1965, и многие другие.

Троцкистское прошлое

Первое поколение неоконсерваторов — в частности, отец-основатель движения Норманн Подгоретц — состояло из политиков, бесконечно далеких от какого бы то ни было консерватизма. В подавляющем большинстве это были крайне левые еврейские интеллектуалы-экстремисты, входившие в состав троцкистского движения. Они вдохновлялись марксизмом, критиковали капитализм и занимали ультрамаргинальные позиции далеко за пределом левого фланга демократической партии. По вопросам буржуазных моральных ценностей, национализма или религии, а также частной собственности троцкисты — как и другие коммунисты — занимали крайне отрицательные позиции; для них все это было не более, чем «лживыми буржуазными мифами». Возникает закономерный вопрос: как люди с таким мышлением могли прийти к воспеванию либерализма, священной частной собственности, моральных ценностей, американской империи и крайнего национализма? Ответ следует искать снова в теориях Лео Штросса: для философов, в его понимании, также не существует никаких ценностей, для них важна власть, а все «мифы» и «идеи» являются лишь полезным прагматическим инструментом для одурачивания и мобилизации масс. Для самих троцкистов, разбитых на мелкие, враждующие друг с другом группки, давно стала нормой тактика «энтризма», вступления в более крупные, как правило, левые политические организации и партии, чтобы использовать их как потенциал для своих целей. В Лео Штроссе наиболее циничные из них обнаружили замечательное обоснование для крайних форм оппортунизма — в борьбе за власть и влияние можно было инфильтровываться не только в близкие, хотя и более умеренные идейно политические организации, но и в совершенно чуждые — «власть оправдывает все».

Далее, определенную роль сыграло еврейское происхождение — по странной случайности практически все крупные фигуры неоконсерваторов (за исключением Дональда Рамсфильда и Дика Чейни) этнические евреи. (Некоторые американские критики в шутку расшифровывают аббревиатуру «neo-cons» так: «cons» for «conservatives», «neo-» for «jews»: «конс» — значит, консерваторы, а «нео» значит, евреи). Создание государства Израиль мобилизовало патриотические чувства евреев безотносительно их политической ориентации, а раз США были гарантами безопасности нового государства и главной внешней опорой, то американское еврейство отодвинуло на второй план политические разногласия и инвестировало свой интеллектуальный потенциал в поддержку и укрепление той державы, от которой зависело существование и развитие Израиля. При этом либерально-капиталистический и протестантско-мессианский характер американского общества и империалистический стиль его политики был расценен как нечто второстепенное. Важна была лишь поддержка Израиля. Этот момент был решающим в эволюции предшественников современных неоконсерваторов. Раз США помогает Израилю,

надо бороться за укрепление США перед лицом его противников и ратовать в том числе и за увеличение военного бюджета.

И, наконец, третьей составляющей эволюции американских троцкистов в неоконсерваторов была традиционная для троцкизма ненависть к Сталину и СССР. Сам Лев Троцкий был, безусловно, убежденным марксистом и творцом большевистской революции. Но для него личная обида на Сталина и идейные разногласия с ним оказались выше идеологических противоречий с мировым капитализмом. Так, антисталинизм и антисоветизм затмил для западных троцкистов все остальные соображения, и для борьбы с советизмом и просоветскими коммунистическими движениями и партиями троцкисты были готовы пойти на альянс с кем угодно — хоть с самим дьяволом. Между двух врагов — сталинизм (т. е. просоветский коммунизм) и капитализм — они изначально выбрали в союзники капитализм, став, по сути, пятой колонной в рабочем движении всего мира — как в Америке, так и в Европе, а также в странах Третьего мира. Марксистской риторикой они старались привлечь к себе радикальные левые политические силы, но лишь с тем, чтобы оторвать их от общекоммунистического фронта и сделать косвенно проводниками американской стратегии. Показательно, что это уже после холодной войны в Европе эти антисоветские коммунисты троцкистского толка стали не умеренными социал-демократами — как этого можно было бы ожидать, но радикальными либералами и ярыми поборниками ультралиберализма проамериканского толка. Показателен в этом смысле пример португальца Барросо, который является сегодня главой Евросоюза — в юности он был крайне левым троцкистом экстремистского толка, в оппозиции как просоветским коммунистам, так и европейской социал-демократии, а в 80-е и 90-е годы оказался в лагере ультралибералов жестко проамериканской ориентации, сохранив при этом неприязнь к европеизму социал-демократического толка.

Показательно, что уже в 1947 видный американский троцкист Джеймс Бернэм написал программную книгу «Битва за мир», в которой защищал американские ценности, и на основе макиндеровской геополитики отстаивал необходимость массированной планетарной борьбы против СССР. Именно он был одним из теоретиков «идеологической войны» с социалистическим лагерем и основателем «Конгресса за культурную свободу».

Из этой же среды вышел Норманн Подгоретц, троцкист и активист еврейских национальных организаций (в частности «Американского еврейского комитета»), который радикально порвал с другими левыми в 60-е годы, публично заявив, что «контр-культура хиппи и пацифизма, психоделики и молодежного коммунизма и мультикультурализма ослабляют США и на этом основании должны быть отброшены». В борьбе против левого нонконформизма внутри США, против СССР, социалистического лагеря и просоветских форм коммунизма, а также против нерешительной социал-демократической Европы, балансирующей между США и СССР, еврейские троцкисты сомкнулись с традиционными консервативными либералами, образовав тот неоконсервативный синтез, который стал основной чертой современной американской политики.

Троцкистское наследие в рамках неоконсерватизма сохранилось в виде внутреннего ценностного нигилизма («философы» Лео Штросса), циничного прагматизма в обращении с массовыми ценностями и мифами, «энтризма» в различные политические организации и партии, жесткой идеологизации политической программы, почти орденского или сектантского характера «внутреннего круга» посвященных, экстремизма и радикализма политических формул и программ, демонизации врага и т. д. Все эти черты напрочь отсутствовали у традиционных американских консерваторов, которые были настроены изоляционистски, внутренне толерантно и менее радикально, а кроме того свято верили сами в преимущества американских ценностей и «святость» американской мечты — в рынок, демократию, свободу и т. д. Троцкисты резко изменили сам консервативный стиль, примешав к консерватизму несвойственные ему черты — экстремизм, фанатизм, истерическую волю к власти, поиск врага.

Штроссианцы достигли такого гигантского влияния постепенно: вначале они

осуществили идеологический сдвиг от троцкизма к либерализму и защите американских стратегических интересов против СССР и стран Восточного лагеря. Этот шаг привел их из маргиналов к приемлемой для большинства позиции. На первых порах «энтризм» касался демократической партии, и первые неоконсерваторы были активны именно среди демократов, которые в США, в отличие от Европы, в подавляющем большинстве случаев разделяют либеральные идеи — свободный и ничем не ограниченный рынок, прогрессивную шкалу налогов и т. д. По сути, они так же защищают капитализм, рынок и крупный частный капитал, как и республиканцы, только оформляют эту защиту в более мягкой, популистской форме. Но этот этап был для них промежуточным, и «штроссианская» логика власти привела их в ряды республиканцев, причем к наиболее радикальному крылу — ультралибералов и империалистов рейганистского типа. Троцкисты таким образом проделали по дуге политических позиций почти полный круг — от крайне левых экстремистов через левый центр демократических либералов к крайне правым либералам.

В республиканской партии они довольно быстро заняли очень влиятельные позиции. Но это далось им только после того, как они справились с конкурирующими think tank'ами — группами традиционных американских консерваторов, которые чаще всего были «изоляционистами», патриотами и искренними приверженцами моральных, религиозных и национальных ценностей. Такие традиционные консерваторы-республиканцы, естественно, отличались более тяжеловесным стилем, с трудом находили общий язык с демократами и были ограничены множеством исторических, этических и религиозных традиций. «Неоконсы» не были ограничены ничем, их прагматизм не знал никаких сдержек и комплексов, они переигрывали неподвижных республиканцев старого образца — таких как Пэт Бьюкенен или Джесси Холмс — по всем параметрам, в том числе и в радикальности своего империалистического дискурса. Ложь и разыгранный спектакль, как известно, выглядят более убедительно, чем правда.

Особенно укрепились позиции «неоконсов» после трагических событий 11 сентября 2001 года. «Атака на Америку» со стороны якобы «международных террористов» была абсолютным аргументом в пользу «неоконсов», которые давно уже настаивали на вторжении США в Афганистан, Ирак, Иран и т. д., на принятии доктрины одностороннего вмешательства в дела любого современного государства. С этого момента официальная идеология Вашингтона и позиция Джорджа Буша младшего безраздельно стала определяться именно неоконсерваторами. «Доктрина Буша» есть ничто иное как доктрина «неоконсов» — Чейни, Вулфовица, Рамсфельда и т. д.

Так ли «добра» «добрая империя»?

Идеология современных неоконсерваторов может быть сформулирована в одном тезисе: *создание глобальной американской империи в XXI веке* , которая должна жестко подчинить себе силой или хитростью всю территорию мира и установить режим единоличной доминации. Это стратегический проект, который может быть осмыслен одновременно на нескольких уровнях.

Сами неоконсерваторы вполне могут рассуждать так: неоконсервативный think tank в относительно короткие сроки сумел получить почти неограниченную власть в самих США, причем в тот момент, когда эта страна находилась в апогее своего могущества, выиграв «холодную войну» у СССР. Следовательно, эту власть следует сохранять и расширять на максимально возможное пространство, чтобы сделать единственной и безальтернативной.

Роберт Кэйген называет эту Империю «благожелательной» или «доброй империей» («benevolent Empire»), полагая, что такая фразеология способна соблазнить население земли. Но в своем кругу «неоконсы» рассуждают более прозаически: США необходим контроль над всем пространством земли для того, чтобы заведомо не допустить возникновения новых сверхдержав, которые могли бы создать угрозы национальной безопасности США в будущем или ограничить им доступ к природным ресурсам, столь необходимый для дальнейшего

развития экономики США. Иными словами, это классическая логика империализма — отстаивание эгоистических интересов развитой державы за свет всех остальных только на том основании, то она более развитая, чем все остальные. «Доброй» такая империя может быть названа только в рекламных или пропагандистских целях: она может быть и злой, если кто-то встанет у нее на пути, что доказывают случаи с Югославией, Афганистаном и Ираком.

В духе Рейгана, к которому постоянно апеллируют «неоконсы», США будут восприниматься как «образ добра» только в том случае, если на противоположном конце будет располагаться «полюс зла». У самого Рейгана «империей зла» выступал СССР, а так как сегодня этот полюс исчез, то демонизации подверглись иные страны — в первую очередь, исламские. Так появилась бушевская теория «оси зла», к которой были отнесены Ирак, Иран, Сирия, Северная Корея. Многие «неоконсы» требуют расширить эту группу «стран-изгоев» за счет других исламских стран — Саудовской Аравии, Ливана и Ливии; на этом, в частности, настаивают Ричард Перл и Пол Вулфовиц, подчас через близких к ним еще более радикальных исламофобов — Майкла Лидина и Лорана Муравьека.

Важнейшим аргументом в неоконсервативном дискурсе выступает «международный терроризм» (подразумевается, что он является исламским) и его «икона» — пресловутый Усама бин Ладен. Любой намек, доказанный или нет, на связь с Усамой бин Ладеном может служить для США основанием для военного вторжения на территорию суверенного государства.

Но не только исламские страны является первоочередной жертвой американских имперостроителей. Не стоит забывать, что для всего неоконсервативного движения, начиная с эпохи троцкизма, главным врагом был СССР и евразийское пространство, осмысленное в духе геополитики Макиндера. Одним из ключевых элементов неоконсервативной стратегии является важнейший документ, составленный для Пентагона в 1992 году Полом Вулфовицем и Льюисом «Скутером» Либби (одним из ведущих антисоветчиков) под названием «Руководство по оборонному планированию» (Defense Planning Guidance). В этом документе главной целью обеспечения американской безопасности в мировом масштабе ставится «установление военного контроля ВС США над всем евразийским пространством и недопущение возникновения на нем мощной геополитической силы, способной ограничивать американские интересы в регионе — в том числе доступ к энергоресурсам». Иными словами, те территории, которые ранее входили в «империю зла» не забыты и в эпоху демократических преобразований в России, и поражение СССР планируется закрепить полным американским контролем над всем постсоветским пространством. Это значит, что «клуб изгоев» для строителей «доброй империи» отнюдь не закрыт, и в него могут попасть любые страны, вставшие на пути американской гегемонии — в первую очередь, части бывшей «империи зла» (к критике СССР и России антисоветские стратеги, в том числе троцкисты, давно привыкли и система аргументов здесь отработана).

Кроме явных врагов в лице исламских держав, которые Майкл Лидин, не колеблясь, определяет как «фашистские», предлагая — вполне в духе Штросса — бороться с ними «фашистскими» же методами, и постсоветских государств, в первую очередь, России, «неоконсы» видят в качестве своих противников Европу, и особенно ООН. Европа, по мнению Роберта Кэйгена представляет собой «отличную цивилизацию» с преобладанием пацифистских утопических ценностей, которые сдерживают имперские устремления США. Европа проповедует толерантность, права человека, мультикультурализм, ослабляя тем самым империалистический напор американской однополярной стратегии. Так рождаются неоконсервативные тезисы — «забыть Европу», «освободиться от Европы» и т. д., - что проявляется в опоре на англо-американские военные силы в международных военных операциях, чаще всего без санкции ООН и вопреки европейским протестам.

ООН, по их мнению, вообще отражает геополитическую реальность прежней эпохи, с иным балансом сил. В эпоху единоличной доминации США требуются иные международные организмы и формы принятия решения. ООН — объект настоящей ненависти американских неоконсерваторов, и они обвиняют ее во всех смертных грехах — вплоть до потворства

терроризму.

Под прикрытием американских ценностей

Неоконсерваторы активно используют в своей пропаганде обращение к американским ценностям. Следуя за логикой «штроссианства», они используют мифы, в которые сами не верят, для мобилизации масс. Вера в «американскую мечту», в «проявленное предназначение» (manifest destiny), в моральное превосходство американского общества чрезвычайно сильна в американских массах. Американское мессианство глубоко укоренено в протестантской культуре, которая изначально рассматривала Америку как землю обетованную для гонимых в континентальной Европе радикальных протестантских сект. Миллионы американцев до сих пор свято верят в протестантские фундаменталистские мифы — о скором конце света, о спасении лишь американских христиан, «снова рожденных» (born again) и т. д. Перед этим событием «силы зла» (к которым обычно протестантские проповедники относят мусульман, русских, европейцев и китайцев) вторгнутся в Израиль, но получат отпор от США, после чего благодарные израильтяне перейдут в протестантизм и вознесутся на облака. Эта теория получила название «диспенсациализм», и основана на особой форме эсхатологической географии, основные моменты которой странно напоминают неоконсервативные стратегические проекты по борьбе с «империей» или «осью зла». Центром зла выступает неизменно Россия, страна «гогов и магогов», царство «Роша», а ее союзниками — азиаты и европейцы.

Американские военные мыслят более прозаично в духе обычного агрессивного национализма и милитаризма.

Крупные магнаты и транснациональные корпорации прекрасно понимают, что их будущее зависит от того, сумеет ли политический Вашингтон обеспечить им конкурентоспособные преимущества в глобальном масштабе — перед лицом дефицита ресурсов в самих Штатов, развитием Китая, демографическим скачком Азии, охлаждения отношений с Европой (вплоть до торговых войн) и т. д.

Все эти совершенно различные мессианские, прагматические и милитаристские аргументы и настроения сводятся в неоконсервативном ядре, как в фокусе. Это задача второго уровня посвящения (по Лео Штроссу). Здесь массовые мифы, какими бы странными и чуждыми «философам» они ни были, берутся на вооружение и активно используются для мобилизации масс. Сами американские ценности «неоконсам» глубоко безразличны — в душе они остаются либо троцкистами, нигилистами-агностиками, либо иудаистами. Но они полезны для управления массами, и циничное использование этих мифов удается тем лучше, чем свободнее от их влияния чувствуют себя сами манипуляторы.

В этом состоит важный момент неоконсервативной стратегии. Когда «неоконсы» говорят о том, что они стремятся укрепить «демократию» и «внедрить либеральные ценности» в регионах Ближнего Востока, в Евразии или на Дальнем Востоке, они лгут самым откровенным образом. Любой порядочный американский либерал или демократ, увидев, как отторгают народы мира (в частности, сербы, афганцы или иракцы) навязываемую силой систему т. н. «демократии», и то, какими методами она внедряется, был бы озабочен дискредитацией, подменой, узурпацией базовых американских принципов (что мы и видим в лице противников неоконсерваторов как среди республиканцев, так и среди демократов). Но смысл неоконсерватизма состоит именно в дистанции от провозглашаемых ценностей, в полном безразличии к судьбе самих этих ценностей и лозунгов. Для «неоконсов» важны только власть, господство, реализация групповых эгоистических интересов. Отсюда и возникновение шокирующих понятий, вроде «гуманитарная интервенция» или «гуманитарные бомбардировки». Здесь-то и проявляется «фашизм» «штроссианства», но только лишенный того содержания, в которое сами европейские фашисты безусловно верили. Здесь мы сталкиваемся с «фашистским методом», взятым самим по себе, но завуалированным под «либерализм» и «демократию». Уместно вспомнить, софизм

Трасимаха, столь дорогой «неоконсу» Алану Блуму, о преимуществах несправедливости. Вашингтон при господстве неоконсов поступает в строгом соответствие с этой логикой: творя несправедливость в отношении всех подряд и присваивая единоличное право вмешиваться в одностороннем порядке в дела любого суверенного народа и государства, американцы якобы способствуют установлению максимально возможной справедливости. Не случайно, Кэйген говорит о *«гоббсианской»* сущности американской цивилизации (в отличие от *кантианской* сущности цивилизации европейской). У Гоббса и его «Левиафана» «неоконсы» берут принцип «человек человеку волк» и строят на нем новую жестокую этику, этику сильного — своего рода, «социал-дарвинизм», распространенный на всю планету, где в качестве субъектов выступают не люди, а страны и цивилизации. Не видя, вслед за Гоббсом, никакого другого содержания в человеке, кроме буйного, агрессивного эгоизма, ведущего к «войне всех против всех», «неоконсы» выступают строителями Мирового Государства, Всемирной Империи Левиафана, который будет «пасти народы» огнем и железом. Так, постепенно за обманчиво мягкой и умиротворяющей либерально-демократической риторикой проступают зловещие черты «царства антихриста», о наступлении которого предупреждали традиционные религии — христианство, ислам, иудаизм. И не случайно, большинство представителей этих религий (включая ортодоксальных иудеев) расшифровывают современный стиль американской неоконсервативной политики как стиль от режиссеров-постановщиков «конца света». Как знать, может быть, сами «неоконсы» в своем внутреннем закрытом круге и играют с этой мыслью — ведь их циничная уверенность в отсутствии бога и духа, их глубинный ангажемент в созерцании холодных бездн «ничто», их всепоглощающий цинизм, их апология лжи не так уж далеко ушли от классических описаний нашего старого знакомого — дьявола.

5. Ордена и разведки

РАЗВЕДКИ, ОРДЕНА, КОНТИНЕНТЫ

Avant propos

Само название разведывательных служб во многих языках заключает в себе прямой намек на их “секретный” характер — “secret service”, “service secrete”, “тайная полиция”, знаменитое Gestapo (“Geheime Staat Polizei” — “тайная государственная полиция”) и т. д. Тайный характер спецслужб вытекает из природы их деятельности, которая связана со сферой, лежащей либо на грани, либо за гранью легитимных правовых норм. “Секретность” спецслужб объясняется тем, что они имеют дело с реальностью, не принадлежащей к области нормального государственного и международного права. Но если эта реальность не описана в юридических актах, то она все же должна иметь некоторую логику, определенную структуру со своими закономерностями и механизмами, со своей философией и этикой. Разобраться в характере этой непростой реальности, выяснить некоторые основополагающие принципы спецслужб, чаще всего остающиеся вне досягаемости исследователей, и является целью данной работы.

Три уровня: международные отношения, кратополитика, геополитика

Для того, чтобы навести элементарный логический порядок в сложнейшей, запутанной реальности “секретных служб”, где заведомо не существует никакой ясности и прозрачности, где сплошь и рядом трудно понять, с агентом какого государства и какого уровня мы имеем дело, и практически невозможно достоверно выяснить те случаи, когда речь идет о двойной,

а то и тройной или четверной игре, где даже в рамках одного государства существуют сплошь и рядом конкурирующие разведывательные структуры, а часто внутри одного и того же ведомства альтернативные враждующие кланы, необходимо прояснить гораздо более общий контекст, в котором существуют и функционируют государства как субъекты мировой политики.

Выделим три основополагающих уровня, описывающих структуру международных отношений.

Первый уровень — это международное право , система двусторонних или многосторонних договоров, определяющих юридические и дипломатические нормы отношений государств между собой. Эта легитимная сторона является *самой внешней и самой формальной* , воплощающей в себе декоративный аспект международной политики, где за возвышенным, гуманистическим пафосом и мало отвечающими действительности “идеалистическими” формулировками скрываются завуалированные эгоистические интересы конкретных держав. Поэтому для того, чтобы адекватно понимать язык международного права, ясно осознавать смысловую нагруженность его терминов, необходимо освоить систему интерпретаций, научиться осуществлять своего рода дешифровку каждого утверждения, дипломатической ноты или международного договора, поскольку в этой субтильной и многозначной области вещи называются своими именами крайне редко. Чаще всего для адекватного понимания какого-то конкретного события международной жизни приходится прибегать к сложным операциям по расшифровке истинного смысла того или иного официального заявления или договора. Следовательно, само международное право и фасад международных и межгосударственных отношений, воплощенный в договорах, конвенциях, резолюциях международных надправительственных организаций и т. д., не могут служить достаточным самостоятельным материалом для понимания логики политической истории мировых государств и их взаимоотношений. Условность этой сферы, ее подчиненность и недостаточность прекрасно осознается не только профессиональными политиками, дипломатами и руководителями государств, но и обычными людьми, также владеющими, как правило, элементарными навыками расшифровки дипломатических заявлений, которые даже в массовом сознании крайне редко принимаются за чистую монету. Но какую реальность вуалирует собой иносказательные конвенции международного права? Это и есть второй уровень международных отношений.

Этот второй уровень представляет собой реальную стратегическую или силовую раскладку соотношений между реальными державами или блоками государств. Если субъектом международного права выступает любое государство, признанное суверенным, независимо от его политической, стратегической, финансовой и военной мощи, и это государство считается равноправным по отношению ко всем остальным суверенным государствам, то на уровне стратегическом или силовом представление о субъектности резко меняется. Для характеристики “силового” уровня шведский политолог и геополитик Рудольф Челлен предложил термин “кратополитика”, который, в отличие от другого принадлежащего ему неологизма “геополитика”, не привился, несмотря на то, что он довольно точно описывает тот уровень, о котором здесь идет речь. Термин “кратополитика” образован от греческого “кратос”, “сила” и “политика”. Это уровень силового или стратегического рассмотрения статуса государства. Здесь в отличие от международного права картина межгосударственных отношений гораздо реалистичнее.

“Кратополитика” признает стратегическую субъектность далеко не каждого государства, обладающего номинальным суверенитетом, но лишь тех государств, которые относятся к неформальной категории “великих держав” или мощных региональных стратегических образований. Субъекты кратополитики совпадают с субъектами международного права только в тех случаях, когда суверенное государство является достаточно мощным и стратегически полноценным. В таком случае оно может проводить свою собственную линию в определенных границах независимо от международного права, по ненаписанному, формально не признаваемому, но реально существующему и

действующему “праву сильного”. Кратополитических субъектов существенно меньше, чем субъектов международного права, и на этом основании картина международных и межгосударственных отношений резко меняется: некоторые государства становятся кратополитическими полюсами, представляющими самостоятельные силовые образования, обладающие достаточным масштабом для того, чтобы использовать более слабые государства в качестве своих стратегических “вассалов”.

Очень важно, что кратополитическая карта не имеет никакой юридической легитимности и никем не признается открыто. Но на деле вся реальная дипломатическая и международно-политическая жизнь ориентируется именно и только на уровень кратополитики. Кратополитика является тем инструментом, с помощью которого интерпретируются явления, принадлежащие сфере международного права. За каждым официальным заявлением той или иной державы стоит конкретный кратополитический момент, выяснение которого и является содержанием дешифровки внешнего, фасадного дискурса. Кратополитический уровень принципиально важен для нашей темы, так как основная деятельность спецслужб протекает именно в контексте кратополитики, которая и является объективной реальностью разведок и контрразведок. Теперь становится понятным использование прилагательного “тайный”, “секретный” в наименованиях многочисленных спецслужб. Дело в том, что сама кратополитика и ее реальные механизмы, ее карты не имеют в международном праве легитимной базы, не регулируются публичными договорами или законодательными актами. Сфера кратополитики является по определению “тайной”, “секретной”, так как ее логика и ее механизмы, будучи реальными и главенствующими, принадлежат теневой сфере, не имеющей внешней регламентации. И логично, что организации и службы, занимающиеся приоритетно именно кратополитическими вопросами, — выработкой кратополитической стратегии, осуществлением разведывательных и подрывных операций и т. д., — принадлежат сфере “закрытого” и “секретного”.

Итак, спецслужбы — явление кратополитическое, напрямую сопряженное со сферой стратегического баланса сил и интересов “великих держав” или “крупных региональных государств”.

Но есть еще и третий, уровень, который является базой для интерпретации самой кратополитики и ее закономерностей. Это уровень геополитики. С точки зрения геополитики, картина международной жизни, политической истории государств и наций, имеет еще более редукционистский вид, нежели кратополитика. Геополитика оперирует с цивилизационным подходом, учитывающим не отдельные силовые полюса (как кратополитика), но глобальные цивилизационные тенденции, сводимые к планетарной дуалистической картине противостояния Суши и Моря, с промежуточными береговыми зонами, за контроль над которыми идет планетарная дуэль «континента и острова».

Геополитика предлагает свою карту мира, где главенствует метастратегический подход. Геополитика относится к кратополитике так же, как кратополитика относится к международному праву. Кратополитика рассматривает международное право как формальность, как дань гуманитарной риторике, и не придает никакого серьезного значения тезису о равноправии номинально суверенных государств между собой. С точки зрения кратополитики, суверенность — понятая как стратегическая суверенность — есть прерогатива небольшой группы стран, значительно превосходящих остальные державы с силовой точки зрения (ясно, что силовой фактор не ограничивается только военной мощью, здесь учитывается также экономическая, финансовая, демографическая, позиционная, индустриальная и др. составляющие). Таким образом, в кратополитике количество реально действующих субъектов международной жизни резко сокращается. Геополитика представляет собой еще более высокую систему, которая сводит кратополитические субъекты к основной геополитической паре: цивилизации Суши и цивилизации Моря, относя к нейтральной, прибрежной зоне все промежуточные образования. Таким образом, среди кратополитических субъектов осуществляется еще одна стадия отбора. Великие державы также распределяются между двух планетарных геополитических полюсов, которые только и

обладают реальным геополитическим суверенитетом.

Иерархию суверенитетов можно представить следующей удобной схемой:

1. Суверенитет с позиции международного права (им обладают все государства, признанные большинством других государств);
2. Суверенитет с позиции кратополитики (им обладают только “великие державы”, имеющие относительную стратегическую самостоятельность);
3. Суверенитет с позиции геополитики (им обладают только две осевые державы или два блока держав, составляющие ядро, соответственно, цивилизации Суши и цивилизации Моря).

На высшем геополитическом уровне существует два субъекта международной истории. На нижнем уровне международного права количество субъектов совпадает с количеством существующих в данный момент государств. На промежуточном кратополитическом плане действует небольшое число держав, превышающее число два, но намного меньшее, чем совокупность всех государств мира. И подобно тому, как кратополитика представляет собой базу интерпретации официальной стороны международной жизни, так геополитика является инструментом интерпретации самой кратополитики. В этой иерархии планов и следует рассматривать реальную политическую историю мира.

Теперь, возвращаясь к теме спецслужб, можно сказать, что “секретные службы” являются осевой концептуальной конструкцией кратополитического плана, и поэтому исследование их деятельности и структур требует прояснения кратополитической карты мира. Эта карта тоже не самодостаточна, но нуждается в расшифровке и интерпретации. Окончательная интерпретация возможна исключительно с позиций геополитики.

Мы логически подходим к тому, что реальную историю спецслужб невозможно восстановить без апелляции к геополитике, которая поможет осознать всю полноту картины, остающейся за кадром не только в узких и часто демагогических границах официального дипломатического языка, но и в более реалистическом и жестко откровенном мире кратополитики.

При этом напрашивается еще один гипотетический вывод: подобно тому, как сами спецслужбы в обычном понимании представляют собой реалистичное осознание кратополитической реальности, источник и исполнитель кратополитической активности, должны существовать еще более “тайные” и “секретные” службы — “секретные в квадрате”, миссия которых сопряжена напрямую с геополитикой. Эти “геополитические спецслужбы” выступают как архитекторы кратополитических операций, как высшая силовая элита, работающая с фоновыми цивилизационными реальностями, предшествующими переходу волевого импульса на кратополитический уровень.

Иерархия планов подводит нас вплотную к иерархии организаций, связанных с международной политикой. Самым внешним ведомством, не имеющим характера секретности, является Министерство иностранных дел. Но вместе с тем, совершенно очевидно, что адекватная деятельность его руководителей не может ограничиваться формальной сферой теории международных отношений и дипломатическими нормативами. В своей верхушке МИД оперирует с кратополитическими реальностями, и отсюда традиционная связь дипломатии и разведки.

В очищенном виде кратополитика осознается и разрабатывается в созвездии государственных служб, связанных с безопасностью, разведкой, контрразведкой, политической полицией и т. д. Это второй организационный уровень государственных структур, связанных с международной стратегией. Органы госбезопасности формируют кратополитическую картину международной политики, которая транслируется далее в форме директив Министерству иностранных дел. Кратополитически спецслужбы оперируют с реальностью, более прагматичной и жесткой, нежели дипломаты. Правовые аспекты здесь играют подчиненную роль, а реальные страгические интересы державы ставятся заведомо выше “гуманитарных” конвенций. Это очевидные истины, соответствующие реальному положению дел в любой державе и на любом историческом этапе.

Другое дело высший геополитический уровень. Здесь мы сталкиваемся с удвоенной секретностью, с организациями, само существование которых является тайной для обычных секретных служб.

Проблемы цивилизационного противостояния и геополитической раскладки сил могут адекватно рассматриваться и решаться на высшем организационном плане, где имеют дело с максимальными формами обобщения, куда сходятся нити сложной кратополитической картины, где все вещи, наконец, называются своими именами.

Можно назвать этот организационной уровень “метастратегическим центром” или “метаспецслужбами”. Речь идет об интеллектуально-аналитических структурах, которые инструктируют и консультируют высшие инстанции власти не просто в государстве, а на уровне геополитических блоков государств. В некотором смысле, эта структура надгосударственная, оперирующая категориями, превышающими уровень и компетенцию глав государств. Но вместе с тем, именно эта структура и обеспечивает стройность и последовательность действий обычных спецслужб, так как ориентирует их деятельность в глобальном ключе, помещает их в конкретный геополитический контекст, где они и начинают действовать, как правило, не осознавая в полной мере ни конечной цели, ни общих правил игры.

Эти загадочные геополитические центры по самой логике своей миссии должны иметь некоторое отношение к спецслужбам, действовать внутри них, в их среде. Вместе с тем, они не тождественны никакому конкретному подразделению этих спецслужб и не подконтрольны высшей государственной инстанции даже в тех образованиях, которые являются полноценными кратополитическими субъектами, не говоря уже о номинально суверенных государствах. Единственным исключением из этого правила являются осевые геополитические образования, которые в конкретный исторический момент выступают синонимами цивилизаций — Суши и Моря.

В этом случае и правительственный уровень и верхушка спецслужб должны, по определению, иметь о геополитике ясное представление и координировать прикладные аспекты своей стратегии с метастратегическими данными. Но и в данном случае должно существовать четко фиксированное различие между кратополитическим уровнем и центром принятия геополитических решений, поскольку такие осевые геополитические образования вынуждены решать помимо цивилизационных еще и прагматические кратополитические задачи. Таким образом, и здесь возникает необходимая организационная дифференциация, отражающая двойственность перспектив. С одной стороны, существует аппарат цивилизационно-геполитического руководства и анализа, с другой — более конвенциональные кратополитические спецслужбы. И естественно, степень секретности и закрытости геополитического сектора является намного большей, чем обычных кратополитических институтов (разведка, контрразведка, разнообразные структуры государственной безопасности и т. д.), вплоть до того, что сам факт наличия таких суперструктур вполне может оставаться “тайной” — даже не государственной, но “цивилизационной”. Это тем более важно по той причине, что на уровне геополитики ясно обнаруживается прагматический и цивилизационно обусловленный характер многих стратегических шагов, что в определенных обстоятельствах может раскрыть реальную подоплеку некоторых масштабных кратополитических действий, которую, напротив, для их успешного завершения, важно максимально тщательно скрывать.

Подобно тому, как мы вычленили три уровня понимания суверенитета, можно соответствующим образом выделить общую модель ведомств, связанных с этими тремя уровнями.

1. Министерство иностранных дел (существующее в каждом государстве, признанном международным сообществом).

2. Спецслужбы, занятые кратополитическими операциями (их центры существуют только в “великих державах”, а спецслужбы второстепенных государств являются полностью зависимыми и подчиненными филиалами этих центров).

3. Метастратегические центры геополитики (они присутствуют только в двух геополитических цивилизационных центрах, контролируя не только кратополитическую структуру самих этих “осевых государств”, но и гигантскую общепланетарную сеть спецслужб, включающую приблизительно половину самостоятельных кратополитических разведовательных и контрразведывательных организаций).

Такова полная картина международной реальности. Такова структура “секретных служб”, играющих важную роль в структурировании и контроле над этой реальностью.

Исходя из этой отправной парадигмы мы и попытаемся разобрать более общие аспекты проблемы.

Геополитика

Чтобы понять общий контекст, с которым имеют дело метастратегические организации, необходимо кратко напомнить основные положения геополитики, подробно изложенные в нашем учебнике “Основы геополитики”.

Геополитическая картина мира исходит из того, что ход истории предопределен географическими параметрами. Но речь в данном случае идет не о решающем влиянии строго внешнего природного фактора на человеческую цивилизацию, а о том, что качество пространства становится цивилизационным фактором в тот момент, когда оно переходит на уровень сознания. Таким образом, неверно в случае геополитики говорить о географическом детерминизме. География становится судьбой, т. е. превращается в собственно геополитику тогда, когда она переходит с уровня природы на уровень культуры. Иными словами, геополитика — это осознанная на уровне культуры география, ставшая цивилизационным, духовным фактом, осмысленным вектором макроцивилизационного развития.

Геополитика как наука выделяет два глобальных полюса — сушу и море. Суша порождает свой тип цивилизации, море — свой. Из этого дуализма проистекает пространственная предопределенность истории. Суша противостоит морю, море — суше. Между этими двумя реальностями, полюсами, возникает поле напряженности, которое и есть содержание истории, точнее, пространственное содержание истории, цивилизационное ее содержание. Море предрасполагает к цивилизации торгового, “карфагенского”, либерального типа, к цивилизации, основанной на идее свободного обмена, индивидуализма, социального контракта. Влажная и гомогенная природа морских просторов диктует жесткое разделение на человеческое (экипаж корабля) и нечеловеческое (однообразие морского пейзажа), на технику и отчужденную внешнюю реальность. Так возникает противопоставление человека и мира.

Суша предопределяет “римский”, иерархический, героический тип цивилизации, основанный на идее сакральности и жертвенности. В центре Суши стоит дом как культурный венец природного бытия. Человек сухопутной цивилизации укоренен в почве и живом окружающем мире, в мире качественного пространства, естественный рельеф которого предопределяет формы социальной организации и государственности.

Между Сушей и Морем идет постоянное цивилизационное противостояние, “великая война континентов”. Это динамика геополитической истории человечества.

В ходе исторического процесса обе цивилизационные формы тяготеют к тому, чтобы вобрать в себя максимальное количество территорий и очистить свой цивилизационный идеал от случайных примесей. Так постепенно складывается геополитическая картина противостояния атлантизма и евразийства. Атлантизм — последнее воплощение метастратегического вектора Моря, опирающееся на последние столетия цивилизационного развития Запада и особенно англосаксонского мира. Соответствующей атлантизму социально- экономической формацией является “либерал-капитализм”, “буржуазно-демократический мир”. В последнее столетие инициатива флагмана атлантизма окончательно переходит от Европы и Англии к США. Начиная со второй половины XX века, именно США воплощают в себе полюс Моря, оплот торговой цивилизации, Мировой

Остров, гигантский торговый корабль, плывущий в мировом океане.

Противоположный евразийский, сухопутный полюс исторически формируется вокруг Москвы, и постепенно в советский период русской истории евразийский блок достигает своего максимального пространственного воплощения, раздвигая пределы цивилизационного влияния почти на половину земного шара. В этом геополитики видят не исторический произвол, но естественную и закономерную логику организации самого земного пространства, в котором акцентирован Мировой Остров (Америка, континент вытянутый вдоль меридиана) и Мировой Материк (Евразия, континент, вытянутый вдоль широты). Между Америкой и Евразией на глобальном уровне вновь воспроизводится противостояние Карфагена и Рима, завязываются узлы планетарного конфликта новой пунической войны.

Евразия имеет свою ось: это “сердцевинная земля”, heartland, совпадающая с землями России. Она находится в глубине евразийского континента, в максимальном удалении от южных и западных теплых морей, освоенных ранее атлантистами. Между “сердцевинной землей” и мировым островом лежат промежуточные пространства, наиболее значимыми из которых являются “береговые зоны” Евразии, rimlands. Эти береговые зоны подвергаются одновременно двум противоположным геополитическим импульсам — центростремительному, евразийскому, сухопутному, идущему из “сердцевинной земли”, и центробежному, атлантистскому, морскому, идущему от внешнего по отношению к Евразии мирового острова. По историческим причинам позиции атлантизма в береговой зоне особенно устойчивы и сильны на Западе и менее устойчивы на Востоке. Но с геополитической точки зрения, независимо от этого вся полоса “береговых зон” — от Западной Европы через Ближний Восток вплоть до Китая и Индокитая — представляет собой сущностно двойственную реальность, определяемую воздействием разнонаправленных сил.

Среди геополитиков нет единодушного мнения относительно того, что является наиболее значимым пространственным образованием. Первые геополитики (особенно Х.Макиндер) считали, что решающим в вопросе мирового господства является контроль над Евразией. Отсюда знаменитая максима — “кто контролирует Евразию, тот контролирует мир”.

Некоторые позднейшие геополитические школы несколько пересмотрели эту позицию, заявив, что Евразия как “сердцевинная земля” в огромной степени зависит от “береговых зон”, без контроля над которыми она остается планетарно беспомощной. Но в обоих случаях признается важность битвы за Евразию и за контроль над ее береговыми зонами.

Цивилизационная значимость “береговых зон” отмечается геополитиками и в сфере культуры, так как, находясь на перекрестье двух геополитических импульсов, соответствующих двум цивилизационным стихиям, береговые народы традиционно считаются создателями наиболее совершенных форм человеческой культуры и ареной того, что принято называть “историей”. Геополитический подход повлиял на многие современные философские и исторические школы, которые признали культуру следствием двух векторов давления противоположных разновидностей качественного пространства.

Эта кратко изложенная нами геополитическая картина мира описывает контекст и приоритеты деятельности и планирования тех секретных организаций, которые ответственны за разработку и осуществление метастратегических операций планетарного масштаба. Именно с такой картой цивилизаций, их противостояния и их пространственной диспозиции имеет дело узкая группа людей, компетенция которых намного превышает уровень глав государств и их силовых ведомств.

Независимо от конкретики государственных интересов, от благосостояния наций и экономических императивов, часто вопреки поверхностно понятой государственной и социальной целесообразности, вынужденно действуя в атмосфере строгой секретности, иерархи практической геополитики ставят и осуществляют долговременные, крупномасштабные планетарно-исторические задачи, связанные с этапами невидимой

непосвященным “великой войны континентов”.

На основании даже беглого изложения основ геополитики применительно к структуре спецслужб становится ясно, что существует всего два центра метастратегической деятельности, два источника глобальной геополитической воли. Один из них представляет собой централ “атлантистских сил”, другой — “евразийских”; один стоит на страже геополитических интересов Атлантики, *моря* , другой — Евразии и *суши* .

Бросается в глаза, что оба центра имеют надгосударственный уровень, так как не всегда и не во всех случаях интересы даже таких осевых государств как США или Россия строго совпадают с интересами Атлантики или Евразии. Если взять эти страны как геополитические явления, то тождество интересов будет очевидным. Но на более низком и относительном уровне, эти вещи не столь понятны и не столь сами собой разумеются. И поэтому геополитические центры и организации, о которых идет речь, с необходимостью должны быть тщательно закрыты как внутри, так и вовне этих государств.

Сверхсекретный характер геополитики и геополитических центров с еще большим основанием проступает в иных государствах, нежели осевые цивилизационные центры. Здесь деятельность геополитических служб является проявлением особой воли, посторонней относительно кратополитической структуры самого государства. Поэтому для секретности здесь есть еще больше оснований. Вместе с тем, в государствах, являющихся геополитическими сателлитами или ареной противодействия двух планетарных геополитических сил — даже в том случае, если они представляют собой мощные центры кратополитического суверенитета, — необходимо постоянное взаимодействие между обычными спецслужбами, осуществляющими задачи в рамках кратополитических интересов государства, и глубоко законспирированными геополитическими централами. Иными словами, сфера действия оперативных геополитических организаций является секретной надстройкой над основным зданием традиционных спецслужб, и в осевых геополитических полюсах и во второстепенных “ауксилиарных” пространствах.

Геополитические операторы руководствуются только суммарными интересами *суши* или *моря* , а остальные стратегические и кратополитические интересы своих и чужих государств представляются им второстепенными и подчиненными реальностями.

Метастратегов интересует абсолютным образом лишь интересы сухопутной цивилизации, Евразии, ее геополитическая мощь. Если эта цель входит в противоречие с локальными интересами одного из объективно евразийских государств, с конкретным правительством или социально-экономическими приоритетами отдельного народа или общества, метастратеги по уровню своего положения будут действовать вопреки локальным интересам даже в том случае, если речь идет о собственной стране, ее правительстве и населении. Это касается как представителей *суши* , так и представителей *моря* . Таковы закономерности геополитики как дисциплины и сферы действия.

Ордена

Все изложенное выше дает нам априорно логическую парадигму, в которую должны быть помещены модели действия и противодействия спецслужб. Эта парадигма сводится к следующей общей формуле.

Существует два геополитических центра, соответствующих *цивилизации моря и цивилизации суши* . Им соответствуют сверхсекретные метастратегические организации, которые координируют, предопределяют, планируют и осуществляют шаги планетарного масштаба, надзирают над ходом борьбы цивилизаций. Это своеобразные *генеральный штаб суши и генеральный штаб моря* . Иными словами, соответствующие центры решений и анализа могут быть названы “орденом Евразии” или “орденом Атлантики”.

Сам факт существования этих организаций не может быть фиксированной очевидностью, не может иметь верифицируемых конституционных или легитимных основ или документов. Этому противоречит сам цивилизационный характер их деятельности, не

санкционированной никакими инстанциями и обязанной по своей природе оставаться строго секретной. В отношении этих инстанций бесполезно пытаться обнаружить их подлинное название или аббревиатуру, под которыми они фигурируют во внутренних документах. Ни таких названий, ни таких аббревиатур не существует. Эта реальность не подлежит исторически достоверной верификации, и на этом основании ее часто относят к области “мифа”. Поэтому названия, которые мы все же к ней применяем, являются в достаточной степени условными и обобщающими. Вместе с тем, на ином более конкретном и доступном историческому анализу уровне — и в первую очередь, на уровне кратополитики — постоянно прослеживается наличие ясной, последовательной, управляемой единой волей и единой логикой деятельности, которая не может быть случайной или бессознательной, не может быть сведенной к серии странных совпадений. Эта деятельность проявляется в самых разнообразных сферах политической, социальной, культурной или религиозной жизни народов, и при всем многообразии факторов отчетливо прослеживается как таковая следованием предначертанному плану.

Конечно, можно было бы отнести конкурирующую геополитическую стратегию двух альтернативных цивилизаций к “хитростям мирового разума”, к объективной логике истории, не осознаваемой людьми, действующей помимо их сознательной воли. Но это опровергается тем фактом, что при всей закрытости и неизвестности геополитической науки и ее основополагающих позиций, они все же спустя какое-то время попали в сферу внимания интеллектуальной общественности.

В этом отношении можно провести параллель с марксизмом: до какого-то времени законы “смены формаций” и “соотношения производительных сил и производственных отношений” действовали объективно без их полного осознания субъектами экономической истории (Трудом и Капиталом, антагонистическими классами и т. д.), но, начиная с определенного момента, эта закономерность осознается и становится активным учением, взятым на вооружение заинтересованными сторонами. Этот переходный момент есть точка рождения идеологии. В отношении марксизма не представляет труда исторически отметить эту точку, и показать, где начинается осознанное отношение к экономическим законам, а где это отношение инерциально и пассивно. В области геополитики аналогичный момент наметить труднее в силу крайней деликатности той области, с которой геополитика имеет дело. Но все же на рубеже XX века становится совершенно очевидно, что базовые геополитические принципы вполне осознаются рядом политологов и идеологов, и есть все основания предположить, что параллельно создаются и “закрытые организации”, соответствующие данной аналитической и проективной парадигме, реализующие ее на практике.

Так как подавляющее большинство современных мировоззренческих структур — идеологий, движений, партий, обществ и т. д. — возникли под прямым или косвенным воздействием европейских тайных обществ масонского или парамасонского типа (в том случае, если речь не шла о секуляризированных проекциях чисто религиозных организаций или сект), то можно предположить, что и геополитические центры имеют сходное происхождение. Утверждать это со всей определенностью невозможно, но по логике вещей дело должно было обстоять именно так или приблизительно так.

Еще раз подчеркнем, что формулы “орден Евразии” и “орден Атлантики” являются наименованиями условными. Они точно соответствуют характеру и сфере деятельности высших геополитических центров, недвусмысленно характеризуют ее направленность и ее рамки. Вместе с тем это не самоназвание и не шифрованный код. Добавление слова “орден” в этом сочетании призвано акцентировать “закрытый”, “обособленный” характер этих структур, солидарных, замкнутых, связанных строжайшей тайной и дисциплиной. Все эти черты были в какой-то мере свойственны историческим рыцарским и религиозным орденам, да и сами масоны сплошь и рядом называют себя “орденом” без всяких дополнительных пояснений.

Итак, “орден Евразии” и “орден Атлантики”. Их цели вытекают из объективной

геополитической картины мира. “Орден Евразии” стремится укрепить стратегические и метастратегические позиции Heartland’а, Суши, сухопутной цивилизации, теллурократии.

На уровне стратегическом это означает максимальную интеграцию евразийских пространств вокруг “географической оси истории”, создание мощного и стратегически единого *“континентального блока”* . Если рассматривать ту же задачу в географическом смысле, то она будет выражаться в необходимости распространить контроль внутриматериковых пространств Евразии (расположенных в России и вокруг нее) вплоть до ее естественных границ, совпадающих с морским побережьем.

Это означает, что первоочередной задачей “Ордена Евразии” является достижение полного контроль над “береговыми зонами” материка, rimlands, превращение всего материка в единое геополитическое пространство с осью и центром в просторах Heartland’а.

Конечной метастратегической задачей является второй этап экспансии, теперь уже основанной на покорении морской стихии, направленной на распространение геополитического контроля в регионы *мирового острова* , т. е. постепенное отвоевывание Атлантики, начиная с береговых пространств американского континента, которые должны, в свою очередь, быть превращены в стратегические базы Евразии.

Но отдельные изолированные стратегические вылазки в пределы, контролируемые Морем и талассократией, могут предприниматься и на ранних стадиях в целях дестабилизации геополитического противника.

Кроме того, “орден Евразии”, безусловно, заинтересован в максимальной провокации внутренних катастроф на базовой территории “атлантического блока”, в подрывной деятельности, в провоцировании масштабных процессов, способных ослабить противника в его центрах.

Эта задача имеет вместе с тем и культурное, духовное измерение, так как основные положения евразийского, “восточного” духа, в основных своих положениях противоположны “духу западному”. “Восток”, отстаивая свою цивилизацию на силовом уровне, защищает и утверждает также особую систему или соцветие систем, духовных и культурных ценностей, выработанных тысячелетиями особого пути.

И наконец, огромным и до некоторой степени самостоятельным значением обладает экономический фактор, так как Евразия имеет собственные экономические интересы и специфику разнообразного, но по основным параметрам сходного хозяйственного уклада, который необходимо защищать, а по возможности и навязывать геополитическому противнику и особенно промежуточным зонам. Совершенно симметричная задача и у “ордена Атлантики”. Единственная разница состоит в том, что обе структуры находятся в разных геополитических стадиях. *Цивилизация моря* завершила стратегическую интеграцию своего гигантского *“островного государства”* и не имеет “береговых зон”, которые контролировались бы соперником (не считая Кубы и латиноамериканской партизанской герильи). Вместе с тем она не только контролирует большинство морских пространств на планете, но имеет и огромное и устойчивое влияние на всем протяжении евразийских береговых зон, начиная с такой ключевой территории, как Западная Европа, которая во всей геополитической конструкции играет едва ли не решающую роль.

Но общий смысл стратегии “ордена Атлантики” остается тем же: ему необходимо сохранить собственное стратегическое единство, усилить контроль над морями, укрепить присутствие в береговых зонах Евразии, и максимально расширить их, причинив как можно больше вреда Heartland’у на его собственной территории, а в пределе, вообще уничтожить всю евразийскую конструкцию, превратив континентально-стратегическое, цивилизационное единство в осколки.

Стратегическая цель также сосуществует здесь и с духовно-культурными и экономическими задачами: атлантизм имеет собственное культурное кредо, свои экономические интересы и экономико-социальные парадигмы. Все это является различными сторонами единого геополитического вектора развития. И поэтому мир *моря* в своей борьбе с *сушей* помимо чисто силового фактора использует — и надо признать крайне эффективно

— активное насаждение на подконтрольных суше и даже враждебных морю территориях своей собственной культурной парадигмы и своих экономических моделей.

Таким образом, столкновение идет одновременно на многих уровнях, а их координация сходится к тем таинственным инстанциям, которые мы определили как “орден Евразии” и “орден Атлантики”. Тот факт, что в данном противостоянии геополитических миров важную роль играет вся совокупность цивилизационных элементов, убеждает, что в высшей инстанции “орденов” должна присутствовать довольно сложная и емкая парадигматическая модель, которая соотносит между собой процессы и тенденции, протекающие на разных уровнях и имеющих разную природу и структуру. Это заставляет нас предположить, что методология этих структур, а также личности людей, ответственных за их функционирование, должны быть очень необычными, выдающимися, выходящими за рамки традиционных дисциплин и психологических типов.

Четырехчленная структура геополитических централов

В соответствии с перечисленными задачами интересующих нас “орденов” легко представить себе их внутреннюю структуру или подразделения, которые должны в них существовать.

“Орден Евразии” должен иметь центр континентальной интеграции. Это подразделение ответственно за укрепление стратегических связей с теми геополитическими образованиями, которые уже входят в единую систему с центром Евразии, Heartland’a. Это охранительно-консервативная функция, которая, однако, сопряжена с превентивным предупреждением центробежных процессов и реальным укреплением структурного единства. Так как геополитическая система является динамической, то центробежные импульсы присутствуют всегда (хотя и с разной силой и степенью интенсивности) во всех ее точках, даже самых близких к центру. Кроме того, здесь же возникает проблема давления внешнего, “нейтрального” пояса, который вполне может быть стратегической зоной сепаратистских импульсов, идущих извне и координируемых противником. Следовательно, задача “укрепления и сохранения” становится отнюдь не простой. К этому следует добавить, что геополитический враг действует и на самих евразийских территориях, через сеть геополитической агентуры, базирующейся на слабых элементах. По этой причине возникает необходимость в контрразведывательной деятельности.

Заметим, что сходство с традиционными системами безопасности здесь далеко не полное. Важно всегда строго разграничивать сферу кратополитики и геополитики. Между ними существует лишь аналогия, но не тождество. Каждое или почти каждое государство стремится к сохранению территориальной целостности и к противодействию разведслужбам иностранных держав. Но семантическая квалификация “угрозы” или “агента влияний” в обоих случаях различна. Серьезную “геополитическую угрозу” могут представлять тенденции, которые, напротив, представляются совершенно безобидными с позиции государственной целостности, кратополитики. Так же обстоит дело и с проблемой идентификации “агентов влияния”. На уровне геополитики ими являются те деятели или организации, которые — даже косвенно и через довольно отвлеченные парадигмы — способствуют в перспективе ослаблению евразийских позиций и усилению сил атлантизма. Но на кратополитическом уровне, на уровне обычных спецслужб, такая деятельность — если, конечно, она не сопряжена с прямой вербовкой представителями иностранных спецслужб — никак не квалифицируется и повлечь за собой никаких оперативных мер не может.

Иными словами, “орден Евразии” оперирует с реальностями, угрозами и тенденциями, намного превышающими компетентность конвенциональных кратополитических структур. Отсюда вытекает обособленность и уникальность внутреннего, “контрразведывательного”, охранительного подразделения “Ордена Евразии”.

Вторым подразделением (или управлением”) “Ордена Евразии” должен логически

являться “отдел береговых зон”. В задачу этой структуры входит организация интеграционистских процессов в категории геополитических территорий, называемых “rimlands”, и противодействие в тех же областях противоположным действиям атлантизма. Здесь также существует аналогия с традиционной разведкой (военной, политической, стратегической и т. д.), но уровень снова совершенно иной. Главное отличие заключается в том, что усиление влияния в “береговых зонах” и включение их в единый стратегический союз отнюдь не всегда и не напрямую связаны с конкретикой политической ситуации той страны, которая является осевой в евразийской конструкции. Так как внешняя разведка подчинена исключительно кратополитическим (в нашем случае практически совпадающим с государственным) интересам, она вынуждена следовать за конкретикой реальной политической обстановки и подстраивать свою деятельность под сиюминутный политический курс центра. Деятельность “ордена Евразии” в “береговых зонах”, напротив, совершенно не зависит от тактического плана, ориентируясь на долгосрочную, фундаментальную цель. Следовательно, и в этом секторе существует серьезный методологический и организационный зазор. Третьей структурой “ордена Евразии” является “морское отделение”, т. е. организация, ответственная за противодействие талассократии за пределом евразийского континента, ориентированная на создание возможных очагов стратегического присутствия Евразии в нейтральных территориях и, если возможно, в “береговой зоне” атлантистского противника (которым приоритетно являются сегодня США).

И, наконец, четвертым подразделением является “диверсионный отдел”, сосредоточенный на организации и проведении субверсивных масштабных цивилизационных операций против талассократии на ее собственных землях, “ в тылу”. Поскольку речь идет в данном случае о цивилизационном противостоянии, то критерии и методология такой подрывной работы, создание “агентуры влияния” и системы провоцирования долгосрочных катастрофических процессов выходят далеко за рамки традиционных разведывательных средств.

Точно такой же четырехчленной структурой должен обладать и “орден Атлантики”, и к нему можно отнести все сказанное относительно структуры “ордена Евразии”. Единственное отличие состоит в том, что “орден Евразии” имеет одну внутреннюю, “охранительную”, “контрразведывательную” часть, и три “наступательных”, “инициативных”, ориентированных на критические, экстремальные, неравновесные процессы, а “орден Атлантики”, по меньшей мере, в его актуальном состоянии, напротив, имеет три “охранительных” (по сути “контрразведывательных) отдела, и лишь один “наступательный”. Такая асимметрия отражает общую картину геополитики: “атлантисты” уже добились интеграции территорий своего материка, прочно закрепились в береговых зонах Евразии, и им остается только продвигаться вперед, расширяя эти зоны в глубь континента и дестабилизируя внутреннюю обстановку в пределах Heartland’а. Евразийцы же находятся в менее выгодном состоянии, так как они еще не интегрировали свой материк, не перешли к “морской” фазе и, соответственно, не закрепились в береговой зоне противника. Поразительно, что такая асимметрия запечатлена и в самой структуре двух противоборствующих геополитических реальностей: Евразия вытянута по широте, Америка по долготе. Но существует геополитическая закономерность, отмеченная К.Хаусхофером и заключающаяся в том, что интеграция по меридиану проходит гораздо легче, чем интеграция по параллели. Возможно, в случае Евразии и Америки огромную роль играет также расположение горного хребта, который в одном случае представляет собой важную естественную границу (евразийская гряда гор от Пиренеев до Тибета и Манчжурии), а в другом нет (Скалистые гора, Кордильеры, Анды). Как бы то ни было, асимметрия орденской структуры вытекает из самой геополитической картины мира, а та, в свою очередь, тесно связана с географией.

Пока же необходимо ясно усвоить, что уровень геополитических операций по всем четырем выделенным направлениям является качественно иным, нежели действия и

операции, традиционно разворачивающиеся в пределах кратополитики, т. е. обычных спецслужб.

Четыре подразделения геополитических орденов являются невидимой надстройкой над всей системой спецслужб, проводящей собственную линию совершенно самостоятельно, но использующей в качестве инструментов классические кратополитические механизмы и организации. В определенные периоды истории геополитический рельеф “ордена Евразии” и “ордена Атлантики” выступает на поверхность, и в таком случае, возникает резонанс между геополитикой и кратополитикой. В другие периоды эти две реальности разделяются. Но сам рисунок резонансных периодов позволяет очертить общую траекторию геополитической деятельности метастратегических центров, дедуктивно выстроить и те отрезки, которые не отмечены данным резонансом и проходят за пределами явной и верифицируемой истории спецслужб.

Мондиализм

Для полноты картины следует отметить, что наряду с двойственным геополитическим делением карты мира существует еще одна модель, которая так или иначе дает о себе знать. Это — концепция мондиализма. Согласно этой модели, цивилизаионный дуализм, не говоря уже о более частном кратополитическом дроблении человечества, представляет собой не историческую норму, не объективную, вписанную в рисунок планеты диалектику развития человечества, остающуюся константой независимо от этапов его трансформации, но некий случайный и неокончательный период, ограниченный конкретными сроками и подлежащий преодолению. Мондиализм настаивает на необходимости однородной унификации мира, на конвергенции геополитических полюсов, на превращении планеты в Единый Мир с единым Мировым Правительством, своего рода Соединенные Штаты Мира. В основе такой концепции лежит представление о сущностном единстве человека, гуманистический оптимизм, отказ от признания обоснованности цивилизационных противоречий, и в пределе, стремление отменить устойчивую социологическую иерархию интерпретационных уровней, воплощенную в упомянутом выше трехчастном делении.

Заметим, что мондиалистская доктрина не претендует на то, чтобы преодолеть геополитический дуализм, не представляет собой — даже чисто теоретического — синтеза тех цивилизационных парадигм, которые предопределяет базу геополитики. Мондиализм в принципе отвергает обоснованность планетарного дуализма, затушевывая, а то и просто отрицая, глобальные исторические и духовные импульсы, которые за этим скрываются. В некотором смысле, мондиализм представляет собой противоположность дифференциации, настаивает на отмене качественных характеристик, лежащих в основе культурной, национальной, и цивилизационной самоидентификации людей. Мондиализм есть не преодоление геополитики, но отрицание геополитики, а также кратополитики, и даже этно-государственной принадлежности.

Вместе с тем, так как мондиалистская парадигма оперирует с глобальными категориями, напоминающими терминологический арсенал геополитики и кратополитики, но имеющими совершенно иное значение, в определенных случаях мондиалистские темы могут быть рассмотрены в геополитическом ключе. При этом мондиалистская парадигма входит в прямое противоречие с геополитической парадигмой. В таком случае можно было бы говорить о попытке релятивизировать или вообще отрицать обоснованность и значительность геополитического подхода в целом. И на сей раз речь идет не о простом неведении (как это имело бы место, если геополитические законы отрицались бы с позиций кратополитики или внешнего международного права, не говоря уже об обывательском нигилизме в отношении сложных интерпретационных схем), но о попытке сознательно релятивизировать геополитический подход, принизить его решающее значение. На практике такая позиция способна в конкретной ситуации сыграть на руку одной геополитической силы против другой, чтобы ослабить геополитическую бдительность, заронить сомнение в

основательности и фундаментальности дуалистического представления о цивилизации. В какой-то ситуации мондиалистский проект может служить инструментом концептуальной дезинформации для Евразии, в другое время выполнять ту же миссию в интересах атлантизма. И в зависимости от того, какой геополитический полюс в конкретной ситуации использует мондиалистскую конструкцию, она приобретает (явно или косвенно) цивилизационный оттенок, свойственный заинтересованной стороне. Иными словами, будучи внешне антигеополитической концептуальной конструкцией, призванной принизить значение цивилизационного дуализма, на практике мондиализм может выступать как поле противодействия тех же самых геополитических полюсов, входящих в этой особой и довольно тонкой области в неявное и скрытое доктринальное противодействие.

В качестве примера можно упомянуть ранние мондиалистские группы типа английских “общества Круглого Стола” Сесила Роудса и “Фабианского общества”. Обе организации отличались акцентированием необходимости унификации мира и создания единой управляющей структуры (Мирового правительства). Но при этом “Круглый Стол” Роудса был ориентирован в более атлантистском ключе, а у “фабианцев”, напротив, различались легкие евразийские тенденции. Другие примеры приведены в главе “Заговор против СССР”.

Как бы то ни было, мондиалистский проект принадлежит к сфере, смежной с уровнем действия и анализа двух геополитических орденов, хотя структурно эта область самостоятельная и отдельная. Вместе с тем сама глобалистская ориентация мондиалистов и их специфической культурно-социальной среды делала их привилегированной зоной действия представителей интересующих нас “метастратегических организаций”. И именно в этих мондиалистских средах больше вероятности обнаружить следы представителей тех сверхсекретных организаций, которые нас интересуют.

Прояснив уровень действия геополитических организмов, их общую структуру и, самое главное, их качественное отличие от организаций кратополитического плана, нам остается только наложить эту модель на совокупность исторических фактов и выявить общую интерпретационную модель, которая позволит заглянуть в тайну тайн мировых процессов.

Здесь необходимо затронуть еще один вопрос, связанный с психологическим типом людей, являющихся характерными представителями “секретных служб”.

Раздвоенность сознания

Тип человека, становящегося сотрудником спецслужб, является совершенно особым. Конечно, в этой сфере деятельности существует множество побочных, подсобных организаций, обеспечивающих технические аспекты деятельности, где работают вполне обычные люди. Но ключевые организации и подразделения разведки и контрразведки, “секретных служб” комплектуются людьми особыми, обладающими специфическими характеристиками и наклонностями. Это касается обеих сфер: и кратополитической и геополитической. Хотя в разной степени.

Сама область кратополитики находится за пределом конвенциональных юридических нормативов. Люди, действующие в этой сфере, должны руководствоваться особым, двойственным, представлением о “легальности”, “законности”, “преступлении” и пр. Если считать законопослушность характеристикой нормального члена общества, то деятель спецслужб сразу попадает в обособленную область, где “законопослушность” обнаруживает свою относительность. Сотрудник спецслужб с первых шагов своей профессиональной подготовки осваивает навык постоянного разделения двух планов социальной реальности — “номократического” и “кратополитического”. В одной из них доминирует общий социальный закон. В другой цели, задачи и методы их осуществления выходят далеко за рамки этого закона. Между социально-юридическим законом и нравственно-этической сферой, как правило, существует прямая связь. Законное и легитимное считается одновременно “моральным”. Верно и обратное: преступление нормативов “номократии” отождествляется не только с юридическим, но и с моральным, психологическим проступком.

Поэтому сотрудник спецслужб вынужден постоянно подвергаться психологическому раздвоению, удерживать одновременно две логики и два плана. С одной стороны, он остается в рамках конкретного общества с присущими ему нормативами, с другой — принадлежит к реальности, в которой доминируют совершенно иные представления о “допустимом” и “недопустимом” и в дальнейшей перспективе о “добром” и “злом”.

К раздвоению ведет не только профессиональная подготовка. Выбор профессии, призвание, склонность и симпатии к двуплановому существованию заведомо предполагают особую структуру психологического типа у человека, выбравшего работу в “секретных органах” делом жизни. Иными словами, классический сотрудник спецслужб, «активист кратополитической сферы», должен иметь психологическую склонность к раздвоенному существованию, которая в процессе исполнения функций развивается, укрепляется, становится стабильной и освоенной. Можно определить эту особенность как “двухуровневое существование”. Причем очень важно, что практика такого существования не должна приводить к дисбалансу личности, к доминации одного из этих уровней над другим, так как это полностью дисквалифицирует личность. Оба уровня (и “социальный” и “кратополитический”) должны быть в одинаковой мере освоены, и человек должен ощущать себя в них и по отдельности и одновременно уравновешенно и стабильно. Вести “двухуровневое существование” способны лишь определенные психологические типы, изначально отмеченные инстинктивной неудовлетворенностью только одного — номократического, морально-социального плана.

Важно подчеркнуть, что способность к “двухуровневому существованию” требуется не только для “нелегалов”, агентов, осуществляющих свою деятельность на территории иностранных государств или в особых средах, подчиненных принципам, радикально отличным от тех, что главенствуют в родном для агента обществе. Здесь потребность в “двух уровнях” очевидна. Такие же качества требуются и от сотрудников, остающихся в своем собственном обществе. При этом от них требуется жесткая дифференциация, поскольку сама их профессиональная принадлежность помещает их в область, которая должна оставаться тайной, неизвестной для окружающих. “Раздвоение” требуется от всех участников кратополитической деятельности независимо от конкретной возложенной на них миссии. Став общеобязательным психологическим требованием, такая особенность превращается в основное требование, учитывающееся при отборе кадров, и формирует отличительные особенности самого человеческого типа. Парадигма этого типа заключается в оперировании двумя уровнями интерпретации социальной действительности. Каждое событие, каждый социальный факт, каждый бытовой, ситуативный элемент, каждое происшествие сотрудник спецслужб трактует в двух плоскостях. С одной стороны, он вынужден осваивать реакции и оценки обычных законопослушных граждан, оценивающих события по привычной для данного общества и его более узкого социального сектора шкале. С другой стороны, тот же самый факт он интерпретирует в особой перспективе, которую вынужден скрывать от непосвященных, но которая обсуждается и поддерживается в кругу таких же профессионалов, как он сам. Кратополитика как сфера диктует особую систему интерпретаций социальных фактов. Причастный к кратополитике всегда знает “больше”, чем непричастный, даже в том случае, если это “знание” фиктивно. Важно не то, справедлива или несправедлива кратополитическая модель, важно, что она присутствует и сосуществует наряду с обыденным сознанием как дополнительное измерение, как еще один надстроенный этаж сознания.

Такая специфика психологической структуры классического сотрудника спецслужб имеет отношение к вертикальной двойственности, к навыкам одновременного нахождения в двух сосуществующих интерпретационных сферах — “номократической” и “кратополитической”. Эта двойственность может быть названа “вертикальной”, так как речь идет о неравнозначных моделях. “Номократия” объясняет и регламентирует внешнюю сторону событий и фактов, наиболее далекую от их реального содержания. “Кратополитика” имеет дело с неявной, скрытой подоплекой вещей, недоступной для непосвященных. Между

этими двумя сферами существует иерархия: “обыденная” трактовка социальных событий всегда заведомо дальше от истины, нежели ее тайная кратополитическая подоплека.

Существует и иная форма “раздвоения сознания”, также присущая типичным представителям спецслужб. В отличие от первой она может быть названа “горизонтальной”. Речь идет о способности сотрудников находиться одновременно в двух интерпретационных контекстах, принадлежащих одному и тому же социальному и интерпретационному плану. В сфере “номократии” адекватный представитель спецслужб склонен к одновременному пребыванию в довольно далеких друг от друга секторах, с пониманием и активным владением приемами всех этих сред. Закрытые круги воинских гарнизонов и столичная богема, литературные салоны и инженеры из конструкторского бюро, преступные группировки и законоохранительные органы, низшие и высшие классы обществ — все эти области, имеющие разную специфику, систему подразумеваний, этикета, жаргона и социальных установок, могут быть в равной мере доступными и естественными сферами для профессиональных сотрудников. Более того, “вертикальное раздвоение” уже само по себе облегчает эту задачу, поскольку опыт прикосновения к кратополитике обнаруживает относительность социальной фиксации в рамках конкретного общественного сектора. Все это открывается как не более чем условность, второстепенная по отношению к реальностям, с которыми сотрудник имеет дело в кратополитическом срезе своего существования.

Но помимо “горизонтального раздвоения” на нижнем, номократическом, уровне может существовать и иное “горизонтальное раздвоение” на высшем уровне. Имеется в виду такая ситуация, когда сам кратополитический уровень начинает пониматься как относительный и условный. В таком случае мы имеем дело с феноменом “двойного агента”, человека, чье сознание настолько “раздвоено”, что он способен — по той или иной причине и под воздействием тех или иных обстоятельств — смешать между собой конфликтные кратополитические парадигмы. В некоторых случаях это качество необходимо для тончайших операций по инфильтрации агентов во враждебные спецслужбы; в этом случае “раздвоенность” на верхнем уровне используется инструментально. Но сама структура кратополитики такова, что данный прием может оказаться крайне опасным, поскольку человек не может функционировать одновременно в двух противоположных парадигмах, если у него нет еще одного, третьего, высшего уровня, который бы делал два предыдущих уровня более или менее относительными. Следовательно, для эффективного внедрения в противоположную кратополитическую службу необходимо обладать какими-то совершенно незаурядными качествами и апеллировать к особой, еще более внутренней и глубокой, инстанции. В противном случае сотрудник рискует сам утерять нить того, на кого же он, собственно говоря, работает.

Описание психологического типа классического сотрудника спецслужб показывает, что речь идет о неординарном психологическом складе, тяготеющем к умножению социальных форм и интерпретационных пластов одной и той же личности. Неудивительно, что такому складу вполне может сопутствовать целый веер психических отклонений, неврозов, психозов, явных или скрытых заболеваний, в некотором случае, прямых извращений. В сфере кратополитики психические отклонения от нормы являются одним из главных признаков профессиональной пригодности. Но вместе с тем, здесь же кроется и опасность того, что данная черта приведет сотрудника к коллапсу и сделает его профессионально непригодным.

Тройственная иерархия типов

Психологический тип сотрудника спецслужб с характерным раздвоением сознания не является лишь одной разновидностью из многих. Он представляет собой выражение фундаментальной дифференциации человечества, никогда, однако, не систематизированной в должной мере. Строго говоря, все люди делятся на тех, кто довольствуется системой интерпретаций этических и поведенческих кодов, главенствующей в их непосредственном

окружении и более широком социальном контексте, и тех, кто ищет принципиально иной модели объяснения событий, отличающейся не по количественным, а по качественным характеристикам. Обычные люди примиряются с одноплановым пониманием реальности, каким бы усложненным и комплексным оно ни было. Интерпретация событий и вещей, а также система отношения к ним и соответствующих личных действий в этом случае проходит в одном срезе и является однозначной. Это характеристика “нераздвоенного сознания”. Какими бы странными, противоречивыми, даже абсурдными ни были представления этой категории, они всегда отличаются одноплоскостным, одномерным характером, вытекающим из проекции на единую плоскость множества наличествующих во вне схем.

Второй тип, тип “раздвоенного сознания” отличается изначальной и априорной установкой на одновременное создание параллельных интерпретационным систем.

Дело не в том, что первый тип (“обычные люди”) обязательно знает “меньше” о реальном положении дел, нежели люди с “раздвоенным сознанием”. Это совершенно не обязательно. “Обычный человек” может знать гораздо больше и иметь несравнимо более широкую интерпретационную систему, нежели “раздвоенный”. Но при этом все равно эта система будет качественно одномерной, принадлежащей одной и той же плоскости. И напротив, “раздвоенный” может иметь самые зачаточные представления об обеих областях реальности (о “явной” и “скрытой”), но в самых изначальных предпосылках отношения к действительности этот подход будет радикально иным.

Для наглядности картины можно обратиться к классификации раннехристианских гностиков, деливших всех людей на три категории — “гиликов” (“телесных”), “психиков” (“душевных”) и “пневматиков” (“духовных”). Такая же трехчленная антропологическая иерархия свойственна большинству традиционных обществ и духовных организаций. Предопределила она и структуру “оккультных обществ”, о типологической связи которых с системой спецслужб мы же упоминали, и к которой мы еще не раз будем обращаться в дальнейшем.

“Раздвоенное сознание” сотрудника спецслужб соответствует второму градусу гностической иерархии, т. е. типу “психиков”. “Психики” — люди, которые получили доступ ко второму уровню интерпретации реальности. Они наблюдают как события материального, телесного плана, так и их “душевную” подоплеку, параллельный мир, невидимый для “профанов”, “гиликов”, остающихся на первой ступени иерархии.

Складывается интересная картина: деление психологических типов на людей “раздвоенного” и “нераздвоенного” сознания, соответствующее древней классификации” “гилики-психики”, отражает в политико-правовой области делению на “номократию” и “кратополитику”. “Нераздвоенный” человек, “гилик”, его этика, поступки, суждения, нормативы соответствуют общеправовой, нормативной системе поведения и интерпретации. Он рассматривает вещи и события в той системе координат, которая доминирует в обществе, а свобода выбора осуществляется в системе строго определенных рамок, во многом предопределенных социальным сектором, к которому он принадлежит. Существует огромное разнообразие подтипов “гиликов”, но общая характеристика остается постоянной — они трактуют реальность только на одном уровне, смена интерпретационной модели осуществляется путем замещения. Иными словами, если “гилик” меняет социальный сектор, с соответствующей ему интерпретационной схемой, он оставляет “старую” модель и принимает “новую”, так как все эти модели существуют в одной плоскости. “Психик”, напротив, на любой сектор “номократической” реальности накладывает дополнительное кратополитическое измерение, и поэтому у него любые события, явления или действия раскладываются на две стороны — “профаническую” и “психическую”.

“Психик”, знакомый с реальностью, где вещи предстают не такими, какими их представляют для профанов, а такими, какие они есть “на самом деле”, является типовой фигурой кратополитической деятельности.

К примеру, в газетах сообщают о том, что “произошла авиакатастрофа”. Для “гиликов”

выдвигается спектр ее интерпретаций: “теракт” (косвенное разжигание неприязни к тем или иным политическим, религиозным и этническим группам), “техническая неисправность” (косвенно способствует дискредитации компании, которой принадлежал самолет), “некомпетентность экипажа” (косвенное указание на предпочтительное использование иных видов транспорта), или какие-то иные предположительные причины, упоминание которых в СМИ обязательно преследует какую-то определенную, непроговариваемую цель. “Гилики”, люди “нераздвоенного сознания”, либо верят одной версии, либо сомневаются, что принять на веру, либо не обращают на событие особого внимания. Самые компетентные “гилики” способны проследить логическую цепочку, приводящую к организациям и силам, заинтересованным в той или иной интерпретации. “Психики”, т. е. “люди раздвоенного сознания”, субъекты кратополитики и типичные сотрудники спецслужб, интерпретируют “авиакатастрофу” как событие совершенно иного качества. Во-первых, они никогда не могут быть уверены в том, что этот факт вообще имел место. Следовательно, они допускают существование интерпретации без факта. Во-вторых, они заведомо убеждены в искусственной природе катастрофы, так как в кратополитической сфере никогда ничего не происходит без выгод и интересов конкретных сил. Поэтому само происшествие, имеющее видимость несчастного случая, интерпретируется ими заведомо как результат сознательной операции, имеющей логику и цель, всегда остающиеся за пределом профанической действительности. “Кратополитическое” объяснение катастрофы не просто еще несколько версий происшедшего. Это целая система знаний и механизмов, остающаяся обязательно за кадром общедоступной сферы. Тайный, “секретный” характер всей области кратополитики предполагает, что “истинные” объяснения не будут даны “профанам” вообще никогда, поскольку речь идет не о неизвестных элементах определенной плоскости, но о совершенно иной плоскости, само существование которой не доступно “непосвященным”. При этом классический “психик” интерпретирует выбранную нами в качестве примера “авиакатастрофу” в своей сложной, двойственной, кратополитической системе координат даже том случае, если данная область крайне далека от его профессиональных интересов и если его компетентность в конкретном вопросе ничтожна. Важно подчеркнуть, что “психик” сплошь и рядом бывает совершенно некомпетентным в кратополитической реальности применительно к конкретному факту, и в таких случаях он вынужден довольствоваться самыми приблизительными, туманными и неадекватными домыслами. Но и в этом случае характер домыслов будет сущностно кратополитическим, т. е. логика реконструкции будет радикально иной, нежели структура “обывательских” мифов, распространенных среди “гиликов”, “профанов”, верящих в действенность этико-правовых нормативов.

Но в гностической картине существовала еще третья категория, третий тип — “пневматики”. Им в социальной антропологии соответствует еще одна разновидность людей. Это люди с “утроенным сознанием”. Они действуют не в двойственной, а в тройственной схеме, мир интерпретации у них троичен. Подобно тому, как обычные сотрудники спецслужб, оперирующие с моделями кратополитики относятся к одно-плановой схеме профанов, “пневматики” относятся к самой кратополитической модели как к недостаточной сфере, где мы имеем дело не с причинами, а со следствиями, хотя и качественно иными, нежели следствия “профанического” уровня.

Геополитика как модель интерпретации соответствует как раз этому “пневматическому” типу, своего рода “элите элит” или особого секретного отдела по отношению к общей структур спецслужб.

“Пневматики” рассматривают кратополитические концепции как конвенции, как промежуточные и упрощенные представления о природе вещей. Психологический тип, соответствующий “пневматикам” или “геополитикам”, является еще более редким, нежели люди с раздвоенным сознанием, представляющие собой типичных кандидатов для работы в “секретных службах”. “Утроенное сознание” — это последняя степень обобщения, мыслимая в рамках человеческого архетипа. Это — максимальная степень одновременного рассмотрения явлений.

Трудно сказать, из чего такое гносеологическое ограничение вытекает, но оно соответствует устойчивой картине в исторически фиксируемых структурах иерархии. Многообразие степеней или градусов “посвящения”, а также иерархии чинов и статусов являются лишь развитием трех основных категорий, вторичным подразделением внутри трех основных типов.

Трудно объяснить “профанам”, людям “не раздвоенного сознания”, в чем конкретно состоит сущность “психиков” и их манера восприятия действительности. Более того, это невозможно, так как люди, способные представить себе одновременное восприятие реальности в двух качественно различных планах, уже не является в полной смысле “гиликами”. Еще труднее описать феноменологию “пневматиков” или логику “геополитического” подхода к миру и его устройству, так как это предполагает еще большее абстрагирование от того, что является нормой для подавляющего большинства людей.

Ограничимся лишь теоретическим соотнесением между собой трех психологических типов, соответствующих трем моделям интерпретации социальной реальности.

1. “Гилики”, профаны, люди “не раздвоенного сознания” пребывают в сфере “номократии”, подлежат системе юридических, этических, поведенческих и психологических нормативов, предполагающих универсальность и общеобязательность одного плана бытия. На социальном уровне этой психологической категории соответствуют все профессии, социальные группы и виды деятельности, которые не имеют отношения к области “спецслужб” или к тем кратополитическим реальностями, в которых со всей очевидностью обнаруживается условность, прагматичность и недостаточность обычных интерпретаций событий и явлений. Чаще всего те сферы знаний и те профессии, которые хотя бы в некоторой степени выходят за пределы общесоциальных нормативов, оперируют с более широкими комплексами реальности, — философия, психология, психиатрия, социология и т. д., — курируются прямо или косвенно представителями кратополитических структур, т. е. сотрудниками спецслужб. Так обстоит дело не только в тоталитарных обществах, но и в обществах демократических и либеральных, хотя формы такого контроля существенно разнятся.

2. “Психики”, “посвященные”, люди “раздвоенного сознания” интерпретируют реальность на двух уровнях (общем, “номократическом”, и “тайном”, “кратополитическом”), отдавая предпочтение кратополитическим системам, но постоянно скрывая это внешне. Этот тип людей является основной категорией сотрудников различных спецслужб, курирующих кратополитический уровень общественной жизни. Кратополитика, по определению, считается в первую очередь не с правом, но с силой, и поэтому “силовое” объяснение превалирует здесь над “правовым” объяснением. Подобно тому, как психолог или психиатр относится к человеческой личности как к механической конструкции, к объектной совокупности синдромов и комплексов, тогда как обычный человек убежден в спонтанности и субъектности самого себя, “психик” рассматривает социальные и политические события как объектное выражение неких механизмов, скрытых от общественности и сознательно управляющих тем, что представляется для профана “случайностью”, “свободным решением”, “объективной закономерностью” и т. д. Сравнение с психологом (или психо-аналитиком) наглядно и помогает представить, какую роль играет кратополитический пласт в обществе.

3. “Пневматики”, люди “утроенного сознания”, имеют дело с еще более сложной системой интерпретаций. Они достраивают дуальную иерархию “гилики- психики” (соответствующую делению на “обычных людей” и “сотрудников спецслужб”) до тройной иерархии, где над кратополитическим уровнем возникает еще один — “геополитический” этаж, представляющий собой новый и последний интерпретационный пласт, где обнаруживается относительность как “номократического”, так и кратополитического планов понимания реальности. Кратополитика сама берется здесь в качестве объекта интерпретации, в качестве “картины болезни”, “синдрома”, в качестве “пациента”. “Силовая” природа реальности, интерпретирующая ее “правовую” сторону, в свою очередь, подвергается

расшифровке в рамках новой, геополитической” парадигмы. “Пневматики” могут быть, таким образом, сопоставлены с психологами, занимающимися исследованием и терапией психологов, или с теми, кто формулирует и формирует методологии и предпосылки, ложащиеся в основу той или иной психологической или психиатрической школы.

И, наконец, три психологических типа соответствуют трем уровням социальных институтов. Первый тип, “гилики”, наполняют собой обычные, “несекретные” организации, т. е. подавляющее большинство социальных и профессиональных секторов общества. “Психики” предоставляют собой типичных представителей “спецслужб” или тех областей знаний, которые имеют какое-то отношение к кратополитике, оперируют с социальными, политико-экономическими, мировоззренческими, философскими и юридическими парадигмами (как правило, эта деятельность напрямую курируется представителями спецслужб). И, наконец, “пневматики”, самый редкий и малочисленный, исключительный тип людей составляет основу сверхсекретных организаций, которые имеют дело с парадигмой парадигм, с геополитической интерпретацией кратополитического уровня.

Организации “пневматиков” по своему качеству и роду деятельности являются настолько закрытыми, что очень сложно соотнести или отождествить их с каким-то конкретными социальными институтами, информация о которых может быть получена традиционными способами. Существование спецслужб юридически признано и никем не отрицается, хотя их деятельность, структура и модели функционирования чаще всего остаются засекреченными. Но в случае “геополитических центров решений” — ситуация иная. Сам факт их существования многие подвергают сомнению, считая это “мифом”, “домыслом”, “легендой”. Если мы внимательно присмотримся к тройственной иерархии интерпретационных моделей и соответствующих им типов, то причина такого скептического отношения станет ясна. Существует ли лучший способ засекретить свою деятельность, чем внушить мысль о собственном несуществовании?

Спецслужбы и тайные общества

В социологической типологии спецслужб мы отнюдь не случайно воспользовались терминологией, почерпнутой из арсенала “тайных обществ” оккультного типа. Такие общества существовали на всех стадиях человеческой цивилизации и имели место у всех народов земли, во всех культурных и религиозных контекстах. Исследования таких авторов как Мирча Элиаде и Рене Генон убедительно показали, что область “эзотеризма” и “инициации” представляет собой неотъемлемый уровень всякой человеческой формации — от примитивных племен до сложнейших государственных макрообразований.

При рассмотрении тайных обществ некогда преобладала чисто позитивистская пренебрежительная позиция, отождествлявшая эти структуры с пережитками древних институтов, появившихся как модели некритической, “донаучной” интерпретации мира, пытающейся дать упрощенные или заведомо ложные ответы на теоретические вопросы космогонии, космологии, этики и т. д., всегда стоявшие перед человеческим духом. Но развитие социологии, антропологии, истории религий в XX веке и особенно во второй его половине заставило отказаться от примитивного взгляда на природу мифа и от приравнивания “эзотеризма” и “инициации” к “пережиткам темного Средневековья”. Постепенно ученые утратили оптимизм, с которым деятели Просвещения и их духовные наследники относились к данным позитивистской науки, принимая их за обнаружение последней истины, скрытой ранее от человечества за стеной предрассудков, суеверий и ложных, упрощенных представлений о природе реальности. Оказалось, что сам позитивизм есть не что иное, как одна из возможных интерпретационных систем, основывающаяся на столь же бездоказательной и мифической базе, как и древние космогонии. Просвещение не отменило миф, но гуманизировало его, свела до уровня индивидуума и его рассудочной деятельности. Показательно при этом, что вожди и вдохновители Просвещения сами принадлежали в подавляющем большинстве случаев к “эзотерическим” и “инициатическим”

организациям, устроенным по архаическому образцу. Поэтому большинство современных социологов и культурологов склонны рассматривать “секуляризированный”, рационалистический характер Нового времени просто как смену мифологических парадигм, а не как избавление человечества от “гнета сакрального”, на что надеялись и что провозглашали рационалисты и атеисты первых поколений. Более пристальное рассмотрение среды возникновения идей, специфических для Нового времени (у того же Элиаде или Юнга), однозначно убеждает, что все они суть гипертрофированное и одномерное развитие комплекса герметических наук, составлявших как раз основу западноевропейского эзотеризма. Получается, что за “прогрессистским” пафосом просвещения стояла лишь смена мифологических парадигм, а отрицание “традиции” касалось исключительно отвержения католического, западно-христианского комплекса идей и мировоззрений.

Из такого положения можно сделать один в высшей степени важный социологический вывод — структурализация общества по трем уровням, соответствующим “гиликам”, “психикам” и “пневматикам”, относится не только к гностическим сектам или оккультистским группам, но отражает фундаментальную типологизацию человеческих обществ, характерных для любой модели их устройства и любой идеологии.

Легко проследить это тройственное деление в христианстве: ветхие люди (неверные, нехристиане и оглашенные), верные (христиане, принявшие крещение) и иереи (рукоположенные, посвященные в сан). Подчеркнем, что это не церковная, но антропологическая иерархия. Особенно строго такого взгляда на устройство общества придерживались первые христиане, жившие среди язычников и являвшиеся полным аналогом эзотерического и инициатического общества.

Такая же картина свойственна исламскому миру, где профанами считаются “неверные”, посвященными в первой степени все, исповедующие шариат, а высшими посвященными — члены суфийских, эзотерических общин, “тарикатов”.

Но такая чистая структурализация в рамках этих религий строго соблюдается только в том случае, когда религиозная община находится в чуждом контексте. После того, как религия распространяется на мажоритарные социальные слои и становится достоянием большинства, а не избранного меньшинства, как на первых этапах, иерархическая картина усложняется. Отныне религиозное большинство соотносится с первым уровнем, клир (в христианстве) или суфии (в исламе) — со вторым, а третий иерархический уровень соответствует особой избранной категории духовидцев. В христианстве это монашество, и особенно его исихастское направление, в исламе — особые избранные тарикаты, стоящие по ту сторону обычных суфийских братств (к примеру, такие, как “ишракийун” Сохраварди или последователи ибн Араби). В западном христианстве после раскола церквей в 1054 году внутренний эзотерический слой (“психики” и «пневматики») стал двигаться в сторону все возрастающей концептуальной самостоятельности, постепенно утрачивая укорененность в христианской католической доктрине. Обособление “эзотеризма” и вызвало постепенно появление антицерковных “инициатических” организаций, которые впервые проявили себя вовне в период Реформации, а затем предопределили развитие некоторых крупных течений в европейском масонстве. Эта секуляризированная, антикатолическая линия западно-европейского эзотеризма и стала архитектором современного общества и современного духа, заложила основы светского мировоззрения, рационализма, атеизма, материализма и других характерных тенденций современности. И несмотря на стремление просветительских сил деиерархизировать общество, утвердить принципы “равенства и свободы”, в конкретике социального устройства даже самых демократических и “прогрессивных” систем сказалась все та же традиционная иерархичность герметических орденов и масонских лож. И деление всех людей на профанов, посвященных и сверхпосвященных никуда не исчезло, перейдя на иной уровень и дав импульс новой стратификации социальных групп и управленческих элит. Эти соображения объясняют, почему мы не проводим строгих различий между профаническими, социально предопределенными “спецслужбами”, представляющими собой лишь второстепенный

придаток такой светской и начисто лишенной сакральности вещи, как “современное государство”, и оккультными ложами и орденами, оперирующими, казалось бы, в совершенно иной среде и с совершенно иными реальностями. На самом деле, с типологической и социологической точек зрения, и спецслужбы и ложи суть явления одно-порядковые, “конгруэнтные”, типологически близкие. Не случайно в традиционных обществах такое сходство выражалось в практическом тождестве обеих структур: там эзотерические организации сплошь и рядом выполняли разведывательные и контрразведывательные функции (особенно схожие с тем, что в Новое время получило название “политическая разведка”). И наоборот, все представители элит, имеющие отношение к обеспечению безопасности общества или государства с необходимостью принадлежали к особым эзотерическим кланам и орденам.

Так обстояли дела раньше, но точно так же обстоят дела и сегодня. Если на уровне внешнем, “обывательском”, в Новое время произошла радикальная и кажущаяся абсолютной смена интерпретационных парадигм (распространение атеизма, бытового материализма, скептицизма и т. д.), то на уровне элит и групп реального управления (особенно спецслужб) сохранилась удивительная преемственность с древними институтами и мировоззрениями, свойственными предшествующим стадиям социального развития. Уже на первом “конспирологическом” уровне интерпретационный “консерватизм” гораздо выше, нежели на нулевом, профаническом. А “пневматики” имеют дело вообще с надвременной реальностью, превышающей относительную канву человеческой истории.

Между “эзотериками” и “сотрудниками госбезопасности” существует типологическое единство, социологически и психологически фиксируемое тождество интерпретационной логики, конгруэнтность аналитических механизмов и парадигм реализации конкретных оперативных заданий. Тайное тяготеет к тайному, “secret societies” к “secret services”. И спецслужбы и эзотерическая элита имеют дело не со сферой социальных следствий, но с областью социальных причин, а “причинный план” требует последовательной дифференциации в отношении профанического общедоступного уровня. И “посвященные” и “агенты” понимают искусственную, почти механическую природу поведенческого и ментального стереотипа масс, инструментальный характер их мнений и решений, фрагментарный, ограниченный и легко манипулируемый сектор их интерпретационных методологий. Поэтому на первом конспирологическом уровне возникает потребность прагматической редукции знаний о причинной области для большинства. При этом такая редукция, наряду с вытекающей из нее потребностью в “сокрытии информации”, не является злонамеренным своевольным выбором “элиты”, стремящейся держать массы в неведении, но основана на интерпретационном, гносеологическом неравенстве людей, на объективном различии “познавательных темпераментов”. Один человеческий тип (наиболее распространенный) всегда довольствуется фрагментарной информацией, обеспечивающей нормальное функционирование в узком социальном секторе (семья, дом, профессия, знакомые, самые общие представления о структуре доминирующего мировоззрения и социальном устройстве). Можно назвать это “индуктивным гносеологическим темпераментом”. Другой тип стремится получить представление о целом, обрести ключ к пониманию логики целого, и без этого он не представляет себе жизни. Такой гносеологический темперамент можно назвать “дедуктивным”. В традиционном обществе, основанном на принципах религии и сакральности мира (как человеческого — сакральность социума, так и нечеловеческого — сакральность космоса), человек дедуктивный вступает в орден, идет по духовной линии. В современном мире эквивалентом этой утраченной области (в том значении, которым она обладала при царстве Традиции) являются спецслужбы, также вводящие человека в закулисные сферы социального и мировоззренческого функционирования. Сходство задач и уровня, а также генеалогия происхождения из одного корня снова сближает между собой то и другое.

Не случайно даже в атеистическом и доктринально материалистическом советском обществе сфера религии и оккультных лож находилась в ведении КГБ, равно как и область

социально значимых научных дисциплин.

В западном либеральном мире вплоть до настоящего времени связь спецслужб с миром оккультных обществ, сект и масонских лож была еще более очевидной. Западная элита никогда не отказывалась признавать значимость конспирологического уровня, тем более, что по традиции правящий класс либерал-демократических обществ рекрутировался преимущественно из масонской среды. Это вполне логично, если учесть, кому исторически принадлежит концептуальное авторство современной западной цивилизационной парадигмы.

Если вернуться теперь к нашей основной теме, станет понятным отождествление кратополитического уровня социального устройства общества с типом “психика”, первой ступени посвящения в тайных обществах. Кратополитика как особая область интерпретаций и действий открывает перед человеком картину распределения сил на внутри- и внешнеполитическом пространствах, отличную от той, с которой имеют дело обычные люди. На уровне кратополитики действуют иные субъекты и иные закономерности, на первый план выходят иные силы и иные нормы. Это уровень, превышающий юридическую формализацию социальных или международных отношений. К примеру, на кратополитическом уровне в определенных случаях вполне оправдано насилие, нарушение законодательных гарантий граждан, начало войн, территориальная экспансия и т. д. Если аналогичные действия будут предприняты обычными гражданами, на них обрушится вся мощь юридического, социального и этического осуждения. Точно так же у “посвященных” есть своя этика и свои законы, свои нормы и свои критерии поведения.

Для понимания уровня, на котором действуют спецслужбы (уровней кратополитики и геополитики), необходимо постоянно учитывать их типологическую близость структуре тайных обществ. Такое сближение позволит понять множество парадоксальных и темных страниц современной истории.

Теперь перейдем к разбору того, что можно назвать кратополитической картой мира. Этой картой руководствовались и продолжают руководствоваться те, кто реально участвует в подготовке и осуществлении важнейших крупномасштабных операций, затрагивающих судьбы народов.

Американский континент в кратополитической картине мира

Выше мы в самых общих чертах обрисовали геополитическую картину мира. Ее более детальное, прикладное рассмотрение приведет нас к кратополитической картине, которая является под-системой глобальной геополитики.

Между двумя цивилизационные полюсами — осями талассократии и теллурократии — существует целая градация промежуточных пространств, играющих в геополитике подчиненную роль, но являющихся самостоятельными субъектами с точки зрения кратополитики. Вторичные и зависимые геополитические конструкции выступают как первичные и независимые оси кратополитики. Обрисуем бегло кратополитическую картину мира.

В геополитическом пространстве Америки (включая Северную и Южную) однозначной стратегической и кратополитической доминацией обладают США. Будучи самостоятельным геополитическим субъектом, США являются и мощнейшим полюсом кратополитической сферы, жестко контролируя остальные страны. Конечно, некоторым номинальным кратополитическим весом обладают Канада, Мексика, некоторые страны Центральной и Южной Америки, но ни одно из американских государств не является самостоятельным стратегическим полюсом и не может претендовать на какую-либо реальную суверенность.

И все же в узко региональном масштабе можно выделить несколько потенциальных кратополитических полюсов. Особенно важно подчеркнуть, что речь идет именно о потенциальных полюсах, так как доминация США на обеих частях американского континента остается столь масштабной и устойчивой, что даже в региональном объеме

никакой самостоятельной политики у других американских государств быть просто не может (в отличие от многих государств Евразии). Потенциальные кратополитические полюса обретают свое значение в динамической картине, и их усиление и движение к кратополитической суверенности является в высшей степени желательной перспективой для евразийского геополитического полюса.

Потенциальностью, о которой идет речь, обладают Канада, Мексика, Аргентина, Бразилия, Чили и Колумбия. Особым статусом обладает остров Куба, являющийся геополитическим форпостом Евразии у американских берегов и, следовательно, обладающий несравнимо большей свободой от гегемонии США, чем все остальные американские государства, даже те из них, которые многократно превышают по стратегическому потенциалу “остров свободы”.

Куба, в некотором смысле, представляет собой “береговую зону” Америки, и успешно осуществленная социалистическая революция в этой стране была выдающимся геополитическим достижением Москвы за всю геополитическую историю Евразии. Впрочем, этому предшествовал гораздо более выгодная геополитическая картина, когда Россия контролировала Аляску и некоторые территории тихоокеанского континента. Продажа этих земель США в 1867 была абсолютно недальновидным, безответственным шагом, в котором отразилась крайнее геополитическое невежество Александра II и его внешнеполитической службы.

Канада номинально управляется английской королевой и губернатором, но это — лишь дань формальной традиции. В конкретных политических вопросах эта страна совершенно не самостоятельна и полностью зависит от США. Усиление кратополитического потенциала Канады и повышение объема ее суверенности напрямую зависит от усиления связей с Европой, которые в Канаде все же более развиты, нежели в США, особенно с католическими странами и с Францией. Французский фактор в Канаде со значительным процентом франкофонов является сам по себе важным кратополитическим элементом, так как усиление позиций этого сектора в политике с необходимостью повлечет за собой ослабление стратегической доминации США и возможность начала самостоятельной кратополитической судьбы. Но вместе с тем, речь идет только о далекой и неопределенной возможности, поскольку в актуальной реальности Канада и ее силовые и разведывательные структуры остаются простым приложением к кратополитике США, являясь полностью зависимым от нее филиалом.

Южный сосед США Мексика имеет две исторические кратополитические традиции — одна из них сопряжена с католико-испанским фактором, другая — со светским проанглосаксонским лобби, опиравшемся ранее на масонские структуры, а позже ставшем основой либеральных политических партий. Мексика является довольно развитым и масштабным геополитическим государством, с элементами, могущими стать основой для начального кратополитического суверенитета. Такой суверенитет имел место в историческом прошлом, когда доминация США еще не была столь тотальной. Движение в этом направлении может быть осуществлено несколькими силами — либерал-католическими кругами, некоторым церковными интегристами, левыми (“сапатистас”, “чиапас”), связанными с этническими пластами индейцев и некоторыми иными, более маргинальными, социальными группами. Следует обратить внимание на то, что потенциальная кратополитическая самостоятельность Мексики делает ее более сложным явлением, нежели менее масштабные страны Латинской Америки, где действовали промосковские силы и где можно было опереться исключительно на коммунистический, марксистский, искусственно созданный и поддерживаемый элемент. Следовательно, в геополитической стратегии Евразия должна была учитывать в данном случае более сложный ансамбль интересов и сил, который во многом противоречил довольно узким мировоззренческим позициям советской Москвы. Этот догматизм при реализации глобальной геополитической стратегии в мировом масштабе был одной из основных причин поражения СССР в “холодной войне”.

Рассматривая кратополитическую картину в различных уголках планеты, мы постоянно

сталкиваемся с этим же печальным явлением. Вместо того, чтобы использовать многообразие кратополитических возможностей в противостоянии евразийской Москвы атлантистскому блоку, мы использовали только те, которые соответствовали точно или, по меньшей мере, приблизительно ортодоксальным марксистским концепциям, отказываясь от многочисленных альянсов с силами сходной геополитической ориентации, но выступающими под иными мировоззренческими знаменами. Мексика и ее кратополитическая история в XX веке являет собой яркий пример того, как мировоззренческая узость препятствует эффективной планетарной геополитической стратегии.

Евразии выгодно усиление любых кратополитических образований в сфере устойчивого влияния США, под какими бы идеологическими вывесками они ни осуществлялись. Любое — правое или левое, религиозное или светское, этнократическое или интернационалистское государство на американском континенте, имеющее минимальную стратегическую самостоятельность, Москва обязана была поддерживать и по возможности спонсировать, так как это напрямую способствовало ослаблению унитарных геополитических позиций США в мире.

Все остальные страны Центральной Америки, кроме Мексики, не могут являться полноценным кратополитическим образованием, способным проводить самостоятельную политику даже в региональном масштабе. Особое место среди них занимают Никарагуа и Панама, населенные преимущественно индейцами и менее всего интегрированные в стратегический североамериканский блок. Они занимают ключевую позицию в территориальной структуре Американского континента, и за счет их стратегической центральности в определенной ситуации их земли могут иметь решающее значение в геополитической картине. На этом основан и пристальный интерес Москвы к этому региону, который, начиная с конца 50-х годов, стал приоритетной точкой приложения усилий советских спецслужб в Латинской Америке.

Спускаемся южнее. Следующим важнейшим потенциальным кратополитическим полюсом является Колумбия. Эта страна исторически была центром “империи Боливара” или “Великой Колумбии”, которая включала современную Колумбию, Перу, Эквадор, Боливию, Венесуэлу. Среди всех этих стран Колумбия обладает стратегически центральным значением и способна стать полюсом возможного кратополитического блока на севере южноамериканского континента. Колумбия по совокупности всех кратополитических факторов значительно превышает соседние страны и обладает локальными интеграционистскими амбициями. По определенном стечении обстоятельств Колумбия могла бы стать “второй Мексикой”, и в этом случае к ней можно было бы отнести все те геополитические соображения, которые мы высказали относительно Мексики.

В Колумбии довольно сильны традиции герильи, основанной на марксистской теории. Но на практике сегодня там существует военизированный полицейский режим, целиком ориентированный на США. Наличие антикапиталистической и (ориентированной против США) герильи характерно и для соседних стран (Эквадор, Венесуэла), но особенно сильна она в Перу (знаменитые “Сендеро Луминосо”). Показательно, что, как и большинстве других мест, социальный остов герильи основан практически целиком на этнических индейцах, ставших париями и в социальном, и в национальном, и в культурном планах.

Особым кратополитическим качеством обладает Бразилия, самая крупная территориально и демографически держава Южноамериканского континента. В отличие от большинства латиноамериканских стран в Бразилии распространены португальский язык и португальская культура. Бразилия менее других латиноамериканских стран интегрирована в общеамериканскую жизнь, предпочитая значительную внутреннюю автаркию. Но и в этом случае правящая элита традиционно ориентированна на США и строго подчиняется геополитической доминации, даже не пытаясь выдвигать минимальные претензии на суверенность. Показательно, что масонские идеи в Бразилии играют настолько важную роль, что выступают не просто в качестве закрытых “фоновых” организаций, но как суррогат

общей культуры или своеобразной синкретической традиции, официальной идеологии. Стратегический потенциал Бразилии вполне достаточен для того, чтобы в определенной ситуации она могла бы претендовать на кратополитическую самостоятельность, но исторических прецедентов такого поворота не существовало, и даже наиболее “националистические” силы подчеркивали свою лояльность геополитической воле США.

Последние две страны Латинской Америки, способные, теоретически, стать кратополитическими полюсами, — это Аргентина и Чили. Чили в социально-политическом смысле является продолжением на юг “Великой Колумбии”, и поэтому общий баланс сил там в целом повторяет картину, характерную для северных регионов Южной Америки. Вытянутая вдоль тихоокеанского побережья, населенная в значительной степени индейскими племенами, Чили отрезана Андами от восточной части континента. В этой стране крайне развиты левые тенденции, и правление проевразийского Альенде вызвало в свое время прямое вмешательство США в политику этой страны и поддержку проамериканской диктатуры Пиночета. Но в любом случае общий стратегический потенциал Чили значительно уступает Мексике, Аргентине или Бразилии, а ее география не имеет решающего значения.

Наконец, Аргентина. Огромная испаноговорящая страна, имеющая серьезные основания для того, чтобы быть кратополитической единицей. При генерале Пероне, сумевшим объединить «левых» (противников США) и национал-патриотические силы (также противников США, но по совершенно иным соображениям). “Хустисиализм” как официальное мировоззрение Перона является, в некотором смысле, наиболее совершенной парадигмой того пути, по какому должны были бы следовать латиноамериканские державы, выбирающие кратополитический суверенитет. Кратополитические традиции Аргентины настолько значительны, что даже совсем недавно стали причиной вооруженного конфликта между Аргентиной и Англией (за Мальдивские острова), что является беспрецедентным случаем в истории урегулирования конфликтов в зоне устойчивого геополитического контроля атлантистов.

Уругвай не обладает достаточным кратополитическим масштабом для того, чтобы даже потенциально быть самостоятельным стратегическим фактором, и может быть рассмотрен как провинция Аргентины (хотя в свое время эта страна была насильственно включена в состав Бразилии).

Некоторой культурной особостью обладает Парагвай, бывшее искусственное государство иезуитов, но его кратополитическая суверенность, даже в региональном масштабе, давно утрачена. Вследствие завоевательных походов Аргентины и Бразилии значительная часть территорий Парагвая входит сегодня в состав соседних государств, а политическая власть парализована тотальным контролем североамериканской сверхдержавы.

Кратополитическая карта Европы

Географическое понятие Европы не совсем уточнено. Есть тенденция считать Европой всю территорию Евразии от Атлантики до Урала. Иногда это понятие берется в более узком значении и обозначает земли, лежащие на Запад от России и на северном побережье Средиземноморья. В геополитическом смысле точнее понимать под Европой “романо-германский мир”.

Вплоть до последнего столетия Европа была мощным геополитическим центром, состоящим из нескольких самостоятельных кратополитических субъектов. Со второй половины XX века, когда США стали безусловным стратегическим лидером мирового масштаба в рамках всей атлантистской цивилизации, страны Европы утратили в значительной мере эту самостоятельность, превратившись в подсобные геополитические образования. Но значительную степень кратополитической субъектности некоторые европейские державы сохранили и по сей день.

По этническому признаку Европа делится на три зоны: романскую, германскую и

славянскую. Конфессиональное деление: католичество, протестантизм, православие. Эти три ареала повторяются и на кратополитическом срезе, хотя несколько в ином соотношении. Европу можно разделить на Западную Европу, Среднюю Европу и Восточную Европу. Наконец, в чисто геополитическом аспекте вся Европа вместе взятая представляет собой важнейшую “береговую зону” Евразии, растянутую между двумя альтернативными полюсами притяжения — атлантистским и евразийским.

Наиболее западной, чисто атлантистской, страной европейского полуострова является Англия, которая, осознав себя в XVII веке Островом, Кораблем, временно пришвартовавшимся к европейским берегам, а не частью материка, отделенной от основной континентальной массы проливом (как это было ранее), долгое время была синонимом “крайнего Запада”, пока не уступила эту функцию своей заатлантической проекции, США.

Англия, населенная преимущественно англосаксами, исповедующими различные формы протестантизма, представляет собой цивилизационный и кратополитический полюс, который может быть рассмотрен как ближайший аналог США в пространстве Европы. Фактически, это не столько европейская, сколько атлантистская, морская страна, породившая современную талассократию в ее наиболее рафинированной концептуальной цивилизационной форме. Англия, в определенном смысле, является не береговой зоной, но плавучей базой США, внешним пределом альтернативного Евразии континента. Сухопутные тенденции здесь минимальны, и в этом отношении в кратополитическом смысле можно отождествить английский полюс с Америкой, родственной Англии по культуре, идеологии, геополитической миссии и т. д. Такая геополитическая функция Англии предопределяет и ее кратополитический статус. Ее влияние и ее стратегические инициативы всегда направлены в сторону *моря* , а следовательно, разнообразные формы англофилии у других народов представляют собой тенденцию, ориентированную однозначно атлантистски и в чем-то антиевропейски (если понимать под Европой основное пространство этого западного полуострова Евразийского материка).

Внутренней оппозицией в кратополитическом пространстве Англии является Ирландия, а также области Уэльса и Шотландия, населенные преимущественно представителями кельтского этноса. Особенно показателен пример ирландцев, которые отличаются от англосаксов не только этнически, но и религиозно (ирландцы — католики), выступая в английском кратополитическом пространстве как нонконформистский, оппозиционный, отрицательный элемент. Можно считать, что ирландцы (в меньшей степени остальные кельты) представляют в Англии силы континентальной Европы. Франция представляет собой второй кратополитический полюс Европы, бывший долгое время самодостаточным и самостоятельным и игравший в европейском (и мировом) масштабе важнейшую роль. Франция входит вместе с Англией и Португалией в число самых западных стран Европы, но в то же время французская история гораздо в меньшей степени затронута морскими геополитическими тенденциями, чем Англия. Франция была не источником, но реципиентом атлантистских импульсов, идущих из Англии, а в некоторые периоды ее европейская политика становилась синонимом “континентализма”. Именно как выражение интеграционной воли суши понимал, к примеру, Гете, завоевания Наполеона и особенно его конфликт с Англией.

С другой стороны, Франция все же намного ближе к атлантистской цивилизационной модели, нежели ее могучий восточный сосед — Германия, и по отношению к Германии (и даже Австрии) роль Франции чаще всего соответствовала “талассократической” линии. Также и в рамках романского мира (Испания, Италия, Португалия) и католических стран (три вышеназванные плюс Австрия, Венгрия, Польша, Хорватия, Словения) Франция выступала скорее как нетрадиционный, западнический, наименее “сухопутный” геополитический элемент. Особенно однозначной такая ориентация была в периоды франко-английских союзов. О подобных блоках можно было вполне говорить как об атлантистских.

Португалия некогда была мощным государством, тяготевшим к талассократическому

типу, и поэтому всегда лояльно относилась к Англии. В последние столетия ее кратополитический суверенитет значительно поблек. Испания в рамках иберийского полуострова, напротив, представляет собой скорее сухопутное пространство, тяготеющее по цивилизационному стилю более к средней Европе, чем к собственно западноевропейским ареалам. Даже в эпоху великих географических открытий, когда Испания была полноценным конкурентом английским колонизаторам, испанцы несли в колонии среднеевропейский, относительно “сухопутный” дух, и поэтому испанская империя так никогда и не стала полноценной талассократией. Покоряя моря, испанцы остались непокоренными *морем* .

Средняя Европа имеет своим однозначным полюсом Германию, важнейшую кратополитическую реальность Европы. Германия представляет собой самый сухопутный, самый континентальный сектор полуострова. Если мы ограничимся только Европой (за исключением тех ее секторов, которые попадают в зону влияния России), то Германия может быть названа «евразийской державой» (в указанном ограниченном смысле). Будучи мощнейшей кратополитической суверенной державой, Германия выступает как антитеза Англии и (в несколько меньшей степени) Франции. Вынося за скобки Россию, можно представить себе кратополитическую картину Европы как статическую антитезу английского (или англо-французского) и германского (среднеевропейского) полюсов. Вся кратополитическая ткань Европы растянута между Германией и Англией, хотя между ними стратегически наличествует такая масштабная реальность как Франция. Эта тройка (не простая, а структурированная, с оппозицией между Англией и Германией) является остовом европейской кратополитики. Остальные державы заключены между этими центрами и имеют ограниченный зазор для кратополитического маневрирования, обусловленный структурой названной тройки стран.

Англия, Франция и Германия суть три субъекта европейской кратополитики, и поэтому всякая структурализация кратополитической картины в иных европейских державах, даже таких значительных, как Испания или Италия, в огромной степени зависит от модели соотношения со странами тройки, каждая из которых несет в себе специальную и довольно самостоятельную миссию.

Четвертым весомым полюсом, хотя иного масштаба и иначе структурированного, является Ватикан, католическая церковь, которая исторически играла огромную роль в европейской геополитике (вспомним, к примеру, декрет папы Льва о разделении земного шара между Испанским и Португальским монархами, который предопределил изначально на каком языке говорят миллионы жителей Америк, африканских и тихоокеанских стран). Ватикан имеет самостоятельное значение, хотя чаще всего кратополитически он солидарен со Средней Европой, и особенно с ее южной частью.

И, наконец, восточно-европейские народы не имеют кратополитического полюса, аналогичного тройке. Эту функцию выполняет гигантская геополитическая масса России. Между Россией как Евразией и Средней Европой никакой самостоятельной кратополитической реальности нет. Это означает, что народы Восточной Европы (в большинстве своем славяне) находятся в промежуточном положении между Германией (или Ватиканом), с одной стороны, и Россией, с другой. Особое положение имеют балканские страны, которые долгое время жили под гнетом турок, т. е. еще одной, но уже внеевропейской, кратополитической реальности. Этот юго-восточный сектор Европы населен преимущественно православными — сербами, македонцами, болгарами, греками, румынами. Они естественно и органически тяготеют к России, хотя между этими народами традиционно существуют и взаимные претензии, иногда выражающиеся в военных конфликтах. Так как вся эта зона традиционно далека от кратополитической стабильности, легко понять, что вся европейская тройка и Россия-Евразия стремятся усилить свое влияние на этот регион.

Полюса Востока — от Магриба до Индокитая

“Востоком” принято считать территории, простирающиеся от Магриба (Северо-западная Африка) до Индокитая, Японии и Тихоокеанского ареала. Это понятие скорее цивилизационное и культурное, чем географическое, поскольку многие региона “Запада” географически лежат намного восточнее стран “Востока”. На африканском континенте к цивилизационному “Востоку” относятся области, населенные преимущественно арабами. До арабских завоеваний те же южные побережья Средиземноморья заселяли европейцы, и они входили в состав Римской Империи. Уже древние распознали Средиземное море не как разделяющее, а как объединяющее пространство, приравняв его стратегически к “озеру” или “внутреннему морю”. В такой геополитической перспективе можно рассматривать арабскую Северную Африку как южное продолжение западного сектора “береговой зоны” Евразии. Северная Африка может быть, таким образом, рассмотрена двояко: как крайне западный сектор “Востока” (“Магриб” — арабское слово, обозначающее “запад”) и как южное продолжение Европы (это наследие римской традиции).

Эта двойственность возможной идентификации вынуждает оперировать одновременно с двумя кратополитическими моделями. С одной стороны, необходимо учитывать взаимоотношения между различными частями этого региона с точки зрения их функций в контексте исламских государств арабского мира (т. е. как самостоятельную часть “Востока”). С другой стороны, вся область представляет собой поле влияние европейских кратополитических полюсов, и поэтому должна рассматриваться в зависимости от кратополитического анализа Европы.

Самые западные регионы этого североафриканского сектора наиболее слабы кратополитически и более всего зависят от Европы. Это — Танжер, Марокко, Алжир и Тунис. Более всего стремится к выходу из-под опеки Европы и к самостоятельной позиции в арабском мире Алжир, бывшая колония Франции. Несмотря на ограниченность своего стратегического объема, Алжир потенциально мог стать одним из кратополитических полюсов в регионе.

Ливия, бывшая итальянская колония, в значительной степени обладает региональной самостоятельностью и претендует на одну из центральных ролей на всем арабском Востоке. Здесь крайне развиты антиатлантистские тенденции, неприязнь к морской цивилизации, популярны идеи объединения арабского мира в единый, противопоставленный Западу (но и независимый от северо-евразийсого блока) конгломерат.

Далее следует Египет, второй важнейший кратополитический полюс в данной области, где сосуществуют проевропейские, атлантистские элементы и тенденции панарабизма, чей смысл в целом одинаков, как в случае Египта, так и в случае Ливии, Ирака и Сирии. Разнятся лишь амбиции лидеров и конкретика предлагаемых проектов.

Израиль геополитически представляет собой совершенно чужеродный элемент в ткани арабского Востока. Это особняком стоящий кратополитический полюс, чье региональное значение заключается в исполнении роли прямого проводника атлантистских, западных, стратегических тенденций. Стратегическая мощь Израиля не является его самостоятельным достоянием как отдельного государства. По целому ряду исторических причин стратегический потенциал Израиля является прямым продолжением стратегического потенциала всего западного мира, и поэтому роль этого государства в контексте арабского Востока исключительно важна. Израиль является геополитическим рычагом прямого давления Запада на все страны арабского региона, причем Израиль выступает не как исполнитель воли какого-то одного из кратополитических полюсов Европы, но представляет весь Запад, а еще более точно, непосредственно США. Подобно тому, как Куба является стратегической базой Евразии у берегов США, так Израиль является прямой стратегической базой США в арабском мире. Отсюда колоссальное значение, которое играет эта маленькая страна не только в вопросах региональной ближневосточной политики, но и в вопросах мирового значения.

Более того, специфика еврейского народа, исторический факт расселения евреев во

всех уголках земли, уникальность еврейской религии, сумевший сохраниться в течение многих тысячелетий, и наконец, экстраординарные социальные способности евреев, заставляет рассматривать Израиль и его значение в еще более широкой перспективе. Исключительная солидарность евреев между собой независимо от страны проживания, знаменитая "двойная лояльность" делает Израиль неким аналогом Ватикана, т. е. самостоятельной и суверенной кратополитической единицей. Конечно, при всем этом Израиль никак не может претендовать на особую геополитическую линию, но определенным и крайне специфическим кратополитическим суверенитетом эта страна, действительно, обладает, и зона влияния этого суверенитета выходит далеко за пределы Ближнего Востока, и даже Востока как такового. Почти равнозначными и равновеликими кратополитическими полюсами являются Сирия и Ирак, ориентированные панарабистски, но конкурирующие между собой за право первенства в этой сфере. Той же линии придерживается и маленькая Иордания.

Саудовская Аравия представляет собой совершенно иную кратополитическую реальность. Это полюс арабского мира, связавшего свою судьбу с атлантистской стратегией. Но если Израиль, исполняющий ту же функцию и по этническим и по религиозным признакам, разнится от окружающего арабского мира, и проводя атлантистскую, западническую стратегическую линию, напоминает более колонию, противопоставленную автохтонам, то Саудовская Аравия идет путем сознательно избранного альянса с Западом, сохраняя культурно и религиозно автохтонную идентичность. Отсюда совершенно особая роль, которую эта страна играет в общеарабском и, шире, общеисламском контексте Востока. Смысл этой роли в том, чтобы стратегически трансформировать арабский (исламский) мир в некое подобие "арабского Израиля", в последовательный и покорный инструмент западной, точнее, американской планетарной политики.

Это очень важный момент — Израиль и Саудовская Аравия (плюс Бахрейн, Кувейт и некоторые другие богатые нефтедобывающие западно ориентированные страны) представляют на "арабском Востоке" не просто проевропейский полюс (как это имеет место в арабских странах северо-западной Африки), но прямые стратегические форпосты США. Это не только обычные береговые зоны, стоящие перед традиционной проблемой геополитического выбора, это прочные форпосты Мирового Острова, его проекции.

Перемещаясь далее на Восток мы попадаем в мир неарабского ислама, иначе называемого иногда "континентальным исламом". Это три мощных и довольно самостоятельных кратополитических полюса — Турция, Иран, Пакистан.

Турция среди стран континентального ислама более всего тяготеет к Западу и исполняет в региональном масштабе роль, аналогичную Израилю или Саудовской Аравии. Это радикально атлантистская страна, член НАТО. В Турецкой кратополитике, однако, существует две конкурирующие тенденции — одна европейская, другая американская. Первая тенденция стремится ввести Турцию в общий контекст европейских береговых держав в качестве одного из полноценных элементов. Здесь акцент делается на Германию, страну, где в настоящий момент количество турецких эмигрантов достигло невероятно высокого уровня. В случае доминации такой линии Турция становится нормальным государством "береговой зоны". Вторая тенденция заключается в приоритетной ориентации на США и атлантизм в чистом виде, т. е. в превращении всей турецкой территории в военно-воздушную базу США. Сильно в этой стране и фундаменталистское лобби, которое ориентировано на иную геополитическую модель — на автаркию или интеграцию с державами антизападной ориентации, такими как Иран.

Иран является полюсом антизападной политики не только в границах стран "континентального ислама", но, шире, во всем исламском мире и даже в пределах всего "Востока". Это наиболее евразийская и континентальная страна, последовательно проводящая курс на автаркию в отношении Запада (включая Европу) и особенно на отвержение атлантизма. При этом надо подчеркнуть, что Иран по своему стратегическому масштабу является весомым самостоятельным кратополитическим образованием, отдельным

силовым полюсом.

Пакистан гораздо теснее связан с Западом, который поддерживал изначально создание этого исламского государства и его отделение от Индии. Пакистан далек от арабского мира и соперничает с континентально ориентированным Ираном. Поэтому он тяготеет к проведению американской стратегии в регионе.

Кратополитический дуализм Пакистана — Ирана проявился в афганской войне, где все исламистские силы моджахедов делились на проиранские и пропакистанские группировки. Пропакистанские силы ориентировались, в конечном итоге, на Запад, а проиранские — на исламский мир.

Сам Афганистан, растерзанный гражданской войной, по вполне понятным причинам самостоятельного кратополитического веса не представляет.

Особым статусом обладают недавно образовавшиеся исламские государства, входящие в СНГ. С геополитической точки зрения — это пространства, которые до последнего времени входили в состав прочного Евразийского блока, но в силу определенных обстоятельств превратились недавно в “береговые зоны”. Такое резкое изменение геополитического статуса делает позицию этих держав неопределенной. С одной стороны, устойчивыми остаются инерциальные континентальные, центростремительные силы и лобби. С другой стороны, нарастают тенденции вхождения в “береговой” пласт с возникновением новых проблем выбора и с усилением действия соответствующих кратополитических влияний соседних государств.

Наиболее масштабными державами являются Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, которые могут при определенных обстоятельствах стать весомыми кратополитическими полюсами. Особое место в этой конфигурации занимают кавказские регионы, в которых процессы реструктурализации (того же перехода от статуса евразийской континентальной массы к “береговой зоне”) осложнены наличием там христианских стран и народов (Грузия, Армения, Осетия) и глубокой и давней интегрированностью в геополитику России.

Совершенно самостоятельным кратополитическим образованием “Востока” является Индия, государство, обладающее значительным стратегическим потенциалом и проводящее относительно независимую региональную политику. Индия является образцовым государством “береговой зоны”, в ней наличествуют весь набор соответствующих тенденций, причем в довольно равновесном состоянии. С одной стороны, несмотря на национально- освободительную борьбу против англичан сохраняются связи Индии с Западом, и особенно с англосаксонским миром. Это — атлантистская, талассократическая линия. С другой, Индия тяготеет к континентальной массе, отсюда устойчивая русофилия индийской политики. С третьей стороны, Индия очень ясно осознает свой “береговой статус” и стремится к усилению связей с иными “береговыми” державами (особенно это выразилось в активности Индии в движении “неприсоединившихся” стран).

В более узком кратополитическом аспекте Индия соседствует с довольно мощными государствами, имеющими собственные региональные интересы, чаще всего идущие вразрез с интересами Индии. На Востоке это исламский Пакистан, возникший как самостоятельное государство в результате сепаратистского восстания мусульман, населявших территорию Северной Индии. Исламский сепаратизм, опирающийся на Пакистан, является постоянным дестабилизирующим фактором и внутри самой Индии — в штате Пенджаб.

С востока у Индии иной не очень дружелюбный сосед — Китай, представляющий собой не просто державу, но альтернативную цивилизацию, гигантское стратегическое, демографическое и экономическое пространство, имеющее свои планы на весь регион. Сам Китай — настолько грандиозное государство, что существует тенденция рассматривать его как самостоятельный геополитический полюс, идущий на смену глобального противостояния России-Евразии и атлантистского мира во главе с США. Это ошибочное мнение основано на смешении между собой двух планов стратегического анализа — геополитического и кратополитического. С точки зрения геополитики, Китай, несмотря на весь свой масштаб остается лишь широкой “береговой зоной” и относится к категории

промежуточных пространств, обусловленных противостоянием посторонних в отношении его самого полюсов — евразийско-континентального (Россия) и атлантистско-морского (США). Для того чтобы выступать в качестве самостоятельной геополитической реальности, Китаю остается занять внутренние пространства Heartland'а, включающие как Сибирь, так и восточную территорию России. Пока же этого не произошло, геополитическая роль Китая остается геополитической вторичной, зависимой и "береговой". С другой стороны, Китай является самостоятельным и вполне суверенным кратополитическим субъектом, и может быть, именно в случае Китая различие между кратополитикой и геополитикой особенно выразительно и наглядно. Не являясь геополитическим субъектом, Китай является масштабным и могущественным кратополитическим субъектом, обладающим значительной степенью суверенности и свободы действий на региональном уровне. Особое положение в кратополитической карте Дальнего Востока занимают Вьетнам, Северная Корея и Монголия, которые со стратегической точки зрения представляют собой прямое продолжение континентальной державы и могут быть рассмотрены как форпосты Евразии, хотя Северная Корея обладает значительной долей кратополитической автаркии в региональном масштабе. И напротив, Южная Корея представляет собой плацдарм атлантизма, равно как и иные тихоокеанские государства, стратегически напрямую входящие в состав сил *моря* .

И, наконец, совершенно отдельно следует рассматривать Японию, государство, настолько уникальное в общем контексте соседних держав, что его, как и Китай, иногда ошибочно зачисляют в самостоятельный геополитический центр, повторяя ошибку смешения кратополитики с геополитикой.

Япония — могущественный кратополитический субъект тихоокеанского региона, имеющий значительное влияние на восточную часть всего евроазиатского ансамбля. По своему значению Япония сопоставима с Англией, но геополитически с обратным знаком. Если Англия стала полюсом талассократических тенденций, то Япония, напротив, несмотря на свое островное положение, оставалась полюсом континентальной культуры и цивилизации. Отсюда традиционный консерватизм Японии, устойчивость ее традиций, которая сохраняется несмотря на эффективное освоение современных технологий в материальной сфере. Если сравнение с Англией подчеркивает ее особость относительно окружающих стран, то сравнение с Германией указывает на интеграционистский характер ее кратополитики, ориентированной на вовлечение в сферу своего влияния многочисленных островных и материковых пространств.

Япония традиционно отличается крайней антипатией к талассократии, к Западу, к духовному модернизму (хотя успешно заимствует модернизацию техносферы). Главным же региональным соперником Японии является Китай. В геополитическом смысле, Китай долгое время был английской колониальной территорией и служил базой атлантизма на Дальнем Востоке. Япония же традиционно противилась вовлечению в западную морскую реальность. Отсюда древний конфликт, и соответственно, прокитайские симпатии атлантистского лобби в самой Японии, и антикитайские тенденции лобби евразийского, среди европейских держав более всего ориентированного на Германию.

Малые кратополитические ансамбли

Остальные страны — африканские, тихоокеанские и азиатские — не являются важными кратополитическими областями, представляя собой периферию геополитических позиционных напряжений и завися от внешних более могущественных держав.

Конечно, кратополитический и даже геополитический анализ Африки возможен, недаром многие страны этого континента были ареной жесточайших битв между атлантистами и евразийцами во второй половине XX века, а сам процесс колонизации, а потом деколонизации отражал динамику кратополитических полюсов Европы и Америки. Но в целом, кроме Южно-Африканской Республики, являющейся в своем элитном слое белой страной, в Африке нет ни одного самостоятельного кратополитического полюса,

сопоставимого с мощными региональными державами Европы, Азии и даже Латинской Америки (не говоря уже о геополитических субъектах). Да и сама ЮАР стремительно теряет государственное кратополитическое единство под воздействием внутренних расовых и этнических кризисных процессов. Остается еще Австралия, развитая страна, населенная (в основном, в береговых областях) европейцами, в подавляющем большинстве англосаксами. Но будучи отдаленной от берегов Евразии и других стратегически ключевых пространств, Австралия практически лишена какого-то кратополитического и тем более геополитического самостоятельного значения, оставаясь лишь вспомогательной зоной атлантистского влияния. То же самое справедливо и относительно Новой Зеландии.

Конечно, переходя к более близкому масштабу вполне возможно разбирать кратополитическую ситуацию и в микромасштабе, анализируя более локальные соотношения сил между народами и странами, не являющимися не только геополитически центральными, но и не обладающими статусом кратополитической субъектности. В определенных случаях это как раз и необходимо. Но в такой ситуации внешним предопределяющим фактором будет построение кратополитического контекста, в рамках которого ведется более пристальный анализ.

К примеру, рассмотрение внутреннего конфликта в Судане, стране, не обладающей необходимым объемом для того, что выступать в качестве кратополитического субъекта, предполагает помещение его в контекст геополитики атлантизма и Ватикана (внешние силы, поддерживающие население южных областей, преимущественно христиан или анимистов, ориентированных на сепаратизм в отношении основной исламской зоны страны со столицей в Хартуме), с одной стороны, и в исламско-арабскую реальность — с другой (в этом контексте сам исламский Хартум опирается на фундаменталистские силы Иран и панарабские тенденции). Иными словами, анализ малых кратополитических величин возможен в контексте их помещения в общую схему, где действуют кратополитические субъекты и основные актеры планетарной геополитической дуэли.

Три человечества

Описав в самых общих чертах геополитическую и кратополитическую картину мира, мы вплотную подошли к выяснению структуры спецслужб и их соотношения между собой, их иерархии, их специфики.

Существует высший уровень спецслужб, соответствующий тому, что мы назвали двумя “геополитическими орденами”. Можно назвать их “метаспецслужбами” или “метастратегическими центрами”. Таких центров должно быть только два, хотя их филиалы могут (и должны) находиться среди многочисленных кратополитических центров более низкого уровня. Одна из двух “метаспецслужб” — орден Евразии, другая — орден Атлантики. Аналитики и участники этих организаций имеют дело исключительно с геополитической картой, описывающей цивилизационный дуализм и промежуточные, “береговые” пространства. Каждый из орденов заинтересован в триумфе своей цивилизационной парадигмы — теллурократической или талассократической. Причем, служение этому цивилизационному принципу здесь выше лояльности какому-то конкретному государству или народу.

С социологической точки зрения, типичным представителем геополитического ордена является человек с “утроенным сознанием” или “пневматик”. Это особый и довольно редко встречающийся тип людей, способный усвоить одновременно три параллельные интерпретационные системы применительно к одному и тому же факту или явлению. Как сама геополитика является дисциплиной, синтезирующей данные множества предшествующих дисциплин, так и “пневматики” “метаспецслужб” синтезируют данные, полученные всей совокупностью других, более конвенциальных подразделений спецслужб обычных. Эти два ордена, по определению, должны быть намного более засекречены и покрыты непроницаемой завесой тайны, нежели обычные органы разведки и контрразведки,

которые, в свою очередь, являются закрытыми организациями.

Централами геополитических орденов являются, соответственно, Россия (для Евразии) и США (для атлантизма). Здесь следует искать истинных центров геополитических решений, хотя влиятельные и концептуально значимые филиалы могут находиться и в других местах соответствующих стратегических регионов. Смысл всей тайной истории международной политики сводится к противостоянию двух геополитических орденов, к их непрерывной борьбе, к их напряженному и скрытому от внешних глаз позиционному противостоянию, покрытому такой завесой секрета, что подчас даже высшие сотрудники обычных спецслужб не имеют о ней никакого определенного представления. И тем не менее, именно в этой сфере лежат ключи к пониманию истинного содержания столкновения цивилизаций, великой войны континентов.

Обычные спецслужбы принадлежат к кратополитическому уровню, который является, в сущности, подчиненным и второстепенным относительно глобальной цивилизационно-геополитической модели. Но сама эта подчиненность до конца осмысливается и признается только на очень высоком концептуальном уровне, граничащем с собственно геополитическими централами. На всех остальных уровнях доминирует кратополитический анализ ситуации, где высшим силовым и стратегическим критерием берется принцип кратополитической субъектности. Иными словами, спецслужбы тех государств, которые обладают статусом кратополитических субъектов (выше мы эти государства бегло перечислили), считают сами себя последней инстанцией в вопросах выработки и реализации силовой стратегии в региональном масштабе, применительно как к спорным и нейтральным пространствам (с более низким кратополитическим статусом), так и к иным самодостаточным кратополитическим субъектам. Реальная стратификация и конфигурация спецслужб крупных государств соответствует именно такой кратополитической картине — как правило, в самостоятельные отделы выносятся направления деятельности, связанные с конкретным кратополитическим ареалом регионального или планетарного уровней.

Если рассматривать обычные спецслужбы как основные институты теории и практики кратополитики, то следует признать, что количество таких спецслужб будет намного меньше существующих государств. Следует всерьез рассматривать разведку и контрразведку только тех государств, которые обладают полноценным статусом кратополитического субъекта.

К примеру, существует английские, французские, немецкие спецслужбы в Европе. И это полноценные образования, законченные кратополитически структуры. К ним по значению приближается и “спецслужбы Ватикана”. Но вместе с тем испанские, итальянские, греческие или португальские спецслужбы не являются их аналогами. Их следует рассматривать как геополитические филиалы, а еще точнее, как территорию, на которой действуют представители внешних и самостоятельных кратополитических организаций. Точно так же обстоят дела и в иных регионах, где локальные системы безопасности и разведки несамостоятельных кратополитических субъектов выступают как сцена осуществления проектов и операций, задуманных и курируемых из внешних центров — из тех стран, которые, напротив, кратополитической самостоятельностью обладают вполне.

Полноценные кратополитические спецслужбы состоят преимущественно из людей “раздвоенного сознания”, “психиков”. И конкретная профессиональная подготовка таких людей сопряжена с их обучением навыкам оперирования с двумя интерпретационными моделями одновременно. Так как такая особенность предполагает необычные личные качества, способствующие легкости дифференциации от обычной окружающей среды, то классическими представителями спецслужб являются люди неординарного психического склада или представители маргинальных — в этническом, социальном или еще каком-то смыслах — общественных групп. Сплошь и рядом такими людьми становятся личности, склонные к небанальному видению мира, но в отличие от творческой богемы или психически неуравновешенных персонажей, способные долговременно и достоверно имитировать все особенности обыкновенного обывателя. “Психики” — актеры,

простирающие нормативы своей профессии на всю экзистенцию. Из такой схемы легко понять, что в тех государствах, которые не обладают кратополитической самостоятельностью и соответствующим статусом субъектности, сотрудники спецслужб делятся на две категории — одна часть (большинство) наделена психологией обычной полицейской службы, т. е. представляют собой классических правоохранительных деятелей, а другая часть (меньшинство) отождествляет себя с внешним кратополитическим центром, в интересах которого и работает. Во втором случае уровень “раздвоения сознания” напоминает соответствующий уровень полноценных кратополитических агентов и подчас влечет за собой смену национальной и культурной самоидентификации (что, впрочем, не редкость для всей сферы “секретных служб” в целом, так как сам архетип ее сотрудников и сфера их деятельности предполагает определенную дифференциацию по отношению к окружающей их социальной и культурной среде).

Структура спецслужб тех государств, которые представляют для кратополитических центров минимальное значение (что бывает довольно редко), сводится целиком и полностью к разновидности внутренних войск или полиции.

И, наконец, подо всем этим многоэтажным уровнем закрытых систем находится собственно правовая область, в которой в полной мере действуют внешние открытые законы, формально зафиксированные в законодательных и нормативных актах. Юридическая сфера и, соответственно, специалисты по гражданскому, уголовному и международному праву представляют собой высшую сферу “профанической” действительности. Это — поле существования “гиликов”, “обычных людей”, ограничивающих свое существование одномерными горизонтальными представлениями о реальности и подчиненные внешним формальным (и неформальным, но разделяемым большинством) юридическим и этическим нормативам. Эта сфера, естественно, в свою очередь, крайне дифференцирована, и включает как специалистов и профессионалов в интерпретации определенных социальных и природных закономерностей, так и людей, ограничивающихся упрощенными суррогатами в объяснении бытия. Но вся эта “несекретная” область общественной жизни оперирует с горизонтальными интерпретационными системами и опирается на тот психологический тип, который принято считать “среднестатистической нормой”.

Большинство населения всех стран, независимо от их геополитического или кратополитического статуса, принадлежит именно к этой самой распространенной “профанической” категории и остается неизменно пленниками “мифа первой степени”. Эти “мифы первой степени” являются результатом искусственной адаптации некоторых кратополитических истин применительно к одномерному уровню “среднестатистического большинства”, причем мифы эти формулируются, корректируются и трансформируются в соответствии с потребностями кратополитических структур. Наиболее показательным мифом такого рода является “миф о суверенности”, лежащий в основе как многочисленных штампов обыденного сознания, так и основополагающих конститутивных актов всех государств. Минимальным суверенитетом могут обладать только реальные кратополитические субъекты, следовательно, в остальных случаях горизонтальный “миф первой степени” является совершенно несостоятельным, и люди, принимающие его всерьез, отчаянно заблуждаются. Но и кратополитический суверенитет, там, где он имеет место на самом деле, целиком и полностью зависит от более высокого геополитического уровня, и от этого заблуждение профанов становится еще более вопиющим. “Кратополитика”, с которой оперируют посвященные, предлагает “психикам” “миф второй степени”, намного более состоятельный, нежели предыдущий, но все же менее адекватный, чем высший геополитический миф, являющийся “мифом третьей степени”. На этом уровне суверенность Германии, Франции, Турции или даже Китая в свою очередь рассматривается как заблуждение, но теперь не как заблуждение “профанов”, а как заблуждение “посвященных”. Посвященных, не преодолевших важной черты, отделяющей “психиков” от “пневматиков”.

Такова в самых общих чертах социальная функция спецслужб, соотнесенная с геополитикой и рассмотренная в свете многочисленных соответствий между

организационным, психологическим, интерпретационном и юридическим уровнями.

6. Великая война континентов

ИНТРИГИ ОПАСНОГО ОККУЛЬТА: 1900-1914

Евразийский проект и XX век

Геополитическое содержание XX века может быть сведено к формуле борьбы за реализацию евразийского проекта. На рубеже XIX–XX веков сложилась геополитическая картина, зафиксированная в карте крупнейшего английского геополитика Х.Макиндера. Атлантистский полюс в лице Англии и Франции (Америка тогда еще не вышла на позиции абсолютного лидерства и играла вспомогательную роль) устойчиво контролировал береговые зоны Евразии. Контроль над Евразией являлся главной задачей анлантистов того времени. Уже Гомерли писал, что основная опасность для Англии заключается в возможности русско-германского союза. Евразийский полюс отчетливо ассоциировался с землями России, но по цивилизационной ориентации к нему примыкали две крупные державы того времени: Германия и Япония. Если бы геополитическая интеграция сил суши, создание оси «Москва-Берлин-Токио» стали реальностью, англосаксонское могущество было бы поколеблено, а возможно, и опрокинуто в планетарном масштабе. Германия была европейским врагом Англии, Япония — дальневосточным. В глобальном же смысле абсолютным геополитическим противником оставалась царская Россия.

Этот геополитический контекст является ключом к международной истории XX века, шифром, позволяющим понять смысл двух мировых войн, противостояния держав в холодной войне, а также все остальные важнейшие события нашего века.

Геополитическими векторами на 1900 год являлись, с одной стороны, намерение атлантизма укрепить свое влияние в береговых зонах континента Евразия (и особенно не допустить русско-германо-японский союз), с другой — прямо противоположное стремление стран евразийской ориентации выбить англичан и французов из их колоний (береговых зон), подорвать их влияние в Европе, сделать евразийскую ось «Берлин-Москва-Токио» реальностью.

В этом геополитическом пространстве действуют вторичные кратополитические силы, центры, полюса и организации. Диалектика соотношения геополитики и кратополитики является той областью, где невидимая борьба континентов приобретает более различимые черты в противодействии спецслужб, конвергенции разведок, организации или срыве головокружительных шпионских операций, осуществлении идеологических диверсий.

В кадре XX века мы входим в *великую войну континентов* , в мир тайн и парадоксов, в мир, где сверхсовременные технологии соседствуют с древнейшими, архаическими мифами, где культура и эстетика переплетены с насилием и шпионажем, борьба мировоззрений — со сферой экстремальной эротики, оккультизм — с политикой и наукой, военная стратегия — с теологией и экстравагантными сектами.

XX век. Совершенно новый, неожиданный, быстрый и современный… Но ключ к его дешифровке уходит в глубокую древность, в драму Пунических войн и еще глубже — к заре человечества, к тем событиям и трагедиям, о которых мы давным- давно позабыли.

Позабыли все, но есть и исключения. Странные таинственные организации, история которых покрыта непроницаемым мраком — «Великий орден Евразии», «Великий орден Атлантики». Какие страшные тайны хранятся в их недоступных простым смертным и, возможно, ненаписанных анналах!

Дурново, масоны, геополитика

Начальник охранного отделения российской империи Дурново был озабочен. Он получил странное донесение об активизации в России масонского движения. Тайный агент охранки извещал руководителя этой могущественной службы о подъеме в России масонского движения — источника пропаганды революционных и либеральных идей, подрывающих основы господствующего режима, разлагающих нравы, готовящих политические и социальные заговоры.

Масонство официально было запрещено в России в 1822 году и с этих пор никогда официально не признавалось (вплоть до открытия в 1989 году на базе Еврейского камерного театра филиала еврейской масонской ложи Бнай-Брит). До этого масонство в России знало разные периоды — взлеты и падения.

Оно пришло в Россию с Запада. Сами масоны считают, что первые ложи возникли при Петре I. Исторически подтверждены факты открытия этих лож лишь при Анне Иоанновне в 1736 году. На католическом Западе масонские ложи восполняли так недостающий сухой схоластике католичества пробел, занимались мистикой и сакральными науками, культивировали духовную любознательность и герметические доктрины. В России же до раскола не было ни малейшего намека на масонство или какие-то аналогичные организации только потому, что дониконовское православие в полной мере сохранило, наряду с экзотеризмом, и внутренний, духовный уровень, уровень фаворского созерцания, исихазма, монашеского умного делания. В масонстве на Руси не было потребности, поскольку посвящение и эзотеризм в полной мере пребывали в самой православной церкви. Но когда Алексей Михайлович, и особенно Петр I, взяли курс на подражание западному социально-религиозному укладу, все изменилось. Полноценное, законченное православие ушло в бега и гари, в раскольнические согласы, в разбросанные по России скрытнические скиты. Официальная синодальная церковь пошла по чиновничье-схоластическому пути, и тем самым свято место оказалось незанятым. Появление масонства в России было объективно предрешено.

Но пришедшее с Запада экзотическое учение, сложная символическая организация, ритуалы посвящения, клятвы и обряды, не были чем-то единым, централизованным и организованным. Уже в XX веке в самом западном масонстве присутствовали две антагонистические линии — масонство спиритуалистическое, аристократическое, консервативное, пребывающее духовно в пожаре средневековой мистики, в поисках философского камня и тайного восточного света вещей, и другое масонство — рационалистическое, скептическое, картезианское, предвосхищающее Вольтера, Просвещение, позитивизм. Обе эти ветви вместе со служилыми иностранцами пришли в Россию. Ищущая новых ответов в образовавшемся после Никона и Петра духовном вакууме, русская аристократия не смогла сразу разобраться в этом дуализме — обе линии масонства притягивали и вдохновляли.

Но мало-помалу все стало на свои места: Шотландский обряд, и особенно немецкое тамплиерское масонство барона Хунда с централом в феодальной, почти средневековой и антикатолической Пруссии привлекала русских искателей духовного преображения: Лопухина, Новикова, Шварца. Английская и шведская ветви, а в дальнейшем — «Великий Восток Франции» воплощали в себе рационалистическую ветвь этого движения. И здесь мы видим корни важнейших геополитических интриг. Спиритуалистическое тамплиерское масонство Пруссии поддерживало наиболее консервативные и даже консервативно-революционные направления в России. В свое время Великий Магистр тамплиерского масонства Фридрих II Прусский планировал даже осуществить в России дворцовый переворот, привести к власти заточенного Иоанна Антоновича и даже восстановить на Руси патриаршество во главе с архиереем-старообрядцем. Эта интрига, опиравшаяся в значительной степени на русское масонство, была ответом на проавстрийскую и, соответственно, прокатолическую политику Елизаветы. Екатерина II терпимо относилась к масонству, принимая его за невинную французскую просвещенную

моду, пока, ужаснувшись событиям Великой Французской революции, не приняла против русских масонов жестких репрессивных мер, заточив Новикова в Шлиссельбургскую крепость.

Когда пришел Павел, фанатик Пруссии, мы вновь видим возрождение спиритуального масонства. И снова, как при Филиппе II, это сопровождается повышением интереса к старообрядчеству. Павел приложил значительные усилия для реабилитации старообрядцев, присутствовал на старообрядческой службе, оставшись под сильным впечатлением от нее.

При Александре I русское масонство расцвело, причем германская спиритуалистическая ветвь перемешалась с либеральной французской. Лишь под конец жизни проведший свое царствование в окружении активных и высокопоставленных членов масонских лож царь официально запретил существование этой организации, вынужденной перейти на нелегальное положение. При жестком Николаевском режиме как реакция на либерал-масонское восстание декабристов все ложи и тайные организации были запрещены. Этому сопутствовали также жесточайшие гонения на ревнителей древлего благочестия. Связь судеб масонства и старообрядчества в русской истории закономерна и вытекает из самого десакрализационного пути, по которому шла русская православная церковь после Никона, и особенно Петра.

В конце XIX- начале XX веков в России активно зрела оттепель. Интеллигенция и аристократия с головой бросились в искания новой истины, так как прогрессирующая формализация и морализация официального православия делала духовную ситуацию совершенно бесплодной. Отсюда интерес к сектам, гностическим учениям, спиритистским и оккультным практикам, к масонству. Но снова старинный дуализм в этой области дает о себе знать. Одни искали в масонстве возврат к средневековому духу, всерьез принимали символизм, ритуалы, герметические доктрины, концепции “нового человека”. Другие видели в нем организацию либерального толка, социальный инструмент моральных и общественных реформ. На этот раз русские массоны ориентировались исключительно на Францию, но в самой Франции деление на спиритуалистов и скептиков приобрело уже отчетливую форму. Спиритуалисты — наследники тамплиерства — группировались вокруг Великой национальной ложи и еще в большей степени в разнообразных экстравагантных радикально-мистических обрядах типа египетской масонерии Мемфис Мицраим, разнообразных розенкрейцеровских и мартинистских организаций. Эту разновидность масонства в современной классификации принято называть “горячим масонством”. С ним связаны такие внемасонские или парамасонские спиритуалистские течения, как теософизм Елены Блаватской (русской патриотки, мистификаторши и агента охранного отделения), оккультизм Папюса, Седира, неорозенкрейцерство Сара Пеладана, Станисласа де Гюайяты, космизм Барле и т. д. В этом течении участвовали преимущественно страстные религиозные мистики. На противоположном полюсе находилось так называемое “холодное масонство”. Его матрицей были франко-итальянские ложи Великого Востока, исповедовавшие либерализм, атеизм, позитивизм, светское государство, культуру, основанную на гуманистических принципах. Можно утверждать, что две ветви масонства, пробивавшего себе пути в Россию на пороге XX века, отражали определенный геополитический дуализм, и не будет преувеличением отождествление “горячего масонства” с разновидностью (весьма своеобразной и специфической) евразийской парадигмы, тогда как “масонство холодное”, безусловно, тяготело к “цивилизации Моря”.

Знал ли все это начальник охранного отделения Дурново, глядя на полученную записку. Позднее черносотенные круги его самого обвиняли в причастности к масонству и именно этим объясняли тот факт, что никаких серьезных мер против зловещего ордена он не принял. Правда, государю-императору была доложена записка некоего специалиста из охранного отделения Г.Г. Меца, в который тот обобщил знания, почерпнутые из поверхностного прочтения пяти популярных и неглубоких антимасонских брошюр, изданных во Франции. На государя, естественно, этот нелепый документ никакого впечатления не произвел. Спустя некоторое время был отправлен за границу другой

сотрудник охранного отделения — некто Алексеев — для сбора информации о масонах, но католический аббат Турмантен, специализировавшийся на разоблачении лож, запросил за свою информацию гигантскую по тому времени сумму — 20 тысяч франков — которую охранное отделение пожалело. И правильно сделало: в антимасонском наследии Турмантена ничего серьезного, кроме общих мест, не содержалось.

Масонство и геополитика. Правомочно ли сближать эти вещи? Видимо, да. Если бы Дурново был знаком с текстом геополитика Макиндера о значении *моря, цивилизации моря* в мировой истории и о ее оппозиции, ее непримиримой вражде по отношению к *цивилизации суши* , географической осью которой в XX веке была признана Россия, его внимание непременно было бы привлечено к другим доносам, попавшим к нему на стол. В бумагах сообщалось о действии некоей госпожи Архангельской-Авсеенко — ученице сирийского старца Алкаэста, которая выдавала себя в России за посланницу древнего масонского ордена Филалетов. Ее ближайшим сотрудником в России, а также финансовым спонсором был крупнейший русский масон, генерал-лейтенант флота его императорского величества Беклимишев, который одновременно являлся издателем журнала “Море”, сторонником превращения России в морскую державу и духовным наставником и задушевным другом Великого князя Александра Михайловича Романова.

“Протоколы” доктора Папюса

Но был один человек, который утверждал, что знает о масонах и их тайных кознях все. — Сергей Нилус, амбициозный аристократ, близкий ко двору и рассчитывавший сделать карьеру на этом знании. По его утверждению, ему в руки попал документ колоссальной значимости — секретные “Протоколы сионских мудрецов”, в которых содержались планы по установлению на планете еврейско-масонской диктатуры, уничтожению всех “трефных” (т. е. неиудейских) царств, закабалению народов, разрушению христианской церкви. Этот текст Нилус опубликовал в 1907 году, сопроводив его довольно тревожными комментариями. Вялая реакция на это разоблачение со стороны царя, которому послание предназначалось в первую очередь, заставило Нилуса считать, что и здесь не обошлось без представителей коварных сил. Происхождение указанного документа, ставшего безусловным бестселлером XX века, крайне загадочно и туманно. Существует множество исследований, доказывающих, что речь идет о фальсификации. При этом относительно его реального авторства лишь выдвигаются шаткие гипотезы. Одновременно, миллионы людей на планете верят в подлинность этого документа, основываясь не столько на историческом анализе текста или его критическом лингвистическом разборе, сколько на внушительной мифологической картине, рисующей всепроникающее тайное общество, контролирующее человечество и ведущее его к темной цели и тотальной манипуляции, а также на наблюдениях обычной общественной жизни, в которой основные инстанции принятия важнейших решений неизменно остаются за кадром. Не говоря об исторической достоверности “Протоколов”, представляющейся маловероятной, отметим, что они обладают несомненной “мифологической достоверностью”. Крайне скрупулезный в отношении исторических источников исследователь Рене Генон использовал в своей рецензии на “Протоколы” удачную формулу: “не правда, но правдоподобие”.

Те, кто прочел первую часть нашей книги, наверняка легко поймут, в чем тут дело. “Протоколы” приоткрывают завесу над “первым уровнем конспирологии”, над планом “кратополитики”, над тем уровнем, где действуют “посвященные”, “психики”. Доля правды есть и в том, что кратополитический уровень является преимущественной сферой деятельности для такой уникальной этно-религиозной общины, как евреи, всегда дифференцированные относительно иных народов, среди которых они пребывают в рассеянии, но в то же время консервативно придерживающиеся собственной национально-мистической интерпретации основных исторических событий и магистральных процессов развития истории. Справедливо и то, что для европейского мира конца XIX начала

XX веков наиболее значительной, вездесущей и влиятельной кратополитической организацией были именно масонские ложи, воспроизводящие все особенности традиционных инициатических организаций применительно к новой социальной реальности. В этом “Протоколы”, безусловно, попадали в десятку, и на этом основана устойчивая традиция доверительного к ним отношения. Но есть и другая сторона — явная “демонизация” кратополитической реальности, утрированное и гротескное представление о методологии и этическом цинизме “тайных сил”, наивное и мелодраматически упрощенное представление о том, что речь идет только о власти, наживе, выгоде, которые “заговорщики” стремятся извлечь из своего заговора. Этот аспект убеждает в том, что либо документ заведомо рассчитан на ограниченную ментальность профанов, которым, по определению, недоступна более сложная и изощренная интерпретационная модель, лежащая в основе кратополитической деятельности, либо карикатурный характер текста является следствием “взгляда извне”, т. е. попытки реконструкции внешним, обывательским глазом, заглянувшим за ширму конспирологии, оценить в своей системе координат замеченные им там зловещие и сложные явления. Есть и еще одна деталь: в тексте “Протоколов” сквозит либо невежество, либо сознательная вульгаризация как иудаистических, так и масонских доктрин, отсутствует специфическая терминология и символика, типичные ссылки и аллюзии, характерные для документа, вышедшего из масонской или сионистской сред.

Эта вторая особенность легла в основу широко распространенной гипотезы (среди противников подлинности “Протоколов”) относительно их происхождения из недр Охранного Отделения (линия Рачковский-Ратаев) или о том, что они являются делом рук отдельных черносотенцев, наподобие странного документа, якобы происходящего из масонской “ложи Мезари”, направленного в Охранку и призывающего к… “пресечению масонского влияния в России”.

Это мнение чрезвычайно популярно, но не учитывает довольно скудного воображения сотрудников Охранного Отделения, занимавшихся этим вопросом. При анализе архивных материалов Меца или Алексеева становится очевидным, что сфабриковать столь выразительный и внушительный документ им было явно не под силу.

Существует иная гипотеза, также основанная на убежденности в фальсификации документа. Но на сей раз речь идет о сознательной и крайне остроумной стилизации, исходящей из по-настоящему осведомленных кругов, искусно приспособивших содержание кратополитического характера к массовому уровню. В забытой сегодня книге французского исследователя Анри Роллена, посвященной “Протоколам”, выдвигается любопытная версия относительно их авторства. Она парадоксальна. Роллен приходит к выводу, что вероятным составителем текста является Жерар Анкосс, основатель современного оккультизма, вождь западного крайнего мистического направления, возобновитель “мартинизма”, доктор “кабалистики, магии, герметических искусств”, классический представитель “горячего”, даже чрезмерно “горячего” направления в тайных обществах Европы. В качестве доказательства своих тезисов Роллен приводит материалы из французского журнала “Покрывало Изиды”, в котором первостепенную роль играл Папюс. В этих материалах среди спиритических анонсов и запутанных оккультистских трактатов нередко проскальзывали заметки о светской жизни русской великосветской общины в Париже, свидетельствующие о близких контактах редакции с представителями русского Правящего Дома, перебывавших за границей. Наряду с явной симпатией, установившейся между русскими аристократами и ведущими оккультистами Франции (большинство из которых, естественно, были членами масонских лож, хотя подчас и их крайне экстравагантных, “иррегулярных” разновидностей), Роллен отмечает еще один любопытный факт: в том же журнале печаталась серия статей, посвященных русской политике, автор которых подписывался псевдонимом “Нет”. Господин “Нет” проявлял удивительную осведомленность относительно интриг вокруг русского Императора, и вместе с тем отличался крайней юдофобией, предостерегая Россию от злостных козней “иудеев” и “масонов”. Естественно, исходя из самой ориентации журнала речь могла идти только о “холодных масонах”, об атеистах, рационалистах, либералах и

скептиках “Великого Востока”. Роллен показывает, что обеспокоенный таинственной фигурой г-на “Нет” Рачковский, начальник заграничного управления Охранного отделения, предпринял серьезные усилия для идентификации персонажа, но успехов в этом не добился. Лишь спустя несколько десятилетий на основании исследований архива Папюса стало очевидным — под этим псевдонимом скрывался никто иной как сам Жерар Анкосс! А его, чистокровного француза и изрядного антисемита, наивный Нилус и вслед за этим черносотенная пресса и вторящее ей ведомство Дурново называли не иначе как “евреем”, “масоном”, “опасным подрывным элементом”, едва ли не “антихристом”… Всех вводил в заблуждение его странный псевдоним — “Папюс”, который был настолько разрекламирован в свое время, что в США появился циркач, фокусник и канатный плясун, избравший себе такое же имя — “цирковой король аттракционов Papuss…”

Папюсс не ограничился тем, что дружил с русскими аристократами в Париже. Ему удалось познакомить своего протеже, провинциального ясновидца из простолюдинов “месье Филиппа”, с самим русским императором, и он перебрался вместе с ним в Россию, где “месье Филипп” стал доверенным лицом царской семьи. Нилус негодовал и множил обвинения в адрес “злостных агентов жидомасонского заговора”. А в то же самое время католик-пиетист Филипп и юдофоб Папюс давали императору ценные советы: “берегитесь социалистов и потрясателей основ, крепко держитесь христианской горячей веры, остерегайтесь либералов и евреев-ростовщиков”.

Странная ситуация. Антисемит Нилус обвиняет на основании “Протоколов сионских мудрецов” антисемита Папюса, вероятного автора “Протоколов сионских мудрецов”, в том, что он является одним из “сионских мудрецов”. Недоразумение? Ирония конспирологической истории? Невежество? Сознательная дезинформация?

Достоверно сказать что-то определенное в столь сложной истории невозможно. Но есть одна путеводная нить, ведущая к геополитике, которая снова приходит нам на помощь. Вспомним о дуализме масонских ветвей: о “холодной” масонерии и “масонерии горячей”. Холодная масонерия — колыбель либерализма и позитивизма. Горячая — мистицизма и иррациональности. Первая разновидность бывает консервативной и революционной, и вторая — консервативной и революционной. Но если в рамках “холодной масонерии” все умеренно, “прохладно”, эволюционно, направлено на путь постепенного реформирования или аккуратного консерватизма, то “горячая масонерия” всегда ориентирована экстремистски: если мистицизм и аристократизм, то чрезмерный, гиперконсервативный, реставрационистский, ориентированный на революционный и бескомпромиссный возврат не к “вчера”, а к “позавчера”, причем немедленно, “здесь и сейчас”, а если “социализм”, то тоже радикальный и беспощадный, революционный, повстанческий, бескомпромиссный и ниспровергающий. Две линии, два стиля, две типологии, два темперамента, две противоположности. Сходные внешние формы, но полярное содержание.

“Холодная” масонерия тяготеет к атлантистскому полюсу. Ее “централ” — в Англии, преимущественное распространение — в англосаксонском мире, хотя сильны ее позиции и во Франции. Она объединяет “просвещенных консерваторов” и “просвещенных реформаторов”, сторонников Системы, умеренных карьеристов. От ярко выраженного протестантизма развивалась эта линия к скептицизму и атеизму, что окончательно воплотилось в “Великом Востоке Франции”. Морализм этой ветви связан с “минимальным гуманизмом”, с желанием улучшить частные, второстепенные аспекты общественной жизни.

Совсем другое дело — масонерия горячая. Здесь, напротив, крайне правые и те, кто еще правее крайне правых объединены с крайне левыми, и теми, кто стоит еще левее крайне левых. Это гнездо предельного мистицизма и глобальных революций, альма матер бунтовщиков и заговорщиков, тамплиеров и нигилистов, поборников Средневековья и фанатиков “грядущего”. Можно сказать, что это — масонерия евразийская, ориентированная на “географический Восток”, что подразумевает прусскую ориентацию в рамках Европы, русскую ориентацию в рамках континента, а также страстный интерес к восточным традициям и практикам…

Теперь парадокс Нилуса-Папюса получает объяснение. Папюс — представитель евразийской ветви масонерии, ветви горячей. Отсюда его мартинизм, его посвящение в египетские ложи, его русофилия, его фанатичный оккультизм.

Заметим, что своим учителем Анкосс признавал Сент-Ив д'Альвейдра, другого француза, "горячего мистика", автора проекта Синархии, социалиста и евразийца, убежденного русофила и мужа русской оккультистки графини Марии Викторовны Келлер, урожденной Ризнич. Сент-Ив является первым автором, кто принес на Запад концепцию таинственной подземной страны "Аггарта", расположенной на Востоке, где нет времени и где пребывает "король мира", "шакраварти". Но Сент-Ив не ограничивался абстрактными рассуждениями. Он писал послания главам царствующих домов Европы, в том числе русскому Императору. Его он призывал отказаться от "вхождения в Афганистан без произнесения тайного Слова Божия", так как по одной из версий вход в Аггарту располагался где-то в пустынных районах Афганистана. Более того, Сент Ив был активен и на социальном поприще: ему принадлежит странный трактат под названием "Миссия Рабочих", в которой он смешивает социалистическую и синдикалистскую риторику с оккультистскими пассажами. Снова сочетание крайне правого и крайне левого, глубокого мистицизма и социалистического, революционного пафоса.

Евразиец Папюс — ученик евразийца Сент-Ив д'Альвейдра. Антимасонская подделка, исходящая от одного из высоких авторитетов масонства. Жесткая юдофобская критика, составленная знатоком каббалы.

Аромат кратополитики в этой истории можно почувствовать с лихвой. Для банального сознания Нилуса он интерпретируется однозначно — "запах серы". Но сера считается у алхимиков духовным, мужским началом, трансцендентным измерением вещей и существ, приравнивается к высшему дару.

Если в масонском лагере определенная ясность достигнута, и типологический дуализм замкнулся на полярности геополитических ориентаций, то как быть с Нилусом и черносотенцами? Можно ли списать все на обывательские штампы и некритическое принятие мифов, спущенных для определенной цели с высших конспирологических этажей?

Атлантизм "Союза Русского Народа"

Что поражает в черносотенцах, так это устойчивое и неизменное почитание Англии, англофилия. Наряду с жесткой критикой еврейства, либерализма и социализма теоретики "Черной Сотни" неизменно положительно относились к английской социально-политической системе, считая ее образцом консерватизма. Атлантизм культивировался также т. н. «старым двором», в центре которого стояла мать Николая II государыня императрица. На личном уровне подобная англофилия была отражением неприязни к Александре Федоровне, чистокровной немке, считавшейся проводницей германских и германофильских тенденций. И на этом основании между "старым двором" и руководством черносотенных организаций установились тесные контакты.

Показательно, что германофилия царствующей императрицы (мнимая иди действительная) точно отражала ее общий евразийский настрой. И теперь становится понятным, почему недоброжелатели традиционно ставили ей в вину ее мистический темперамент. По натуре Александра Федоровна, безусловно, тяготела ко всему "горячему" как в ортодоксальном, православном смысле, так и в области экстравагантных оккультных сил. Этим, собственно говоря, и объясняется ее пристрастие к ясновидцам, юродивым, магам и прорицателям. Типично евразийская черта.

С другой стороны, за англофилией черносотенцев стоят очень глубокие тенденции, имеющие отношение к самой сути романовского послепетровского периода российской истории. Сама система государственного устройства России была скопирована Петром I именно с Англии, и отталкиваясь от этого образца, он отменил Патриаршество, ввел порядок управление Священным Синодом светским лицом, пытался полностью уничтожить

монашество, активно преследовал старообрядцев, искоренял национальное в русских традициях и быту. Петр был не просто западником, но атлантистом и англофилом в той степени, в которой это вообще было возможно в России, и именно в этом ключе следует понимать его перенос столицы в заново построенный, искусственный, по англо-саксонскому образцу выстроенный портовый город, лежащий на крайнем западе России. Петр мыслил Россию "второй Англией" и стремился превратить ее в "морскую державу". Конечно, эта идея с геополитической точки зрения настолько абсурдна, что не выдерживает никакой критики, так как при всем желании осевые земли Heartland'а, "географической оси истории", не способны повторить путь атлантистского западного острова. Поэтому постепенно атлантистский радикализм Петра ослаб и в период его собственного правления, а при последующих Романовых вообще мало-помалу сошел на нет при том, что западнический настрой и калькированная с Англии социально-религиозная модель сохранились. Этот настрой, наследие петровского атлантизма, жили как в консервативном, так и в либеральном секторах, вдохновляли реформаторов и консерваторов. И в рамках того же русского масонства эти тенденции фигурировали во впечатляющем объеме, доминируя в шведском обряде, а позже в ориентации на французские либеральные ложи. После запрета лож в 1822 году эти тенденции существовали в менее формализованном виде, но духовная преемственность сохранялась. И скорее всего само появление первых черносотенных организаций явилось структурным оформлением некоторого крайне консервативного, но при этом "холодного", "кадрового" лагеря в русской политике, ориентированного атлантистски. Таким образом, таллассократ и масон Беклимишев сходился по ту сторону очевидности с антимасонским черносотенным движением, а промежуточным звеном мог быть "старый двор" через посредство близкого к Беклемишеву великого князя Александра Михайловича Романова, поощряемого императрицей-матерью.

Показательно, что черносотенцы были ярыми ненавистниками Японии и всячески разжигали воинственные настроения во время русско-японской войны. Поражение же России они приписывали внутреннему предательству и деятельности "жидо-масонов" в правительстве.

Складывается крайне необычная картина: черносотенцы, выступающие как последовательные русские патриоты, неизменно проводят линию, противоположную евразийскому проекту, который заключается (напомним) в создании союзнической оси «Берлин-Москва-Токио» и в противостоянии англо-саксонской атлантистской политике Англии и Франции. В "жидо-масонстве" они обвиняют только германо- и японо-фильскую группировки, а также представителей "горячей масонерии". При этом "холодное" масонство ими либо игнорируется, либо допускается, и в этом смысле нельзя исключить, что процитированный нами документ призрачной ложи "Мезори" имел под собой больше реальности, чем это принято считать. (Например, в «жидо-масонстве» черносотенцы обвиняли последовательного евразийца графа Сергея Витте, поддерживая, напротив, атлантиста и либерала Петра Столыпина.) Конспирологическая картина снова усложняется. Вместо привычного деления предреволюционного российского общества на либералов, революционеров и прогрессистов (собирательно, "жидомасонов") на одном полюсе, и консерваторов, архаиков, противников любых преобразовний (собирательно, "черносотенцев") на другом, мы получаем четверичную модель: и "жидо-масоны" и "черносотенцы" делятся, в свою очередь, на атлантистов и евразийцев. Среди "жидомасонов" евразийцами являются представители "горячей масонерии", мистики, иррационалисты, духовидцы, мартинисты, а атлантистами — либералы, сторонники "просвещенного прогрессизма", а также афилиаты Великого Востока, из которых состояло почти все Временное Правительство, реформаторское, либеральное, умеренное, германофобское, англофильское (Керенский, Чхеидзе, Магидов и др.). Среди "черносотенцев" атлантистами являлось большинство руководства, а евразийцами — часть атипичных консерваторов, вроде генерала Краснова, убежденных сторонников союза с Германией. Можно сказать, что мерилом геополитической ориентации было отношение к

императрице Александре Федоровне. Те, кто относились к ней лояльно и преданно, чаще всего были консерваторами евразийского толка; те же, кто ориентировались на "старый двор" — атлантистами.

Особенно ярко это проявилось в период Распутина. Этот экстравагантный хлыстовский харизматик представлял собой классического евразийца не по формальным, но по органическим, нутряным признакам. Более того, он был ключевой фигурой всего евразийского лобби предреволюционного периода.

Другим евразийским мистиком, политическим манипулятором и активным кратополитиком был доктор Бадмаев, бурят из высокочтимого ламаистского рода, принявший Православие и ставший приближенным к царскому двору лекарем, практиковавшим тибетскую медицину и переведшим впервые знаменитый трактат "Джудши" на русский язык. Бадмаев был автором интереснейшего геополитического проекта, предполагавшего распространение русского влияния на Дальнем Востоке, союз с Японией, присоединение к России Тибета, Монголии и Северного Китая. Средством к этому должна была стать транссибирская железнодорожная магистраль, которую и взялся прокладывать Бадмаев лично в стратегическом союзе с другим евразийцем графом Витте, который, впрочем, позже отказался от этого проекта. Естественно, для черносотенной общественности Бадмаев также ассоциировался с "жидомасонством".

Оккультная Европа и стратегические заговоры

Отвлечемся временно от России и посмотрим на конспирологическую картину в Европе. Мы затрагивали вопрос о геополитической ориентации внутри французского масонства и указывали на геополитическую подоплеку и ориентацию, заложенную в двух разновидностях масонерии. Очевидно, что на уровне узко политическом обозначенные две тенденции воплощались в секторах политического спектра. Но здесь картина была более сложной.

В рамках собственно европейской политики в начале века вопрос о Германии стоял в центре всеобщего внимания. Во Франции все политические партии делились на два лагеря — германофилов (и англофобов) и германофобов (англофилов). Вопрос о России никогда не стоял перед французами впрямую, отношение к ней определялась не само по себе, но исключительно как следствие про- или антигерманской ориентации. В этом проявляется особость стратегического пространственного деления Европы: Франция не имеет с Россией прямых границ, а следовательно, военно-политический союз с ней имеет чисто прикладной смысл и ориентирован против общего врага. Этим общим врагом является держава, граничащая и с Францией и с Россией, т. е. Германия. Поэтому такой союз даже на чисто теоретическом уровне может иметь не положительный, а отрицательный смысл, смысл объединения "против", а не "за". Иными словами, вопрос о России решался как следствие выбора кратополитической парадигмы относительно непосредственных соседей Франции — Англии и Германии.

Если Франция выбирала Англию, т. е. "атлантизм" в качестве ориентира, то из этого следовала антигерманская политика и поиск поддержки в России, так как основной задачей английской внешней политики, которую должна была отныне приоритетно учитывать Франция, было как раз недопущение союза Германии с Россией, т. е. формирования полноценного евразийского блока, способного пошатнуть морское могущество на планетарном уровне.

Это очень важный момент. — Русофилии в случае Франции на кратополитическом уровне быть просто не может: эта тенденция имеет отвлеченный характер, и следовательно, в геополитическом смысле обсуждается лишь модель соотношений между Германией (континентализм) и Англией (атлантизм).

Атлантистская линия во Франции предполагает союз с Англией против Германии с желательным привлечением России на свою сторону или, по меньшей мере, ее нейтралитет.

Соответственно, французские спецслужбы в Германии заинтересованы совместно с английскими спецслужбами (и даже под руководством этих последних) активизировать русофобские и антиславянские настроения, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, а в мирное время поддерживать русско-германские отношения в положении “холодной войны”. Симметричную позицию французские группы влияния занимали и в России в том случае, если Франция выбирала атлантистский проанглийский курс. Именно в такой геополитической схеме и разворачивались события в кратополитической сфере в годы, предшествующие Первой мировой войне.

Итак, геополитические тенденции в европейском масонстве можно обобщить в следующим образом. — Атлантистский сектор, ориентированный против евразийских держав, стремится не допустить «тайного союза или секретного договора России с Германией». На срыв потенциального евразийского проекта направлена вся мощь оккультной стратегии. Она обращена и против Германии и против России. При этом очевидно, что логика разрыва евразийского блока предполагает предложения компенсаторных альянсов и, основываясь на этом, посланцы атлантистских лож в России естественным образом становятся главными проводниками идей Антанты. Показательно, что созданное масонами единая Италия накануне Первой мировой войны также входит в сугубо атлантистскую коалицию Антанты, и забегая вперед, заметим, что наиболее активными сторонниками прогерманской линии после прихода к власти Муссолини станут масоны альтернативной антиатлантистской ориентации, группировавшиеся вокруг Регини и Фрозини.

Именно в этом ключе следует рассматривать роль так называемого думского масонства, то есть либеральной ложи, состоявшей из русских вольнодумцев и прогрессистов, отпочковавшихся от Великого Востока Франции, и легализовавшейся во время Февральских событий в форме Временного правительства, главой которого был либеральный масон, атлантист, англофил и западник Керенский.

Что касается самой Германии, то здесь картина масонского влияния была довольно пестрой. С одной стороны, продолжалась линия традиционного германского тамплиерского масонства, ориентированного антизападно, англофобски, архаически и консервативно. В начале XX века от него отпочковалась наиболее радикальная ветвь в виде ариософских лож, в скором времени распространившихся по всей Германии. В этой среде формировались крайне правые, ультраархаические антигуманистические течения, во многом инспирированные теософизмом Елены Блаватской, бывшей добровольным сотрудником русской охранки. Эту тенденцию трудно назвать евразийской в полном смысле, и более того, для нее была характерна антиславянская риторика. Но в то же время ариософизм был ориентирован жестко антизападно. Важно напомнить, что антиславянские тенденции ариософского оккультистского масонского течения, бывшего безусловно “горячим”, исторически проистекали из конкретики межнациональных отношений распадавшейся австро-венгерской империи. В ней в качестве славян выступали чехи и словаки, вытеснявшие этнических германцев с центральных социальных позиций по мере ослабления имперского могущества Габсбургов. Вожди и основатели ариософии Гвидо фон Лист и Йорг Ланц фон Либенфельз сделали славянофобию частью своей догматики, основываясь на реакции теснимого германского элемента в исторической Австрии. Позднее, когда из ариософии родилось всегерманское национал-социалистическое движение, намного превышающее по масштабам региональный австрийский колорит, понятие “славяне”, изначально прилагавшееся преимущественно к чехам, было распространено и на русских, что роковым образом сказалось на судьбе Германии в XX веке. Здесь видно, как этнический элемент неправомочно переходит на иной более высокий, собственно геополитический уровень, и очень важно отметить, к каким фатальным последствиям приводят подобные подмены.

Как бы то ни было, горячая германская ариософская масонерия, со всеми ее тамплиерскими, рыцарскими, фундаменталистскими ответвлениями, была самостоятельным

кратополитическим полюсом и внутри самой Германии противостояла либеральным ложам, ориентированным преимущественно на просвещенное прогрессистское масонство Англии и Франции. Снова, как и в России, мы видим здесь дуализм лож — ариософские «крайние правые», и либеральные проанглийские и профранцузские, бывшие, как правило, сторонниками умеренной социал-демократии и эволюционизма.

Во Франции можно было проследить аналогичную картину. “Горячие” ложи, сопряженные с египетскими обрядами, иррегулярным масонством и прямым оккультизмом, сплошь и рядом были ориентированы геополитически либо прогермански, либо общеевразийски. Конечно, нельзя утверждать, что эта закономерность в полной мере осознавалась всеми — континентализм «горячих» мог быть и опосредованным. Любопытно, что в Англии, цитадели атлантизма того времени и его главном геополитическом полюсе, существовала также оккультная оппозиция. Официальное английское масонство, предельно «холодное», главой которого традиционно являлись английские короли и к которому принадлежала вся высшая английская аристократия без исключения, была безусловно доминирующей. Но и в самой Англии существовали оккультные оппозиционные центры, базирующиеся, как правило, на экстравагантных и маргинальных масонских группах типа СРИА — Розенкрейцеровского общества Англии. Эта филиация восходит к крупному оккультисту и английскому социалисту МакКензи, другу и последователю Элиафаса Леви, основателя современного европейского оккультизма, хотя, возможно, существовал целый ряд менее известных источников также тамплиерского, континентального или очень древнего происхождения. Эмблематичным обществом такого рода стала знаменитая «Голден Доун, и совершенно естественно, в эту организацию входили самые разнообразные геополитические конформисты: пассионария ирландских сепаратистов Мод Гон, проирландский активист, поэт и лауреат Нобелевской премии Роберт Йейтс, германофил и русофил, черный маг Алистер Кроули, а также социалистические фабианские деятели, близкие Бернарду Шоу, не говоря о таких высокопоставленных политических персонажах, как Питер Бьюканнен, начавший карьеру с секретного агента Британии на Востоке и ставший впоследствии губернатором Канады. Последний, кстати, посещал Россию.

Вся европейская «горячая масонерия» была отмечена оккультизмом, склонностью к прямым психическим и магическим практикам, повышенным пассионарным накалом, сочетанием крайней революционности с архаизмом и интересом к древним или, по меньшей мере, средневековым культам и традициям. Общим местом был интерес к алхимии и другим герметическим наукам, а также увлечение Каббалой и магическими опытами. В целом, это масонское поле действовало против либерально-атлантистских интересов, создавало альтернативные нонконформные оккультные сети, тесно переплетенные с теософизмом и спиритическими кружками.

Среди русского масонства начала XX века были представители и этого “горячего” направления, но существовали они совершенно автономно от “холодных” масонов-либералов. И здесь следует подчеркнуть один нюанс: несмотря на то, что в большинстве случаев русские масоны начала века ориентировались на Францию, они вдохновлялись двумя различными идеалами. Линия русских неомартинистов (Астромов, Мебис, Рерих и т. д.) вдохновлялась Папюсом и «горячим» оккультистским полюсом. Думское масонство Магидова и Керенского черпало вдохновение из совершенно иных источников. Таким образом, дуализм между «холодным» и «горячим» масонством в полной мере относился и к самой России. Учитывая специфику кратополитического поля, в котором границы являются гораздо более подвижными и прозрачными, нежели в профаническом мире (о чем необходимо все время помнить), внутримасонские противоположные полюса вполне могли обмениваться отдельными элементами, проникать друг в друга и стараться использовать силы и влияния оппонентов. Но тем не менее в самом грубом приближении можно сказать, что французские оккультисты, представители так называемой гностической церкви, неомартинисты и розенкрейцеры, орден смотрящих Швалера де Любича, наследники Станисласа де Гюайятты(его секретарь Освальд Вирт, наставник Савенкова, Волошина и

Мебиса) или Сара Пеладана; английские розенкрейцеры и Голден Доун с многочисленными филиациями вплоть до телемизма Кроули, германские ариософы или сексуальные маги из Ордена Восточных Тамплиеров Теодора Ройса — все это было отмечено явно различимыми евразийскими тенденциями. Противоположная сторона — атеистический Великий Восток Франции или французская англофильская Великая национальнавя ложа, классическое английское масонство во главе с правящим домом, немецкие либеральные ложи — напротив, выступали проводниками и подчас лабораториями атлантистской стратегии.

Антанта а также ряд международных организаций, появившихся после Второй мировой войны, было масштабным политическим выражением либерал-анлантистской масонерии и крупным поражением альтернативного “горячего”, евразийского полюса, не сумевшего в должной мере консолидироваться, мобилизоваться и предложить универсальный проект “нового Средневековья”. Но зародыши такого проекта, иногда называемого синархией, зрели в недрах горячего масонства, и были в центре повышенного внимания всех евразийски ориентированных лож, кружков, орденов, организаций.

«Горячая» ветвь европейского масонства, таким образом, логически должна была противодействовать модели Антанты, и единственной альтернативой этому был бы русско-германский союз, который дал бы импульс активизации континентальной антианглийской политики во Франции с соответствующим перемещением центров сил, а на последнем этапе усилил позиции маргинальных кругов английской масонерии, которая несмотря на свою малочисленность дала Англии столь много выдающихся личностей в области литературы, политики, философии и даже военной стратегии (полковник Фуллер).

Рене Генон

Совершенно особняком в конспирологической картине начала века стоит такой уникальный персонаж, как Рене Генон. Начав свой путь с увлечения оккультизмом и масонерией, постепенно он выработал основы того, что принято называть «традиционализмом». Генон был вхож в самые интересные, парадоксальные и неоднозначные круги европейского оккультизма, преимущественно поддерживая контакты с “горячей масонерией”. Но значение Генона несопоставимо с функцией ординарного посвященного даже в эти закрытые организации.

В его случае мы можем с достоверностью и уверенностью говорить о том третьем конспирологическом уровне, который так же далек и сокрыт от мира посвященных, как сам этот мир от профанов и обывателей. Генон оперировал не просто символическими комплексами и оккультными доктринами, он обнародовал и сформировал колоссальную интерпретационную модель, некий фоновый язык, оказавший впоследствии неизгладимое влияние на интеллектуальную историю 20 века. Его имя и его труды были достоянием довольно узких кругов. Участие в социальных процессах было минимальным, и тем не менее тень этого загадочного человека падает на все интеллектуальный философские процессы нашего времени, имеющие хотя бы малейшее содержание.

Позиции Генона в интересующем нас аспекте пересечения геополитики и оккультных организаций можно охарактеризовать как радикальное абсолютное евразийство. Полнее всего основы генононовского подхода изложены в его книгах “Кризис современного мира” и “Восток и Запад”. Здесь излагается в наиболее общих терминах основы неснимаемого пртиворечия между Востоком и Западом, понятыми не только как географические, но и как хронологические и даже сверхвременные категории. По Генону, Запад тождественен современному миру, негативному результату циклического процесса. В основном векторе современной идеологии, которую Генон определял как сочетание индивидуализма, рационализма, прогрессизма, прагматизма и гуманизма, он видел концентрированное воплощение негативной тенденции сакральной истории, концептуальный синоним “учения Зверя”.

Таким образом, атлантизм, по Генону, наделялся всеми качествами абсолютного

исторического негатива, выступал как символ мрака и духовной деградации.

Этой атлантистской реальности Генон противопоставлял Восток. Восток как надвременное понятие, как верность сакральным корням, как сохранение пропорций изначального Золотого века. Современная западная цивилизация рассматривалась им как гипертрофированная аномалия, как эфемерное царство тотальной лжи. Ей он противопоставлял сакральные учения Востока, евразийские цивилизации как синоним нормы.

В своих конкретных рекомендациях и оценках применительно к историческим и социальным процессам Генон сознательно избегал конкретики, ограничивался общими замечаниями, но вся острота его развитой впечатляющей традиционалистской философии была направлена на революционное перенесение акцентов при анализе современного мира с привычной и само собой разумеющейся западной точки зрения на прямо противоположную позицию. Никто в 20 веке, кроме Генона, не смог с подобными радикализмом, убедительностью и наглядностью поставить жестокий и абсолютно негативный диагноз современному мир как сатанинскому царству количества. И никто с той же ясностью и убедительностью не обрисовал контуры единственной серьезной альтернативы, заключающейся в верности сакральной цивилизации.

Позиция Генона оказали колоссальное влияние на различные среды европейского оккультизма (в первую очередь, французского), на многих влиятельных мыслителей и политических деятелей 20 века, которые сами по себе могут быть рассмотрены как центры тонкого геополитического и конспирологического влияния. Генон обрисовал контекст судьбоносного исторического действия, расшифровал его содержание, четко распределил роли. Смысл конспирологической деятельности Генона может быть сведен к следующей формуле: в рамках «горячей» масонерии и при опоре на сверхсекретные инициатические организации Востока (брахманические, суфийские, ламаистские и т. д.) он создал действующий полюс евразийской активности, который доктринально был несопоставимо выше приблизительных и расплывчатых интуиций теософов или оккультистов.

Одним из учеников и последователей Генона был крупнейший итальянский философ 20 века Юлиус Эвола, посвященный в генонизм через итальянских последователей Генона и руководителей антикатолической ветви итальянского масонства Фразини и Артуро Регини. К геноновскому влиянию следует добавить линию оперативного мага, мистического терапевта Джулиано Креммерца, который был продолжателем наиболее интенсивной ветви горячего оккультизма в Италии.

С другой стороны, под серьезным влиянием Генона находилась та группа историков религий, которая во многом сформировала отношение к традиции и сакральной цивилизации в последующие периоды нашего столетия. В первую очередь, это относится к выдающемуся румыну Мирча Элиаде и смежным с ним историческим и психоаналитическим школам.

Предельно концентрированное и однозначное метафизическое трансцендентное евразийство Генона в лице людей, затронутых его влиянием, приобретало более мягкие и гибкие формы, но общий вектор оставался одним и тем же.

Следует также заметить, что Генон через определенных персонажей был связан и с русским евразийством. Один из его корреспондентов и тайных приверженцев французский дипломат Жан Калмель участвовавший в дипломатических миссиях в России и Польше, поддерживал тесные контакты с доктором Бадмаевым, крупнейшим теоретиком и практиком мистического русского евразийства. Многие идеи относительно сакральной географии Евразии, которыми Генон широко пользовался, были почерпнуты им у Жана Калмеля, а сам Калмель добывал эти сведения от доктора Бадмаева.

Хасидско-каббалистические и талмудические оккультные организации

Особо следует рассмотреть роль оккультных еврейских организаций, которым в конспирологических конструкциях отводится (незаслуженно) едва ли не центральная роль. В

этом вопросе нет ясности. К оккультным еврейским орaганизациям могут быть причислены очень разнородные структуры, геополитические роли которых подчас бывают прямо противоположными. Следует при их рассмотрении помнить об основном принципе: геополитическом дуализме еврейства, подразделяющегося на евразийскую и атлантистсткую ветви. По аналогии с делением масонских организаций на две части вполне уместно говорить о горячем, мистическом, предельно идеалистическом еврействе, в целом созвучном "горячей масонерии", и о еврействе холодном, рациональном, прагматичном, озабоченном эффективным социальным менеджментом.

Поэтому пресловутый "еврейский заговор" в такой оптике выглядит как два "заговора" с противоположными ориентациями. С одной стороны, это мистические круги, чаще всего каббалистической ориентации, а также хасидские и сабаттаистские общества, соответствовавшие классической модели тайных организаций мистического толка. Этот полюс был представлен либо выходцами из Восточной Европы, сформировавшимися под сильным влиянием евразийского культурного, духовного и психологического контекста: согласно некоторым теориям (Л.Гумилев, Кестнер), под влиянием расово происходящих от принявших иудаизм хазар, либо мистически ориентированных миноритарных еврейских групп, обособленно проживавших в Западной Европе, но сумевших противостоять рационалистическим и десакрализационным тенденциям западной истории, которые увлекли за собой большинство их обмирвщленных или частично обмирвщленных соплеменников.

Другим полюсом были тайные организации евреев западного происхождения и западной культурной ориентации. Они были построены по классическому типу масонских лож, с акцентом на принадлежность к еврейству. Образцом такой организации еврейского атлантизма был Бнай-Брит — влиятельная масонская ложа, вступить в которую мог только этнический еврей, но которая видела судьбу евреев исключительно в контексте прогрессивного развития западной цивилизации в гармонии и солидарности с этим процессом.

Нетрудно выяснить геополитические вектора деятельности этих разнородных групп. Хасидско-каббалистические организации по самой логике вещей ориентированы на реализацию евразийского геополитического плана. Неслучайно именно они были одной из движущих сил по сближению России и Германии. Особенно интересно отметить связь этого полюса с социал-демократическим, анархистским и большевистским движениями. Мистическая, восточническая ветвь иудаизма, отвергая Просвещение, особенно еврейское Просвещение (Хаскала), все же вынуждена была говорить на современном языке, и этим языком в огромной мере стали революционные социалистические и марксистские учения. Радикальные революционные организации, распространенные в России, Германии, других европейских государствах и в полной мере напоминавшие тайные сообщества, были сплошь и рядом мажоритарно укомплектованы выходцами именно из этой среды. В данном случае мессианские и спиритуалистические формулы превращались в концепции политэкономических трансформаций и социальных революций. Радикальные группы еврейских революционеров, сочетавших геополитическое евразийство, восточный психологический тип с традиционными для евреев мистико-национальными тенденциями, фактически были важнейшими структурными элементами конспирологической конструкции, которая служила точкой общего фокуса для двух предельно далеких сфер — архаического эзотеризма и модернистической социальной практики.

На противоположном полюсе мирового еврейства находились, напротив, организации, созданные крупной еврейской буржуазией, в религиозном аспекте наследовавшей раввинистический, митнагедский рационализм, столь характерный для моралистической и ритуалистской трактовки Торы Талмудом и Маймонидом. Здесь мы имеем дело с людьми, впитавшими как нечто позитивное либерально-прогрессистский дух атлантистского Запада и основавшими свою жизнь и свой бизнес на социальных и экономических принципах англо-саксонского образца. Представители этих кругов в геополитической перспективе солидаризовались с талассократическими тенденциями, спонсируя в той или иной форме

конспирологические проекты, ориентированные против России, Германии, национально-освободительных движений Азии. Особенно важно для них было недопустить реализации континентального проекта, блокировать распространение социалистических идей в Европе, помешать возможному альянсу России и Германии.

Конечно, специфика еврейской истории привила всем евреям чувство определенной солидарности между собой. Но геополитические законы глубже этнических реакций, и эта солидарность, по определению, не распространялась и не могла распространяться ни на метафизику, ни на специфику религиозного типа, ни на предопределенные качественным пространством фундаментальные бытийные установки.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА КОНТИНЕНТОВ

Геополитика и тайные силы истории

Модели «заговора» чрезвычайно разнообразны. В этой сфере наибольшей популярностью бесспорно пользуется концепция «иудео-масонского» заговора, столь распространенная сегодня в самых различных кругах. В принципе, эта теория заслуживает самого серьезного изучения, и мы должны признать, что полного научного анализа этой темы мы так и не имеем, несмотря на сотни и тысячи трудов как «разоблачающих» этот заговор, так и «доказывающих» его несуществование. Но в настоящей работе мы будем исследовать совершенно иную конспирологическую модель, которая основана на системе координат, отличной от «иудео-масонских» версий. Мы постараемся в общих чертах описать планетарный «заговор» двух противоположных «оккультных» сил, чье тайное противостояние и невидимая борьба предопределила логику мировой истории. Эти силы, на наш взгляд, характеризуются прежде всего не национальной спецификой и не принадлежностью к тайной организации масонского или парамасонского типа, но радикальным различием в их геополитических ориентациях. И объяснение последней «тайны» этих противоборствующих сил мы склонны видеть именно в различии двух альтернативных и взаимоисключающих геополитических проектов, которые стоят по ту сторону национальных, политических, идеологических и религиозных различий, объединяя в одну группу людей самых противоположных взглядов и убеждений. Наша конспирологическая модель — это модель "геополитического заговора".

Основы геополитики

Напомним [31] основные постулаты геополитики, науки, называвшейся ранее также "политической географией", основная заслуга в разработке которой принадлежит английскому ученому и политическому эксперту сэру Хэлфорду Макиндеру (1861–1947). Сам термин «геополитика» был впервые употреблен шведом Рудольфом Челленом (1864–1922) и затем введен в обращение в Германии немцем Карлом Хаусхофером (1869-I946). Но как бы то ни было, отцом геополитики остается именно Макиндер, чья фундаментальная модель легла в основу всех последующих геополитических исследований. Заслуга Макиндера в том, что он сумел выделить и постичь определенные объективные законы политической, географической и экономической истории человечества.

Если термин «геополитика» появился сравнительно недавно, сама реальность, им

---

[31] В 1999 году вышло третье и наиболее полное издание моего учебника "Основы Геополитики" (Москва, Арктогея), где эта дисциплина освещена в историческом и научном аспекте с приложениями основных классических текстов отцов-основателей геополитики — Х.Макиндера, К.Хаусхофера, П.Савицкого, К.Шмитта и т. д.

обозначаемая, имеет многотысячелетнюю историю. Сущность геополитической доктрины может быть сведена к следующим принципам. —

В планетарной истории существует два противоположных и постоянно конкурирующих подхода к освоению земного пространства — «сухопутный» и «морской». В зависимости от того, какой ориентации ("сухопутной" или "морской") придерживаются те или иные государства, те или иные народы, те или иные нации, их историческое сознание, их внешняя и внутренняя политика, их психология, их мировоззрение складываются по совершенно определенным правилам. Учитывая эту особенность, вполне можно говорить о «сухопутном», "континентальном" или даже «степном» ("степь" — это «суша» в ее чистом, идеальном виде) мировоззрении и о мировоззрении «морском», "островном", «океаническом» или «водном». (Заметим попутно, что первые намеки подобного подхода мы находим в работах русских славянофилов — у Хомякова и Киреевского).

В древней истории «морской» державой, ставшей историческим символом "морской цивилизации" в целом, была Финикия (Карфаген). Сухопутной же империей, противостоящей Карфагену — Рим. Пунические войны — это чистейший образец противостояния "морской цивилизации" "цивилизации сухопутной". В Новое Время и в новейшей истории «островным» и «морским» полюсом стала Англия, "владычица морей" и, позже, гигантский остров — континент Америка.

Англия, как и древняя Финикия, использовала в качестве основного инструмента своего владычества в первую очередь морскую торговлю и колонизацию прибрежных районов. Финикийско-англо-саксонский геополитический тип породил особую "торгово-капиталистически-рыночную" модель цивилизации, основанную на экономических и материальных интересах и принципах экономического либерализма. Поэтому несмотря на возможные исторические вариации наиболее общий тип «морской» цивилизации всегда связан с "приматом экономики над политикой".

В отличие от финикийской модели Рим представлял собой образец воинственно-авторитарной структуры, основывающейся на административном контроле и гражданской религиозности, на примате "политики над экономикой". Рим — это пример колонизации не морского, но сухопутного, чисто континентального типа, с проникновением в глубь континента и ассимиляцией покоренных народов, автоматически становящихся после завоевания «римлянами».

В Новой Истории воплощением «сухопутной» державы была Российская Империя, а также центрально-европейская имперская Австро-Венгрия и Германия. Россия, Германия, Австро-Венгрия суть символы "геополитической суши" в период Новой Истории.

В последние несколько столетий "морская цивилизация" тяготела к тому, чтобы отождествиться с атлантизмом, так как сегодня "морские державы" по преимуществу — это Англия и Америка, то есть англо-саксонские страны.

Атлантизму, воплощающему в себе примат индивидуализма, "экономического либерализма" и "демократии протестантского типа", противостоит евразийство, предполагающее авторитаризм, иерархичность и постановку общинных, национально-государственных принципов над мелко-человеческими, индивидуалистическими, гедонистическими экономическими интересами. Ярко выраженная евразийская ориентация характерна в первую очередь для России и Германии, двух мощнейших континентальных держав, чьи геополитические, экономические и, самое главное, глубинно мировоззренческие интересы полностью противоположны интересам Англии-США, то есть атлантистам.

Заговор атлантистов

Макиндер как англичанин и атлантист указывал на опасность евразийской консолидации и с начала XX века побуждал правительство Англии сделать все возможное, чтобы не допустить евразийского альянса, и особенно альянса России-Германии-Японии

(Японию он считал державой с сущностно континентальным и евразийским мировоззрением). С Макиндера можно вести отсчет ясно сформулированной и подробно описанной идеологии осознанного и абсолютизированного атлантизма, чья доктрина лежит в основе англо-саксонской геополитической стратегии XX века. Параллельно Макиндеру (даже чуть раньше его) сходную теорию выдвинул американский адмирал Мэхэн, пророчески осознавший планетарную функцию США в веке, когда этой державе суждено было стать "Морским Могуществом" (Sea Power) мирового масштаба.

Исходя из этого, мы можем определить сущность агентурной работы, военного шпионажа, политического лоббизма, ориентированного на Англию и США, как атлантическую идеологию, идеологию "Нового Карфагена", которая является общей для всех "агентов влияния", для всех тайных организаций, для всех лож и полузакрытых клубов, которые служили и служат англо-саксонской идее в XX веке, пронизывая своей сетью все континентальные «евразийские» державы. И в первую очередь, это, естественно, касается непосредственно английской и американской разведок, особенно ЦРУ, которые являются не просто "стражами капитализма" или «американизма», но стражами «атлантизма», объединенными глубинной и много тысячелетней сверх-идеологией «океанического» типа. Совокупность всех «сетей» англо-саксонского влияния можно назвать "участниками атлантического заговора", работающими не только на интересы отдельно взятой страны, но на интересы особой геополитической и, в конечном итоге, метафизической доктрины, представляющей собой крайне многоплановое, разнообразное и широкое, но все же сущностно единое мировоззрение.

Итак, обобщая идеи Макиндера, можно сказать, что существует исторический "заговор атлантистов", преследующих сквозь века одни и те же геополитические цели, ориентированные на интересы "морской цивилизации" неофиникийского типа. Причем, важно подчеркнуть, что «атлантистами» могут быть как «левые», так и «правые», как «атеисты», так и «верующие», как «патриоты», так и «космополиты», поскольку геополитическое мировоззрение стоит по ту сторону всех частных национальных и политических различий.

Поэтому-то мы имеем дело с самым настоящим "оккультным заговором", смысл и метафизическая подоплека которого часто остаются совершенно неизвестными для самих его непосредственных участников, и даже для самых ключевых фигур.

Заговор «евразийцев»

Идеи Макиндера, обнажившие определенные исторические и политические закономерности, которые и без того многие угадывали или предчувствовали, открыли путь для ясной идеологической формулировки противоположной атлантизму Евразийской Доктрины. Первыми принципы евразийской геополитики сформулировали русские белые эмигранты, известные под именем «евразийцев» (кн. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев[32] и т. д.), и знаменитый германский геополитик Карл Хаусхофер (и его школа Обст, Мауль и т. д.).

Более того, факты контактов русских «евразийцев» с Карлом Хаусхофером заставляют нас предполагать, что и немецкие и русские геополитики развивали близкие темы одновременно и параллельно.

Немецкая школа Хаусхофера настаивала на необходимости евразийского геополитического альянса Россия-Германия-Япония в противовес «атлантистской» политике, стремящейся любой ценой противопоставить Россию Германии и Японии. В то же время Хаусхофер внимательно следил за развитием евразийской идеологии в русской эмиграции и

---

[32] Монографии этих классиков евразийства под моей редакцией и с моими комментариями вышли в издательстве «Аграф» в 1997–1998 гг.

посвящал обзору этой темы солидные материалы в своем журнале "Zeitschrift zu Geopolitik".

Русские евразийцы и группа Хаусхофера параллельно друг другу сформулировали определенные принципы континентального, евразийского мировоззрения, альтернативного атлантистским позициям. Можно сказать, что они впервые выразили то, что стояло за всей политической историей Европы последнего тысячелетия, проследив путь "римской имперской идеи", которая от Древнего Рима через Византию перешла к России, а через Средневековую Священную Империю Германских Наций к Австро-Венгрии и Германии.

При этом русские евразийцы внимательно и глубоко проанализировали имперскую и в высшей степени «сухопутную» миссию Чингизхана и монголов, подчеркнув континентальную значимость тюрков в становлении великороссов имперским этносом, в геополитическом формировании Московского Царства. Позже эту идею подробно развил наследник евразийской линии великий русский историк Лев Гумилев.

Группа Хаусхофера, со своей стороны, изучала Японию и континентальную миссию государств Дальнего Востока в перспективе будущего геополитического альянса[33].

Так, в ответ на откровенное признание Макиндера, осветившего тайны планетарной атлантистской стратегии, уходящей корнями вглубь веков, русские и немецкие евразийцы в 20-е годы, открыли логику альтернативной континентальной стратегии, тайну сухопутной "имперской идеи", эстафету Рима, которая невидимо вдохновляла политику держав с авторитарно-идеалистическим, общинно-героическим мировоззрением.

Евразийская идея так же глобальна, как и атлантическая, и у нее тоже было множество "тайных агентов" во всех исторических государствах и нациях. Все те, кто работали не покладая рук на евразийский союз, те, кто препятствовали в течение веков распространению на континенте индивидуалистических и либерально-демократических концепций (воспроизводящих в целом дух типично финикийского "примата экономики над политикой"), те, кто стремились объединить великие евразийские народы под знаком Востока, а не под знаком Запада — будь то Восток Чингизхана, Восток Ивана Грозного, Ленина или Прусской монархии — все они были "евразийскими агентами", носителями особой геополитической доктрины, "воинами континента", "солдатами Суши".

Евразийское тайное общество, Орден Евразийцев, начинается отнюдь не с авторов манифеста "Исход к Востоку" или "Геополитического Журнала" Карла Хаусхофера. Это было, скорее, лишь обнаружение, выход на поверхность определенных знаний, которые существовали с незапамятных времен, вместе с соответствующими тайными обществами и сетью "агентов влияния".

Равно как и в случае Макиндера, принадлежность которого к английским "тайным обществам" исторически установлена.

Орден Евразии против Ордена Атлантики.

Вечный Рим против Вечного Карфагена.

Оккультная пуническая война, невидимо продолжающаяся в течение тысячелетий.

Планетарный заговор Суши против Моря, Земли против Воды, Авторитарности и Идеи против Либерализма и Материи.

Заговор сил Бытия против сил Небытия.

Не станут ли бесконечные парадоксы, противоречия, недомолвки и виражи нашей истории понятнее, логичнее и разумнее, если смотреть на них с позиции оккультного геополитического дуализма? Не получат ли в таком случае бесконечные жертвы, которыми человечество расплачивается в наш век за непонятные проекты политиков, глубинное метафизическое оправдание? Не будет ли благородным и благодарным жестом признать всех павших на полях сражений XX века солдат героями Великой Войны Континентов, а не послушными марионетками условных и постоянно меняющихся политических режимов,

---

[33] Этой теме я посветил философско-историческую программу Finis Mundi "Карл Хаусхофер: Континентальный Блок", вышедшей на CD в 2000 г.

преходящих и неустойчивых, мимолетных и случайных, бессмысленных до такой степени, что сама смерть ради них кажется мелкой и глупой? Другое дело, если павшие герои служили Великой Суше или Великому Океану, — по ту сторону политической демагогии и беснующейся пропаганды идеологий-однодневок, — геополитической цели перед лицом многотысячелетней истории тайного противостояния сверхчеловеческих могуществ.

"Кровь и Почва" — "Кровь или Почва?"

Знаменитый русский философ, религиозный мыслитель и публицист Константин Леонтьев высказал чрезвычайно важную формулу: "Славянство есть, славизма нет". Одним из основных геополитических выводов этого замечательного автора было противопоставление идеи «панславизма» и «азиатской» идеи. Если внимательно проанализировать это противопоставление, мы обнаружим общий типологический критерий, который позволит нам лучше понять структуру и логику геополитической оккультной войны Ордена Евразии против Ордена Атлантики.

Вопреки эклектическому сочетанию терминов в концепции немецкого идеолога национал-социалистического крестьянства Вальтера Дарре "Кровь и Почва", на уровне оккультной войны геополитических сил в современном мире проблема формулируется иначе — а именно, "кровь или почва". Другими словами, традиционалистские проекты сохранения идентичности народа, государства или нации стоят всегда перед альтернативой — что взять в качестве главенствующего критерия "единство нации, расы, этноса, единство крови" или "единство географического пространства, единство границ, единство почвы". При этом весь драматизм заключается именно в необходимости выбора: "или — или", а всякое гипотетическое «и» остается лишь утопическим лозунгом, не решающим, но лишь затемняющим остроту проблемы.

Гениальный Константин Леонтьев, традиционалист и радикальный русофил по убеждениям, четко поставил этот вопрос: "русским надо либо настаивать на единстве славян, на славизме ("кровь"), либо обратиться к Востоку и осознать географическую и культурную близость русских к восточных народам, связанным с русскими территориями ("почва")". Этот вопрос в иных терминах может формулироваться как выбор между признанием верховенства «расы» ("национализм") или «геополитики» ("государственность", "культура"). Сам Леонтьев выбирал «почву», "территорию", особость великорусской имперской религиозной и государственной культуры. Он выбирал «восточность», "азиатскость", «византизм».

Такой выбор предполагал приоритет континентальных, евразийских ценностей над ценностями узко-национальными и расовыми. Логика Леонтьева естественным образом приводила к неизбежности русско-германского, и особенно русско-австрийского, союза и к миру с Турцией и Японией. «Славизм» или «пан-славизм» Леонтьев отвергал категорически, чем вызвал возмущение многих поздних славянофилов, стоявших на позиции либо "кровь выше почвы", либо "кровь и почва". Леонтьев был не понят и не услышан. История XX века многократно доказала чрезвычайную важность поставленных им проблем.

Панславизм против евразийства

Тезис "кровь выше почвы" (в русском контексте, это означает «славизм», "панславизм") впервые обнаружил всю свою двусмысленность во время Первой Мировой войны, когда Россия, вступив в союз со странами Антанты, с англичанами, французами и американцами, в стремлении освободить «братьев-славян» из под турков не только стала воевать против своих естественных геополитических союзников — Германии и Австрии, — но и сама была ввергнута в катастрофу революции и гражданской войны. «Славизм» русских на деле обернулся работой на «атлантистов», на Антанту и на тип "неокарфагенской цивилизации", который воплотился в торгово-колониальной, индивидуалистической англосаксонской

модели. Не удивительно, что среди "патриотов-панславистов" из окружения государя-императора Николая II большинство было сотрудниками английской разведки или просто "атлантистскими агентами влияния".

Любопытно вспомнить эпизод из романа русского патриота атамана Петра Краснова "От двуглавого орла к красному знамени", где в разгар Первой Мировой войны главного героя полковника Саблина спрашивают: "Скажите откровенно, полковник, кого вы считаете нашим подлинным врагом?", а он однозначно отвечает на это: "Англию!", хотя эта убежденность не мешает ему честно и мужественно воевать именно за английские интересы против Германии, следуя долгу абсолютной и безусловной верности Императору.

Герой романа Краснова — идеальный пример русского патриота-евразийца, пример логики "почва выше крови", которая была характерна для графа Витте, для барона Унгерна-Штернберга, для таинственной организации «Балтикум», состоявшей из балтийских аристократов, до последнего часа остававшихся преданными царской семье (равно как остался верным Царю в хаосе всеобщего предательства текинский князь со своей дивизией, описанный в том же романе Краснова). Поразительно, до какой степени мужественно и благородно вели себя в период 1917 азиаты, тюрки, немцы и другие «инородцы», служившие верой и правдой Царю и Империи, служившие Евразии, «почве», "континенту", и как это контрастировало со многими «славянами», "пан-славистами", быстро забывшими о «Константинополе» и "балканских братьях" и побежавшими из России, оставляя Отечество, в страны атлантического влияния, к Западному Океану, к Воде, предавая не только Родину, но великую Идею Вечного Рима, русского Третьего Рима, Москвы.

Атлантисты и расизм

В Германии утверждение идеи "кровь выше почвы" привело к не менее страшным последствиям. Вопреки немецким патриотам русофилам и евразийцам — Артуру Мюллеру ван ден Бруку, Карлу Хаусхоферу и т. д., настаивавшим на "верховенстве жизненного пространства"[34] на интересах континента в целом, на идее "континентального блока", в руководстве Третьего Райха в конце концов победу одержало атлантистское лобби, эксплуатировавшее расистские тезисы и под предлогом того, что "англичане — арийцы и родственный немцам этнос", стремившееся ориентировать внимание Гитлера на Восток и приостановить (или хотя бы ослабить) военные действия против Англии.

"Пангерманизм" в данном случае (как и «панславизм» русских в Первой Мировой войне) работал на руку только «атлантистам». И совершенно логично, что главным врагом России, постоянно стремившимся втянуть Германию Гитлера в конфликт с русскими, со славянами (по «расовым» соображениям, "кровь выше почвы"), был английский шпион адмирал Канарис. Проблема "кровь или почва" чрезвычайно важна еще и потому, что выбор одного из этих двух терминов в ущерб другому позволяет опознать — быть может, косвенно и опосредованно — "агента влияния" того или иного геополитического мировоззрения, особенно когда речь идет о лагере «правых» или «националистов». Сущность "геополитического заговора" атлантистов (как, впрочем, и евразийцев) в том, что он охватывает весь спектр политических идеологий от крайне правых до крайне левых, но всегда при этом "геополитические агенты влияния" оставляют свои специфические следы. В случае «правых» признаком потенциального атлантизма является принцип "кровь выше почвы", который, помимо всего прочего, позволяет отвлечь внимание от фундаментальности геополитических проблем, уводя внимание в сторону второстепенных критериев.

---

[34] Надо заметить, что в хаусхоферовской теории "жизненного пространства", «Lebensraum», не было и намека на тот антиславянский экспансионизм, с которым это выражение стало ассоциироваться у Гитлера и других идеологов Райха. (См. Karl Haushofer "De la geopolitique" Ed. Fayard, France, 1986)

Кто чей шпион?

В качестве примера влияния оккультной геополитической идеологии на «левых» можно упомянуть евразийских национал-большевиков Германии — к примеру, немецкого коммуниста-националиста Эрнста Никиша, консервативного революционера Эрнста Юнгера, коммунистов Лауффенберга, Петеля, Шульцен-Бойсена, социал-демократа Августа Виннига и т. д. Евразийские национал-большевики несомненно были и среди русских, и любопытно то обстоятельство, что сам Ленин в эмиграции стремился сблизиться именно с немецкими политиками и финансистами, а кроме того, многие его тезисы были довольно откровенно германофильскими.

Мы не хотим в данном случае утверждать, что Ленин был на самом деле причастен к Евразийскому Ордену, но в той или иной мере некоторому влиянию этого Ордена он безусловно подвергся. Во всяком случае оппозиция "Ленин = немецкий шпион" — "Троцкий = американский шпион" действительно соответствовала определенной типологической схеме. Во всяком случае, на чисто геополитическом уровне действия правительства Ленина носили евразийский характер[35] хотя бы уже потому, что ленинист Иосиф Сталин вопреки некоторой "либеральной демагогии", присутствующей в ортодоксальном марксизме, сохранил единым гигантское евразийское пространство Русской Империи. (Троцкий[36] же, со своей стороны, настаивал на экспорте Революции, на ее «мондиализации», и рассматривал Советский Союз как нечто преходящее и эфемерное, как плацдарм для идеологической экспансии, который должен исчезнуть перед лицом планетарной победы "мессианского коммунизма"; в целом миссия Троцкого несла на себе безусловную печать «атлантизма», в отличие от коммунистического «евразийства» Ленина.)

Сам большевистский ленинский «интернационализм» имел определенное «имперское», "евразийское" измерение — принцип "почвы над кровью" — хотя, конечно, этот принцип был искажен и извращен под воздействием других аспектов большевицкой идеологии и, самое главное, под воздействием "агентов влияния" атлантизма в лоне самого коммунистического руководства.

Суммируя эти соображения, можно сказать, что отличительной чертой представителей Евразийского Ордена в России было почти «обязательное» германофильство (или, по меньшей мере, "англофобия"), и обратно, в Германии евразийцы «обязаны» были быть русофилами.

Мюллер ван ден Брук однажды сделал очень верное замечание: "Французские консерваторы всегда вдохновлялись примером Германии, германские консерваторы — примером России". В этом обнаруживается вся логика геополитической, континентальной подоплеки невидимой оккультной борьбы, проходящей сквозь века, оккультной Войны Континентов.

Вы сказали ГРУ, господин Парвулеско?

---

[35] Евразийскими следует признать и иные конкретные шаги Ленина — в частности, Брест-Литовский мир и особенно соглашения Раппало. Мир с Германией был для молодой Советской Власти главной предпосылкой позднейшего геополитического возрождения и превращения в мощную социалистическую империю.

[36] Формула "Ленин = национал-большевик", "Троцкий = интернационал-большевик" является, конечно, несколько упрощенной. На определенном этапе (в бытность главкомом Красной Армией) Троцкий, интересовался идеями русского национал-большевика Николая Устрялова. Постепенно позиции Троцкого эволюционировали, и в поздний период он критиковал Сталина именно за «национализм» и «этатизм». Сама идея "Мировой Революции" не так однозначна как кажется на первый взгляд и может быть понята в геополитическом контексте как силовое излучение Советского сухопутного Востока на атлантистский либеральный Запад. Так понимали геополитическое значение большевизма первые немецкие национал-большевики «справа» — граф фон Ревентлов и Вальтер Николаи. И все же оппозиция Ленин — Троцкий часто понимается геополитическими и политическими кругами именно в таком редуцированном виде.

Единственный из западных конспирологов, постоянно подчеркивающий геополитический характер "мирового заговора" или, точнее, двух альтернативных "мировых заговоров" ("евразийского" и "атлантического") — это гениальный французский писатель, поэт и метафизик Жан Парвулеско, автор многих литературных и философских трудов[37].

В своей долгой и чрезвычайно насыщенной жизни он был лично знаком со многими выдающимися деятелями европейской и мировой истории, в том числе с представителями "оккультной, параллельной истории" — мистиками, видными масонами, каббалистами, эзотериками, тайными агентами различных спецслужб, идеологами, политиками и художниками. (В частности, он дружил с Эзрой Паундом, Юлиусом Эволой, Арно Брекером, Отто Скорцени, Пьером де Вильмарестом, Раймоном Абеллио и т. д.)

Узнав о специфике наших конспирологических исследований, господин Парвулеско предоставил в наше распоряжение определенные полусекретные документы, которые позволили нам выяснить многие важнейшие детали планетарного геополитического заговора. Особый интерес представляют материалы, касающиеся деятельности секретных оккультных организаций в России.

В дальнейшем изложении мы постараемся привести наиболее интересные моменты концепции Жана Парвулеско.

24 февраля 1989 года в Лозанне перед членами административного совета загадочного "Института Специальных Метастратегических Исследований "Атлантис"" Жан Парвулеско сделал доклад под интригующим названием "Галактика ГРУ" с подзаголовком "Секретная миссия Михаила Горбачева, СССР и будущее великого Евразийского Континента". В этом докладе, копию которого господин Парвулеско нам передал, он проанализировал оккультную роль советской военной разведки, ГРУ (Главное Разведывательное Управление) и связь ГРУ с тайным Орденом Евразии. В качестве точки отсчета Парвулеско взял книгу известного специалиста в области советских спецслужб, знаменитого французского контрразведчика и руководителя "Европейского Центра Информации" Пьера де Вильмареста, который в 1988 году выпустил во Франции бестселлер "ГРУ, самая секретная из советских спецслужб, 1918–1988".

ГРУ против КГБ

Конспирологическая модель самого Вильмареста заключалась в следующем: "КГБ — это продолжение партии, ГРУ — это продолжение армии. Уже по своему определению армия защищает государство, КГБ защищает партию… КГБ руководствуется принципом "патриотизм на службе коммунизма", а армия противоположным принципом "коммунизм на службе патриотизма"". Исходя из логики противостояния ГРУ и КГБ как самых секретных центров двуполярной власти в СССР (армия и партия), Вильмарест строит свое увлекательное и аргументированное повествование об истории ГРУ.

Тайный смысл невидимой истории СССР от Октябрьской революции до Перестройки следует искать именно в соперничестве «соседей» — ГРУ, «Аквариума» или "военной части 44388" на Ходынке, и КГБ, «конторы» на Лубянке. Как же соотносятся соперничающие спецслужбы с двумя планетарными геополитическими Орденами, еще более тайными и скрытыми, нежели самые засекреченные разведки?

Согласно Парвулеско, Евразийский Орден был особенно активен в России в начале XX века. Его представителями он считает санкт-петербургского доктора Бадмаева, барона Унгерна-Штернберга, шведских тайных кураторов Распутина (подписывавших свои

---

[37] О Жане Парвулеско см. А.Дугин "Русская Вещь" — "Звезда Невидимой Империи", текст Парвулеско "Геополитика Третьего Тысячелетия" в третьем издании "Основ Геополитики" ук. Соч. и философско-историческая передача FINIS MUNDI "Жан Парвулеско: От Симона Мага до Фантомаса" (на CD).

шифрограммы псевдонимом "Зеленый") и целый ряд других менее известных персонажей. Следует также выделить особую роль будущего маршала Михаила Тухачевского, который, согласно Парвулеско, был посвящен в таинственный "Орден Полярных" во время его пребывания в немецком плену в лагере Ингольштадта, где поразительным образом в тот же самый период 1916–1918 мы встречаем других важнейших деятелей современной истории — генерала Де Голля, генерала фон Людендорффа и будущего Папу Пия XII, Монсеньора Еудженио Пачелли.

Именно из этой группы русских геополитических мистиков позже эстафета была передана и большевицкому режиму, но в основном эзотерики континентальной ориентации [38] группировались именно в армии, в армейских структурах, где было значительное количество бывших царских офицеров, вошедших в ряды красных, чтобы изменить в дальнейшем нигилистическую ориентацию большевиков и создать Великую Континентальную Державу, используя прагматически одержимых мессианской идеей коммунистов[39].

При этом важно, что и среди самих красных находились некоторые агенты Евразийского Ордена, выполняющих секретную континентальную миссию. (Любопытно, что лево-анархическим оккультистом и мистиком был знаменитый красный разбойник Котовский, и определенные стороны его биографии дают основания полагать, что и в его случае были контакты с Евразийским Орденом).

Таким образом, между дореволюционными и послереволюционными русскими «евразийцами» существовала непрерывная связь.

Само создание Красной Армии было делом агентов Евразии, и любопытно напомнить в этом отношении исторический факт, что через двадцать семь дней после создания генерального штаба Красной Армии на Восточном Фронте 10 июля 1918 года бригада чекистов напала на него и уничтожила всех его членов, включая главнокомандующего.

Жестокая война между "красными евразийцами" из Армии и "красными атлантистами" [40] из ЧК Дзержинского не прекращалась ни на минуту с первых дней советской истории.

Но несмотря на жертвы агенты Евразийского Ордена среди красных не оставляли своей миссии. Триумфом евразийцев было создание в Красной Армии в 1918 году ГРУ (Главного Разведывательного Управления) под руководством Семена Ивановича Аралова, бывшего царского офицера и до 1917 года связанного с военной разведкой. Если более точно, то

---

[38] С момента написания "Великой Войны Континентов" (и не без ее влияния) российские исследователи Олег Шишкин и Александр Колпакиди существенно пополнили наше знания об этих "эзотериках континентальной ориентации", к котором примыкали многие известные русские и советские исторические деятели.

[39] В период работы на текстом "Великой Войны Континентов" (1991 г.) автор придерживался мнения о антиевразийской природе чистого ортодоксального марксизма, который, якобы, отчасти трансформировался в национал-большевизм лишь под влиянием специфической русской стихии. Дальнейшее исследование этой темы привело автора к убеждению, что сама социалистическая доктрина (и в значительной степени марксизм) уже несут в себе континентальные элементы в противовес либеральной идеологии. Следовательно, национал-большевистский синтез есть продукт сочетания имплицитного евразийства русской культуры и имплицитного евразийства социалистического учения. Этот момент отметил Жорж Сорель в примечаниях к изданию 1919 г. "Размышлений о насилии". Подробнее эта тема разобрана в статье А.Дугин "Парадигма Конца", ж-л «Элементы», № 9 (1998) и в книге "Русская Вещь".

[40] Тезис о "красных атлантистах" из ЧК сегодня представляется автору неадекватным, тем более, что известно, что в ЧК также существовала влиятельная группа "эзотериков континентальной ориентации" — в частности, Глеб Бокий, Яков Блюмкин, Барченко и т. д. Но геополитическая модель Жана Парвулеско и в еще большей степени Пьера де Вильмареста оперирует именно с такой упрощенной схемой: "ГРУ против КГБ" и отказ от этой модели лишил бы смысла все дальнейшее повествование. См. также предыдущую ссылку.

Аралов был главой Оперативного Отдела Всеросглавштаба, куда разведка входила как одна из составляющих частей. Специфика его деятельности и тот загадочный, почти мистический иммунитет, которым пользовался этот человек за все время своей жизни в периоды самых тщательных «чисток» (он умер своей смертью 22 мая 1969 года), а кроме того, некоторые другие детали его биографии заставляют видеть в нем человека Континентального Ордена.

Белые евразийцы — красные евразийцы

Согласно Парвулеско, русский филиал Ордена Евразийцев после Революции обосновался в Красной Армии, а еще точнее, в ее наиболее секретном департаменте — ГРУ. Но это касалось, естественно, только «красных» евразийцев.

Революция разделила русских на «красных» и «белых», но по ту сторону этого политического и обусловленного разделения существовало иное таинственное геополитическое деление на зоны влияния двух секретных орденов — Атлантического и Евразийского. В красной России атлантисты группировались вокруг ЧК и вокруг Политбюро, хотя ни разу вплоть до назначения Хрущева ни один откровенный «атлантист» не занимал поста Генерального Секретаря (Ленин и Сталин были «евразийцами» или, по меньшей мере, находились под сильным влиянием агентов Евразийского Ордена). Среди белой эмиграции атлантистов было не меньше, чем в самой России и помимо очевидных английских шпионов — либералов типа Керенского и других демократов — даже в стане крайне правых, монархистов, атлантистское лобби было чрезвычайно сильно.

В определенный момент, к началу 30-х годов сеть агентуры ГРУ в Европе, и особенно в Германии, проникает глубоко в структуры германской и французской разведок, причем сеть ГРУ дублирует сеть агентов НКВД, а позже КГБ. Агенты ГРУ в первую очередь проникают в армейские структуры и подчас общность евразийской платформы делает людей ГРУ и других европейских разведчиков не столько врагами, сколько союзниками, сотрудниками, в секрете даже от своих правительств готовящими новый континентальный проект. И здесь речь идет не о двойных агентах, а о единстве высших геополитических интересов.

Так, в Германии ГРУ входит в контакт с Вальтером Николаи, шефом "Бюро по еврейскому вопросу". Благодаря ему ГРУ получает доступ к высшему руководству Абвера, СС и СД. Центральной фигурой этой сети был сам Мартин Борманн. (Этот факт был прекрасно известен союзникам после расследований, связанных с Нюрнбергским процессом, и многие из их числа были уверены, что Борманн после 1945 года скрывался именно в СССР. Известно, что сам Вальтер Николаи действительно перешел в мае 1945 к русским).

Пакт Риббентроп-Молотов и последующий реванш атлантистов

В отношении Мартина Борманна, друга Риббентропа и Вальтера Николаи, сам Жан Парвулеско рассказывает одну крайне показательную историю, приоткрывающую тайны оккультной войны двух геополитических Орденов.

Арно Брекер, знаменитый немецкий скульптор, который хорошо знал Борманна, рассказал Парвулеско об одном странном визите к нему в Якельсбрух. 22 июня 1941 года сразу же после нападения Германии Гитлера на СССР Борманн явился к нему без предупреждения в шоковом состоянии, оставив свой пост в Канцелярии Райха. При этом он повторял постоянно одну и ту же загадочную фразу: "Небытие, в этот июньский день, одержало победу над Бытием… Все закончено… Все потеряно…" Когда скульптор спросил, что он имеет в виду, Борманн промолчал, потом повернулся уже у двери, будто хотел добавить что-то, потом передумал и вышел, хлопнув дверью."

Это был крах многолетних усилий евразийской агентуры. Для атлантистов же дата 22 июня 1941 года была днем великого торжества: внутриконтинентальная война двух мощнейших евразийских держав между собой была залогом торжества Атлантического Ордена, причем независимо от того, на чьей стороне могла быть победа. 22 июня 1941 года

для Ордена Евразийцев — событие трагичное.

Важно подчеркнуть, что агенты Евразийского Ордена делали все возможное, чтобы предотвратить конфликт. Подготовка к заключению в высшей степени символического пакта "Риббентроп- Молотов" (оба, кстати, были убежденными евразийцами), активно велась с обеих сторон в течение долгих лет. Уже в 1936 году Сталин, окончательно ставший на рубеже тридцатых на сторону Ордена Евразии, дал Берзину, начальнику ГРУ приказание: " немедленно прекратить всякую активность против Германии".

В 1937 Гейдрих и Гиммлер в тайном донесении уверяли фюрера, что "Германия не является более мишенью для деятельности Коминтерна, а также для других советских подрывных действий".

Пакт «Риббентроп-Молотов» был пиком стратегического успеха евразийцев. Но в последний момент силы Океана одержали верх. Евразийцы в ГРУ и, шире, в армии — Ворошилов, Тимошенко, Жуков, Голиков и т. д. — до последнего момента отказывались верить в возможность войны, так как серьезность влияния евразийского (а значит, русофильского) лобби в Третьем Райхе им была прекрасна известна. (Национал-социалистическую антиславянскую пропаганду они считали столь же несущественной и поверхностной, как и марксистскую демагогическую интернационалистскую риторику в СССР).

Генерал Голиков (скрывший свое дворянское происхождение и подлинную дату рождения, а также свою истинную биографию по мотивам чисто «евразийской», орденской конспирации) даже закричал на подчиненных, получив сведения о переходе немцами советской границы: "Английская провокация! Расследовать!" Он не знал еще в этот момент того, что уже знал Мартин Борманн: "Небытие одержало победу над Бытием".

КГБ инфильтровано атлантистами

Пьер де Вильмарест определил ЧК (ОГПУ, НКВД, КГБ) как "продолжение партии". Еще точнее было бы сказать, что это секретный центр партии, ее интеллект и ее душа. Жан Парвулеско дополнил это определение оккультным геополитическим измерением.

Согласно Парвулеско, КГБ — это центр наиболее прямого воздействия Атлантического Ордена, прикрытие для этого Ордена[41]. Об оккультной подоплеке этой организации догадывались многие. Некоторые даже говорили о наличии в КГБ тайной организации парапсихологических исследований, о так называемом черно-магическом "Обществе Вия", где проходили, якобы, посвящение все руководящие деятели СССР. Слухи о загадочном "Обществе Вия", разумеется, лишь упрощенное и гротескное описание реальности куда более тонкой и более глубокой, так как оккультная миссия КГБ отнюдь не сводится к магическим или парапсихологическим опытам, к которым, заметим, эта организация действительно всегда проявляла какой-то ненормальный, повышенный интерес.

КГБ изначально строился как чисто идеологическо-карательная структура, призванная надзирать над подчиненным коммунистам социальным и культурным пространством. По схеме Парвулеско, коммунисты в их идеологическом, мессианском, марксистском измерении (= "троцкисты") вели себя по отношению к евразийскому населению подчиненных им регионов как колонизаторы, как пришельцы, сохраняя всегда идеологическую дистанцию от нужд, потребностей и интересов коренного населения.

---

[41] Это положение сейчас представляется слишком грубым упрощением. Евразийская линия, безусловно, наличествовала и в КГБ. Если принять евразийскую подоплеку марксизма как учения, тот факт, что КГБ было "продолжением партии" еще никак не свидетельствует об «атлантизме» этой структуры, скорее наоборот. Точнее было бы говорить, о двух типах евразийства — инерциально-стратегическом, (свойственном армии и ГРУ), и догматико-идеологическом (свойственном ЧК — КГБ). Естественно, догматико-идеологическая сторона более динамична и подвижна, поэтому смена геополитических ориентаций здесь проходит значительно легче. Стратегическое мышление, связанное с проблемами обороны и войны, намного более стабильно.

На уровне чисто «идеальном» они стремились навязать евразийским народам противоестественную для них экономико-центрическую модель, для чего им необходимо было использовать аппарат репрессий. ЧК (НКВД,ОГПУ, КГБ) была изначально пародийным "рыцарско-идеологическим" орденом, призванным карать автохтонов и подавлять их естественные почвенные проявления. ЧК (и КГБ) также исповедовала тезис "кровь выше почвы", но уже в совершенно извращенном, кроваво-садистском варианте, как тревожное воспоминание о кровавом культе финикийского Молоха, с которым атлантистская агентура была типологически и генетически связана[42].

Конвергенция разведок и "полярная миссия ГРУ"

ЦРУ, как инструмент американского атлантизма, типологически принадлежит к той же самой конспирологической категории. Более того, у истока этой организации стояли видные деятели американского масонства.

ЦРУ, так же, как и КГБ, всегда было неравнодушно к магии и парапсихологии, и в целом его роль в современной цивилизации вполне сопоставима с ролью КГБ.

ЦРУ (и его предшественники) совместно с английской разведкой с начала века покрыли Евразию сетью своей агентуры, которая постоянно влияла на ход исторических событий в атлантистском ключе.

Следует заметить, что дублировавшая сеть агентов КГБ в США и других англосаксонских странах сеть агентов ГРУ находилась в постоянном тайном конфликте с агентурой «соседей» с Лубянки, и учитывая

Дивергенцию геополитической природы этих двух советских тайных структур, логично было бы предположить, что главным противником ЦРУ были именно агенты ГРУ.

Конвергенция разведок, как и перестроечная конвергенция советских коммунистов высшего эшелона с американскими мондиалистами, основываются на единстве фундаментальной геополитической ориентации, на единстве тайной структуры, которая управляет и атлантистами Запада и атлантистскими агентами на Востоке, занимающими

---

[42] Сегодня автор предпочел бы оперировать с несколько иной схемой. Атлантизм (в Новое Время) в идеологическом смысле тождественен именно либерализму, капитализму англосаксонского типа. В либерализме «современным» (т. е. антитрадиционным) является все: и форма и содержание. Полной антитезой либерализму (= "дух Нового Времени") является традиционализма или фундаментальный консерватизм ("правое евразийство"). Социализм (широко понятый от классического марксизма до анархизма, корпоративизма или синдикализма) является современным по форме, но традиционным по содержанию. Внешне от соответствует "духу Нового Времени", внутренне он противостоит этому духу.

Применив эту модель к анализу советского периода русской истории получаем следующую картину: национально-государственный, патриотический фактор в СССР был выражением содержательной стороны социализма, его безусловная консервативность воплощала в себе чисто евразийский вектор. Носителем этого консервативного радикально евразийского начала были Армия и ГРУ.

Партия и ЧК (КГБ) оперировали с формальной идеологической стороной социализма, которая имела некоторые общие черты с либерализмом ("дух Просвещения", вера в «прогресс» и т. д.). В значительной степени современная форма служила антисовременному содержанию для более эффективного противостояния с либерализмом, современным по форме и по содержанию. В этой роли партия являлась завуалированным национал-большевизмом и служила Евразии. Но чисто теоретически в определенные моменты и в определенных секторах идеологической структуры (формы социализма) вполне могло произойти обособление формальной стороны, что открыло бы возможность контактов, диалога и даже конвергенции с либеральным лагерем. И в таком случае идеологическое оружие современной формы социализма обращалось бы не вовне, против либерализма и против его современного содержания, а вовнутрь против самого антисовременного, традиционного, евразийского содержания реального социализма. Только в этом особом случае имеет смысл говорить об атлантистских сторонах коммунистической идеологии, партийного аппарата и их самого эффективного оружия — КГБ.

Ярче и фатальнее всего это проявилось в последние этапы советского режима, когда великое евразийское Государство было разрушено сверху — через ренегатов из ЦК КПСС и усилиями сотрудников КГБ СССР, массово перешедших на службу геополитическому врагу.

подчас самые высокие посты в государственной и политической номенклатуре.

Но полному и откровенному слиянию этих двух филиалов до поры до времени препятствовали усилия альтернативного евразийского лобби, генетически связанного с ГРУ и советским Генштабом, но включающего в свою сеть многие европейские и азиатские разведывательные структуры (особенно немецкие, французские, связанные с секретными геополитическими проектами генерала Де Голля, арабские и т. д.), объединенные служением альтернативному Ордену — Ордену Евразии.

Вспышки и эклипсы Евразийского Солнца

Проследим в общих чертах перипетии оккультной войны Евразийского Ордена против Ордена Атлантики внутри советской системы.

Как мы сказали в предыдущих главах, Ленин в целом придерживался евразийской ориентации. Характерно, что при нем ГРУ создал и возглавил откровенный евразиец Семен Иванович Аралов. Именно Аралов заложил в структуру этой тайной армейской организации евразийские континентальные принципы, сгруппировав вокруг себя наиболее ценных и дееспособных "братьев Евразии", которые, подобно ему самому, перешли к красным для осуществления особой метаполитической миссии. Любопытно, что в начале 60-х Аралов выпустил книгу под выразительным названием "Ленин вел нас к победе".

Надо уточнить здесь одну важную деталь: так называемая "ленинская гвардия", несмотря на политическую близость к Ленину, на уровне геополитическом принадлежала в подавляющем большинстве случаев к альтернативной, атлантической геополитической ориентации. Именно "ближайшие соратники Ленина", а отнюдь не "честолюбивый тиран Сталин" (как многие ошибочно считают сегодня), стояли за его отстранением от руководства страной.

Конец ленинского правления знаменовал собой переход власти в руки атлантистов, и действительно, мы наблюдаем в период второй половина 20-х — первой половины 30-х значительное улучшение отношений СССР с англосаксонскими странами и в первую очередь с США. Параллельно этому мы видим и симптоматичные перестановки кадров в ГРУ. На место евразийца Аралова назначается атлантист и чекист Берзин, создающий свою агентурную структуру с опорой на Коминтерн и коммунистических фанатиков, т. е. на атлантистские элементы.

Но Берзину так и не удается целиком изменить ориентацию ГРУ. Структуры, созданные Араловым, достаточно сильны и, одновременно, гибки, чтобы сдаться без боя. Тем более, что несмотря на все атаки ЧК-НКВД на армию, военные обладают значительной властью и опекают свою интеллектуальную геополитическую элиту в лоне ГРУ. Любопытно обратить внимание на одну деталь — все руководители ГРУ до начала Великой Отечественной войны, сменившие Аралова, были расстреляны.

Перечислим их: О.А. Стигга, А.М. Никонов, Я. К. Берзин, И.С. Уншлихт, С.П. Урицкий, Н.И. Ежов, И.И. Проскуров. Все они (кроме генерала Проскурова) были неармейскими кадрами, все они работали против евразийской идеи, но это не мешало тому, что ГРУ оставалось чисто евразийской организацией, тайно двигавшейся к осуществлению великого континентального проекта.

Отставка Берзина в 1934 году, после 9-летнего пребывания на посту главы ГРУ, означала серьезный перелом в оккультной войне за кулисами советского руководства. Приход Гитлера к власти необычайно усилил позиции "континентального лобби" в советском руководстве.

С 1934 агентура ГРУ начинает готовить германо-русский стратегический союз, имевший своей кульминацией пакт «Риббентроп-Молотов». Сталин окончательно обнаруживает приверженность евразийской ориентации, полагая, что антиатлантические тенденции национал-социализма, отвлекут на себя внимание англосаксонских держав, и что в такой ситуации можно, наконец, сделать ход по уничтожению мощного «атлантического»

лобби внутри СССР. Начинается уничтожение "ленинской гвардии".

Все сталинские процессы, порой кажущиеся абсурдными и совершенно безосновательными, на самом деле глубоко обоснованы на геополитическом уровне. Все «правые» и «левые» заговоры были чистейшей реальностью, хотя прямо назвать своим именем и обвинить "атлантистское лобби", действовавшее уже давно в советском руководстве Сталин так и не решился. Видимо, у него были причины опасаться страшной и жестокой реакции. Поэтому он вынужден был маскировать свои претензии к той или иной группе высокопоставленных кадров «условными» обвинениями и иносказательными ярлыками.

Пласт за пластом уничтожались Сталиным агенты влияния "Нового Карфагена", но и обратная реакция была необратимой. Особенно серьезным ударом по евразийскому лобби было уничтожение главы ложи «Полярных» в лоне Красной Армии маршала Тухачевского. Хотя и в этом случае месть атлантистов Тухачевскому и все претензии, предъявлявшиеся к нему, были глубоко обоснованы, но только в перспективе сугубо «атлантистской», в контексте антиевразийской диверсии.

Вторая мировая катастрофа

Нападение Гитлера на СССР была великой евразийской катастрофой. После страшной братоубийственной войны двух геополитически, духовно и метафизически близких, родственных народов, двух антиатлантически ориентированных режимов, России Сталина и Германии Гитлера, победа СССР была, на самом деле, равнозначна стратегическому поражению: исторический опыт показывает, что Германия не примиряется с поражением, а значит, победитель самим фактом победы завязывает узел нового грядущего конфликта, сеет семена грядущей войны. Кроме того, Ялта заставила Сталина солидаризоваться с Союзниками, то есть с теми державами, которые всегда были заклятыми врагами Евразии. Сталин, прекрасно понимающий геополитические законы и уже сделавший евразийский выбор, не мог не отдавать себе в этом отчета.

Сразу же после поражения Германии Сталин стал реализовывать новый геополитический проект, Варшавский Договор, объединение стран Восточной Европы под знаком Великой Советской России. И тут же возникли первые конфликты и разногласия с атлантистами.

До 1948-го года Сталин еще скрывал свои континентальные планы, но уже в 1948-м году, пользуясь помимо всего прочего усилением внутриполитических позиций армии (Жуков, Василевский, Штеменко и т. д.), Сталин вернулся к ортодоксальной евразийской геополитике, возобновил антиатлантические чистки в советском руководстве. Странным образом смерть Сталина совпала с наиболее драматическим и напряженным моментом в реализации его евразийских планов, когда стала актуальной перспектива нового континентального союза «СССР-Китай», что могло в корне изменить логику планетарной расстановки сил и принести реванш Великому Ордену Евразии.

Если учесть эти соображения и геополитические аспекты послесталинского курса СССР, то версия об убийстве Сталина (выдвигаемая многими европейскими историками) станет более чем правдоподобной.

Причем главная роль НКВД в предполагаемом убийстве Сталина отмечается большинством историков.

В 1953 году до настоящей Победы был один только шаг (как и в 1939). Но вместо этого мир увидел Гибель Титана.

"Полярная" миссия генерала Штеменко

Согласно Жану Парвулеско, начиная со второй половины 40-х годов ключевой фигурой евразийского геополитического лобби в СССР был генерал-полковник Сергей Матвеевич

Штеменко (1907 — 1976).

Его высокими покровителями были маршал Жуков и генерал Александр Поскребышев (который, согласно некоторым источникам, выполнял при Сталине миссию, аналогичную миссии Мартина Борманна при Гитлере, то есть являлся проводником евразийских и германофильских идей).

В шестидесятые годы Штеменко являлся одной из ключевых фигур в Советской Армии: в разные периоды он был командующим вооруженными силами стран Варшавского договора, начальником Генштаба СССР. Но самой важной из его должностей, в соответствии с основной линией нашего конспирологического исследования, была должность начальника ГРУ в 1946–1948 и 1956–1957 гг. Именно при Штеменко в ГРУ полностью было восстановлено «полярное», оккультное, орденское измерение, заложенное в эту структуру создателем ГРУ Араловым.

Пьер де Вильмарест называл генерал-полковника Штеменко "первым и самым выдающимся советским геополитиком". Штеменко был явным и однозначным сторонником Великого Континентального Проекта в полном соответствии с традиционной логикой евразийского Ордена. В своей книге Вильмарест писал о нем: "Штеменко принадлежал к особой касте советских офицеров, являвшихся, хотя и «советскими», но все же типичными великороссами по духу и экспансионистами по убеждению". И далее: "Для этой касты СССР — это империя, призванная управлять евразийским континентом, и не только от Урала до Бреста, но от Урала до Монголии, от Центральной Азии до Средиземноморья".

В стратегические планы Штеменко входило мирное экономико-культурное проникновение в Афганистан (о котором он говорил в 1948–1952 годах), вхождение советских войск в арабские столицы — Бейрут, Дамаск, Каир, Алжир. Уже в 1948 году Штеменко настаивал на особой геополитической роли Афганистана, который позволил бы СССР получить выход к Океану и усилить военную мощь советского флота в Черном и Средиземном морях.

Важно заметить, что знаменитый адмирал Горшков был близким другом генерал-полковника Штеменко.

Штеменко и возрожденное им оккультное подразделение в ГРУ создали при Сталине могущественную и развитую сеть евразийского влияния, которая не была разрушена даже после смерти Сталина, хотя, безусловно, с 1953года до середины шестидесятых евразийское лобби в армии было вынуждено занимать все же оборонительные позиции.

В качестве неизбежного зла работникам ГРУ в течение 23 лет (1963–1986) пришлось терпеть в качестве начальника ГРУ атлантического агента Лубянки, бывшего «смершевца» генерала Петра Ивашутина. Это было необходимым компромиссом. Генерал-полковник Штеменко, агент "Ордена Полярных", Ордена Евразии, — это тот ключ, который поможет нам понять тайную логику советской истории от Хрущева до перестройки.

Никита Хрущев, агент атлантизма

Хрущев был первым ставленником атлантистского лобби, ставшим единоличным правителем СССР. Хрущев опирался именно на КГБ и в определенный момент сделал свой окончательный выбор, противоположный выбору Ленина-Сталина. Деятельность Хрущева была направлена на уничтожение внутренних структур евразийцев в СССР, а также на подрыв глобальных континентальных проектов сверх-государственного планетарного блока.

Приход Хрущева был приходом к власти КГБ, его наиболее деструктивного крыла…

Хрущев, укрепившись на своем посту, начинает наносить удар за ударом по всем уровням континентально-патриотического лобби. Его внимание отныне центрировано на англосаксонских странах, особенно на США. Лозунг Хрущева "догнать и перегнать Запад" означает равнение именно на атлантические державы и ковенное признание их

социально-экономического превосходства[43].

Тезисы о "скором наступлении коммунизма" направлены на то, чтобы снова разбудить «лево-мессианские», "большевистско-интернационалистские" тенденции, почти забытые за долгие годы евразийского имперского геополитического сталинизма.

Хрущев стремится нанести удар по всем почвенным традиционным структурам, которые сохранялись, благодаря тайному покровительству Евразийского Ордена, даже в самые страшные периоды красного террора. Хрущев хочет окончательно разделаться с Русской Православной Церковью.

Хрущев — атлантист во всем, начиная со знаменитой за-атлантической «кукурузы» и кончая разрушением евразийского культа личности (типичной черты цезаре-папистского, византийского, традиционного для русских строя).

Между атлантистами из военного кабинета Хрущева (главой которого был маршал С.С. Бирюзов) и евразийцами из группы Штеменко возникает почти открытый конфликт.

После смещения Хрущева "Красная Звезда" совершенно справедливо писала: "Стратегия, от которой мы в конце концов отказались, могла родиться только в больном мозгу".

В 1958 году Хрущев отстраняет от власти могущественного и чрезвычайно популярного евразийского маршала Жукова. В 1959 он делает другой наступательный ход — ставит во главе ГРУ одного из самых одиозных фигур советской истории чекиста Ивана Серова, известного под кличкой «Живодер».

Этого кровавого персонажа ненавидел Генштаб и, естественно, сами работники ГРУ, патриоты Евразии, в первую очередь. Другой «атлантист», генерал Миронов, становится ответственным куратором так называемых "административных органов", что означает надзор над основными армейскими и разведывательными подразделениями.

Однако хрущевские наступательные маневры встречают слаженное оккультное противодействие евразийцев: Конев, Соколовский, Тимошенко, Гречко пытаются сбросить Хрущева любой ценой. Каждый лишний день пребывания этого «атлантиста» у власти наносит невосполнимый идеологический, стратегический и политический ущерб как СССР, так и, в целом, интересам континентальных держав.

Заметим также любопытную деталь: именно в период Хрущева доминация "тоталитарно-гегельянской" линии в советской «ритуально» марксистской философии (предполагающей примат сверхиндивидуальных, «объективных» факторов над индивидуальными и субъективными) сменяется на доминацию "субъективно-кантианской" линии [44] (предполагающей примат индивидуалистического и «субъективного» над "объективным").

С этого же времени начинается стремительная деградация гражданского образования, появляется новая плеяда «хрущевских» академиков и ученых, представляющих собой сброд неквалифицированных и заносчивых дилетантов. (Вспомним, к примеру, о типичном «хрущевце» А.Н. Яковлеве, признавшимся, что он критиковал Маркузе, даже не удосужившись его прочитать. Сталинские ученые, продолжавшие, хотя и в своеобразной форме, дореволюционные академические традиции, как правило, отличались знанием тех авторов, которые они искренне или не очень искренне критиковали).

С Хрущева начинается постепенное распространение в обществе «атлантически» ориентированной, беспочвенной, «космополитической» интеллигенции, которая незримо пестуется КГБ даже в ее наиболее радикальных и диссидентских вариантах. Темы Запада,

---

[43] Это связано с той автономизацией формы социализма от его содержания, о которой говорилось в предыдущей сноске.

[44] Гегельянская традиция в марксизме соответствует содержательному традиционализму коммунистической идеологии, переход к кантианству — по сути ревизионизм — есть фактически отступление от антибуржуазной, антилиберальной и антиатлантистской линии.

США начинают распространяться в СССР в качестве «запретного», но «притягательного» идеала именно с начала 60-х.

Долгий путь к 1977-му

Смещение Хрущева было, безусловно, делом рук Ордена Евразии.

Показательно, что через восемь дней после его ухода с поста Генсека терпит крушение самолет, на борту которого находились два ключевых агента «атлантического» лобби — маршал Бирюзов и генерал Миронов.

После хрущевского нокаута евразийцы начинают постепенно восстанавливать свои позиции. Леонид Брежнев — фигура, поддержанная евразийцами.

Показательно, что литератор Смирнов в 1965 году писал: "9 мая 1965 года на параде победы в Москве перед колоннами ветеранов должен пройти, празднуя двадцатилетие Победы, сам маршал Жуков, украшенный боевыми орденами".

После семилетней хрущевской опалы Жуков был вновь реабилитирован. Это была настоящая победа ГРУ.

Но триумф Ордена Евразии при Брежневе оказался далеко не полным. «Атлантисты» из КГБ не собирались сдаваться. Континентальные проекты постоянно стопорились. В середине 60-х даже сложилась парадоксальная ситуация, когда перспективы континентального блока обсуждались, минуя СССР.

В этом отношении интересно привести данные о переговорах Артура Аксманна — бывшего главы организации «Гитлерюгенд» и участника евразийского лобби внутри СС — с Чжоу Эн Лаем в отношении создания единого континентального блока Пекин-Берлин-Париж, минуя СССР.

Генерал Де Голль всецело приветствовал такой проект. К нему присоединился в дальнейшем и Бухарест.

Артур Аксманн рассказал в Мадриде Жану Парвулеско о следующем эпизоде его полета в Пекин. В тот же самый самолет села группа советских военных, которые постарались убедить Аксманна в необходимости включения в евразийский проект и СССР, что было, впрочем, давней мечтой самого Аксманна, противника антиславянского расизма Гитлера еще со времен его причастности к евразийскому лобби внутри СС (круг СС-Гауптамана Александра Долежалека, Рихарда Гилдербрандта, Гюнтера Кауфманна и др., связанный с Вальтером Николаи и Мартином Борманном).

Офицеры ГРУ также сообщили Аксманну об интригах атлантического лобби в СССР, которое ставит непреодолимые препятствия геополитическим проектам, нацеленным на благо континента, а значит, и всех континентальных держав, крупнейшей из которых является СССР. Атлантисты из КГБ, используя свою традиционную тактику, вынудили Армию мириться с Ивашутиным (старым чекистом и в высшей степени непопулярной фигурой) во главе ГРУ в течение 23 лет.

Но тем не менее, начиная с 1973 года Брежнев стал продвигать военных все ближе и ближе к руководству страной. В 1973-м году маршал Гречко стал членом Политбюро. Сменивший его Устинов также входил в этот орган, хотя надо заметить, что руководители КГБ — Андропов, а позднее и его преемник Чебриков — были членами Политбюро с 1967-го.

Но пиком торжества Армии и ГРУ был 1977 год, когда новая брежневская конституция учредила "Совет Безопасности", ставший самостоятельной и формально независимой юридической и политической силой. Это была победа Армии над КГБ. Это была победа Евразии. Осторожный и неторопливый Брежнев осуществил обещанное им евразийскому лобби изменение закулисного порядка внутрисоветской структуры власти. Армия имела теперь свое полноценное представительство на самом верху.

Брежневская стратегия была в целом континентально ориентированной. Вместе с тем основной сферой стратегических интересов стал все же космос и космическое оружие.

Параллельно разработке проектов космической войны, геополитики эпохи Брежнева разрабатывали и соответствующие идеологические и политические модели, учитывающие новую стратегическую и военную терминологию и типологию космической эры.

Упомянем в этом контексте идеи писателя А. Проханова, связанного с определенными геополитическими группами Генштаба со времен маршала Огаркова и лично знавшего крупнейшего евразийского стратега адмирала Горшкова.

А. Проханов уверяет, что советско-евразийские военные стратеги конца 70-х — первой половины 80-х всерьез разрабатывали проекты новой континентально-космической цивилизации, основанной на сочетании духовных, почвенных и метафизических традиций Евразии с ультра-современной техникой, космической стилистикой и с глобальной системой "новых коммуникаций". Это должно было бы стать евразийским ответом на американские модели "звездных войн", представляющих будущую космическую эру как торжество англосаксонской идеи не только на планете, но и во Вселенной.

Американской Вселенной, американскому Космосу "почвенно-футуристские" идеологи Генштаба готовились противопоставить Русскую Вселенную, Евразийскую Вселенную, образ Великой Евразии, спроецированный на бескрайние регионы звезд и планет.

"Соседи" же с Лубянки выбрали Космос, устроенный по образу «островных» торгово-колониальных цивилизаций крайнего Запада. Американская модель их вполне удовлетворяла.

Так в новейших технологических обличьях мы снова сталкиваемся с древнейшими темами, с голосом многотысячелетней истории, с зовом наших далеких предков, всегда решавших сущностно единую проблему: "Надо ли разрушать Карфаген?", в каких бы обличьях эта проблема ни была представлена.

Геополитика маршала Огаркова

Одним из прямых наследников геополитической миссии Штеменко был маршал Н.В. Огарков, выдающийся геополитик, стратег и евразиец. Он продолжал дело «Полярного» Ордена в Армии до середины 80-х годов. Из трех брежневских начальников Генштаба — Захаров, Куликов, Огарков (все трое убежденные евразийцы) — самым ярким, безусловно, был именно Огарков, гениальный знаток маскировки, много раз стратегически переигрывавший как внешних, так и внутренних атлантистов. Именно Огарков был организатором Пражской операции, которая прошла гладко лишь потому, что ему удалось совершенно запутать разведслужбы НАТО и навязать им блестяще поданную дезинформацию.

Любопытно отметить, что события "Пражской весны", окончившейся для демократических путчистов "печальной осенью", в некотором смысле были стратегической дуэлью двух персонажей, посвященных в самые глубокие тайны планетарного конфликта. Сегодня общеизвестно, что оккультным автором и режиссером "Пражской весны" был Давид Гольдштюкер. Именно Гольдштюкеру противостоял в этой операции евразиец Огарков, и надо заметить, что победа Огаркова была не просто победой грубой силы советских танков, но победой мысли, хитрости и великолепного владения искусством дезинформации, «маскировки», с помощью которой руководство НАТО было введено в полное заблуждение и не успело вовремя среагировать, на что, естественно, доктор Гольдштюкер и его мондиалистские креатуры (Дубчек, Гавел и т. д.) в основном и рассчитывали.

Огарков был инициатором создания «Спецназа», который призван был осуществлять локальные и молниеносные действия в тылу противника, что совершенно необходимо для успеха сугубо континентальных, локальных военных операций. Геополитически маршал Огарков всегда открыто (в отличие от скрытого и осторожного евразийца Гречко) защищал "евразийский проект". Вокруг Огаркова сгруппировалась военная элита евразийской ориентации. В первую очередь, его сподвижниками были маршалы Ахромеев и Язов. Оба они, особенно Ахромеев, были посвящены в тайны Ордена «Полярных», основанного в

Советской Армии еще Михаилом Тухачевским параллельно сходной организации Аралова, созданной им сразу после появления ГРУ.

Двойной агент Михаил Горбачев

Предварительную фазу перестройки, подготовку новых кадров, распределение ролей, проведение нужных людей в руководство, общий сценарий событий — все это осуществил Юрий Андропов совместно с другими аналитиками атлантистских спецслужб и экспертами из Ордена "Танцующей Смерти". Но Андропов прекрасно понимал, что на любом этапе перестройки евразийцы могут попытаться взять реванш, скинуть атлантистов из КГБ и Политбюро и направить страну евразийским курсом. Поэтому выбор главной фигуры новой политики пал на самого уклончивого и неопределенного из тогдашних высших руководителей, который был так осторожен, гибок и обтекаем, что ни одна из сторон не знала, на какой Орден он в действительности работает. С другой стороны, в силу древнейших традиций Ордена Атлантики, к которому принадлежал Андропов, принято было особое внимание уделять людям, во внешности которых был какой-нибудь выразительный дефект. Именно по этому принципу отбирались верховные жрецы культа египетского ослоголового бога Сета. Горбачев с его меткой (которую, кстати, один мусульманин-традиционалист прочел как арабскую надпись из трех букв — «каф», "фа", «ра», что дает «кафир», т. е. "безбожник") был наиболее подходящей фигурой. Выдвигая Горбачева, Андропов рассчитывал на то, что его кандидатура устроит обе геополитические группировки, так как разрешение внутреннего напряжения в СССР уже давно назрело, и политику перемен должны были бы, по логике вещей, поддержать и атлантисты и евразийцы. У атлантистов заинтересованность в переменах была очевидна, но и евразийцы после начала афганской войны и прихода Андропова к власти не довольствовались более сохранением статус-кво, и поэтому легко пошли бы на трансформации. Горбачев был удобен и выгоден всем. В качестве опекунов Горбачева со стороны двух враждующих Орденов были поставлены А.И.Лукьянов и А.Н.Яковлев. Оба эти персонажа были непосредственными участниками разветвленного континентального заговора, представляя, однако, две враждующие стороны.

Подлинный лик Анатолия Лукьянова

Начиная с 1987 года Анатолий Иванович Лукьянов стал во главе так называемых "административных органов". От него теперь зависела судьба всякого назначения или продвижения по службе среди высших военных чинов. Лукьянов, проявляя лояльность к Горбачеву, старался, тем не менее, истолковать в евразийском ключе двусмысленные и туманные указания нового кремлевского шефа. Стремление Горбачева закончить афганский конфликт было на руку Армии, и есть некоторые основания полагать, что Лукьянов был причастен к этой геополитической акции. Такой же гибкий и осторожный, как Горбачев, Лукьянов в отличие от него имел ясную геополитическую ориентацию. Его целью, как и целью Ордена «Полярных», была Великая Евразия от Монголии до Средиземноморья, Pax Euroasiatica, великий континентальный союз. Лукьянов был обязан в силу своей должности контролировать ГРУ и курировать Генштаб, но, в действительности, этот аккуратный и спокойный человек был не "надсмотрщиком от мессианских большевиков" за военным евразийским государством в государстве, а посланцем ГРУ, надзиравшим от Армии за большевиками-атлантистами. Прикрываясь тем, что он, якобы, стоит на позиции "левого центра", Лукьянов осуществлял в Верховном Совете особую роль, смысл который состоял в формировании парламентского блока, ориентированного в пользу секретной евразийской миссии.

"Мистер Перестройка"

Александр Николаевич Яковлев с начала 70-х был одним из главных идеологов открытого атлантизма в СССР. Надо отдать ему должное, он начал свои нападки на патриотов-евразийцев еще в 1974, когда позиции ГРУ были очень сильны и когда Гречко уже состоял членом Политбюро. Открыто призывая к идеологическому погрому "национал-большевистской" литературы, служившей в те годы трибуной для шифрованного обмена информацией, идеями, концепциями и проектами для всего патриотического евразийского лобби, Яковлев шел на определенный риск. И несмотря на заступничество Андропова и высших кругов КГБ после публикации знаменитой статьи "Против анти-историцизма", ставшей манифестом русофобского и анти — патриотического атлантизма, ему все же пришлось отправиться вон из России. Правда КГБ решило превратить "яд в лекарство" и использовать отсылку Яковлева в Канаду для активизации шпионской атлантической сети. Согласно информации, приводимой Жаном Парвулеско в его докладе "Галактика ГРУ", в Оттаве, куда Яковлев был отправлен послом, он вступил в контакт с Давидом Голдштюкером, который в то время представлял в США внешние интересы Израиля под видом участия в конфиденциальных переговорах с одной чикагской фирмой, связанной с ядерной энергетикой. Доктор Давид Голдштюкер, который, как известно, был важной персоной не только в Израильских спецслужбах, но и непосредственно в спецслужбах англо-саксонских стран (что в целом напоминает ситуацию, характерную и для советского КГБ), разработал вместе с А.Яковлевым атлантическую стратегию будущей перестройки. Этот факт настолько общеизвестен на Западе, что именно Яковлева называют там "мистер Перестройка". Так, уже второй раз в истории практически одни и те же персонажи готовились к отчаянной, сложной, опасной и захватывающей геополитической дуэли. Однажды в Пражской весне Голдштюкер, агент "Танцующей Смерти", потерпел сокрушительное поражение от ГРУ — от собранных, умных, молниеносных и мужественных служителей Ордена Евразии, генерала Штеменко и маршала Огаркова. Тот же Голдштюкер спустя десятилетие готовил реванш. На этот раз ГРУ и советский Генштаб должны были быть атакованными на их собственной территории, а не в «нейтральной» Чехословакии. И на этот раз Голдштюкер надеялся не на неповоротливое НАТО с его гигантским, страшным, но бесполезным в некоторых ситуациях ядерным арсеналом. Теперь главным разрушительным оружием резидента планетарного атлантизма — Голдштюкера — должен был стать одутловатый "мистер Перестройка", сверхновое тактическое оружие Ордена Красного Осла, надежда атлантических боевых порядков, капитан оккультного англо-саксонского «спецназа», заброшенного из Оттавы в тыл евразийского противника.

Между ложных альтернатив

Истинная логика перестройки, то есть логика циклического маневрирования сверхнеопределенного Горбачева между двух полюсов, живо напоминающая маниакально-депрессивный психоз, оставалась непонятной вплоть до самого августовского путча. Об истиной роли Анатолия Лукьянова догадывались очень немногие. Такая конспирация привела, в конце концов, к катастрофе евразийское лобби. Атлантические авторы анти-имперского проекта перестройки прибегли в данном случае к традиционному методу — к созданию псевдооппозиции, т. е. к подмене подлинного «консервативного» полюса ложным. Так как истинными врагами атлантистов являлись не просто националисты, а "националисты имперского, континентального типа", «континенталисты», то естественно, что псевдооппозиция по отношению к откровенному атлантизму "мистера Престройки" должна была быть какой угодно, только не евразийской. По этой логике люди Атлантистского Ордена при активном участие КГБ создавали параллельно и последовательно ложные полюса. Этими полюсами были:

1) "коммунисты-консерваторы". Их символами были Егор Лигачев, затем — Иван Полозков (оба в определенный момент исчезли как дым, и это не удивительно, так как их

оппозиция вообще не основывалась ни на каких принципах, а кроме того, была изначальной и заведомой инсценировкой).

2) "патриоты-националисты". Это движение было создано при активном участии КГБ, который спроецировал свою шовинистически юдофобскую позицию на маргинальные группировки искренних, но недалеких патриотов, задав тем самым особый алгоритм "патриотического движения", не могущий причинить никакого серьезного вреда все более и более легализирующемуся атлантистскому лобби.

3) «национал-большевики». Это течение было более интересным и ближе всего стояло к концепциям евразийского лобби, но, благодаря стараниям КГБ, чувство меры здесь было утрачено и "национал-большевистские" концепции приобрели отталкивающий, гротескный и экстремистский характер — как в смысле чрезмерной акцентировки «ленинизма», так и в смысле чрезмерной юдофобии.

4) наконец, высшей хитростью атлантистского КГБ было выдать само КГБ за оппозицию «демократам», и этот ход также сработал, так как даже к откровенным сотрудникам «Лубянки» "патриоты" относились с определенным доверием и некоторой надеждой.

А в это время отряды КГБ устраивали атлантистские революции в Венгрии, Чехословакии, Югославии, инсценировали спектакли-репрессии в Румынии, ломали Берлинскую стену, предавали Хоннекера, скидывали Живкова, помогали сепаратистам Прибалтики и Кавказа, и как кульминацию своего атлантического триумфа готовили театральный путч в августе 1991! Так "самый обтекаемый человек" с характерной отметиной на лбу курсировал между "мистером Перестройка" и Анатолием Лукьяновым, но внешне казалось, что его вторым полюсом является отнюдь не Лукьянов, а какие-то иные более одиозные, более скандальные, более броские, но на самом не деле либо совершенно незначительные, либо откровенно подставные фигуры. ГРУ и Армия с ожиданием и нетерпением смотрели на Анатолия Лукьянова. Да, кое-какие изменения — конец бессмысленной войны, сокращение межконтинентального вооружения, внешнеполитические шаги навстречу Германии, Японии и Китаю — евразийцы не могли не приветствовать. Даже тематику "общеевропейского дома" посвященные в Орден «Полярных» могли легко интерпретировать в своем ключе, ведь эта доктрина была почерпнута из геополитического арсенала той самой евразийской оппозиции в СС, к которой принадлежал Аксманн, Гильдербрандт, Долежалек, Кауфманн и т. д. (типологически связанные с Орденом Евразии в ГРУ). Но развал Союза, атаки против Армии, стремление втянуть Армию в националистические и мелкотерриториальные конфликты, самоубийственная политика в Прибалтике, разрушающая последние остатки столь ценного для евразийцев пакта Риббентроп-Молотов, выдвижение на политическую арену бесконтрольных мафиози и откровенных проходимцев и многое другое ставило ГРУ в тупик. Но Анатолий Лукьянов оставался в тени. Медленно, исподволь и осторожно, готовил он ответный удар. До последнего момента ему казалось, что все можно будет спасти в один момент, и тогда евразийское лобби воспользуется всеми позитивными геополитическими сторонами «перестройки», покончит с "господином Перестройка" и его пособниками, которые отныне все «высветились», и начнется новая великая эра, эра свободной от коммунистов, атлантистов и служителей "Танцующей Смерти" Евразии, Космической Евразии, эра Сакрального Солнечного Континента, Эра Востока. Но грянул август 1991-го.

Путч, кульминация оккультной войны

Депутат Оболенский, член комиссии по расследованию дела о ГКЧП, через некоторое время после путча сделал для средств массовой информации одно странное заявление: "Истину в отношении августовских событий 1991, возможно, узнают только наши потомки через сотню лет". С какой страшной тайной соприкоснулся Оболенский, расследуя историю путча? — С точки зрения геополитической конспирологии, он соприкоснулся с материалами,

связанными с оккультной войной двух Орденов за кулисами власти, с таинственным противостоянием Ордена Евразии и Ордена Атлантики. Августовский путч был (или должен был быть, по замыслу его авторов) кульминацией геополитического противостояния, решающим моментом невидимой войны. Орден Атлантики не мог не знать, что евразийцы готовили к зиме 1991–1992 года операцию, которая должна была привести к введению военного режима на всей территории СССР под предлогом стабилизации социально-политической и экономической ситуации. Они также прекрасно понимали, что правление военных евразийской ориентации будет некоммунистическим и патриотически ориентированным, но при этом без традиционных для КГБ ксенофобии и «панславизма». Иными словами, военное правление обещало быть устойчивым, относительно либеральным в области экономики, геополитически корректным, лишенным террористических эксцессов, свойственных большевистским формам диктатуры. Кроме того евразийский Военный Строй имел все шансы быть в высшей степени популярным, так как он отказался бы от "коммунистического догматизма" и "марксистского утопизма", с одной стороны, а с другой — вполне отвечал бы естественному тяготению к иерархии, дисциплине, централизации, коммунитарности, общинности, «целостности» (в смысле Хомякова) всех истинно евразийских этносов. Патриотизм Военного Строя должен был быть именно имперским, а не «русским» и «националистическим» в узком смысле. Все это делало такую перспективу не только неприемлемой, но фатальной и роковой для атлантистского лобби внутри СССР и на всей на планете. Несмотря на гигантские разрушения, причиненные стране агентом Ордена "Танцующей Смерти" "господином Перестройка", вместе с его сподвижником из КГБ Шеварнадзе (проклятого, кстати, грузинским народом), Орден Евразийцев знал, как использовать негативную ситуацию во благо своей собственной позиции, ведь в тайных отделах ГРУ работали достойные продолжатели великих русских стратегов — Штеменко и Огаркова. Геополитическая дуэль с Гольдштюкером могла снова закончиться поражением для этого опытного и проницательного представителя Ордена Атлантики. Главной задачей атлантистов было не допустить введения военного положения в СССР, к которому, казалось, подводила сама логика событий. Именно для этого и был организован превентивный августовский путч.

Просчет маршала Язова

Главной ошибкой евразийцев в августе 1991-го, и особенно ошибкой лично маршала Язова, было доверие по отношению к руководителю КГБ Крючкову. Это была стратегическая ловушка. КГБ уже много лет пыталось создать своим агентам образ "патриотов-националистов", используя периферийную массу «непосвященных» сотрудников, искренне веривших в «иудео-масонский» заговор и считавших себя «националистами» или "национал-большевиками". С другой стороны, обманные маневры делались и на самой вершине власти — и Чебриков, и Крючков стремились солидаризоваться с евразийцами-военными против "космополитов-демократов". (На самом деле, все демократическое движение было организовано именно КГБ. При этом оно было еще более искусственным и «смонтированным», нежели патриотическое движение, так как для русских и других исконно евразийских этносов гораздо более естественно поддерживать «правых», чем "левых"). Чтобы скрыть двойную игру, атлантисты из КГБ создавали мифы об "иудео-масонском крыле КГБ" (в качестве такового называлось, в частности, Московское отделение, в противовес союзному, а позже КГБ РСФСР Ельцина и т. д.). На самом деле, КГБ занималось активной анти-евразийской деятельностью, уничтожая структуры евразийской сети в странах Восточной Европы, свергая «почвенные» и анти-атлантистские режимы (такие, как режим Чаушеску, который, кстати, был всегда ориентирован на евразийский континентальный блок и ненавидел атлантическую «запроданность» руководства СССР — См. Клод Карноу "Снова на Восток" в журнале «Кризис» № 5 апрель 1990, Франция). Как бы то ни было, дело ГКЧП ясно показывает, что какими-то не очень

понятными путями Крючкову удалось убедить нескольких евразийцев — маршала Язова и Олега Бакланова — поспешить с введением военного положения и принять помощь от КГБ, якобы, отказавшегося от своего атлантизма, ставшего, в конце концов, на сторону Армии и решившего выступить против «демократов». Возможно, Крючков оговорил какие-то условия и для своей организации, так как в случае полноценного военного евразийского правления структура КГБ была бы, естественно, уничтожена — по меньшей мере, в ее старом, партийно-террористическом, мондиалистском и атлантическом виде. Какие аргументы привели агенты Ордена Евразии маршалу Язову, нам пока не известно. Очевидно лишь, что подписание Ново-Огаревского Договора не имело к этому ни малейшего отношения. Все можно было бы еще не раз переменить, аннулировав любые «бумажки», вышедшие из под пера не очень ясно понимающих геополитическую ситуацию случайных людей во главе с гиперобтекаемым «Горби», поставленным на эту должность не для принятия решений, а для «маскировки» и в силу знака определенной оккультной «избранности». Что должен был сказать Крючков маршалу Язову, чтобы этот последний посвященный в сущность стратегии Евразийского Ордена поставил под удар судьбу многотысячелетнего оккультного противостояния, судьбу континента, судьбу Евразийского Космоса, судьбу неминуемой и, казалось, такой близкой победы? Почему Язов поверил руководителю анти-евразийского органа? Об этом пока остается лишь строить предположения. Очевидно, ошибка маршала Язова имела под собой какую-то страшную тайну, может бьть, была связана с какими-то особыми воздействиями на психику, что не так уж и невероятно, если вспомнить показания некоторых членов ГКЧП о некотором беспамятстве их в течение трех фатальных дней. Считать, что люди, дошедшие до высших степеней политической, военной, разведывательной и «конспирологической» карьеры, могут в столь решающей ситуации вести себя подобно безответственным алкоголикам, напивающимся и похмеляющимся в городе, полном танков и «демократических» агитаторов, могут только слепцы. Но и версия об отравлении Крючковым остальных членов восьмерки нам представляется маловероятной, так как люди ГРУ охраняли своих руководителей более бдительно, нежели самого Горбачева. В деле об "ошибке маршала Язова", видимо, имело место сочетание многих оккультно-идеологических и парапсихологических факторов, сработавших синхронно. Но какое же «оружие» на этот раз использовал Орден Атлантики? Об этом пока говорить рано.

"Мистер Перестройка" идет в атаку

Сразу после ареста членов ГКЧП, как и всегда в момент высших конспирологических и идеологических напряжений, открылись определенные аспекты заговора, обычно остающиеся в тени. Самым откровенным моментом было выплывание на поверхность "мистера Перестройки" (А.Яковлева) в российском парламенте. Естественно, его миссия состояла не в том, чтобы предупредить «наивных» депутатов в отношении "шпаны, которая вновь может окружить Горбачева". Эта глуповатая речь была произнесена "мистером Перестройка" для отвода глаз. Яковлев прибыл в российский парламент с требованием ареста Лукьянова. Российский парламент, созданный из некомпетентных и случайных людей, не имеющий ясной геополитической ориентации и основывающийся на случайных, хаотических и анархических эмоциях, в своем трусливом ажиотаже, после шока московской инсценировки, мог испортить все дело. Ельцин, то ли не получивший вовремя всей информации, то ли попросту забывший о самом главном (психическое состояние российского президента также заставляло полагать, что он находился под определенным пара-психологическим воздействием, что отмечали не только европейские конспирологи, но и многие западные журналисты, вначале объяснявшие неадекватность Ельцина его принадлежностью к "крайне правым", но позже, вынужденные прибегнуть к версии об оккультном или психотропном воздействии), обратил свою сокрушительную полемику против восьмерки, забыв о главной цели.

Яковлев прибыл в "белый дом" (больше напоминавший в тот момент "желтый дом")

для того, чтобы потребовать ареста Лукьянова. Ельцин послушно повторил за "мистером Перестройка" знаменитую фразу: "за заговором восьми стоял Лукьянов, он — главный идеолог заговора".

Лукьянов и ритуальный шабаш на могиле маршала Ахромеева

Лукьянов — вот тайное объяснение августовского путча. Лукьянова надо было убрать любой ценой. Именно в его руках сосредоточивались нити евразийской оккультной структуры. Начиная с 1987 года именно Анатолий Лукьянов был протектором Ордена «Полярных», Евразийского Ордена, надеждой Вечного Имперского Рима. Путч метил именно в него. Но именно Лукьянов — единственный из евразийцев, так или иначе связанных с делом ГКЧП, кто не поддался на провокацию Крючкова и был юридически совершенно непричастен к путчу. Его-то как раз втянуть и не удалось. Это явилось незапланированным и досадным просчетом для атлантистов. Поэтому Яковлев, минуя все легальные нормы, поспешил "революционным образом" обвинить Лукьянова косноязычными устами Ельцина в том, что именно он был идеологом заговора. Но несмотря на заключение Лукьянова, представить его главой заговора и уничтожить на этом основании всю сеть агентов Евразии, всю тайную структуру ГРУ, все же не удалось. Победившие атлантисты смогли снять только верхний слой «партийных» и военных консерваторов, которые и так особой опасности не представляли. Кроме убийства Пуго, самым главным ударом по лобби Евразии была загадачная смерть маршала Ахромеева и последующие за ней странные события на его свежей могиле. Здесь надо сделать небольшой экскурс в историю Ордена Атлантики, и особенно в историю средневекового Ордена "менестрелей Морвана", чьей эмблемой была "Танцующая Смерть", Dance Macabre. Согласно Грасе д'Орсе, который занимался изучением этого Ордена, его адепты как иероглифический пароль использовали символ "Воскресшего Мертвеца" или "Покойника, покинувшего свою могилу". В определенных ответвлениях этого Ордена, которые занимались не столько оккультной политикой и геополитикой, сколько «магией» и «некромантией», существовал ритуал эксгумации трупов с символической и оккультной целью. Вся история смерти и последующей эксгумации трупа Ахромеева указывает на причастность к его смерти Атлантического Ордена и, быть может, его наиболее темных, магических ответвлений. Во всяком случае, у конспирологов Запада подробности осквернения тела маршала однозначно ассоциируются именно с "ритуальной эксгумацией", практикуемой и до сих пор на Западе членами довольно темных сект. Возможно, агенты Атлантики надеялись также найти какие-то тайные документы, захороненные вместе с Ахромеевым, или особые знаки на его трупе. Все это становится более, чем вероятным, если учесть важнейшую роль Ахромеева в армейском Ордене «Полярных» и его тесную связь с Огарковым, одним из главных персонажей Евразийского Ордена. Как бы то ни было, после путча атлантисты предприняли несколько решительных шагов по обезглавливанию евразийцев. Но уже через месяц стало понятно, что их атака захлебнулась, и за их истеричными попытками срочно завершить развал государства явно обнаружился страх и паника. Орден Евразии не был уничтожен окончательно и теперь наступила его очередь наносить ответный удар.

Метафизика оккультной войны

Противостояние Ордена Атлантики Ордену Евразии сквозь века и тысячелетия, облекаясь в самые различные формы, является в некотором смысле главным конспирологическим содержанием истории, истории великих планетарных страстей, истории народов и религий, рас и традиций, духа и плоти, войны и мира. В противостоянии двух Орденов не следует видеть упрощенный моралистический образ борьбы Добра и Зла, Правды и Лжи, Ангелов и Демонов и т. д… Эта борьба двух противоположных типов мировоззрения, двух метафизических картин Бытия, двух путей по космосу и сквозь космос,

двух великих Начал, не только противостоящих друг другу, но и необходимых друг другу, так как на этой паре основан весь космогонический и космологический процесс, весь циклический ход человеческой истории. Орден Евразии, Орден Мужского Начала, Солнца, Иерархии — это проекция Гора, Апполона, Ормузда, Солнечного Христа-во-Славе, Спаса-Вседержителя. Евразия как Земля Востока — это Земля Света, Земля Рая, Земля Империи, Земля Надежды, Земля Полюса. Орден Атлантики, Орден Женского Начала, Луны, Оргиастического Равенства — это проекция египетского Сета, Пифона, Ахримана, Христа Страдающего, Человеческого, погруженного в метафизическое отчаяние одинокой Гефсиманской молитвы. Атлантика, Атлантида как Земля Запада — это Земля Ночи, Земля "колодцев изгнания" (как говорили исламские суфии), Центр Планетарного Скепсиса, Земля Великого Метафизического Сплина. Оба Ордена имеют глубочайшие онтологические и сакральные корни, имеют метафизические причины быть именно тем, чем они являются. Считать какой-то один из этих Орденов исторической случайностью значит отрицать тайную логику человеческих и космических циклов. Выбор геополитического пути отражает выбор пути метафизического, пути эзотерического, пути Духа сквозь мироздание. Поэтому никаких гарантий не существует, поэтому нельзя, строго говоря, утверждать, что Евразия — это хорошо, а Атлантика — плохо, что Рим — это благо, а Карфаген — это зло, и наоборот. Но каждый, призванный своим Орденом, должен совершить решительный шаг и служить именно своему Ордену. Законы нашего мира в том, что исход Великой Битвы не предопределен, исход драмы "Евразия против Атлантики" зависит от совокупности планетарной солидарности всех, призванных на служение, всех солдат геополитики, всех тайных агентов Суши и тайных агентов Моря. Исход космологической войны Аполлона со Змеем Пифоном зависит от каждого из нас, сознает ли он это или нет.

Конец Времен

Все традиционные религиозные и метафизические учения описывают Конец Времен, конец цикла как Последнюю Битву, как Финальное сражение. Разные традиции по-разному трактуют этот конфликт, и подчас то, что в одной традиции представляется как "партия Зла", становится в другой традиции "партией Добра" и обратно. Например, для ортодоксальных христиан в Конце Времен иудаизм рассматривается как религия Антихриста, а для самих иудеев "гои-христиане из северной страны царя Гога" выступают как концентрация эсхатологического Зла. Индуисты считают, что Десятый Аватар, который должен прийти в конце цикла, уничтожит «буддистов», а сами буддисты полагают, что Будда Грядущих Времен, Спаситель Майтрейя появится среди буддистской общины и т. д. Все это свидетельствует не об относительности распределения ролей в Последней Битве, но о невозможности заранее выбрать само собой разумеющееся Добро, обезопасить себя и заведомо принять участие в эсхатологическом сражении на «правильной» стороне. В отношении Последних Времен поэтому говорится: "даже избранные соблазнятся". Выбор одной из двух эсхатологических «партий» не может быть чем-то формальным. Это — выбор Духа, это — Высочайший Риск, это — Великая Метафизическая Драма. Именно поэтому ничто в реальности эсхатологической эпохи, а многие традиционные и религиозные авторитеты утверждают, что мы живем как раз в такую эпоху, не может служить абсолютным негативом или абсолютным позитивом. Тем более глупо абсолютизировать какую-то политическую форму, приравнивая ее к "Абсолютному Злу" или к "Абсолютному Добру". Даже начало истинного выбора находится далеко за пределом внешних политических идеологий, за пределом условного деления на демократов, фашистов и коммунистов. Истинный выбор начинается на уровне геополитики и восходит дальше по "пророческой спирали" (по выражению Жана Парвулеско) к безднам Мистики, Метафизики, Гнозиса, к безднам Непостижимой Божественной Тайны. Орден Евразии и Орден Атлантики являются последней тайной внешней, человеческой, общественной истории. На самом же деле внутри этих Орденов есть много других таинственных и закрытых сфер, связанных с

Чистой Метафизикой. Но как бы то ни было, истинная, полноценная и сознательная эсхатологическая борьба начинается именно с Ордена Евразии или Ордена Атлантики. Даже если не углубляться в последние тайны, просто работать на Орден уже достаточно для того, чтобы быть активным, призванным и избранным участником Великой Драмы.

Endkampf

Немецкое слово «Endkampf» ("Финальная Битва", "Битва Конца") прекрасно выражает сущность современной планетарной ситуации. Эсхатологические мотивы, мотивы Конца Времен, пронизывают не только религиозные и мистические движения, но и непосредственную политику, экономику, повседневную жизнь. В Израиле, начиная с 1962 года правоверные иудеи живут в особом "конечном Времени", во "времени Мессии". США стремятся установить на планете особый Новый Мировой Порядок. Европейский мондиалист Жак Аттали проповедует наступление последней фазы особого Торгового Строя. Исламские народы (особенно шииты) ожидают в скором будущем прихода Махди, скрытого Имама. Индуисты уверены в скором окончании Кали-юги, Темного Века. Возрождается расистский эсхатологизм мирового национал-социалистического движения. В христианских общинах все больше появляется пророчеств о Последнем Папе (Flos Florum) у католиков и о Последнем Патриархе у православных. Ламаисты уверены, что современный Далай-лама — последний. Китай застыл в мистическом ожидании. Советский коммунизм пал внезапно и неожиданно. Все эти знаки говорят нам о начале Endkampf, о начале Последней Битвы. И в эсхатологическом контексте даже слова большевистской песни "Это есть наш последний и решительный бой" звучат как тревожное откровение, как намек на планетарный Endkampf.

Орден и «наши»

Термин «наши» в глобальном геополитическом контексте использовался не часто. Выдающийся немецкий геополитик и юрист Карл Шмидт настаивал на необходимости введения понятия «наши» для выяснения геополитического самоопределения нации, государства или этнического блока. «Наши» стали сегодня в русской Империи евразийским концептом, куда включаются не только русские или славяне, но и татары, тюрки, финно-угры и т. д., осознающие свою генетическую связь с имперским пространством и имперской идеей. На практике «наши» — это суммарное определение коренных евразийцев, имперских автохтонов, хозяев, по праву культуры и рождения, великих земель. Показательно, что атлантисты в России этим словом не пользуются (это логично, здесь они среди «ненаших», чужих; для них их собственные «наши» живут за пределом континента, на далеком и зловещем "Острове"). Но для Жана Парвулеско, который также сделал из этого термина фундаментальный геополитический и конспирологический концепт, понятие «наши» — еще более всеобъемлющее. Жан Парвулеско отождествляет понятие «наши» со всей сетью сторонников Великого Континентального Блока — от Японии до Бельгии, от Китая до Франции, от Индии до Испании, от Ирана до Германии, от России до Италии. «Наши» для Парвулеско — это синоним самого Евразийского Ордена со всеми его ответвлениями и группами, находящимися сознательно или нет, явно или тайно, в зоне его геополитического, мистического и метафизического влияния. «Наши» — это единый невидимый эсхатологический фронт Континента, Фронт Суши, Фронт Абсолютного Востока, западной провинцией которого является сама Европа, «наша» Европа, Европа, противостоящая «Западу», Европа Традиции, Почвы, Духа. «Наши» — это и православные, и мусульмане, и индуисты, и даосы и ламаисты, и язычники, и агностики, и мистики… Но лишь те из них, которые преданы Континенту Востока, его таинственной и неизведанной Судьбе. Парвулеско говорит о "параллельной Франции", "параллельной Румынии", "параллельной Германии", "параллельной России", "параллельном Китае" и т. д., как о духовной эссенции, как о невидимом духовном измерении реальных стран, соединенных в

таинственной инстанции в единую "параллельную Евразию", "Евразию Чистого Духа". «Наши» — это воины "параллельной Евразии", герои Абсолютного Востока, причем все они служат по оккультной логике "пророческой спирали" Единой Идее, Единой Цели, Единому Скрытому Принципу. Однажды немецкий консервативный революционер, националист, русофил и евразиец Артур Мюллер ван ден Брук сказал, перефразируя Хомякова ("Церковь Едина"): "Есть только один Райх (одно Царство), так же, как есть только одна Церковь". Это — Райх «наших», Церковь «наших», это — «наше» Царство и «наша» Церковь.

Час Евразии

Пока мы находимся в Евразии, пока мы говорим от ее имени, пока мы остаемся связанными с ее таинственной, мистической плотью, Евразия принадлежит нам, «нашим». Несмотря на гонения со стороны атлантистов, несмотря на эффективность их подрывной стратегии, несмотря на тяжелый и глубокий «сон» целых областей и целых народов, ее населяющих, несмотря на засилье агентов Атлантического Ордена в континентальной политике, в континентальной культуре, в континентальной промышленности, процесс «деколонизации» неизбежен. Но только мы не должны впадать в архаизм, защищая отжившие культурные, социальные или политические формы, не должны быть простыми консерваторами, консерваторами по инерции. Орден Евразии — это тотальная Консервативная Революция, это Великое Пробуждение геополитического сознания, это путь Вертикали, а не змеистые колебания влево-вправо или попытка попятиться назад. Орден Евразии — это жестокий и открытый поединок с сильным и умным Противником, с Орденом Сета, Красного Осла, с Орденом "Танцующей Смерти". Мы должны выбросить служителей Океана в Океан, мы должны отправить агентов «Острова» обратно на их «Остров». Мы должны вырвать из политической, культурной, национальной плоти Континента тех, кто предал «наших», кто предал наши идеалы, наши интересы. Да, наши враги имеют свою правду. Да, мы должны уважать их глубокий метафизический выбор, мы должны пристально вглядываться в их Тайну, в тайну "Колодцев Запада". Но от этого не должна страдать наша решительность, наша ярость, наша холодная и страстная жестокость. Мы будем снисходительны только тогда, когда наш Континент будет свободен, когда последний атлантист будет сброшен в Соленые Воды, в стихию символически принадлежащую египетскому богу с лицом Крокодила. Судя по определенным знакам, "Время близко". Endkampf, Последняя Битва должна разразиться вот-вот. Готовы ли вы, господа из "Полярного Ордена"? Готовы ли вы, солдаты Евразии? Готовы ли вы, мудрые стратеги ГРУ? Готовы ли вы, великие народы, сделавшие ваши ставки уже самим фактом вашего рождения?

Уже бьет решающий Час Евразии… Уже близится к последней точке ВЕЛИКАЯ ВОЙНА КОНТИНЕНТОВ.

Работа написана в октябре 1991 г., впервые опубликована в газете «День» в 1992 г.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ КОНТИНЕНТОВ»

(замечания к публикации)

Текст «Великая война континентов» был написан в сентябре-октябре 1991 г. Он представляет собой пересказ некоторых идей французского писателя и геополитика Жана Парвулеско, почерпнутых из его закрытого доклада «Галактика ГРУ», других книг и статей, а также личных разговоров. В этой небольшой работе в сжатой и нарочито конспирологической форме (материал предназначался для популярной многотиражной газеты, где он и вышел в нескольких номерах) изложены несколько разных тем. С одной

стороны, это было первое знакомство российских читателей с основами геополитического метода, который несколько позже я развил в объемном и документированном труде «Основы геополитики», где присутствуют необходимые академические атрибуты — ссылки на первоисточники и переводы основных текстов классиков геополитики. Формат публикации не позволял в той ситуации изложить эти идеи более полно и основательно — отсюда нарочитое упрощение многих тем.

С другой стороны, здесь наличествуют ссылки на различные оккультные организации, на фантастические конспирологические реконструкции «параллельной истории» Грасе д'Орсе, на эзотерические ордена и секретные организации — частично исторические, частично реконструируемые на основании разрозненных данных и приблизительных гипотез. Как и в большинстве работ Жана Парвулеско, трудно провести грань между достоверными фактами и событиями и дедуктивными построениями, а в некоторых случаях — интуициями и догадками. Это придает всему тексту несколько «фантастический» характер, повышая его беллетристическую привлекательность и публицистическую заостренность, но в ущерб фактологической строгости и исторической достоверности. Например, причастность маршала Тухачевского, генерала Аралова или Анатолия Лукьянова к евразийскому «Ордену Полярных», а также связи советской спецслужбы КГБ с «Орденом Танцующей Смерти» — следует воспринимать как метафоры, полезные для систематизации определенных конспирологических данных, но довольно бредовые и совершенно безосновательные, если принимать все за чистую монету. Как и всякая конспирологическая литература, данный текст нуждается в определенном декодировании: эстетическом (если мы рассматриваем ее как продукт постмодерна) и структурном (если мы заинтересованы в вычленении из потока пограничных интуиций содержательного зерна).

Еще одно замечание. Концептуально текст «Великой войны континентов» строится на определенных идейных пристрастиях как Жана Парвулеско, так и автора (по меньшей мере, в то время). Эти пристрастия были предопределены логикой традиционализма, т. е. убежденностью в том, что только сакральная Традиция имеет позитивный смысл, а все стороны «современного мира» следует рассматривать как явления сущностно негативные. Это вполне справедливо и применительно к марксизму и советской идеологии, которые обычно рассматривались традиционалистами как разновидности агрессивных лжеучений «современного мира», направленных на разрушение основ религиозного традиционного общества с ценностями империи, иерархии, сакрализации всех аспектов жизни, в том числе и политической. Из этого проистекает эмоциональный «антикоммунизм» текста, хотя в нем делается попытка (исторически первая для самого автора) отделить в истории СССР позитивный — в глазах традиционалиста — аспект (державность, геополитика, идеократия, имперскость и т. д.) от негативного (марксистский догматизм, эгалитаризм, исторический материализм и т. д.). Жан Парвулеско остался на этой позиции — в классическом ключе западно-европейского традиционализма — вплоть до настоящего времени, тогда как автор проделал со времени написания «Великой войны континентов» существенную идейную эволюцию в сторону расшифровки советского периода истории, и даже марксистской и, шире, социалистической идеологии, как стратегии традиционного общества (пусть и весьма специфического и отчасти гетеродоксального), направленной против наиболее совершенного врплощения «духа современности», выраженного в либерализме, атлантизме, американизме и мондиализме (глобализме). Результатом этой переоценки марксизма, советизма и социалистических идеологий в целом явились следующие книга автора: «Тамплиеры пролетариата», «Русская вещь» (2 т.), отчасти «Философия Политики», а также сотни статей в широкий печати и научных изданиях. В идейном смысле «Великую войну континентов» следует рассматривать как поворотный пункт от классического правого традиционализма к метафизическому анализу в духе философии сменовеховства, национал-большевизма и левого евразийства. Следовательно, презумпции очевидной негативности советской идеологии и ее защиты в лице КГБ утрачивают свой концептуальный смысл и имеют скорее функциональное и структурное значение для построения конспирологической системы в

духе Вильмареста и самого Парвулеско.

И, наконец, тема о заведомо негативной функции КГБ — как в противостоянии с ГРУ, так и в августовском путче 1991. Несмотря на то, что парадоксальным образом некоторые самые отчаянные гипотезы «Великой войны континентов» позднее отчасти подтвердились, обобщающий тезис о КГБ как о «контринициатической» организации явно требует уточнения. Потребность коррекции этого пункта вытекает из принципиального пересмотра отношения автора к советской идеологии (распознанной как «криптотрадиционализм», как еретическая и крайне левая версия «консервативной революции», своего рода, «путь левой руки»), а также из более внимательного изучения истории ЧК, НКВД, КГБ, ФСБ, изобилующей героическими фактами и личностями вполне евразийского формата и темперамента. Сегодня любая критика этой структуры с евразийских позиций представляется неактуальной, и в ситуации дальнейшей геополитической деградации России, произошедшей за 15 лет после написания «Великой войны континентов», ФСБ остается едва ли не единственной структурой, которая при определенных обстоятельствах способна осуществить рывок к возрождению и восстановлению геополитических позиций России — в том случае, конечно, если евразийская идеология возобладает. Можно сказать, что за последние 15 лет «Орден Евразии» существенно изменил свою функциональную структуру, и после серии очевидных неудач и проигрышей нуждается в качественной модернизации (или «постмодернизации») с сохранением, само собой разумеется, неизменного фундаментального тождества и верности духовным корням.

Все эти поправки делают текст «Великой войны континентов», как и несколько других ранних текстов этого издания «Конспирологии» «морально устаревшими» для самого автора, и поэтому я вообще испытывал колебания, включать ли их или нет в состав книги. Попытки переработки текста в соответствии с актуальными позициями автора показали, что в результате появится совершенно иной текст, написанный с чистого листа, с иными темами и в иной форме. Поэтому я остановился на решении вообще ничего не менять в оригинальной редакции, и опубликовать его как есть, снабдив предварительным пояснением. Пусть это будет своего рода историческим документом эпохи конца 80-х — начала 90-х, когда неоевразийская мысль начала впервые заявлять о себе в российском обществе, подыскивая форму и стиль своего выражения. Сегодня такие термины как «геополитика», «евразийство», «традиционализм», «атлантизм», «талассократия», «теллурократия», «конспирология», «мондиализм», «консервативная революция», «национал-большевизм» и т. д. получили широкое хождение, вошли в словари и повседневный лексикон российских политологов и публицистов. Но в 1991 году они были абсолютно никому не известны, и многие из них были введены в оборот автором в публикации «Великой войны континентов».

А.Г. Дугин, Москва, 2005 г.